

ЛЕНИН

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Л Е Н И Н

СОЧИНЕНИЯ

2

ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
IX СЪЕЗДА РКП(б)
и II СЪЕЗДА СОВЕТОВ
СССР

ИНСТИТУТ МАРКСА-ЭНГЕЛЬСА-ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВКП(б)

В. И. ЛЕНИН

СОЧИНЕНИЯ

Издание четвертое

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1946

В. И. ЛЕНИН

ТОМ

2

1895—1897

ПРЕДИСЛОВИЕ

Во второй том входят произведения В. И. Ленина, написанные им в 1895—1897 годах.

Первая группа работ, напечатанных в томе, — «Фридрих Энгельс», «Проект и объяснение программы социал-демократической партии», «Задачи русских социал-демократов» и «От какого наследства мы отказываемся?» — посвящена разработке программных, тактических и организационных задач русских марксистов.

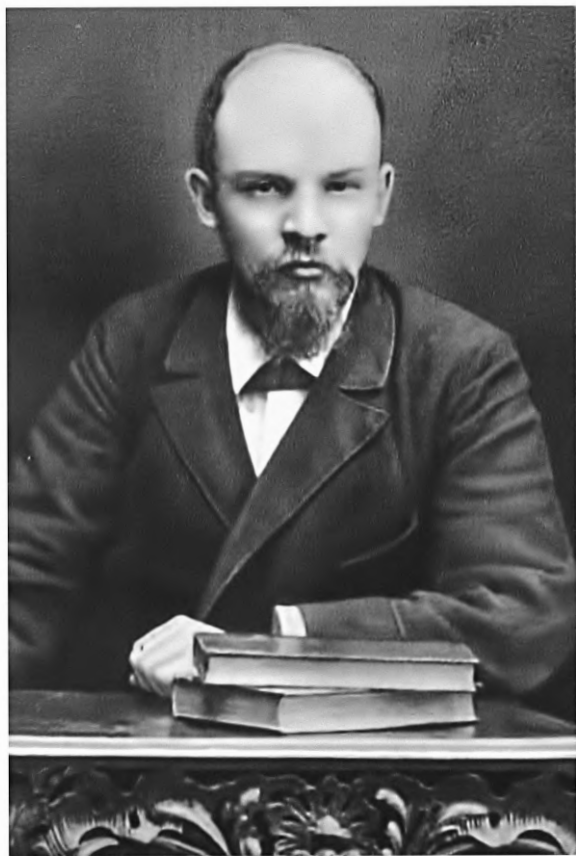
Значительную часть настоящего тома составляют экономические произведения Ленина, направленные против народников: «К характеристике экономического романтизма», «Кустарная перепись 1894/95 года в Пермской губернии и общие вопросы «кустарной» промышленности», «Перлы народнического прожектерства» и др.

В третью группу работ, помещаемых в данном томе, входят агитационные произведения Ленина: брошюры «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах» и «Новый фабричный закон», листовки «К рабочим и работницам фабрики Торнтон» и «Царскому правительству», статья «О чем думают наши министры?»

При подготовке легальных изданий работы «К характеристике экономического романтизма» в 1897 и 1898 годах Ленин, по цензурным соображениям, вынужден был писать вместо слов «теория марксизма» — «новейшая теория»; вместо «Маркс» — «известный немецкий экономист»; вместо «этот социализм» — «это учение» и т. п. При издании этой работы в 1908 году Ленин значительную часть указанных выражений либо исправил в самом

тексте, либо оговорил в сносках. Во 2—3-м изданиях Сочинений эти ленинские исправления были даны в виде подстрочных примечаний. В настоящем издании они внесены в основной текст произведения.

В предыдущих изданиях Сочинений В. И. Ленина работа «Задачи русских социал-демократов» печаталась по копии ленинской рукописи. Эта копия содержит некоторые описки и другие неточности, допущенные переписчиком. В настоящем издании Сочинений работа дается по тексту брошюры издания 1902 года, просмотренному и исправленному Лениным.

В. И. ЛЕНИН

1897

ПРОЛЕТАРИИ ВСѢХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

РАБОТНИКЪ

№. №. 1 и 2.

НЕПЕРИОДИЧЕСКІЙ СВОРНИКЪ

Съ портретомъ Фридриха Энгельса.

Изданіе „Союза Русскихъ Соціалъдемократовъ“.

ЖЕНЕВА

Типографія „Союза Русскихъ Соціалъдемократовъ“.

1896

Титульный листъ сборника «Работникъ»,
в которомъ впервые была напечатана статья-некрологъ В. И. Ленина
«Фридрихъ Энгельсъ». — 1896 г.

Какой светильник разума погас,
Какое сердце биться перестало! ²

5-го августа нового стиля (24 июля) 1895 года скончался в Лондоне Фридрих Энгельс. После своего друга Карла Маркса (умершего в 1883 г.), Энгельс был самым замечательным ученым и учителем современного пролетариата во всем цивилизованном мире. С тех пор, как судьба столкнула Карла Маркса с Фридрихом Энгельсом, жизненный труд обоих друзей сделался их общим делом. Поэтому, для того, чтобы понять, что сделал Фридрих Энгельс для пролетариата, надо ясно усвоить себе значение учения и деятельности Маркса в развитии современного рабочего движения. Маркс и Энгельс первые показали, что рабочий класс с его требованиями есть необходимое порождение современного экономического порядка, который вместе с буржуазией неизбежно создает и организует пролетариат; они показали, что не благожелательные попытки отдельных благородных личностей, а классовая борьба организованного пролетариата избавит человечество от гнетущих его теперь бедствий. Маркс и Энгельс в своих научных трудах первые разъяснили, что социализм не выдумка мечтателей, а конечная цель и необходимый результат развития производительных сил в современном обществе. Вся писаная история до сих пор была историей классовой борьбы, сменой господства и побед одних общественных классов над другими. И это будет продолжаться до тех пор, пока не исчезнут основы классовой борьбы и классового господства — частная собственность и беспорядочное общественное производство. Интересы пролетариата требуют уничтожения этих основ, и потому против них должна быть направлена сознательная

классовая борьба организованных рабочих. А всякая классовая борьба есть борьба политическая.

Эти взгляды Маркса и Энгельса усвоены теперь всем борющимся за свое освобождение пролетариатом, но, когда два друга в 40-х годах приняли участие в социалистической литературе и общественных движениях своего времени, такие воззрения были совершенной новостью. Тогда было много талантливых и бездарных, честных и бесчестных людей, которые, увлекаясь борьбой за политическую свободу, борьбой с самодержавием царей, полиции и попов, не видели противоположности интересов буржуазии и пролетариата. Эти люди не допускали и мысли, чтобы рабочие выступали, как самостоятельная общественная сила. С другой стороны, было много мечтателей, подчас гениальных, думавших, что нужно только убедить правителей и господствующие классы в несправедливости современного общественного порядка, и тогда легко водворить на земле мир и всеобщее благополучие. Они мечтали о социализме без борьбы. Наконец, почти все тогдашние социалисты и вообще друзья рабочего класса видели в пролетариате только *язву*, с ужасом смотрели они, как, с ростом промышленности, растет и эта язва. Поэтому все они думали о том, как бы остановить развитие промышленности и пролетариата, остановить «колесо истории». В противоположность общему страху перед развитием пролетариата, Маркс и Энгельс все свои надежды возлагали на непрерывный рост пролетариата. Чем больше пролетариев, тем больше их сила, как революционного класса, тем ближе и возможнее социализм. В немногих словах заслуги Маркса и Энгельса перед рабочим классом можно выразить так: они научили рабочий класс самопознанию и самосознанию, и на место мечтаний поставили науку.

Вот почему имя и жизнь Энгельса должны быть знакомы каждому рабочему, вот почему в нашем сборнике, цель которого, как и всех наших изданий, будить классовое самосознание в русских рабочих, мы должны дать очерк жизни и деятельности Фридриха Энгельса, одного из двух великих учителей современного пролетариата.

Энгельс родился в 1820 году в г. Бармене, в Рейнской провинции прусского королевства. Отец его был фабрикантом. В 1838 году Энгельс семейными обстоятельствами был вынужден, не кончив гимназии, поступить в приказ-

чики одного бременского торгового дома. Занятия купеческим делом не помешали Энгельсу работать над своим научным и политическим образованием. Еще гимназистом возненавидел он самодержавие и произвол чиновников. Занятия философией повели его дальше. В то время в немецкой философии господствовало учение Гегеля, и Энгельс сделался его последователем. Хотя сам Гегель был поклонником самодержавного прусского государства, на службе которого он состоял в качестве профессора Берлинского университета, — учение Гегеля было революционным. Вера Гегеля в человеческий разум и его права и основное положение гегелевской философии, что в мире происходит постоянный процесс изменения и развития, привели тех учеников берлинского философа, которые не хотели мириться с действительностью, к мысли, что и борьба с действительностью, борьба с существующей неправдой и царящим злом коренится в мировом законе вечного развития. Если все развивается, если одни учреждения сменяются другими, почему же вечно будут продолжаться самодержавие прусского короля или русского царя, обогащение ничтожного меньшинства на счет огромного большинства, господство буржуазии над народом? Философия Гегеля говорила о развитии духа и идей, она была *идеалистической*. Из развития духа она выводила развитие природы, человека и людских, общественных отношений. Маркс и Энгельс, удержав мысль Гегеля о вечном процессе развития*, отбросили предвзятое идеалистическое воззрение; обратившись к жизни, они увидели, что не развитие духа объясняет развитие природы, а наоборот — дух следует объяснить из природы, материи... В противоположность Гегелю и другим гегельянам, Маркс и Энгельс были материалистами. Взглянув материалистически на мир и человечество, они увидели, что как в основе всех явлений природы лежат причины материальные, так и развитие человеческого общества обуславливается развитием материальных, производительных сил. От развития производительных сил зависят отношения, в которые становятся люди друг к другу при

* Маркс и Энгельс не раз указывали, что они в своем умственном развитии многим обязаны великим немецким философам и в частности Гегелю. «Без немецкой философии, — говорит Энгельс, — не было бы и научного социализма»².

производстве предметов, необходимых для удовлетворения человеческих потребностей. И в этих отношениях — объяснение всех явлений общественной жизни, человеческих стремлений, идей и законов. Развитие производительных сил создает общественные отношения, опирающиеся на частную собственность, но теперь мы видим, как то же развитие производительных сил отнимает собственность у большинства и сосредоточивает ее в руках ничтожного меньшинства. Оно уничтожает собственность, основу современного общественного порядка, оно само стремится к той же цели, которую поставили себе социалисты. Социалистам надо только понять, какая общественная сила, по своему положению в современном обществе, заинтересована в осуществлении социализма, и сообщить этой силе сознание ее интересов и исторической задачи. Такая сила — пролетариат. С ним Энгельс познакомился в Англии, в центре английской промышленности, Манчестере, куда он перебрался в 1842 году, поступив на службу в торговый дом, одним из пайщиков которого был его отец. Здесь Энгельс не только сидел в фабричной конторе, — он ходил по грязным кварталам, где ютились рабочие, сам своими глазами видел их нищету и бедствия. Но он не удовольствовался личными наблюдениями, он прочел все, что было найдено до него о положении английского рабочего класса, он тщательно изучил все доступные ему официальные документы. Плодом этих изучений и наблюдений была вышедшая в 1845 году книга: «Положение рабочего класса в Англии»⁴. Мы уже упомянули выше, в чем главная заслуга Энгельса, как автора «Положения рабочего класса в Англии». И до Энгельса очень многие изображали страдания пролетариата и указывали на необходимость помочь ему. Энгельс *первый* сказал, что пролетариат *не только* страдающий класс; что именно то позорное экономическое положение, в котором находится пролетариат, неудержимо толкает его вперед и заставляет бороться за свое конечное освобождение. А борющийся пролетариат *сам поможет себе*. Политическое движение рабочего класса неизбежно приведет рабочих к сознанию того, что у них нет выхода вне социализма. С другой стороны, социализм будет только тогда силой, когда он станет целью *политической* борьбы рабочего класса. Вот основные мысли книги

Энгельса о положении рабочего класса в Англии, мысли, теперь усвоенные всем мыслящим и борющимся пролетариатом, но тогда совершенно новые. Эти мысли были изложены в книге, увлекательно написанной, полной самых достоверных и потрясающих картин бедствий английского пролетариата. Книга эта была ужасным обвинением капитализма и буржуазии. Впечатление, произведенное ею, было очень велико. На книгу Энгельса стали всюду ссылаться как на лучшую картину положения современного пролетариата. И действительно, ни до 1845 года, ни позже не появлялось ни одного столь яркого и правдивого изображения бедствий рабочего класса.

Социалистом Энгельс сделался только в Англии. В Манчестере он вступил в связь с деятелями тогдашнего английского рабочего движения и стал писать в английских социалистических изданиях. В 1844 году, возвращаясь в Германию, он по пути познакомился в Париже с Марксом, с которым уже раньше у него завязалась переписка. Маркс в Париже под влиянием французских социалистов и французской жизни сделался тоже социалистом. Здесь друзья сообща написали книгу: «Святое семейство, или критика критической критики»⁵. В этой книге, вышедшей за год до «Положения рабочего класса в Англии» и написанной большей частью Марксом, заложены основы того революционно-материалистического социализма, главные мысли которого мы изложили выше. «Святое семейство» — шуточное прозвание философов братьев Бауэров с их последователями. Эти господа проповедывали критику, которая стоит выше всякой действительности, выше партий и политики, отрицает всякую практическую деятельность и лишь «критически» созерцает окружающий мир и происходящие в нем события. Господа Бауэры свысока судили о пролетариате, как о некритической массе. Против этого вадорного и вредного направления решительно восстали Маркс и Энгельс. Во имя действительной человеческой личности — рабочего, попираемого господствующими классами и государством, они требуют не созерцания, а борьбы за лучшее устройство общества. Силу, способную вести такую борьбу и заинтересованную в ней, они видят, конечно, в пролетариате. Еще до «Святого семейства» Энгельс напечатал в «Немецко-Французском

Журнале»⁶ Маркса и Ругэ «Критические очерки по политической экономии»⁷, в которых с точки зрения социализма рассмотрел основные явления современного экономического порядка, как необходимые последствия господства частной собственности. Общение с Энгельсом бесспорно содействовало тому, что Маркс решил заняться политической экономией, той наукой, в которой его труды произвели целый переворот.

Время от 1845 по 1847 г. Энгельс провел в Брюсселе и Париже, соединяя научные занятия с практической деятельностью в среде немецких рабочих Брюсселя и Парижа. Тут у Энгельса и Маркса завязались отношения с тайным немецким «Союзом коммунистов»⁸, который поручил им изложить основные начала выработанного ими социализма. Так возник напечатанный в 1848 году знаменитый «Манифест коммунистической партии» Маркса и Энгельса. Эта небольшая книжечка стоит целых томов: духом ее живет и движется до сих пор весь организованный и борющийся пролетариат цивилизованного мира.

Революция 1848 г., разразившаяся сперва во Франции, а потом распространившаяся и на другие страны Западной Европы, привела Маркса и Энгельса на родину. Здесь, в Рейнской Пруссии, они стали во главе демократической «Новой Рейнской Газеты»⁹, издававшейся в Кельне. Оба друга были душой всех революционно-демократических стремлений в Рейнской Пруссии. До последней возможности отстаивали они интересы народа и свободы от реакционных сил. Последние, как известно, одолели. «Новая Рейнская Газета» была запрещена, Маркс, потерявший за время своей эмигрантской жизни права прусского подданного, был выслан, а Энгельс принял участие в вооруженном народном восстании, в трех сражениях бился за свободу и после поражения повстанцев бежал через Швейцарию в Лондон.

Там же поселился и Маркс. Энгельс вскоре снова сделался приказчиком, а потом и пайщиком того торгового дома в Манчестере, в котором он служил в 40-х годах. До 1870 года он жил в Манчестере, а Маркс в Лондоне, что не мешало им находиться в самом живом духовном общении: они почти ежедневно переписывались. В этой переписке друзья обменивались своими взглядами и знаниями и продолжали сообща вырабатывать научный социализм.

В 1870 г. Энгельс перебрался в Лондон, и до 1883 г., когда скончался Маркс, продолжалась их совместная духовная жизнь, полная напряженной работы. Плодом ее были — со стороны Маркса — «Капитал», величайшее политико-экономическое произведение нашего века, со стороны Энгельса — целый ряд крупных и мелких сочинений. Маркс работал над разбором сложных явлений капиталистического хозяйства. Энгельс в весьма легко написанных, нередко полемических работах освещал самые общие научные вопросы и разные явления прошлого и настоящего — в духе материалистического понимания истории и экономической теории Маркса. Из этих работ Энгельса назовем: — полемическое сочинение против Дюринга (здесь разобраны величайшие вопросы из области философии, естествознания и общественных наук)*, «Происхождение семьи, собственности и государства» (перев. на русский яз., издано в С.-Петербурге, 3-е изд., 1895)¹¹, «Людвиг Фейербах» (русский перевод с примеч. Г. Плеханова, Женева, 1892)¹², статья об иностранной политике русского правительства (переведена на русский язык в женевском «Социаль-Демократе» №№ 1 и 2)¹³, замечательные статьи о квартирном вопросе¹⁴, наконец, две маленькие, но очень ценные статьи об экономическом развитии России («Фридрих Энгельс о России», перев. на русский язык В. И. Засулич, Женева, 1894)¹⁵. Маркс умер, не успев окончательно обработать свой огромный труд о капитале. Вчерне, однако, он был уже готов, и вот Энгельс после смерти друга принялся за тяжелый труд обработки и издания II и III тома «Капитала». В 1885 г. он издал II-ой, в 1894 г. III-й том (IV-й том он не успел обработать)¹⁶. Работы над этими двумя томами потребовалось очень много. Австрийский социал-демократ Адлер верно заметил, что изданием II-го и III-го томов «Капитала» Энгельс соорудил своему гениальному другу величественный памятник, на котором невольно неизгладимыми чертами вырезал свое собственное имя. Действительно, эти два тома «Капитала» — труд двоих: Маркса и Энгельса. Старинные предания рассказывают о разных

* Это удивительно содержательная и поучительная книга. Из нее, к сожалению, на русский язык переведена только небольшая часть, содержащая исторический очерк развития социализма («Развитие научного социализма», 2-ое изд., Женева, 1892)¹⁰.

трогательных примерах дружбы. Европейский пролетариат может сказать, что его наука создана двумя учеными и борцами, отношения которых превосходят все самые трогательные сказания древних о человеческой дружбе. Энгельс всегда, — и, в общем, совершенно справедливо, — ставил себя позади Маркса. «При Марксе, — писал он одному старому приятелю, — я играл вторую скрипку»¹⁷. Его любовь к живому Марксу и благоговение перед памятью умершего были беспредельны. Этот суровый борец и строгий мыслитель имел глубоко любящую душу.

После движения 1848—1849 гг. Маркс и Энгельс в изгнании занимались не одной только наукой. Маркс создал в 1864 г. «Международное общество рабочих» и в течение целого десятилетия руководил этим обществом. Живое участие в его делах принимал также и Энгельс. Деятельность «Международного общества», соединявшего, по мысли Маркса, пролетариев всех стран, имела огромное значение в развитии рабочего движения. Но и с закрытием в 70-х годах «Международного общества» объединяющая роль Маркса и Энгельса не прекратилась. Наоборот, можно сказать, что значение их, как духовных руководителей рабочего движения, постоянно возрастало, потому что непрерывно росло и само движение. После смерти Маркса Энгельс один продолжал быть советником и руководителем европейских социалистов. К нему одинаково обращались за советами и указаниями и немецкие социалисты, сила которых, несмотря на правительственные преследования, быстро и непрерывно увеличивалась, и представители отсталых стран, — напр., испанцы, румыны, русские, которым приходилось обдумывать и взвешивать свои первые шаги. Все они черпали из богатой сокровищницы знаний и опыта старого Энгельса.

Маркс и Энгельс, оба знавшие русский язык и читавшие русские книги, живо интересовались Россией, с сочувствием следили за русским революционным движением и поддерживали сношения с русскими революционерами. Оба они сделали социалистами из *демократов*, и демократическое чувство *ненависти* к политическому произволу было в них чрезвычайно сильно. Это непосредственное политическое чувство вместе с глубоким теоретическим пониманием связи политического произвола с экономи-

ческим угнетением, а также богатый жизненный опыт сделали Маркса и Энгельса необычайно чуткими именно в *политическом* отношении. Поэтому героическая борьба малочисленной кучки русских революционеров с могущественным царским правительством находила в душах этих испытанных революционеров самый сочувственный отклик. Наоборот, поползновение ради мнимых экономических выгод отворачиваться от самой непосредственной и важной задачи русских социалистов — завоевания политической свободы — естественно являлось в их глазах подозрительным и даже прямо считалось ими изменой великому делу социальной революции. «Освобождение пролетариата должно быть его собственным делом», — вот чему постоянно учили Маркс и Энгельс. А для того, чтобы бороться за свое экономическое освобождение, пролетариат должен завоевать себе известные *политические* права. Кроме того, и Маркс и Энгельс ясно видели, что и для западно-европейского рабочего движения политическая революция в России будет иметь огромное значение. Самодержавная Россия всегда была оплотом всей европейской реакции. Необыкновенно выгодное международное положение, в которое поставила Россию война 1870 года, надолго поселившая раздор между Германией и Францией, конечно, только увеличило значение самодержавной России, как реакционной силы. Только свободная Россия, не нуждающаяся ни в угнетении поляков, финляндцев, немцев, армян и прочих мелких народов, ни в постоянном стравливании Франции с Германией, даст современной Европе свободно вздохнуть от военных тягостей, ослабит все реакционные элементы в Европе и увеличит силу европейского рабочего класса. Вот почему Энгельс и для успехов рабочего движения на Западе горячо желал водворения в России политической свободы. Русские революционеры потеряли в нем своего лучшего друга.

Вечная память Фридриху Энгельсу, великому борцу и учителю пролетариата!

ОБЪЯСНЕНИЕ ЗАКОНА О ШТРАФАХ,
ВЗИМАЕМЫХ С РАБОЧИХ
НА ФАБРИКАХ И ЗАВОДАХ¹⁸

Написано осенью 1895 г.

*Впервые напечатано отдельной
брошюрой в Петербурге,
1895 г.*

*Печатается по изданию 1895 г.,
сверенному с изданием 1897 г.*

ОБЪЯСНЕНІЕ
ЗАКОНА
О
ШТРАФАХЪ, ВЗИМАЕМЫХЪ
СЪ
рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ.

ХЕРСОНЪ.
Типографія К. Н. Субботина, Екатерин. ул. д. Каликина.
1895.

I

ЧТО ТАКОЕ ШТРАФЫ?

Если спросить рабочего, знает ли он, что такое штрафы, то он, пожалуй, удивится такому вопросу. Как же ему не знать штрафов, когда постоянно приходится платить их? Об чем тут спрашивать?

Но это только кажется, будто тут нечего и спрашивать. А на самом деле большинство рабочих не имеет правильного понятия о штрафах.

Обыкновенно думают, что штраф это — платеж хозяину за убыток, причиненный ему рабочим. — Это неверно. — Штраф и вознаграждение за убыток — две различные вещи. Если один рабочий причинил какой-нибудь убыток другому рабочему, — он может требовать вознаграждение за убыток (напр., за испорченную материю), но не может оштрафовать его. Точно так же, если один фабрикант причинит убыток другому (напр., не поставит в срок товара), то фабрикант может требовать вознаграждение, но не может оштрафовать другого фабриканта. — Вознаграждения за убыток требуют от человека равного, а штрафовать можно только человека подчиненного. Поэтому, вознаграждение за убыток надо требовать судом, а штраф назначается хозяином без суда. Штраф назначается иногда в таких случаях, когда никакого убытку хозяину не было: напр., штраф за курение табаку. Штраф есть наказание, а не вознаграждение за убыток. Если рабочий, скажем, варонил при курении и сжег хозяйскую материю, то хозяин не только оштрафует его за курение, но еще сверх того вычтет за сожженную материю. На этом примере ясно видно отличие штрафа от вознаграждения за убыток.

Назначение штрафов — не вознаграждать за убыток, а создать дисциплину, т. е. подчинение рабочих хозяину, заставить рабочих исполнять хозяйские приказания, слушаться его во время работы. — Закон о штрафах так и говорит: штраф есть «денежное взыскание, налагаемое в видах поддержания порядка собственной властью заведующих фабрикой». И величина штрафа зависит, поэтому, не от величины убытка, а от степени неисправности рабочего: штраф тем больше, чем больше неисправность, чем крупнее неповиновение хозяину, отступление от хозяйских требований. Если кто идет работать на хозяина, то понятно, что он становится человеком подневольным; он должен хозяина слушаться, и хозяин его может наказывать. — Крепостные крестьяне работали на помещиков, и помещики их наказывали. — Рабочие работают на капиталистов, и капиталисты их наказывают. — Разница вся только в том, что прежде подневольного человека били дубьем, а теперь его бьют рублем.

Против этого, пожалуй, возражат: скажут, что общая работа массы рабочих на фабрике или заводе невозможна без дисциплины: необходим порядок в работе, необходимо следить за этим порядком и наказывать нарушителей. Поэтому — скажут — штрафы берутся не потому, что рабочие — народ подневольный, а потому, что совместная работа требует порядка.

Такое возражение совершенно неправильно, хотя с первого взгляда оно могло бы ввести в заблуждение. Приводят это возражение только те, кто хочет скрыть от рабочих их подневольное положение. Порядок, действительно, необходим при всякой общей работе. Но разве необходимо, чтобы люди работающие подчинены были произволу фабрикантов, т. е. людей, которые сами не работают и сильны только потому, что забрали в руки все машины, орудия и материалы? Общей работы нельзя вести без порядка, без того, чтобы все подчинялись этому порядку; но общую работу можно вести и без подчинения рабочих фабрикантам и заводчикам. Общая работа требует, действительно, наблюдения за порядком, но она вовсе не требует, чтобы власть наблюдать за другими доставалась всегда тому, кто сам не работает, а живет чужим трудом. — Отсюда видно, что штрафы берутся не потому, что люди ведут общую работу, а потому, что

при теперешних капиталистических порядках весь рабочий люд не имеет никакой собственности: все машины, орудия, сырые материалы, земля, хлеб находятся в руках богачей. Рабочие должны продаваться им, чтобы не умереть с голоду. А продавшись, они, разумеется, уже обязаны подчиняться им и терпеть от них наказания.

Это должен уяснить себе каждый рабочий, который хочет понимать, что такое штрафы. Необходимо знать это, чтобы опровергнуть обыкновенное (и очень ошибочное) рассуждение, будто штрафы необходимы, так как без них невозможна, будто бы, общая работа. Необходимо знать это, чтобы уметь объяснить каждому рабочему, чем отличается штраф от вознаграждения за убыток и почему штрафы означают подневольное положение рабочих, подчинение их капиталистам.

II

КАК ПРЕЖДЕ НАЛАГАЛИСЬ ШТРАФЫ И ЧЕМ БЫЛИ ВЫЗВАНЫ НОВЫЕ ЗАКОНЫ О ШТРАФАХ?

Законы о штрафах существуют недавно: всего девять лет. До 1886 года не было никаких законов о штрафах. — Фабриканты могли брать штрафы, за что хотели и в каком угодно количестве. Фабриканты брали тогда штрафы в безобразных размерах и наживали на штрафах громадные доходы. — Штрафы назначались иногда просто «по усмотрению хозяина», без указания причины штрафа. — Штрафы доходили иногда *до половины заработка*, так что рабочий из заработанного рубля отдавал хозяину пятьдесят копеек в виде штрафов. — Бывали такие случаи, что сверх штрафов назначалась еще неустойка; напр., 10 рублей за оставление фабрики. Всякий раз, когда у фабриканта дела шли плохо, — ему ничего не стоило сбавить плату вопреки условию. — Он заставлял мастеров строже брать штрафы и браковать товар: выходило на то же, как если бы рабочему сбавили плату.

Долго терпели рабочие все эти притеснения, но по мере того, как более и более развивались крупные заводы и фабрики, особенно ткацкие, вытесняя мелкие заведения и ручных ткачей, — возмущение рабочих против произвола и притеснений становилось все сильнее. Лет десять

тому назад в делах купцов и фабрикантов наступила *заминка*, так называемый кризис: товар не шел с рук; фабриканты несли убытки и стали еще сильнее налегать на штрафы. Рабочие, заработки которых и без того были плохи, не могли уже снести новых притеснений, и вот в губерниях Московской, Владимирской и Ярославской начались в 1885—1886 годах рабочие бунты. Выведенные из терпения рабочие прекращали работу и страшно мстили притеснителям, разрушая фабричные здания и машины, иногда поджигая их, избивая администрацию и т. п.

Особенно замечательна из всех этих стачек — стачка на известной Никольской мануфактуре Тимофея Саввича Морозова (в местечке Никольском, у станции Орехово, Московско-Нижегородской ж. д.). С 1882 года Морозов стал сбавлять плату, и до 1884 года было пять сбавок. В то же время становились все строже и строже штрафы: по всей фабрике они составляли почти четверть заработка (24 копейки штрафов на заработанный рубль), а иногда доходили у отдельных рабочих до половины заработка. Чтобы скрыть такие безобразные штрафы, контора в последний год перед погромом поступала так: тех рабочих, у которых штрафы достигали половины заработка, она заставляла брать расчет, а потом хоть в тот же день рабочие эти могли опять поступать на работы и получать новую книжку. Посредством этого книжки, где были записаны очень уж большие штрафы, уничтожались. — При прогулах вычитали 3 дня за один прогульный день, за курение штрафовали по 3, 4 и 5 руб. за раз. Выведенные из терпения, рабочие 7 января 1885 г. бросили работу, и в течение нескольких дней разгромили фабричную лавку, квартиру мастера Шорина и некоторые другие фабричные здания. Этот страшный бунт десятка тысяч рабочих (число рабочих доходило до 11 000 человек) чрезвычайно напугал правительство: в Орехово-Зуево явились тотчас же войска, губернатор, прокурор из Владимира, прокурор из Москвы. — Во время переговоров со стачечниками из толпы были переданы начальству «условия, составленные самими рабочими», в которых рабочие требовали, чтобы им вернули штрафы с Пасхи 1884 г., чтобы штрафы впредь не превышали 5% заработка, т. е. составляли не более 5 коп. с заработанного рубля, чтобы

за прогул одного дня брали не более 1 рубля. Кроме того, рабочие требовали возвращения к заработку 1881—1882 гг., требовали, чтобы хозяин платил за прогульные по его вине дни, чтобы полный расчет выдавался по предупреждению за 15 дней, чтобы прием товара производился при свидетелях из рабочих и т. д.

Эта громадная стачка произвела очень сильное впечатление на правительство, которое увидало, что рабочие, когда они действуют вместе, представляют опасную силу, особенно когда масса совместно действующих рабочих выставляет прямо свои требования. Фабриканты тоже почуяли силу рабочих и стали поосторожнее. — В газете «Новое Время»¹⁹ сообщали, напр., из Орехова-Зуева: «Прошлогодний погром (т. е. погром в январе 1885 г. у Морозова) имеет то значение, что сразу изменил старые фабричные порядки, как на орехово-зуевских фабриках, так и в окрестности». Значит, не только хозяева морозовской фабрики должны были изменить безобразные порядки, когда рабочие сообща потребовали их отмены, но даже соседние фабриканты пошли на уступки, боясь и у себя погромов. «Главное — то, — писали в той же газете, — что теперь установилось более человеческое отношение к рабочим, чем прежде отличались немногие из фабричных администраторов».

Даже «Московские Ведомости»²⁰ (эта газета всегда защищает фабрикантов и винит во всем самих рабочих) поняли невозможность сохранить старые порядки и должны были признать, что произвольные штрафы — «зло, ведущее к возмутительнейшим злоупотреблениям», что «фабричные лавки — сущий грабеж», что необходимо, поэтому, установить закон и правила о штрафах.

Громадное впечатление, произведенное этой стачкой, усилилось еще благодаря суду над рабочими. За буйство во время стачки, за нападение на военный караул (часть рабочих была арестована во время стачки и заперта в одном здании, но рабочие сломали дверь и ушли) 33 рабочих было предано суду. Суд состоялся во Владимире, в мае 1886 г. Присяжные оправдали всех подсудимых, так как на суде показания свидетелей, — в том числе хозяина фабрики, Т. С. Морозова, директора Дианова и многих ткачей-рабочих, — выяснили все безобразные притеснения, которым подвергались рабочие. Этот приговор

суда явился прямым осуждением не только Морозова и его администрации, но и всех вообще старых фабричных порядков.

Защитники фабрикантов страшно переполошились и озабочились. Те самые «Московские Ведомости», которые после погрома признавали безобразие старых порядков, теперь заговорили совсем другое: «Никольская мануфактура принадлежит», дескать, «к числу лучших мануфактур. Рабочие не состоят к фабрике ни в каких крепостных или обязательных отношениях, приходят они добровольно и уходят беспрепятственно. Штрафы — но штрафы на фабриках необходимость; без них не было бы никакого сладу с рабочими, и фабрику хоть закрывай». — Вся вина, дескать, самих рабочих, «распущенных, пьяных и небрежных». Приговор суда может только «развращать народные массы»*. — «Но с народными массами шутить опасно, — восклицали «Московские Ведомости». — Что должны подумать рабочие ввиду оправдательного приговора Владимирского суда? Весть об этом решении мгновенно облетела весь этот мануфактурный край. Наш корреспондент, выехавший из Владимира тотчас после состоявшегося приговора, уже слышал о нем на всех станциях...»

Таким образом, фабриканты старались запугать правительство: если, дескать, уступить рабочим в одном, то они завтра потребуют другого.

Но погромы рабочих были еще страшнее, и правительству пришлось уступить.

В июне 1886 г. вышел новый закон о штрафах, который указал случаи, когда позволительно брать штрафы, определил крайнюю величину штрафов и постановил, что штрафные деньги должны идти не в карман фабриканта, а на нужды самих рабочих.

Многие рабочие не знают этого закона, а те, которые знают, думают, что облегчение в штрафах вышло от правительства, что надо быть благодарным за это облегчение начальству. Мы видели, что это неправда. — Как

* Фабриканты и их защитники всегда смотрели и смотрят так, что если рабочие начинают думать о своем положении, начинают добиваться своих прав и сообща сопротивляться безобразиям и притеснениям ховяев, — то все это один только «равврат». — Конечно, для ховяев выгоднее, чтобы рабочие не думали о своем положении и не понимали своих прав,

ни безобразны были старые фабричные порядки, — начальство ровно ничего не сделало для облегчения рабочих, покуда рабочие не начали бунтовать против них, покуда озлобленные рабочие не дошли до того, что стали ломать фабрики и машины, жечь товары и материалы, бить администрацию и фабрикантов. — *Только тогда правительство испугалось и уступило.* — Рабочие должны благодарить за облегчение не начальство, а своих товарищей, которые добивались и добились отмены безобразных притеснений.

История погромов 1885 года показывает нам, какая громадная сила заключается в соединенном протесте рабочих. — Необходимо только позаботиться о том, чтобы эта сила употреблялась сознательнее, чтобы она не тратилась даром, на месть тому или другому отдельному фабриканту или заводчику, на погром той или другой ненавистой фабрики или завода, чтобы вся сила этого возмущения и этой ненависти направлялась против всех фабрикантов, заводчиков вместе, против всего *класса* фабрикантов и заводчиков, и шла на постоянную, упорную борьбу с ним.

Рассмотрим теперь подробно наши законы о штрафах. Чтобы ознакомиться с ними, надо разобрать следующие вопросы: 1) В каких случаях или по каким поводам разрешает закон налагать штрафы? — 2) Каков по закону должен быть размер штрафов? 3) Каков порядок наложения штрафов указан в законе? — т. е. кто по закону может назначать штраф? можно ли жаловаться на это? каким образом рабочему должно наперед объявить табель о штрафах? как должно записывать штрафы в книгу? — 4) На что должны идти, по закону, штрафные деньги? где они хранятся? каким образом расходуются на нужды рабочих и на какие именно нужды? Наконец, последний вопрос 5) На всех ли рабочих распространяется закон о штрафах?

Когда мы разберем все эти вопросы, мы будем знать не только, что такое штраф, но и все особенные правила и подробные постановления русских законов о штрафах. А знать это необходимо рабочим, чтобы сознательно относиться к каждому случаю несправедливых штрафов, чтобы уметь разъяснить товарищам, почему существует та или другая несправедливость, — потому ли, что

начальство фабрики нарушает закон, или потому, что в самом законе существуют такие несправедливые правила, — и чтобы сообразно с этим уметь выбрать подходящую форму борьбы против притеснений.

III

ПО КАКИМ ПОВОДАМ ФАБРИКАНТ МОЖЕТ НАЛАГАТЬ ШТРАФЫ?

Закон говорит, что поводы наложения штрафов, т. е. провинности, за которые хозяин фабрики или завода вправе штрафовать рабочих, могут быть следующие: 1) неисправная работа; 2) прогул; 3) нарушение порядка. «Никакие взыскания — сказано в законе — не могут быть налагаемы по другим поводам*». Рассмотрим внимательно каждый из этих трех поводов отдельно.

Первый повод — неисправная работа. В законе сказано: «Неисправной работой считается производство рабочим, по небрежности, недоброкачественных изделий, порча им при работе материалов, машин и иных орудий производства». Надо запомнить тут слова: «по небрежности». Они очень важны. — Штраф можно налагать, значит, только за небрежность. Если изделие вышло недоброкачественным не по небрежности рабочего, а, например, потому, что хозяин дал плохой материал, — тогда фабрикант не имеет права налагать штраф. Необходимо, чтобы рабочие хорошо поняли это, и в случае наложения штрафа за неисправную работу, когда неисправность произошла не по вине рабочего, не по его небрежности, заявляли протест, потому что в таком случае штрафовать — прямо незаконно. — Возьмем еще пример: работает заводский рабочий на станке около электрической лампочки. Отлетает кусок железа, попадает прямо в лампочку и разбивает ее. Хозяин пишет штраф: «за порчу материалов». Имеет ли он на это право? Нет, не имеет, потому что рабочий не по небрежности разбил лампочку: рабочий не виноват, что ничем не защитили

* Закон, о котором мы говорим, есть «Устав о промышленности», который входит во вторую часть одиннадцатого тома русского «Свода законов». — Закон налагается в отдельных статьях, которые перенумерованы. — О штрафах говорят статьи 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151 и 152.

лампочку от кусков железа, которые всегда отлетают при работе*.

Спрашивается теперь, достаточно ли охраняет этот закон рабочего? защищает ли он его от произвола хозяина и несправедливого наложения штрафов? Конечно, нет, потому что хозяин по своему усмотрению решает, доброкачественно изделие или недоброкачественно; всегда возможны придирки, всегда возможно, что хозяин усилит штрафы за недоброкачественность и станет посредством их выгонять больше работы за ту же плату. — Закон оставляет рабочего беззащитным, оставляет хозяину возможность притеснений. Ясно, что закон пристрастен, составлен к выгоде фабрикантов и несправедлив.

Каким образом следовало бы защитить рабочего? Рабочие давно уже указали это: ткачи на Никольской фабрике Морозова, во время стачки 1885 г., предъявили требование, между прочим, такое: «устанавливать доброкачественность или недоброкачественность товара при сдаче его, в случае разногласия, со свидетелями из рабочих, которые работают поблизости, с записью всего этого в товарную приемную книгу». (Это требование было записано в тетради, составленной «по общему согласию рабочих» и переданной из толпы во время стачки прокурору. — Тетрадь эта читалась на суде.) Требование это совершенно справедливое, потому что не может быть иного способа предупредить произвол хозяина, как привлечь свидетелей, когда возникает спор о доброкачественности товара, и притом свидетели эти должны быть непременно из рабочих: мастера или служащие никогда не посмели бы идти против хозяина.

Второй повод наложения штрафов — прогул. Что называет закон прогулом? «Прогулом — сказано в законе — в отличие от несвоевременной явки на работу или самовольной отлучки с нее, считается неявка на работу в течение не менее половины рабочего дня». Несвоевременная явка на работу или самовольная отлучка считается

* Такой именно случай был в Петербурге, в порту (новом Адмиралтействе), командир которого, Верховский, известен своими притеснениями рабочих. После стачки рабочих он заменил штрафы за разбитие лампочки вычетами за разбитую лампочку со всех рабочих мастерской. Понятно, что эти вычеты так же неканонны, как и штрафы.

по закону, как мы сейчас увидим, «нарушением порядка», и штраф налагается за это меньший. Если рабочий пришел в завод, опоздавши на несколько часов, но все-таки раньше полудня, это не будет прогулом, а только нарушением порядка; если же он пришел только к полудню, — тогда это прогул. — Точно так же, если рабочий самовольно, без разрешения ушел с работы после полудня, т. е. пропустил несколько часов — тогда это будет нарушением порядка, а если он ушел на целые полдня — то это прогул. — В законе постановлено, что если рабочий прогуляет более трех дней подряд или в сложности более шести дней в месяц, — то фабрикант вправе рассчитать его. — Спрашивается, всегда ли пропуск половины или целого дня считается прогулом? — Нет. — Только тогда, когда не было уважительных причин неявки на работу. Уважительные причины неявки перечислены в законе. Они следующие: 1) «лишение рабочего свободы». Значит, если рабочего, например, арестуют (по приказу полиции или по приговору мирового судьи), то фабрикант не вправе при расчете поставить штрафа за прогул, 2) «внезапное разорение от несчастного случая», 3) «пожар», 4) «разлив рек». Напр., если рабочий при весенней распутице не может перебраться через реку, — то фабрикант не вправе штрафовать его, 5) «болезнь, лишающая возможности отлучиться из дому», и 6) «смерть или тяжкая болезнь родителей, мужа, жены и детей». Во всех этих шести случаях неявка рабочего считается уважительной. Чтобы не быть оштрафованным за прогул, рабочему только следует позаботиться о доказательстве: на слово ему не поверят в конторе, что он не явился по уважительной причине. Необходимо взять свидетельство врача (в случае, напр., болезни) или полиции (в случае, напр., пожара). Если нельзя достать свидетельство тотчас, следует принести его хотя бы и позже и требовать на основании закона, чтобы штраф не был назначаем, а если он уже назначен, то чтобы был сложен.

По поводу этих правил закона об уважительных причинах неявки необходимо заметить, что правила эти так суровы, как будто бы они относились к солдатам в казарме, а не к свободным людям. Правила эти списаны с правил о законных причинах неявки в суд: если кто-нибудь обвиняется в каком-нибудь преступлении, то его

вызывает судебный следователь, и обвиняемый обязан явиться. Неявка разрешается только именно в тех случаях, когда разрешается неявка рабочих*. Значит, закон относится к рабочим так же строго, как ко всяким мошенникам, ворам и т. п. Всякий понимает, почему так строги правила о явке в суд, — потому что преследование преступлений касается всего общества. Но явка рабочего на работу вовсе не касается всего общества, а только одного фабриканта, и притом одного рабочего легко заменить другим, чтобы работа не останавливалась. Значит, не было никакой надобности в такой военной строгости законов. Но капиталисты не ограничиваются тем, что отнимают у рабочего все время для работы на фабрике; они хотят также отнять у рабочего всякую волю, всякие другие интересы и помыслы, как только о фабрике. С рабочим обращаются, как с человеком подневольным. — Поэтому и составляют такие казарменные, канцелярски-придирчивые правила. Напр., мы видели сейчас, что уважительной причиной неявки закон признает «смерть или тяжкую болезнь родителей, мужа, жены и детей». — Так сказано в законе о явке в суд. — Точно так же сказано и в законе о явке рабочего на работу. Значит, если у рабочего умрет, напр., не жена, а сестра, — то рабочий не смеет пропустить рабочего дня, не смеет тратить времени на похороны: время принадлежит не ему, а фабриканту. А похоронить может и полиция, — стоит ли об этом заботиться. По закону о явке в суд, интерес семьи должен уступить интересам общества, для которого необходимо преследование преступников. — По закону о явке на работу, интересы семьи рабочего должны уступить интересам фабриканта, для которого необходимо получить прибыль. — И после этого чистые господа, составляющие, исполняющие и защищающие такие законы, смеют обвинять рабочих в том, что они не ценят семейной жизни!..

Посмотрим, справедлив ли закон о штрафах за прогул? Если рабочий бросает работу на день, на два, — это считается прогулом, рабочий наказывается за это, а при прогуле более трех дней сряду его могут прогнать.

* Кроме одного случая — «пожара», который не упомянут в законе о вызове обвиняемых.

— Ну, а если фабрикант приостановит работу (напр., по искимению заказов) или станет давать работу только пять дней в неделю вместо установленных шести? Если бы рабочие были действительно равноправны с фабрикантами, тогда закон для фабриканта должен бы был быть такой же, как и для рабочего. — Если рабочий прекращает работу, он теряет плату и платит штраф. Значит, если фабрикант произвольно прекращает работу, он должен бы был, во-первых, платить рабочему полную заработную плату за все время простоя фабрики, а, во-вторых, должен бы подлежать и штрафу. — Но ни того, ни другого в законе не постановлено. На этом примере ясно подтверждается то, что мы раньше говорили о штрафах, именно, что штрафы означают порабощение рабочих капиталистом, означают, что рабочие представляют из себя низший, подневольный класс, осужденный на всю жизнь работать на капиталистов и создавать их богатство, получая за это гроши, недостаточные для мало-мальски сносной жизни. — О том, чтобы фабриканты платили штраф за произвольную остановку работ, не может быть и речи. Но фабриканты не платят рабочим даже заработной платы, когда работа приостанавливается не по вине рабочих. Это — возмутительнейшая несправедливость. Закон содержит только правило, что договор между фабрикантом и рабочим прекращается «за приостановкой в течение более 7 дней работ на фабрике или заводе, вследствие пожара, наводнения, взрыва паровика и тому подобного случая». Рабочие должны добиваться установления правила, обязывающего фабрикантов платить рабочим заработную плату во время остановки работ. — Требование это уже было выставлено публично русскими рабочими 11 января 1885 года во время известной стачки у Т. С. Морозова*. В тетради рабочих требований стояло такое требование: «чтобы вычет за прогул не превышал одного рубля с тем, чтобы и хозяин платил за прогульные по его вине дни,

* Надо заметить, что в то время (1884/85 году) случаи простоя фабрики не по вине рабочих были очень часты, так как тогда был торговый и промышленный кризис: товар у фабрикантов не шел с рук, они старались сокращать производство. Напр., в декабре 1884 года большая Воннесенская мануфактура (в Московской губ. около станц. Талицы, Моск.-Нрос. ж. д.) сократила число рабочих дней в неделю до 4-х. Рабочие, которые работали сдельно, ответили на это стачкой, окончившейся в начале января 1885 года уступкой фабриканта.

как-то: за время простоя и переделки машин, и с этой целью каждый прогульный день чтобы записывался в расчетную тетрадь». — Первое требование рабочих (чтобы штраф за прогул не превышал одного рубля) исполнено и вошло в закон о штрафах 1886 года. Второе требование (чтобы хозяин платил за прогульные, по его вине, дни) не исполнено, и рабочим нужно еще добиваться его исполнения. Для того, чтобы борьба за такое требование была успешна, необходимо, чтобы у всех рабочих было ясное понимание несправедливости закона, ясное понимание того, что нужно требовать. В каждом отдельном случае, когда какая-нибудь фабрика или завод стоят и рабочие не получают платы, — рабочие должны поднимать вопрос о несправедливости этого, они должны настаивать на том, что, пока договор с фабрикантом не расторгнут, фабрикант обязан платить за каждый день, заявлять это инспектору, разъяснения которого подтвердят рабочим, что закон, действительно, не говорит об этом, и вызовут обсуждение закона рабочими. Они должны обращаться в суд, когда есть возможность, с просьбой о взыскании с фабриканта задельной платы, — наконец, заявлять общие требования об уплате заработка за дни простоя.

Третий повод наложения штрафа — «нарушение порядка». — Закон относит к нарушениям порядка следующие 8 случаев: 1) «несвоевременная явка на работу или самовольная отлучка с нее» (мы сейчас уже говорили, чем отличается этот пункт от прогула); 2) «несоблюдение в заводских или фабричных помещениях установленных правил осторожности при обращении с огнем, в тех случаях, когда заведывающий фабрикой или заводом не признает нужным расторгнуть, в силу примечания 1 к статье 105, заключенный с рабочими договор найма». — Это значит, что при нарушении рабочим правил об осторожном обращении с огнем закон предоставляет фабриканту на выбор либо оштрафовать рабочего, либо прогнать его («расторгнуть договор найма», как выражается закон); 3) «несоблюдение в заводских или фабричных помещениях чистоты и опрятности»; 4) «нарушение тишины при работах шумом, криком, бранью, ссорой или дракою»; 5) «непослушание». По поводу этого пункта следует заметить, что только тогда фабрикант вправе оштрафовать

рабочего за «непослушание», когда рабочий не исполнил законного требования, т. е. требования, основанного на договоре. — Если предъявлено какое-нибудь произвольное требование, не основанное на договоре рабочего с хозяином, — тогда нельзя штрафовать за «непослушание». — Например, рабочий работает по условию о сдельной работе. Мастер зовет его бросить эту работу и сделать другую. Рабочий отказывается. — В этом случае неправильным был бы штраф за непослушание, потому что рабочий договорился об одной только работе и, так как он работает сдельно, то перейти на другое дело значит для него работать даром; 6) «приход на работу в пьяном виде»; 7) «устройство недозволенных игр на деньги (в карты, орлянку и т. п.)» и 8) «несоблюдение правил внутреннего на фабриках распорядка». Правила эти составляются хозяином каждой фабрики и завода и утверждаются фабричным инспектором. — Извлечения из них печатаются в расчетных книжках. — Рабочим следует читать эти правила и знать их, чтобы проверять, правильно или неправильно налагаются на них штрафы за неисполнение правил внутреннего распорядка. — Необходимо отличать эти правила от закона. Закон один для всех фабрик и заводов; правила внутреннего распорядка — различные на каждой фабрике. — Закон утверждается или отменяется властью государя; правила внутреннего распорядка — фабричным инспектором. — Поэтому, если правила эти оказываются притеснительны для рабочих, то отмены их можно добиться жалобой инспектору (на которого, в случае отказа, можно жаловаться фабричному присутствию). — Чтобы показать необходимость отличать закон от правил внутреннего распорядка, возьмем пример. Положим, рабочего штрафуют за неявку, по требованию мастера, на работу в праздник или в сверхсуточные часы. — Правилен такой штраф или нет? — Чтобы ответить на это, надо знать правила внутреннего распорядка. — Если в правилах не сказано ничего об обязанности рабочего являться, по требованию, на работу в неурочное время, — тогда штраф незаконный. Но если в правилах сказано, что рабочий обязан, по требованию начальства, являться на работу в праздники и в неурочное время, — тогда штраф будет законным. — Чтобы добиться отмены этого обязательства, рабочие

должны жаловаться не на штрафы, а требовать изменения правил внутреннего распорядка. — Необходимо договориться всем рабочим, и тогда при дружном действии они смогут добиться отмены такого правила.

IV

КАК ВЕЛИКИ МОГУТ БЫТЬ ШТРАФЫ?

Теперь мы знаем все случаи, когда закон позволяет штрафовать рабочих. — Рассмотрим, что говорит закон о величине штрафов? Закон не определяет одной величины штрафов для всех фабрик и заводов. Он назначает только предел, выше которого штрафы назначать нельзя. Предел этот указывается отдельно для каждого из трех случаев наложения штрафов (неисправная работа, прогул и нарушение порядка). — Именно, для штрафов за прогул предел следующий: при поденной плате — не свыше суммы шестидневного заработка (считая штрафы за целый месяц), то-есть в один месяц нельзя назначать штрафы за прогул более, чем в размере шестидневного заработка*. Если же плата сдельная, то тогда предел штрафа за прогул — 1 рубль за день и всего не более 3-х рублей в месяц. Сверх того, при прогуле рабочий теряет плату за все прогульное время. Далее, для штрафов за нарушение порядка предел — один рубль за каждое отдельное нарушение. Наконец, что касается штрафов за неисправную работу, то предел в законе не означен вовсе. — Указан еще один общий предел для всех штрафов в сложности: за прогул, за нарушение порядка и за неисправную работу вместе. Все эти взыскания, взятые вместе, «не должны превышать *одной трети* заработка, действительно причитающегося рабочему к установленному сроку расплаты». То-есть, если рабочему надо получить, скажем, 15 рублей, то штрафов с него нельзя по закону взять больше 5 руб., — за все нарушения, прогулы и неисправности вместе. Если накопилось штрафов больше, то фабрикант должен скостить их. Но в этом

* Предел штрафа за один день прогула при поденной плате не указан. Сказано только: «соответственно заработной плате рабочего». Размер штрафов точно обозначается в таблице взысканий на каждой фабрике, как мы сейчас увидим.

случае закон дает еще другое право фабриканту: именно, фабрикант вправе расторгнуть договор, если с рабочего приходится штрафов более одной трети заработка*.

Об этих правилах закона, насчет предельной величины штрафов, надо сказать, что они слишком суровы для рабочего и оберегают одного фабриканта в ущерб рабочему. — Во-первых, закон допускает слишком высокие штрафы — до одной трети заработка. Это безобразно высокие штрафы. Сравним этот предел с известными случаями особенно высоких штрафов. Фабричный инспектор Владимирской губернии, г. Микулин (который написал книгу о новом законе 1886 г.) рассказывает, как высоки были штрафы на фабриках до этого закона. Всего выше были штрафы в ткацком производстве, и самые высокие штрафы на ткацкой фабрике составляли 10% заработка рабочих, т. е. *одну десятую заработка*. — Фабричный инспектор Владимирской губ., г. Песков в своем отчете** приводит примеры особенно высоких штрафов: самый высокий из них — штраф в 5 руб. 31 коп. при заработке в 32 руб. 31 коп. Это составляет 16,4% (16 копеек на рубль), т. е. *менее одной шестой части заработка*. Такой штраф называют высоким, и называет его так не рабочий, а инспектор. А наш закон позволяет брать *вдвое* более высокие штрафы, *в одну треть заработка*, 33 $\frac{1}{3}$ копейки на рубль! Очевидно, на фабриках более или менее порядочных не бывало таких штрафов, которые разрешены нашими законами. — Возьмем данные о штрафах на Никольской мануфактуре Т. С. Морозова перед стачкой 7-го января 1885 г. Штрафы были на этой фабрике, по словам свидетелей, выше, чем на окрестных фабриках. Они были так безобразны, что вывели совершенно из терпения 11000 человек. — Мы наверное не ошибемся, если возьмем эту фабрику за образец фабрики с безобразными штрафами. — Как же высоки были штрафы на ней? — Ткацкий мастер Шорин показывал на суде, как мы уже говорили, что штрафы доходили до половины заработка,

* Рабочий, который находит это расторжение договора неправильным, может жаловаться суду, но только для таких жалоб установлен очень короткий срок: один месяц (считая, конечно, со дня расчета).

** Первый отчет за 1885 год. Только первые отчеты фабричных инспекторов были напечатаны. Правительство тотчас же прекратило печатать отчеты. — Должно быть, хороши были фабричные порядки, если боялись публиковать описание их.

и вообще были от 30 до 50%, от 30 до 50 копеек на 1 рубль. — Но это показание, во-первых, не подтверждено точными данными, а во-вторых, относится либо к отдельным случаям, либо к одной мастерской. — На суде над стачечниками были оглашены некоторые данные о штрафах. — Были приведены заработки (месячные) и штрафы в 17 случаях: весь заработок составляет 179 руб. 6 коп., а штрафы 29 руб. 65 коп. Это дает 16 коп. штрафов на заработок в 1 руб. Самый высокий штраф во всех этих 17 случаях — 3 руб. 85 коп. из заработка в 12 руб. 40 коп. Это составляет $31\frac{1}{2}$ копейки на рубль — все-таки меньше того, что допускает наш закон. — Но лучше всего взять данные по всей фабрике. — Штрафы за 1884 г. были выше, чем за предыдущие года: они составляли $23\frac{1}{4}$ коп. на рубль (это самая большая цифра: штрафы были от $20\frac{3}{4}$ до $23\frac{1}{4}$ %). Итак, на фабрике, получившей известность безобразной высотой штрафов, — штрафы были все-таки ниже, чем те, которые дозволяет русский закон!.. Хорошо защищает рабочих такой закон, нечего сказать! — Стачечники у Морозова требовали: «штрафы должны быть не выше 5% с заработанного рубля, причем необходимо, чтобы рабочий предупреждался о плохой работе и вызывался не более 2-х раз в течение месяца». Штрафы, разрешаемые нашими законами, можно сравнить только с какими-нибудь ростовщическими процентами. Едва ли какой-нибудь фабрикант решится довести штрафы до такой высоты; закон-то разрешает, да рабочие не позволят*.

Наши законы о величине штрафов отличаются не только безобразной прижимистостью, но кроме того страшной несправедливостью. Если штраф слишком велик (более одной трети), то фабрикант может расторгнуть договор,

* Нельзя не заметить по этому поводу, что г. Михайловский, бывший главный фабричный инспектор Петербургского округа, находит справедливым назвать такой закон «истинно гуманною (человенюлюбивою) реформою, делающею величайшую честь заботливости русского императорского правительства о рабочих классах». (Такой отзыв находится в книге о русской фабрично-заводской промышленности, изданной русским правительством для всемирной выставки 1893 года в Чикаго.) Вот какова заботливость русского правительства!!! До закона и без всякого закона находились еще на фабрикантов такие грабители, которые удерживали у рабочего по 23 коп. с рубля. А закон, взымаясь о рабочих, постановил: не удерживать более $33\frac{1}{3}$ (тридцать три с третью) коп. с рубля! А тридцать три копейки без трети удерживать можно теперь уже по закону. — Действительно, «истинно гуманная реформа»!

а рабочему не предоставляется такое же право, т. е. право уйти с фабрики, если на него так много налагают штрафов, что они превышают треть заработка. Ясно, что закон заботится только о фабриканте, как будто бы штрафы вызываются только виною рабочих. А на самом деле всякий знает, что фабриканты и заводчики нередко налагают на штрафы без всякой вины рабочих, напр., для того, чтобы заставить рабочих напряженнее работать. Закон защищает только фабриканта от неисправного рабочего, но не защищает рабочего от слишком прижимистых фабрикантов. В этом случае, значит, не у кого искать защиты рабочим. Они должны сами подумать о себе и о борьбе с фабрикантами.

V

КАКОВ ПОРЯДОК НАЛОЖЕНИЯ ШТРАФОВ?

Мы уже говорили, что по закону штрафы налагаются «собственной властью» заведующих фабрикой или заводом. Относительно жалоб на их распоряжения закон говорит: «Распоряжения заведующего фабрикою или заводом о наложении на рабочих взысканий обжалованию не подлежат. Но если при посещении фабрики или завода чинами фабричной инспекции будет обнаружено из заявлений, сделанных рабочими, несогласное с требованиями закона наложение на них взысканий, то заведующий привлекается к ответственности». — Постановление это, как видите, очень неясное и противоречивое: с одной стороны, рабочему говорят, что жаловаться на наложение штрафа нельзя. А с другой стороны, говорят, что рабочие могут «заявлять» инспектору о «несогласном с законом» наложении штрафов. «Заявлять о незаконности» и «жаловаться на незаконность», — человек, не имевший случая знакомиться с русскими законами, спросил бы, в чем же тут разница? Разницы нет, но цель этого кляузного постановления закона очень ясная: закон хотел стеснить рабочего в праве жаловаться на фабрикантов за несправедливое и незаконное наложение штрафов. Теперь, если какой-нибудь рабочий пожалуется инспектору на незаконный штраф, то инспектор может ответить ему: «Жаловаться на наложение штрафов закон не разре-

шает». — Много ли найдется рабочих, знакомых с хитрым законом, которые сумеют ответить на это: «Я не жалуясь, я только заявляю». — Инспекторы на то и поставлены, чтобы смотреть за соблюдением законов об отношениях рабочих к фабрикантам. Инспекторы обязаны принимать всякие заявления о неисполнении закона. Инспектор, по правилу (см. утвержденный министром финансов «Наказ чинам фабричной инспекции»), должен иметь приемные дни, не менее одного в неделю, для словесных объяснений с лицами, имеющими в них надобность, и об этих днях на каждой фабрике должно быть вывешено объявление. — Таким образом, если рабочие будут знать закон и твердо решат не позволять никаких отступлений от него, — тогда хитрость приведенного сейчас закона окажется напрасной, и рабочие сумеют добиться соблюдения закона. — Имеют ли они право получать обратно штрафные деньги, если они взысканы неправильно? Рассуждая по здравому смыслу, следовало бы, конечно, ответить: да. Нельзя же допустить, чтобы фабрикант мог неправильно штрафовать рабочего и не возвращать неправильно удержанных денег. Но оказывается, что, при обсуждении этого закона в государственном совете, решено было *нарочно* умолчать об этом. Члены государственного совета нашли, что предоставление рабочим права требовать обратно неправильно взысканные деньги «ослабит в глазах рабочих то значение, которое имеется в виду присвоить заведывающему фабрикою, в видах поддержания среди рабочих порядка». Вот как судят государственные люди о рабочих! Если фабрикант неправильно взыскал деньги с рабочего, то рабочему не следует давать права вытребовать их назад. Почему же отнимать у рабочего его деньги? — Потому что жалобы «ослабят значение заведующих!» Значит, «значение заведующих» и «поддержание порядка на фабриках» держатся только на том, что рабочие не знают своих прав и «не смеют» жаловаться на начальство, хотя бы оно и нарушало закон! Значит, государственные люди прямо-таки боятся, как бы рабочие не вздумали следить за правильным наложением штрафов! Рабочие должны поблагодарить членов государственного совета за их откровенность, которая показывает рабочим, чего они могут ждать от правительства. Рабочие должны показать, что они считают себя за таких же людей,

как и фабриканты, и не намерены позволять обращаться с собой, как с бессловесным скотом. Поэтому рабочие должны поставить своей обязанностью не оставлять без жалобы ни одного случая неправильного наложения штрафа, предъявлять непременно требование о возвращении денег, — либо инспектору, либо, в случае его отказа, суду. — Пускай рабочие ничего не добьются ни от инспекторов, ни от суда, — все-таки их усилия не пропадут даром: они откроют глаза рабочим, покажут им, как относятся наши законы к правам рабочих.

Итак, мы знаем теперь, что штрафы налагаются «собственной властью» заведывающих. — Но на каждой фабрике могут быть различные размеры штрафов (так как закон указывает ведь только предел, выше которого нельзя назначать штрафа), могут быть различные правила внутреннего распорядка. Поэтому закон требует, чтобы все нарушения, облагаемые штрафами, и размер штрафа за каждое нарушение были указаны наперед в *табели взысканий*. Эта табель составляется каждым фабрикантом и заводчиком отдельно и утверждается фабричным инспектором. Она должна быть выставлена, по закону, в каждой мастерской.

Для того, чтобы можно было следить за тем, правильно ли налагаются штрафы и сколько их налагается, необходимо, чтобы штрафы все без исключения были правильно записываемы. Закон требует, чтобы штрафы «не позднее трех дней со времени наложения» записывались в расчетную книжку рабочего. Эта запись должна указывать, во-первых, повод взыскания (т. е. за что оштрафован, — за неисправную работу и за какую именно, за прогул, или за нарушение порядка и какое именно) и, во-вторых, размер взыскания. — Запись штрафов в расчетную книжку необходима для того, чтобы рабочие могли проверять правильность наложения штрафа и во-время заявлять жалобу в случае какой-нибудь незаконности. Затем, штрафы должны записываться все в особую шнуровую книгу, которая должна быть на каждой фабрике или заводе для проверки штрафов инспекцией.

По этому поводу, может быть, не лишним будет сказать два слова о жалобах на фабрикантов и инспекторов, так как рабочие большею частью не знают, как и кому жало-

ваться. — По закону, жаловаться на всякие нарушения закона на фабрике или заводе следует фабричному инспектору. Он обязан принимать словесные и письменные заявления неудовольствия. Если фабричный инспектор не уважит просьбы, тогда можно заявить старшему инспектору, который тоже обязан иметь приемные дни для выслушивания заявлений. — Сверх того, канцелярия старшего инспектора должна быть открыта *ежедневно* для лиц, имеющих надобность в справках или разъяснениях или заявлениях (см. «Наказ чинам фабричной инспекции», ст. 18). На решение инспектора можно жаловаться Губернскому по фабричным делам присутствию*. Для этих жалоб установлен в законе месячный срок, считая со дня объявления инспектором его распоряжения. Далее, на постановления Фабричного присутствия в такой же срок можно жаловаться министру финансов.

Как видите, очень много указано в законе лиц, которым можно жаловаться. И притом жаловаться имеют право и фабрикант, и рабочий одинаково. Беда только в том, что эта защита только на бумаге и остается. У фабриканта есть полная возможность приносить жалобы, — есть свободное время, есть средства нанять адвоката и т. п., и потому фабриканты действительно приносят жалобы на инспекторов, доходят до министра и добились уже различных льгот. А для рабочего это право приносить жалобы — одни слова, не имеющие никакого значения. Прежде всего, у него нет времени ходить по инспекторам, да канцеляриям! он работает, и за «прогул» его штрафуют. У него нет денег на то, чтобы нанять адвоката. Он не знает законов, и потому не может настоять на своем праве. А начальство не только не заботится о том, чтобы рабочим были известны законы, а, напротив, старается их скрыть от рабочего. Тому, кто не поверит этому, мы приведем следующее правило из «Наказа чинам фабричной инспекции» (наказ этот утвержден министром и разъясняет права и обязанности фабричных инспекторов): «Всякие разъяснения владельцу промышленного заведения

* Из кого состоит Фабричное присутствие? Из губернатора, прокурора, начальника жандармского управления, фабричного инспектора и *двух фабрикантов*. — Если бы прибавить сюда начальника тюрьмы и командующего каванами, то валицо был бы все чиновники, осуществляющие «заботливость русского императорского правительства о рабочих классах».

или заведывающему оным по предмету допущенных нарушений закона и изданных в его развитие обязательных постановлений делаются фабричным инспектором не иначе, как в отсутствии рабочего»*. Вот как. Если фабрикант нарушает закон, то инспектор не смеет говорить ему об этом *при рабочих*: министр запрещает! А не то, пожалуй, рабочие в самом деле узнают закон и захотят требовать исполнения его! Недаром писали «Московские Ведомости», что это был бы один только «разврат»!

Всякий рабочий знает, что жалобы, особенно на инспектора, им почти вовсе недоступны. Конечно, мы не хотим сказать, что рабочим не следует возбуждать жалоб: напротив, всегда, когда есть хоть какая-нибудь возможность, непременно следует жаловаться, потому что только таким образом рабочие будут знакомиться со своими правами и научатся понимать, в чьих интересах написаны фабричные законы. Мы хотим только сказать, что нельзя жалобами добиться никакого серьезного и общего улучшения положения рабочих. Для этого есть один только путь — чтобы рабочие соединились вместе для отстаивания своих прав, для борьбы с притеснениями хозяев, для достижения более сносного заработка и более короткого рабочего дня.

VI

КУДА ДОЛЖНЫ ИДТИ, ПО ЗАКОНУ, ШТРАФНЫЕ ДЕНЬГИ?

Обратимся теперь к последнему вопросу, относящемуся к штрафам: каким образом расходуются штрафные деньги? — Мы уже говорили, что до 1886 года деньги эти шли в карман фабрикантов и заводчиков. Но эти порядки приводили к такой массе злоупотреблений и до того раздражали рабочих, что сами хозяева стали сознавать необходимость уничтожить эту систему. На некоторых фабриках сам собой установился обычай выдавать из штрафных денег пособия рабочим. Напр., у того же Морозова еще до стачки 1885 г. было постановлено, что штрафы за курение и за пронос водки должны идти на пособия увечным, а штрафы за неисправную работу — хозяину.

* Примечание к статье 26-й «Наказа».

Новый закон 1886 г. установил общее правило, что штрафы не могут идти в карман хозяина. В законе сказано: «Взыскания с рабочих обращаются на составление особого рода при каждой фабрике капитала, состоящего в заведывании фабричного управления. Капитал этот может быть употребляем, с разрешения инспектора, только на нужды самих рабочих, согласно правилам, издаваемым министром финансов по соглашению с министром внутренних дел». Итак, штрафы, по закону, должны идти только на нужды самих рабочих. Штрафные деньги, это — собственные деньги рабочих, вычеты из их заработка.

Правила расходования штрафного капитала, о которых говорится в законе, были изданы только в 1890 г. (4 декабря), т. е. целых 3½ года спустя после издания закона. В правилах сказано, что штрафные деньги расходуются на следующие, *по преимуществу*, нужды рабочих: «а) на пособия рабочим, потерявшим навсегда способность к труду или лишившимся возможности временно трудиться по болезни». В настоящее время рабочие, получившие увечье, остаются обыкновенно без всяких средств к жизни. Чтобы судиться с фабрикантом, они поступают обыкновенно на содержание к адвокатам, которые ведут их дела и, взамен подачек рабочему, берут себе громадные доли из присужденного вознаграждения. А если рабочий может получить по суду только небольшое вознаграждение, то он даже не найдет адвоката. Штрафными деньгами следует непременно пользоваться в этих случаях; посредством пособия из штрафного капитала рабочий перебьется некоторое время и сможет найти себе адвоката для ведения дела с хозяином, не попадая, по нужде, из кабалы хозяина в кабалу адвокату. Рабочие, потерявшие работу по болезни, тоже должны брать пособия из своего штрафного капитала*.

В разъяснение этого первого пункта правил С.-Петербургское фабричное присутствие постановило, что пособия должны выдавать на основании свидетельства врача, в размере не более половины бывшего заработка. Заметим в скобках, что СПб фабричное присутствие сделало

* Понятно само собой, что получение пособия из штрафного капитала не лишает рабочего права требовать от фабриканта вознаграждения в случае, напр., увечья.

это постановление в заседании 26 апреля 1895 г. Разъяснение состоялось, значит, $4\frac{1}{2}$ года спустя после издания правил, а правила $3\frac{1}{2}$ года спустя после издания закона. Следовательно, *всего понадобилось восемь лет только на то, чтобы закон был достаточно разъяснен!!* Сколько же теперь потребуется лет, чтобы закон стал всем известен и стал применяться на самом деле?

Во-вторых, выдачи из штрафного капитала производят «б) на пособия работницам, находящимся в последнем периоде беременности и прекратившим работу за 2 недели до родов». По разъяснению Петербургского фабричного присутствия, выдача должна происходить только в течение 4-х недель (две до родов и две после) и в размере не более половины бывшего заработка.

В-третьих, пособия выдаются «в) в случае утраты или порчи имущества от пожара или другого несчастья». По разъяснению Петербургского присутствия, в удостоверение такого обстоятельства представляется свидетельство от полиции, и размер пособия должен быть не свыше $\frac{2}{3}$ полугодового заработка (т. е. не свыше четырехмесячного заработка).

Наконец, в-четвертых, пособия выдаются «г) на погребение». По разъяснению СПб присутствия, пособия эти должны выдаваться только для рабочих, работавших и умерших на данной фабрике, или их родителей и детей. — Размер пособия от 10 до 20 рублей.

Таковы указанные в правилах 4 случая выдачи пособий. — Но рабочие имеют право получать пособия и в других случаях: в правилах указано, что пособия даются «по преимуществу» в этих 4 случаях. Рабочие вправе получать пособие на всякие нужды, а не только на перечисленные. Петербургское присутствие в своем разъяснении правил о штрафах (разъяснение это вывешено на фабриках и заводах) тоже говорит: «Назначение пособия во всех других случаях производится с разрешения инспекции», и при этом Присутствие добавило, что пособия не должны ни в каком случае уменьшать расходы фабрики на разные учреждения (напр., школы, больницы и т. п.) и обязательные траты (напр., на приведение в исправное состояние помещений для рабочих, на врачебную помощь и т. п.). Это значит, что выдача пособий из штрафного капитала не дает права фабриканту

считать это своим расходом; это расход не его, а расход тех же рабочих. Расходы фабриканта должны остаться прежние.

Петербургское присутствие постановило еще следующее правило: «сумма выдающихся постоянных пособий не должна быть более половины годичного поступления штрафов». Тут различаются пособия постоянные (которые производятся в течение известного времени, напр., больному или увечному) от единовременных (которые выдаются один раз, напр., на погребение или по случаю пожара). Чтобы оставить деньги на единовременные пособия, постоянные пособия не должны превышать половины всех штрафов.

Каким образом получать пособия из штрафного капитала? Рабочие должны, по правилам, обращаться с просьбой о пособии к хозяину, который и выдает пособие с разрешения инспекции. В случае отказа со стороны хозяина, следует обращаться к инспектору, который может назначить пособие собственной властью.

Фабричное присутствие может разрешать благонадежным фабрикантам выдавать небольшие пособия (до 15 рублей), не испрашивая разрешения инспектора.

Штрафные деньги до 100 руб. хранятся у хозяина, а при большем количестве вносятся в сберегательную кассу.

Если какая-нибудь фабрика или завод закроется, то штрафной капитал передается в общий по губернии рабочий капитал. О том, каким образом расходуется этот «рабочий капитал» (о котором рабочие ничего даже не знают и не могут знать), — в правилах не сказано. Следует, дескать, хранить в Государственном банке «впредь до особого назначения». Если потребовалось даже в столице 8 лет для установления правил о расходовании штрафных капиталов на отдельных фабриках, — то, вероятно, придется подождать не один десяток лет, пока составят правила для расходования «общего по губернии рабочего капитала».

Таковы правила о расходовании штрафных денег. Как видите, они отличаются чрезвычайной сложностью и запутанностью, и потому не удивительно, что до сих пор рабочие почти вовсе не знают об их существовании. В нынешнем году (1895) на петербургских фабриках и заводах

развешиваются объявления об этих правилах*. Надо уже самим рабочим постараться, чтобы все знали эти правила, чтобы рабочие научились правильно смотреть на пособие из штрафного капитала — не как на подачки фабрикантов, не как на милостыню, а как на свои собственные деньги, составленные из вычетов из их заработка, и расходуются которые только на их нужду. Рабочие имеют полное право требовать выдачи им этих денег.

По поводу этих правил необходимо сказать, во-первых, о том, как они применяются, какие при этом возникают неудобства и какие злоупотребления. Во-вторых, надо посмотреть, справедливо ли составлены эти правила, защищают ли они достаточно интересы рабочих.

Что касается применения правил, то прежде всего необходимо указать на такое разъяснение Петербургского фабричного присутствия: «Если в данный момент штрафных денег не имеется..., то рабочие не могут предъявлять никаких претензий к фабричным управлениям». Но спрашивается, каким образом будут знать рабочие, имеются ли штрафные деньги или нет, и сколько их, если они имеются? Фабричное присутствие рассуждает так, как будто рабочим это известно, — а между тем оно не потрудились ничего сделать для сообщения рабочим о состоянии штрафного капитала, не обязало фабрикантов и заводчиков вывешивать объявления о штрафных деньгах. — Неужели Фабричное присутствие думает, что достаточно рабочим узнать об этом у хозяина, который будет гонять просителей, когда нет штрафных денег? Это было бы безобразием, потому что тогда с рабочим, желающим получить пособие, хозяева обращались бы, как с нищим. — Рабочим необходимо добиваться, чтобы на каждой фабрике или заводе было вывешиваемо ежемесячно объявление о состоянии штрафного капитала: сколько имеется денег налично, сколько получено за последний месяц, сколько израсходовано «на какие нужды»? Иначе рабочие не будут знать, сколько они могут получить; не будут

* Таким образом, в Петербурге только в 1895 году приступлено к исполнению ванаона 1886 года о штрафах. А главный инспектор, г. Михайловский, о котором мы выше упоминали, говорил в 1893 году, что закон 1886 года «ныне исполняется в точности». — На этом маленьком примере мы видим, какую наглую ложь писал главный фабричный инспектор в книге, назначенной для ознакомления американцев с русскими фабричными порядками.

знать, могут ли быть удовлетворены из штрафного капитала все требования или только часть, — в этом случае было бы справедливо выбрать нужды самые насущные. Лучше устроенные заводы сами ввели кое-где такие объявления: в С.-Петербурге, кажется, делается это на заводе Сименс и Гальске и на казенном патронном заводе. Если рабочий при каждой беседе с инспектором будет настойчиво обращать внимание на это обстоятельство и заявлять о необходимости вывешивать объявление, тогда рабочие, наверное, добьются, чтобы это было введено везде. Далее, было бы очень удобно для рабочих, если бы заведены были на фабриках и заводах печатные бланки* для прошений о выдаче пособий из штрафного капитала. Такие бланки заведены, напр., во Владимирской губернии. Писать все прошение самому рабочему не легко, да притом он не сумеет написать все, что потребуется, а в бланке все указано и ему остается только вписать в оставленные пробелы несколько слов. Если не заведут бланок, то многие рабочие должны будут обращаться к писарям за составлением прошений, а это требует расходов. Конечно, самые просьбы о пособиях могут, по правилам, быть и устные, но, во-первых, рабочему все равно нужно добывать требуемое правилами письменное удостоверение полиции или врача (при прошении на бланке — тут же, на этом бланке, пишется и удостоверение), а, во-вторых, на устную просьбу иной хозяин, пожалуй, и не ответит, а на письменную он обязан дать ответ. Печатные заявления, подаваемые в контору фабрики или завода, отнимут у прошений о выдаче пособий характер попрошайничества, который стараются придать им хозяева. Многие фабриканты и заводчики особенно недовольны тем, что штрафные деньги, по закону, идут не в их карман, а на нужды рабочих. Поэтому много придумывалось ухищрений и уловок, чтобы надуть рабочих и инспекторов и обойти закон. Мы расскажем, в предупреждение рабочих, о некоторых таких уловках.

Некоторые фабриканты записывали штрафы в книгу не как штрафы, а как выданные рабочему деньги. Оштрафуют рабочего на рубль, а в книгу запишут, что рабочему

* То-есть печатные заявления, в которых самое прошение напечатано и оставлены белые места для того, чтобы вписать название фабрики, по какому случаю просят пособия, местожительство, подпись и т. п.

выдан рубль. Когда этот рубль вычитают при получке, то он остается в кармане хозяина. Это уже не только обход закона, а прямо обман, подлог.

Другие фабриканты вместо штрафов за прогул записывали рабочему не все рабочие дни, то-есть, если рабочий прогулял, скажем, один день в неделю, то ему ставят не пять дней, а четыре: заработная плата за один день (которая должна бы составить штраф за прогул и идти в штрафной капитал) достается хозяину. Это опять-таки грубый обман. Заметим кстати, что рабочие совершенно беззащитны против таких обманов*, потому что им не объявляют о состоянии штрафного капитала. Только при ежемесячных подробных объявлениях (с указанием количества штрафов за каждую неделю по каждой мастерской отдельно) рабочие могут следить за тем, чтобы штрафы поступали действительно в штрафной капитал. Кто же будет следить за правильностью всех этих записей, если не сами рабочие? Фабричные инспекторы? Но каким же образом узнает инспектор, что вот эта именно цифра поставлена в книге обманом? Фабричный инспектор, г. Микулин, рассказывая об этих обманах, замечает:

«Во всех таких случаях открывать злоупотребления было чрезвычайно трудно, если на то не было прямых указаний в виде жалоб рабочих». Сам инспектор признает, что ему нельзя открыть обмана, если не укажут рабочие. А рабочие не могут указать его, если фабриканты не будут обязаны вывешивать объявления о штрафах.

Третьи фабриканты придумали гораздо более удобные способы обманывать рабочих и обойти закон, — такие хитрые и кляузные способы, что нелегко было придаться к ним. Многие хозяева бумаготкацких фабрик во Владимирской губ. представляли на утверждение инспектора не один расценочек на каждый сорт ткани, а два или даже три расценки; в примечании к расценке было сказано, что ткачи, сработавшие безукоризненно товар, получают за него плату по высшей цене, сработавшие товар похуже — по второму расценку, а тот товар, который будет

* А о том, что такие обманы практикуются, рассказывает не кто иной, как фабричный инспектор Владимирской губернии, г. Микулин, в своей книге о новом законе 1886 г.

считаться браком, расценивается по самой низкой цене*. Ясно, с какой целью придумана была такая хитрая штука: разница между высшим и низшим расценком доставалась в карман хозяину, тогда как эта разница на самом деле означала взыскание за неисправную работу и должна была поэтому идти в штрафной капитал. Ясно, что это был грубый обход закона, и не только закона о штрафах, но также и закона об утверждении расценки; расценки утверждаются для того, чтобы хозяин не мог произвольно изменять заработной платы, а если расценки будут не один, а несколько, то понятно, что тогда хозяину предоставляется полнейший произвол.

Фабричные инспекторы видели, что такие расценки «направлены, очевидно, к обходу закона» (все это рассказывает тот же г. Микулин в вышеупомянутой книге), но тем не менее «не считали себя вправе» отказать почтенным «господам» фабрикантам.

Еще бы. Легкое ли это дело — отказать фабрикантам (такую штуку придумал не один фабрикант, а несколько сразу!). Ну, а если бы попытались обойти закон не «господа» фабриканты, а рабочие? Интересно бы знать, нашелся ли бы тогда во всей Российской империи хоть один фабричный инспектор, который бы «не считал себя вправе» отказать рабочим в попытке обойти закон?

Таким образом, эти двух- и трехэтажные расценки были утверждены фабричной инспекцией и введены в действие. Но оказалось, что интересуются вопросом о расценке не одни господа фабриканты, выдумывающие способы обойти закон, и не одни господа инспекторы, не считающие себя вправе мешать фабрикантам в их благом намерении, а еще сверх того... рабочие. У рабочих не оказалось такой нежной снисходительности к мошенничествам господ фабрикантов, и они «сочли себя вправе» помешать этим фабрикантам обьегоривать рабочих.

Эти расценки — повествует г. инспектор Микулин — «возбудили такое неудовольствие среди рабочих, что оно было одною из главных причин разразившихся беспорядков с буйством, потребовавших вмешательства вооруженной силы».

* Такие расценки бывают и на петербургских фабриках; пишут, напр., что за такое-то количество товара рабочий получает от 20 до 50 копеек.

Вот как идут дела на свете! Сначала «не сочли вправе» помешать гг. фабрикантам нарушать закон и надувать рабочих, — а когда возмущенные такими безобразиями рабочие подняли восстание, тогда «потребовали» вооруженную силу! Почему же эта вооруженная сила «потребовалась» против рабочих, которые защищали свои *законные* права, а не против фабрикантов, которые явно нарушали закон? Как бы там ни было, но только после восстания рабочих «распоряжением губернатора расценки такого рода были уничтожены». Рабочие настояли на своем. Закон был введен не господами фабричными инспекторами, а самими рабочими, которые доказали, что они не позволят издеваться над собой и сумеют постоять за свои права. «В дальнейшем уже — рассказывает г. Микулин — фабричная инспекция отказывалась утверждать такие расценки». Таким образом, рабочие научили инспекторов применять закон.

Но наука эта досталась только одним владимирским фабрикантам. А между тем фабриканты везде одни: и во Владимире, и в Москве, и в Петербурге. Попытка владимирских фабрикантов перехитрить закон — не удалась, но придуманный ими способ не только остался, но был даже усовершенствован одним гениальным петербургским заводчиком.

В чем состоял способ владимирских фабрикантов? В том, чтобы не употреблять слова штраф, а заменять его другими словами. Если я скажу, что рабочий по случаю неисправности получает рублем меньше, — тогда это будет штраф и его придется отдать в штрафной капитал. Но если я скажу, что рабочий по случаю неисправности получает плату по низшему расценку, — тогда это не будет штрафом, а целковый попадет в мой карман. Так рассуждали владимирские фабриканты, которых, однако, опровергли рабочие. Можно и еще несколько иначе рассуждать. Можно сказать: рабочий по случаю неисправности получает плату *без* наградных, тогда это опять не будет штрафом, и целковый попадает в карман хозяина. Вот такое рассуждение и придумал хитроумный петербургский заводчик Яковлев, хозяин механического завода. Он говорит так: вы будете получать по рублю в день, но, если за вами не будет никаких провинностей, ни прогулов, ни грубостей, ни неисправностей, то вы

получите по 20 коп. «наградных». А если окажется провинность, то хозяин удерживает двугривенные и кладет их, конечно, себе в карман, — потому что, ведь, это не штраф, а «наградные». Все законы о том, за какие провинности можно назначать взыскание и в каком размере, как их нужно расходовать на нужды рабочих, — оказываются для г. Яковлева несуществующими. Законы писаны про «штрафы», а у него «наградные». Ловкий заводчик до сих пор надувает рабочих посредством своей кляузной выходки. Петербургский фабричный инспектор тоже, вероятно, «не считая себя вправе» помешать ему обходить закон. Будем надеяться, что петербургские рабочие не отстанут от владимирских и научат инспектора и заводчика, как следует соблюдать закон.

Чтобы показать, какие громадные деньги составляются из штрафов, приведем сведения о величине штрафных капиталов во Владимирской губернии.

Выдача пособий начала производиться там с февраля 1891 г. До октября 1891 г. было выдано пособий 3665 лицам на сумму 25 458 руб. 59 коп. Штрафной капитал к 1 окт. 1891 г. составлял 470 052 руб. 45 коп. Следует сказать кстати еще об одном употреблении, сделанном из штрафных денег. На одной фабрике штрафной капитал составлял 8 242 руб. 46 к. Фабрика эта обанкротилась, и рабочие остались зимой без хлеба и без работы. Тогда из этого капитала было роздано 5 820 руб. в пособия рабочим, которых было до 800 человек.

С 1-го октября 1891 г. по 1-ое октября 1892 г. было взыскано штрафных денег 94 055 руб. 47 коп., а выдано в пособия 45 200 руб. 52 коп. — 6 312 лицам. По отдельным статьям пособия эти распределялись так: 208 лицам было выдано ежемесячных пенсий по случаю неспособности к труду на сумму 6 198 руб. 20 коп., значит, в среднем на 1 человека приходится в год 30 руб. (назначают такие нищенские пособия в то время, как десятки тысяч штрафных денег лежат без употребления!). Далее, по случаю потери имущества 1037 лицам было выдано 17 827 руб. 12 коп., в среднем по 18 руб. на человека. Беременным женщинам выдано 10 641 руб. 81 коп. в 2 669 случаях, в среднем по 4 руб. (это за три недели, одну до родов и две после родов). По болезни выдано 877 рабочим 5 380 руб. 68 коп., в среднем по 6 руб.

На похороны 4 620 руб. — 1506 рабочим (по 3 рубля), и в разных случаях 532 руб. 71 коп. — 15 лицам.

Теперь мы познакомились вполне с правилами о штрафных деньгах и с тем, как эти правила применяются. Посмотрим, справедливые ли эти правила и достаточно ли охраняют они права рабочих.

Мы знаем, что в законе постановлено, что штрафные деньги не принадлежат хозяину, что они могут идти только на нужды рабочих. Правила о расходовании денег должны были утвердить министры.

Что же вышло из этих правил? Деньги эти собраны с рабочих и расходуются на их нужды, — а в правилах не сказано даже, что хозяева обязаны объявлять рабочим состояние штрафного капитала. Рабочим не предоставлено права избирать выборных, чтобы следить за правильным поступлением денег в штрафной капитал, чтобы принимать заявления от рабочих и распределять пособия. В законе сказано было, что пособия выдаются «с разрешением инспектора», а по правилам, которые изданы министрами, вышло так, что с просьбой о пособии должны обращаться к *хозяину*. Почему же следует обращаться к хозяину? Ведь, деньги эти не хозяйские, а деньги рабочих, составившиеся из вычетов из их заработка. Хозяин сам не имеет права трогать этих денег: если он израсходует их — то отвечает за это, как за присвоение и растрату, все равно как если бы он израсходовал чужие деньги. Очевидно, министры потому издали такое правило, что они хотели услужить хозяевам: теперь рабочие должны *просить* у хозяина пособия, как будто подачки. Правда, если хозяин откажет, — инспектор может сам назначить пособие. Но инспектор, ведь, сам ничего не знает — скажет ему хозяин, что рабочий этот такой-сякой, что он не заслуживает пособия, и инспектор поверит*. Да и много ли найдется рабочих, которые станут

* В печатном заявлении о пособии, которое, как мы говорили, равносильно было по фабрикам и заводам Владимирским фабричным присутствием и которое представляет из себя наиболее удобное для рабочих применение «прапил», — значится: «нотора фабрики подпись руни и иволоженное в заявлении удостоверение, добавляя, что, по ее мнению, проситель заслуживает пособия в размере таком-то».

Значит, нотора всегда может написать, даже и не объясняя причин, что «по ее мнению» проситель не заслуживает пособия.

Пособия будут получать не те, кто нуждается, а те, кто «заслуживает его по мнению фабрикантов».

обращаться с жалобами к инспектору, терять рабочее время на хождение к нему, писание прошений и тому подобное? В действительности, благодаря министерским правилам, получится только новая форма зависимости рабочих от хозяев. Хозяева получают возможность притеснять тех рабочих, которыми они недовольны, может быть, за то, что они не дают себя в обиду: отказывая в прошении, хозяева наверное причинят такому рабочему массу лишних хлопот, а, может быть, даже добьются того, что он вовсе не получит пособия. Напротив, тем рабочим, которые угождают хозяину и лакействуют перед ним, которые фискальничают ему на товарищей, — хозяева могут разрешать выдачу особенно больших пособий и в таких случаях, когда другой рабочий получил бы отказ. Вместо уничтожения зависимости рабочих от хозяев по штрафным делам получится новая зависимость, разъединяющая рабочих, создающая прислужничество и пролазничество. А потом обратите еще внимание на ту безобразную волокиту, которой обставлено, по правилам, получение пособий: каждый раз рабочий должен обращаться за удостоверением то к врачу, от которого он наверное встретит грубость, то к полиции, которая ничего не делает без взяток. Повторяем, ничего этого нет в законе; это установлено министерскими правилами, которые явно составлены в угоду фабрикантам, которые явно направлены на то, чтобы сверх зависимости от хозяев создать еще зависимость рабочих от чиновников, чтобы отстранить рабочих от всякого участия в расходовании на их нужды с них же вятых штрафных денег, чтобы сплести паутину бессмысленной казенной формалистики, отупляющей и деморализующей* рабочих.

Предоставление хозяину разрешать выдачу пособий из штрафных денег, это вопиющая несправедливость. Рабочие должны добиваться того, чтобы им дано было по закону право выбирать депутатов (выборных), которые бы следили за поступлением штрафов в штрафной капитал, принимали и проверяли заявления рабочих о выдаче пособий, давали отчет рабочим о состоянии штрафного капитала и расходовании его. На тех заводах,

* Разъединяющей, создающей прислужничество, развивающей дурные нравы.

на которых существуют в настоящее время депутаты, они должны обратить внимание на штрафные деньги, требовать, чтобы им сообщали все данные о штрафах, они должны принимать заявления рабочих и передавать их начальству.

VII

НА ВСЕХ ЛИ РАБОЧИХ РАСПРОСТРАНЯЮТСЯ ЗАКОНЫ О ШТРАФАХ?

Законы о штрафах, как и большинство других русских законов, распространяются не на все фабрики и заводы, не на всех рабочих. Издавая закон, русское правительство всегда боится обидеть им господ фабрикантов и заводчиков, боится, что хитросплетения канцелярских правил и чиновнических прав и обязанностей столкнутся с какими-нибудь другими канцелярскими правилами (а их у нас бесчисленное множество), с правами и обязанностями каких-нибудь других чиновников, которые смертельно обидятся, если в их область вторгнется какой-нибудь новый чиновник, и изведут бочки казенных чернил и стопы бумаги на переписку о «разграничении ведомства». Редкий закон поэтому вводится у нас сразу для всей России, без изъятий, без трусливых отсрочек, без предоставления министрам и другим чиновникам позволять отступления от закона.

Особенно сильно сказалось все это на законе о штрафах, который, как мы видели, возбудил такое неудовольствие господ капиталистов, который был проведен только под давлением грозных рабочих восстаний.

Во-первых, закон о штрафах распространяется только на небольшую часть России*. Закон этот издан, как мы говорили, 3 июня 1886 г. и введен в действие с 1 октября 1886 г. *только в трех губерниях*: Петербургской, Московской и Владимирской. *Через пять лет* закон распространен на губернии Варшавскую и Петроковскую (11 июня 1891 года). Затем еще *через три года* он распространен еще на 13 губерний (именно: из центральных губер-

* Закон этот составляет часть так называемых «особенных правил о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих». Эти «особенные правила» распространяются только на «местности, отличающиеся значительным развитием фабрично-заводской промышленности», которые мы укажем ниже в тексте.

ний — Тверская, Костромская, Ярославская, Нижегородская и Рязанская; из остзейских губерний — Эстляндская и Лифляндская; из западных — Гродненская и Киевская; из южных — Волынская, Подольская, Харьковская и Херсонская) — по закону 15 марта 1894 года. В 1892 году правила о штрафах распространены на частные горные заводы и промыслы.

Быстрое развитие капитализма на юге России и громадный рост горного дела собирает там массы рабочих и заставляет правительство поторапливаться.

Правительство, как видно, очень медленно отказывается от старых фабричных порядков. Необходимо заметить при этом, что отказывается оно только под давлением рабочих: усиление рабочего движения и стачки в Польше вызвали распространение закона на Варшавскую и Петровскую (к Петроковской губ. относится город Лодзь) губернии. Громадная стачка на Хлудовской мануфактуре в Егорьевском уезде Рязанской губернии вызвала тотчас же распространение закона на Рязанскую губернию. Правительство, — видимое дело, — тоже «не считает себя вправе» отнять у господ капиталистов право бесконтрольного (произвольного) штрафования, покуда не вмешаются сами рабочие.

Во-вторых, закон о штрафах, как и все правила о надзоре за фабриками и заводами, не распространяется на заведения, принадлежащие казне и правительственным установлениям. На казенных заводах имеется свое «попечительное» о рабочих начальство, которое закон не хочет утруждать правилами о штрафах. В самом деле, к чему надзирать за казенными заводами, когда начальник завода сам чиновник? Рабочие могут жаловаться на него ему же. Неудивительно, что среди этих начальников казенных заводов попадаются такие безобразники, как, например, командир Петербургского порта, г. Верховский.

В-третьих, правила о штрафных капиталах, расходующихся на нужды самих рабочих, не распространяются на рабочих в мастерских тех железных дорог, на которых есть пенсионные или сберегательно-вспомогательные кассы. Штрафные деньги идут в эти кассы.

Всех этих изъятий показалось все-таки еще недостаточным, и в законе постановлено, что министры (финансов и внутренних дел) имеют право, с одной стороны, «устранять

от подчинения» этим правилам «незначительные фабрики и заводы, в случаях действительной надобности», а, с другой стороны, распространять эти правила на «значительные» ремесленные заведения.

Таким образом, мало того, что закон поручил министру составлять правила о штрафных деньгах, — он еще дал право министрам освобождать некоторых фабрикантов от подчинения закону! Вот до какой степени доходит любезность нашего закона к господам фабрикантам! В одном из разъяснений министра говорится, что он освобождает только таких фабрикантов, о которых фабричное присутствие *«уверено, что владелец заведения не будет нарушать интересов рабочих»*. Фабриканты и фабричные инспекторы — такие близкие друзья-приятели, что верят друг другу на слово. К чему отягощать фабриканта правилами, когда он «уверяет», что не будет нарушать интересов рабочих? Ну, а если бы рабочий попробовал просить у инспектора или министра освободить его от правил, «уверяя», что он не нарушит интересов фабриканта? Такого рабочего сочли бы, вероятно, за сумасшедшего.

Это называется «равноправностью» рабочих и фабрикантов.

Что касается до распространения правил о штрафах на значительные ремесленные заведения, то до сих пор, насколько известно, правила эти были распространены только (в 1893 году) на раздаточные конторы, раздающие работающим на дому ткачам основу. Министры не торопятся распространять правила о штрафах. Вся масса рабочих, работающих на дому на хозяев, на большие магазины и т. п., остается до сих пор на старом положении, в полном подчинении произволу хозяев. Рабочим этим труднее соединиться вместе, столкнуться о своих нуждах, предпринять общую борьбу с притеснениями хозяев, — поэтому на них и не обращают внимания.

VIII

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы познакомились теперь с нашими законами и правилами о штрафах, со всей этой чрезвычайно сложной системой, которая отпугивает рабочего своею сухостью и неприятным канцелярским языком,

Мы можем теперь опять обратиться к вопросу, поставленному в начале — о том, что штрафы порождены капитализмом, т. е. таким общественным устройством, когда народ разделяется на два класса, на собственников земли, машин, фабрик и заводов, материалов и припасов — и на людей, которые не имеют никакой собственности, которые должны поэтому продаваться капиталистам и работать на них.

Всегда ли было так, что рабочие, работавшие на хозяина, должны были платить ему штрафы за всякие неисправности?

В мелких заведениях, — напр., у городских ремесленников или у рабочих, — штрафов нет. Там нет полного отчуждения рабочего от хозяина, они вместе живут и работают. Хозяин и не думает вводить штрафы, потому что он сам смотрит за работой и всегда может заставить исправить, что ему не нравится.

Но такие мелкие заведения и производства постепенно исчезают. Кустарям и ремесленникам, а также мелким крестьянам, невозможно выдержать конкуренции крупных фабрик, заводов и крупных хозяев, употребляющих лучшие орудия, машины и соединяющих вместе труд массы рабочих. Поэтому мы видим, что кустари, ремесленники и крестьяне все больше и больше разоряются, идут в рабочие на фабрики и заводы, бросают деревни и уходят в города.

На крупных фабриках и заводах отношения между хозяином и рабочими уже совсем не такие, как в мелких мастерских. Хозяин стоит настолько выше рабочего по богатству, по своему общественному положению, что между ними находится целая пропасть, они часто даже не знают друг друга и не имеют ничего общего. Рабочему нет никакой возможности пробиться в хозяева: он осужден вечно оставаться неимущим, работающим на неизвестных ему богачей. На место двух-трех рабочих, которые были у мелкого хозяина, является теперь масса рабочих, приходящих из разных местностей и постоянно сменяющихся. На место отдельных распоряжений хозяина являются общие правила, которые делаются обязательными для всех рабочих. Прежнее постоянство отношений между хозяином и рабочим исчезает: хозяин вовсе не дорожит рабочим, потому что ему легко найти всегда другого

из толпы безработных, готовых наняться к кому угодно. Таким образом, власть хозяина над рабочими усиливается, и хозяин пользуется этой властью, загоняет рабочего в строгие рамки фабричной работы штрафами. Рабочий должен был подчиниться этому новому ограничению своих прав и своих заработков, потому что он теперь бессилен перед хозяином.

Итак, штрафы явились на свет божий не очень давно — вместе с крупными фабриками и заводами, вместе с крупным капитализмом, вместе с полным расколом между богачами-хозяевами и босьями-рабочими. Штрафы явились результатом полного развития капитализма и полного порабощения рабочего.

Но это развитие крупных фабрик и усиление давления со стороны хозяев повело еще к другим последствиям. Рабочие, оказавшиеся совершенно бессильными перед фабрикантами, стали понимать, что их ожидает полное падение и нищенство, если они будут оставаться разъединенными. Рабочие начали понимать, что для спасения от голодной смерти и вырождения, которым грозит им капитализм, у них есть одно только средство — соединиться вместе для борьбы с фабрикантами за заработную плату и лучшие условия жизни.

Мы видели, до каких безобразных притеснений рабочих дошли наши фабриканты в 80-х годах, как они превратили штрафы в средство понижения заработной платы рабочим, не ограничиваясь одним понижением расценки. Гнет капиталистов над рабочими дошел до своего высшего развития.

Но этот гнет вызвал и сопротивление рабочих. Рабочие восстали против притеснителей и одержали победу. Напуганное правительство уступило их требованиям и поспешило издать закон об уничтожении штрафов.

Это была уступка рабочим. Правительство думало, что, издавая законы и правила о штрафах, вводя пособия из штрафных денег, оно сразу удовлетворит рабочих и заставит их забыть о своем общем рабочем деле, о своей борьбе против фабрикантов.

Но такие надежды правительства, выставляющего себя защитником рабочих, не оправдаются. Мы видели, как несправедлив к рабочим новый закон, как малы уступки рабочим сравнительно хотя бы с теми требованиями,

которые были выставлены морозовскими стачечниками; мы видели, как оставлены были повсюду лавейки фабрикантам, желающим нарушить закон, как в их интересах составлены правила о пособиях, присоединяющие к произволу хозяев произвол чиновников.

Когда такой закон, такие правила будут применяться, когда рабочие ознакомятся с ними и начнут узнавать из своих столкновений с начальством о том, как притесняет их закон, — тогда они начнут понемножку сознавать свое подневольное положение. Они поймут, что только нищета заставила их работать на богатых и довольствоваться грошами за свой тяжкий труд. Они поймут, что правительство и его чиновники держат сторону фабрикантов, а законы составляются так, чтобы хозяину было легче прижимать рабочего.

И рабочие узнают, наконец, что закон ничего не делает, чтобы улучшить их положение, покуда будет существовать зависимость рабочих от капиталистов, потому что закон всегда будет пристрастен к капиталистам-фабрикантам, потому что фабриканты всегда сумеют найти уловки для обхода закона.

Понявши это, рабочие увидят, что им остается только одно средство для своей защиты — соединиться вместе для борьбы с фабрикантами и с теми несправедливыми порядками, которые установлены законом.

ГИМНАЗИЧЕСКИЕ ХОЗЯЙСТВА И ИСПРАВИТЕЛЬНЫЕ ГИМНАЗИИ

(«РУССКОЕ БОГАТСТВО»)

Давно известно решение вопроса о капитализме в России, предлагаемое народниками и представляемое в последнее время всего рельефнее «Русским Богатством»²¹. Не отрицая наличия капитализма, будучи вынуждены признать его развитие, народники считают однако наш капитализм не естественным и необходимым процессом, завершающим вековое развитие товарного хозяйства в России, а случайностью, не имеющей прочных корней, означающей лишь уклонение с пути, предписываемого всей исторической жизнью нации. «Мы должны — говорят народники — выбрать иные пути для отечества», сойти с пути капитализма и «обмирщить» производство, пользуясь наличными силами «всего» «общества», которое-де начинает уже убеждаться в несостоятельности капитализма.

Очевидно, что ежели возможно выбрать иной путь для отечества, ежели все общество начинает понимать необходимость этого, тогда «обмирщение» производства не представляет больших трудностей и не требует известного подготовительного исторического периода. Стоит только выработать план такого обмирщения и убедить кого следует в его осуществимости, — и «отечество» свернет с ошибочного пути капитализма на дорогу обобществления.

Всякий понимает, какой громадный интерес должен представлять подобный план, обещающий столь радужные перспективы, а потому русская публика должна быть очень благодарна г-ну Южакову, одному из постоянных сотрудников «Рус. Богатства», за то, что он взял на себя

труд разработать подобный план. В майской книге «Русского Богатства» находим его статью: «Просветительная утопия» с подзаголовком: «План всенародного обязательного среднего образования».

Какое же отношение имеет это к «обмирщению» производства? — спросит читатель. Самое непосредственное, так как план г-на Южакова очень широк. Автор проектирует учреждение в каждой волости гимназии, включающей все население мужского и женского пола школьного возраста (8—20 лет, максимум и до 25 лет). Такие гимназии должны представлять собой производительные ассоциации, ведущие земледельческое и нравственное хозяйство, не только содержащие своим трудом население гимназий (составляющее, по г. Южакову, *пятую часть* всего населения), но дающие сверх того средства для содержания *всего детского населения*. Подробный расчет, сделанный автором для одной типичной гимназии-волости (она же — «гимназия-ферма», «гимназическое хозяйство» или «земледельческая гимназия»), показывает, что всего-навсего гимназия будет содержать *свыше половины всего местного населения*. Если мы примем во внимание, что каждая такая гимназия (всего их проектируется на Россию 20 000 двойных гимназий, т. е. 20 000 мужских и 20 000 женских) снабжается землей и средствами производства (имеется в виду выпустить земские с правительственной гарантией облигации с $4\frac{1}{2}\%$ платежа и $\frac{1}{2}\%$ погашения), — то мы поймем, насколько в самом деле «план» г-на Южакова является «огромным». Производство обобществляется для целой половины населения. Сразу, значит, выбирается иной путь для отечества! И это достигается «без всяких затрат (sic!*) со стороны правительства, земства и народа». Это «кажется утопией только с первого взгляда», а на самом деле «гораздо осуществимее всенародного начального образования». Г-н Южаков свидетельствует, что необходимая для этого финансовая операция «не представляется химерой и утопией», и достигается не только, как мы видели, без затрат, без всяких затрат, но даже без изменения «установившихся учебных планов»!! Г. Южаков совершенно справедливо замечает, что «все это имеет немаловажное значение при

* — так! Ред.

желании не ограничиться одним опытом, но достигнуть действительно всенародного образования». Он говорит, правда, что он «не задавался целью составить исполнительный проект», но его изложение дает и предполагаемое число учеников и учениц на гимназию, и расчет рабочих сил, потребных для содержания всего населения гимназий, и перечисления педагогического и административного персонала, с указанием как довольствия членов гимназии натурой, так и денежного жалованья педагогам, врачам, техникам и мастерам. Автор подробно рассчитывает число рабочих дней, необходимых для земледельческих работ, количество земли, необходимой для каждой гимназии, и денежных средств, требующихся для первоначального обзаведения. Он предусматривает судьбу, с одной стороны, инородцев и сектантов, которые не смогут воспользоваться благами всенародного среднего образования, а с другой стороны, лиц, удаляемых из гимназий за порочное поведение. Расчеты автора не ограничиваются одной типической гимназией. Ни в каком случае. Он ставит вопрос об осуществлении всех 20 000 двойных гимназий и дает указания на то, как добыть потребное для этого количество земли и как обеспечить «удовлетворительный персонал учащихся, администраторов и хозяев».

Понятно, какой захватывающий интерес представляет подобный план, — интерес не только теоретический (очевидно, что столь конкретно разработанный план обмирщения производства должен окончательно убедить всех скептиков и уничтожить всех отрицающих осуществимость подобных планов), но и живой практический интерес. Было бы странно, если бы на проект организации всенародного обязательного среднего образования не обратило внимание высшее правительство, особенно когда автор предложения решительно утверждает, что дело обойдется «без всяких затрат» и «встретит препятствия не столько со стороны финансовых и экономических условий задачи, сколько со стороны условий культурных», которые однако «не непреодолимы». Такой проект непосредственно затрагивает не только министерство народного просвещения, но равным образом и министерство внутренних дел, министерство финансов, министерство земледелия и даже, как мы увидим ниже, министерство военное. В министерство юстиции должны

будут отойти, по всей вероятности, проектируемые «исправительные гимназии». Нельзя сомневаться, что и остальные министерства будут заинтересованы этим проектом, который, по словам г. Южакова, «ответит всем вышеперечисленным потребностям (т. е. образования и содержания), а, вероятно, и многим другим».

Мы уверены поэтому, что читатель не посетует на нас, если мы займемся подробным рассмотрением этого высокозамечательного проекта.

Основная мысль г. Южакова заключается в следующем: летнее время освобождается совершенно от учебных занятий и посвящается земледельческой работе. Далее, ученики, кончившие гимназию, оставляются на некоторое время при ней в качестве работников; они исполняют зимние работы и употребляются на работы промысловые, которые дополняют собой земледельческие и дают возможность каждой гимназии трудами рук своих содержать всех учеников и рабочих, весь персонал учащихся и администрации и покрывать расходы на образование. Подобные гимназии — справедливо говорит г. Южаков — явились бы большими земледельческими артелями. Это последнее выражение не оставляет, между прочим, уже ни малейшего сомнения в том, что мы вправе рассматривать план г. Южакова, как первые шаги народнического «обмирщения» производства, как часть того нового пути, который должна выбрать Россия, чтобы избежать перипетий капитализма.

«В настоящее время — рассуждает г. Южаков — оканчивают гимназию в возрасте 18—20 лет, а порой запаздывают на 1—2 года. При обязательном обучении... запаздывание станет еще распространеннее. Оканчивать будут позже, а три старших класса будут состоять из возрастов от 16 до 25 лет, если именно 25 лет будет предельный возраст для увольнения без окончания курса. Таким образом, принимая во внимание добавочный контингент великовозрастных пятиклассников, можно смело считать около трети учащихся в гимназии... в возрасте рабочем». Если даже процент этот понизить до четверти, как рассчитывает далее автор, присоединяя к 8 классам гимназии 2 класса для подготовительной начальной школы (принимались бы восьмилетние безграмотные ребята), — все-таки получим очень большое число рабочих, которые,

с помощью полурбочих, справятся с летней работой. Но «десятиклассная гимназия-ферма — основательно замечает г. Южаков — потребует необходимо известный контингент зимних рабочих». Откуда же взять их? Автор предлагает два выхода: 1) наем рабочих («из которых некоторые заслуженные могли бы приобщаться к доходам»). Гимназическое хозяйство должно быть доходным хозяйством и оправдать такой наем. Но автору «представляется важнее другой выход»: 2) окончившие курс гимназии будут обязаны отработать затраты на их учение и содержание в младших классах. Это их «прямая обязанность», — добавляет г. Южаков, — разумеется, обязанность только для тех, кто не может уплатить стоимость учения. Они-то составят необходимый контингент зимних рабочих и дополнительный контингент летних.

Такова первая черта проектируемой организации, долженствующей «обмирщить» в земледельческие артели одну пятую часть населения. Мы уже на ней можем видеть, какого качества будет выбор иного пути для отечества. Наемный труд, служащий в настоящее время единственным источником жизни для лиц, которые «не могут уплатить стоимости учения» и жизни, заменяется обязательным даровым трудом. Но мы не должны смущаться этим: не следует забывать, что за это население будет пользоваться благами всеобщего среднего образования.

Пойдем далее. Автор проектирует отдельные мужские и женские гимназии, снисходя к господствующему на континенте Европы предубеждению против совместного обучения, которое собственно было бы рациональнее. «50 учеников на класс или 500 на все десять классов или 1000 на гимназическое хозяйство (500 мальчиков и 500 девочек) будет вполне нормальным составом» средней гимназии. В ней будет 125 «пар рабочих» и соответствующее число полурбочих. «Если я замечу, — говорит Южаков, — что это число рабочих способно обработать, напр., в Малороссии 2500 дес. культурной полевой земли, то всякий поймет, какую громадную силу представляет труд гимназии!»..

Но сверх этих рабочих будут еще «постоянные рабочие», «отрабатывающие» образование и содержание. Сколько их будет? Ежегодный выпуск будет 45 учеников

и учениц. Треть учеников будет отбывать воинскую повинность (ныне отбывает четверть. Автор увеличивает это число до трети, сокращая срок службы до 3-х лет) в течение 3-х лет. «Не будет несправедливостью поставить в те же условия и остальные две трети, т. е. удерживать их при гимназиях для отработки цены собственного образования, а также образования товарищей, ушедших под знамена. Все девушки также могут быть удержаны для того же».

Организация новых порядков, устраивающихся в отечестве, выбравшем иной путь, обрисовывается все с большей определенностью. Ныне все русские подданные считаются обязанными нести воинскую повинность и, так как число лиц призывного возраста более числа требуемых воинов, то последние выбираются по жребию. В обмирщенном производстве рекруты будут тоже выбираться по жребию, но остальных предполагается «поставить в те же условия», т. е. обязать провести три года на службе, не военной, правда, а в работах на гимназию. Они должны отрабатывать цену содержания товарищей, ушедших под знамена. Все ли должны отрабатывать? Нет. Только те, кто не может уплатить стоимости учения. Автор выставил уже выше эту оговорку, а ниже мы увидим, что для лиц, которые в состоянии платить за учение, он вообще проектирует особые гимназии, сохраняющие старый тип. Почему же, спрашивается, отработка содержания товарищей, ушедших под знамена, возлагается на тех, кто не может уплатить стоимости учения? а не на тех, кто может? Очень понятно, почему. Если гимназисты будут разделяться на платящих и даровых, то очевидно, что современное строение общества реформой не затрагивается: это сознает прекрасно и сам г. Южаков. А если так, то понятно, что общие расходы государства (на солдат) будут нести те, которые не имеют средств к жизни*, — точно так же, как они и теперь несут их в форме, напр., косвенных налогов и т. п. В чем же отличие нового строя? В том, что ныне не имеющие средств могут продать рабочую силу, а в новом строе они будут *обязаны* работать *даром* (т. е. за одно содержание). Не может подлежать ни малейшему сомнению, что Россия избегает таким образом

* Иначе не поддерживалось бы господство первых над последними.

все перипетии капиталистического строя. Вольнонаемный труд, грозящий «язвой пролетариата», изгоняется и уступает место... даровому обязательному труду.

И нет ничего удивительного, что люди, поставленные в отношении дарового обязательного труда, оказываются в условиях, соответствующих этим отношениям. Слушайте, что говорит нам народник («друг народа») непосредственно вслед за предыдущим:

«Если при этом будут разрешены браки между такими окончившими курс и оставшимися на 3 года при гимназии молодыми людьми; если будут устроены отдельные помещения для семейных рабочих; и если доходы гимназии позволят ей при их удалении из гимназии выдавать хотя скромное пособие деньгами и натурою, то такое трехлетнее пребывание при гимназии будет далеко менее обременительно, чем воинская повинность»...

Не очевидно ли, что такие льготные условия заставят население всеми силами души стремиться попасть в гимназию. Посудите сами: во-первых, разрешено будет вступить в брак. Правда, по ныне действующим гражданским законам, такого разрешения (от начальства) вообще не требуется. Но примите во внимание, что ведь это будут *гимназисты* и *гимназистки*, — правда, достигающие 25-летнего возраста, но все-таки гимназисты. Если студентам университета не разрешаются браки, то можно ли было разрешить их гимназистам. И притом, ведь разрешение будет зависеть от начальства гимназии, следовательно, от людей с высшим образованием: ясно, что нет оснований бояться злоупотреблений. Кончившие гимназию и оставшиеся при ней постоянными рабочими, однако, уже не гимназисты. И тем не менее и по отношению к ним идет речь о разрешении браков — по отношению к лицам 21—27 лет. Нельзя не сознаться, что новый путь, выбранный отечеством, сопряжен с некоторым уменьшением гражданской правоспособности русских граждан, но надо признаться, что блага всеобщего среднего образования не могут же быть приобретены без жертв. Во-вторых, для семейных рабочих будут устроены отдельные помещения, вероятно, не хуже тех каморок, в которых живут в настоящее время фабричные рабочие. И в-3-х, постоянные рабочие получают за это «скромное пособие». Несомненно, население предпочтет эти льготы спокойной жизни под

крылышком начальства тревожениям капитализма, предпочтет до такой степени, что некоторые рабочие постоянно останутся при гимназии (вероятно, в благодарность за то, что им разрешили брак): «Небольшой контингент постоянных рабочих, совсем оставшихся при гимназии и к ней приобщившихся (sic!), дополняет эти рабочие силы гимназического хозяйства. Таковы возможные и отнюдь не утопические рабочие силы нашей земледельческой гимназии».

Помилуйте! Что же тут «утопического»? Постоянные даровые рабочие, «приобщившиеся» к хозяевам, разрешающим им браки, — да спросите любого старого крестьянина, и он вам по собственному опыту расскажет о полнейшей осуществимости всего этого.

(Продолжение будет).*

Написано осенью 1895 г.

*Напечатано в газете
«Самарский Вестник» 22 № 251,
25 ноября 1895 г.,
за подписью К. Т — ин*

*Печатается по тексту газеты
«Самарский Вестник»*

* — Продолжения в газете «Самарский Вестник» не последовало. *Ред.*

К РАБОЧИМ И РАБОТНИЦАМ ФАБРИКИ ТОРНТОНА ²³

Рабочие и работницы фабрики Торнтон!

6-ое и 7-ое ноября должны быть для всех нас памятливыми днями... Ткачи своим дружным отпором хозяйской прижимке доказали, что в нашей среде в трудную минуту еще находятся люди, умеющие постоять за наши общие рабочие интересы, что еще не удалось нашим добродетельным хозяевам превратить нас окончательно в жалких рабов их бездонного кошелька. Будемте же, товарищи, стойко и неуклонно вести нашу линию до конца, будем помнить, что улучшить свое положение мы можем только общими дружными усилиями. Прежде всего, товарищи, не попадитесь в ловушку, которую так хитро подстроили гг. Торнтоны. Они рассуждают таким образом: «теперь время заминки в сбыте товаров, так что при прежних условиях работы на фабрике не получить нам нашего прежнего барыша... А на меньший мы не согласны... Стало быть, надо будет поналечь на рабочую братию, пусть-ка они своими боками поотдуваются за плохие цены на рынке... Только дельце это надо обстроить не кое-как, а с умением, чтобы рабочий по своей простоте и не понял, какую закуску мы ему готовим... Затронь всех сразу, — сразу все и поднимутся, ничего с ними не поделаешь, а вот мы сначала объедем бедняков-ткачишек, тогда и прочие не увернутся... Стесняться с этими людишками мы не привыкли, да и к чему? У нас новые метлы чище метут...» Итак, заботливые о благах рабочего хозяева потихоньку да полегоньку хотят приготовить для рабочих всех отделений фабрики такое же будущее, которое они осуществили уже для ткачей... Поэтому, если мы все останемся безучастны к судьбе

ткацкого отделения, то мы выроем своими руками яму, в которую в скором времени вышвырнут и нас. Ткачи зарабатывали в последнее время, почитай что на круг, по 3 р. 50 к. в полумесяц, в течение же этого времени они ухищрялись жить семьями в 7 человек на 5 р., семьей из мужа, жены и ребенка — всего на 2 р. Они попустили последнюю одежонку, прожили последние гроши, приобретенные адским трудом в ту пору, когда благодетели Торнтонны наращивали миллионы на свои миллионы. Но и этого всего было мало, и на их глазах выкидывались за ворота все новые и новые жертвы хозяйского корыстолюбия, а прижимка росла своим чередом с самой бессердечной жестокостью... В шерсть стали валить безо всяких оговорок ноллеса и кнопа²⁴, отчего страшно замедлялась выработка товара, проволоочки на получение основы, будто ненароком, увеличились, наконец, стали прямо сбавлять рабочие часы, а теперь вводят куски из 5 шмиц²⁵ вместо 9, чтобы ткач дольше и чаще возился с хлопотами по получению и заправке основ, за которые, как известно, не платят ни гроша. Измором хотят извести наших ткачей, и заработок в 1 р. 62 к. в полумесяц, который уже стал появляться в расчетных книжках некоторых ткачей, может стать в скором времени общим заработком ткацкого отделения... Товарищи, хотите ли и вы дожидаться такой хозяйской ласки? А если нет, если, наконец, не совсем окаменели ваши сердца к страданию таких же, как и вы, бедняков, сплотитесь дружно около наших ткачей, выставим наши общие требования и при каждом удобном случае станем отвоевывать лучшую долю у наших угнетателей. Рабочие прядильного отделения, не самообольщайтесь устойчивостью и некоторым повышением вашего заработка... Ведь почти $\frac{2}{3}$ вашего брата уже рассчитаны с фабрики, и ваш лучший заработок куплен ценою голода выкинутых за ворота ваших же прядильщиков. Это опять-таки хитрая уловка хозяев, и понять ее не трудно, если только подсчитать, сколько выработывало все мюльно-прядильное отделение прежде и сколько оно выработывает теперь. — Рабочие новой красильни! Вы выработываете ценой 14 с $\frac{1}{4}$ час. ежедневного труда, пропитываемые с ног до головы убийственными испарениями красок, уже и теперь всего 12 р. в месяц! Обратите внимание на наши требования:

мы хотим положить конец и тем незаконным вычетам, которые производятся с вас за неумелость вашего мастера. — Чернорабочие и вообще все неспециальные рабочие фабрики! — Неужели вы надеетесь удержать свои 60—80 к. поденной, когда специалисту-ткачу придется довольствоваться 20 к. в сутки? — Товарищи, не будьте слепы, не попадайтесь в хозяйскую ловушку, крепче стойте друг за друга, иначе всем нам плохо придется в эту зиму. Самым зорким образом должны мы все следить за маневрами наших хозяев по части понижения расценок и сопротивляться всеми силами этому губительному для нас стремлению... Будьте глухи ко всем их отговоркам о плохих делах: для них это только меньшая прибыль на их капитал, для нас — это голодные страдания наших семей, лишение последнего куска черствого хлеба, а разве можно положить то и другое на одни и те же весы? Теперь жмут в первую голову ткачей, и мы должны добиваться:

1) повышения ткацких расценок до их весенней величины, т. е. приблизительно на 6 коп. на шмиц;

2) чтобы исполняли и для ткачей закон о том, что рабочему должна быть перед началом работы объявлена величина того заработка, на который он идет. Пусть табель, подписанный фабричным инспектором, не будет только на бумаге, но и на деле, как того требует закон. Для ткацкой, например, работы к существующей расценке должны быть добавлены указания о качестве шерсти, количестве в ней ноллеса и кнопа, должно быть просчитано время, идущее на подготовительную работу;

3) рабочее время должно быть распределено так, чтобы с нашей стороны не являлось невольных прогулов; теперь, например, подстроили так, что ткач на каждом куске теряет день на получение основы, а так как кусок станет меньше почти вдвое, то ткач и на этом будет нести, независимо от табеля расценок, двойную потерю. Хочет у нас хозяин грабить заработок таким образом, так пусть идет вчистую, так, чтобы мы твердо знали, что от нас хотят отжилить;

4) фабричный инспектор должен следить за тем, чтобы в расценках не было обмана, чтобы они не были двойными. Это значит, например, что в таблице расценок не должно за один и тот же сорт товара, но только с различными

названиями, допускать двух различных цен. Например, бибер мы ткали по 4 р. 32 к., а урал²⁶ всего за 4 р. 14 к., — а разве по работе это не одно и то же? Еще более наглым надувательством является двойная цена работы при товаре одного наименования. Таким путем гг. Торнтоны обходили законы о штрафах, в которых сказано, что штраф можно наложить только за такую порчу работы, которая зависела от небрежности рабочего, в таком случае вычет должен заноситься в рабочую книжку под графюю штрафов не позже трех дней со дня его наложения. Все же штрафы вместе должны находиться на строгом отчете, и сумма, из них составляемая, не может идти в карман фабриканту, а должна идти на нужды рабочих этой фабрики. А у нас — посмотри в наши книжки — чисто, нет штрафов, можно подумать, что наши хозяева из всех хозяев предобрейшие. На самом же деле они обходят по нашему незнанию закон и легко обстраивают свои делишки... нас, видите ли, не штрафуют, а у нас производят вычет, платя по меньшей расценке, и пока существовали две расценки — меньшая и большая — придраться к ним никак нельзя, они себе вычитают да вычитают в свой карман;

5) вместе с введением одной расценки, пусть каждый вычет заносится в графу штрафов с обозначением, почему он произведен.

Тогда нам будет видна неправильная штрафовка, меньше будет пропадать даром нашего труда и уменьшится число таких безобразий, которые творятся в настоящее время, например, в красильной, где рабочие выработывали меньше по вине неумелого мастера, что по закону не может быть причиной неоплаты труда, так как тут небрежность рабочего непричем. А мало ли у всех нас таких вычетов, в которых мы ничуть не виноваты?

6) мы требуем, чтобы за квартиру с нас брали столько, сколько брали до 1891 г., то-есть по 1 р. с человека в месяц, потому что платить 2 рубля при нашем заработке положительно не из чего, да и за что?.. За эту грязную, вонючую, тесную и опасную в пожарном отношении конуру? Не забывайте, товарищи, что во всем Питере плата по 1 руб. в месяц считается достаточной, только одни наши хозяева заботливые не довольствуются ею,

и мы должны вставить их посократить и здесь свою алчность. Защищая эти требования, товарищи, мы вовсе не бунтуем, мы только требуем, чтобы нам дали то, чем пользуются уже все рабочие других фабрик по закону, что отняли у нас, надеясь лишь на наше неумение отстоять свои собственные права. Докажем же на этот раз, что наши «благодетели» ошиблись.

*Написано и впервые напечатано
на мимеографе в ноябре 1895 г.*

*Печатается по тексту листовки,
сверенному с текстом сборника
«Работник» № 1—2 (1896 г.)*

О ЧЕМ ДУМАЮТ НАШИ МИНИСТРЫ?²⁷

*Написано в конце 1895 г.
для газеты «Рабочее Дело»
Впервые напечатано в 1924 г.*

*Печатается по копии, найденной
в архиве департамента полиции*

Министр внутренних дел Дурново написал письмо обер-прокурору св. синода Победоносцеву. Письмо написано было 18 марта 1895 г. за № 2603, и на нем стоит надпись: «совершенно доверительно». Значит, министр хотел, чтобы письмо осталось в строжайшей тайне. Но нашлись люди, которые не разделяют взглядов господина министра, что русским гражданам не следует знать намерений правительства, и вот теперь это письмо гуляет всюду в рукописной копии.

О чем же писал г. Дурново г-ну Победоносцеву?

Он писал ему о воскресных школах. В письме говорится: «Сведения, получаемые в течение последних лет, свидетельствуют, что лица, неблагонадежные в политическом отношении, а также часть учащейся молодежи, известного направления, по примеру 60-х годов, стремятся к поступлению в воскресные школы, в качестве преподавателей, лекторов, библиотекарей и т. д. Такое систематическое стремление, не оправдываемое даже изысканием средств для существования, так как обязанности в подобных школах исполняются безвозмездно, доказывает, что вышеозначенное явление представляет собою одно из средств борьбы на легальной (законной) почве с существующим в России государственным порядком и общественным строем противоправительственных элементов».

Вот как судит г. министр! Из образованных людей находят такие, которые хотят поделиться своими знаниями с рабочими, хотят, чтобы ученье приносило пользу не одним им, а и народу, — и министр сейчас же решает, что тут есть «противоправительственные элементы», т. е.

что это какие-нибудь заговорщики подстрекают людей идти в воскресные школы. Неужели без подстрекательства не могло возникнуть у некоторых образованных людей желание учить других? Но министра смущает то, что учителя воскресных школ не получают жалованья. Он привык видеть, что служащие ему шпионы и чиновники служат только из-за жалованья, служат тому, кто больше дает денег, а тут вдруг люди работают, служат, занимаются и все это... даром. Подозрительно! думает министр, и подсылает шпионов разведать дело. В письме дальше говорится: «Из следующих сведений» (полученных от шпионов, существование которых оправдывается получением жалованья) «устанавливается, что не только в составе преподавателей попадаются лица вредного направления, но что нередко самые школы находятся под негласным руководством целого кружка неблагонадежных лиц, члены которого, совершенно не принадлежащие к официальному персоналу служащих, по приглашению ими же поставленных учителей и учительниц читают по вечерам лекции и занимаются с учащимися... Порядок, допускающий возможность чтения лекций людьми посторонними, дает полный простор для проникновения в число лекторов лиц прямо революционной среды».

Итак, если «посторонние люди», не одобренные и не осмотренные попами и шпионами, хотят заниматься с рабочими, — это значит прямая революция! Министр смотрит на рабочих как на порох, а на знание и образование как на искру; министр уверен, что если искра попадет в порох, то взрыв направится прежде всего на правительство.

Мы не можем отказать себе в удовольствии заметить, что в этом редком случае мы вполне и безусловно согласны со взглядами его высокопревосходительства.

Министр приводит дальше в письме «доказательства» правильности своих «сведений». Хороши эти доказательства!

Во-первых, «письмо преподавателя одной из воскресных школ, фамилия которого до сих пор остается невыясненной». Письмо это отобрано при обыске. В письме говорится о программе исторических чтений, об идее закрепощения и раскрепощения сословий, упоминается о бунте Раина и Пугачева.

Должно быть, эти последние имена и напугали так доброго министра: ему сейчас же померещились, вероятно, вилы.

Второе доказательство:

«В министерстве внутренних дел имеется полученная негласным путем программа для публичного чтения в одной из московских воскресных школ следующего содержания: «Происхождение общества. Первобытное общество. Развитие общественной организации. Государство и для чего оно нужно. Порядок. Свобода. Справедливость. Формы государственного устройства. Монархия абсолютная и конституционная. Труд — основа общего благосостояния. Полезность и богатство. Производство, обмен и капитал. Как распределяется богатство. Преследование собственного интереса. Собственность и ее необходимость. Освобождение крестьян с землей. Рента, прибыль, заработная плата. От чего зависит плата и ее виды. Бережливость».

Чтение по этой программе, безусловно негодной для народной школы, дает полную возможность лектору ознакомить постепенно слушателей и с теориями Карла Маркса, Энгельса и т. п., а присутствующее по назначению епархиального начальства лицо едва ли будет в состоянии уловить в чтении начатки социал-демократической пропаганды».

Должно быть, г. министр сильно боится «теорий Маркса и Энгельса», если замечает «начатки» их даже в такой программе, в которой не заметно и следа их. Что нашел в ней министр «негодного»? Вероятно, вопрос о формах государственного устройства и конституции.

Да возьмите, г. министр, любой учебник географии и вы найдете там эти вопросы! Неужели взрослым рабочим нельзя знать того, чему учат ребят?

Но г. министр не надеется на лиц епархиального ведомства: «пожалуй, не поймут, о чем говорят».

Кончается письмо перечислением «неблагонадежных» учителей в церковно-приходской воскресной школе при московской фабрике Товарищества прохоровской мануфактуры, воскресной школы в г. Ельце и предполагаемой школы в г. Тифлисе. Г-н Дурново советует г. Победоносцеву заняться «тщательной проверкой лиц, допускаемых к занятиям в школах». Теперь, когда читаешь список

учителей, волосы дыбом встают: все бывший студент, да бывший студент, да еще бывшая курсистка. Г. министр желал бы, чтобы преподавателями были бывшие унтеры.

С особенным ужасом говорит г. министр, что школа в г. Ельце «помещается за рекой Сосной, где живет преимущественно простой» (о, ужас!) «и мастеровой народ, и где находится железнодорожная мастерская».

Подальше, подальше надо держать школы от «простого и мастерового люда».

Рабочие! Вы видите, как смертельно боятся наши министры соединения знания с рабочим людом! Покажите же всем, что никакая сила не сможет отнять у рабочих сознания! Без знания рабочие — беззащитны, со знанием они — сила!

**ПРОЕКТ
И ОБЪЯСНЕНИЕ ПРОГРАММЫ
СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ
ПАРТИИ ²⁸**

Написано в тюрьме в 1895—1896 гг.

Впервые напечатано в 1924 г.

«Проект программы» печатается по рукописи, написанной химическими чернилами между строк в журнале «Научное Обозрение» № 5 за 1900 г., «Объяснение программы» — по гектографированной тетради

ПРОЕКТ ПРОГРАММЫ

А. 1. Все быстрее и быстрее развиваются в России крупные фабрики и заводы, разоряя мелких кустарей и крестьян, превращая их в нищих рабочих, сгоняя все больше и больше народа в города, фабричные и промышленные села и местечки.

2. Этот рост капитализма означает громадный рост богатства и роскоши среди кучки фабрикантов, купцов и землевладельцев и еще более быстрый рост нищеты и угнетения рабочих. Вводимые крупными фабриками улучшения в производстве и машины, способствуя повышению производительности общественного труда, служат к усилению власти капиталистов над рабочими, к увеличению безработицы, а вместе с ней и к беззащитности рабочих.

3. Но доводя до высшей степени гнет капитала над трудом, крупные фабрики создают особый класс рабочих, который получает возможность вести борьбу с капиталом, потому что самые условия его жизни разрушают все связи его с собственным хозяйством и, соединяя рабочих общей работой и перебрасывая их с фабрики на фабрику, сплачивают вместе массы рабочего люда. Рабочие начинают борьбу с капиталистами, и среди них появляется усиленное стремление к объединению. Из отдельных восстаний рабочих вырастает борьба русского рабочего класса.

4. Эта борьба рабочего класса с классом капиталистов есть борьба против всех классов, живущих чужим трудом, и против всякой эксплуатации. Она может окончиться лишь переходом политической власти в руки

рабочего класса, передачей всей земли, орудий, фабрик, машин, рудников в руки всего общества для устройства социалистического производства, при котором все производимое рабочими и все улучшения в производстве должны идти на пользу самим трудящимся.

5. Движение русского рабочего класса по своему характеру и цели входит как часть в международное (социал-демократическое) движение рабочего класса всех стран.

6. Главным препятствием в борьбе русского рабочего класса за свое освобождение является неограниченное самодержавное правительство с его безответственными чиновниками. Опираясь на привилегии землевладельцев и капиталистов и на прислужничество их интересам, оно держит в полной бесправности низшие сословия и тем связывает движение рабочих и задерживает развитие всего народа. Поэтому борьба русского рабочего класса за свое освобождение с необходимостью вызывает борьбу против неограниченной власти самодержавного правительства.

Б. 1. Русская социал-демократическая партия объявляет своей задачей — помогать этой борьбе русского рабочего класса развитием классового самосознания рабочих, содействием их организации, указанием на задачи и цели борьбы.

2. Борьба русского рабочего класса за свое освобождение есть борьба политическая, и первой задачей ее является достижение политической свободы.

3. Поэтому русская социал-демократическая партия, не отделяя себя от рабочего движения, будет поддерживать всякое общественное движение против неограниченной власти самодержавного правительства, против класса привилегированных дворян-землевладельцев и против всех остатков крепостничества и сословности, стесняющих свободу конкуренции.

4. Напротив того, русская социал-демократическая рабочая партия будет вести войну со всеми стремлениями облагодетельствовать трудящиеся классы опекой неограниченного правительства и его чиновников и задержать развитие капитализма, а, следовательно, и развитие рабочего класса.

5. Освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих.

6. Русскому народу нужна не помощь неограниченного правительства и его чиновников, а освобождение от его гнета.

В. Исходя из этих воззрений, русская социал-демократическая партия требует прежде всего:

1. Созвания Земского собора из представителей всех граждан для выработки конституции.

2. Всеобщего и прямого избирательного права для всех русских граждан, достигших 21 года, без различия вероисповедания и национальности.

3. Свободы собраний, союзов и стачек.

4. Свободы печати.

5. Уничтожения сословий и полного равенства всех граждан перед законом.

6. Свободы вероисповедания и равноправности всех национальностей. Передачи ведения метрик в руки самостоятельных гражданских чиновников, независимых от полиции.

7. Предоставления каждому гражданину права преследовать всякого чиновника перед судом, без жалобы по начальству.

8. Отмены паспортов, полной свободы передвижений и переселений.

9. Свободы промыслов и занятий и уничтожения цехов.

Г. Для рабочих русская социал-демократическая партия требует:

1. Учреждения промышленных судов во всех отраслях промышленности, с выборными судьями от капиталистов и рабочих поровну.

2. Законодательного ограничения рабочего дня 8 часами в сутки.

3. Законодательного запрещения ночной работы и смен. Запрещения работы детей до 15 лет.

4. Законодательного установления праздничного отдыха.

5. Распространения фабричных законов и фабричной инспекции на все отрасли промышленности во всей России и на казенные фабрики, а также и на кустарей, работающих на дому.

6. Фабричная инспекция должна иметь самостоятельное положение и не находиться в ведомстве министерства финансов. Члены промышленных судов получают равные

права с фабричной инспекцией по надзору за исполнением фабричных законов.

7. Безусловного запрещения повсюду расплаты товарами.

8. Надзора выборных от рабочих за правильным составлением расценок, за браковкой товара, за расходом штрафных денег и за фабричными квартирами рабочих.

Закона о том, чтобы все вычеты из заработной платы рабочих, для какого бы предназначения они ни делались (штрафы, браковка и проч.), вместе взятые, не могли превышать 10 коп. с рубля.

9. Закона об ответственности фабрикантов за увечья рабочих с обязательством фабриканту доказывать, что вина на стороне рабочих.

10. Закона об обязанности фабрикантов содержать школы и давать медицинскую помощь рабочим.

Д. Для крестьян русская социал-демократическая партия требует:

1. Отмены выкупных платежей²⁹ и вознаграждения крестьян за уплаченные выкупные платежи. Возвращения крестьянам излишне уплаченных в казну денег.

2. Возвращения крестьянам отрезанных от них в 1861 г. земель.

3. Полного равенства в податях и налогах с крестьянской и помещичьей землей.

4. Отмены круговой поруки³⁰ и всех законов, стесняющих крестьян в распоряжении их земель.

ОБЪЯСНЕНИЕ ПРОГРАММЫ

Программа разделяется на три главные части. В первой части излагаются все воззрения, из которых вытекают остальные части программы. В этой части указывается, какое положение занимает рабочий класс в современном обществе, какой смысл и значение имеет его борьба с фабрикантами и каково политическое положение рабочего класса в русском государстве.

Во второй части излагается *задача партии* и указывается, в каком отношении она находится к другим политическим направлениям в России. Здесь говорится о том,

какова должна быть деятельность партии и всех сознающих свои классовые интересы рабочих и как следует им относиться к интересам и стремлениям других классов русского общества.

3-я часть содержит практические требования партии. Эта часть подразделяется на 3 отдела. 1-й отдел содержит требование общегосударственных преобразований. 2-й отдел — требования и программу рабочего класса. 3-й — требования в пользу крестьян. Некоторые предварительные объяснения к этим отделам даны ниже, перед переходом к практической части программы.

А 1. Программа говорит прежде всего о быстром росте крупных фабрик и заводов, потому что это главное явление в современной России, совершенно изменяющее все старые условия жизни, в особенности условия жизни трудящегося класса. При старых условиях почти все количество богатств производилось мелкими хозяевами, которые составляли громадное большинство населения. Население жило неподвижно по деревням, производя большую часть продуктов либо на свое собственное потребление, либо на небольшой рынок окрестных селений, мало связанный с другими соседними рынками. На помещиков работали те же мелкие хозяева, и помещики заставляли их производить продукт главным образом на собственное потребление. Домашние продукты отдавались в обработку ремесленникам, которые жили тоже по деревням или ходили набирать работу по окрестностям.

И вот со времени освобождения крестьян эти условия жизни массы народа подверглись полному изменению: на место мелких ремесленных заведений стали появляться крупные фабрики, которые росли с чрезвычайной быстротой; они вытесняли мелких хозяев, превращая их в наемных рабочих, и заставляли сотни и тысячи рабочих работать вместе, производя в громадном количестве товар, распродающийся по всей России.

Освобождение крестьян уничтожило неподвижность населения и поставило крестьян в такие условия, что они не могли уже кормиться с оставшихся у них клочков земли. Масса народа бросилась на поиски заработка, идя на фабрики, на постройку железных дорог, соединяющих разные концы России и развозящих повсюду товары крупных фабрик. Масса народа пошла на заработки

в города, занималась постройкой фабричных и торговых зданий, доставкой топлива к фабрикам, подготовлением материалов для нее. Наконец, множество лиц занято было работой на дому, раздаваемой купцами и фабрикантами, не успевающими расширять своих заведений. Такие же изменения произошли в земледелии, помещики стали производить хлеб на продажу, появились крупные посевики из крестьян и купцов, сотни миллионов пудов хлеба стали продаваться за границу. Для производства потребовались наемные рабочие, и сотни тысяч и миллионы крестьян пошли, забрасывая свои крохотные наделы, в батраки и поденщики к новым хозяевам, производящим хлеб на продажу. Вот эти-то изменения старых условий жизни и описывает программа, говоря, что крупные фабрики и заводы разоряют мелких кустарей и крестьян, превращая их в наемных рабочих. Мелкое производство повсюду заменяется крупным, и в этом крупном производстве массы рабочих уже простые наемники, работающие за заработную плату на капиталиста, который владеет громадными капиталами, строит громадные мастерские, закупает массы материала и кладет себе в карман всю прибыль этого массового производства объединенных рабочих. Производство стало капиталистическое и оно давит беспощадно и безжалостно всех мелких хозяев, разрушая их неподвижную жизнь в деревнях, заставляя их простыми чернорабочими ходить из конца в конец всей страны, продавая свой труд капиталу. Все бо́льшая и бо́льшая часть населения окончательно отрывается от деревни и от сельского хозяйства и собирается в города, фабричные и промышленные села и местечки, образуя особый класс людей, не имеющих никакой собственности, класс наемных рабочих-пролетариев, живущих только продажей своей рабочей силы.

Вот в чем состоят те громадные изменения в жизни страны, которые произведены крупными фабриками и заводами: мелкое производство заменяется крупным, мелкие хозяева превращаются в наемных рабочих. Что же означает эта перемена для всего трудящегося народа и к чему она ведет? Об этом и говорит дальше программа.

А 2. Замена мелкого производства крупным сопровождается заменой мелких денежных средств в руках

отдельного хозяина — громадными капиталами, заменой мелких, ничтожных барышей — миллионными барышами. Поэтому рост капитализма ведет повсюду к росту роскоши и богатства. В России создался целый класс крупных денежных тузов, фабрикантов, железнодорожников, купцов, банкиров, создался целый класс людей, живущих доходами с денежных капиталов, отдаваемых под проценты промышленникам; обогатились крупные землевладельцы, получая с крестьян много выкупа за землю, пользуясь их нуждой в земле для повышения цен на отдаваемую в аренду землю, заводя в своих имениях крупные свеклосахарные и винокуренные заводы. Роскошь и мотовство во всех этих классах богачей достигли небывалых размеров, и парадные улицы больших городов застроились их княжескими палатами и роскошными замками. Но положение рабочего по мере роста капитализма все ухудшалось. Зарботки если и увеличились кое-где после освобождения крестьян, то очень немного и ненадолго, потому что масса приливающего из деревни голодного народа сбивала цены, а между тем съестные и жизненные припасы все дорожали, так что даже при увеличившейся плате рабочим приходилось получать меньше средств к жизни; заработок найти становилось все труднее и труднее, и рядом с роскошными палатами богачей (или на окраинах городов) росли лачуги рабочих, принужденных жить в подвалах, в переполненных сырых и холодных квартирах, а не то и прямо в землянках около новых промышленных заведений. Капитал, становясь все крупнее, сильнее давил на рабочих, превращая их в нищих, принуждая отдавать все свое время фабрике, загоняя на работу жен и детей рабочих. Таким образом, вот в чем состоит первая перемена, к которой ведет рост капитализма: громадные богатства скопляются в руках небольшой кучки капиталистов, а массы народа превращаются в нищих.

Вторая перемена состоит в том, что замена мелкого производства крупным повела ко многим улучшениям в производстве. Прежде всего на место труда поодиночке, порознь в каждой маленькой мастерской, у каждого мелкого хозяина отдельно, стала работа соединенных рабочих, трудящихся вместе на одной фабрике, у одного землевладельца, у одного подрядчика. Совместный труд гораздо

успешнее (производительнее) одиночного и дает возможность производить товары гораздо легче и скорее. Но всеми этими улучшениями пользуется один капиталист, который платит рабочим их же гроши и даром присваивает всю выгоду от соединенного труда рабочих. Капиталист оказывается еще сильнее, рабочий еще слабее, потому что он привыкает к одной какой-нибудь работе и ему труднее перейти на другое дело, переменить занятие.

Другим, гораздо более важным улучшением в производстве являются *машины*, которые вводит капиталист. Успешность труда увеличивается во много раз от употребления машин; но капиталист обращает всю эту выгоду против рабочих: пользуясь тем, что машины требуют меньшего физического труда, он ставит к ним женщин и детей, платя им меньшую плату. Пользуясь тем, что при машинах нужно гораздо меньше рабочих, он выталкивает их массами с фабрики и пользуется этой безработицей, чтобы еще сильнее поработить рабочего, чтобы увеличить рабочий день, чтобы отнять у рабочего ночной отдых и превратить его в простой придаток машины. Безработица, созданная машинами и постоянно увеличивающаяся, ведет теперь к полной незащитности рабочего. Его искусство теряет цену, он легко заменяется простым чернорабочим, быстро привыкающим к машине и охотно идущим работать за меньшую плату. Всякая попытка отстоять себя от еще большего давления капитала ведет к расчету. Поодиночке рабочий оказывается совершенно бессильным перед капиталом, машина грозит задавить его.

А 3. Мы показали в объяснении к предыдущему пункту, что рабочий в одиночку оказывается бессильным и незащитным перед капиталистом, вводящим машины. Рабочему приходится во что бы то ни стало искать средств дать отпор капиталисту, чтобы отстоять себя. И такое средство они находят в *соединении*. Бессильный в одиночку, рабочий становится силой в соединении с своими товарищами, получает возможность бороться против капиталиста и дать ему отпор.

Соединение становится необходимостью для рабочего, против которого стоит уже крупный капитал. Но возможно ли соединить массу стороннего друг другу сбродного народа, работающего хотя бы и на одной фабрике?

Программа указывает те условия, которые подготовляют рабочих к соединению и развивают в них способности и умение соединяться. Эти условия следующие: 1) крупная фабрика с машинным производством, требующим постоянной работы круглый год, совершенно разрывает связь рабочего с землей и с собственным хозяйством, делая его полным пролетарием. А собственное хозяйство на кусочке земли разъединяло рабочих, давало каждому из них некоторый особый интерес, отдельный от интересов товарища, и таким образом препятствовало их объединению. Разрыв рабочего с землей разрывает эти препятствия. 2) Далее, совместная работа сотен и тысяч рабочих сама собой приучает рабочих к совместному обсуждению своих нужд, к совместному действию, наглядно показывая одинаковость положения и интересов всей массы рабочих. 3) Наконец, постоянные перебрасывания рабочих с фабрики на фабрику приучают их сличать условия и порядки на разных фабриках, сравнивать их, убеждаться в одинаковости эксплуатации на всех фабриках, заимствовать опыт других рабочих в их столкновениях с капиталистом и таким образом усиливают сплочение, солидарность рабочих. Вот эти-то условия, вместе взятые, и повели к тому, что появление на свет крупных фабрик и заводов вызвало соединение рабочих. Среди русских рабочих это соединение выражается чаще всего и сильнее всего в стачках (о том, почему нашим рабочим недоступно соединение в форме союзов или касс, мы будем говорить позже). Чем сильнее развиваются крупные фабрики и заводы, тем чаще, сильнее и упорнее становятся рабочие стачки, так что, чем сильнее гнет капитализма, тем более необходим совместный отпор рабочих. Стачки и отдельные восстания рабочих, как говорит программа, составляют в настоящее время самое распространенное явление на русских фабриках. Но, по мере дальнейшего роста капитализма и учащения стачек, они оказываются недостаточными. Фабриканты принимают против них общие меры: они заключают между собой союз, они выписывают рабочих из других мест, они обращаются за содействием к государственной власти, которая помогает им подавлять сопротивление рабочих. Против рабочих стоит уже не один отдельный фабрикант каждой отдельной фабрики, против них стоит *весь класс капиталистов* с помогающим

ему правительством. Весь класс капиталистов вступает в борьбу со всем классом рабочих, изыскивая общие меры против стачек, добываясь от правительства законов против рабочих, перенося фабрики и заводы в более глухие местности, прибегая к раздаче работы на дом и к тысяче всяких других уловок и ухищрений против рабочих. Соединение рабочих отдельной фабрики, даже отдельной отрасли промышленности оказывается недостаточным для отпора всему классу капиталистов, становится безусловно необходимым совместное действие *всего класса рабочих*. Таким образом, из отдельных восстаний рабочих вырастает борьба всего рабочего класса. Борьба рабочих с фабрикантами превращается в *классовую борьбу*. Всех фабрикантов объединяет один интерес — держать рабочих в подчинении и платить им как можно меньше рабочей платы. И фабриканты видят, что им не отстоять своего дела иначе, как при совместном действии всего класса фабрикантов, иначе, как приобретая влияние на государственную власть. Рабочих точно так же связывает один общий интерес — не дать капиталу задавить себя, отстоять свое право на жизнь и на человеческое существование. И рабочие точно так же убеждаются, что и им необходимо объединение, совместное действие всего класса — рабочего класса — и что для этого необходимо добиться влияния на государственную власть.

А 4. Мы объяснили, каким образом и почему борьба фабричных рабочих с фабрикантами становится *классовой борьбой*, борьбой рабочего класса — пролетариев — с классом капиталистов — буржуазией. Спрашивается, какое значение для всего народа и всех трудящихся имеет эта борьба? При современных условиях, о которых мы говорили уже в объяснении к 1 пункту, производство посредством наемных рабочих все более и более вытесняет мелкое хозяйство. Число людей, *живущих наемным трудом*, быстро увеличивается и не только увеличивается число постоянных фабричных рабочих, но еще более увеличивается число крестьян, которые должны искать себе той же наемной работы, чтобы прокормиться. В настоящее время работа по найму, работа на капиталиста стала уже самой распространенной формой работы. Господство капитала над трудом охватило массу населения не только в промышленности, но и в земледелии.

Вот эту-то эксплуатацию наемного труда, которая лежит в основании современного общества, крупные фабрики доводят до высшей степени развития. Все приемы эксплуатации, которые употребляются всеми капиталистами во всех отраслях промышленности, от которых страдает вся масса рабочего населения России — здесь, на фабрике, собираются вместе, усиливаются, делаются постоянным правилом, распространяются на все стороны труда, жизни рабочего, создают целый распорядок, целую систему выжимания соков из рабочего капиталистом. Поясним это примером: везде и всегда каждый, нанимающийся на работу, отдыхает, оставляет работу в праздник, если его празднуют в окрестности. Совсем другое дело на фабрике: нанимая работника, фабрика распорядится уже им как ей угодно, не обращая никакого внимания на привычки рабочего, на обычный образ жизни, на его семейное положение, на умственные потребности. Фабрика гонит его на работу тогда, когда ей это нужно, заставляя пригонять к ее требованиям всю свою жизнь, заставляя разрывать на части свой отдых, при работе сменами заставляя работать и ночью и в праздник. Все злоупотребления, какие можно себе представить относительно рабочего времени, фабрика пускает в ход, а вместе с тем вводит свои «правила», свои «порядки», обязательные для каждого рабочего. Фабричный порядок оказывается нарочно подогнанным так, чтобы выжать из нанятого рабочего все то количество труда, какое он может дать, выжать как можно скорее и затем выбросить его долой! Другой пример. Всякий, нанимающийся на работу, обязывается, конечно, подчиняться хозяину, исполнять то, что ему прикажут. Но, обязываясь исполнять временную работу, нанимающийся вовсе не отказывается от своей воли; находя неправильным или чрезмерным требование хозяина, он уходит от него. Фабрика же требует, чтобы рабочий отказался совершенно от своей воли; она заводит у себя дисциплину, заставляя рабочего по звонку вставать на работу и прекращать ее, она присваивает себе право самой наказывать рабочего и за каждое нарушение ею же составленных правил подвергает его штрафу или вычету. Рабочий становится частью громадного машинного аппарата: он должен быть так же беспрекословен, порабощен, лишен собственной воли, как и сама машина.

Еще 3-й пример. Всякий, нанимающийся на работу, сплошь и рядом оказывается недовольным хозяином, обращается с жалобой на него в суд или к начальнику. И начальник и суд решают спор обыкновенно в пользу хозяина, держат его руку, но это потворство хозяйским интересам основывается не на общем правиле или законе, а на услужливости отдельных чиновников, которые иногда больше защищают, иногда меньше, которые решают дело несправедливо в пользу хозяина или по знакомству с хозяином, или по незнанию условий работы и неумению понять рабочего. Каждый отдельный случай такой несправедливости зависит от каждого отдельного столкновения рабочего с хозяином, от каждого отдельного чиновника. Фабрика же соединяет вместе такую массу рабочих, доводит притеснения до такой степени, что становится невозможным разбирать особо каждый случай. Создаются общие правила, составляется закон об отношениях рабочих к фабрикантам, закон, обязательный для всех. И в этом законе потворство интересам хозяина закрепляется уже государственною властью. На место несправедливости отдельных чиновников становится несправедливость самого закона. Появляются, напр., такие правила, что рабочий за прогул не только теряет заработок, но платит еще штраф, а хозяин, посылая гулять рабочего, ничего не платит ему; что хозяин может рассчитать рабочего за грубость, а рабочий не может по той же причине уйти от него; что хозяин вправе самовольно налагать штрафы, вычет или требовать сверхурочной работы и т. п.

Все эти примеры показывают нам, каким образом фабрика усиливает эксплуатацию рабочих и делает эту эксплуатацию всеобщей, делает из нее целый «порядок». Рабочему волей-неволей приходится уже теперь иметь дело не с отдельным хозяином и его волей и притеснением, а с произволом и притеснением всего класса хозяев. Рабочий видит, что его угнетатели не какой-нибудь один капиталист, а весь класс капиталистов, потому что у всех заведений одинаковый порядок эксплуатации; отдельному капиталисту нельзя даже отступить от этого порядка: если бы он вздумал, напр., сократить рабочее время, ему обошлись бы дороже товары, чем его соседу, другому фабриканту, который заставляет рабочего за ту же плату работать дольше. Чтобы добиться улучшения своего

положения, рабочему приходится теперь иметь дело с целым общественным устройством, направленным к эксплуатации труда капиталом. Против рабочего стоит уже не отдельная несправедливость одного какого-либо чиновника, а несправедливость самой государственной власти, которая берет под свою защиту весь класс капиталистов и издает обязательные для всех законы в пользу этого класса. Таким образом, борьба фабричных рабочих с фабрикантами неизбежно превращается в борьбу против всего класса капиталистов, против всего общественного устройства, основанного на эксплуатации труда капиталом. Поэтому борьба рабочих и приобретает общественное значение, становится борьбой от лица всех трудящихся против всех классов, живущих чужим трудом. Поэтому борьба рабочих открывает собою новую эпоху русской истории и является зарей освобождения рабочих.

На чем же держится господство класса капиталистов над всей массой рабочего люда? На том, что в руках капиталистов, в их частной собственности находятся все фабрики, заводы, рудники, машины, орудия труда; на том, что в их руках громадные количества земли (из всей земли Евр. России более $\frac{1}{3}$ принадлежит землевладельцам, число которых не составляет полумиллиона). Рабочие, сами не имея никаких орудий труда и материалов, должны продавать свою рабочую силу капиталистам, которые платят рабочим только то, что необходимо на содержание их, и весь излишек, производимый трудом, кладут себе в карман; они уплачивают таким образом только часть потребленного им на работу времени и присваивают себе остальную часть. Все увеличение богатства, происходящее от соединенного труда массы рабочих или улучшений в производстве, достается классу капиталистов, и рабочие, трудясь из поколения в поколение, остаются такими же неимущими пролетариями. Поэтому есть только одно средство положить конец эксплуатации труда капиталом, именно: уничтожить частную собственность на орудия труда, передать все фабрики, заводы, рудники, а также все крупные имения и т. п. в руки всего общества и вести общее социалистическое производство, направляемое самими рабочими. Продукты, производимые общим трудом, будут тогда идти в пользу самих трудящихся, а производимый ими излишек над их содержанием будет служить

для удовлетворения потребностей самих рабочих, для полного развития всех их способностей и равноправного пользования всеми приобретениями науки и искусства. В программе и указано поэтому, что только этим может окончиться борьба рабочего класса с капиталистами. А для этого необходимо, чтобы политическая власть, т. е. власть управления государством, из рук правительства, находящегося под влиянием капиталистов и землевладельцев, или из рук правительства, состоящего прямо из выборных представителей капиталистов, перешла в руки рабочего класса.

Такова конечная цель борьбы рабочего класса, таково условие его полного освобождения. К этой конечной цели должны стремиться сознательные, объединенные рабочие; но у нас в России они встречают еще огромные препятствия, мешающие им вести борьбу за свое освобождение.

А 5. Борьбу с господством класса капиталистов ведут в настоящее время уже рабочие всех европейских стран, а также рабочие Америки и Австралии. Соединение и сплочение рабочего класса не ограничивается пределами одной страны или одной национальности: рабочие партии разных государств громко заявляют о полной одинаковости (солидарности) интересов и целей рабочих всего мира. Они собираются вместе на общие конгрессы, выставляют общие требования к классу капиталистов всех стран, учреждают международный праздник всего объединенного, стремящегося к своему освобождению, пролетариата (1 мая), сплачивая рабочий класс всех национальностей и всех стран в одну великую рабочую армию. Это объединение рабочих всех стран вызывается необходимостью, тем, что класс капиталистов, господствующий над рабочими, не ограничивает своего господства одной страной. Торговые связи между различными государствами становятся все теснее и обширнее; капитал переходит постоянно из одной страны в другую. Банки, эти громадные склады капиталов, собирающие его отовсюду и распределяющие его в ссуду капиталистам, становятся из национальных международными, собирают капиталы из всех стран, распределяют их капиталистам Европы и Америки. Громадные акционерные компании устраиваются уже для заведения капиталистических предприятий не в одной

стране, а в нескольких сразу; появляются международные общества капиталистов. Господство капитала международно. Вот почему и борьба рабочих всех стран за освобождение имеет успех лишь при совместной борьбе рабочих против международного капитала. Вот почему товарищем русского рабочего в борьбе против класса капиталистов является и рабочий немец, и рабочий поляк, и рабочий француз, точно так же, как врагом его являются капиталисты и русские, и польские, и французские. Так, в последнее время иностранные капиталисты особенно охотно переносят свои капиталы в Россию, строят в России отделения своих фабрик и заводов и основывают компании для новых предприятий в России. Они жадно набрасываются на молодую страну, в которой правительство так благосклонно и угодливо к капиталу, как нигде, в которой они находят рабочих менее объединенных, менее способных к отпору, чем на Западе, в которой жизненный уровень рабочих, а потому и их заработная плата гораздо ниже, так что иностранные капиталисты могут получать громадные, неслыханные у себя на родине, барыши. Международный капитал протянул уже свою руку и на Россию. Русские рабочие протягивают руки международному рабочему движению.

А 6. Мы говорили уже о том, как крупные фабрики и заводы доводят до высшей степени гнет капитала над трудом, как они создают целую систему приемов эксплуатации; как рабочие, восставая против капитала, неизбежно приходят к необходимости объединения всех рабочих, к необходимости совместной борьбы всего рабочего класса. В этой борьбе против класса капиталистов рабочие сталкиваются с общими государственными законами, которые берут под свою охрану капиталистов и их интересы.

Но ведь, если рабочие, соединяясь вместе, оказываются в силах вынуждать уступки капиталистов, давать им отпор, то рабочие могли бы точно так же своим объединением влиять на государственные законы, добиваться их изменения. Так и поступают рабочие всех других стран, но русские рабочие не могут прямо влиять на государство. Рабочие поставлены в России в такие условия, при которых они лишены самых простых гражданских прав. Они не смеют ни собираться, ни обсуждать своих дел совместно, ни устраивать союзов, ни печатать свои заявления,

другими словами — государственные законы не только составлены в интересах класса капиталистов, но они прямо лишают рабочих всякой возможности влиять на эти законы и добиться их изменения. Происходит это оттого, что в России (и только в одной России из всех европейских государств) сохраняется до сих пор неограниченная власть самодержавного правительства, то-есть такое государственное устройство, при котором издавать законы, обязательные для всего народа, может один только царь по своему усмотрению, а исполнять эти законы могут одни только чиновники, назначаемые им. Граждане лишены всякого участия в издании законов, обсуждении их, предложении новых, требовании отмены старых. Они лишены всякого права требовать отчета от чиновников, проверять их действия, обвинять пред судом. Граждане лишены даже права обсуждать государственные дела: они не смеют устраивать собрания или союзы без разрешения тех же чиновников. Чиновники являются, таким образом, в полном смысле слова безответственными; они составляют как бы особую касту, поставленную над гражданами. Безответственность и произвол чиновников и полная безгласность самого населения порождают такие вопиющие злоупотребления власти чиновников и такое нарушение прав простого народа, какое едва ли возможно в любой европейской стране.

Таким образом, по закону русское правительство является совершенно неограниченным, оно считается как бы совершенно независимым от народа, стоящим выше всех сословий и классов. Но если бы это было действительно так, отчего бы и закон и правительство во всех столкновениях рабочих с капиталистами становились на сторону капиталистов? Отчего бы капиталисты встречали все больше поддержки по мере того, как увеличивается их число и растет их богатство, — а рабочие встречали все более и более сопротивлений и стеснений?

На самом деле правительство не стоит выше классов и берет под свою защиту один класс против другого, берет под свою защиту класс имущих против неимущих, капиталистов против рабочих. Неограниченное правительство не могло бы и управлять таким громадным государством, если бы оно не оказывало всяческих льгот и поблажек имущим классам.

Хотя по закону правительство является неограниченной и независимой властью, но на деле капиталисты и землевладельцы имеют тысячи способов влиять на правительство и на государственные дела. У них есть свои, законом признанные, сословные учреждения, дворянские и купеческие общества, комитеты торговли и мануфактур и т. п. Выборные представители их или прямо становятся чиновниками и принимают участие в управлении государством (напр., предводители дворянства) или приглашаются в качестве членов во все правительственные учреждения: напр., фабриканты по закону заседают в фабричных присутствиях (это — начальство над фабричной инспекцией), выбирая туда своих представителей. Но этим прямым участием в управлении государством они не ограничиваются. В своих обществах они обсуждают государственные законы, вырабатывают проекты, и правительство по каждому поводу спрашивает обыкновенно их мнение, оно предлагает им какой-нибудь проект и просит сделать на него замечания.

Капиталисты и землевладельцы устраивают общерусские съезды, на которых обсуждают свои дела, изыскивая разные мероприятия на пользу своего класса, заявляют от лица всех дворян-помещиков, от «всероссийского купечества» ходатайства об издании новых законов и изменении старых. Свои дела они могут обсуждать в газетах, ибо как ни стесняет правительство печать своей цензурой, но отнять у имущих классов право обсуждать свои дела оно и думать не смеет. Они имеют всяческие ходы и доступы к высшим представителям государственной власти и легче могут добиться отмены особенно стеснительных законов и правил. И если ни в одной стране в мире нет такого множества законов и правил, такой беспримерной полицейской опеки правительства, предусматривающей всякие мелочи и обезличивающей всякое живое дело — то ни в одной стране в мире не нарушаются так легко эти буржуазные правила и так легко не обходят эти полицейские законы по одному милостивому соизволению высшего начальства. А в этом милостивом соизволении никогда не отказывают³¹.

Б 1. Этот пункт программы самый важный, самый главный, потому что он указывает, в чем должна состоять

деятельность партии, защищающей интересы рабочего класса, и деятельность всех сознательных рабочих. Он указывает, каким образом стремления социализма, стремления устранить вечную эксплуатацию человека человеком должны быть соединены с тем народным движением, которое порождается условиями жизни, созданными крупными фабриками и заводами.

Деятельность партии должна состоять в содействии классовой борьбе рабочих. Задача партии состоит не в том, чтобы сочинить из головы какие-либо модные средства помощи рабочим, а в том, чтобы примкнуть к движению рабочих, внести в него свет, помочь рабочим в этой борьбе, которую они уже сами начали вести. Задача партии защищать интересы рабочих и представлять интересы всего рабочего движения. В чем же должна проявляться помощь рабочим в их борьбе?

Программа говорит, что эта помощь должна состоять, во-1-х, в развитии классового самосознания рабочих. О том, как борьба рабочих с фабрикантами становится классовой борьбой пролетариата с буржуазией — мы уже говорили.

Из сказанного нами тогда вытекает, что надо разуместь под классовым самосознанием рабочих. Классовое самосознание рабочих есть понимание рабочими того, что единственное средство улучшить свое положение и добиться своего освобождения заключается в борьбе с классом капиталистов и фабрикантов, которые созданы крупными фабриками и заводами. Далее, самосознание рабочих означает понимание того, что интересы всех рабочих данной страны одинаковы, солидарны, что они все составляют один класс, отдельный от всех остальных классов общества. Наконец, классовое самосознание рабочих означает понимание рабочими того, что для достижения своих целей рабочим необходимо добиваться влияния на государственные дела, как добились и продолжают добиваться этого землевладельцы и капиталисты.

Каким же путем приобретают рабочие понимание всего этого? Рабочие приобретают его, постоянно почерпая его из той самой борьбы, которую они начинают вести с фабрикантами и которая все больше и больше развивается, становится резче, втягивает большее число ра-

бочих по мере развития крупных фабрик и заводов. Было время, когда вражда рабочих против капитала выражалась только в смутном чувстве ненависти против своих эксплуататоров, в смутном сознании своего угнетения и рабства и в желании *отомстить* капиталистам. Борьба выражалась тогда в отдельных восстаниях рабочих, которые разрушали здания, ломали машины, били фабричное начальство и т. п. Это была *первая*, начальная форма рабочего движения, и она была необходима потому, что ненависть к капиталисту всегда и везде являлась первым толчком к пробуждению в рабочих стремления к защите себя. Но из этой первоначальной формы русское рабочее движение уже выросло. Вместо смутной ненависти к капиталисту рабочие стали уже понимать враждебность интересов класса рабочих и класса капиталистов. Вместо неясного чувства угнетения они стали уже разбирать, *чем именно и как именно* давит их капитал, и восстают против той или другой формы угнетения, ставя предел давлению капитала, защищая себя от алчности капиталиста. Вместо мести капиталистам они переходят теперь к борьбе за уступки, они начинают выставлять одно требование за другим к классу капиталистов и требуют себе улучшения условий работы, повышения платы, сокращения рабочего дня. Каждая стачка сосредоточивает все внимание и все усилия рабочих то на одном, то на другом условии, в которые поставлен рабочий класс. Каждая стачка вызывает обсуждение этих условий, помогает рабочим оценить их, разобратся, в чем состоит тут давление капитала, какими средствами можно бороться против этого давления. Каждая стачка обогащает опыт всего рабочего класса. Если стачка удачна, она показывает ему силу объединения рабочих и побуждает других воспользоваться успехом товарищей. Если она неудачна, она вызывает обсуждение причин неуспеха и изыскание лучших приемов борьбы. В этом начавшемся теперь повсюду в России переходе рабочих к неуклонной борьбе за свои насущные нужды, борьбе за уступки, за лучшие условия жизни, заработка и рабочего дня, заключается громадный шаг вперед, сделанный русскими рабочими, и на эту борьбу, на содействие ей должно быть обращено поэтому главное внимание с.-д. партии и всех сознательных рабочих. Помощь рабочим должна состоять

в указании тех наиболее насущных нужд, на удовлетворение которых должна идти борьба, в разборе тех причин, которые особенно ухудшают положение тех или других рабочих, в разъяснении фабричных законов и правил, нарушение которых (и обманные уловки капиталистов) так часто подвергает рабочих двойному грабежу. Помощь должна состоять в том, чтобы точнее и определеннее выразить требования рабочих и публично выставить их, в том, чтобы выбрать наилучший момент для сопротивления, в том, чтобы выбрать способ борьбы, обсудить положение и силы обеих борющихся сторон, обсудить, нельзя ли избрать еще лучшего способа борьбы (прием вроде, может быть, письма к фабриканту, или обращения к инспектору, или к врачу, смотря по обстоятельствам, если не следует прямо перейти к стачке и т. д.).

Мы сказали, что переход русских рабочих к такой борьбе указывает на сделанный ими громадный шаг вперед. Эта борьба ставит (выводит) рабочее движение на прямую дорогу и служит верным залогом его дальнейшего успеха. На этой борьбе массы рабочего люда учатся, во-1-х, распознавать и разбирать один за другим приемы капиталистической эксплуатации, соотносить их и с законом, и с своими жизненными условиями, и с интересами класса капиталистов. Разбирая отдельные формы и случаи эксплуатации, рабочие научаются понимать значение и сущность эксплуатации в ее целом, научаются понимать тот общественный строй, который основан на эксплуатации труда капиталом. Во-2-х, на этой борьбе рабочие пробуют свои силы, учатся объединению, учатся понимать необходимость и значение его. Расширение этой борьбы и учащение столкновений ведет неизбежно к расширению борьбы, к развитию чувства единства, чувства своей солидарности сначала среди рабочих данной местности, затем среди рабочих всей страны, среди всего рабочего класса. В-3-х, эта борьба развивает политическое сознание рабочих. Масса рабочего люда поставлена условиями самой жизни в такое положение, что они (не могут) не имеют ни досуга, ни возможности раздумывать о каких-нибудь государственных вопросах. Но борьба рабочих с фабрикантами за их повседневные нужды сама собой и неизбежно наталкивает рабочих на вопросы государственные, политические, на вопросы

о том, как управляется русское государство, как издаются законы и правила и чьим интересам они служат. Каждое фабричное столкновение необходимо приводит рабочих к столкновению с законами и представителями государственной власти. Рабочие слушают тут впервые «политические речи». Сначала хотя бы от фабричных инспекторов, разъясняющих им, что уловка, посредством которой их дожал фабрикант, основана на точном смысле правил, утвержденных надлежащей властью и оставляющих на произвол фабриканта дожимать рабочих, или что притеснения фабриканта вполне законны, потому что фабрикант пользуется только своим правом, опирается вот на такой-то закон, утвержденный государственной властью и охраняемый ею. К политическим объяснениям гг. инспекторов прибавляются иногда еще более полезные «политические объяснения» г. министра, напоминающего рабочим о чувствах «христианской любви», которой они обязаны фабрикантам за то, что фабриканты наживают миллионы на счет труда рабочих. После к этим объяснениям представителей государственной власти и к непосредственному знакомству рабочих с тем, в чью пользу эта власть действует, присоединяются еще листки или другие объяснения социалистов, так что рабочие вполне уже получают на такой стачке свое политическое воспитание. Они учатся понимать не только особые интересы рабочего класса, но и особое место, занимаемое рабочим классом в государстве. Итак, вот в чем должна состоять та *помощь*, которую может оказать с.-д. партия классовой борьбе рабочих: в развитии классового самосознания рабочих посредством содействия им в борьбе за свои наиболее насущные нужды.

Вторая *помощь* должна состоять, как говорится в программе, в содействии организации рабочих. Та борьба, которую мы сейчас описали, требует необходимо организации рабочих. Организация становится необходимой и для стачки, чтобы успешнее вести ее, и для сборов в пользу стачечников, и для устройства рабочих касс, и для агитации среди рабочих, распространения среди них листовок или объявлений, воззваний и т. п. Еще более необходима организация, чтобы защитить себя от преследования полиции и жандармерии, чтобы скрыть от них все соединения рабочих, все их сношения, чтобы устроить им

доставку книг, брошюр, газет и т. д. Помощь во всем этом — такова вторая задача партии.

Третья состоит в указании настоящей цели борьбы, т. е. в разъяснении рабочим того, в чем состоит эксплуатация труда капиталом, на чем она держится, каким образом частная собственность на землю и орудия труда ведет к нищенству рабочих масс, заставляет их продавать свой труд капиталистам и отдавать им даром весь излишек, производимый трудом рабочего сверх его содержания, в разъяснении, далее, того, как эта эксплуатация неизбежно ведет к классовой борьбе рабочих с капиталистами, каковы условия этой борьбы и ее конечные цели — одним словом, в разъяснении того, что вкратце указано было в этой программе.

Б 2. Что это значит, что борьба рабочего класса есть борьба политическая? Это значит, что рабочий класс не может вести борьбу за свое освобождение, не добиваясь влияния на государственные дела, на управление государством, на издание законов. Необходимость этого влияния давно уже поняли русские капиталисты, и мы показали, каким образом они, несмотря на всяческие запрещения полицейских законов, сумели найти себе тысячи способов влияния на государственную власть, и как эта власть служит интересам класса капиталистов. Отсюда само собой следует, что и рабочему классу невозможно вести своей борьбы, невозможно даже добиться постоянного улучшения своей участи помимо влияния на государственную власть.

Мы уже говорили, что борьба рабочих с капиталистами неизбежно приведет их к столкновению с правительством, и правительство само изо всех сил старается доказать рабочим, что только борьбой и соединенным сопротивлением они могут повлиять на государственную власть. Особенно наглядно показывают это те крупные стачки, которые были в России в 1885—1886 гг. Правительство сейчас же занялось правилами о рабочих, тотчас же издало новые законы о фабричных порядках, уступив настоятельным требованиям рабочих (напр., введены были правила по ограничению штрафов и о правильной расплате), точно так же и теперешние (1896 г.) стачки опять-таки вызвали немедленно участие правительства, и правительство уже поняло, что ему нельзя ограничиться

арестами и высылками, что смешно потчевать рабочих глупыми наставлениями о благородстве фабрикантов (см. циркуляр министра финансов Витте к фабричным инспекторам. Весна 1896 г.). Правительство увидело, что «соединенные рабочие представляют из себя силу, с которой приходится считаться», и вот оно предприняло уже пересмотр фабричных законов и созывает в С.-Петербурге съезд старших фабричных инспекторов, чтобы обсудить вопрос о сокращении рабочего дня и о других неизбежных уступках рабочим.

Таким образом, мы видим, что борьба рабочего класса с классом капиталистов необходимо должна быть борьбой политической. Эта борьба, действительно, оказывает уже теперь влияние на государственную власть, приобретает политическое значение. Но чем дальше развивается рабочее движение, тем яснее, резче выступает и чувствуется полная политическая несправедливость рабочих, о которой мы говорили раньше, полная невозможность для рабочих открытого и прямого влияния на государственную власть. Поэтому самым насущным требованием рабочих и первой задачей влияния рабочего класса на государственные дела должно быть *достижение политической свободы*, т. е. прямого, обеспеченного законами (конституцией) участия всех граждан в управлении государством, обеспечение за всеми гражданами права свободно собираться, обсуждать свои дела, влиять на государственные дела союзами и печатью. Достижение политической свободы становится *«насущным делом рабочих»*, потому что без нее рабочие не имеют и не могут иметь никакого влияния на государственные дела и таким образом неизбежно остаются несправедливым, униженным, бессловесным классом. И если даже теперь, когда борьба рабочих и сплочение их только еще начинается, правительство спешит уже сделать уступки рабочим, чтобы остановить дальнейший рост движения, то нет сомнения, что когда рабочие сплотятся и объединятся под руководством одной политической партии, они сумеют заставить правительство сдаться, сумеют завоевать себе и всему русскому народу политическую свободу!

В предыдущих частях программы было указано, какое место занимает рабочий класс в современном обществе и современном государстве, какова цель борьбы рабочего

класса и в чем состоит задача партии, представляющей интересы рабочих. При неограниченной власти правительства в России нет и не может быть явных политических партий, но есть политические направления, выражающие интересы других классов и оказывающие влияние на общественное мнение и на правительство. Поэтому, чтобы выяснить положение с.-д. партии, необходимо теперь указать отношение ее к остальным политическим направлениям в русском обществе, чтобы рабочие определили то, кто может быть их союзником, до каких пределов и кто их враг. Это и указывается в 2-х следующих пунктах программы.

Б 3. Программа объявляет, что союзниками рабочих являются, во-1-х, все те слои общества, которые выступают против неограниченной власти самодержавного правительства. Так как эта неограниченная власть есть главное препятствие в борьбе рабочих за свое освобождение, то отсюда само собою следует, что прямой интерес рабочих требует поддержки всякого общественного движения против абсолютизма (абсолютный — значит неограниченный; абсолютизм — неограниченная власть правительства). Чем сильнее развивается капитализм, тем глубже становятся противоречия между этим чиновничьим управлением и интересами самих имущих классов, интересами буржуазии. И с.-д. партия объявляет, что она будет поддерживать все слои и разряды буржуазии, выступающие против неограниченного правительства.

Для рабочих бесконечно выгоднее *прямое влияние* буржуазии на государственные дела, чем теперешнее ее влияние через посредство оравы продажных и бесчинствующих чиновников. Для рабочих гораздо выгоднее *открытое* влияние буржуазии на политику, чем теперешнее *прикрытое*, якобы всемогущим «независимым» правительством, которое пишется «Божьей милостью» и раздает «свои милости» страждущим и трудолюбивым землевладельцам и бедствующим и угнетенным фабрикантам. Рабочим нужна *открытая борьба* с классом капиталистов, чтобы весь русский пролетариат мог видеть, за какие интересы ведут борьбу рабочие, мог учиться, как следует вести борьбу, чтобы происки и стремления буржуазии не прятались в прихожих великих князей, в гостиных сенаторов и министров, в закрытых от всех департаментских канце-

ляриях, чтобы они выступили наружу и раскрыли глаза всем и каждому на то, кто на самом деле внушает правительственную политику и к чему стремятся капиталисты и землевладельцы. Поэтому долой все, что прикрывает теперешнее влияние класса капиталистов, поэтому поддержка всех и всяких представителей буржуазии, *выступающих* против чиновничества, чиновничьего управления, против неограниченного правительства! Но, объявляя о своей поддержке всякого общественного движения против абсолютизма, с.-д. партия признает, что она не отделяет себя от рабочего движения, потому что у рабочего класса свои особые интересы, противоположные интересам всех других классов. Оказывая поддержку всем представителям буржуазии в борьбе за политическую свободу, рабочие должны помнить, что имущие классы могут лишь временно быть их союзниками, что интересы рабочих и капиталистов не могут быть примирены, что устранение неограниченной власти правительства нужно рабочим лишь для того, чтобы открыто и широко повести свою борьбу с классом капиталистов.

Далее с.-д. партия объявляет, что будет оказывать поддержку всем восстающим против класса привилегированных дворян-землевладельцев. Дворяне-помещики считаются в России первым сословием в государстве. Остатки их крепостной власти над крестьянами до сих пор угнетают массу народа. Крестьяне продолжают платить выкуп за освобождение из-под власти помещиков. Крестьяне остаются еще прикрепленными к земле, чтобы господа помещики не могли испытывать недостаток в дешевых и покорных батраках. Крестьяне до сих пор как бесправные и несовершеннолетние отданы на произвол чиновников, оберегающих чиновничий карман, вмешивающихся в крестьянскую жизнь, чтобы крестьяне «исправно» платили выкупы или оброки крепостникам-помещикам, чтобы они не смели «уклоняться» от работы на помещиков, не смели, например, переселяться и этим заставить, пожалуй, помещиков нанимать рабочих со стороны, не таких дешевых и не так задавленных нуждой. Закабалая миллионы и десятки миллионов крестьян в службу себе и поддерживая их бесправность, гг. помещики пользуются за эту доблесть высшими государственными привилегиями. Дворянами-землевладельцами

замещаются главным образом высшие государственные должности (да и по закону дворянское сословие пользуется наибольшим правом на государственную службу); знатные помещики стоят ближе всего к двору и прямее и легче всех склоняют на свою сторону политику правительства. Они пользуются своей близостью к правительству, чтобы грабить государственную казну и получать из народных денег подарки и подачки в миллионах рублей, то в виде крупных поместий, раздаваемых за службу, то в виде «уступок»*.

* — На этом обрывается имеющаяся в ИМЭЛ гектографированная тетрадь. Ред.

ЦАРСКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ ³²

В настоящем 1896 году русское правительство вот уже два раза обращалось к публике с сообщением о борьбе рабочих против фабрикантов. В других государствах такие сообщения не в редкость, — там не прячут того, что происходит в государстве, и газеты свободно печатают известия о стачках. Но в России правительство пуще огня боится огласки фабричных порядков и происшествий: оно запретило писать в газетах о стачках, оно запретило фабричным инспекторам печатать свои отчеты, оно даже перестало разбирать дела о стачках в обыкновенных судах, открытых для публики, — одним словом, оно приняло все меры, чтобы сохранить в строгой тайне все, что делается на фабриках и среди рабочих. И вдруг все эти полицейские ухищрения разлетаются, как мыльный пузырь, — и правительство само вынуждено открыто говорить о том, что рабочие ведут борьбу с фабрикантами. Чем вызвана такая перемена? — В 1895 году было особенно много рабочих стачек. Да, но стачки бывали и прежде, и однако правительство умело не нарушать тайны, и эти стачки проходили безгласно для всей массы рабочих. Нынешние стачки были гораздо сильнее предыдущих и сосредоточены в одном месте. Да, но и прежде бывали не менее сильные стачки, — напр. в 1885—1886 годах в Московской и Владимирской губ. — Но правительство все-таки еще крепилось и не заговаривало о борьбе рабочих с фабрикантами. Отчего же на этот раз оно заговорило? Оттого, что на этот раз на помощь рабочим пришли социалисты, которые помогли рабочим разъяснить дело, огласить его повсюду, и среди рабочих и в обществе, изложить точно требования рабочих, показать всем недобросовестность и дикие насилия правительства.

Правительство увидело, что становится совсем глупо молчать, когда все знают о стачках, — и оно тоже потянулось за всеми. Листки социалистов потребовали правительство к ответу, и правительство явилось и дало ответ.

Посмотрим, каков был ответ.

Сначала правительство пыталось уклониться от гласного и публичного ответа. Один из министров, министр финансов Витте, разослал циркуляр фабричным инспекторам, и в этом циркуляре обаявал рабочих и социалистов «злейшими врагами общественного порядка», советовал фабричным инспекторам запугивать рабочих, уверять их, что правительство запретит фабрикантам делать уступки, указывать им на хорошие побуждения и благородный помысел фабрикантов, говорить о том, как фабриканты заботятся о рабочих и их нуждах, как фабриканты полны «хороших чувств». О самых стачках правительство не говорило, оно не сказало ни слова о том, из-за чего были стачки, в чем состояли безобразные притеснения фабрикантов и нарушения закона, чего добивались рабочие; одним словом, оно прямо-таки *изолгало* все бывшие летом и осенью 1895-го года стачки, попыталось отделаться избытыми казенными фразами о насильственных и «противозаконных» действиях рабочих, хотя рабочие не делали насилий: насильничала одна только полиция. Министр хотел оставить этот циркуляр в тайне, но сами чиновники, которым он вверил ее, не сдержали тайну, и циркуляр пошел гулять в публике. Затем его напечатали социалисты. Тогда правительство, видя себя по обыкновению одураченным со своими всем известными «тайнами», напечатало его в газетах. Это было, как мы уже сказали, ответом на летние и осенние стачки 1895 года. Но вот весной 1896 года стачки повторились еще гораздо сильнее. К слухам о них присоединились листки социалистов. Правительство сначала трусливо молчало, выжидая, как кончится дело, и затем, когда уже восстание рабочих улеглось, — оно выступило задним числом со своей канцелярской мудростью, как с запоздалым полицейским протоколом. На этот раз пришлось уже выступить открыто и притом всему правительству целиком. Его сообщение было напечатано в номере 158 «Правительственного Вестника». На этот раз не удалось уже попрежнему изолгать рабочие стачки. Пришлось рассказать, как было дело,

в чем состояли притеснения фабрикантов, чего требовали рабочие; пришлось признать, что рабочие ввели себя «чинно». Таким образом, рабочие отучили правительство от гнусной полицейской лжи: они заставили его признать правду, когда поднялись массой, когда воспользовались листками для оглашения дела. Это большой успех. Рабочие будут знать теперь, в чем состоит единственное средство добиться публичного заявления своих нужд, оповещения о борьбе рабочих всей России. Рабочие будут знать теперь, что ложь правительства опровергается только соединенной борьбой самих рабочих и их сознательным отношением, — добиться своего права. — Рассказавши, в чем было дело, министры стали придумывать отговорки, они стали уверять в своем сообщении, что стачки вызваны были только «особенностями бумагопрядильного и ниточного производства». Вот как! А не особенностями всего русского производства, не особенностями ли русских государственных порядков, позволяющих полиции травить и хватать мирных рабочих, которые защищают себя от притеснений? Отчего же, добрые гг. министры, рабочие читали нарасхват и требовали листков, в которых говорилось совсем не о бумаге и нитках, а о бесправии русских граждан и о диком произволе правительства, прислуживающегося к капиталистам, нет, эта новая отговорка чуть ли еще не хуже, гнуснее той, которой отделялся в своем циркуляре министр финансов Витте, валивши все на «подстрекателей». Министр Витте рассуждает о стачке так же, как рассуждает о ней любой полицейский чиновник, получающий подачки от фабрикантов: пришли подстрекатели — явилась стачка. Теперь, увидев стачку 30 тысяч рабочих, все министры вместе принялись думать и додумались, наконец, что не оттого бывает стачка, что являются подстрекатели-социалисты, а оттого являются социалисты, что начинаются стачки, начинается борьба рабочих против капиталистов. Министры уверяют теперь, что социалисты потом «примкнули» к стачкам. Это хороший урок для министра финансов Витте. Смотрите же, господин Витте, учитесь хорошенько! Учитесь разбирать вперед, из-за чего вышла стачка, учитесь смотреть на требования рабочих, а не на донесения ваших полицейских крыс, которым вы сами ведь ни на грош не верите. Гг. министры уверяют публику, что это только

«злонамеренные личности» пытались придать стачкам «преступный политический характер» или, как они говорят в одном месте, «социальный характер» (гг. министры хотели сказать социалистический, но, по безграмотности или по канцелярской трусости, сказали социальный, и вышла бессмыслица: социалистический значит поддерживающий рабочих в борьбе с капиталом, а социальный значит просто общественный. Как же можно стачке придать общественный характер? Ведь это все равно, что придать министрам министерский чин!). Вот это забавно! Социалисты придают стачкам политический характер! Да само правительство прежде всяких социалистов приняло все меры, чтобы придать стачкам политический характер. Не оно ли стало хватать мирных рабочих, точно преступников? Арестовывать и высылать? Не оно ли разослало повсюду шпионов и провокаторов? Не оно ли забирало всех, кто попадет под руку? Не оно ли обещало оказать помощь фабрикантам, чтобы они не уступали? Не оно ли преследовало рабочих за простые сборы денег в пользу стачечников? Правительство само лучше всех разъяснило рабочим, что война их с фабрикантами должна быть войною неизбежно с правительством. Социалистам осталось только подтвердить это и опубликовать в листках. Вот и все. Но русское правительство прошло уже огонь и воду в искусстве лицемерить, и министры постарались промолчать о том, какими средствами наше правительство «придавало политический характер стачкам», оно рассказало публике, какими числами были помечены листки социалистов, — отчего не рассказало оно, какими числами были помечены приказы градоначальника и прочих башибузуков об аресте мирных рабочих, о вооружении войска, о посылке шпионов и провокаторов? Они перечислили публике, сколько было листов социалистов, отчего не перечислили они, сколько было схвачено рабочих и социалистов, сколько разоренных семей, сколько высланных и заключенных без суда в тюрьмы. Отчего? Да оттого, что даже русские министры, при всем их бесстыдстве, остерегаются говорить публично о таких разбойничьих подвигах. На мирных рабочих, восставших за свои права, защищавших себя от произвола фабрикантов, — обрушилась вся сила государственной власти, с полицией и войском, жандармами и прокурорами, — против рабочих, державшихся на свои гроши

и гроши их товарищей, английских, польских, немецких и австрийских рабочих, — выступила вся сила государственной казны, обещав поддержку беднякам фабрикантам.

Рабочие были не объединены. Им нельзя было устроить сбор денег, привлечь другие города и других рабочих, их травили повсюду, они должны были уступить перед всей силой государственной власти. Господа министры ликуют, что правительство победило!

Хороша победа! Против 30 тысяч мирных рабочих, не имевших денег, — вся сила власти, все богатство капиталистов! Министры поступили бы умнее, подождав хвастаться такой победой, а то их хвастовство очень уж напоминает хвастовство полицейского солдата, который похвастается тем, что ушел со стачки *не битым*.

«Наушения» социалистов не имели успехов — торжественно объявляет правительство, успокаивая капиталистов. — Да, никакие наушения, ответим и мы на это, не могли бы произвести и сотой доли того впечатления, которое произведено на всех петербургских, на всех русских рабочих поведением правительства в этом деле! Рабочие увидели ясно политику правительства — замолчать рабочие стачки и изолгать их. Рабочие увидели, как их соединенная борьба заставила отбросить полицейскую лицемерную ложь. Они увидели, чьи интересы оберегает правительство, которое обещало поддержку фабрикантам. Они поняли, кто их настоящий враг, когда на них, не нарушающих закона и порядка, точно на неприятелей послали войско и полицию. Сколько бы ни толковали министры о безуспешности борьбы, но рабочие видят, как присмирели везде фабриканты, и знают, что правительство созывает уже фабричных инспекторов совещаться о том, какие уступки надо сделать рабочим, ибо оно видит, что уступки необходимы. Стачки 1895—1896 годов не прошли даром. Они сослужили громадную службу русским рабочим, они показали, как им следует вести борьбу за свои интересы. Они научили их понимать *политическое положение и политические нужды рабочего класса*.

Ноябрь 1896-го года.

*Союз борьбы за освобождение рабочего класса*³³.

Написано в тюрьме осенью 1896 г.

Напечатано на мимеографе в ноябре 1896 г.

Печатается по тексту листовки

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОМАНТИЗМА

(СИСМОНДИ И НАШИ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ СИСМОНДИСТЫ) 84

Написано весной 1897 г.

*Впервые напечатано в журнале
«Новое Слово» 35, кн. 7—10,
апрель — июль 1897 г.*

Подпись: К. Т — н

*Перепечатано в сборнике:
Владимир Ильин — «Экономические
этюды и статьи», 1898 г.*

*Печатается по тексту сборника
«Экономические этюды и статьи»,
сверенному с текстом «Нового
Слова» и текстом сборника:
Вл. Ильин — «Аграрный вопрос»,
1908 г.*

Обложка журнала «Новое Слово»,
в котором впервые были напечатаны статьи В. И. Ленина
«К характеристике экономического романтизма»
и «По поводу одной газетной заметки». — 1897 г.

Уменьшено

Швейцарский экономист Сисмонди (J.-C.-L. Simonde de Sismondi), писавший в начале текущего столетия, представляет особенный интерес для разрешения тех общих экономических вопросов, которые с особенной силой выступают теперь в России. Если прибавить к этому, что в истории политической экономии Сисмонди занимает особое место, стоя в стороне от главных течений, что он горячий сторонник мелкого производства, выступающий с протестом против защитников и идеологов крупного предпринимательства (точно так же, как выступают против них и современные русские народники), то читатель поймет наше намерение дать очерк учения Сисмонди в главных его чертах и в отношении его к другим — одновременным и последующим — направлениям экономической науки. Интерес изучения Сисмонди усиливается как раз в настоящее время тем, что в журнале «Русское Богатство» за прошлый 1896 год мы находим статью, посвященную тоже изложению учения Сисмонди (Б. Эфруси: «Социально-экономические воззрения Симонда де-Сисмонди». «Р. Б.», 1896 г., № 7 и 8)*.

Сотрудник «Русск. Богатства» заявляет с самого начала, что нет писателя, который «подвергся бы столь неправильной оценке», как Сисмонди, которого, дескать, «несправедливо» выставляли то реакционером, то утопистом. — Как раз наоборот. Именно *такая* оценка Сисмонди вполне правильна. Статья же «Русск. Богатства», представляя из себя подробный и аккуратный

* Эфруси умер в 1897 г. Некролог его напечатан в мартовской книжке «Русск. Богатства» за 1897 г.

пересказ Сисмонди, характеризует его теорию совершенно неверно*, идеализируя Сисмонди именно в тех пунктах его учения, в которых он всего ближе подходит к народникам, игнорируя и неправильно освещая отношение его к последующим течениям экономической науки. Поэтому наше изложение и разбор учения Сисмонди будет в то же время критикой статьи Эфрусси.

Г Л А В А I

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ РОМАНТИЗМА

Отличительной особенностью теории Сисмонди является его учение о доходе, об отношении дохода к производству и к населению. Главное произведение Сисмонди и озаглавлено так: «Nouveaux principes d'économie politique ou de la richesse dans ses rapports avec la population» (Seconde édition. Paris, 1827, 2 vol.** Первое издание было в 1819 г.) — «Новые начала политической экономии или о богатстве в его отношениях к населению». Тема эта почти тождественна с тем вопросом, который в русской народнической литературе известен под названием «вопроса о внутреннем рынке для капитализма». Сисмонди утверждал именно, что развитие крупного предпринимательства и наемного труда в промышленности и земледелии ведет к тому, что производство необходимо обгоняет потребление и становится перед неразрешимой задачей найти потребителей; что внутри страны потребителей оно найти не может, ибо превращает массу населения в поденщиков, простых рабочих и создает незанятое население, а искать внешнего рынка становится все труднее с выступлением на мировую арену новых капиталистических стран. Читатель видит, что это совершенно те же самые вопросы, которые занимают экономистов-народников с гг. В. В. и Н. — оном³⁶ во главе. Посмотрим же поближе на отдельные моменты аргументации Сисмонди и на ее научное значение.

* Вполне справедливо, что Сисмонди — не социалист, на что указывает Эфрусси в начале статьи, повторяя сказанное Липпертом (см. «Handwörterbuch der Staatswissenschaften», V. Band, Artikel «Sismondi» von Lippert, Seite 678) («Словарь государственных наук», т. V, статья Липперта «Сисмонди», стр. 678. *Ред.*).

** — Второе издание. Париж, 1827, 2 тома. *Ред.*

I

СОКРАЩАЕТСЯ ЛИ ВНУТРЕННИЙ РЫНОК
ВСЛЕДСТВИЕ РАЗОРЕНИЯ МЕЛКИХ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ?

В противоположность экономистам-классикам, которые имели в виду при своих построениях уже сложившийся капиталистический строй и наличие класса рабочих брали за нечто данное и подразумевающееся само собой, Сисмонди подчеркивает именно процесс разорения мелкого производителя, — процесс, ведущий к образованию этого класса. Что указание этого противоречия в капиталистическом строе составляет заслугу Сисмонди — это неоспоримо, но дело в том, что, как экономист, Сисмонди не сумел *понять* этого явления и свою неспособность к последовательному анализу прикрывал «благими пожеланиями». Разорение мелкого производителя доказывает, по мнению Сисмонди, сокращение внутреннего рынка.

«Если фабрикант будет продавать дешевле, — говорит Сисмонди в главе о том, «как продавец расширяет свой рынок?» (ch. III, livre IV, t. I, p. 342 et suiv. *)**, — то он продаст больше, ибо другие продадут меньше. Поэтому усилия фабриканта направлены всегда на то, чтобы сделать какое-нибудь сбережение на труде или на сырых материалах, которое дало бы ему возможность продавать дешевле его товарищей. Так как материалы сами представляют из себя продукт прошлого труда, то его сбережение сводится всегда, в конце концов, к употреблению меньшего количества труда на производство того же продукта». «Правда, отдельный фабрикант старается не сокращать количества рабочих, а увеличивать производство. Допустим, что это ему удастся, что он перебьет покупателей у своих конкурентов, понизив цену товара. Каков же будет «национальный результат» этого?» «Другие фабриканты введут у себя его приемы производства. Тогда тем или другим из них придется, разумеется, отпустить часть рабочих, соответственно тому, насколько новая машина усиливает производительную силу труда. Если потребление осталось неизменным, и если то же количество

* — гл. III, книга IV, т. I, стр. 342 и след. *Ред.*

** Все дальнейшие цитаты, без особых указаний, относятся к указанному выше изданию «Nouveaux Principes».

труда исполняется числом рук вдесятеро меньшим, то девять десятых доходов этой части рабочего класса будут у него отняты, и его потребление во всех видах уменьшится на столько же... Результатом изобретения — если нация не имеет внешней торговли и если потребление остается неизменным — будет, следовательно, потеря для всех, уменьшение национального дохода, которое в следующем году поведет к уменьшению общего потребления» (I, 344). «И это так и должно было быть: труд сам по себе составляет важную часть дохода (Сисмонди имеет в виду заработную плату), и потому нельзя уменьшать спрос на труд без того, чтобы не сделать нации более бедной. Поэтому-то выгода, ожидаемая от изобретения новых способов производства, относится почти всегда на счет иностранной торговли» (I, 345).

Читатель видит, что уже в этих словах перед нами вся столь знакомая нам «теория» «сокращения внутреннего рынка» вследствие развития капитализма и необходимости ввиду этого внешнего рынка. Сисмонди возвращается к этой мысли чрезвычайно часто, связывая с ней и свою теорию кризисов, и «теорию» населения; в его учении это такой же доминирующий пункт, как и в учении русских народников.

Сисмонди не забыл, разумеется, что разорение и безработица при новых отношениях сопровождаются увеличением «торгового богатства», что речь должна идти о развитии крупного производства, капитализма. Он прекрасно понимал это и утверждал именно, что рост капитализма уменьшает внутренний рынок: «Точно так же, как для блага граждан безразлично, будет ли довольство и потребление всех приближаться к равенству, или небольшое меньшинство будет иметь во всем избыток, а масса будет сведена к строго необходимому, точно так же эти два вида распределения дохода безразличны и для развития *торгового богатства* (*richesse commerciale*)*. Равенство потребления должно всегда вести в результате к расширению рынка производителей, неравенство — к *сокращению рынка*» (*de le (le marché) resserrer toujours davantage*) (I, 357).

* Курсив здесь, как и везде в других местах, наш, если не оговорено противное.

Итак, Сисмонди утверждает, что внутренний рынок сокращается свойственным капитализму неравенством распределения, что рынок должен создаваться равномерным распределением. Но каким же образом может происходить это при *богатстве торговом*, к которому незаметно перешел Сисмонди (и к которому не мог не перейти, ибо иначе он не мог бы говорить о *рынке*)? Этого он не исследует. Чем доказывает он возможность сохранения равенства производителей при торговом богатстве, т. е. при конкуренции между отдельными производителями? Абсолютно ничем не доказывает. Он просто декретирует, что так *должно быть*. Вместо дальнейшего анализа того противоречия, которое он справедливо указал, он принимается толковать о нежелательности противоречий вообще. «Возможно, что с заменой мелкого земледелия крупным в землю вложено больше капиталов, что между всей массой земледельцев распределено больше богатства, чем прежде»... (т. е. «возможно», что внутренний рынок, определяемый ведь именно абсолютным количеством *торгового* богатства, возрос? — возрос рядом с развитием капитализма?)... «Но для нации потребление одной семьи богатых фермеров плюс 50 семей нищих поденщиков неравносильно потреблению 50-ти семей крестьян, из которых ни одна не богата, но зато ни одна не лишена (умеренного) приличного довольства» (*une honnête aisance*) (I, 358). Другими словами: может быть, развитие фермерства и создает внутренний рынок для капитализма. Сисмонди был слишком образованный и добросовестный экономист, чтобы отрицать этот факт, но... но здесь автор покидает свое исследование и вместо «нации» торгового богатства подставляет прямо «нацию» крестьян. Отбояриваясь от неприятного факта, опровергающего его мелкобуржуазную точку зрения, он забывает даже о том, что сам же говорил несколько раньше, именно: что «фермеры» и развились из «крестьян», благодаря развитию торгового богатства. «Первые фермеры, — говорил Сисмонди, — были простыми пахарями... Они не переставали быть крестьянами... Они не употребляли почти никогда для совместной работы поденных работников, а только слуг (батраков — *des domestiques*), избираемых всегда среди им равных, с которыми и обращались, как с равными, ели за одним столом... составляли один класс крестьян» (I, 221). Все дело

сводится, значит, к тому, что эти патриархальные мужички с своими патриархальными батраками гораздо более по душе автору, и он просто отворачивается от тех изменений, которые произвел в этих патриархальных отношениях рост «торгового богатства».

Но Сисмонди нисколько не намерен признаться в этом. Он продолжает думать, что исследует законы торгового богатства, и, позабыв свои оговорки, утверждает прямо:

«Итак, вследствие концентрации имуществ у небольшого числа собственников, *внутренний рынок все более и более сокращается (1)*, и промышленности все более и более приходится искать сбыта на внешних рынках, где ей угрожают великие сотрясения» (*des grandes révolutions*) (I, 361). «Итак, внутренний рынок не может расширяться иначе, как при расширении национального благосостояния» (I, 362). Сисмонди имеет в виду народное благосостояние, ибо он сейчас только признавал возможность «национального» благосостояния при фермерстве.

Как видит читатель, наши экономисты-народники говорят слово в слово то же самое.

Сисмонди возвращается к этому вопросу еще раз в конце сочинения, в VII-ой книге: «О населении», в главе VII-ой: «О населении, которое сделалось излишним вследствие изобретения машин».

«В деревне введение системы крупных ферм повело в Великобритании к исчезновению класса арендаторов-крестьян (*fermiers pausans*), которые сами работали и пользовались тем не менее умеренным довольством; население значительно уменьшилось; но его потребление уменьшилось еще больше, чем его число. Поденщики, исполняющие все полевые работы, получая лишь самое необходимое, далеко не дают такого поощрения (*encouragement*) городской индустрии, какое давали раньше богатые крестьяне» (II, 327). «Аналогичное изменение произошло и в городском населении... Мелкие торговцы, мелкие промышленники исчезают, и сотни их заменяет один крупный предприниматель; может быть, они все вместе не были так богаты, как он. Тем не менее они, вместе взятые, были лучшими потребителями, чем он. Его роскошь дает гораздо меньшее поощрение индустрии,

чем умеренное довольство тех ста хозяйств, которые он заменил» (ib.*).

К чему же сводится, спрашивается, эта теория Сисмонди о сокращении внутреннего рынка при развитии капитализма? К тому, что автор ее, едва попытавшись взглянуть на дело прямо, увернулся от анализа условий, соответствующих капитализму («торговое богатство» плюс крупное предпринимательство в промышленности и земледелии, ибо Сисмонди слова «капитализм» не знает. Тождество понятий делает это словоупотребление вполне правильным, и мы будем впредь говорить просто: «капитализм»), и подставил на место анализа свою мелкобуржуазную точку зрения и мелкобуржуазную утопию. Развитие торгового богатства и, след., конкуренции должно оставить неприкосновенным ровное, среднее крестьянство с его «умеренным довольством» и его патриархальными отношениями к батракам.

Понятно, что это несвойственное пожелание осталось исключительным достоянием Сисмонди и других романтиков из «интеллигенции», что оно с каждым днем приходило все в большее столкновение с действительностью, развивавшей те противоречия, глубины которых не умел еще оценить Сисмонди.

Понятно, что теоретическая политическая экономия, примкнув в своем дальнейшем развитии** к классикам, установила с точностью именно то, что хотел отрицать Сисмонди, именно: что развитие капитализма вообще и фермерства в частности не сокращает, а *создает* внутренний рынок. Развитие капитализма идет вместе с развитием товарного хозяйства, и по мере того, как домашнее производство уступает место производству на продажу, а кустарь уступает место фабрике, — идет образование рынка для *капитала*. «Поденщики», выталкиваемые из земледелия превращением «крестьян» в «фермеров», поставляют рабочую силу для капитала, а фермеры являются покупателями продуктов индустрии и притом не только покупателями предметов потребления (которые прежде производились крестьянами дома или сельскими ремесленниками), а также и покупателями орудий производства, которые не могли уже оставаться прежними при замене

* — Ibidem — там же. *Ред.*

** Речь идет о марксизме. (Примечание автора и издаанию 1908 г. *Ред.*)

мелкого земледелия крупным*. Последнее обстоятельство стоит подчеркнуть, ибо его-то и игнорировал особенно Сисмонди, говоривший в цитированном нами месте о «потреблении» крестьян и фермеров так, как будто бы существовало одно только *личное* потребление (потребление хлеба, одежды и т. п.), как будто бы покупка машин, орудий и т. п., постройка зданий, складов, фабрик и т. п. не были тоже потреблением, только другого рода, именно: *потреблением производительным*, потреблением не людей, а капитала. И опять-таки приходится отметить, что именно эту ошибку, которую Сисмонди, как мы сейчас увидим, заимствовал у Адама Смита, в полной неприкосновенности переняли и наши народники-экономисты**.

II

ВОЗЗРЕНИЯ СИСМОНДИ НА НАЦИОНАЛЬНЫЙ ДОХОД И КАПИТАЛ

Аргументация Сисмонди против возможности капитализма и его развития не ограничивается только этим. Он делал такие же выводы и из своего учения о доходе. Надо сказать, что Сисмонди вполне перенял от Ад. Смита теорию трудовой стоимости и трех видов дохода: ренты, прибыли и заработной платы. Он делает даже кое-где попытку обобщить два первые вида дохода в противоположность третьему: так, иногда он соединяет их, противопоставляя заработной плате (I, 104—105); у него попадает даже слово: *mieux-value* (сверхстоимость³⁷) по отношению к ним (I, 103). Не надо однако преувеличивать значение такого словоупотребления, как это делает, кажется, Эфруси, говоря, что «теория Сисмонди близка к теории прибавочной ценности» («Р. Б.» № 8, с. 41). Сисмонди, собственно, не сделал ни одного шага вперед против Ад. Смита, который тоже говорил, что рента и прибыль суть «вычет из труда», доля той ценности, которую работник прибавляет к продукту (см. «Исследование о природе и причинах богатства», русский перевод Библикова,

* Таким образом, создаются одновременно элементы и переменного капитала («свободный» рабочий) и постоянного; и последнему относятся те средства производства, от которых освобождается мелкий производитель.

** Эфруси об этой части доктрины Сисмонди — о сокращении внутреннего рынка вследствие развития капитализма — не говорит ничего. Мы еще увидим много раз, что он опустил именно то, что наиболее рельефно характеризует точку зрения Сисмонди и отношение народничества к его учению.

т. I, гл. VIII: «О заработной плате» и гл. VI: «О частях, входящих в состав цены товаров»). Дальше этого не пошел и Сисмонди. Но он пытался связать это деление вновь создаваемого продукта на сверхстоимость и заработную плату с теорией общественного дохода, внутреннего рынка и реализацией продукта в капиталистическом обществе. Попытки эти чрезвычайно важны для оценки научного значения Сисмонди и для уяснения связи между его доктриной и доктриной русских народников. Поэтому стоит разобрать их подробнее.

Выдвигая повсюду на первый план вопрос о доходе, об отношении его к производству, к потреблению, к населению, Сисмонди, естественно, должен был разобрать и теоретические основания понятия «доход». И мы находим у него, в самом начале сочинения, три главы, посвященные вопросу о доходе (I. II, ch. IV—VI). Глава IV: «Как доход происходит из капитала» трактует о различии капитала и дохода. Сисмонди прямо начинает излагать этот предмет по отношению ко всему обществу. «Так как каждый работает для всех, — говорит он, — то производство всех должно быть потреблено всеми... Различие между капиталом и доходом существенно для общества» (I, 83). Но Сисмонди чувствует, что это «существенное» различие *для общества* не так просто, как для отдельного предпринимателя. «Мы подходим, — оговаривается он, — к самому абстрактному и самому трудному вопросу политической экономии. Природа капитала и дохода постоянно переплетаются в нашем представлении: мы видим, что *доход для одного становится капиталом для другого*, и один и тот же предмет, переходя из рук в руки, приобретает последовательно различные наименования» (I, 84), т. е. то наименование «капитала», то наименование «дохода». «Но смешивать их, — утверждает Сисмонди, — ошибка» (*leur confusion est guineuse*, p. 477). «Насколько трудно различить капитал и доход общества, настолько же важно это различие» (I, 84).

Читатель заметил, вероятно, в чем состоит трудность, о которой говорит Сисмонди: если для отдельного предпринимателя доходом является его прибыль, расходуемая на те или иные предметы потребления*, если для

* Точнее: та часть прибыли, которая не идет на накопление.

отдельного рабочего доходом является его заработная плата, то можно ли суммировать эти доходы для получения «дохода общества»? Как быть тогда с теми капиталистами и рабочими, которые производят, напр., машины? Их продукт существует в таком виде, что в потребление войти не может (т. е. в личное потребление). Его нельзя сложить с предметами потребления. Назначение этих продуктов — служить капиталом. Значит, они, будучи *доходом* для своих производителей (именно в той своей части, которая возмещает прибыль и заработную плату), становятся *капиталом* для покупателей. Как же разобраться в этой путанице, мешающей установить понятие общественного дохода?

Сисмонди, как мы видели, только подошел к вопросу, и сейчас же уклоняется от него, ограничившись указанием на «трудность». Он заявляет прямо, что «обыкновенно признают три вида дохода: ренту, прибыль и заработную плату» (I, 85), и переходит к пересказу учения А. Смита о каждом из них. Поставленный вопрос — о различии капитала и дохода общества — остался без ответа. Изложение идет уже теперь без строгого разделения общественного дохода от индивидуального. Но к покинутому им вопросу Сисмонди подходит еще раз. Он говорит, что, подобно различным видам дохода, существуют также «различные виды богатства» (I, 93), именно: *основной капитал* — машины, орудия и т. п., *оборотный капитал* — потребляемый в отличие от первого быстро и меняющий свою форму (семена, сырые материалы, заработная плата) и, наконец, *доход с капитала*, потребляемый без воспроизводства. Нам не важно здесь то обстоятельство, что Сисмонди повторяет все ошибки Смита в учении об основном и оборотном капитале, смешивая эти категории, принадлежащие к процессу обращения, с категориями, вытекающими из процесса производства (постоянный и переменный капитал). Нас интересует учение Сисмонди о доходе. И по этому вопросу он выводит из приведенного сейчас разделения трех видов богатств следующее:

«Важно заметить, что эти три вида богатств одинаково идут на потребление; ибо все, что было произведено, имеет стоимость для человека лишь постольку, поскольку служит его потребностям, а эти потребности удовлетворяются только потреблением. Но основной капитал служит этому

косвенным образом (*d'une manière indirecte*); он потребляется медленно, помогая человеку в воспроизведении того, что служит его потреблению» (I, 94—95), между тем как оборотный капитал (Сисмонди отождествляет его уже с переменным) обращается в «*потребительный фонд рабочего*» (I, 95). Выходит, след., что *общественное потребление* бывает, в противоположность индивидуальному, двух родов. Эти два рода отличаются друг от друга весьма существенно. Дело, конечно, не в том, что основной капитал потребляется медленно, а в том, что он потребляется, не образуя ни для одного класса общества *дохода* (потребительного фонда), что он потребляется не лично, а производительно. Но Сисмонди не видит этого, и, чувствуя, что опять-таки сбился с пути* в поисках за различием между общественным капиталом и доходом, он беспомощно заявляет: «Это движение богатства так абстрактно, оно требует такой силы внимания, чтобы отчетливо схватить его (*pour le bien saisir*), что мы считаем полезным взять самый простой пример» (I, 95). Пример берется, действительно, «самый простой»: фермер, живущий одиноко (*un fermier solitaire*), собрал 100 мешков пшеницы; часть он потребил сам, часть идет на посев, часть на потребление нанятых рабочих. Следующий год получается уже 200 мешков. Кто их потребит? Семья фермера не может возрасти так быстро. Показывая на этом (до последней степени неудачном) примере различие между капиталом основным (семена), оборотным (зарплата) и потребительным фондом фермера, Сисмонди говорит:

«Мы различили три вида богатств в отдельной семье; рассмотрим теперь каждый вид по отношению к целой нации и разберем, как из этого распределения может произойти национальный доход» (I, 97). Но дальше говорится только, что и в обществе необходимо воспроизвести те же три вида богатств: основной капитал (причем Сисмонди подчеркивает, что на него придется затратить известное количество труда, но не объясняет, каким

* Именно: Сисмонди сейчас только выделил капитал от дохода. Первый идет на производство, второй на потребление. Но ведь речь идет об обществе. А общество «потребляет» и основной капитал. Приведенное различие падает, и общественно-хозяйственный процесс, превращающий «капитал для одного» в «доход для другого», остается невыясненным.

образом основной капитал обменяется на предметы потребления, необходимые для капиталистов и рабочих, занятых этим производством); затем сырой материал (здесь Сисмонди выделяет его особо); потом содержание рабочих и прибыль капиталистов. Вот все, что дает нам IV-ая глава. Очевидно, что вопрос о национальном доходе остался открытым, и Сисмонди не разобрал не только распределения, но даже и *понятия* дохода. Крайне важное в теоретическом отношении указание на необходимость воспроизвести и основной капитал общества он сейчас же забывает и в следующей главе, говоря о «распределении национального дохода между различными классами граждан» (ch. V), он прямо говорит о трех видах дохода и, объединяя ренту и прибыль вместе, заявляет, что национальный доход состоит из двух частей: прибыль от богатства (т. е. рента и прибыль в собственном смысле) и средства существования рабочих (I, 104—105). Мало того, он заявляет:

«Точно так же годовое производство или результат всех работ, исполненных нацией в течение года, складывается из двух частей: одна... это — прибыль, проистекающая из богатства; другая — способность трудиться (*la puissance de travailler*), которая предполагается равной той части богатства, на которую она обменивается, или средствам существования трудящихся классов». «Итак, национальный доход и годовое производство взаимно уравниваются и представляются величинами равными. Все годовое производство потребляется в течение года, но отчасти рабочими, которые, давая в обмен свой труд, превращают его в капитал и воспроизводят его; отчасти капиталистами, которые, давая в обмен свой доход, уничтожают его» (I, 105).

Таким образом, тот вопрос о различении национального капитала и дохода, который сам Сисмонди с такой определенностью признал крайне важным и трудным, — он просто-напросто отбросил, совершенно позабыв сказанное несколькими страницами раньше! И Сисмонди уже не замечает, что, отбросив этот вопрос, он пришел к положению совершенно бессмысленному: каким же образом годовое производство может все целиком входить в потребление рабочих и капиталистов в виде дохода, когда для производства нужен капитал, нужны — точнее

выражаясь — средства и орудия производства. Надо их произвести, и они ежегодно производятся (как это и сам Сисмонди сейчас же признавал). И вот все орудия производства, сырые материалы и т. д. вдруг выкидываются, и «трудный» вопрос о различии капитала и дохода разрешается ни с чем несообразным утверждением, что годовое производство равняется национальному доходу.

Эта теория, что все производство капиталистического общества состоит из двух частей — части рабочих (заработная плата, или переменный капитал, по современной терминологии) и части капиталистов (сверхстоимость), не составляет особенности Сисмонди. Она не составляет его достояния. Он целиком перенял ее у Ад. Смита, сделав даже некоторый шаг назад. Вся последующая политическая экономия (Рикардо, Милль, Прудон, Родбертус) повторяла эту ошибку, раскрытую только автором «Капитала» в III-м отделе II-го тома. Мы изложим основание его воззрений ниже. А теперь заметим, что повторяют эту ошибку и наши народники-экономисты. Сопоставление их с Сисмонди приобретает особый интерес потому, что они делают из этой ошибочной теории *те же выводы, которые сделал прямо и Сисмонди* *, именно: вывод о невозможности реализации сверхстоимости в капиталистическом обществе; о невозможности развития общественного богатства; о необходимости прибегать к внешнему рынку вследствие того, что внутри страны сверхстоимость не может быть реализована; наконец, о кризисах, вызываемых будто бы именно этой невозможностью реализовать продукт в потреблении рабочих и капиталистов.

III

ВЫВОДЫ СИСМОНДИ ИЗ ОШИБОЧНОГО УЧЕНИЯ О ДВУХ ЧАСТЯХ ГОДОВОГО ПРОИЗВОДСТВА В КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Чтобы читатель мог представить себе доктрину Сисмонди в ее целом, мы дадим сначала изложение главнейших выводов его из этой теории, а потом перейдем к тому исправлению основной его ошибки, которое дано в «Капитале» Маркса.

* И от которых благоразумно воздержались другие экономисты, повторявшие ошибку Ад. Смита.

Прежде всего, Сисмонди делает из этой ошибочной теории Ад. Смита тот вывод, что производство должно соответствовать потреблению, что производство определяется доходом. Подробному разжевыванию этой «истины» (свидетельствующей о совершенном непонимании характера капиталистического производства) посвящена вся следующая глава, VI: «Взаимное определение производства потреблением и расхода — доходом». Сисмонди прямо переносит на капиталистическое общество мораль экономного крестьянина и думает серьезно, что он внес этим исправление в учение Смита. В самом начале сочинения, говоря во вступительной части (кн. I, история науки) об Ад. Смите, он заявляет, что «дополняет» Смита положением, что «потребление есть единственная цель накопления» (I, 51). «Потребление, — говорит он, — определяет воспроизводство» (I, 119—120), «национальный расход должен регулировать национальный доход» (I, 113) и тому подобные положения пестрят все сочинение. В непосредственной связи с этим стоят еще две характерные черты доктрины Сисмонди: во-1-х, недоверие к развитию капитализма, непонимание того, как он создает все больший и больший рост производительных сил, отрицание возможности этого роста, — совершенно так же, как и русские романтики «учат», что капитализм ведет к растрате труда и т. п.

«Ошибаются те, кто подстрекает к безграничному производству», говорит Сисмонди (I, 121). Избыток производства над доходом вызывает перепроизводство (I, 106). Рост богатства выгоден лишь тогда, «когда он постепенен, когда он пропорционален самому себе, когда ни одна из его частей не развивается непомерно быстро» (I, 409). Добрый Сисмонди думает, что «непропорциональное» развитие не есть развитие (как думают и наши народники), что эта непропорциональность — не закон данного строя общественного хозяйства и его движения, а «ошибка» законодателя и т. п., что это искусственное подражание европейских правительств Англии, которая пошла по ложному пути*. Сисмонди совершенно отрицает то положение, которое выдвинули классики и которое вполне

* См., напр., II, 456—457 и мн. др. места. Ниже мы приведем их образчики, и читатель увидит, что даже способ выражения наших романтиков, вроде г. Н. — она, не отличается ни в чем от Сисмонди.

приняла теория Маркса, именно, что капитализм развивает производительные силы. Мало этого, — он приходит к тому, что всякое накопление считает осуществимым лишь «понемногу», будучи совершенно не в состоянии объяснить процесс накопления. Это вторая в высшей степени характерная черта его воззрений. Он рассуждает о накоплении до последней степени забавно:

«В конце концов сумма производства данного года только обменивается всегда на сумму производства прошлого года» (I, 121). Тут уже накопление совершенно отрицается: выходит, что рост общественного богатства невозможен при капитализме. Русского читателя это положение не очень удивит, ибо он слышал то же и от г. В. В. и от г. Н. — она. Но Сисмонди был все-таки учеником Смита. Он чувствует, что говорит нечто уже совершенно несообразное, и хочет поправиться:

«Если производство возрастает постепенно, — продолжает он, — то обмен каждого года причиняет лишь небольшую потерю каждого года (*une petite perte*), улучшая в то же время условия для будущего (*en même temps qu'elle bonifie la condition future*). Если эта потеря легка и хорошо распределена, то каждый перенесет ее не жалуясь... Если же несоответствие между новым производством и предшествующим велико, то капиталы гибнут (*sont entamés*), получается страдание, и нация идет назад вместо того, чтобы прогрессировать» (I, 121). Трудно рельефнее и прямее высказать основное положение романтизма и мелкобуржуазного воззрения на капитализм, чем это сделано в данной тираде. Чем быстрее идет накопление, *т. е.* превышение производства над потреблением, — тем лучше, учили классики, которые, хотя и не умели разобраться в процессе общественного производства капитала, хотя и не умели освободиться от ошибки Смита, будто общественный продукт состоит из двух частей, но выставляли все же вполне справедливое положение, что производство само создает себе рынок, само определяет потребление. И мы знаем, что такое воззрение на накопление приняла от классиков и теория Маркса, признав, что, чем быстрее рост богатства, тем полнее развиваются производительные силы труда и обобществление его, *тем лучше положение рабочего*, насколько оно может быть лучше в данной системе общественного хозяйства.

Романтики утверждают прямо обратное и возлагают все свои надежды именно на слабое развитие капитализма, взывают к его *задержке*.

Далее, из непонимания того, что производство создает себе рынок, вытекает учение о невозможности реализовать сверхстоимость. «Из воспроизводства проистекает доход, но *производство само по себе не есть еще доход*: оно получает такое название (се nom! Итак, различие производства, т. е. продукта, от дохода лишь в слове!), оно является в качестве такового (elle n'opère comme tel) лишь после того, как оно реализовано, после того, как каждая произведенная вещь нашла себе потребителя, имеющего в ней нужду или находящего в ней наслаждение» (qui en avait le besoin ou le désir) (I, 124). Таким образом, из отождествления дохода с «производством» (т. е. всем тем, что произведено) вытекает отождествление реализации с потреблением *личным*. О том, что реализация таких, напр., продуктов, как железо, уголь, машины и т. п., вообще средств производства, происходит иным путем, — Сисмонди уже забыл, хотя раньше вплотную подошел к этому. Из отождествления реализации с потреблением *личным* естественно вытекает учение, что капиталисты не могут реализовать именно *сверхстоимость*, ибо из двух частей общественного продукта заработную плату реализуют своим потреблением рабочие. И Сисмонди действительно пришел к этому выводу (впоследствии развитому более подробно Прудоном и постоянно повторяемому нашими народниками). В полемике с Мак-Куллохом Сисмонди указывает именно на то, будто последний (излагая Рикардо) не объясняет реализации прибыли. Мак-Куллох говорил, что при разделении общественного труда одно производство есть рынок для другого: производители хлеба реализуют товары в продукте производителей одежды, и наоборот*. «Автор предполагает, — говорит Сисмонди, — труд без прибыли (un travail sans bénéfice), воспроизводство, которое возмещает

* См. добавление к «Nouveaux Principes», 2-е издание, т. II: «Eclaircissements relatifs à la balance des consommations avec les productions» («Разъяснения, относящиеся к балансу потребления и производства». *Ред.*), где Сисмонди переводит и оспаривает статью ученика Рикардо (Мак-Куллоха), напечатанную в «Edinburgh Review» («Эдинбургское Обозрение». *Ред.*) под названием: «Исследование вопроса, возрастает ли всегда способность потребления в обществе вместе с способностью производства».

только потребление *рабочих*» (II, 384, курсив Сисмонди)... «он не оставляет ничего на долю хозяина»... «мы исследуем, чем становится излишек производства рабочих над их потреблением» (ib.). Таким образом, у этого первого романтика мы находим уже вполне определенное указание, что капиталисты не могут реализовать *сверхстоимости*. Из этого положения Сисмонди делает дальнейший вывод — опять-таки именно тот, который делают и народники, — что по *самым условиям реализации* необходим *внешний рынок для капитализма*. «Так как труд сам по себе составляет важную часть дохода, то нельзя уменьшить спрос на труд, не делая нацию более бедной. Поэтому выгода, ожидаемая от открытия новых приемов производства, почти всегда относится к *иностранной торговле*» (I, 345). «Нация, совершающая впервые какое-либо открытие, в течение долгого времени успевает расширять свой рынок соответственно числу рук, освобождаемых каждым новым изобретением. Она употребляет их тотчас же на увеличение количества продуктов, которые ее изобретение позволяет производить дешевле. Но наступает, наконец, эпоха, когда весь цивилизованный мир образует один рынок и когда нельзя уже будет в какой-либо новой нации приобретать новых покупателей. Спрос на мировом рынке будет тогда величиной неизменной (*précise*), которую будут оспаривать друг у друга различные промышленные нации. Если одна поставит больше продуктов, то это будет в ущерб другой. Общая продажа не может быть увеличена иначе, как увеличением общего благосостояния или переходом товаров, бывших в исключительном владении богатых, — в потребление бедных» (II, 316). Читатель видит, что Сисмонди представляет именно ту доктрину, которую так хорошо усвоили наши романтики, будто внешний рынок есть *выход из затруднения* по реализации продукта вообще и сверхстоимости в частности.

Наконец, из этой же доктрины о тождестве национального дохода с национальным производством вытекло учение Сисмонди о кризисах. После всего вышеизложенного нам едва ли есть надобность приводить выписки из многочисленных мест сочинения Сисмонди, посвященных этому вопросу. Из учения его о необходимости соразмерять производство с доходом вытекло само собой воззрение,

что кризис и есть результат нарушения такого соответствия, результат чрезмерного производства, обогнавшего потребление. Из приведенной сейчас цитаты ясно, что Сисмонди именно это несоответствие производства с потреблением считал основной причиной кризисов, причем на первое место выдвигал недостаточное потребление масс народа, рабочих. Поэтому теория кризисов Сисмонди (перенятая также Родбертусом) и известна в экономической науке, как образчик теорий, выводящих кризисы из недостаточного потребления (*Unterkonsumption*).

IV

В ЧЕМ ОШИБКА УЧЕНИЙ АД. СМИТА И СИСМОНДИ
О НАЦИОНАЛЬНОМ ДОХОДЕ?

В чем же состоит основная ошибка Сисмонди, поведшая ко всем этим выводам?

Свое учение о национальном доходе и о распределении его на две части (часть рабочих и часть капиталистов) Сисмонди перенял целиком у Ад. Смита. Сисмонди не только не добавил ничего к его положениям, но даже, сделав шаг назад, опустил попытку Адама Смита (хотя и неудачную) доказать теоретически это представление. Сисмонди не замечает как будто того противоречия, в котором оказалась эта теория к учению о производстве вообще. В самом деле, в стоимость отдельного продукта, по теории, выводящей стоимость из труда, входят три составные части: часть, возмещающая сырой материал и орудия труда (постоянный капитал), часть, возмещающая заработную плату или содержание рабочих (переменный капитал) и «сверхстоимость» (*mieux-value* у Сисмонди). Таков анализ единичного продукта по его стоимости у А. Смита, повторенный и Сисмонди. Спрашивается, каким же образом *общественный* продукт, состоящий из суммы *единичных* продуктов, состоит только из двух последних частей? Куда же девалась первая часть — постоянный капитал? Сисмонди, как мы видели, только ходил кругом да около этого вопроса, но А. Смит дал на него ответ. Он утверждал, что эта часть существует самостоятельно лишь в единичном продукте. Если же рассматривать весь общественный продукт, то она разлагается, в свою очередь, на заработную плату и сверх-

стоимость — именно тех капиталистов, которые производят этот постоянный капитал.

Давая такой ответ, А. Смит не объяснил, однако, на каком основании в этом разложении стоимости постоянного капитала, ну, хоть машин, отброшен опять-таки постоянный капитал, т. е. в нашем примере железо, из которого сделаны машины, орудия, употребленные при этом, и т. п.? Если стоимость каждого продукта включает в себе часть, возмещающую постоянный капитал (а это признают все экономисты), то исключение ее из какой бы то ни было области общественного производства является совершенно произвольным. «Когда А. Смит говорит, что орудия труда сами разлагаются на заработную плату и прибыль, то он забывает прибавить (говорит автор «Капитала»): *и на тот постоянный капитал*, который употреблен на их производство. А. Смит просто отсылает нас от Понтия к Пилату, от одного продукта ссылается на другой, от другого на третий»³⁸, не замечая, что вопрос от этого отодвигания несколько не изменяется. Этот ответ Смита (принятый всей последующей политической экономией до Маркса) — простое уклонение от задачи, увертка от затруднения. А затруднение тут действительно есть. Оно состоит в том, что понятие капитала и дохода нельзя перенести прямо с индивидуального продукта на общественный. Экономисты признают это, говоря, что с общественной точки зрения «капитал для одного становится доходом для другого» (см. выше у Сисмонди). Но эта фраза только *формулирует* затруднение, а не разрешает его*.

Разрешение состоит в том, что при рассмотрении этого вопроса с общественной точки зрения нельзя уже говорить о продуктах вообще, без отношения к их материальной форме. В самом деле, речь идет об общественном доходе, т. е. о продукте, поступающем на потребление. Но ведь не всякий продукт может быть потреблен в смысле *личного потребления*: машины, уголь, железо и т. п. предметы потребляются не лично, а производительно. С точки зрения отдельного предпринимателя это различие

* Мы приводим здесь только *суть* новой теории, давшей это разрешение, предоставляя себе в другом месте изложить ее подробнее. См. «Das Kapital», II. Band, III. Abschnitt («Капитал», т. II, отдел III. ⁸⁰ *Ред.*). (Более подробное изложение см. в «Развитии капитализма», гл. I) ⁴⁰.

было лишнее: если мы говорили, что рабочие потребят переменный капитал, — мы принимали, что они выменяют на рынке предметы потребления за те деньги, которые получены капиталистами за произведенные рабочими машины и уплачены этим рабочим. Тут нас не интересует этот обмен машин на хлеб. Но с общественной точки зрения этот обмен уже нельзя *подразумевать*: нельзя сказать, что весь класс капиталистов, производящих машины, железо и т. п., продает их и этим реализует. Вопрос здесь именно в том, *как* происходит реализация, *то-есть* возмещение всех частей общественного продукта. Поэтому исходным пунктом в рассуждении об общественном капитале и доходе — или, что то же, о реализации продукта в капиталистическом обществе — должно быть разделение двух совершенно различных видов общественного продукта: *средств производства* и *предметов потребления*. Первые могут быть потреблены только производительно, вторые — только лично. *Первые могут служить только капиталом, вторые должны стать доходом, т. е. уничтожиться в потреблении рабочих и капиталистов. Первые достаются целиком капиталистам, вторые — распределяются между рабочими и капиталистами.*

Раз усвоено это разделение и исправлена ошибка А. Смита, выкинувшего из общественного продукта постоянную его часть (т. е. часть, возмещающую постоянный капитал), — вопрос о реализации продукта в капиталистическом обществе становится уже ясным. Очевидно, нельзя говорить о реализации заработной платы потреблением рабочих, а сверхстоимости — потреблением капиталистов *и только**. Рабочие могут потребить заработную плату, а капиталисты — сверхстоимость лишь тогда, когда продукт состоит из предметов потребления, т. е. лишь в одном подразделении общественного производства. «Потребить» же продукт, состоящий из средств

* А именно так рассуждают наши народники-экономисты, гг. В. В. и Н. — он. Мы намеренно остановились выше с особенной подробностью на блужданиях Сисмонди около вопроса о производительном и личном потреблении, о предметах потребления и средствах производства (А. Смит подходил к различению их еще ближе, чем Сисмонди). Мы хотели показать читателю, что классические представители ошибочной теории *чувствовали* неудовлетворительность ее, видели противоречие и делали попытки выбраться из него. Наши же «самобытные» теоретики не только ничего не видят и не чувствуют, но даже не знают ни теории, ни истории вопроса, о котором так усердно разглагольствуют.

производства, они не могут: его *надо обменять на предметы потребления*. Но на какую же часть (по стоимости) предметов потребления могут они обменять свой продукт? Очевидно, только на *постоянную часть* (постоянный капитал), ибо остальные две части составляют фонд потребления рабочих и капиталистов, производящих предметы потребления. Этот обмен, реализуя сверхстоимость и заработную плату в производствах, изготовляющих средства производства, тем самым реализует постоянный капитал в производствах, изготовляющих предметы потребления. В самом деле, у капиталиста, производящего, скажем, сахар, та часть продукта, которая должна возместить постоянный капитал (т. е. сырье, вспомогательные материалы, машины, здания и т. п.), существует в виде *сахара*. Чтобы реализовать эту часть, надо получить вместо этого предмета потребления соответствующие *средства производства*. Реализация этой части будет, следовательно, состоять из обмена *предмета потребления* на продукты, служащие *средствами производства*. Теперь остается необъясненной реализация одной только части общественного продукта, именно: постоянного капитала в подразделении, изготовляющем средства производства. Она реализуется отчасти тем, что часть продукта, в своем натуральном виде, входит опять в производство (напр., часть угля, добываемого каменноугольным предприятием, идет опять на добычу угля; зерно, полученное фермерами, идет опять на посев и т. п.); отчасти же она реализуется обменом между отдельными капиталистами этого же подразделения: напр., в производстве железа необходим каменный уголь, и в производстве каменного угля необходимо железо. Капиталисты, производящие оба продукта, и реализуют взаимным обменом ту часть этих продуктов, которая возмещает их постоянный капитал.

Этот анализ (который мы изложили, повторяем, в самом сжатом виде, по причине, указанной выше) разрешил то затруднение, которое сознавали все экономисты, выражая его фразой: «капитал для одного — доход для другого». Этот анализ показал всю ошибочность сведения общественного производства к одному личному потреблению.

Теперь мы можем перейти к разбору тех выводов, которые делал Сисмонди (и другие романтики) из своей

ошибочной теории. Но сначала приведем отзыв, сделанный о Сисмонди автором указанного анализа, после подробнейшего и всестороннего разбора теории А. Смита, к которой Сисмонди не сделал ни малейшего дополнения, опустив только попытку Смита оправдать свое противоречие:

«Сисмонди, бившийся над специальным рассмотрением отношения капитала к доходу и на самом деле обративший особую формулировку этого отношения в *differentia specifica** своих «Nouveaux Principes», не сказал ни одного (курсив автора) научного слова, не внес ни атома в разрешение проблемы» («Das Kapital», II, S. 385, 1-te Auflage**).

V

НАКОПЛЕНИЕ В КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Первый ошибочный вывод из ошибочной теории относится к накоплению. Сисмонди абсолютно не понял капиталистического накопления, и в горячем споре, который он вел по этому вопросу с Рикардо, правда оказалась, в сущности, на стороне последнего. Рикардо утверждал, что производство само создает себе рынок, тогда как Сисмонди отрицал это, созидавая на таком отрицании свою теорию кризисов. Правда, и Рикардо не сумел исправить вышеуказанной основной ошибки Смита, не сумел поэтому разрешить вопроса об отношении общественного капитала к доходу и о реализации продукта (Рикардо и не ставил себе этих вопросов), — но он инстинктивно характеризовал самую суть буржуазного способа производства, отмечая совершенно бесспорный факт, что накопление есть превышение производства над доходом. С точки зрения новейшего анализа это так и оказывается. Производство, действительно, само создает себе рынок: для производства необходимы средства производства — и они составляют особую область общественной продукции, занимающую известную долю рабочих, дающую особый продукт, реализуемый частью внутри самой этой области, частью в обмене с другой областью — производством предметов потребления. Накопление действительно есть превышение производства над доходом (предметами по-

* — отличительный признак. *Ред.*

** — «Капитал», т. II, стр. 385, 1-ое издание ⁴¹. *Ред.*

требления). Чтобы расширять производство («накоплять» в категорическом значении термина), необходимо произвести сначала средства производства*, а для этого нужно, следовательно, расширение того отдела общественной продукции, который изготовляет средства производства, нужно *отвлечение к нему рабочих, которые уже предъявляют спрос и на предметы потребления*. Следовательно, «потребление» развивается *вслед за «накоплением» или вслед за «производством»,* — как ни кажется это странным, но иначе и быть не может в капиталистическом обществе. В развитии этих двух отделов капиталистической продукции не только не обязательна, следовательно, равномерность, а, напротив, неизбежна неравномерность. Известно, что закон развития капитала состоит в том, что постоянный капитал возрастает быстрее переменного, т. е. все большая и большая часть вновь образуемых капиталов обращается к тому отделу общественного хозяйства, который изготовляет средства производства. Следовательно, этот отдел необходимо растет быстрее того отдела, который изготовляет предметы потребления, т. е. происходит именно то, что объявлял «невозможным», «опасным» и т. д. Сисмонди. Следовательно, продукты личного потребления в общей массе капиталистического производства занимают все меньшее и меньшее место. И это вполне соответствует исторической «миссии» капитализма и его специфической социальной структуре: первая состоит именно в развитии производительных сил общества (производство для производства); вторая исключает утилизацию их массой населения.

Мы можем теперь вполне оценить точку зрения Сисмонди на накопление. Его утверждения, что *быстрое* накопление ведет к бедствиям, совершенно ошибочны и проистекают лишь из непонимания накопления, точно так же, как многократные заявления и требования, чтобы производство не перегоняло потребления, ибо потребление определяет производство. На деле происходит именно обратное, и Сисмонди просто-напросто отворачивается от действительности в ее особой, исторически определенной

* Напоминаем читателю, как подходил к этому Сисмонди, выделяя отчетливо эти средства производства для отдельной семьи и помышаясь сделать это выделение и для общества. Собственно говоря, «подходил» Смит, а не Сисмонди, только пересказывающий его.

форме, подставляя на место анализа мелкобуржуазную мораль. Особенно забавное впечатление производят попытки Сисмонди прикрыть эту мораль «научной» формулой. «Гг. Сей и Рикардо, — говорит он в предисловии ко 2-му изданию «Nouveaux Principes», — пришли к той доктрине... что потребление не имеет других пределов, кроме пределов производства, тогда как оно ограничено доходом... Они должны были бы предупредить производителей, что они должны рассчитывать только на потребителей, имеющих доход» (I, XIII)*. Такая наивность вызывает в настоящее время только улыбку. Но не подобными ли вещами переполнены писания современных наших романтиков вроде гг. В. В. и Н. — она? «Пусть предприниматели банков подумают хорошенько»... найдется ли рынок для товаров? (II, 101—102). «Когда принимают рост богатства за цель общества, — всегда жертвуют целью средствам» (II, 140). «Если, вместо того, чтобы ожидать импульса от запроса труда (т. е. импульса производству от спроса рабочих на продукты), мы будем думать, что его даст предшествующее производство, — то мы сделаем почти то же, что сделали бы с часами, если бы вместо того, чтобы повернуть назад колесо с цепочкой (la roue qui porte la chainette), отодвинули бы назад другое колесо, — мы сломали бы тогда и остановили всю машину» (II, 454). Это говорит Сисмонди. Теперь послушаем г-на Николая — она. «Мы упустили из виду, на счет чего такое развитие (т. е. развитие капитализма) происходит, мы забыли и о цели какого бы то ни было производства... заблуждение крайне гибельное...» (Н. — он, «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства», 298). Оба эти писателя говорят о капитализме, о капиталистических странах; оба выказывают полное непонимание сущности капиталистического накопления. Но можно ли подумать, что последний пишет 70 лет спустя после первого?

Каким образом непонимание капиталистического накопления связывается с ошибочным сведением всего производства к производству предметов потребления, — это

* Как известно, по этому вопросу (создает ли производство само себе рынок?) новейшая теория вполне примкнула к классикам, отвечавшим на него утвердительно, против романтизма, отвечавшего отрицательно. «Настоящий предел капиталистического производства это — сам капитал» («Das Kapital», III, 1, 231) («Капитал», т. III, ч. I, стр. 231. ⁴² Ред.).

показывает наглядно один пример, приводимый Сисмонди в главе VIII: «Результаты борьбы за удешевление производства» (книга IV: «О коммерческом богатстве»).

Положим, — говорит Сисмонди, — что владелец мануфактуры имеет оборотный капитал в 100 000 франков, приносящий ему 15 000, из коих 6 000 составляют процент на капитал и отдаются капиталисту, а 9 000 составляют предпринимательский барыш фабриканта. Положим, что он употребляет труд 100 рабочих, заработная плата коих составляет 30 000 франков. Далее, пусть произойдет увеличение капитала, расширение производства («накопление»). Вместо 100 000 фр. капитал будет = 200 000 фр., вложенных в основной капитал, и 200 000 — в оборотный, всего 400 000 фр.; прибыль и процент = 32 000 + 16 000 фр., ибо процент понизился с 6% до 4%. Число рабочих возросло вдвое, но заработная плата понизилась с 300 фр. до 200 фр. — всего, следовательно, 40 000 фр. Производство возросло, таким образом, вчетверо*. И Сисмонди подсчитывает результаты: «доход» или «потребление» были сначала 45 000 фр. (30 000 заработная плата + 6 000 процент + 9 000 прибыль), а теперь 88 000 фр. (40 000 заработная плата + 16 000 процент + 32 000 прибыль). «Производство учетверилось, — говорит Сисмонди, — а потребление даже не удвоилось. *Не нужно считать потребление тех рабочих, которые изготовили машины. Оно покрыто 200 000 франков, употребленных на это; оно составляет уже часть расчета другой мануфактуры, где окажутся те же факты*» (I, 405—406).

Расчет Сисмонди доказывает уменьшение дохода при росте производства. Факт бесспорный. Но Сисмонди не замечает, что своим примером он побивает свою теорию реализации продукта в капиталистическом обществе. Курьезно его замечание, что потребление рабочих, производших машины, «не нужно считать». Почему же? Потому,

* «Первый результат конкуренции, — говорит Сисмонди, — понижение заработной платы и увеличение числа рабочих в то же время» (I, 403). Мы не останавливаемся здесь на неправильности расчета у Сисмонди: он считает, напр., что прибыль будет 8 процентов на основной капитал и 8% на оборотный, что число рабочих поднимется пропорционально увеличению оборотного капитала (который он не умеет как следует отделить от переменного), что основной капитал делимом входит в цену продукта. В данном случае все это неважно, ибо вывод получается правильный: уменьшение доли переменного капитала в общем составе капитала, как необходимый результат накопления.

во-1-х, что оно *покрыто* 200 000 фр. Значит, капитал перенесен в область, изготовляющую *средства производства*, — этого Сисмонди не замечает. Значит, «внутренний рынок», о «сокращении» которого Сисмонди говорил, не исчерпывается предметами потребления, а состоит также в *средствах производства*. Эти средства производства составляют ведь особый продукт, «реализация» коего состоит не в личном потреблении, и, чем быстрее идет накопление, тем сильнее развивается, след., та область капиталистической продукции, которая дает продукты не для личного, а для производительного потребления. Во-2-х, — отвечает Сисмонди, — это рабочие другой мануфактуры, где факты окажутся те же самые (*où les mêmes faits pourront se représenter*). Как видите, это повторение смитовского отсылания читателя «от Понтия к Пилату». Но ведь в этой «другой мануфактуре» тоже употребляется *постоянный капитал*, и производство его тоже дает рынок тому подразделению капиталистической продукции, которое изготовляет средства производства! Сколько бы мы ни отодвигали вопрос от одного капиталиста к другому, от другого к третьему, — от этого указанное подразделение не исчезнет, и «внутренний рынок» не сведется к одним предметам потребления. Поэтому, когда Сисмонди говорит, что «этот расчет опровергает... одну из аксиом, на которой всего более настаивали в политической экономии, именно, что наиболее свободная конкуренция определяет наиболее выгодное развитие индустрии» (I, 407), то он не замечает, что «этот расчет» опровергает также и его самого. Бесспорен факт, что введение машин, вытесняя рабочих, ухудшает их положение, и бесспорна заслуга Сисмонди, который был одним из первых, указавших на это. Но это нисколько не мешает его теории накопления и внутреннего рынка быть сплошной ошибкой. Его же расчет показывает наглядно как раз то явление, которое Сисмонди не только отрицал, но превращал даже в довод против капитализма, говоря, что накопление и производство должны соответствовать потреблению, иначе будет кризис. Расчет показывает именно, что накопление и производство *обгоняют* потребление, и что иначе и дело идти не может, ибо накопление совершается, главным образом, на счет средств производства, которые в «потребление» не входят. То, что

казалось Сисмонди простой ошибкой, противоречием в доктрине Рикардо — именно, что накопление есть превышение производства над доходом, — это на самом деле вполне соответствует действительности, выражая противоречие, присущее капитализму. Это превышение *необходимо* при всяком накоплении, открывающем новый рынок для средств производства, без соответственного увеличения рынка на предметы потребления, и даже при уменьшении этого рынка*. Затем, отбрасывая учение о преимуществах свободной конкуренции, Сисмонди не замечает, что вместе с пустым оптимизмом он выбрасывает за борт несомненную истину, именно, что свободная конкуренция *развивает производительные силы общества*, как это явствует опять-таки из его же расчета. (Собственно, это лишь другое выражение того же факта создания особого подразделения промышленности, изготовляющего средства производства, и особенно быстрого развития его.) Это развитие производительных сил общества без соответственного развития потребления есть, конечно, противоречие, но именно такое противоречие, которое имеет место в действительности, которое вытекает из самой сущности капитализма и от которого нельзя отговариваться чувствительными фразами.

А именно так отговариваются романтики. И чтобы читатель не заподозрил нас в голословном обвинении современных экономистов по поводу ошибок столь «устаревшего» писателя, как Сисмонди, приведем маленький образчик «новейшего» писателя, г. Н. — она. На стр. 242-й своих «Очерков» он рассуждает о развитии капитализма в русском мукомольном деле. Приводя указание на появление крупных паровых мельниц с усовершенствованными орудиями производства (на переустройство мельниц затрачено с 70-х годов около 100 миллионов рублей) и с производительностью труда, повысившейся более чем вдвое, автор характеризует описываемое явление так: «мукомольное дело не развивалось, а только сосредоточивалось в крупные предприятия»; затем распространяет эту характеристику на *все* отрасли промышленности

* Из вышеприведенного анализа следует само собою, что возможен и такой случай, в зависимости от того, в какой мере распределяется новый капитал на постоянную и переменную часть и в какой мере уменьшение относительной доли переменного капитала охватывает старые производства.

(с. 243) и делает вывод, что «во всех без исключения случаях масса работников освобождается, не находит занятия» (243) и что «капиталистическое производство развивалось на счет народного потребления» (241). Мы спрашиваем читателя, отличается ли такое рассуждение хоть чем-нибудь от приведенного сейчас рассуждения Сисмонди? Этот «новейший» писатель констатирует два факта, те же самые, которые мы видели и на примере Сисмонди, и отделяется от обоих этих фактов такой же чувствительной фразой. Во-1-х, его пример говорит, что развитие капитализма идет именно на счет средств производства. Это значит, что капитализм развивает производительные силы общества. Во-2-х, его пример говорит, что это развитие идет тем именно специфическим путем противоречий, который присущ капитализму: развивается производство (затрата 100 миллионов рублей — внутренний рынок на продукты, реализуемые неличным потреблением) без соответствующего развития потребления (народное питание ухудшается), т. е. происходит именно производство ради производства. И г. Н. — он думает, что это противоречие в жизни исчезнет, если он, с наивностью старичка Сисмонди, представит его только противоречием доктрины, только «гибельным заблуждением»: «мы забыли о цели производства»!! Что может быть характернее такой фразы: «не развивалось, а *только* сосредоточивалось»? Очевидно, г-ну Н. — ону известен такой капитализм, в котором бы развитие *могло идти иначе*, как путем *сосредоточения*. Как жаль, что он не познакомил нас с таким «самобытным», неведомым для всей предшествовавшей ему политической экономии капитализмом!

VI

ВНЕШНИЙ РЫНОК, КАК «ВЫХОД ИЗ ЗАТРУДНЕНИЯ»
ПО РЕАЛИЗАЦИИ СВЕРХСТОИМОСТИ

Следующая ошибка Сисмонди, вытекающая из ошибочной теории об общественном доходе и продукте в капиталистическом обществе, это — учение о невозможности реализовать продукт вообще и сверхстоимость в частности и, как следствие этой невозможности, необходимость внешнего рынка. Что касается до реализации продукта вообще, то вышеприведенный анализ показывает,

что «невозможность» исчерпывается ошибочным исключением постоянного капитала и средств производства. Раз исправлена эта ошибка, — исчезает и «невозможность». Но то же самое приходится сказать и в частности о сверхстоимости: этот анализ разъясняет и ее реализацию. Нет решительно никаких разумных оснований выделять сверхстоимость из всего продукта по отношению к ее реализации. Обратное утверждение Сисмонди (и наших народников) — просто результат непонимания основных законов реализации вообще, неумения разделить три (а не две) части продукта по стоимости и два вида продуктов по материальной форме (средства производства и предметы потребления). Положение, что капиталисты не могут потребить сверхстоимость, есть только вульгаризованное повторение недоумений Смита насчет реализации вообще. Только часть сверхстоимости состоит из предметов потребления; другая же — из средств производства (напр., сверхстоимость желсозаводчика). «Потребление» этой последней сверхстоимости совершается обращением ее на производство; капиталисты же, производящие продукт в форме средств производства, потребляют сами не сверхстоимость, а вымененный у других капиталистов *постоянный капитал*. Поэтому и народники, толкуя о невозможности реализовать сверхстоимость, логически должны придти к признанию невозможности реализовать и *постоянный капитал*, — и, таким образом, они преблагополучно вернулись бы к Адаму... Разумеется, такое возвращение к «отцу политической экономии» было бы гигантским прогрессом для писателей, преподносящих нам старые ошибки под видом истин, до которых они «своим умом дошли»...

А внешний рынок? Не отрицаем ли мы необходимости внешнего рынка для капитализма? Конечно, нет. Но только вопрос о внешнем рынке не имеет *абсолютно ничего общего с вопросом о реализации*, и попытка связать их в одно целое характеризует лишь романтические пожелания «задержать» капитализм и романтическую неспособность к логике. Теория, разъяснившая вопрос о реализации, показала это с полной точностью. Романтик говорит: капиталисты не могут потребить сверхстоимость и потому должны сбывать ее за границу. Спрашивается, не даром ли уже отдают капиталисты свои

продукты иностранцам или не бросают ли они их в море? Продают — значит получают эквивалент; вывозят одни продукты — значит ввозят другие. Если мы говорим о реализации общественного продукта, то мы этим самым устраняем уже денежное обращение и предполагаем лишь обмен продуктов на продукты, ибо вопрос о реализации в том и состоит, чтобы анализировать *возмещение* всех частей общественного продукта по стоимости и по материальной форме. Поэтому, начать рассуждение о реализации и кончить его тем, что «сбудут-де продукт за деньги», — так же смешно, как если бы на вопрос о реализации постоянного капитала в предметах потребления был дан ответ: «продадут». Это просто грубый логический промах: люди сбиваются с вопроса о реализации всего общественного продукта на точку зрения единичного предпринимателя, которого, кроме «продажи иностранцу», ничто дальше не интересует. Припутывать внешнюю торговлю, вывоз к вопросу о реализации — это значит увертываться от вопроса, *отодвигая* его лишь на более широкое поле, *но несколько не выясняя его**. Вопрос о реализации ни на йоту не подвинется вперед, если мы вместо рынка одной страны возьмем рынок известного комплекса стран. Когда народники уверяют, что внешний рынок есть «выход из затруднения»**, которое ставит себе капитализм по реализации продукта, то они прикрывают этой фразой лишь то печальное обстоятельство, что для них «внешний рынок» есть «выход из затруднения», в которое они попадают, благодаря непониманию теории... Мало этого. Теория, связывающая внешний рынок с вопросом о реализации всего общественного продукта, не только показывает непонимание этой реализации, но еще содержит в себе к тому же *крайне поверхностное понимание противоречий, свойственных этой реализации*. «Рабочие потребят заработную плату, а капиталисты не могут потребить сверхстоимости». Вдумайтесь в эту

* Это настолько ясно, что даже Сисмонди сознавал необходимость абстрагировать от внешней торговли при анализе реализации. «Чтобы проследить точнее эти расчеты, — говорит он о соответствии производства с потреблением, — и упростить вопрос, мы до сих пор совершенно абстрагировали от внешней торговли; мы предполагали изолированную нацию; человеческое общество само есть такая же изолированная нация, и все, что относится к нации без внешней торговли, относится точно так же и ко всему человеческому роду» (I, 115).

** Н. — он, с. 205.

«теорию» с точки зрения внешнего рынка. Откуда знаем мы, что «рабочие потребят заработную плату»? На каком основании можно думать, что продукты, предназначенные всем классом капиталистов данной страны на потребление всех рабочих данной страны, окажутся действительно *равными по стоимости их заработной плате* и возместят ее, что для *этих* продуктов не будет необходимости во внешнем рынке? Нет решительно никаких оснований так думать, и на деле это вовсе не так. Не только продукты (или части продуктов), возмещающие сверхстоимость, но и продукты, возмещающие переменный капитал; не только продукты, возмещающие переменный капитал, но и продукты, возмещающие постоянный капитал (о котором забывают наши «экономисты», не помнящие родства... с Адамом); не только продукты, существующие в форме предметов потребления, но и продукты, существующие в форме средств производства, — все одинаково реализуются лишь среди «затруднений», среди постоянных колебаний, которые становятся все сильнее по мере роста капитализма, среди бешеной конкуренции, которая *принуждает* каждого предпринимателя стремиться к безграничному расширению производства, выходя за пределы данного государства, отправляясь на поиски новых рынков в странах, еще не втянутых в капиталистическое обращение товаров. Мы подошли теперь и к вопросу о том, почему необходим внешний рынок для капиталистической страны? Совсем не потому, что продукт вообще не может быть реализован в капиталистическом строе. Это — вадор. Внешний рынок необходим потому, что капиталистическому производству *присуще* стремление к *безграничному* расширению — в противоположность всем старым способам производства, ограниченным пределами общины, вотчины, племени, территориального округа или государства. Между тем как при всех старых хозяйственных режимах производство возобновлялось каждый раз в том же виде и в тех же размерах, в которых шло раньше, — в капиталистическом строе это возобновление в том же виде становится *невозможным*, и законом производства становится *безграничное* расширение, вечное движение вперед*.

* Ср. Зибер, «Давид Ригардо и т. д.». СПб 1885, стр. 466, примечание.

Таким образом, различное понимание реализации (вернее, понимание ее с одной стороны и полное непонимание с другой романтиками) ведет к двум диаметрально противоположным воззрениям на значение внешнего рынка. Для одних (романтиков) — внешний рынок есть показатель того «затруднения», которое *ставит* капитализм общественному развитию. Для других, наоборот, внешний рынок показывает, как капитализм *устраняет* те затруднения общественному развитию, которые поставила история в виде разных перегородок, общинных, племенных, территориальных, национальных*.

Как видите, разница только в «точке зрения»... Да, «только»! Отличие романтических суждений капитализма от других состоит вообще «только» в «точке зрения», «только» в том, что одни судят сзади, а другие — спереди, одни — с точки зрения того строя, который капитализмом разрушается, другие — с точки зрения того, который капитализмом создается**.

Неправильное понимание внешнего рынка соединяется обыкновенно у романтиков с указаниями на «особенности» международного положения капитализма в данной стране, на невозможность найти рынок и т. п.; все эти аргументы стремятся «отклонить» капиталистов от поисков внешнего рынка. Говоря «указания», мы выражаемся, впрочем, неточно, ибо фактического анализа внешней торговли страны, ее поступательного движения в области новых рынков, ее колонизации и т. п. романтик не дает. Его вовсе не интересует изучение действительного процесса и выяснение его; ему нужна лишь *мораль против этого процесса*. Чтобы читатель мог убедиться в полной тождественности этой морали у современных русских романтиков и у французского романтика, приведем образчики рассуждений последнего. Как Сисмонди грозил капиталистам, что они не найдут рынка, это мы уже видели. Но он утверждал не только это. Он утверждал, что «мировой рынок уже достаточно снабжен» (II, 328), доказывая невозможность идти путем капитализма и необ-

* Ср. ниже: «Rede über die Frage des Freihandels» (К. Маркс. «Речь о свободе торговли». Ред.).

** Я говорю здесь лишь об оценке капитализма, а не о понимании его. В этом последнем отношении романтики стоят, как мы видели, не выше классов.

ходимость избрать иной путь... Он уверял английских предпринимателей, что капитализм не сможет занять всех рабочих, освобождаемых фермерским хозяйством в земледелии (I, 255—256). «Те, кому приносят в жертву земледельцев, найдут ли сами какую-либо выгоду в этом? Ведь земледельцы — самые близкие и самые надежные потребители английских мануфактур. Прекращение их потребления нанесло бы индустрии удар, более губительный, чем закрытие одного из самых крупных внешних рынков» (I, 256). Он уверял английских фермеров, что им не выдержать конкуренции бедного польского крестьянина, которому хлеб почти ничего не стоит (II, 257), что им грозит еще более страшная конкуренция русского хлеба из портов Черного моря. Он восклицал: «Американцы последовали новому принципу: производить, не взвешивая вопроса о рынке (*produire sans calculer le marché*), и производить как можно больше», и вот «характеристическая черта торговли Соед. Штатов, с одного края страны до другого, — избыток товаров всякого рода над пуждами потребления... постоянные банкротства суть результат этого излишества торговых капиталов, которые не могут быть обменены на доход» (I, 455—456). Добрый Сисмонди! Что сказал бы он об Америке современной, — об Америке, развившейся так колоссально на счет того самого «внутреннего рынка», который, по теории романтиков, должен был «сокращаться»!

VII

КРИЗИС

Третий ошибочный вывод Сисмонди из перенятой им неправильной теории Ад. Смита есть учение о кризисах. Из воззрения Сисмонди, что накопление (рост производства вообще) определяется потреблением, и из неверного объяснения реализации всего общественного продукта (сводимого к доле рабочих и доле капиталистов в доходе) вытекло естественно и неизбежно то учение, что кризисы объясняются несоответствием между производством и потреблением. Этой теории и держался целиком Сисмонди. Ее перенял и Родбертус, придав ей слегка измененную формулировку: он объяснял кризисы тем, что при росте производства доля рабочих в продукте уменьшается,

причем весь общественный продукт он так же неправильно, как и А. Смит, делил на заработную плату и «ренту» (по его терминологии «рента» есть сверхстоимость, т. е. прибыль и поземельная рента вместе). Научный анализ накопления в капиталистическом обществе* и реализации продукта подорвал все основания этой теории, указав также, что именно в эпохи, предшествующие кризисам, потребление рабочих повышается, что недостаточное потребление (объясняющее будто бы кризисы) существовало при самых различных хозяйственных режимах, а кризисы составляют отличительный признак только одного режима — капиталистического. Эта теория объясняет кризисы другим противоречием, именно противоречием между общественным характером производства (обобществленного капитализмом) и частным, индивидуальным способом присвоения. Глубокое различие этих теорий, казалось бы, ясно само собой, но мы должны остановиться подробнее на нем, ибо именно русские последователи Сисмонди стараются *стереть* это различие и спутать дело. Две теории кризисов, о которых мы говорим, дают им совершенно различные объяснения. Первая теория объясняет их противоречием между производством и потреблением рабочего класса, вторая — противоречием между общественным характером производства и частным характером присвоения. Первая, след., видит корень явления *вне* производства (отсюда у Сисмонди, напр., общие нападки на классиков, что они игнорируют потребление, занимаясь только производством); вторая — именно в условиях производства. Говоря кратче, первая объясняет кризисы недостаточным потреблением (*Unterkonsumption*), вторая — беспорядочностью производства. Итак, обе теории, объясняя кризисы *противоречием* в самом строе хозяйства, совершенно расходятся в указании этого противоречия. Но спрашивается: отрицает ли вторая теория факт противоречия между производством и потреблением, факт недостаточного потребления? *Разумеется, нет.* Она вполне признает этот факт, но отводит

* В связи с учением о том, что весь продукт в капиталистическом хозяйстве состоит из двух частей, находится у А. Смита и последующих экономистов ошибочное понимание «накопления единичного капитала». Именно, они учили, что накапливаемая часть прибыли целиком расходуется на заработную плату, тогда как на деле она расходуется: 1) на постоянный капитал и 2) на заработную плату. Сисмонди повторяет и эту ошибку классиков.

ему надлежащее, подчиненное место, как факту, относящемуся лишь к одному подразделению всего капиталистического производства. Она учит, что этот факт не может объяснить кризисов, вызываемых другим, более глубоким, основным противоречием современной хозяйственной системы, именно противоречием между общественным характером производства и частным характером присвоения. Поэтому, что сказать о тех людях, которые, придерживаясь в сущности первой теории, прикрываются ссылками на то, как представители второй констатируют противоречие между производством и потреблением? Очевидно, эти люди *не вдумались* в основу различия двух теорий и не поняли, как следует, второй теории. К числу этих людей принадлежит, напр., г. Н. — он (не говоря уже о г. В. В.). На принадлежность их к последователям Сисмонди было уже указано в нашей литературе г. Туган-Барановским («Промышленные кризисы», с. 477, с странной оговоркой относительно г. Н. — она: «повидимому»). Но г. Н. — он, толкуя о «сокращении внутреннего рынка» и о «понижении народной потребительной способности» (центральные пункты его воззрений), ссылается тем не менее на представителей второй теории, *констатирующих* факт противоречия между производством и потреблением, факт недостаточного потребления. Понятно, что такие ссылки показывают только характерную вообще для этого автора способность приводить неуместные цитаты, и ничего более. Напр., все читатели, знакомые с его «Очерками», помнят, конечно, его «цитату» о том, что «рабочие, как покупатели товара, важны для рынка, но капиталистическое общество имеет стремление ограничить их минимумом цены, как продавцов собственного товара — рабочей силы» («Очерки», с. 178), помнят также, что г. Н. — он хочет выводить отсюда и «сокращение внутреннего рынка» (ib., с. 203 и др.) и кризисы (с. 298 и др.). Но, приводя эту цитату (ничего не доказывающую, как мы разъяснили), наш автор сверх того *опускает конец* той выноски, из которой взята его цитата. Эта цитата представляла из себя *заметку, вставленную в рукопись* II-го отдела II-го тома «Капитала». Заметка эта была вставлена, «чтобы впоследствии развить ее обстоятельнее», и издатель рукописи отнес ее в примечание. *После приведенных слов в этой заметке говорится: «Однако, все*

это относится только к следующему отделу»*, — т. е. к третьему отделу. А что это за третий отдел? Это именно тот отдел, который содержит критику теории А. Смита о двух частях всего общественного продукта (вместе с вышеприведенным отзывом о Сисмонди) и анализ «воспроизводства и обращения всего общественного капитала», т. е. реализации продукта. Итак, в подтверждение своих воззрений, повторяющих Сисмонди, наш автор цитирует заметку, относящуюся «только к отделу», опровергающую Сисмонди: «только к отделу», в котором показано, что капиталисты *могут* реализовать сверхстоимость, и что внесение внешней торговли в анализ реализации есть нелепость...

Другая попытка стереть различие двух теорий и защитить старый романтический хлам ссылкой на новейшие учения содержится в статье Эфруси. Приведя теорию кризисов Сисмонди, Эфруси указывает на ее неверность («Р. Б.» № 7, с. 162). Указания его крайне неотчетливы и противоречивы. С одной стороны, он повторяет доводы противоположной теории, говоря, что предметами непосредственного потребления не исчерпывается национальный спрос. С другой стороны, он утверждает, что объяснение кризисов Сисмонди «указывает лишь на одно из многих обстоятельств, затрудняющих распределение национального производства соответственно спросу населения и его покупательной способности». Читателя приглашают, следовательно, думать, что объяснение кризисов заключается именно в «распределении», и что ошибка Сисмонди ограничивается неполным указанием причин, затрудняющих это распределение! Но главное не в этом... «Сисмонди, — говорит Эфруси, — не остановился на вышеприведенном объяснении. Уже в 1-ом издании «Nouv. Princ.» мы находим глубоко поучительную главу, озаглавленную «De la connaissance du marché»**. В этой главе Сисмонди раскрывает нам основные причины нарушения равновесия между производством и потреблением (это заметьте!) с такой ясностью, какую мы в этом вопросе встречаем лишь у немногих экономистов» (ib.). И приведа цитаты о том, что фабрикант не может знать рынка,

* «Das Kapital», II. Band, S. 304 («Капитал», т. II, стр. 304.⁴³ Ред.). Рус. пер., с. 232. Курсив наш.

** — «О знании рынка». Ред.

Эффруси говорит: «Почти то же самое говорит Энгельс» (с. 163) — следует цитата о том, что фабрикант не может знать спроса. Приведя затем еще цитаты о «других препятствиях для установления равновесия между производством и потреблением» (с. 164), Эффруси уверяет, что «в них дается то самое объяснение кризисов, которое все более и более становится господствующим!» Даже более: Эффруси находит, что «мы в вопросе о причинах народнохозяйственных кризисов можем с полным правом смотреть на Сисмонди, как на родоначальника тех взглядов, которые позднее развиваются более последовательно и более ясно» (с. 168).

Но всем этим Эффруси обнаруживает полное непонимание дела! Что такое кризисы? — Перепроизводство, производство товаров, которые не могут быть реализованы, не могут найти спроса. Если товары не могут найти спроса, — значит, фабрикант, производя их, не знал спроса. Спрашивается теперь: неужели указать это условие возможности кризисов значит дать объяснение кризисам? Неужели Эффруси не понимал разницы между указанием возможности и объяснением необходимости явления? Сисмонди говорит: кризисы возможны, ибо фабрикант не знает спроса; они необходимы, ибо в капиталистическом производстве не может быть равновесия производства с потреблением (т. е. не может быть реализован продукт). Энгельс говорит: кризисы возможны, ибо фабрикант не знает спроса; они необходимы совсем не потому, чтобы вообще не мог быть реализован продукт. Это неверно: продукт может быть реализован. Кризисы необходимы потому, что коллективный характер производства приходит в противоречие с индивидуальным характером присвоения. И вот находится экономист, который уверяет, что Энгельс говорит «почти то же самое»; что Сисмонди дает «то же самое объяснение кризисов!» «Меня удивляет поэтому, — пишет Эффруси, — что г. Туган-Барановский... упустил из виду самое важное и ценное в учении Сисмонди» (с. 168). Но г. Туган-Барановский ничего не упустил из виду*. Напротив, он с полной

* В «Развитии капитализма» (стр. 16 и 19) (см. Сочинения, т. III, глава I, § VI. *Ред.*) я уже отметил те неточности и ошибки у г. Туган-Барановского, которые привели его впоследствии к полному переходу в лагерь буржуазных экономистов. (Примечание автора к изданию 1908 г. *Ред.*)

точностью указал то основное противоречие, к которому сводит дело новая теория (с. 455 и др.), и выяснил значение Сисмонди, который раньше указал на противоречие, проявляющееся в кризисах, но не сумел дать верного объяснения ему (с. 457: Сисмонди до Энгельса указывал на то, что кризисы вытекают из современной организации хозяйства; с. 491: Сисмонди излагал условия возможности кризисов, но «не всякая возможность осуществляется на деле»). А Эфруси совершенно в этом не разобрался и, свалив все в одну кучу, «удивляется», что у него выходит путаница! «Мы, правда, — говорит экономист «Русск. Богатства», — у Сисмонди не находим тех выражений, которые теперь получили всеобщее право гражданства, вроде «анархии производства», «отсутствия планомерности (Planlosigkeit) производства», но сущность, скрывающаяся под этими выражениями, отмечена у него вполне ясно» (с. 168). С какой легкостью романтик новейший реставрирует романтика былых дней! Вопрос сводится к различию в словах! На деле вопрос сводится к тому, что Эфруси не понимает тех слов, которые повторяет. «Анархия производства», «отсутствие планомерности производства» — о чем говорят эти выражения? О противоречии между общественным характером производства и индивидуальным характером присвоения. И мы спрашиваем всякого, знакомого с разбираемой экономической литературой: признавал ли это противоречие Сисмонди или Родбертус? Выводили ли они кризисы из этого противоречия? Нет, не выводили и не могли вывести, ибо ни один из них совершенно не понимал этого противоречия. Самая идея о том, что критику капитализма нельзя основывать на фразах о всеобщем благополучии*, или о неправильности «обращения, предоставленного самому себе»**, а необходимо основывать на характере эволюции производственных отношений, — была им абсолютно чужда.

* Cf. Sismondi, l. c., I, 8 (ср. Сисмонди, в цитированном месте, I, 8. *Ред.*).

** Родбертус. Кстати отметим, что Бернштейн, реставрируя вообще предвзвешенно буржуазной экономии, внес путаницу и по данному вопросу, утверждая, что теория кризисов Маркса не очень-то отличается от родбертусовской («Die Voraussetzungen etc.» Stuttg. 1899, S. 67) (*Э. Бернштейн. «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии», Штутгарт, 1899, стр. 67. Ред.*) и что Маркс противоречит себе, признавая последней причиной кризисов ограниченность потребления масс. (Примечание автора к изданию 1908 г. *Ред.*)

Мы вполне понимаем, почему наши российские романтики употребляют все усилия, чтобы стереть различие между двумя указанными теориями кризисов. Это потому, что с указанными теориями самым непосредственным, самым тесным образом связаны принципиально различные отношения к капитализму. В самом деле, если мы объясняем кризисы невозможностью реализовать продукты, противоречием между производством и потреблением, то мы тем самым приходим к отрицанию действительности, пригодности того пути, по которому идет капитализм, объявляем его путем «ложным» и обращаемся к поискам «иных путей». Выводя кризисы из этого противоречия, мы должны думать, что, чем дальше развивается оно, *тем труднее* выход из противоречия. И мы видели, как Сисмонди с величайшей наивностью высказал именно это мнение, говоря, что если капитал накапливается медленно, то это еще можно снести; но если быстро, то это становится невыносимо. — Наоборот, если мы объясняем кризисы противоречием между общественным характером производства и индивидуальным характером присвоения, мы тем самым признаем действительность и прогрессивность капиталистического пути и отвергаем поиски «иных путей», как вздорный романтизм. Мы тем самым признаем, что, чем дальше развивается это противоречие, *тем легче* выход из него, и что выход заключается именно в развитии данного строя.

Как видит читатель, и тут мы встречаем различие «точек зрения»...

Вполне естественно, что наши романтики ищут теоретических подтверждений своим воззрениям. Вполне естественно, что эти поиски приводят их к старому хламу, давным-давно выброшенному Западной Европой. Вполне естественно, что они, чувствуя это, пытаются реставрировать этот хлам, то прямо прикрашивая романтиков Западной Европы, то провозя романтизм под флагом неуместных и извращенных цитат. Но они жестоко заблуждаются, если думают, что подобная контрабанда будет оставаться нераскрытой.

Заканчивая этим изложение *основной* теоретической доктрины Сисмонди и главнейших теоретических выводов, сделанных им из нее, мы должны сделать маленькое добавление, относящееся опять к Эфруси. В другой

своей статье о Сисмонди (продолжение первой) он говорит: «Еще более интересными (сравнительно с учением о доходе с капитала) являются воззрения Сисмонди на различные виды доходов» («Р. Б.» № 8, с. 42). Сисмонди, дескать, так же, как и Родбертус, делит национальный доход на две части: «одна поступает владельцам земли и орудий производства, другая — представителям труда» (ib.). Следуют цитаты, в которых Сисмонди говорит о таком делении не только национального дохода, но и всего продукта: «Годовое производство, или результат всех работ, совершенных народом в течение года, также состоит из двух частей» и т. д. («N. Princ.», I, 105, цит. в «Р. Б.» № 8, с. 43). «Процитированные места, — заключает наш экономист, — ясно доказывают, что Сисмонди вполне усвоил (1) ту самую классификацию народного дохода, которая играет у новейших экономистов такую важную роль, именно деление народного дохода на доход, основанный на труде, и на беструдовой доход — *arbeitsloses Einkommen*. Хотя, вообще говоря, взгляды Сисмонди по вопросу о доходе не всегда ясны и определены, но в них все-таки проглядывает сознание различия, существующего между частнохозяйственным и народнохозяйственным доходом» (с. 43).

Процитированное место, — скажем мы на это, — ясно доказывает, что Эфруси вполне усвоил мудрость немецких учебников, но, несмотря на это (а, может быть, именно благодаря этому), совершенно проглядел теоретическую трудность вопроса о национальном доходе в отличие от индивидуального. Эфруси выражается очень неосторожно. Мы видели, что в первой половине своей статьи он называл «новейшими экономистами» теоретиков одной определенной школы. Читатель вправе будет подумать, что и на этот раз речь идет о них же. На самом же деле автор разумеет тут нечто совершенно иное. В качестве новейших экономистов фигурируют теперь уже немецкие катедер-социалисты. Защита Сисмонди состоит в том, что автор сближает его теорию с их учением. В чем же состоит учение этих «новейших» авторитетов Эфруси? — В том, что национальный доход делится на две части.

Да ведь это учение Ад. Смита, а вовсе не «новейших экономистов»! Разделяя доход на заработную плату, прибыль и ренту (кн. I, гл. VI «Богатства народов»;

кн. II, гл. II), А. Смит противопоставлял два последних первому, именно, как беструдовой доход, называя оба их вычетом из труда (кн. I, гл. VIII) и оспаривая мнение, что прибыль есть та же заработная плата за особого рода труд (кн. I, гл. VI). И Сисмонди, и Родбертус, и «новейшие» авторы немецких учебников просто повторяют это учение Смита. Различие между ними только то, что А. Смит сознавал, что ему не вполне удастся выделить национальный доход из национального продукта; сознавал, что он впадает в противоречие, выкидывая из последнего постоянный капитал (по современной терминологии), который им включался однако в единичный продукт. «Новейшие» же экономисты, повторяя ошибку А. Смита, облакали его учение только в более напыщенную форму («классификация национального дохода») и утрачивали сознание того противоречия, перед которым остановился А. Смит. Это — приемы, быть может, ученые, но вовсе не научные.

VIII

КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕНТА И КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ ПЕРЕНАСЕЛЕНИЕ

Продолжаем обзор теоретических воззрений Сисмонди. Все главные его воззрения — те, которые характеризуют его в отличие от всех других экономистов, мы уже рассмотрели. Дальнейшие либо не играют столь важной роли в общем его учении, либо составляют вывод из предыдущих.

Отметим, что Сисмонди точно так же, как и Родбертус, не разделял теории ренты Рикардо. Не выдвигая своей собственной теории, он старался поколебать учение Рикардо соображениями более чем слабыми. Он выступает здесь чистым идеологом мелкого крестьянина; он не столько опровергает Рикардо, сколько отвергает вообще перенесение на земледелие категорий товарного хозяйства и капитализма. В обоих отношениях его точка зрения в высшей степени характерна для романтика. Гл. XIII-я 3-ей книги* посвящена «теории г. Рикардо о ренте

* Характерна уже и самая система вложения: 3-я книга трактует о «богатстве территориальном» (richesse territoriale), земельном, т. е. о земледелии. Следующая 4-я книга «о богатстве торговом» (de la richesse commerciale) — о промышленности и торговле. Как будто бы земельный продукт и

с земель». Заявив сразу о полном противоречии доктрины Рикардо его собственной теории, Сисмонди приводит такие возражения: общий уровень прибыли (на котором построена теория Рикардо) никогда не устанавливается, свободного перемещения капитала в земледелии нет. В земледелии надо рассматривать внутреннюю ценность продукта (*la valeur intrinsèque*), не зависящую от колебаний рынка и предоставляющую владельцу «чистый продукт» (*produit net*), «труд природы» (I, 306). «Труд природы есть сила, источник чистого продукта земли, рассматриваемого в его внутренней стоимости» (*intrinsèquement*) (I, 310). «Мы рассматривали ренту (*le fermage*), или, вернее, чистый продукт, как происходящий непосредственно из земли в пользу собственника; он не отнимает никакой доли ни у фермера, ни у потребителя» (I, 312). И это повторение старых физиократических предрассудков заключается еще моралью: «Вообще в политической экономии следует беречься (*se défier*) абсолютных предположений, точно так же, как и абстракций» (I, 312)! В такой «теории» нечего даже и разбирать, ибо одного маленького примечания Рикардо против «труда природы» более чем достаточно*. Это просто откат от анализа и гигантский шаг назад сравнительно с Рикардо. С полной наглядностью сказывается и тут романтизм Сисмонди, который спешит осудить данный процесс, боясь прикоснуться к нему анализом. Заметьте, что он ведь не отрицает того факта, что земледелие развивается в Англии

самая земля не становилась тоже товаром при господстве капитализма! Поэтому между двумя этими книгами не оказывается и соответствия. Промышленность трактуется только в ее капиталистической форме, современной Сисмонди. Земледелие же описывается в виде разношерстного перечня всяческих систем эксплуатации земли: эксплуатация патриархальная, рабская, полоническая, барщинная, оброчная, фермерская, эфитевическая (сдача в вечно-наследственную аренду). В результате полная путаница: автор не дает ни истории земледелия, ибо все эти «системы» между собой не связаны, ни анализа земледелия в капиталистическом хозяйстве, хотя это последнее — настоящий предмет его сочинения и хотя о промышленности он говорит только в ее капиталистической форме.

* Рикардо. Сочинения, пер. Зибера, стр. 35: «Разве природа ничего не делает для человека в мануфактурной промышленности? Разве силы ветра и воды, приводящие в действие наши машины и оказывающие пособие мореплаванью, не имеют никакого значения? Давление атмосферы и упругость пара, посредством которых мы приводим в движение самые удивительные машины, — разве это не дары природы? Не говоря о действии теплоты, размягчающей и расплавляющей металлы, и об участии воздуха в процессах окрашивания и брожения, нет ни одной отрасли мануфактуры, в которой бы природа не оказывала помощи человеку, и притом помощи даровой и щедрой».

капиталистически, что крестьяне заменяются фермерами и поденщиками, что на континенте дела развиваются в том же направлении. Он просто отворачивается от этих фактов (которые он обязан был рассмотреть, рассуждая о капиталистическом хозяйстве), предпочитая сентиментальные разговоры о предпочтительности системы патриархальной эксплуатации земли. Точь-в-точь так же поступают и наши народники: никто из них и не пытался отрицать того факта, что товарное хозяйство проникает в земледелие, что оно не может не производить радикального изменения в общественном характере земледелия, — но в то же время никто, рассуждая о капиталистическом хозяйстве, не ставит вопроса о росте торгового земледелия, предпочитая отделяться сентенциями о «народном производстве». Так как здесь мы ограничиваемся пока разбором теоретической экономики Сисмонди, то более подробное ознакомление с этой «патриархальной эксплуатацией» откладываем до дальнейшего.

Другим теоретическим пунктом, около которого вращается изложение Сисмонди, является учение о населении. Отметим отношение Сисмонди к теории Мальтуса и к излишнему населению, создаваемому капитализмом.

Эфруси уверяет, что Сисмонди согласен с Мальтусом лишь в том, что население может размножаться с чрезвычайной быстротой, служа источником чрезвычайных страданий. «В дальнейшем они являются полнейшими антиподами. Сисмонди ставит весь вопрос о населении на социально-историческую почву» («Р. Б.» № 7, с. 148). И в этой формулировке Эфруси совершенно затушевывает характерную точку зрения Сисмонди (именно мелкобуржуазную) и его романтизм.

Что значит «ставить вопрос о населении на социально-историческую почву»? Это значит исследовать закон народонаселения каждой исторической системы хозяйства отдельно и изучать его связь и соотношение с данной системой. Какую систему изучал Сисмонди? Капиталистическую. Итак, сотрудник «Русск. Богатства» полагает, что Сисмонди изучал капиталистический закон народонаселения. В этом утверждении есть доля истины, но только *доля*. А так как Эфруси и не думал разбирать, чего недоставало Сисмонди в его рассуждениях о народонаселении, и так как Эфруси утверждает, что «Сисмонди

является здесь предшественником самых выдающихся новейших экономистов»* (с. 148), — то в результате получается совершенно такое же подкрашивание мелкобуржуазного романтика, какое мы видели по вопросу о кризисах и о национальном доходе. В чем состояло сходство учения Сисмонди с новой теорией по этим вопросам? В том, что Сисмонди указал на противоречия, свойственные капиталистическому накоплению. Это сходство Эфруси отметил. В чем состояло различие Сисмонди от новой теории? В том, во-1-х, что он ни на йоту не двинул вперед научного анализа этих противоречий и в некоторых отношениях сделал даже шаг назад сравнительно с классиками, — во-2-х, в том, что он прикрывал свою неспособность к анализу (отчасти свое нежелание производить анализ) мелкобуржуазной моралью о необходимости соотносить национальный доход с расходом, производство с потреблением и т. п. Этого различия Эфруси ни по одному из указанных пунктов *не отметил* и тем совершенно неправильно представил настоящее значение Сисмонди и его отношение к новейшей теории. Совершенно то же самое видим мы и по данному вопросу. Сходство Сисмонди с новейшей теорией и здесь ограничивается *указанием на противоречие*. Различие и здесь состоит в отсутствии научного анализа и в мелкобуржуазной морали вместо такого анализа. Поясним это.

Развитие капиталистической машинной индустрии с конца прошлого века повело за собой образование излишнего населения, и перед политической экономией встала задача объяснить это явление. Мальтус пытался, как известно, объяснить его естественно-историческими причинами, совершенно отрицая происхождение его из известного, исторически определенного, строя общественного хозяйства и совершенно закрывая глаза на вскрываемые этим фактом противоречия. Сисмонди указал на эти противоречия и на вытеснение населения машинами. В этом указании его неоспоримая заслуга, ибо в ту эпоху, когда он писал, такое указание было новостью. Но посмотрим, как он отнесся к этому факту.

* Оговариваемся, впрочем, что мы не можем наверное знать, кто фигурирует тут у Эфруси в качестве «самого выдающегося новейшего экономиста», представитель ли известной, безусловно чуждой романтизму школы, или автор самого толстого хандбуха?

В 7-ой книге («О населении») 7-ая глава специально говорит «о населении, сделавшемся излишним вследствие изобретения машин». Сисмонди констатирует, что «машинны вытесняют людей» (р. 315, II, VII), и сейчас же ставит вопрос, есть ли изобретение машин выгода для нации или несчастье? Понятно, что «решение» этого вопроса для всех стран и времен вообще, а не для капиталистической страны состоит в бессодержательнейшей банальности: выгода — тогда, когда «спрос на потребление превышает средства производства в руках населения» (*les moyens de produire de la population*) (II, 317), и бедствие — «когда производство вполне достаточно для потребления». Другими словами: констатирование противоречия служит у Сисмонди лишь поводом для рассуждений о каком-то абстрактном обществе, в котором уже нет никаких противоречий и к которому применима мораль расчетливого крестьянина! Сисмонди и не пытается анализировать это противоречие, разобрать, как оно складывается, к чему ведет и т. д. в данном капиталистическом обществе. Нет, он пользуется этим противоречием, лишь как материалом для своего нравственного негодования против такого противоречия. Все дальнейшее содержание главы не дает абсолютно ничего по данному теоретическому вопросу, исчерпываясь сетованиями, жалобами и невинными пожеланиями. Вытесняемые рабочие были потребителями... сокращается внутренний рынок... что касается внешнего, то мир уже достаточно снабжен... умеренное довольство крестьян лучше гарантировало бы сбыт... нет более поразительного, ужасающего примера, как Англия, которой следуют государства континента — вот какие сентенции дает Сисмонди, вместо анализа явления! Его отношение к предмету точь-в-точь таково, как и отношение наших народников. Народники тоже ограничиваются одним констатированием факта избыточности населения, и утилизируют этот факт лишь для сетований и жалоб на капитализм (ср. Н. — он, В. В. и т. п.). Как Сисмонди не пытается даже анализировать, в каком отношении к требованиям капиталистического производства находится это излишнее население, — так и народники никогда и не ставили себе подобного вопроса.

Полная неправильность подобного приема была выяснена научным анализом этого противоречия. Этот анализ

установил, что избыточное население, представляя из себя несомненно противоречие (рядом с избыточным производством и избыточным потреблением) и будучи необходимым результатом капиталистического накопления, является в то же время *необходимой составной частью* капиталистического механизма*. Чем дальше развивается крупная индустрия, тем большим колебаниям подвергается спрос на рабочих, в зависимости от кризисов или периодов процветания во всем национальном производстве или в каждой отдельной отрасли его. Эти колебания — закон капиталистического производства, которое *не могло бы существовать*, если бы не было избыточного населения (т. е. превышающего *средний* спрос капитализма на рабочих), готового в каждый данный момент доставить рабочие руки для любой отрасли промышленности или для любого предприятия. Анализ показал, что избыточное население образуется во всех отраслях промышленности, куда только проникает капитализм, — и в земледелии точно так же, как в промышленности, — и что избыточное население существует в разных формах. Главных форм три** : 1) *Перенаселение текучее*. К нему принадлежат незанятые рабочие в промышленности. С развитием промышленности необходимо растет и число их. 2) *Перенаселение скрытое*. К нему принадлежит сельское население, теряющее свое хозяйство с развитием капитализма и не находящее неземледельческих занятий. Это населе-

* Впервые, насколько известно, эта точка зрения на избыточное население была высказана Энгельсом в «Die Lage der arbeitenden Klasse in England» (1845) (Энгельс. «Положение рабочего класса в Англии». Ред.). Описавши обычный промышленный цикл английской промышленности, автор говорит:

«Отсюда ясно, что английская промышленность должна иметь во всякое время, за исключением кратких периодов высшего процветания, незанятую резервную армию рабочих, — для того, чтобы иметь возможность производить массы товаров, требуемых рынком в наиболее оживленные месяцы. Эта резервная армия расширяется или суживается, смотря по состоянию рынка, дающего занятия большей или меньшей части ее членов. И если в момент наибольшего оживления рынка земледельческие округа и отрасли промышленности, наименее затронутые общим процветанием, дают временно мануфактурам известное количество рабочих, то таковых небольшое меньшинство, и они принадлежат точно так же к резервной армии, с тем единственным различием, что именно быстрее процветание требовалось для того, чтобы вскрыть их принадлежность к этой армии»⁴¹.

В последних словах важно отметить отнесение к резервной армии части *земледельческого* населения, временно обращающегося к промышленности. Это именно то, что позднейшая теория назвала *скрытой* формой избыточного населения (см. «Капитал» Маркса).

** Ср. Зиберга. «Давид Рикардо и т. д.», о. 552—553, СПб 1885.

ние всегда готово доставить рабочие руки для любых предприятий. 3) *Перенаселение застойное*. Оно занято «в высшей степени неправильно», при условиях, стоящих ниже обычного уровня. Сюда относятся главным образом работающие дома на фабрикантов и на магазины, как сельские жители, так и городские. Совокупность всех этих слоев населения и составляет *относительно избыточное население*, или *резервную армию*. Последний термин отчетливо показывает, о каком населении идет речь. Это — рабочие, которые необходимы капитализму для *возможного* расширения предприятий, но которые никогда не могут быть заняты постоянно.

Таким образом, и по данному вопросу теория пришла к выводу, который диаметрально противоположен выводу романтиков. Для последних избыточное население означает невозможность капитализма или «ошибочность» его. На самом же деле, — как раз наоборот: избыточное население, являясь необходимым дополнением избыточного производства, составляет необходимую принадлежность капиталистического хозяйства, *без которой оно не могло бы ни существовать, ни развиваться*. Эфруси и тут совершенно неправильно представил дело, умолчав об этом положении новейшей теории.

Простого сопоставления двух указанных точек зрения достаточно для суждения о том, к какой из них примыкают наши народники. Вышеизложенная глава из Сисмонди могла бы с полнейшим правом фигурировать в «Очерках нашего пореформенного общественного хозяйства» г. Н. — она.

Констатируя образование избыточного населения в пореформенной России, народники никогда не ставили вопроса о потребностях капитализма в резервной армии рабочих. Могли ли бы быть построены железные дороги, если бы не образовывалось постоянно избыточное население? Известно ведь, что спрос на такого рода труд сильно колеблется по годам. Могла ли развиваться промышленность без этого условия? (В периоды горячки она требует массы строительных рабочих для вновь воздвигаемых фабрик, зданий, складов и т. п. и всякого рода вспомогательной поденной работы, занимающей большую часть так называемых отхожих неземледельческих промыслов.) Могло ли без этого условия создаться капиталистическое

земледелие наших окраин, требующее сотен тысяч и миллионов поденщиков, причем колебания спроса на этот труд, как известно, непомерно велики? Могло ли бы иметь место без образования избыточного населения феноменально быстрое сведение лесов предпринимателями-лесопромышленниками на нужды фабрик? (Лесные работы принадлежат тоже к числу наихудше оплачиваемых и наихудше обставленных, как и другие формы труда сельских жителей на предпринимателей.) Могла ли без этого условия развиться система раздачи работы на дома в городах и деревнях купцами, фабрикантами, магазинами, составляющая столь распространенное явление в так наз. кустарных промыслах? Во всех этих отраслях труда (развившихся главным образом после реформы) колебания спроса на наемный труд крайне велики. А ведь размер колебаний такого спроса определяет размер избыточного населения, *требуемого* капитализмом. Экономисты-народники нигде не показали, чтобы им был известен этот закон. Мы не намерены, конечно, входить здесь в разбор этих вопросов по существу*. Это не входит в нашу задачу. Предмет нашей статьи — западно-европейский романтизм и его отношение к русскому народничеству. И в данном случае отношение это оказывается таким же, как во всех предыдущих: по вопросу об избыточном населении народники стоят целиком на точке зрения романтизма, которая диаметрально противоположна точке зрения новейшей теории. Капитализм не занимает освобождаемых рабочих, — говорят они. Значит, он невозможен, «ошибочен» и т. п. Вовсе еще это не «значит». Противоречие не есть невозможность (Widerspruch не то, что Widersinn). Капиталистическое накопление, это настоящее производство ради производства, есть тоже противоречие. Но это не мешает ему существовать и быть законом определенной системы хозяйства. То же самое надо сказать и о всех других противоречиях капитализма. Приведенное народническое рассуждение «значит» только, что в российскую интеллигенцию глубоко въелся порок отговариваться от всех этих противоречий фразами.

* Поэтому мы не касаемся здесь того весьма оригинального обстоятельства, что основанием не считать всех этих очень многочисленных рабочих служит для народников-экономистов отсутствие регистрации их.

Итак, Сисмонди не дал абсолютно ничего для *теоретического анализа* перенаселения. Но как же он смотрел на него? Его взгляд складывается из оригинального сочетания мелкобуржуазных симпатий и мальтузианства. «Великий порок современной социальной организации, — говорит Сисмонди, — тот, что бедный не может никогда знать, на какой спрос труда он может рассчитывать» (II, 261), и Сисмонди вздыхает о тех временах, когда «деревенский сапожник» и мелкий крестьянин точно знали свои доходы. «Чем более бедняк лишен всякой собственности, тем более подвергается он опасности ошибиться насчет своего дохода и содействовать созданию такого населения (*contribuer à accroître une population...*), которое, не будучи в соответствии со спросом на труд, не найдет средств к жизни» (II, 263—264). Видите: этому идеологу мелкой буржуазии мало того, что он желал бы задержать все общественное развитие, ради сохранения патриархальных отношений полудикого населения. Он готов предписывать какое угодно калечение человеческой природы, лишь бы оно служило сохранению мелкой буржуазии. Вот еще несколько выписок, которые не оставляют сомнения насчет этого последнего пункта:

Еженедельная расплата на фабрике с полунищим рабочим приучила его не смотреть на будущее дальше следующей субботы: «в нем притупили таким образом нравственные качества и чувство симпатии» (II, 266), состоящие, как мы сейчас увидим, в «супружеском благоразумии»!.. — «его семья будет становиться тем многочисленнее, чем более она в тягость обществу; и нация будет страдать (*gémir*) под гнетом населения, не приведенного в соответствие (*disproportionnée*) с средствами его содержания» (II, 267). Сохранение мелкой собственности во что бы то ни стало — вот лозунг Сисмонди — хотя бы даже ценой понижения жизненного уровня и извращения человеческой природы! И Сисмонди, поговоривши, с видом государственного человека, о том, когда «желателен» рост населения, посвящает особую главу нападкам на религию за то, что она не осуждала «неблагоразумных» браков. Раз только затронут его идеал — мелкий буржуа, Сисмонди является более мальтузианцем, чем сам Мальтус. «Дети, рождающиеся лишь для нищеты, — поучает

Сисмонди религию, — рождаются также только для порока... Невежество в вопросах социального строя заставило их (представителей религии) вычеркнуть целомудрие из числа добродетелей, свойственных браку, и было одной из тех постоянно действующих причин, которые разрушают соответствие, естественно устанавливающееся между населением и его средствами существования» (II, 294). «Религиозная мораль должна учить людей, что, возобновив семью, они не менее обязаны жить целомудренно со своими женами, чем холостяки с женщинами, им не принадлежащими» (II, 298). И Сисмонди, претендующий вообще не только на звание теоретика-экономиста, но и на звание мудрого администратора, тут же подсчитывает, что для «возобновления семьи» требуется «в общем и среднем три рождения», и дает совет правительству «не обманывать людей надеждой на независимое положение, позволяющее заводить семью, когда это обманчивое учреждение (*cet établissement illusoire*) оставит их на произвол страданий, нищеты и смертности» (II, 299). «Когда социальная организация не отделяла класса трудящегося от класса, владеющего какой-нибудь собственностью, одного общественного мнения было достаточно для предотвращения бича (*le fléau*) нищенства. Для земледельца — продажа наследия его отцов, для ремесленника — растрата его маленького капитала всегда заключают в себе нечто постыдное... Но в современном строе Европы... люди, осужденные не иметь никогда никакой собственности, не могут чувствовать никакого стыда перед обращением к нищенству» (II, 306—307). Трудно рельефнее выразить тупость и черствость мелкого собственника! Из теоретика Сисмонди превращается здесь в практического советчика, проповедующего ту мораль, которой, как известно, с таким успехом следует французский крестьянин. Это не только Мальтус, но вдобавок Мальтус, выкроенный нарочито по мерке мелкого буржуа. Читая эти главы Сисмонди, невольно вспоминаешь страстно-гневные выходки Прудона, доказывавшего, что мальтузианство есть проповедь супружеской практики... некоторого противоестественного порока*.

* См. приложение к русскому переводу «Опыта о народонаселении» Мальтуса. (Пер. Вибинова, СПб 1866.) Отрывок из сочинения Прудона «О справедливости».

IX

МАШИНЫ В КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В связи с вопросом об избыточном населении стоит вопрос о значении *машин* вообще.

Эфруси усердно толкует о «блестящих замечаниях» Сисмонди насчет машин, о том, что «считать его противником технических усовершенствований несправедливо» (№ 7, с. 155), что «Сисмонди не был врагом машин и изобретений» (с. 156). «Сисмонди неоднократно подчеркивал ту мысль, что не машины и изобретения сами по себе вредны для рабочего класса, а они делаются таковыми лишь благодаря условиям современного хозяйства, при котором возрастание производительности труда не ведет ни к увеличению потребления рабочего класса, ни к сокращению рабочего времени» (с. 155).

Все эти указания вполне справедливы. И опять-таки *такая* оценка Сисмонди замечательно рельефно показывает, как народник абсолютно не сумел *понять романтика*, понять свойственную романтизму *точку зрения* на капитализм и ее радикальное отличие от точки зрения научной теории. Народник и не мог этого понять, потому что народничество само не пошло дальше романтизма. Но если указания Сисмонди на противоречивый характер капиталистического употребления машин были крупным прогрессом в 1820-х годах, то в настоящее время ограничиваться подобной примитивной критикой и не понимать ее мелкобуржуазной ограниченности уже совершенно непростительно.

В этом отношении (т. е. в вопросе о различии учения Сисмонди от новейшей теории)* Эфруси твердо остается при своем. Он не умеет даже поставить вопроса. Указавши, что Сисмонди видел противоречие, он этим и удовлетворяется, как будто бы история не показывала самые разнообразные приемы и способы критиковать противоречия капитализма. Говоря, что Сисмонди считал вредными машины не сами по себе, а вследствие их действия при данном социальном строе, Эфруси и не замечает, какая примитивная, поверхностно-сентиментальная точка зрения

* А мы видели уже неоднократно, что Эфруси *везде* старался проводить это сравнение Сисмонди с современной теорией.

сказывается уже в одном этом рассуждении. Сисмонди действительно рассуждал: вредны машины или не вредны? и «решал» вопрос сентенцией: машины полезны лишь тогда, когда производство соотносится с потреблением (ср. цитаты в «Р. Б.» № 7, с. 156). После всего изложенного выше нам нет надобности доказывать здесь, что подобное «решение» есть не что иное, как подстановка мелкобуржуазной утопии на место научного анализа капитализма. Сисмонди нельзя винить в том, что он не произвел такого анализа. Исторические заслуги судятся не по тому, чего *не дали* исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они *дали нового* сравнительно с своими предшественниками. Но мы судим здесь уже не о Сисмонди и не о его примитивной, сентиментальной точке зрения, а об экономисте «Р. Б — ва», который до сих пор не понимает отличия такой точки зрения от новейшей. Он не понимает, что для характеристики этого отличия следовало поставить вопрос не о том, был ли Сисмонди врагом машин или нет, а о том, понимал ли Сисмонди значение машин в капиталистическом строе? понимал ли он роль машин *в этом строе*, как *фактора прогресса*? И тогда экономист «Р. Б — ва» мог бы заметить, что с своей *мелкобуржуазной, утопической* точки зрения Сисмонди и *не мог поставить* такого вопроса, и что в постановке и разрешении его и состоит отличие новой теории. Тогда Эфруси мог бы понять, что, заменяя вопрос об исторической роли машин в данном капиталистическом обществе — вопросом об условиях «выгодности» и «пользы» машин вообще, Сисмонди естественно приходил к учению об «опасности» капитализма и капиталистического употребления машин, взывал о необходимости «задержать», «умерить», «регламентировать» рост капитализма, и становился в силу этого *реакционером*. Непонимание исторической роли машин, как фактора прогресса, и составляет одну из причин, по которой новейшая теория признала учение Сисмонди *реакционными*.

Мы не будем здесь, разумеется, излагать новейшее учение (т. е. учение Маркса) о машинном производстве. Отсылаем читателя хоть к вышеназванному исследованию Н. Зибера, гл. X: «Машины и крупная промышленность» и особенно глава XI: «Разбор теории машинного произ-

водства)*. Отметим только в самых кратких чертах ее суть. Она сводится к двум пунктам: во-1-х, к историческому анализу, установившему место машинного производства в ряду других стадий развития капитализма и отношение машинной индустрии к этим предшествующим стадиям (капиталистической простой кооперации и капиталистической мануфактуре); во-2-х, к анализу роли машин в капиталистическом хозяйстве и особенно к анализу того преобразования всех условий жизни населения, которое производит машинная индустрия. По первому пункту теория установила, что машинная индустрия есть только одна стадия (именно высшая) капиталистического производства, и показала ее возникновение из мануфактуры. По второму пункту теория установила, что машинная индустрия является гигантским прогрессом в капиталистическом обществе не только потому, что она в громадной степени повышает производительные силы и обобществляет труд во всем обществе**, но также потому, что она разрушает мануфактурное разделение труда, делает необходимостью переход рабочих от одних занятий к другим, разрушает окончательно отсталые патриархальные отношения, в особенности в деревне***, дает сильнейший толчок прогрессивному движению общества как по указанным причинам, так и вследствие концентрации индустриального населения. Прогресс этот сопровождается, как и все другие прогрессы капитализма, также и «прогрессом» противоречий, т. е. обострением и расширением их.

Читатель спросит, может быть, какой же интерес имеет разбор взглядов Сисмонди по такому общеизвестному вопросу и такое суммарное указание на новую теорию, с которой все «знакомы», с которой все «согласны»?

* «Сказать по правде, — говорит Зибер в начале этой главы: — излагаемое учение о машинах и о крупной индустрии представляет такой неисчерпаемый источник новых мыслей и оригинальных исследований, что, если бы кто вздумал взвесить относительные достоинства этого учения вполне, ему пришлось бы написать по одному этому предмету чуть не целую книгу» (с. 473).

** Сравнивая «сочетание труда» в общине и в капиталистическом обществе с машинной индустрией, Зибер вполне справедливо замечает: «Между «слагаемым» общины и «слагаемым» общества с машинной продукцией существует приблизительно такое же различие, как, напр., между единицей 10 и единицей 100» (с. 495).

*** Зибер, назв. соч., с. 467.

А вот, чтобы посмотреть на это «согласие», мы и возьмем теперь наиболее видного народнического экономиста, г. Н. — она, претендующего на строгое применение новейшей теории. В своих «Очерках», как известно, г. Н. — он одной из своих специальных задач поставил изучение капитализации русской текстильной индустрии, которая характеризуется как раз наибольшим приложением машин.

Спрашивается, на какой точке зрения стоит г. Н. — он в этом вопросе: на точке зрения Сисмонди (с которым, как мы видели, он разделяет точку зрения на весьма многие стороны капитализма) или на точке зрения новейшей теории? Является ли он по такому важному вопросу романтиком или... реалистом*?

Мы видели, что первым отличием новейшей теории является исторический анализ возникновения машинной индустрии из капиталистической мануфактуры. Поставил ли г. Н. — он вопрос о возникновении русской машинной индустрии? Нет. Он дал, правда, указание, что ей предшествовала работа на дому на капиталиста и ручная «фабрика**», но вопроса об отношении машинной индустрии к предшествующей стадии не только не разъяснил, но даже не «заметил», что *фабрикой* по научной терминологии нельзя было назвать *предшествующую стадию* (ручное производство на дому или в мастерской капиталиста), которая должна быть несомненно характеризована, как *капиталистическая мануфактура****.

Пусть не думает читатель, что это «пробел» неважный. Напротив, он имеет громадную важность. Во-1-х, г. Н. — он отождествляет таким образом *капитализм* с *машинной индустрией*. Это — грубая ошибка. Значение научной

* Слово «реалист» поставлено здесь вместо слова: *марксист* исключительно по цензурным соображениям. По той же причине ссылки на «Капитал» заменены ссылками на книгу Зибера, пересказавшего «Капитал» Маркса. (Примечание автора к изданию 1908 г. *Ред.*)

** Стр. 108. Цитата из «Сборника стат. свед. по Моск. губ.», т. VII, в. III, с. 32 (статистики излагают здесь Корсана «О формах промышленности»): «Самая организация промысла с 1822 года совершенно изменяется — вместо самостоятельных кустарных производителей крестьяне становятся лишь исполнителями некоторых операций крупного фабричного производства, они ограничиваются лишь получением задельной платы».

*** Зибер вполне справедливо указывал на непригодность обычной терминологии (фабрика, завод и т. п.) для научных исследований и на необходимость выделять машинную индустрию от капиталистической мануфактуры: стр. 474.

теории в том и состоит, что она выяснила настоящее место машинной индустрии, как *одной стадии* капитализма. Если бы г. Н. — он стоял на точке зрения *этой теории*, мог ли бы он изображать рост и победу *машинной индустрии «борьбой двух хозяйственных форм»*: какой-то неизвестной «формы, основанной на владении крестьянством орудиями производства»*, и «капитализма» (стр. 2, 3, 66, 198 и др.), тогда как на деле мы видим *борьбу машинной индустрии с капиталистической мануфактурой*? Об этой борьбе г. Н. — он не сказал ни слова, хотя именно в текстильной индустрии, им специально взятой для изучения (стр. 79), по указанию, им же приведенному, происходила именно такая смена *двух форм капитализма*, извращенная г. Н. — оном в смену «народного производства» «капитализмом». Не очевидно ли, что в сущности его нимало не интересовал вопрос о *действительном* развитии машинной индустрии и что под «народным производством» прячется утопия совершенно во вкусе Сисмонди? Во-2-х, если бы г. Н. — он поставил вопрос об историческом развитии русской машинной индустрии, мог ли бы он говорить о «насаждении капитализма» (331, 283, 323 и др. стр.), основываясь на фактах правительственной поддержки и помощи — фактах, которые имели место и в Европе? Спрашивается, подражает ли он Сисмонди, который ведь совершенно так же говорил о «насаждении», — или представителю новейшей теории, изучавшему смену мануфактуры машинной индустрией? В-3-х, если бы г. Н. — он поставил вопрос об историческом развитии форм капитализма в России (в текстильной промышленности), мог ли бы он игнорировать существование капиталистической мануфактуры в русских «кустарных промыслах»**? А если бы он *действительно* следовал теории и попытался прикоснуться научным анализом хоть к маленькому уголку этого тоже «народного производства», — что стало бы с его столь суздальски

* Н. — он, с. 322. Отличается ли это хоть на йоту от идеализации патриархального крестьянского хозяйства у Сисмонди?

** Мы предполагаем здесь, что нет нужды доказывать этот общеизвестный факт. Стоит вспомнить павловский слесарный промысел, богородский ножевенный, нимрский сапожный, шапочный района Молвитина, гармонный и самоварный тульские, красносельский и рыбнослободский ювелирный, семновский ложкарный, роговой в «Устьянчине», валяльный в Семновск. уезде Нижегородской губ. и т. д. Мы цитируем на память: если взять любое исследование кустарной промышленности, можно удлинить список до бесконечности.

намалеванной картиной русского общественного хозяйства, изображающей какое-то туманное «народное производство» и оторванный от него «капитализм», охватывающий лишь «горсть» рабочих (с. 326 и др.)?

Резюмируем: по первому пункту, составляющему отличие новейшей теории машинной индустрии от романтической, г. Н. — он *ни в каком случае не может быть признан последователем первой*, ибо он не понимает даже необходимости поставить вопрос о возникновении машинной индустрии, как *особой стадии капитализма*, и замалчивает существование капиталистической мануфактуры, этой предшествующей машинам стадии капитализма. Вместо исторического анализа он подсовывает утопию «народного производства».

Второй пункт касается учения новейшей теории о преобразовании общественных отношений машинной индустрией. Г. Н. — он и не пытался разобрать этот вопрос. Он много сетовал на капитализм, оплакивал фабрику (точь-в-точь как оплакивал ее Сисмонди), но он не сделал даже попытки изучить то преобразование общественных условий, которое совершила фабрика*. Для этого потребовалось бы ведь именно сравнение машинной индустрии с *предшествующими стадиями*, которые у г. Н. — она отсутствуют. Точно так же точка зрения новейшей теории на машины, как на фактор прогресса *данного капиталистического общества*, — ему совершенно чужда. Опять-таки он даже и не поставил вопроса об этом**, да и не мог поставить, ибо этот вопрос является лишь результатом исторического изучения смены *одной формы капитализма* другою, а у г. Н. — она «капитализм» tout court*** сменяет... «народное производство».

Если бы мы на основании «исследования» г. Н. — она о капитализации текстильной индустрии в России задали вопрос: как смотрит г. Н. — он на машины? — то мы не могли бы получить другого ответа, кроме того, с которым знакомы уже по Сисмонди. Г. Н. — он признает, что машины повышают производительность труда

* Мы просим не забывать, что научное значение этого термина не то, что обыденное. Наука ограничивает его применение только крупной машинной индустрией.

** Как поставил его, напр., А. Волгин, «Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова (В. В.)». СПб 1896.

*** — попросту. *Ред.*

(еще бы этого не признавать!), — как и Сисмонди это признавал. Г. Н. — он говорит, что вредны не машины, а капиталистическое употребление их, — как и Сисмонди это говорил. Г. Н. — он полагает, что «мы» упустили из виду, вводя машины, что производство должно соответствовать «народной потребительной способности», — как и Сисмонди это полагал.

И только. Больше г. Н. — он ничего не полагает. О тех вопросах, которые поставила и разрешила новейшая теория, г. Н. — он и знать не хочет, ибо он даже не попытался рассмотреть ни исторической смены разных форм капиталистического производства в России (хотя бы на взятом примере текстильной индустрии), ни роли машин, как фактора прогресса в данном капиталистическом строе.

Итак, и по вопросу о машинах — этому крупнейшему вопросу теоретической экономии — г. Н. — он стоит на точке зрения Сисмонди. Г. Н. — он *рассуждает совершенно как романтик*, что несколько не мешает ему, разумеется, цитировать и цитировать.

Это относится не к одному примеру текстильной индустрии, а ко всем рассуждениям г-на Н. — она. Вспомните хоть вышеприведенный пример мукомольного производства. Указание на введение машин служит г. Н. — ему только поводом к сентиментальным сетованиям о том, что это повышение производительности труда не соответствует «народной потребительной способности». Тех преобразований в общественном строе, которые вносит вообще машинная индустрия (и которые она внесла действительно в России), он и не думал разобрать. Вопрос о том, были ли эти машины прогрессом в данном капиталистическом обществе, ему совершенно непонятен*.

А сказанное о г. Н. — оне *a fortiori*** относится к остальным экономистам-народникам: народничество в вопросе о машинах до сих пор стоит на точке зрения мелкобуржуазного романтизма, заменяя экономический анализ сентиментальными пожеланиями.

* В тексте намечаются, на основании теории Маркса, те задачи критики взглядов г. Н. — она, которые выполнены мною впоследствии в «Развитии капитализма». (Примечание автора к изданию 1908 г. *Ред.*)

** — тем более. *Ред.*

X

ПРОТЕКЦИОНИЗМ 45

Последний теоретический вопрос, интересующий нас в системе воззрений Сисмонди, — вопрос о протекционизме. В «Nouveaux Principes» уделено этому вопросу не мало места, но он разбирается там больше с практической стороны — по поводу движения против хлебных законов в Англии. Этот последний вопрос мы разберем ниже, ибо он включает в себе еще другие более широкие вопросы. Здесь же нас интересует пока лишь *точка зрения* Сисмонди на протекционизм. Интерес этого вопроса заключается не в каком-нибудь еще новом экономическом понятии Сисмонди, не вошедшем в предыдущее изложение, а в понимании им связи между «экономикой» и «надстройкой». Эфруси уверяет читателей «Р. Б — ва», что Сисмонди — «один из первых и самых талантливых предшественников современной исторической школы», что он восстает «против изолирования экономических явлений от всех других социальных факторов». «В трудах Сисмонди проводится тот взгляд, что хозяйственные явления не должны быть изолируемы от других социальных факторов, что они должны изучаться в связи с фактами социально-политического характера» («Р. Б.» № 8, 38—39). Вот мы и посмотрим на взятом примере, как понимал Сисмонди связь хозяйственных явлений с социально-политическими.

«Запрещения ввоза, — говорит Сисмонди в главе «о таможенных» (I. IV, ch. XI), — так же неразумны и так же губельны, как и запрещения вывоза: они изобретены для того, чтобы подарить нации мануфактуру, которой она еще не имела; и нельзя отрицать, что для начинающей индустрии они равняются самой сильной поощрительной премии. Эта мануфактура производит, может быть, едва сотую часть всего потребляемого нацией количества товаров данного рода: сто покупателей должны будут соперничать друг с другом, чтобы получить товар от единственного продавца, а девяносто девять, которым он откажет, будут вынуждены пробавляться контрабандными товарами. В этом случае потеря для нации будет равна 100, а выгода — равна 1. Какие бы выгоды ни давала нации эта новая мануфактура, — нет сомнения, что

их слишком мало, чтобы оправдать столь большие жертвы. Всегда можно бы было найти менее расточительные средства для того, чтобы вызвать к деятельности такую мануфактуру» (I, 440—441).

Вот как просто разрешает этот вопрос Сисмонди: протекционизм «неразумен», ибо «нация» от него теряет!

О какой «нации» говорит наш экономист? С какими хозяйственными отношениями он сопоставляет данный социально-политический факт? Он не берет никаких определенных отношений, он рассуждает *вообще*, о нации, какой она *должна бы быть по его представлениям о должном*. А эти представления о должном, как мы знаем, построены на исключении капитализма и на господстве мелкого самостоятельного производства.

Но ведь это же совершенная нелепость — сопоставлять социально-политический фактор, относящийся к данному хозяйственному строю и только к нему, с каким-то воображаемым строем. Протекционизм есть «социально-политический фактор» капитализма, а Сисмонди сопоставляет его не с капитализмом, а с какой-то нацией *вообще* (или с нацией мелких самостоятельных производителей). Он мог бы, пожалуй, сопоставить протекционизм хоть с индийской общиной и получить еще более наглядную «неразумность» и «губительность», но эта «неразумность» относилась бы точно так же к его сопоставлению, а не к протекционизму. Сисмонди приводит детский расчет, чтобы доказать, что покровительство выгодно очень немногим на счет массы. Но это нечего и доказывать, ибо это явствует уже из самого понятия протекционизма (все равно, будет ли это прямая выдача премии или устранение иностранных конкурентов). Что протекционизм выражает собой общественное противоречие, это — бесспорно. Но разве в хозяйственной жизни того строя, который создал протекционизм, нет противоречий? Напротив, она вся полна противоречий, и Сисмонди сам отмечал эти противоречия во всем своем изложении. Вместо того, чтобы *вывести* это противоречие из тех противоречий хозяйственного строя, которые он сам же констатировал, Сисмонди *игнорирует* экономические противоречия, превращая свое рассуждение в совершенно бессодержательное «невинное пожелание». Вместо того, чтобы сопоставить это учреждение, служащее, по

его словам, выгоде небольшой группы, с положением этой группы во всем хозяйстве страны и с интересами этой группы, он сопоставляет его с абстрактным положением об «общем благе». Мы видим, следовательно, что, в противоположность утверждению Эфруси, Сисмонди именно *изолирует* хозяйственные явления от остальных (рассматривая протекционизм вне связи с хозяйственным строем) и совершенно *не понимает связи* между экономическими и социально-политическими фактами. Приведенная нами тирада содержит *все*, что он может дать, как теоретик, по вопросу о протекционизме: остальное — лишь пересказ этого. «Сомнительно, чтобы правительства вполне понимали, какой ценой они покупают эту выгоду (развитие мануфактур) и те страшные жертвы, какие они налагают на потребителей» (I, 442—443). «Правительства Европы желали насиловать природу» (*faire violence à la nature*). Какую природу? Не природу ли капитализма «насилует» протекционизм? «Нацию принудили, так сказать (*en quelque sorte*), к ложной деятельности» (I, 448). «Некоторые правительства дошли до того, что платят своим купцам, чтобы дать им возможность продавать дешевле; чем более странна эта жертва, чем более она противоречит самым простым расчетам, тем более приписывают ее высшей политике... Правительства платят своим купцам на счет своих подданных» (I, 421), и т. п., и т. п. Вот какими рассуждениями угощает нас Сисмонди! В других местах он, делая как бы вывод из этих рассуждений, называет капитализм «искусственным» и «насажденным» (I, 379, *opulence factice*), «тепличным» (II, 456) и т. п. Начавши с подстановки невинных пожеланий на место анализа данных противоречий, он приходит к прямому извращению действительности в угоду этих пожеланий. Выходит, что капиталистическая промышленность, которую так усердно «поддерживают», слаба, беспочвенна и т. п., не играет преобладающей роли в хозяйстве страны, что эта преобладающая роль принадлежит, *следовательно*, мелкому производству, и т. д. Тот несомненный и неоспоримый факт, что протекционизм создан лишь определенным хозяйственным строем и определенными противоречиями этого строя, что он выражает реальные интересы реального класса, играющего *преобладающую* роль в народном хозяйстве, — превращен в ничто,

даже в свою противоположность посредством нескольких чувствительных фраз! Вот еще образчик (по поводу проекционизма земледельческого, — I, 265, глава о хлебных законах):

«Англичане представляют нам свои крупные фермы единственным средством улучшить агрикультуру, т. е. доставить себе большее изобилие сельскохозяйственных продуктов по более дешевой цене, — а на самом деле они, как раз наоборот, производят их дороже»...

Замечательно характерен этот отрывок, так рельефно показывающий те приемы романтических рассуждений, которые усвоены целиком русскими народниками! Факт развития фермерства и технического прогресса, связанного с ним, изображается в виде преднамеренно введенной системы: англичане (т. е. английские экономисты) представляют эту систему усовершенствования агрикультуры единственным средством. Сисмонди хочет сказать, что «могли бы быть» и другие средства поднять ее, помимо фермерства, т. е. опять-таки «могли бы быть» в каком-нибудь абстрактном обществе, а не в том реальном обществе определенного исторического периода, «обществе», основанном на товарном хозяйстве, о котором говорят английские экономисты и о котором должен бы был говорить и Сисмонди. «Улучшение агрикультуры, то-есть доставление себе (нации?) большего обилия продуктов». Вовсе не «то-есть». Улучшение агрикультуры и улучшение условий питания массы вовсе не одно и то же; несовпадение того и другого не только возможно, но и необходимо в таком строе хозяйства, от которого Сисмонди с таким усердием хочет отговориться. Напр., увеличение посевов картофеля может означать повышение производительности труда в земледелии (введение корнеплодов) и увеличение сверхстоимости — наряду с ухудшением питания рабочих. Это все та же манера народника... то-бишь романтика — отговариваться фразами от противоречий действительной жизни.

«На самом деле, — продолжает Сисмонди, — эти фермеры, столь богатые, столь интеллигентные, столь поддерживаемые (secondés) всяким прогрессом наук, у которых упряжка так красива, изгороди так прочны, поля так чисто вычищены от сорных трав, — не могут выдержать конкуренции жалкого польского крестьянина,

невежественного, забитого рабством, ищущего утешения лишь в пьянстве, агрикультура которого находится еще в детском состоянии искусства. Хлеб, собранный в центре Польши, заплатив фрахт за много сот лье и по рекам, и по суше, и по морю, заплатив ввозные пошлины в 30 и 40% своей стоимости, — все-таки дешевле хлеба самых богатых графств Англии» (I, 265). «Английских экономистов смущает этот контраст». Они ссылаются на подати и т. п. Но дело не в этом. «Самая система эксплуатации дурна, основана на опасном базисе... Эту систему недавно все писатели выставляли предметом, достойным нашего восхищения, но мы должны, наоборот, хорошенько ознакомиться с ней, чтобы остеречься подражать ей» (I, 266).

Не правда ли, как бесконечно наивен этот романтик, выставляющий английский капитализм (фермерство) неправильной системой экономистов, воображающий, что «смущение» экономистов, закрывающих глаза на противоречия фермерства, есть достаточный аргумент *против* фермеров? Как поверхностно его понимание, ищущее объяснения хозяйственным процессам не в интересах различных групп, а в заблуждениях экономистов, писателей, правительств! Добрый Сисмонди хочет усюветить и устыдить английских фермеров, а с ними и континентальных, чтобы они не «подражали» таким «дурным» системам!

Не забывайте, впрочем, что это писано 70 лет тому назад, что Сисмонди наблюдал первые шаги этих совершенно еще новых тогда явлений. *Его* наивность еще извинительна, ибо и экономисты-классики (его современники) с не меньшей наивностью считали эти новые явления продуктом вечных и естественных свойств человеческой природы. Но мы спрашиваем, прибавили ли наши народники хоть одно оригинальное словечко к аргументам Сисмонди в своих «возражениях» против развивающегося капитализма в России?

Итак, рассуждения Сисмонди о протекционизме показывают, что ему совершенно чужда историческая точка зрения. Напротив, он рассуждает так же, как и философы и экономисты XVIII-го века, совершенно абстрактно, отличаясь от них лишь тем, что нормальным и естественным объявляет не буржуазное общество, а общество мел-

ких самостоятельных производителей. Поэтому он совершенно не понимает связи протекционизма с определенным хозяйственным строем и отделяется от этого противоречия в социально-политической области такими же чувствительными фразами о «ложности», «опасности», ошибочности, неразумности и т. п., какими он отделялся и от противоречий в жизни хозяйственной. Поэтому он крайне поверхностно изображает дело, представляя вопрос о протекционизме и фритредерстве⁴⁶ вопросом о «ложном» и «правильном» пути (т. е., по его терминологии, вопросом о капитализме или о некапиталистическом пути).

Новейшая теория вполне раскрыла эти заблуждения, показав связь протекционизма с определенным историческим строем общественного хозяйства, с интересами главенствующего в этом строе класса, встречающими поддержку правительств. Она показала, что вопрос о протекционизме и свободе торговли есть вопрос *между* предпринимателями (иногда между предпринимателями разных стран, иногда между различными фракциями предпринимателей данной страны).

Сравнивая с этими двумя точками зрения на протекционизм отношение к нему экономистов-народников, мы видим, что они целиком стоят и в этом вопросе на точке зрения романтиков, сопоставляя протекционизм не с капиталистической, а с какой-то абстрактной страной, с «потребителями» *tout court*, объявляя его «ошибочной» и «неразумной» поддержкой «тепличного» капитализма и т. д. В вопросе, напр., о беспошлинном ввозе сельскохозяйственных машин, вызывающем конфликт индустриальных и сельскохозяйственных предпринимателей, народники, *разумеется*, горой стоят за сельских... предпринимателей. Мы не хотим сказать, чтобы они были неправы. Но это — вопрос факта, вопрос данного исторического момента, вопрос о том, какая фракция предпринимателей выражает более общие интересы развития капитализма. Если народники и правы, то, конечно, уже не потому, что наложение пошлин означает «искусственную» «поддержку капитализма», а сложение их — поддержку «исконного» народного промысла, а просто потому, что развитие земледельческого капитализма (нуждающегося в машинах), ускоряя вымирание средневековых отношений

в деревне и создание внутреннего рынка для индустрии, означает более широкое, более свободное и более быстрое развитие капитализма вообще.

Мы предвидим одно возражение по поводу этого причисления народников к романтикам по данному вопросу. Скажут, пожалуй, что тут необходимо выделить г. Н.—она, который ведь прямо говорит, что вопрос о свободе торговли и протекционизме есть вопрос капиталистический, и говорит это не раз, который даже «цитирует»... Да, да, г. Н.—он даже цитирует! Но если нам приведут это место его «Очерков», то мы приведем *другие места*, где он объявляет поддержку капитализма «насаждением» (и притом в «Итогах и выводах»! стр. 331, 323, также 283), объясняет поощрение капитализма «гибельным заблуждением», тем, что «мы упустили из виду», «мы забыли», «нас омрачили» и т. п. (стр. 298. Сравните Сисмонди!). Каким образом совместить это с утверждением, что поддержка капитализма (вывозными премиями) есть «одно из множества противоречий, которыми кишит наша хозяйственная жизнь*»; оно, как и все остальные, обязано существованием форме, принимаемой всем производством» (стр. 286)? Заметьте: *всем производством!* Мы спрашиваем любого беспристрастного человека, на какой точке зрения стоит этот писатель, объясняющий поддержку «*формы, принимаемой всем производством*»; — «заблуждением»? На точке зрения Сисмонди или научной теории? «Цитаты» г-на Н.—она и здесь (как и в выше-разобранных вопросах) оказываются сторонними, неуклюжими вставками, ничуть не выражающими действительного убеждения о применимости этих «цитат» к русской действительности. «Цитаты» г-на Н.—она — это вывеска новейшей теории, вводящая лишь в заблуждение читателей. Это — неловко надетый костюм «реалиста», за которым прячется чистокровный романтик**.

* Точно так же, как «Очерки» «кишат» воззваниями к «нам», восклицаниями: «мы» и т. п. фразами, игнорирующими эти противоречия.

** Мы подозреваем, не считает ли г. Н.—он эти «цитаты» талисманом, защищающим его от всякой критики? Иначе трудно объяснить себе то обстоятельство, что г. Н.—он, зная от гг. Струве и Туган-Барановского о сопоставлении его учения с доктриной Сисмонди, «цитировал» в одной из статей своих в «Р. Б.—е» (1894 г., № 6, с. 88) отзыв представителя новой теории, относящего Сисмонди к мелкобуржуазным реакционерам и утопистам. Должно быть, он глубоко уверен, что подобной «цитатой» он «опроверг» сопоставление своей собственной osoby с Сисмонди.

XI

ОБЩЕЕ ЗНАЧЕНИЕ СИСМОНДИ
В ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Мы ознакомились теперь со всеми главнейшими положениями Сисмонди, относящимися к области теоретической экономики. Подводя итоги, мы видим, что Сисмонди остается везде безусловно верен себе, что его точка зрения неизменна. По всем пунктам он отличается от классиков тем, что указывает противоречия капитализма. Это с одной стороны. С другой стороны, ни по одному пункту он не может (да и не хочет) провести дальше анализ классиков и потому ограничивается сентиментальной критикой капитализма с точки зрения мелкого буржуа. Такая замена научного анализа сентиментальными жалобами и сетованиями обуславливает у него чрезвычайную поверхностность понимания. Новейшая теория, восприняв указания на противоречия капитализма, распространила и на них научный анализ и пришла по всем пунктам к выводам, которые коренным образом расходятся с выводами Сисмонди и потому приводят к диаметрально-противоположной точке зрения на капитализм.

В «Критике некоторых положений политической экономики» («Zur Kritik»⁴⁷. Рус. пер., М. 1896 г.) общее значение Сисмонди в истории науки охарактеризовано так:

«Сисмонди уже освободился от представления Буагильбера, что труд, составляющий источник меновой ценности, искажается деньгами, но он нападает на крупный промышленный капитал точно так же, как Буагильбер — на деньги» (с. 36).

Автор хочет сказать: как Буагильбер поверхностно смотрел на товарный обмен, как на естественный строй, восставая против денег, в которых он видел «чуждый элемент» (с. 30, *ibid.*), так и Сисмонди смотрел на мелкое производство, как на естественный строй, восставая против крупного капитала, в котором он видел чуждый элемент. Буагильбер не понимал неразрывной и естественной связи денег с товарным обменом, не понимал, что противопоставляет, как чуждые элементы, две формы «буржуазного труда» (*ibid.*, 30—31). Сисмонди не понимал неразрывной и естественной связи крупного капитала с мелким самостоятельным производством, не понимал, что это — две формы товарного хозяйства. Буагильбер, «восставая

против буржуазного труда в одной его форме», «впадая в утопию, возводит его в апофеоз в другой» (*ibid.*). Сисмонди, восставая против крупного капитала, т. е. против товарного хозяйства в одной форме, именно наиболее развитой, впадая в утопию, возводил в апофеоз мелкого производителя (особенно крестьянство), т. е. товарное хозяйство в другой, только зачаточной форме.

«Если политическая экономия, — продолжает автор «Критики», — в лице Рикардо беспощадно выводит свое последнее заключение и этим завершается, то Сисмонди дополняет этот результат, представляя на себе самом ее сомнения» (с. 36).

Таким образом, автор «Критики» сводит значение Сисмонди к тому, что он *выдвинул вопрос* о противоречиях капитализма и таким образом поставил задачу дальнейшему анализу. Все самостоятельные воззрения Сисмонди, который хотел также *ответить* на этот вопрос, признаются цитируемым автором ненаучными, поверхностными и отражающими его реакционную мелкобуржуазную точку зрения (см. вышеприведенные отзывы и один отзыв ниже, в связи с «цитатой» Эфруси).

Сравнивая доктрину Сисмонди с народничеством, мы видим по всем почти пунктам (за исключением отрицания теории ренты Рикардо и мальтузианских наставлений крестьянам) поразительное тождество, доходящее иногда до одинаковости выражений. Экономисты-народники стоят целиком на точке зрения Сисмонди. Мы еще более убедимся в этом ниже, когда перейдем от теории к воззрениям Сисмонди на практические вопросы.

Что касается, наконец, до Эфруси, то он ни по одному пункту не дал правильной оценки Сисмонди. Указывая на подчеркивание противоречий капитализма и осуждение их у Сисмонди, Эфруси совершенно не понял ни резкого отличия его теории от теории научного материализма, ни диаметральной противоположности романтической и научной точки зрения на капитализм. Симпатия народника к романтику, трогательное единодушие их помешало автору статей в «Русск. Богат.» правильно охарактеризовать этого классического представителя романтизма в экономической науке.

Мы привели сейчас отзыв о Сисмонди, что «он в себе самом представлял сомнения» классической экономии.

Но Сисмонди и не думал ограничиваться такой ролью (которая дает ему почетное место среди экономистов). Он, как мы видели, пытался разрешать сомнения и пытался крайне неудачно. Мало того, он обвинял классиков и их науку не за то, что она остановилась перед анализом противоречий, а за то, что она будто бы следовала неверным приемам. «Старая наука не учит нас ни понимать, ни предупреждать» новые бедствия (I, XV), говорит Сисмонди в предисловии ко 2-му изданию своей книги, объясняя этот факт не тем, что анализ этой науки неполон и непоследователен, а тем, что она будто бы «ударилась в абстракции» (I, 55: новые ученики А. Смита в Англии бросились (*se sont jetés*) в абстракции, забывая о «человеке») — и «идет по ложному пути» (II, 448). В чем же состоят обвинения Сисмонди против классиков, позволяющие ему сделать такой вывод?

«Экономисты, наиболее знаменитые, слишком мало обращали внимания на потребление и на сбыт» (I, 124).

Это обвинение повторялось со времен Сисмонди бесчисленное множество раз. Считали нужным выделять «потребление» от «производства», как особый отдел науки; говорили, что производство зависит от естественных законов, тогда как потребление определяется распределением, зависящим от воли людей, и т. п., и т. п. Как известно, наши народники держатся тех же идей, выделяя на первое место распределение*.

Какой же смысл в этом обвинении? Оно основано лишь на крайне ненаучном понимании самого предмета политической экономии. Ее предмет вовсе не «производство материальных ценностей», как часто говорят (это —

* Само собою разумеется, что Эфруси также не преминул выхвалять и за это Сисмонди. «В учении Сисмонди важны, — читаем мы в «Р. Б.» № 8, с. 56, — не столько отдельные, специальные меры, предлагавшиеся им, сколько общий дух, которым пронизана вся его система. Вопреки классической школе, он выдвигает с особенной силой интересы распределения, а не интересы производства». Вопреки своим повторным «ссылкам» на «новейших» экономистов, Эфруси абсолютно не понял их учения и продолжает воять с сентиментальным вадором, характеризующим примитивную критику капитализма. Наш Народник и здесь хочет спастись тем, что сопоставляет Сисмонди с «многими видными представителями исторической школы»; оказывается, что «Сисмонди ушел дальше» (*ibid.*), и Эфруси совершенно этим удовлетворяется! «Ушел дальше» немецких профессоров — чего же вам еще надо? Подобно всем народникам, Эфруси старается перенести центр тяжести на то, что Сисмонди критиковал капитализм. О том, что критика капитализма бывает разная, что критиковать капитализм можно и с сентиментальной, и с научной точки зрения, — экономист «Р. Б. — ва», видимо, не имеет понятия.

предмет технологии), а общественные отношения людей по производству. Только понимая «производство» в первом смысле, и можно выделять от него особо «распределение», и тогда в «отделе» о производстве, вместо категорий исторически определенных форм общественного хозяйства, фигурируют категории, относящиеся к процессу труда вообще: обыкновенно такие бессодержательные банальности служат лишь потом к затушевыванию исторических и социальных условий. (Пример — хоть понятие о капитале.) Если же мы последовательно будем смотреть на «производство», как на общественные отношения по производству, то и «распределение», и «потребление» потеряют всякое самостоятельное значение. Раз выяснены отношения по производству, — *тем самым* выяснилась и доля в продукте, приходящаяся отдельным классам, а, следовательно, «распределение» и «потребление». И наоборот, при несвязанности производственных отношений (напр., при непонимании процесса производства всего общественного капитала в его целом) всякие рассуждения о потреблении и распределении превращаются в банальности или невинные романтические пожелания. Сисмонди — родоначальник подобных толков. Родбертус тоже много говорил о «распределении национального продукта», «новейшие» авторитеты Эфруси создали даже особые «школы», одним из принципов которых было особое внимание к распределению*. И все эти теоретики «распределения» и «потребления» не сумели разрешить даже основного вопроса об отличии общественного капитала от общественного дохода, все продолжали путаться в противоречиях, перед которыми остановился А. Смит**. — Проблему удалось решить лишь экономисту, никогда не выделявшему особо распределения, протестовавшему

* Весьма справедливо Инграм сблизил Сисмонди с «катедер-социалистами» (с. 212 «Истории политической экономии». М. 1891), заявляя главным: «Мы уже (11) примкнули к воззрению Сисмонди на государство, как на такую силу, которая должна заботиться... о распространении благ общественного соединения и новейшего прогресса, по возможности, на все классы общества» (215). Какой глубиной отличаются эти «воззрения» Сисмонди, мы уже видели на примере протекционизма.

** См., напр., статью «Доход» Р. Мейера в «Handw. der St.» (рус. пер. в сборнике «Промышленность», илагающую всю беспомощную путаницу в рассуждениях «новейших» немецких профессоров об этом предмете. Оригинально, что Р. Мейер, опираясь прямо на Ад. Смита и приводя в уважении литературы ссылку на *те самые главы* II-го тома «Капитала», в которых содержится полное опровержение Смита, не упоминает об этом в тексте.

самым энергичным образом против «вульгарных» рассуждений о «распределении» (ср. замечания Маркса на Готскую программу, цитированные у П. Струве в «Критических заметках», с. 129, эпиграф к IV гл.)⁴⁸. Мало того. Самое разрешение проблемы состояло в анализе *воспроизводства* общественного капитала. Ни о потреблении, ни о распределении автор и не ставил особого вопроса; но и то, и другое выяснилось вполне само собой после того, как доведен был до конца анализ *производства*.

«Научный анализ капиталистического способа производства доказывает, что... условия распределения, по сущности своей тождественные с условиями производства, составляют оборотную сторону этих последних, так что и те и другие носят одинаково тот же самый исторически преходящий характер». «Заработная плата предполагает наемный труд, прибыль — капитал. Эти определенные формы распределения предполагают, след., определенные общественные черты (Charaktere) условий производства и определенные общественные отношения агентов производства. Определенное отношение распределения есть, следовательно, лишь выражение исторически определенного отношения производства»... «Каждая форма распределения исчезает вместе с определенной формой производства, которой она соответствует и из которой происходит».

«То воззрение, которое рассматривает исторически лишь отношения распределения, но не отношения производства, с одной стороны, есть лишь воззрение зарождающейся, еще робкой (непоследовательной, befangen) критики буржуазной экономии. С другой же стороны, оно основано на смешении и отождествлении общественного процесса производства с простым процессом труда, который должен совершать и искусственно изолированный человек без всякой общественной помощи. Поскольку процесс труда есть лишь процесс между человеком и природой, — его простые элементы остаются одинаковыми для всех общественных форм развития. Но каждая определенная историческая форма этого процесса развивает далее материальные основания и общественные формы его» («Капитал», т. III, 2, стр. 415, 419, 420 немецк. ориг.⁴⁹).

Не более посчастливилось Сисмонди и в другого рода нападках на классиков, занимающих еще больше места

в его «Nouveaux Principes». «Новые ученики А. Смита в Англии бросились в абстракции, забывая о человеке»... (I, 55). Для Рикардо «богатство — все, а люди — ничто» (II, 331). «Они (экономисты, защищающие свободу торговли) часто приносят людей и реальные интересы в жертву абстрактной теории» (II, 457) и т. п.

Как стары эти нападки, и в то же время как они новы! Я имею в виду обновление их народниками, поднявшими такой шум по поводу открытого признания капиталистического развития России за настоящее, действительное и неизбежное развитие ее. Не то же ли самое повторяли они на разные лады, крича об «апологии власти денег», о «социал-буржуазности» и т. п.? И к ним *еще в гораздо большей степени*, чем к Сисмонди, приложимо замечание, сделанное по адресу сентиментальной критики капитализма вообще: Man schreie nicht zu sehr über den Zynismus! Der Zynismus liegt in der Sache, nicht in den Worten, welche die Sache bezeichnen! Не кричите очень о цинизме! Цинизм заключается не в словах, описывающих действительность, а в самой действительности!

«Еще в гораздо большей степени», — говорим мы. Это — потому, что романтики западно-европейские не имели перед собой научного анализа противоречий капитализма, что они впервые указывали на эти противоречия, что они громили («жалкими словами», впрочем) людей, *не видевших* этих противоречий.

Сисмонди обрушивался на Рикардо за то, что тот с беспощадной откровенностью делал все выводы из наблюдения и изучения буржуазного общества: он формулировал открыто и существование производства ради производства, и превращение рабочей силы в товар, на который смотрят так же, как и на всякий другой товар, — и то, что для «общества» важен только чистый доход, т. е. только величина прибыли*. Но Рикардо говорил

* Эфрусси, напр., с важным видом повторяет сентиментальные фразы Сисмонди о том, что увеличение чистого дохода предпринимателя не есть выигрыш для народного хозяйства, в т. п., упрекая его лишь в том, что он «сознавал это «еще не вполне ясно» (с. 43, № 8).

Не угодно ли сравнить с этим результаты научного анализа капитализма:

Валовой доход (Roheinkommen) общества состоит из заработной платы + прибыль + рента. Чистый доход (Reineinkommen) это — сверхстоимость.

«Если рассматривать доход всего общества, то национальный доход состоит из заработной платы, плюс прибыль, плюс рента, т. е. из валового дохода.

совершенную правду: *на деле все обстоит именно так*. Если эта истина казалась Сисмонди «низкой истиной», то он должен бы был искать причин этой низости совсем не в теории Рикардо и нападать совсем не на «абстракции»; его восклицания по адресу Рикардо относятся целиком к области «нас возвышающего обмана».

Ну, а наши современные романтики? Думают ли они отрицать действительность «власти денег»? Думают ли они отрицать, что эта власть всемогуща не только среди промышленного населения, но и среди земледельческого, в какой угодно «общинной», в какой угодно глухой деревушке? Думают ли они отрицать необходимую связь этого факта с товарным хозяйством? Они и не пытались подвергать это сомнению. Они просто стараются не говорить об этом. Они боятся назвать вещи их настоящим именем.

И мы вполне понимаем их боязнь: открытое признание действительности отняло бы всякую почву у сентиментальной (народнической) критики капитализма. Неудивительно, что они так страстно бросаются в бой, не успев даже вычистить заржавленное оружие романтизма. Неудивительно, что они не разбирают средств и хотят враждебность к сентиментальной критике выставить враждебностью к критике вообще. Ведь они борются за свое право на существование.

Сисмонди пытался даже возвести свою сентиментальную критику в особый метод социальной науки. Мы уже видели, что он попрекал Рикардо не тем, что его объективный анализ остановился перед противоречиями капитализма (этот упрек был бы основателен), а именно тем, что это — анализ объективный. Сисмонди говорил, что Рикардо «забывает о человеке». В предисловии ко второму изданию «Nouveaux Principes» встречаем такую тираду:

«Я считаю необходимым протестовать против обычных, столь часто легкомысленных, столь часто ложных приемов

Однако, такое воззрение является лишь абстракцией в том отношении, что все общество, на основе капиталистического производства, ставится на капиталистическую точку зрения и считает чистым доходом лишь доход, состоящий из прибыли и ренты» (III, 2, 375—376)⁴⁰.

Таким образом, автор вполне примыкает к Рикардо и его определению «чистого дохода» «общества», к тому самому определению, которое вызвало «знаменитое возражение» Сисмонди («Р. Б.» № 8, с. 44): «Как? Богатство — все, а люди — ничто?» (II, 331). В современном обществе — конечно, да.

суждения о сочинении, касающемся социальных наук. Проблема, подлежащая их разрешению, несравненно сложнее, чем все проблемы наук естественных; в то же время эта проблема обращается к сердцу точно так же, как к разуму» (I, XVI). Как знакомы русскому читателю эти идеи о противоположности естественных и социальных наук, об обращении последних к «сердцу»! * Сисмонди высказывает здесь те самые мысли, которым предстояло через несколько десятилетий быть «вновь открытыми» на дальнем востоке Европы «русской школой социологов» и фигурировать в качестве особого «субъективного метода в социологии»... Сисмонди апеллирует, разумеется, — как и наши отечественные социологи, — «к сердцу так же, как к разуму»**. Но мы видели уже, как по всем важнейшим проблемам «сердце» мелкого буржуа торжествовало над «разумом» теоретика-экономиста.

ПОСТ-СКРИПТУМ***

Верность данной здесь оценки сентиментального Сисмонди в отношении его к научно-«объективному» Рикардо вполне подтверждается отзывом Маркса во втором томе «Теорий прибавочной стоимости», вышедшем в 1905 году («Theorien über den Mehrwert», II. B., I. Th., S. 304 u. ff.

* «Политическая экономия наука не простого расчета (n'est pas une science de calcul), а наука моральная... Она ведет к цели лишь тогда, когда приняты во внимание чувства, потребности и страсти людей» (I, 313). Эти чувствительные фразы, в которых Сисмонди точно так же, как русские социологи субъективной школы в своих совершенно аналогичных восклицаниях, видит новые понятия о социальной науке, показывают на самом деле, в каком еще детском примитивном состоянии находилась критика буржуазии. Разве научный анализ противоречий, оставаясь строго объективным «расчетом», не дает именно твердой основы для понимания «чувств, потребностей и страстей» и притом страстей не «людей» вообще, — этой абстракции, которую и романтик, и народник наполняет специфически мелкобуржуазным содержанием, — а людей определенных классов? Но дело в том, что Сисмонди не мог теоретически опровергнуть экономистов и потому ограничивался сентиментальными фразами. «Утопический дилетантизм вынужден делать теоретические уступки всякому более или менее ученому защитнику буржуазного порядка. Чтобы загладить возникающее у него сознание своего бессилия, утопист утешает себя, упрекая своих противников в объективности: положим, дескать, вы ученые меня, но зато я добрее» (*Бельтов*, с. 43)¹.

** Точно «проблемы», вытекающие из естественных наук, не обращаются тоже к «сердцу»?

*** — Пост-скриптум написан и изданию 1908 г. *Ред.*

«Bemerkungen über die Geschichte der Entdeckung des sogenannten Ricardoschen Gesetzes»)*. Противопоставляя Мальтуса, как жалкого плагиатора, подкупленного адвоката имущих, бесстыдного сикофанта, — Рикардо, как человеку науки, Маркс говорит:

«Рикардо рассматривает капиталистический способ производства, как самый выгодный для производства вообще, как самый выгодный для создания богатства, и Рикардо вполне прав для своей эпохи. Он хочет *производства для производства*, и он прав. Возражать на это, как делали сентиментальные противники Рикардо, указанием на то, что производство, как таковое, не является же самоцелью, значит забывать, что производство ради производства есть не что иное, как развитие производительных сил человечества, т. е. *развитие богатства человеческой природы, как самоцель*. Если противопоставить этой цели благо отдельных индивидов, как делал Сисмонди, то это значит утверждать, что развитие всего человеческого рода должно быть *задержано* ради обеспечения блага отдельных индивидов, что, следовательно, нельзя вести, к примеру скажем, никакой войны, ибо война ведет к гибели отдельных лиц. Сисмонди прав лишь против таких экономистов, которые *затушевывают* этот антагонизм, отрицают его» (S. 309). С своей точки зрения, Рикардо имеет полное право приравнивать пролетариев к машинам, к товарам в капиталистическом производстве. «Es ist dieses stoisch, objektiv, wissenschaftlich», «это — стоицизм, это объективно, это научно» (S. 313). Понятно, что эта оценка относится лишь к определенной эпохе, к самому началу XIX-го века.

Г Л А В А II

ХАРАКТЕР КРИТИКИ КАПИТАЛИЗМА У РОМАНТИКОВ

«Разумом» Сисмонди мы уже достаточно занимались. Посмотрим теперь поближе на его «сердце». Попытаемся собрать воедино все указания на его *точку зрения*

* — «Теория прибавочной стоимости», т. II, ч. I, стр. 304 и следующие.
«Замечания относительно истории открытия так называемого закона Рикардо»⁵². *Ред.*

(которую мы изучали до сих пор лишь как элемент, соприкасающийся с теоретическими вопросами), на его *отношение* к капитализму, на его общественные симпатии, на его понимание «социально-политических» задач той эпохи, которой он был участником.

I

СЕНТИМЕНТАЛЬНАЯ КРИТИКА КАПИТАЛИЗМА

Отличительной чертой той эпохи, когда писал Сисмонди, было быстрое развитие *обмена* (денежного хозяйства — по современной терминологии), особенно резко сказавшееся после уничтожения остатков феодализма французской революцией. Сисмонди, не обвиняясь, осуждал это развитие и усиление обмена, нападал на «роковую конкуренцию», призывая «правительство защищать население от последствий конкуренции» (ch. VIII, l. VII) и т. п. «Быстрые обмены портят добрые нравы народа. Постоянные заботы о выгодной продаже не обходятся без покушений запрашивать и обманывать, и, чем труднее существовать тому, кто живет постоянными обманами, тем более подвергается он искушению пустить в ход обман» (I, 169). Вот какая наивность требовалась для того, чтобы нападать на денежное хозяйство так, как нападают наши народники! «...Богатство коммерческое есть лишь второе по важности в экономическом строе; и богатство территориальное (*territoriale* — земельное), дающее средства существования, должно возрастать первым. Весь этот многочисленный класс, живущий торговлей, должен получать часть продуктов земли лишь тогда, когда эти продукты существуют; он (этот класс) должен возрастать лишь постольку, поскольку возрастают также и эти продукты» (I, 322—323). Ушел ли хоть на шаг вперед от этого патриархального романтика г. Н. — он, изливающий на целых страницах жалобы на то, что рост торговли и промышленности обгоняет развитие земледелия? Эти жалобы романтика и народника свидетельствуют лишь о совершенном *непонимании* капиталистического хозяйства. *Может ли существовать* такой капитализм, при котором бы развитие торговли и промышленности *не* обгоняло земледелия? Ведь рост капитализма есть рост товарного хозяйства, *то-есть* общественного разделения

труда, *отрывающего* от земледелия один за другим вид обработки сырья, первоначально связанный с добыванием сырья, обработкой и потреблением его в *одно* натуральное хозяйство. Поэтому *везде и всегда* капитализм означает *более быстрое* развитие торговли и промышленности сравнительно с земледелием, *более быстрый* рост торгово-промышленного населения, *большой* вес и значение торговли и промышленности в общем строе общественного хозяйства*. Иначе *не может быть*. И г. Н. — он, повторяя подобные жалобы, доказывает этим еще и еще раз, что он в своих экономических воззрениях не пошел дальше поверхностного, сентиментального романтизма. «Этот неразумный дух предпринимательства (*esprit d'entreprise*), этот излишек всякого рода торговли, который вызывает такую массу банкротств в Америке, обязан своим существованием, без всякого сомнения, увеличению числа банков и той легкости, с которой обманчивый кредит становится на место реального имущества» (*fortune réelle*) (II, 111), и т. д. без конца. Во имя чего же нападали Сисмонди на денежное хозяйство (и капитализм)? Что он противопоставляет ему? Мелкое самостоятельное производство, натуральное хозяйство крестьян в деревне, ремесло — в городе. Вот как говорит он о первом в главе «О патриархальном сельском хозяйстве» (ch. III, l. III, «*De l'exploitation patriarcale*» — о патриархальной эксплуатации земли. Книга 3-я трактует о «территориальном» или земельном богатстве):

«Первые собственники земли сами были пахарями, они исполняли все полевые работы трудом своих детей и своих слуг. Ни одна социальная организация** не гарантирует

* Всегда и везде при капиталистическом развитии земледелие остается позади торговли и промышленности, всегда оно подчинено им и эксплуатируется ими, всегда оно лишь позднее *стягивается* ими на стезю капиталистического производства.

** Заметьте, что Сисмонди — точь-в-точь, как наши народники, — превращает сразу самостоятельное хозяйство крестьян в «социальную организацию». Явная передержка. Что же связывает вместе этих крестьян разных местностей? Именно разделение общественного труда и товарное хозяйство, заменившее связи феодальные. Сразу сказывается введение в утопию одного члена в строе товарного хозяйства и непонимание остальных членов. Сравните у г. Н. — она, с. 322: «Форма промышленности, основанная на владении крестьянством орудиями производства». О том, что это владение крестьянством орудиями производства является — и исторически, и логически — *исходным пунктом* именно капиталистического производства, г. Н. — он и не подозревает!

большого счастья и больших добродетелей наиболее многочисленному классу нации, большого довольства (opulence) всем, большей прочности общественному порядку... В странах, где земледелец есть собственник (où le fermier est propriétaire), и где продукты принадлежат целиком (sans partage) тем самым людям, которые произвели все работы, т. е. в странах, сельское хозяйство которых мы называем патриархальным, — мы видим на каждом шагу следы любви земледельца к дому, в котором он живет, к земле, за которой он ухаживает... Самый труд для него удовольствие... В счастливых странах, где земледелие — патриархальное, изучается особая природа каждого поля, и эти познания переходят от отца к сыну... Крупное фермерское хозяйство, руководимое более богатыми людьми, поднимется, может быть, выше предрассудков и рутины. Но познания (l'intelligence, т. е. познания в сельском хозяйстве) не дойдут до того, кто сам работает, и будут применены хуже... Патриархальное хозяйство улучшает нравы и характер этой столь многочисленной части нации, на которой лежат все земледельческие работы. Собственность создает привычки порядка и бережливости, постоянное довольство уничтожает вкус к обжорству (gourmandise) и к пьянству... Вступая в обмен почти с одной только природой, он (земледелец) имеет меньше, чем всякий другой промышленный рабочий, поводов не доверять людям и пускать в ход против них оружие недобросовестности» (I, 165—170). «Первые фермеры были простыми пахарями; они своими руками исполняли большую часть земледельческих работ; они соразмеряли свои предприятия с силами своих семей... Они не переставали быть крестьянами: сами ходят за сохой (tiennent eux-mêmes les cornes de leur charrue); сами ухаживают за скотом и в поле, и в конюшне; живут на чистом воздухе, привыкая к постоянному труду и к скромной пище, которые создают крепких граждан и храбрых солдат*. Они почти никогда не употребляют, для совместных работ, поденных рабочих, а только слуг (des domestiques), выбранных всегда среди своих равных, о которых обходятся как с равными, едят за одним

* Сравните, читатель, с этими сладенькими расказами бабушки того «передового» публициста конца XIX вена, которого цитирует г. Струве в своих «Критических замечаниях», с. 17. ⁶³

столом, пьют то же вино, одеваются в то же платье. Таким образом, земледельцы с своими слугами составляют один класс крестьян, одушевленных теми же чувствами, разделяющих те же удовольствия, подвергающихся тем же влияниям, связанных с отечеством такими же узами» (I, 221).

Вот вам и пресловутое «народное производство»! И пусть не говорят, что у Сисмонди нет понимания необходимости соединить производителей: он говорит прямо (см. ниже), что «он точно так же (как и Фурье, Оуэн, Томпсон, Муирон) желает ассоциации» (II, 365). Пусть не говорят, что он стоит именно за *собственность*: напротив, центр тяжести у него мелкое хозяйство (ср. II, 355), а не мелкая собственность. Понятно, что эта идеализация мелкого крестьянского хозяйства принимает отличный вид при других исторических и бытовых условиях. Но и романтизм, и народничество возводят в апофеоз именно мелкое крестьянское хозяйство — это не подлежит сомнению.

Точно так же идеализирует Сисмонди и примитивное ремесло, и цехи.

«Деревенский сапожник, который в то же время и купец, и фабрикант, и работник, не сделает ни одной пары сапог, не получив заказа» (II, 262), тогда как капиталистическая мануфактура, не зная спроса, может потерпеть крах. «Несомненно, и с теоретической и с фактической стороны, что учреждение цехов (*corps de métier*) препятствовало и должно было препятствовать образованию избыточного населения. Точно так же несомненно, что такое население существует в настоящее время, и что оно есть необходимый результат современного строя» (I, 431). Подобных выписок можно было бы привести очень много, но мы откладываем разбор практических рецептов Сисмонди до дальнейшего. Здесь же ограничимся приведенным, чтобы вникнуть в точку зрения Сисмонди. Приведенные рассуждения можно резюмировать так: 1) денежное хозяйство осуждается за то, что оно разрушает обеспеченное положение мелких производителей и их взаимное сближение (в форме ли близости ремесленника к потребителю или земледельца к равным ему земледельцам); 2) мелкое производство превозносится за то, что обеспечивает

самостоятельность производителя и устраняет противоречия капитализма.

Отметим, что эти обе идеи составляют существенное достояние народничества*, и попытаемся вникнуть в их содержание.

Критика денежного хозяйства романтиками и народниками сводится к констатированию порождаемого им индивидуализма** и антагонизма (конкуренция), а также необеспеченности производителя и неустойчивости*** общественного хозяйства.

Сначала об «индивидуализме». Обыкновенно противопоставляют союз крестьян данной общины или ремесленников (или кустарей) данного ремесла — капитализму, разрушающему эти связи, заменяющему их конкуренцией. Это рассуждение повторяет типичную ошибку романтизма, именно: заключение от противоречий капитализма к отрицанию в нем *высшей формы общественности*. Разве капитализм, разрушающий средневековые общинные, цеховые, артельные и т. п. связи, не ставит на их место других? Разве товарное хозяйство не есть уже *связь* между производителями, *связь*, устанавливаемая *рынком*?**** Антагонистический, полный колебаний и противоречий характер *этой связи* не дает права отрицать *ее существования*. И мы знаем, что именно развитие противоречий все сильнее и сильнее обнаруживает силу этой связи, *вынуждает* все отдельные элементы и классы общества стремиться к соединению, и притом соединению уже не в узких пределах одной общины или одного округа, а к соединению всех представителей данного класса *во всей нации* и даже в различных государствах. Только

* Г. Н. — он и по данному вопросу наговорил такую кучу противоречий, что из нее можно выбрать *какие угодно* положения, ничем между собой не связанные. Не подленит, однако, сомнению идеализация крестьянского хозяйства посредством туманного термина: «народное производство». Туман — особенно удобная атмосфера для всяких персраживаний.

** Ср. Н. — он, с. 321 in f. (in fine — в конце. Ред.) и др.

*** Ibid., с. 335. Стр. 184: капитализм «лишает устойчивости». И мя. др.

**** «На самом деле выражения: *общество, ассоциация* это такие наименования, которые можно дать всяческим обществам, как феодальному обществу, так и буржуазному, которое есть ассоциация, основанная на конкуренции. Каким же образом могут существовать писатели, которые считают возможным опровергать конкуренцию одним словом: *ассоциация?*» (Маркс. «Das Elend der Philosophie») (Маркс. «Ничета философии»⁶⁴. Ред.). Критикуя со всей резкостью сентиментальное осуждение конкуренции, автор выдвигает прямо ее *прогрессивную сторону*, ее движущую силу, толкающую вперед «прогресс технический и прогресс социальный».

романтик с своей реакционной точки зрения может отрицать существование этих связей и их более глубокое значение, основанное на общности ролей в народном хозяйстве, а не на территориальных, профессиональных, религиозных и т. п. интересах. И если подобное рассуждение заслужило название романтика для Сисмонди, писавшего в такую эпоху, когда существование этих новых, порождаемых капитализмом, связей было еще в зародыше, то наши народники и подавно подлежат такой оценке, ибо *теперь* громадное значение таких связей могут отрицать лишь совсем слепые люди.

Что касается до необеспеченности и неустойчивости и т. п., то это — все та же старая песенка, о которой мы говорили по поводу внешнего рынка. В подобных нападениях и сказывается романтик, осуждающий с боязливостью именно то, что выше всего ценит в капитализме научная теория: присущее ему стремление к развитию, неудержимое стремление вперед, невозможность остановиться или воспроизводить хозяйственные процессы в прежних неизменных размерах. Только утопист, сочиняющий фантастические планы расширения средневековых союзов (вроде общины) на все общество, может игнорировать тот факт, что именно «неустойчивость» капитализма и есть громадный прогрессивный фактор, ускоряющий общественное развитие, втягивающий все большие и большие массы населения в водоворот общественной жизни, заставляющий их задумываться над ее строем, вставляющий их самих «ковать свое счастье».

Фразы г-на Н. — она о «неустойчивости» капиталистического хозяйства, о непропорциональном развитии обмена, о нарушении равновесия между промышленностью и земледелием, между производством и потреблением, о ненормальности кризисов и т. п. свидетельствуют самым неоспоримым образом о том, что он стоит еще целиком на точке зрения *романтизма*. Поэтому критика европейского романтизма относится и к его теории *от слова до слова*. Вот доказательство:

«Послушаем старика Буагильбера:

«Цена товаров, — говорит он, — должна всегда быть пропорциональной, ибо только такое взаимное соглашение дает возможность им в каждый момент быть снова воспроизводимыми... Так как богатство есть не что иное,

как этот постоянный обмен между человеком и человеком, между предприятием и предприятием, то было бы ужасным заблуждением искать причины нищеты в чем-либо ином, а не в том нарушении этого обмена, которое вызывается отклонениями от пропорциональных цен».

Послушаем также одного новейшего* экономиста:

«Великий закон, который должен быть применен к производству, есть закон *пропорциональности* (the law of proportion), который один только в состоянии удержать постоянство стоимости... Эквивалент должен быть гарантирован... Все нации в различные эпохи пытались посредством многочисленных торговых регламентов и ограничений осуществить этот закон пропорциональности, хотя бы до известной степени. Но эгоизм, присущий человеческой природе, довел до того, что вся эта система регулирования была ниспровергнута. Пропорциональное производство (proportionale production) есть осуществление истинной социально-экономической науки» (W. Atkinson. «Principles of political economy», London, 1840, p. 170 и 195)**.

Fuit Troja!*** Эта правильная пропорция между предложением и спросом, которая опять начинает становиться предметом столь обильных пожеланий, давным-давно перестала существовать. Она пережила себя; она была возможна лишь в те времена, когда средства производства были ограничены, когда обмен происходил в крайне узких границах. С возникновением крупной индустрии эта правильная пропорция должна была necessarily (musste) исчезнуть, и производство должно было с необходимостью законов природы проходить постоянную последовательную смену процветания и упадка, кризиса, застоя, нового процветания и так далее.

Те, кто, подобно Сисмонди, хочет возвратиться к правильной пропорциональности производства и при этом сохранить современные основы общества, суть реакционеры, так как они, чтобы быть последовательными, должны бы были стремиться к восстановлению и других условий промышленности прежних времен.

* Писано в 1847 г.

** — В. Аткинсон. «Основы политической экономии», Лондон, 1840, стр. 170 и 195. *Ред.*

*** — Не стало Трои! *Ред.*

Что удерживало производство в правильных, или почти правильных, пропорциях? Спрос, который управлял предложением, предшествовал ему; производство следовало шаг за шагом за потреблением. Крупная индустрия, будучи уже самым характером употребляемых ею орудий вынуждена производить постоянно все в больших и больших размерах, не может ждать спроса. Производство идет впереди спроса, предложение силой берет спрос.

В современном обществе, в промышленности, основанной на индивидуальном обмене, анархия производства, будучи источником стольких бедствий, есть в то же время причина прогресса.

Поэтому одно из двух: либо желать правильных пропорций прошлых веков при средствах производства нашего времени, — и это значит быть реакционером и утопистом вместе в одно и то же время.

Либо желать прогресса без анархии, — и тогда необходимо отказаться от индивидуального обмена для того, чтобы сохранить производительные силы» («Das Elend der Philosophie», S. 46—48)⁵⁵.

Последние слова относятся к Прудону, против которого полемизирует автор, характеризуя, следовательно, отличие своей точки зрения и от взглядов Сисмонди, и от воззрения Прудона. Г. Н. — он, конечно, не подошел бы во *всех* своих воззрениях ни к тому, ни к другому*. Но вникните в содержание этого отрывка. В чем состоит основное положение цитированного автора, его основная мысль, ставящая его в непримиримое противоречие с его предшественниками? Бесспорно, в том, что он ставит вопрос о неустойчивости капитализма (которую констатируют *все эти три писателя*) на *историческую* почву и признает эту неустойчивость *прогрессивным фактором*. Другими словами: он признает, во-первых, данное капиталистическое развитие, совершающееся путем диспропорций, кризисов и т. п., *развитием необходимым*, говоря, что уже самый характер средств производства (машины)

* Хотя большой еще вопрос, *отчего* не подошел бы? Не оттого ли только, что эти писатели ставили вопросы шире, имея в виду данный хозяйственный строй вообще, его место и значение в развитии всего человечества, не ограничивая своего круговора *одной страной*, для которой будто бы можно сочинить особую теорию,

вызывает безграничное стремление к расширению производства и постоянное предварение спроса предложением. Во-вторых, он признает в этом данном развитии *элементы прогресса*, состоящие в развитии производительных сил, в обобществлении труда в пределах целого общества, в повышении подвижности населения и его сознательности и пр. Этими двумя пунктами исчерпывается его отличие от Сисмонди и Прудона, которые сходятся с ним в указаниях на «неустойчивость» и порожденные ею противоречия и в искреннем стремлении устранить эти противоречия. Непонимание того, что эта «неустойчивость» есть *необходимая* черта всякого капитализма и товарного хозяйства вообще, приводит их к *утопии*. Непонимание элементов прогресса, *присущих* этой неустойчивости, делает их теории *реакционными**.

И теперь мы предлагаем гг. народникам ответить на вопрос: разделяет ли г. Н. — он воззрения научной теории по двум указанным пунктам? признает ли он неустойчивость, как свойство данного строя и данного развития? признает ли он элементы прогресса в этой неустойчивости? Всякий знает, что нет, что г. Н. — он, напротив, объявляет эту «неустойчивость» капитализма простой ненормальностью, уклонением и т. д. и считает ее упадком, регрессом (ср. выше: *«лишает устойчивости»*), идеализируя тот самый экономический застой (вспомните «вековые устои», «освященные веками начала» и т. п.), в разрушении которого и состоит историческая заслуга «неустойчивого» капитализма. Ясно поэтому, что мы были вполне правы, относя его к романтикам, и что никакие «цитаты» и «ссылки» с его стороны не изменят *такого характера его собственных рассуждений*.

Мы остановимся несколько ниже еще раз на этой «неустойчивости» (по поводу враждебного отношения романтизма и народничества к уменьшению земледельческого населения на счет индустриального), а теперь приведем одно место из «Критики некоторых положений

* Этот термин употребляется в историко-философском смысле, характеризуя только ошибку теоретиков, берущих в пережитых порядках образцы своих построений. Он вовсе не относится ни к личным качествам этих теоретиков, ни к их программам. Всякий знает, что реакционерами в обычном значении слова ни Сисмонди, ни Прудон не были. Мы разъясняем сии азбучные истины потому, что гг. народники, как увидим ниже, до сих пор еще не усвоили их себе.

политической экономии», посвященное разбору *сентиментальных* нападков на денежное хозяйство.

«Эти определенные общественные роли (именно: роли продавца и покупателя) не вытекают из человеческой индивидуальности вообще, но из меновых отношений между людьми, производящими свои продукты в форме товаров. Отношения, существующие между покупателем и продавцом, настолько не индивидуальны, что они оба вступают в них, лишь поскольку отрицается индивидуальный характер их труда, именно поскольку он, как труд не индивидуальный, становится деньгами. Поэтому, настолько же бессмысленно считать эти экономически-буржуазные роли покупателя и продавца вечными общественными формами человеческого индивидуализма, насколько несправедливо оплакивать эти роли, как причину уничтожения этого индивидуализма.

Как глубоко поражает добрых людей даже совершенно поверхностная форма антагонизма, проявляющаяся в покупке и продаже, показывает следующее извлечение из книги Исаака Перейры: «*Leçons sur l'industrie et les finances*». Paris. 1832*. То обстоятельство, что этот же самый Исаак, в качестве изобретателя и диктатора «*Crédit mobilier*»**, приобрел печальную славу парижского биржевого волка, показывает, что содержится в названной книге наряду с сентиментальной критикой экономии. Г. Перейра, в то время апостол Сен-Симона, говорит: «Вследствие того, что индивидуумы изолированы, отделены друг от друга как в производстве, так и в потреблении, между ними существует обмен продуктов их производства. Из необходимости обмена вытекает необходимость определять относительную ценность предметов. Идеи ценности и обмена, таким образом, тесно связаны между собою, и в своей действительной форме обе они выражают индивидуализм и антагонизм... Определять ценность продуктов можно только потому, что существует продажа и покупка, другими словами, антагонизм между различными членами общества. Заботиться о цене, ценности приходится только там, где происходит продажа и покупка, словом, где каждый

* — «Ленция о промышленности и финансах». Париж. 1832. Ред.

** — «Банк для залога движимых имуществ». Ред.

индивидуум должен *бороться*, чтобы получить предметы, необходимые для поддержания его существования» (назв. соч., стр. 68)⁵⁶.

Спрашивается, в чем состоит тут *сентиментальность* Перейры? Он говорит только об индивидуализме, антагонизме, борьбе, свойственных капитализму, говорит то самое, что говорят на разные лады наши народники, и притом говорят, казалось бы, правду, ибо «индивидуализм, антагонизм и борьба» действительно составляют необходимую принадлежность обмена, товарного хозяйства. Сентиментальность состоит в том, что этот сенсимонист, увлеченный осуждением противоречий капитализма, *просматривает за этими противоречиями тот факт, что обмен* тоже выражает особую форму *общественного хозяйства*, что он, следовательно, *не только разъединяет* (это верно лишь по отношению к средневековым союзам, которые капитализм разрушает), *но и соединяет* людей, заставляя их вступать в сношения между собой при посредстве рынка*. Вот эта-то поверхностность понимания, вызванная увлечением «разнести» капитализм (с точки зрения утопической), и дала повод цитированному автору назвать критику Перейры *сентиментальной*.

Но что нам Перейра, давно забытый апостол давно забытого сенсимонизма? Не взять ли лучше новейшего «апостола» народничества?

«Производство... лишилось народного характера и приняло характер индивидуальный, капиталистический» (г. Н. — он, «Очерки», с. 321—322).

Видите, как рассуждает этот костюмированный романтик: «народное производство стало индивидуальным». А так как под «народным производством» автор хочет разуметь общину, то он указывает, следовательно, на упадок *общественного* характера производства, на сужение *общественной* формы производства.

Так ли это? «Община» давала (если давала; впрочем, мы готовы сделать какие угодно уступки автору) организацию производству только в одной отдельной общине, разъединенной от каждой другой общины. Общественный характер производства обнимал *только членов одной*

* Заменяя местные, сословные союзы — единством социального положения и социальных интересов, в пределах целого государства и даже всего мира.

*общины**. Капитализм же создает общественный характер производства в целом государстве. «Индивидуализм» состоит в разрушении общественных связей, но их разрушает рынок, ставя на их место связи между *массами индивидов*, не связанных ни общиной, ни сословием, ни профессией, ни узким районом промысла и т. п. Так как связь, создаваемая капитализмом, проявляется в форме противоречий и антагонизма, *поэтому* наш романтик не хочет видеть этой связи (хотя и община, как организация производства, никогда не существовала без других форм противоречий и антагонизма, свойственных старым способам производства). Утопическая точка зрения превращает и его критику капитализма в критику *сентиментальную*.

II

МЕЛКОВУРЖУАЗНЫЙ ХАРАКТЕР РОМАНТИЗМА

Идеализация мелкого производства показывает нам другую характерную черту романтической и народнической критики: ее *мелкобуржуазность*. Мы видели, как французский и русский романтик одинаково превращают мелкое производство в «социальную организацию», в «форму производства», *противопоставляя ее капитализму*. Мы видели также, что подобное противоположение не заключает в себе ничего, кроме крайней поверхностности понимания, что это есть искусственное и неправильное выделение одной формы товарного хозяйства (крупный промышленный капитал) и осуждение ее, при утопической идеализации *другой формы того же* товарного хозяйства (мелкое производство). В том-то и беда как европейских романтиков начала XIX века, так и русских романтиков конца XIX, что они сочиняют себе какое-то абстрактное, вне общественных отношений производства стоящее мелкое хозяйство, и *просматривают* то маленькое обстоятельство, что это мелкое хозяйство в действительности стоит в обстановке *товарного производства*, — как мелкое хозяйство европейского континента 1820-х годов, так и русское крестьянское хозяйство 1890-х годов. *В действительности* мелкий производитель, возводимый

* По данным всеобщей статистики («Сводный сборник» Благовещенского) средний размер общины, по 123 уездам, в 22 губерниях, равняется 53 дворам с 323 душами обоого пола.

в апофеоз романтиками и народниками, есть поэтому *мелкий буржуа*, стоящий в таких же противоречивых отношениях, как и всякий другой член капиталистического общества, отстаивающий себя точно так же борьбой, которая, с одной стороны, постоянно выделяет небольшое меньшинство крупных буржуа, с другой стороны, выталкивает большинство в ряды пролетариата. В действительности, как это всякий видит и знает, нет таких мелких производителей, которые бы не стояли *между* этими двумя противоположными классами, и это срединное положение обуславливает необходимо специфический характер мелкой буржуазии, ее двойственность, двуличность, ее тяготение к меньшинству, счастливо выходящему из борьбы, ее враждебное отношение к «неудачникам», т. е. большинству. Чем дальше развивается товарное хозяйство, тем сильнее и резче выступают эти качества, тем явственнее становится, что идеализация мелкого производства выражает лишь реакционную, *мелкобуржуазную* точку зрения.

Не надо заблуждаться насчет значения этих терминов, которые автор «Критики некоторых положений политической экономии» и прилагал именно к Сисмонди. Эти термины вовсе не говорят, что Сисмонди *защищает* отсталых мелких буржуа. *Сисмонди нигде их не защищает*: он хочет стоять на точке зрения трудящихся классов вообще, он выражает свое сочувствие всем представителям этих классов, он радуется, напр., фабричному законодательству, он нападает на капитализм и показывает его противоречия. Одним словом, его точка зрения совершенно та же, что и точка зрения современных народников.

Спрашивается, на чем же основана характеристика его, как мелкого буржуа? Именно на том, что он не понимает связи между мелким производством (которое идеализирует) и крупным капиталом (на который нападает). Именно на том, что он *не видит*, как излюбленный им мелкий производитель, крестьянин, становится, в действительности, мелким буржуа. Не надо никогда забывать следующего разъяснения по поводу сведения теорий различных писателей к интересам и точке зрения различных классов:

«Не следует думать, что мелкая буржуазия принципиально стремится осуществить свои эгоистические

классовые интересы. Она верит, напротив, что *специальные* условия ее освобождения суть в то же время те *общие* условия, при которых только и может быть спасено современное общество и устранена классовая борьба. Равным образом, не следует думать, что все представители демократии — лавочники или поклонники лавочников. По своему образованию и индивидуальному положению они могут быть далеки от них, как небо от земли. Представителями мелкого буржуа делает их то обстоятельство, что их мысль не в состоянии преступить тех границ, которых не преступает жизнь мелких буржуа, и потому теоретически они приходят к тем же самым задачам и решениям, к которым мелкого буржуа приводит практически его материальный интерес и его общественное положение. Таково и вообще отношение между *политическими и литературными представителями* класса и тем классом, который они представляют» (К. Маркс, «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», перевод Базарова и Степанова, стр. 179—180)⁵⁷.

Поэтому весьма комичны те народники, которые думают, что указания на мелкобуржуазность делаются лишь с целью сказать что-либо особенно ядовитое, что это — простой полемический прием. Таким отношением они показывают непонимание общих воззрений их противников, а, главное, — непонимание самых основ *той* критики капитализма, с которой они все «согласны», и ее *отличия* от сентиментальной и мелкобуржуазной критики. Одно уже усиленное стремление обойти самый вопрос об этих последних видах критики, о существовании их в Зап. Европе, об отношении их к критике научной показывает наглядно, *почему* народники не хотят понять этого отличия*.

Поясним сказанное примером. В библиографическом отделе «Русской Мысли» за 1896 г. № 5 (стр. 229 и сл.)⁵⁸ идет речь о том, что «в последнее время выступила и с поразительной быстротой растет группа» среди

* Напр., Эфруси написал две статьи о том, «как смотрел на рост капитализма» Сисмонди («Р. Б.» № 7, с. 139), и все-таки *абсолютно не понял* именно того, как смотрел Сисмонди. Сотрудник «Русского Богатства» не заметил мелкобуржуазной точки зрения Сисмонди. А так как Эфруси, несомненно, знаком с Сисмонди; так как он (как увидим ниже) знаком именно с тем представителем новейшей теории, который так охарактеризовал Сисмонди; так как он хочет тоже быть «согласным» с этим представителем новой теории, — то его непонимание приобретает совершенно определенное значение. Народник и не мог заметить в романтике того, чего он не замечает в себе.

интеллигенции, относящаяся с принципиальной и безусловной враждебностью к народничеству. Г. рецензент указывает в самых кратких чертах на причины и характер этой враждебности, и нельзя не отметить с признательностью, что он излагает при этом вполне точно *суть* враждебной народничеству точки зрения*. Г. рецензент не разделяет этой точки зрения. Он не понимает, чтобы идеи о классовых интересах и т. д. обязывали нас отрицать «народные идеалы» («просто *народные*, а не народнические»; *ibid.*, с. 229), состоящие-де в благосостоянии, свободе и сознательности крестьянства, т. е. большинства населения.

«Нам возражат, конечно, — говорит г. рецензент, — как возражали и другим, что идеалы автора-крестьянина (речь шла о высказанных одним крестьянином пожеланиях) мелкобуржуазные, и что потому наша литература и являлась до сих пор представительницей и защитницей интересов мелкой буржуазии. Но, ведь, это же просто жупел, и кого, кроме лиц, обладающих мировоззрением и умственными навыками замоскворецкой купчихи, этим жупелом испугать можно?..»

Сильно сказано! Но послушаем дальше:

«...Основной критерий как условий человеческого общежития, так и сознательных общественных мероприятий состоит ведь не в экономических категориях, да притом еще заимствованных из чуждых стране, при иных обстоятельствах сложившихся, условий, а в счастье и благосостоянии, как материальном, так и духовном, большинства населения. И если известный уклад жизни и известные мероприятия для поддержания и развития такого уклада ведут к этому счастью, то называйте их мелкобуржуазными или как-нибудь иначе, — дело от этого не изменится: они — этот уклад жизни и эти мероприятия — будут все-таки существенно прогрессивными и по тому самому и будут представлять *высший идеал, доступный для общества при данных условиях и в данном его состоянии*» (*ib.*, 229—230 стр., курсив автора).

Неужели г. рецензент не видит, что он, в пылу полемики задора, перепрыгнул через вопрос?

* Конечно, это звучит очень странно: хвалить человека за то, что он точно передает чужие мысли! Но что прикажете делать? Среди обычных polemистов «Русского Богатства» и старого «Нов. Слова» гг. Кривенко и Воронцова такая полемика действительно является необычным исключением.

Назвавши с превеликой суровостью обвинение народничества в мелкобуржуазности «просто жупелом», он ничего не приводит в доказательство такого утверждения, кроме следующего, невероятно изумительного положения: «Критерий... состоит не в экономических категориях, а в счастья большинства». Ведь это все равно, что сказать: критерий погоды состоит не в метеорологических наблюдениях, а в самочувствии большинства! Да что же такое, спрашивается, эти «экономические категории», как не *научная формулировка* условий хозяйства и жизни населения и притом не «населения» вообще, а *определенных* групп населения, занимающих определенное место в *данном* строе общественного хозяйства? Противопоставляя «экономическим категориям» абстрактнейшее положение о «счастье большинства», г. рецензент просто вычеркивает все развитие общественной науки с конца прошлого века и возвращается к наивной рационалистической спекуляции, игнорирующей определенные общественные отношения и их развитие. Одним росчерком пера он вычеркивает все, чего добилась ценой столетних поисков человеческая мысль, стремившаяся *понять* общественные явления! И, освободивши себя, таким образом, от всякого научного багажа, г. рецензент *считает уже вопрос решенным*. В самом деле, он прямо заключает: «Если известный уклад... ведет к этому счастью, то, как его ни назовите, дело от этого не изменится». Вот тебе раз! Да ведь вопрос в том именно и состоял, *каков* этот уклад. Ведь автор сам же сейчас указал, что против людей, видящих в крестьянском хозяйстве особый уклад («народное производство» или как там хотите), выступили другие, утверждающие, что это вовсе не особый уклад, а самый обыкновенный *мелкобуржуазный* уклад, такой же, каков уклад и всякого другого мелкого производства в стране товарного хозяйства и капитализма. Ведь, если из первого воззрения само собой следует, что «этот уклад» («народное производство») «ведет к счастью», то из второго воззрения тоже само собою следует, что «этот уклад» (мелкобуржуазный уклад) ведет к капитализму и ни к чему иному, ведет к выталкиванию «большинства населения» в ряды пролетариата и превращению меньшинства в сельскую (или промышленную) буржуазию. Не очевидно ли, что г. рецензент выстрелил в воздух и, под шум

выстрела, принял за доказанное именно то, в отрицании чего состоит второе воззрение, столь немилостиво объявленное «просто жупелом»?

Если бы он хотел серьезно разобратить второе воззрение, то должен бы был, очевидно, доказать одно из двух: или что «мелкая буржуазия» есть неправильная научная категория, что можно себе представить капитализм и товарное хозяйство без мелкой буржуазии (как и представляют гг. народники, возвращаясь этим вполне к точке зрения Сисмонди); или же, что эта категория *неприложима* к России, т. е., что у нас нет ни капитализма, ни господства товарного хозяйства, что мелкие производители не превращаются в товаропроизводителей, что в их среде не происходит указанного процесса выталкивания большинства и укрепления «самостоятельности» меньшинства. Теперь же, видя, как он принимает указание на мелкобуржуазность народничества за пустое желание «обидеть» гг. народников, и читая вслед за тем вышеприведенную фразу о «жупеле», мы невольно вспоминаем известное изречение: «Помилуйте, Кит Китыч! кто вас обидит? — Вы сами всякого обидите!»

III

ВОПРОС О РОСТЕ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЕЛЕНИЯ НА СЧЕТ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО

Возвратимся к Сисмонди. Наряду с идеализацией мелкой буржуазии, наряду с романтическим непониманием того, как «крестьянство» превращается при данном общественном строе хозяйства в мелкую буржуазию, у него стоит чрезвычайно характерное воззрение на уменьшение земледельческого населения на счет индустриального. Известно, что это явление — одно из наиболее рельефных проявлений капиталистического развития страны — наблюдается во всех цивилизованных странах, а также и в России*.

* Процент городского населения в Европейской России возрастает в пореформенную эпоху. Мы должны ограничиться здесь указанием на этот наиболее общеизвестный признак, хотя он выражает явление *далеко не вполне*, не охватывая важных особенностей России сравнительно с Зап. Европой. Здесь не место разбирать эти особенности (отсутствие свободы передвижения для крестьян, существование промышленных и фабричных сел, внутренняя колонизация страны и т. д.).

Сисмонди, как выдающийся экономист своего времени, не мог, разумеется, не видеть этого факта. Он открыто констатирует его, но совершенно не понимает необходимой связи его с развитием капитализма (даже общее: с разделением общественного труда, с вызываемым этим явлением ростом товарного хозяйства). Он просто *осуждает* это явление, как какой-нибудь недостаток «системы».

Указав на громадный прогресс английского земледелия, Сисмонди говорит:

«Но, восхищаясь этими столь заботливо возделанными полями, надо посмотреть и на население, которое их обрабатывает; оно наполовину меньше того, какое было бы во Франции на такой же территории. В глазах некоторых экономистов это — выигрыш; по-моему — это потеря» (I, 239).

Понятно, почему идеологи буржуазии считали это явление выигрышем (сейчас мы увидим, что *таков* же взгляд и научной критики капитализма): они формулировали этим рост буржуазного богатства, торговли и промышленности. Сисмонди, торопясь *осудить* это явление, забывает подумать о его причинах.

«Во Франции и в Италии, — говорит он, — где, как рассчитывают, четыре пятых населения принадлежат к земледельческому классу, четыре пятых нации будут кормиться национальным хлебом, какова бы ни была цена иностранного хлеба» (I, 264). *Fuit Troja!* можно сказать по этому поводу. Теперь уже нет таких стран (хотя бы и наиболее земледельческих), которые не находились бы в полной зависимости от *цен на хлеб*, т. е. от мирового капиталистического производства хлеба.

«Если нация не может увеличить своего торгового населения иначе, как требуя от каждого большего количества труда за ту же плату, то она должна бояться возрастания своего индустриального населения» (I, 322). Как видит читатель, это просто благожелательные советы, лишённые всякого смысла и значения, ибо понятие «нации» построено здесь на искусственном абстрагировании противоречий между теми классами, которые эту «нацию» образуют. Сисмонди, как и всегда, просто *отговаривается* от этих противоречий невинными пожеланиями о том... чтобы противоречий не было.

«В Англии земледелие занимает лишь 770 199 семей, торговля и промышленность — 959 632, остальные состояния общества — 413 316. Столь большая доля населения, существующего торговым богатством, на все число 2 143 147 семей или 10 150 615 человек, поистине ужасна (effrayante). К счастью, Франция еще далека от того, чтобы такое громадное число рабочих зависело от удачи на отдаленном рынке» (I, 434). Здесь Сисмонди как будто забывает даже, что это «счастье» зависит лишь от отсталости капиталистического развития Франции.

Рисуя те изменения в современном строе, которые «желательны» с его точки зрения (о них будет речь ниже), Сисмонди указывает, что «результатом (преобразований в романтическом вкусе) было бы, без сомнения, то, что не одна страна, живущая лишь индустрией, должна бы была закрыть одна за другой много мастерских, и что население городов, которое увеличилось свыше меры, быстро уменьшилось бы, тогда как население деревень начало бы возрастать» (II, 367).

На этом примере беспомощность сентиментальной критики капитализма и бессильная досада мелкого буржуа сказываются особенно рельефно! Сисмонди просто *жалуется** на то, что дела идут так, а не иначе. Его грусть по поводу разрушения эдема патриархальной тупости и забитости сельского населения так велика, что наш экономист не разбирает даже причин явления. Он просматривает поэтому, что увеличение индустриального населения находится в необходимой и неразрывной связи с товарным хозяйством и капитализмом. Товарное хозяйство развивается по мере развития общественного разделения труда. А это разделение труда в том и состоит, что одна за другой отрасли промышленности, один за другим вид обработки сырого продукта *отрываются* от земледелия и становятся самостоятельными, образуя, след., индустриальное население. Поэтому рассуждать о товарном хозяйстве и капитализме — и не принимать во внимание закона относительного возрастания индустриального населения, — значит не иметь никакого представления об *основных* свойствах *данного* строя общественного хозяйства.

* «В дальнейшем своем развитии направление это (именно направление мелкобуржуазной критики, главой которого был Сисмонди) перешло в трусливые жалобы на современное положение дел»⁵⁰.

«По самой природе капиталистического способа производства он уменьшает постоянно земледельческое население сравнительно с неземледельческим, так как в индустрии (в узком значении слова) рост постоянного капитала по отношению к переменному связан с абсолютным возрастанием переменного капитала, несмотря на его относительное уменьшение*. Между тем, в земледелии абсолютно уменьшается переменный капитал, потребный для эксплуатации определенного количества земли; следовательно, этот капитал может возрастать лишь при том условии, что подвергается обработке новая земля**, а это в свою очередь предполагает еще большее возрастание неземледельческого населения» (III, 2, 177)⁶⁰.

Точка зрения новейшей теории и в этом пункте диаметрально противоположна романтизму с его сентиментальными жалобами. Понимание необходимости явления вызывает, естественно, совершенно иное отношение к нему, умнее оценить его различные стороны. Занимающее нас явление и есть одно из наиболее глубоких и наиболее общих противоречий капиталистического строя. Отделение города от деревни, противоположность между ними и эксплуатация деревни городом — эти повсеместные спутники развивающегося капитализма — составляют необходимый продукт преобладания «торгового богатства» (употребляя выражение Сисмонди) над «богатством земельным» (сельскохозяйственным). Поэтому преобладание города над деревней (и в экономическом, и в политическом, и в интеллектуальном, и во всех других отношениях) составляет общее и неизбежное явление всех стран с товарным производством и капитализмом, в том числе и России: оплакивать это явление

* Читатель может судить по этому об остроумии г-на Н. — она, который в своих «Очерках» превращает без стеснения *относительное* уменьшение переменного капитала и числа рабочих в *абсолютное* и делает отсюда кучу самых вадорных выводов о «сокращении» внутреннего рынка и т. п.

** Вот это-то условие и имели мы в виду, говоря, что внутренняя колонизация России усложняет проявление закона большего роста индустриального населения. Стоит вспомнить различие между давно заселенным центром России, где рост индустриального населения шел не столько на счет городов, сколько на счет фабричных сел и местечек, и хотя бы Новороссией, заселявшейся в пореформенную эпоху, где рост городов сравнивается по быстроте с американским. Подробнее разобрать этот вопрос мы надеемся в другом месте.

могут только сентиментальные романтики. Научная теория указывает, напротив, ту *прогрессивную* сторону, которую вносит в это противоречие крупный промышленный капитал. «Вместе с постоянно растущим перевесом городского населения, которое скопляет капиталистическое производство в крупных центрах, оно накапливает историческую силу движения общества вперед»⁶¹ (*die geschichtliche Bewegungskraft der Gesellschaft*)*. Если преобладание города необходимо, то только привлечение населения в города может парализовать (и действительно, как доказывает история, парализует) односторонний характер этого преобладания. Если город выделяет себя необходимо в привилегированное положение, оставляя деревню подчиненной, неразвитой, беспомощной и забитой, то только приток деревенского населения в города, только это смешение и слияние земледельческого и неземледельческого населения может поднять сельское население из его беспомощности. Поэтому в ответ на реакционные жалобы и сетования романтиков новейшая теория указывает на то, как именно это сближение условий жизни земледельческого и неземледельческого населения создает условия для устранения противоположности между городом и деревней.

Спрашивается теперь, на какой точке зрения стоят в этом вопросе наши экономисты-народники? Безусловно на сентиментально-романтической. Они не только не понимают *необходимости* возрастания индустриального населения при данном строе общественного хозяйства, но даже *стараятся не видеть* и самого явления, уподобляясь некоей птице, которая прячет голову себе под крыло. Указания П. Струве, что в рассуждениях о капитализме г-на Н. — она грубой ошибкой является утверждение об *абсолютном* уменьшении переменного капитала («Крит. заметки», стр. 255), что противопоставлять Россию Западу по меньшему проценту индустриального населения и

* Ср. также особенно рельефную характеристику прогрессивной роли индустриальных центров в умственном развитии населения: «Die Lage der arbeit. Klasse in England», 1845. ⁶² Что признание этой роли не помешало автору «Положения рабочего класса в Англии» глубоко понять противоречие, скрывающееся в отделении города от деревни, это доназывает его полемическое сочинение против Дюринга.

не принимать во внимание *возрастания* этого процента в силу развития капитализма — нелепо* («Sozialpolitisches Centralblatt»**, 1893, № 1), остались, как и следовало ожидать, без ответа. Толкуя постоянно об особенностях России, экономисты-народники даже и не сумели поставить вопроса о *действительных* особенностях образования индустриального населения в России***, на которое мы указали вкратце выше. Таково *теоретическое* отношение народников к вопросу. На деле, однако, рассуждая о положении крестьян в пореформенной деревне и не стесненные теоретическими сомнениями, народники признают переселение крестьянства, выталкиваемого из земледелия, в города и в фабричные центры, и ограничиваются при этом только *оплакиванием* явления, точно-точно так, как *оплакивал* его Сисмонди****. Тот глубокий процесс преобразования условий жизни масс населения, который происходил в пореформенной России, — процесс, впервые нарушивший оседлость и прикрепленность к месту крестьянства и создавший подвижность его и сближение земледельческих работников с неземледельческими,

* Пусть вспомнит читатель, что *именно эту ошибку* делал Сисмонди, говоря о «счастье» Франции с 80% земледельческого населения, как будто это была особенность какого-нибудь «народного производства» и т. п., а не выражение отсталости развития капитализма.

** — «Центральный социально-политический листок». *Ред.*

*** Ср. *Волгин*. «Обоснование народничества в трудах г. Воронцова». СПб 1896, стр. 215—216.

**** Справедливость требует, впрочем, сказать, что Сисмонди, наблюдая рост индустриального населения в нескольких странах и признавая общий характер этого явления, высказывает ное-где понимание того, что это не только какая-нибудь «аномалия» и т. п., а глубокое изменение условий жизни населения — изменение, в котором приходится признавать и кое-что хорошее. По крайней мере, следующее рассуждение его о вреде разделения труда показывает гораздо более глубокие взгляды, чем взгляды, напр., г-на Михайловского, сочинившего общую «формулу прогресса» вместо анализа определенных форм, которые принимает разделение труда в различных формациях общественного хозяйства и в различные эпохи развития.

«Хотя однообразие операций, в которых слодится всякая деятельность рабочих на фабрике, должно, по видимому, вредить их развитию (intelligence), однако, справедливость требует сказать, что, по наблюдениям лучших судей (juges, анатомов), мануфактурные рабочие в Англии выше по развитию, по образованию и по нравственности, чем рабочие земледельческие (ouvriers des champs)» (I, 397). И Сисмонди указывает на причины этого: Vivant sans cesse ensemble, moins épuisés par la fatigue, et pouvant se livrer davantage à la conversation, les idées ont circulé plus rapidement entre eux (Благодаря тому, что они постоянно находились вместе, были менее изнурены и имели большую возможность беседовать друг с другом, идеи получали среди них более быстрое распространение. *Ред.*). Но — меланхолически замечает он — aucun attachement à l'ordre établi (никакой привязанности к установленному порядку. *Ред.*).

деревенских с городскими*, — остался ими совершенно незамечен ни в его экономическом, ни (в еще более важном, пожалуй) в его моральном и образовательном значении, подавая повод лишь к сентиментально-романтическим воздыханиям.

IV

ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЖЕЛАНИЯ РОМАНТИЗМА

Теперь мы постараемся свести воедино общую точку зрения Сисмонди на капитализм (задача, которую поставил себе, как помнит читатель, и Эфруси) и рассмотреть практическую программу романтизма.

Мы видели, что заслуга Сисмонди состояла в том, что он один из первых *указал* на противоречия капитализма. Но, указавши на них, он не только не попытался анализировать их и объяснить их происхождение, развитие и тенденцию, но даже взглянул на них, как на естественные или ошибочные отклонения от нормы. Против этих «уклонений» он наивно восставал сентенциями, обличениями, советами устранить их и т. п., как будто бы эти противоречия не выражали *реальных интересов* реальных групп населения, занимающих определенное место в общем строе современного общественного хозяйства. Это — самая рельефная черта романтизма: принимать противоречие интересов (глубоко коренящееся в самом строе общественного хозяйства) за противоречие или ошибку доктрины, системы, даже мероприятий и т. п. Узкий кругозор Kleinbürger'a**, который сам стоит в стороне от развитых противоречий и занимает промежуточное, переходное положение между двумя антиподами, соединяется тут с наивным идеализмом, — мы почти готовы сказать: бюрократизмом, — объясняющим обще-

* Форма этого процесса тоже различна для центральной полосы Евр. России и для окраин. На окраины идут, главным образом, *земледельческие* рабочие из средне-черноземных губерний и отчасти *неземледельческие* из промышленных, равною свои познания в «рукоделие» и «васажданя» промышленность среди чисто земледельческого населения. Из промышленной полосы идут *неземледельческие* рабочие, частью во все концы России, главным же образом в столицы и крупные индустриальные центры, причем это индустриальное, если так можно выразиться, течение настолько сильно, что получается недостаток в *земледельческих* рабочих, которые и идут в промышленные губернии (Московскую, Ярославскую и др.) из средне-черноземных губерний. См. у С. А. Короленко, «Вольнонаемный труд и т. д.»

** — мелкого буржуа. *Ред.*

ственный строй мнениями людей (особенно людей, власть имущих), а не наоборот. Приведем примеры всех подобных суждений Сисмонди.

«Забывая людей ради вещей, не принесла ли Англия цель в жертву средствам?»

Пример Англии тем более поразителен, что это нация свободная, просвещенная, хорошо управляемая, и что все ее бедствия происходят единственно оттого, что она последовала *ложному* экономическому направлению» (I, р. IX*). У Сисмонди Англия вообще играет роль устрашающего примера для континента, — точь-в-точь так, как у наших романтиков, воображающих, что они дают нечто новое, а не самый старый хлам.

«Обращая внимание моих читателей на Англию, я хотел показать... историю нашего собственного будущего, если мы будем продолжать поступать по тем принципам, которыми она следовала» (I, р. XVI).

«...Государства континента считают нужным следовать Англии в ее мануфактурной карьере» (II, 330). «Нет арелища более поразительного, более ужасающего, чем то, которое представляет Англия» (II, 332)**.

«Не надо забывать, что богатство есть лишь то, что представляет (*n'est que la représentation*) приятности и удобства жизни» (на место буржуазного богатства здесь уже поставлено богатство вообще), «и создавать искусственное богатство, осуждая нацию на все то, что на деле представляет бедность и страдания, это значит принимать название вещи за ее сущность» (*prendre le mot pour la chose*) (I, 379).

«...Пока нации следовали лишь указаниям (веляниям, *indications*) природы и пользовались их преимуществами, доставляемыми климатом, почвой, расположением, обладанием сырыми материалами, они не ставили себя в *неестественное положение* (*une position forcée*), они не искали

* — I, стр. IX. *Ред.*

** Чтобы показать наглядно отношение европейского романтизма к русскому, мы будем приводить под чертой цитаты из г-на Н. — она. «Мы не пожелаем воспользоваться уроком, преподанным нам хозяйственным ходом развития Западной Европы. Нам до такой степени поразила блеск развития капитализма в Англии и так поражает неумышленно быстрее происходящее развитие капитализма в Американских Штатах» и т. д. (323). — Как видите, даже выражения г-на Н. — она не блещут новизной! Его «поражает» то же самое, что «поражало» в начале века Сисмонди.

кажущегося богатства (une opulence apparente), которое превращается для массы народа в реальную нищету» (I, 411). Буржуазное богатство есть только кажущееся!! «Опасно для нации закрывать свои двери от внешней торговли: нацию принуждают этим, так сказать (en quelque sorte), к ложной деятельности, которая поведет к ее гибели» (I, 448)*.

«...В заработной плате есть необходимая часть, которая должна поддерживать жизнь, силу и здоровье тех, кто ее получает... Горе тому правительству, которое затронет эту часть, — оно приносит в жертву все (il sacrifie tout ensemble) — и людей, и надежду на будущее богатство... Это различие дает нам понять, насколько является ложной политика тех правительств, которые низвели рабочие классы к заработной плате в обрез, необходимой для увеличения чистых доходов фабрикантов, купцов и собственников» (II, 169)**.

«Пришло наконец время спросить: куда идем?» (où l'on veut aller) (II, 328).

«Разделение их (именно класса собственников и трудящихся), противоположность их интересов есть следствие современной искусственной организации, которую мы дали человеческому обществу... Естественный порядок социального прогресса вовсе не стремился отделить людей от вещей, или богатство от труда; в деревне — собственник мог бы оставаться земледельцем; в городе — капиталист мог бы оставаться ремесленником (artisan); отделение трудящегося класса от праздного класса вовсе не было существенно необходимо для существования общества или для производства; мы ввели его для наибольшей выгоды всех; от нас зависит (il nous appartient)

* «...Неверен тот хозяйственный путь, которым мы шли за последние 30 лет» (281)... «Мы слишком долго отождествляли интересы капитализма с интересами народнохозяйственными — заблуждение крайне гибельное... Видимые результаты покровительства промышленности... до такой степени нас омрачили, что мы совсем упустили из виду народно-общественную сторону... мы упустили из виду, на счет чего такое развитие происходит, мы забыли и о цели какого бы то ни было производства» (298) — кроме капиталистического!

«Пренебрежительное отношение к собственному прошлому... насаждение капитализма...» (283)... «Мы... употребили все средства для насаждения капитализма...» (323)... «Мы проглядели...» (ibid.).

** «...Мы не воспрепятствовали развитию капиталистических форм производства, несмотря на то, что они основаны на экспроприации крестьянства» (323).

регулировать его, чтобы на самом деле достичь этой выгоды» (II, 348).

«Ставя таким образом производителей в оппозицию друг с другом (т. е. хозяев к рабочим), их заставили идти путем, *диаметрально противоположным* интересам общества... В этой постоянной борьбе за понижение заработной платы интерес социальный, в котором, однако, каждый участвует, всеми забывается» (II, 359—360). И перед этим тоже воспоминание о завещанных историей путях: «В начале общественной жизни *каждый человек владеет капиталом*, посредством которого он прилагает свой труд, и почти все ремесленники живут доходом, который складывается одинаково из прибыли и заработной платы» (II, 359)*.

Кажется, довольно... Можно быть уверенным, что читатель, не знакомый ни с Сисмонди, ни с г. Н. — оном, затруднится сказать, у которого из двух романтиков, под чертой или над чертой, точка зрения примитивнее и наивнее.

Вполне соответствуют этому и практические пожелания Сисмонди, которым он уделил так много места в своих «Nouveaux Principes».

Наше отличие от А. Смита, — говорит Сисмонди в 1-й же книге своего сочинения, — состоит в том, что «мы почти всегда призываем то самое вмешательство правительства, которое А. Смит отвергал» (I, 52). «Государство не исправляет распределения» (I, 80)... «Законодатель мог бы обеспечить бедняку некоторые гарантии против всеобщей конкуренции» (I, 81). «Производство должно соразмеряться с социальным доходом, и те, кто поощряет к безграничному производству, не заботясь о том, чтобы узнать этот доход, толкают нацию к гибели, думая открыть ей путь к богатству» (le chemin des richesses) (I, 82). «Когда прогресс богатства постепенен (gradué), когда он соразмерен сам с собой, когда ни одна из его частей

* «Вместо того, чтобы твердо держаться наших вековых традиций; вместо того, чтобы развивать принцип тесной связи средств производства с непосредственным производителем... вместо того, чтобы увеличить производительность его (*крестьянства*) труда сосредоточением средств производства в его руках... вместо всего этого мы стали на путь *совершенно противоположный*» (322—323). «Мы приняли развитие капитализма за развитие всего народного производства... мы *проглядели*, что развитие одного... может произойти исключительно на счет другого» (323). Курсив наш.

не развивается непомерно быстро, тогда он распространяет всеобщее благосостояние... Может быть, обязанность правительств состоит в том, чтобы замедлять (galentir!!) это движение, для того, чтобы регулировать его» (I, 409—410).

О том громадном историческом значении, которое имеет развитие производительных сил общества, совершающееся именно этим путем противоречий и непропорциональностей, Сисмонди не имеет ни малейшего представления!

«Если правительство оказывает на стремление к богатству действие регулирующее и умеряющее, — оно может быть бесконечно благодетельным» (I, 413). «Некоторые регламентации торговли, осужденные ныне всеобщим мнением, если они и заслуживают осуждения в качестве поощрений промышленности, могут быть оправданы, может быть, как уда» (I, 415).

Уже в этих рассуждениях Сисмонди видна его паразитическая историческая бестактность: он не имеет ни малейшей идеи о том, что в освобождении от средневековых регламентаций состоял весь исторический смысл того периода, современником которого он был. Он не чувствует, что его рассуждения — вода на мельницу тогдашних защитников ancien régime'a*, которые были еще так сильны даже во Франции, не говоря о других государствах западно-европейского континента, где они господствовали**.

Итак, исходная точка практических пожеланий Сисмонди — опека, задержка, регламентация.

Такая точка зрения вполне естественно и неизбежно вытекает из всего круга идей Сисмонди. Он жил как раз в то время, когда крупная машинная индустрия делала

* — старого строя. *Ред.*

** Эфруси усмотрел в этих сожалениях и возжеланиях Сисмонди «гражданское мужество» (№ 7, стр. 139). Высказывание сентиментальных пожеланий требует гражданского мужества! Загляните хоть в любой гимназический учебник истории, вы прочтете там, что западно-европейские государства 1-ой четверти XIX в. были организованы по тому типу, который наука государственного права обозначает термином: Polizeistaat (полицейское государство. *Ред.*). Вы прочтете там, что историческая задача не только этой, но в следующей четверти века состояла именно в борьбе против него. Вы поймете тогда, что точка зрения Сисмонди так и отдает тупостью мелкого французского крестьянина времен реставрации; что Сисмонди представляет пример сочетания мелкобуржуазного сентиментального романтизма с феноменальной гражданской неврелостью.

первые свои шаги на континенте Европы, когда началось то крутое и резкое преобразование всех общественных отношений под влиянием машин (заметьте, именно под влиянием машинной индустрии, а не «капитализма» вообще)*, преобразование, которое принято называть в экономической науке *industrial revolution* (промышленная революция). Вот как характеризует ее один из первых экономистов, сумевших оценить всю глубину переворота, создавшего на место патриархальных полусредневековых обществ современные европейские общества:

«...История английского промышленного развития в последние 60 лет (писано в 1844 году) не имеет ничего равного себе в летописях человечества. 60—80 лет тому назад Англия была страной, похожей на всякую другую, с маленькими городами, с незначительной и простой промышленностью, с редким, но относительно значительным земледельческим населением. Теперь это — страна, непохожая ни на какую другую, с столицей в 2¹/₂ миллиона жителей; с крупными промышленными городами; с индустрией, которая доставляет продукты всему миру и производит почти все посредством чрезвычайно сложных машин; с предприимчивым, интеллигентным, густым населением, две трети которого заняты в промышленности и торговле и состоят из совершенно различных классов; это население с другими обычаями, другими нуждами составляет, на самом деле, совершенно другую нацию сравнительно с Англией того времени. Промышленная революция имеет такое же значение для Англии, как политическая революция — для Франции, как философская революция — для Германии. И различие между Англией 1760 года и Англией 1844 года, по меньшей мере, так же велико, как между Францией при *ancien régime* и Францией июльской революции»**.

Это была полнейшая «ломка» всех старых, укоренившихся отношений, экономическим базисом которых было мелкое производство. Понятно, что Сисмонди с своей реакционной, мелкобуржуазной точки зрения не мог понять значения этой «ломки». Понятно, что он прежде

* Капитализм датирует в Англии не с конца XVIII века, а со времен несравненно более ранних.

** Engels. «Die Lage der arbeitenden Klasse in England» 62.

всего и больше всего желал, приглашал, взывал, требовал «прекратить ломку»*.

Каким же образом «прекратить ломку»? Прежде всего, разумеется, поддержкой народного... то-бишь «патриархального производства», крестьянства и мелкого земледелия вообще. Сисмонди посвящает целую главу (II. VII, ch. VIII) тому, «как правительство должно защищать население от последствий конкуренции».

«По отношению к земледельческому населению общая задача правительства состоит в том, чтобы обеспечить работникам (*à ceux qui travaillent*) часть собственности, или в том, чтобы поддерживать (*favoriser*) то, что мы назвали патриархальным земледелием предпочтительно перед всяким другим» (II, 340).

«Статут Елизаветы, который не был соблюден, запрещает строить в Англии сельскую хижину (*cottage*) иначе, как на условии наделить ее землей в размере четырех акров. Если бы этот закон был исполнен, ни один брак не мог бы быть заключен между поденщиками без того, чтобы они не получили свою *cottage*, и ни один *cottage* не был бы доведен до последней степени нищеты. Это уже было бы шагом вперед (*c'est quelque chose*), но этого еще недостаточно; в климате Англии крестьянское население жило бы в нужде с 4 акрами на семью. Теперь коттеры в Англии имеют, большей частью, лишь $1\frac{1}{2}$ — 2 акра земли, за которые они платят довольно высокую аренду... Следовало бы обязать законом... помещика, когда он разделяет свое поле между многими *cottagers*, давать каждому достаточное количество земли, чтобы он мог жить» (II, 342—343)**.

* Г-н Н. — он, смею надеяться, не посетует на нас за то, что мы заимствуем у него (с. 345) это выражение, которое представляется нам в высшей степени удачным и характерным.

** «Держаться наших вековых традиций; (это ли не патриотизм?)... развивать принцип тесной связи средств производства с непосредственными производителями, унаследованный нами... (Г. Н. — он, 322). «Мы свернули с пути, которым шли в продолжение многих веков; мы стали устранять производство, основанное на тесной связи непосредственного производителя со средствами производства, на тесной связи земледелия и обрабатывающей промышленности, и положили в основание своей хозяйственной политики принцип развития производства капиталистического, основанного на экспроприации непосредственных производителей от средств производства, со всеми сопровождающими его бедствиями, которыми теперь страдает Западная Европа» (281). Пусть читатель сравнит с этим вышеуказанный взгляд самих «западно-европейцев» на эти «бедствия, от которых страдает» и т. д. «Принцип... наделение крестьян землей или... доставление самим производителям

Читатель видит, что пожелания романтизма совершенно *однородны* с пожеланиями и программами народников: они построены точно так же на игнорировании *действительного* экономического развития и на бессмысленной подстановке в эпоху крупной машинной индустрии, бешеной конкуренции и борьбы интересов — условий, воспроизводящих патриархальные условия седой старины.

V

РЕАКЦИОННЫЙ ХАРАКТЕР РОМАНТИЗМА

Разумеется, Сисмонди не мог не сознавать того, *как* идет действительное развитие. Поэтому, требуя «поощрения мелкого земледелия» (II, 355), он прямо говорит, что следовало бы «дать сельскому хозяйству направление, диаметрально противоположное тому, которым оно идет теперь в Англии» (II, 354—355)*.

«Англия имеет, к счастью, средство сделать многое для своих сельских бедняков, разделив между ними свои громадные общинные земли (*ses immenses communaux*)... Если бы ее общинные земли были разделены на свободные участки (*en propriétés franches*) от 20 до 30 акров, то они (англичане) увидели бы, как возродится тот независимый и гордый класс поселян, то *yeomanry*, о полном почти уничтожении которого они жалеют в настоящее время» (II, 357—358).

«Планы» романтизма изображаются очень легко осуществимыми — именно благодаря тому игнорированию реальных интересов, которое составляет сущность романтизма. «Подобное предложение (раздавать земли мелкими участками поденщикам, возложив на землевладельцев обязанность попечения о последних) возмутит, вероятно, крупных землевладельцев, которые в настоящее время одни пользуются в Англии законодательной властью; но, тем не менее, оно справедливо... Крупные землевладельцы

орудий труда» (с. 2)... «веновые народные устои» (75)... «В этих цифрах (именно цифрах, показывающих, «как велик *шпiтiтiт* того количества земли, какое требуется при существующих хозяйственных условиях, для материального обеспечения сельского населения») мы имеем, следовательно, один из элементов решения хозяйственного вопроса, но только именно *один* из элементов» (65). Западно-европейские романтики, как видите, не менее русских, любили искать в «веновых традициях» «санкции» народного производства.

* Сравните народническую программу «тащить историю по другой линии» г. В. В. Ср. у Волгина, I. с. (loci citato — в цитированном месте. *Ред.*), стр. 181.

одни только имеют надобность в поденщиках; они их создали — пусть они их и содержат» (II, 357).

Читая такие наивности, писанные в начале века, не удивляешься: «теория» романтизма оказывается в соответствии с тем примитивным состоянием капитализма вообще, которое обуславливало столь примитивную точку зрения. Фактическое развитие капитализма — теоретическое понимание его — точка зрения на капитализм, между всем этим в то время существовало еще соответствие, и Сисмонди, во всяком случае, представляется писателем цельным и верным самому себе.

«Мы указали уже, — говорит Сисмонди, — какое покровительство находил некогда этот класс (именно класс ремесленников) в учреждении цехов и корпораций (*des jurandes et des maîtrises*)... Речь идет не о том, чтобы восстановить их странную и притеснительную организацию... Но законодатель должен поставить себе целью поднять вознаграждение за промышленный труд, вывести промышленников из того неустойчивого (*précaire*) положения, в котором они живут, и, наконец, облегчить им возможность приобрести то, что они называют *положением** (*un état*)... Теперь рабочие рождаются и умирают рабочими, тогда как прежде положение рабочего было лишь приготовлением, первой ступенью к более высшему положению. Вот эту-то возможность повышаться (*cette faculté progressive*) и важно восстановить. Нужно сделать так, чтобы хозяева имели интерес переводить своих рабочих в более высшее положение; чтобы человек, нанимающийся в мануфактуру, начинал действительно с работы за простую наемную плату, но чтобы он всегда имел впереди надежду, при добром поведении, получить часть в прибылях предприятия» (II, 344—345).

Трудно рельефнее выразить точку зрения мелкого буржуа! Цехи — идеал Сисмонди, и его оговорка насчет нежелательности восстановления их имеет, очевидно, лишь тот смысл, что следует взять принцип, идею цеха (точно так же, как народники хотят брать принцип, идею общины, а не современный фискальный союз, называемый общиной) и отбросить его средневековые уродливости. Нелепость плана Сисмонди состоит не в том, что он

* Курсив автора.

защищал целиком цехи, хотел восстановить их целиком — этой задачи он не ставил. Нелепость заключается в том, что он берет за образец *союз*, возникший из узких, примитивных потребностей в объединении местных ремесленников, а хочет приложить эту мерку, этот образец к капиталистическому обществу, в котором объединяющим, обобществляющим элементом является крупная машинная индустрия, ломающая средневековые перегородки, стирающая местные, земляческие и профессиональные различия. Сознывая необходимость союза, объединения вообще, в той или другой форме, романтик берет за образец союз, удовлетворявший узким потребностям в объединении в патриархальном, недвижимом обществе, и хочет прикладывать его к обществу, совершенно преобразованному — с подвижным населением, с обобществлением труда не в пределах какой-нибудь общины или какой-нибудь корпорации, а в пределах всего государства и даже вне пределов одного государства*.

Вот эта-то ошибка и дает романтику совершенно заслуженную им квалификацию *реакционера*, причем под этим термином разумеется не желание восстановить просто-напросто средневековые учреждения, а именно попытка мерить новое общество на старый патриархальный аршин, именно желание искать образца в старых, совершенно не соответствующих изменившимся экономическим условиям порядках и традициях.

Этого обстоятельства абсолютно не понял Эфруси. Характеристика теории Сисмонди, как реакционной, была понята им именно в грубом, вульгарном смысле. Эфруси смутился... Как же так, — рассуждал он, — какой же

* Совершенно аналогична ошибка народников по отношению к другому союзу (*общине*), который удовлетворял своим потребностям объединения местных крестьян, связанных единством земельной собственности и т. п. (а главное единством помещичьей и чиновничьей власти), но совершенно не отвечает потребностям товарного хозяйства и капитализма, ломающего все местные, сословные, разрядные перегородки и вносящего глубокую экономическую ровню интересов *внутри* общины. Потребность в союзе, в объединении в капиталистическом обществе не ослабела, а, напротив, неимоверно возросла. Но брать старую мерку для удовлетворения этой потребности нового общества совершенно чуждо. Это новое общество требует уже, во-первых, чтобы союз не был местным, сословным, разрядным; во-вторых, чтобы его исходным пунктом было то различие положений и интересов, которое создано капитализмом в разложении крестьянства. Местный же, сословный союз, связывающий вместе крестьян, резко различающихся по своему экономическому положению и по своим интересам, становится теперь, в силу своей *обязательности, вредным* и для самих крестьян, и для всего общественного развития.

Сисмонди реакционер, когда он говорит ведь прямо, что вовсе не хочет восстановить цехи? И Эфруси решил, что такое «обвинение» Сисмонди «в ретроградстве» несправедливо; что Сисмонди, напротив, смотрел «правильным образом на цеховую организацию» и «вполне оценил ее историческое значение» (№ 7, стр. 147), как это, дескать, выяснено историческими исследованиями таких-то и таких-то профессоров о хороших сторонах цеховой организации.

Quasi-ученые* писатели обладают нередко поразительной способностью из-за деревьев не видеть леса! Точка зрения Сисмонди на цехи характерна и важна именно потому, что он связывает с ними свои практические пожелания**. Именно поэтому с его учением и связана характеристика *реакционного*. А Эфруси принимается, ни к селу ни к городу, толковать о новейших исторических сочинениях о цехах!

Результатом этих неуместных и quasi-ученых рассуждений явилось то, что Эфруси обошел как раз суть вопроса: справедливо или несправедливо характеризовать доктрину Сисмонди реакционной? Он просмотрел именно то, что является самым главным, — *точку зрения* Сисмонди. «Меня выставляли, — говорил Сисмонди, — в политической экономии врагом общественного прогресса, партизаном учреждений варварских и принудительных. Нет, я не хочу того, что уже было, но я хочу чего-нибудь лучшего по сравнению с современным. Я не могу судить о настоящем иначе, как сравнивая его с прошлым, и я далек от желания восстанавливать старые развалины, когда я доказываю посредством них вечные нужды общества» (II, 433). *Желания* у романтиков весьма хорошие (как и у народников). Сознание противоречий капитализма ставит их выше слепых оптимистов, отрицающих эти противоречия. И реакционером признают Сисмонди вовсе не за то, что он хотел вернуться к средним векам, а именно за то, что в своих практических пожеланиях он «сравнивал настоящее с прошлым», а не с будущим, именно за то, что он «доказывал вечные нужды общества»*** *посредством*

* — Мнимо-ученые. Ред.

** См. выше, хотя бы во введении той главы, на которой мы приводили рассуждения о цехах (приводимые и Эфруси: с. 147).

*** То обстоятельство, что он доказывал существование этих нужд, ставит его, повторяем, несравнимо выше узких буржуазных экономистов.

«развалин», а не *посредством* тенденций новейшего развития. Вот этой-то мелкобуржуазной точки зрения Сисмонди, выделяющей его резко от других писателей, которые тоже доказывали и одновременно с ним, и после него «вечные нужды общества», и не сумел понять Эфруси.

В этой ошибке Эфруси сказалось это же узкое понимание терминов «мелкобуржуазная», «реакционная» доктрина, о котором мы говорили выше по поводу первого термина. Эти термины вовсе не указывают на эгоистические вожеления мелкого лавочника или на желание остановить общественное развитие, вернуться назад: они говорят лишь об *ошибочности* точки зрения данного писателя, об ограниченности его понимания и кругозора, вызывающего выбор таких средств (для достижения весьма хорошей цели), которые на практике не могут быть действительны, которые могут удовлетворить лишь мелкого производителя или сослужить службу защитникам старины. Сисмонди, напр., вовсе не фанатик мелкой *собственности*. Он понимает необходимость объединения, союза ничуть не менее, чем наши современные народники. Он выражает пожелание, чтобы «половина прибыли» в промышленных предприятиях «распределялась между ассоциированными рабочими» (II, 346). Он высказывается прямо за «систему ассоциации», при которой бы все «успехи производства шли на пользу тому, кто занят им» (II, 438). Говоря об отношении своего учения к известным в то время учениям Оуэна, Фурье, Томпсона, Мюирона (Muiron), Сисмонди заявляет: «Я желал бы так же, как они, чтобы осуществилась ассоциация между теми, кто производит сообща данный продукт, вместо того, чтобы ставить их в оппозицию друг с другом. Но я не думаю, чтобы те средства, которые они предложили для этой цели, могли когда-нибудь привести к ней» (II, 365).

Различие между Сисмонди и этими писателями состоит именно в *точке зрения*. Поэтому вполне естественно, что Эфруси, не понявший этой точки зрения, совершенно неверно изобразил отношение Сисмонди к этим писателям.

«Если Сисмонди оказал на своих современников слишком слабое влияние, — читаем мы в «Русск. Богатстве» № 8, с. 57, — если предлагавшиеся им социальные реформы не получили осуществления, то это объясняется главным образом тем, что он значительно опередил свою

эпоху. Он писал в то время, когда буржуазия праздновала свой медовый месяц... Понятно, что при таких условиях голос человека, требовавшего социальных реформ, должен был оставаться гласом вопиющего в пустыне. Но ведь мы знаем, что и потомство отнеслось к нему не многим лучше. Это объясняется, быть может, тем, что Сисмонди является, как мы уже сказали выше, писателем переходной эпохи; хотя он и желает крупных изменений, он, тем не менее, не может вполне отрешиться от старого. Умеренным людям он казался поэтому слишком радикальным, а на взгляд представителей более крайних направлений он был слишком умеренным».

Во-первых, говорить, что Сисмонди предлагаемыми им реформами «опередил эпоху» — значит абсолютно не понять самой сути доктрины Сисмонди, который сам говорит про себя, что он сравнивал настоящее с прошлым. Требовалась бесконечная близорукость (или бесконечное пристрастие к романтизму), чтобы просмотреть общий дух и общее значение теории Сисмонди из-за того только, что Сисмонди сочувствовал фабричному законодательству* и т. п.

Во-вторых, Эфруси полагает таким образом, что различие между Сисмонди и другими писателями состоит лишь в *степени решительности* предлагавшихся реформ: они шли дальше, а он не вполне отрешился от старого.

Не в этом дело. Различие между Сисмонди и этими писателями лежит гораздо глубже — вовсе не в том, что одни шли дальше, другие были робки**, а в том, что *самый характер* реформ представлялся им с двух *диаметрально противоположных* точек зрения. Сисмонди доказывал «вечные нужды общества», и эти писатели доказывали тоже вечные нужды общества. Сисмонди был утопистом, основывал свои пожелания на абстрактной идее, а не на реальных интересах, — и эти писатели были утопистами,

* Да и в этом вопросе Сисмонди не «опередил» эпоху, ибо одобрял лишь то, что уже осуществлялось в Англии, не умея понять связь этих преобразований с крупной машинной индустрией и ее прогрессивной исторической работой.

** Мы не хотим сканать, что в этом отношении между указанными писателями нет различия, но оно не объясняет дела и неправильно представляет отношение Сисмонди к другим писателям: выходит, будто они стояли на одной точке зрения, различаясь лишь решительностью и последовательностью выводов. Не в том дело, что Сисмонди «шел» не так далеко, а в том, что он «шел» назад, а указанные писатели «шли» вперед.

основывали свои планы тоже на абстрактной идее. Но именно *характер* их планов совершенно различен вследствие того, что на новейшее экономическое развитие, поставившее вопрос о «вечных нуждах», они смотрели с *диаметрально противоположных* точек зрения. Указанные писатели предвосхищали будущее, гениально угадывали тенденции той «ломки», которую проделывала на их глазах прежняя машинная индустрия. Они смотрели в ту же сторону, куда шло и действительное развитие; они действительно *опережали* это развитие. Сисмонди же поворачивался к этому развитию *задом*; его утопия не предвосхищала будущее, а реставрировала прошлое; он смотрел не вперед, а назад, мечтая «прекратить ломку», — ту самую «ломку», из которой выводили свои утопии указанные писатели*. Вот почему утопия Сисмонди признается — и совершенно справедливо — реакционной. Основание такой характеристики заключается, повторяем еще раз, *только в том*, что Сисмонди не понимал прогрессивного значения той «ломки» старых, полусредневековых, патриархальных общественных отношений западно-европейских государств, которую с конца прошлого века начала проделывать крупная машинная индустрия.

Эта специфическая точка зрения Сисмонди проглядывает даже среди его рассуждений об «ассоциации» вообще. «Я желаю, — говорит он, — чтобы собственность на мануфактуры (*la propriété des manufactures*) была разделена между большим числом средних капиталистов, а не соединялась в руках одного человека, владеющего многими миллионами...» (II, 365). Еще рельефнее точка зрения мелкого буржуа сказала в такой тираде: «Нужно устранить не класс бедных, а класс поденщиков; их следует вернуть в класс собственников» (II, 308). «*Вернуть*» в класс собственников — в этих словах вся суть доктрины Сисмонди!

Разумеется, Сисмонди должен был сам чувствовать неосуществимость своих благопожеланий, чувствовать реактивный диссонанс между ними и современной разностью интересов.

* «Роберт Оуэн, — говорит Маркс, — отец кооперативных фабрик и кооперативных лавок, — который, однако, вовсе не разделял иллюзий своих пресмыкающихся насчет значения (*Tragweite*) этих инволюционных элементов преобразования. — не только фактически исходил в своих опытах из фабричной системы, но и теоретически объявлял ее исходным пунктом «социального переворота»»⁶⁴.

«Задача соединить снова интересы тех, кто участвует вместе в одном и том же производстве (*qui concourent à la même production*)... без сомнения, трудна, но я не думаю, чтобы эта трудность была так велика, как предполагают» (II, 450)*. Сознание этого несоответствия своих пожеланий и чаяний с условиями действительности и их развитием вызывает, естественно, стремление доказать, что «еще не поздно» «вернуться» и т. п. Романтик пытается опереться на *неразвитость* противоречий современного строя, на *отсталость* страны. «Народы завоевали систему свободы, в которую мы вступили (речь шла о падении феодализма); но в то время, когда они разрушили ярмо, которое они так долго носили, трудящиеся классы (*les hommes de peine* — представители труда) не были лишены всякой собственности. В деревне они, в качестве полоников, чиншевиков (*sensitaires*), арендаторов, владели землей (*ils se trouvèrent associés à la propriété du sol*). В городах, в качестве членов корпораций, ремесленных союзов (*métiers*), образованных ими для взаимной защиты, они были самостоятельными промышленниками (*ils se trouvèrent associés à la propriété de leur industrie*). Только в наши дни, только в самое последнее время (*c'est dans ce moment même*) прогресс богатства и конкуренция ломает все эти ассоциации. Но эта ломка (*révolution*) еще наполовину не закончена» (II, 437).

«Правда, только одна нация находится теперь в этом неестественном положении; только в одной нации мы видим этот постоянный контраст мнимого богатства (*richesse apparente*) и ужасной нищеты десятой доли населения, вынужденной жить на счет общественной благотворительности. Но эта нация, столь достойная подражания в других отношениях, столь ослепительная даже в своих ошибках, соблазнила своим примером всех государственных людей континента. И если эти размышления не смогут уже принести пользы ей, то я окажу, по крайней мере, думаю, мне, услугу человечеству и моим соотечественникам, показывая опасности того пути, по которому она идет, и доказывая ее собственным опытом, что

* «Задача, которую предстоит решить русскому обществу, с каждым днем усложняется. С каждым днем захваты капитализма становятся обширнее... (ibid.).»

основывать политическую экономию на принципе неограниченной конкуренции — это значит приносить в жертву интерес человечества одновременному действию всех личных страстей» (II, 368)*. Так заканчивает Сисмонди свои «Nouveaux Principes».

Общее значение Сисмонди и его теории формулировал отчетливо Маркс в следующем отзыве, дающем сначала очерк тех условий западно-европейской экономической жизни, которые породили такую теорию (и притом породили именно в ту эпоху, когда капитализм только еще начинал создавать там крупную машинную индустрию), а затем и оценку ее**.

«Средневековое мещанство и сословие мелких крестьян были предшественниками современной буржуазии. В странах, менее развитых в промышленном и торговом отношении, класс этот до сих пор еще прозябает рядом с развивающейся буржуазией.

В тех странах, где развилась современная цивилизация, образовалось — и как дополнительная часть капиталистического общества постоянно вновь образуется — буржуазное среднее сословие (которое колеблется между пролетариатом и буржуазией). Но конкуренция постоянно сталкивает принадлежащих к этому классу лиц в ряды пролетариата, и они начинают даже предвидеть приближение того момента, когда, с развитием крупной промышленности, они совершенно исчезнут, как самостоятельная часть современного общества, и в торговле, мануфактуре и земледелии заменятся надзирателями и наемными служащими.

В таких странах, как Франция, где крестьянство составляет гораздо более половины всего населения, естественно было появление писателей, которые, становясь на сторону пролетариата, прикладывали к капиталистическим условиям мелкобуржуазную и мелкокрестьянскую мерку и защищали дело рабочих с мелкобуржуазной точки зрения. Так возникло мелкобуржуазное социальное учение. Сисмонди стоит во главе этого рода литературы не только во Франции, но даже и в Англии.

* «Русскому обществу предстоит решение великой задачи, крайне трудной, но не невозможной — развить производительные силы населения в такой форме, чтобы ими могло пользоваться не незначительное меньшинство, а весь народ» (Н. — он, 343).

** Ср. цитаты в «Р. Б.» № 8, стр. 57, а также «Р. Б.» № 6, стр. 94, в статье г-на II. — она.

Это учение прекрасно умело подметить противоречия современных условий производства. Оно разоблечило лицемерный оптимизм экономистов. Оно указало на разрушительное действие машинного производства и разделения труда, на концентрацию капиталов и поземельной собственности, на излишнее производство и кризисы, на неизбежную гибель мелкой буржуазии и крестьянства, на нищету пролетариата, анархию в производстве, вопиющие несправедливости в распределении богатства, на разорительную промышленную войну наций между собой, разложение старых нравов, старых семейных отношений и старых национальностей*.

Положительная сторона требований этого направления заключается или в восстановлении старых способов производства и обмена, а вместе с ними старых имущественных отношений и старого общественного строя; или же оно стремится насильственно удержать современные способы производства и обмена в рамках старых имущественных отношений, которые они уже разбили и необходимо должны были разбить. В обоих случаях оно является реакционным и утопическим одновременно.

Цеховая организация промышленности и патриархальное сельское хозяйство являются последним его словом**.

Справедливость этой характеристики мы старались показать при разборе каждого отдельного члена в доктрине Сисмонди. Теперь же отметим лишь курьезный прием, употребленный здесь Эфруси в завершение всех промахов в его изложении, критике и оценке романтизма. Читатель помнит, что в самом начале своей статьи (в № 7 «Р. Б — ва») Эфруси заявил, что причисление Сисмонди к реакционерам и утопистам «несправедливо» и «неправильно» (1. с., стр. 138). Чтобы доказать такой тезис, Эфруси, во-первых, ухитрился обойти полным молчанием самое главное, именно связь *точки зрения* Сисмонди с положением и интересами особого класса капиталистического общества,

* Этот отрывок приводит Эфруси в № 8 «Р. Б — ва» на стр. 57 (от последней красной строки).

** Ср. «Р. Б — ва», указ. статья, 1894 г., № 6, с. 88. Г. Н. — он делает в переводе этого отрывка две неточности и один пропуск. Вместо «мелкобуржуазный» и «мелкокрестьянский» он переводит «узко мещанский» и «узко крестьянский». Вместо «дело рабочих» он переводит «дело народа», хотя в оригинале стоит *der Arbeiter*. Слова: «необходимо должны были разбить» (*gesprengt werden mussten*) он пропускает⁰⁰.

мелких производителей; во-вторых, при разборе отдельных положений теории Сисмонди, Эфруси частью представлял его отношение к новейшей теории в совершенно неправильном свете, как мы это показали выше, частью же просто игнорировал новейшую теорию, защищая Сисмонди ссылками на немецких ученых, которые «не ушли дальше» Сисмонди; в-третьих, наконец, Эфруси пожелал резюмировать оценку Сисмонди таким образом: «Наш (I) взгляд на значение Сисмонди де-Сисмонди, — говорит он, — мы можем (II) резюмировать в следующих словах» одного немецкого экономиста («Р. Б.» № 8, стр. 57), и дальше цитируется отмеченный выше отрывок, т. е. *только частичка* характеристики, данной этим экономистом, причем отброшена именно та часть, где выясняется связь теории Сисмонди с особым классом новейшего общества, и та часть, где окончательный вывод гласит о реакционности и утопизме Сисмонди! Мало этого. Эфруси не ограничился тем, что выхватил *частичку* отзыва, не дающую никакого понятия о *целом* отзыве, и, таким образом, представил в совершенно неверном свете отношение этого экономиста к Сисмонди. Он пожелал еще прикрасить Сисмонди, как будто бы оставаясь лишь передатчиком взглядов того же экономиста.

«Прибавим к этому, — говорит Эфруси, — что по некоторым теоретическим воззрениям Сисмонди является предшественником самых выдающихся новейших экономистов*: вспомним его взгляды на доход с капитала, на кризис, его классификацию национального дохода и т. д.» (ibid.). Таким образом, вместо того, чтобы *прибавить* к указанию заслуг Сисмонди немецким экономистом указание того же экономиста на мелкобуржуазную точку зрения Сисмонди, на реакционный характер его утопии, — Эфруси *прибавляет* к числу заслуг Сисмонди именно *те части его учения* (вроде «классификации национального дохода»), в которых, по отзыву все того же экономиста, *нет ни одного научного слова*.

Нам возражают: Эфруси может вовсе не разделять того мнения, что объяснения экономических доктрин следует искать в экономической действительности; он может быть глубоко убежденным в том, что теория А. Вагнера о

* Вроде Адольфа Вагнера? К. Т.

«классификации национального дохода» есть теория «самая выдающаяся». — Охотно верим. Но какое же право имел он кокетничать с той теорией, о которой гг. народники так любят говорить, что они с ней «согласны», тогда как на деле он не понял абсолютно отношения этой теории к Сисмонди и сделал все возможное (и даже невозможное), чтобы представить это отношение в совершенно неверном виде?

Мы не стали бы уделять так много места этому вопросу, если бы дело касалось одного только Эфруси — писателя, имя которого встречается в народнической литературе едва ли не впервые. Нам важна вовсе не личность Эфруси и даже не его воззрения, а *отношение народников к разделяемой якобы ими теории знаменитого немецкого экономиста вообще*. Эфруси совсем не представляет из себя какого-либо исключения. Напротив, его пример вполне типичен, и, чтобы доказать это, мы и проводили везде параллель между точкой зрения и теорией Сисмонди и точкой зрения и теорией г-на Н. — она*. Аналогия оказалась полнейшая: и теоретические воззрения, и точка зрения на капитализм и характер практических выводов и пожеланий оказались у обоих писателей *однородными*. А так как воззрения г-на Н. — она могут быть названы последним словом народничества, то мы вправе сделать тот вывод, что *экономическое учение народников есть лишь русская разновидность общеевропейского романтизма*.

Понятно само собой, что исторические и экономические особенности России, с одной стороны, и ее несравненно большая отсталость, с другой стороны, вызывают особенно крупные отличия народничества. Но эти отличия не выходят, однако, за пределы отличий видовых и потому не изменяют *однородности* народничества и мелкобуржуазного романтизма.

Может быть, самым выдающимся и наиболее обращающим на себя внимание отличием является стремление экономистов-народников прикрыть свой романтизм заявлением «согласия» с новейшей теорией и возможно более частыми *ссылками* на нее, хотя эта теория резко

* Другой народнический экономист, г. В. В., совершенно солидарен с г. Н. — оном по упомянутым выше важнейшим вопросам, и отличается лишь еще более примитивной точкой зрения.

отрицательно относится к романтизму и выросла в жестокой борьбе со всеми разновидностями мелкобуржуазных учений.

Разбор теории Сисмонди представляет особенный интерес именно потому, что дает возможность разобрать *общие приемы* такого переодевания.

Мы видели, что и романтизм, и новейшая теория *указывают* на одни и те же противоречия современного общественного хозяйства. Этим и пользуются народники, *ссылающиеся* на то, что новейшая теория признает противоречия, проявляющиеся в кризисах, в поисках внешнего рынка, в росте производства при понижении потребления, в таможенном покровительстве, во вредном действии машинной индустрии, и т. д., и т. д. И народники совершенно правы: новейшая теория действительно *признает все эти* противоречия, которые признавал и романтизм. Но спрашивается, поставил ли хоть один народник когда-либо вопрос о том, чем отличается научный анализ этих противоречий, сводящий их к различным интересам, вырастающим на почве данного строя хозяйства, от утилизации этих указаний на противоречия лишь для добрых пожеланий? — Нет, ни у одного народника мы не найдем разбора этого вопроса, характеризующего именно отличие новейшей теории от романтизма. Народники утилизируют свои указания на противоречия точно так же лишь для добрых пожеланий.

Спрашивается далее, поставил ли хоть один народник когда-либо вопрос о том, чем отличается сентиментальная критика капитализма от научной, диалектической его критики? — Ни один не поставил этого вопроса, характеризующего второе важнейшее отличие новейшей теории от романтизма. Ни один не считал нужным ставить критерием своих теорий именно данное развитие общественно-хозяйственных отношений (а в применении этого критерия и состоит основное отличие научной критики).

Спрашивается, наконец, поставил ли хоть один народник когда-либо вопрос о том, чем отличается точка зрения романтизма, идеализирующая мелкое производство и оплакивающая «ломку» его устоев «капитализмом», — от точки зрения новейшей теории, которая считает исходным пунктом своих построений крупное капиталистическое производство посредством машин и объявляет

прогрессивным явлением эту «ломку устоев»? (Мы употребляем это общепринятое народническое выражение, рельефно характеризующее тот процесс преобразования общественных отношений под влиянием крупной машинной индустрии, который *везде*, а не в России только, происходил в поражающей общественную мысль крутой и резкой форме.) — Опять-таки нет. Ни один народник не задавался этим вопросом, ни один не пытался приложить к русской «ломке» тех мерок, которые заставили признать западно-европейскую «ломку» прогрессивной, и все они плачут об устоях и рекомендуют прекратить ломку, уверяя сквозь слезы, что это-то и есть «новейшая теория»...

Сличение их «теории», которую они выставляли новым и самостоятельным решением вопроса о капитализме, на основании последних слов западно-европейской науки и жизни, с теорией Сисмонди показывает наглядно, к какому примитивному периоду развития капитализма и развития общественной мысли относится возникновение такой теории. Но суть дела не в том, что эта теория стара. Мало ли есть очень старых европейских теорий, которые были бы весьма новы для России! Суть дела в том, что *и тогда, когда эта теория появилась, она была теорией мелкобуржуазной и реакционной.*

VI

ВОПРОС О ПОШЛИНАХ НА ХЛЕБ В АНГЛИИ В ОЦЕНКЕ РОМАНТИЗМА И НАУЧНОЙ ТЕОРИИ

Сравнение теории романтизма о главных пунктах современной экономики с новейшей теорией мы дополним сравнением их суждения об одном *практическом* вопросе. Интерес такого сравнения усиливается тем, что этот практический вопрос представляет один из самых крупных, принципиальных вопросов капитализма, с одной стороны; с другой стороны, тем, что по этому вопросу высказались оба наиболее видных представителя этих враждебных теорий.

Мы говорим о *хлебных законах* в Англии и об отмене их⁶⁶. Вопрос этот глубоко интересовал во второй четверти текущего столетия экономистов не только английских, но и континентальных: все понимали, что это вовсе не частный вопрос таможенной политики, а общий вопрос

о свободе торговли, о свободе конкуренции, о «судьбе капитализма». Речь шла именно о том, чтобы увенчать здание капитализма полным проведением свободы конкуренции, о том, чтобы расчистить дорогу для завершения той «ломки», которую начала проделывать в Англии крупная машинная индустрия с конца прошлого века, о том, чтобы устранить препятствия, задерживающие эту «ломку» в *земледелии*. Именно так и взглянули на этот вопрос оба континентальных экономиста, о которых мы собираемся говорить.

Сисмонди вставил во второе издание своих «Nouveaux Principes» особую главу «о законах относительно торговли хлебом» (I. III, ch. X).

Он констатирует прежде всего ягучий характер вопроса: «Половина английского народа требует в настоящее время отмены хлебных законов, требует с глубоким раздражением против тех, кто их поддерживает; а другая половина требует сохранения их, испуская крики негодования против тех, кто хочет их отменить» (I, 251).

Разбирая вопрос, Сисмонди указывает, что интересы английских фермеров требуют пошлины на хлеб для обеспечения им *remunerating price* (выгодной или безубыточной цены). Интересы же мануфактуристов требуют отмены хлебных законов, ибо мануфактуры не могут существовать без внешних рынков, а дальнейшее развитие английского вывоза задерживалось законами, стесняющими ввоз: «Мануфактуристы говорили, что переполнение рынка, которое они встречают на местах сбыта, есть результат тех же хлебных законов, — что богатые люди континента не могут покупать их товаров, так как они не находят сбыта своему хлебу» (I, 254)*.

«Открытие рынков иностранному хлебу разорит, вероятно, английских землевладельцев и уронит до несравненно более низкой цены арендную плату. Это — большое бедствие, без сомнения, но это не было бы несправедливостью»

* Как ни односторонне это объяснение английских фабрикантов, игнорирующих более глубокие причины кризисов и неизбежность их при слабом расширении рынка, но в нем есть несомненно вполне справедливая мысль, что реализация продукта сбытом за границу требует, в общем и целом, соответствующего привоза из-за границы. — Рекомендуем это указание английских фабрикантов и сведению тех экономистов, которые от вопроса о реализации продукта в капиталистическом обществе отделяются глубокомысленным замечанием: «сбудут за границу».

(I, 254). И Сисмонди принимается наивнейшим образом доказывать, что доход землевладельцев должен соответствовать услуге (sic!!*), которую они оказывают «обществу» (капиталистическому?) и т. д. «Фермеры, — продолжает Сисмонди, — вынут свой капитал — отчасти, по крайней мере, — из земледелия».

В этом рассуждении Сисмонди (а он этим рассуждением и удовлетворяется) сказывается основной порок романтизма, не обращающего достаточно внимания на тот процесс экономического развития, который имеет место в действительности. Мы видели, что Сисмонди сам указал на постепенное развитие и рост фермерства в Англии. Но он торопится перейти к осуждению этого процесса вместо того, чтобы изучать его причины. Только этой торопливостью, желанием навязать истории свои невинные пожелания и можно объяснить то обстоятельство, что Сисмонди просматривает общую тенденцию развития капитализма в земледелии и неизбежное *ускорение этого процесса* при отмене хлебных законов, т. е. капиталистический прогресс земледелия вместо упадка, который пророчит Сисмонди.

Но Сисмонди верен себе. Как только он подошел к противоречию этого капиталистического процесса, так немедленно он обращается к наивному «опровержению» его, стремясь во что бы то ни стало доказать ошибочность того пути, которым идет «английское отечество».

«Что будет делать поденщик?.. Работа прекратится, поля превращены будут в пастбища... Что станется с 540 000 семей, которым будет отказано в работе?.. Предположив даже, что они будут годны ко всякой промышленной работе, имеется ли в настоящее время такая индустрия, которая была бы в состоянии принять их?.. Найдется ли такое правительство, которое бы добровольно решилось подвергнуть половину нации, им управляемой, подобному кризису?.. Те, кому принесут, таким образом, в жертву земледельцев, извлекут ли сами какую-либо пользу из этого? Ведь эти земледельцы — самые близкие

* — так!! Ред.

** Сисмонди для «доназательства» негодности капитализма сочиняет сейчас же примерный расчет (которые так любит, напр., наш русский романтик г. В. В.). 600 000 семей, — говорит он, — заняты в земледелии. При замене полей пастбищами «потребуется» не больше одной десятой этого числа... Чем меньше понимания процесса во всей его сложности обнаруживает писатель, тем охотнее прибегает он к детским расчетам «на-глаз».

и самые надежные потребители английских мануфактур. Прекращение их потребления нанесло бы индустрии более губительный удар, чем закрытие одного из самых крупных зарубежных рынков» (255—256). Выступает на сцену пресловутое «сокращение внутреннего рынка». «Сколько потеряют мануфактуры от прекращения потребления всего класса английских земледельцев, который составляет почти половину нации? Сколько потеряют мануфактуры от прекращения потребления богатых людей, землевладельческие доходы которых будут почти уничтожены?» (267). Романтик из кожи лезет, доказывая фабрикантам, что противоречия, свойственные развитию их производства и их богатства, выражают лишь их ошибку, их нерасчетливость. И чтобы «убедить» фабрикантов в «опасности» капитализма, Сисмонди подробно рисует грозящую конкуренцию польского и русского хлеба (р. 257—261). Он пускает в ход всяческие аргументы, хочет повлиять даже на самолюбие англичан. «Что станет с честью Англии, если русский император будет в состоянии, лишь только пожелает получить от нее какую-нибудь уступку, уморить ее с голоду, заперев порты Балтийского моря?» (268). Вспомните, читатель, как Сисмонди доказывал ошибочность «апологии власти денег» тем, что при продажах легко бывают обманы... Сисмонди хочет «опровергнуть» теоретических толмачей фермерства, указывая, что богатые фермеры не могут выдержать конкуренции жалких крестьян (цит. выше), и в конце концов приходит-таки к своему любимому выводу, убежденный, видимо, что он доказал «ошибочность» того пути, которым идет «английское отечество». «Пример Англии показывает нам, что эта практика (развитие денежного хозяйства, которому Сисмонди противопоставляет *l'habitude de se fournir soi-même*, «жизнь трудами рук своих») не лишена опасности» (263). «Самая система хозяйства (именно фермерство) дурна, основывается на опасном базисе, и се-то следует постараться изменить» (266).

Конкретный вопрос, вызванный столкновением определенных интересов в определенной системе хозяйства, потоплен, таким образом, в потоке невинных пожеланий! Но вопрос был поставлен самими заинтересованными сторонами так резко, что ограничиться подобным «решением»

(как ограничивается им романтизм относительно всех других вопросов) было уже совершенно невозможно.

«Что же делать, однако? — спрашивает в отчаянии Сисмонди, — открыть ли порты Англии или запретить их? осудить ли на голод и смертность мануфактурных или сельских рабочих Англии? Поистине, вопрос ужасный; положение, в котором находится английское министерство, — одно из самых щекотливых, в котором только могли оказаться государственные люди» (260). И Сисмонди паки и паки возвращается к «общему выводу» об «опасности» системы фермерства, об «опасности подчинять все земледелие системе спекуляции». Но «каким образом можно в Англии принять такие меры — серьезные, но в то же время постепенные, которые бы подняли значение (*remottraient en honneur*) мелких ферм, когда половина нации, занятая в мануфактурах, страдает от голода, а требуемые ею меры угрожают голодом другой половине нации, занятой в земледелии, — я не знаю. Я считаю необходимым подвергнуть законы о торговле хлебом значительным изменениям; но я советую тем, кто требует полной отмены их, тщательно исследовать следующие вопросы» (267), — следуют старые жалобы и опасения насчет упадка земледелия, сокращения внутреннего рынка и т. п.

Таким образом, при первом же столкновении с действительностью, романтизм потерпел полное фиаско. Он принужден был сам себе выдать *testimonium paupertatis** и самолично расписаться в его получении. Вспомните, как легко и просто «разрешал» романтизм все вопросы в «теории»! Протекционизм — неразумен, капитализм — гибельное заблуждение, путь Англии — ошибочен и опасен, производство должно идти в ногу с потреблением, промышленность и торговля — в ногу с земледелием, машины выгодны лишь тогда, когда ведут к повышению платы или сокращению рабочего дня, средства производства не следует отделять от производителей, обмен не должен опережать производство, не должен вести к спекуляции и т. д., и т. д. Каждое противоречие романтизм заткнул соответствующей сентиментальной фразой, на каждый вопрос ответил соответствующим невинным

* — свидетельство о бедности. Ред.

пожеланием и наклеивание этих ярлычков на все факты текущей жизни называл «решением» вопросов. Неудивительно, что эти решения были так умирительно просты и легки: они игнорировали лишь одно маленькое обстоятельство — те реальные интересы, в конфликте которых и состояло противоречие. И когда развитие этого противоречия поставило романтика лицом к лицу перед одним из таких особенно сильных конфликтов, каковым была борьба партий в Англии, предшествовавшая отмене хлебных законов, — наш романтик совсем потерялся. Он прекрасно чувствовал себя в тумане мечтаний и добрых пожеланий, он так мастерски сочинял сентенции, подходящие к «обществу» вообще (но не подходящие ни к какому исторически определенному строю общества), — а когда попал из своего мира фантазий в водоворот действительной жизни и борьбы интересов, — у него не оказалось в руках даже критерия для разрешения конкретных вопросов. Привычка к отвлеченным построениям и абстрактным решениям свела вопрос к голой формуле: какое население следует разорить, земледельческое или мануфактурное? — И романтик не мог, конечно, не заключить, что никакого не следует разорять, что нужно «свернуть с пути»... но реальные противоречия обступили его уже так плотно, что не пускают его подняться опять в туман добрых пожеланий, и романтик вынужден *дать ответ*. Сисмонди дал даже целых два ответа: первый — «я не знаю»; второй — «с одной стороны, нельзя не сойтись, с другой стороны, надо признаться».

9-го января 1848 года в Брюсселе Карл Маркс говорил в публичном собрании «речь о свободе торговли»*. В противоположность романтизму, заявлявшему, что «политическая экономия не наука расчета, а наука морали», он поставил исходным пунктом своего изложения именно простой трезвый *подсчет интересов*. Вместо того, чтобы взглянуть на вопрос о хлебных законах как на вопрос «системы», избираемой нацией, или как на вопрос законодательства (так смотрел Сисмонди), оратор начал с того, что представил этот вопрос столкновением интересов

* «Discours sur le libre échange» («Речь о свободе торговли»⁶⁷. Ред.). Мы пользуемся немецким переводом: «Rede über die Frage des Freihandels».

фабрикантов и землевладельцев, и показал, каким образом английские фабриканты пытались выставить вопрос общенародным делом, пытались уверить рабочих в том, что они действуют в интересах народного блага. В противоположность романтику, излагавшему вопрос в форме соображений, которые должен иметь в виду законодатель при осуществлении реформы, — оратор свел вопрос к столкновению реальных интересов различных классов английского общества. Он показал необходимость удешевления сырых материалов для фабрикантов, как основание всего вопроса. Он охарактеризовал недоверчивое отношение английских рабочих, видевших «в людях, полных самоотвержения, в каком-нибудь Боуринге (Bowring), Брайте (Bright) и их сотоварищах — своих величайших врагов».

«Фабриканты строят с большими издержками дворцы, в которых Anti-Corn-Law-League (лига против хлебных законов)⁶⁸ устраивает в некотором роде свою резиденцию, они рассылают во все пункты Англии целую армию апостолов для проповеди религии свободной торговли. Они печатают в тысячах экземпляров брошюры и раздают их даром, чтобы просветить работника насчет его собственных интересов. Они тратят громадные суммы, чтобы привлечь на свою сторону прессу. Чтобы руководить фритредерским движением, они организуют величественный административный аппарат и на публичных митингах развертывают все дары своего красноречия. На одном из таких митингов один рабочий воскликнул: «Если бы землевладельцы продавали наши кости, то вы, фабриканты, первые купили бы их, чтобы отправить на паровую мельницу и сделать из них муку!» Английские рабочие прекрасно поняли значение борьбы между землевладельцами и фабрикантами. Они прекрасно знают, что цену хлеба хотят понизить для того, чтобы понизить заработную плату, и что прибыль на капитал поднимется на столько же, на сколько упадет рента».

Таким образом, уже самая постановка вопроса дается совсем иначе, чем у Сисмонди. Задачей ставится, во-1-х, объяснить отношение к вопросу различных классов английского общества с точки зрения их интересов; во-2-х, осветить значение реформы в общей эволюции английского общественного хозяйства.

По этому последнему пункту взгляды оратора сходятся с взглядами Сисмонди в том отношении, что он точно так же видит тут не частный, а *общий вопрос* о развитии капитализма вообще, о «свободной торговле», как системе. «Отмена хлебных законов в Англии была величайшим триумфом, которого добилась свободная торговля в XIX веке»⁶⁹. «С отменой хлебных законов свободная конкуренция, современный строй общественного хозяйства доводится до своего крайнего развития»*. Данный вопрос представляется, следовательно, для этих авторов вопросом о том, *следует ли желать дальнейшего развития капитализма* или же задержки его, поисков «иных путей» и т. п. И мы знаем, что утвердительный ответ их на этот вопрос был именно решением общего принципиального вопроса о «судьбах капитализма», а не частного вопроса о хлебных законах в Англии, ибо установленная здесь точка зрения применялась и гораздо позже по отношению к другим государствам. Авторы держались таких воззрений в 1840-х годах и относительно Германии, и относительно Америки**, объявляя прогрессивность свободной конкуренции для этой страны; по отношению к Германии еще в 60-х годах один из них писал, что она страдает не только от капитализма, но и от недостаточного развития капитализма.

Возвратимся к излагаемой речи. Мы указали на принципиально иную точку зрения оратора, сведшего вопрос к интересам различных классов английского общества. Такое же глубокое различие видим мы и в постановке им чисто теоретического вопроса о значении отмены хлебных законов в общественном хозяйстве. Для него это не абстрактный вопрос о том, какой *системе* должна

* «Die Lage der arbeitenden Klasse in England» (1845)⁷⁰. Это сочинение писано с совершенно такой же точки зрения до отмены хлебных законов (1846), тогда как излагаемая в тексте речь относится к периоду после их отмены. Но различие во времени не имеет для нас значения: достаточно сравнить вышеприведенные рассуждения Сисмонди, относящиеся к 1827-му году, с этой речью 1848 года, чтобы видеть полное тождество *элементов вопроса* у обоих авторов. Самая идея сравнить Сисмонди с позднейшим немецким экономистом заимствована нами из «Handwörterbuch der Staatswissenschaften», B. V, Art. «Sismond!» von Lippert, Seite 679. Параллель оказалась представляющей такой животрепещущий интерес, что изложение г. Липперта сразу потеряло всю свою деревянность... то-бишь «объективность» и стало интересным, живым и даже страстным.

** Ср. в «Neue Zeit» («Новое Время»⁷¹. *Ред.*) открытые недавно статьи Маркса в «Westphälisches Dampfboot» («Вестфальский Пароход»⁷². *Ред.*)

следовать Англия, какой путь ей избрать (как ставит вопрос Сисмонди, забывая о том, что у Англии есть прошлое и настоящее, которые уже определяют этот путь). Нет, он ставит вопрос сразу на почву *данного общественно-хозяйственного строя*; он спрашивает себя, каков *должен быть следующий шаг* в развитии этого строя после отмены хлебных законов.

Трудность этого вопроса состояла в определении того, как повлияет отмена хлебных законов на *земледелие*, — ибо относительно промышленности влияние это было для всех ясно.

Чтобы доказать пользу такой отмены и для земледелия, Anti-Corn-Law-League назначила премии за три лучших сочинения о благотворном влиянии уничтожения хлебных законов на английское земледелие. Оратор излагает вкратце взгляды всех трех лауреатов, Гопа (Hore), Морза (Morse) и Грега (Greg), и сразу выделяет последнего, сочинение которого наиболее научно, наиболее строго проводит принципы, установленные классической политической экономией.

Грег, сам крупный фабрикант, писавший преимущественно для крупных фермеров, доказывает, что отмена хлебных законов вытолкнет из земледелия мелких фермеров, которые обратятся к индустрии, но послужит к выгоде крупных фермеров, которые получают возможность снимать землю на более долгие сроки, вкладывать в землю больше капитала, употреблять больше машин, обходясь меньшим количеством труда, который должен подешеветь с удешевлением хлеба. Землевладельцам же придется довольствоваться более низкой рентой, вследствие изъятия из обработки земель худшего качества, неспособных выдержать конкуренции дешевого привозного хлеба.

Оратор оказался вполне прав, признав наиболее научными это предсказание и открытую защиту капитализма в земледелии. История оправдала предсказание. «Отмена хлебных законов дала английскому земледелию громадный толчок... Абсолютное уменьшение сельского рабочего населения шло рука об руку с расширением обработанной площади, с интенсификацией культуры, с неслыханным накоплением капитала, вкладываемого в землю и посвящаемого ее обработке, с увеличением земельного

продукта, не имеющим параллели в истории английской агрономии, с увеличением ренты землевладельцев, с ростом богатства капиталистических арендаторов... Основным условием новых методов была большая затрата капитала на акр земли, а, следовательно, ускоренная концентрация ферм»*.

Но оратор не ограничился, разумеется, этим признанием наибольшей правильности рассуждений Грега. Это рассуждение было в устах Грега доводом фритредера, толкующего об английском земледелии вообще, стремящегося доказать общую выгоду для нации от отмены хлебных законов. После изложенного нами выше ясно, что не таков был взгляд оратора.

Он разъяснил, что понижение цены хлеба, столь прославляемое фритредерами, означает неминуемое сокращение заработной платы, удешевление товара «труд» (точнее: рабочей силы); что удешевление хлеба никогда не в состоянии будет уравновесить для рабочего это понижение платы, во-первых, потому, что при понижении цены хлеба работнику труднее будет сделать сбережение на употреблении хлеба, с целью доставить себе возможность купить другие предметы; во-вторых, потому, что прогресс индустрии удешевляет предметы потребления, заменяя пиво водкой, хлеб — картофелем, шерсть и лен — хлопчатой бумагой, понижая всем этим уровень потребностей и жизни работника.

Таким образом, мы видим, что оратор устанавливает элементы вопроса, *повидимому*, так же, как и Сисмонди: он *тоже* признает неизбежным последствием свободной

* Писано в 1867 г.⁷³ — Что касается до увеличения ренты, то для объяснения этого явления надо принять во внимание закон, установленный новейшим анализом дифференциальной ренты, именно, что *повышение ренты возможно наряду с понижением цены хлеба*. «Когда английские хлебные пошлины были отменены в 1846 г., то английские фабриканты думали, что они превратили этим землевладельческую аристократию в пауперов. Вместо этого, она стала еще богаче, чем была когда-либо прежде. Как это случилось? Очень просто. Во-первых, от фермеров стали требовать по контранту, чтобы они вылаживали по 12 фунтов стерлингов вместо 8 ф. стерл. на акр в год, а во-2-х, землевладельцы, имея очень много представителей в нижней палате, добились себе крупной государственной субсидии для дренирования своих земель и для других прочих улучшений. Так нан полного вытеснения даже самой худшей земли нигде не было, а случилось — самое большое — лишь употребление ее для других целей, да и то в большинстве случаев только временное, — то ренты поднялись пропорционально увеличенным вложениям капитала в землю, и землевладельческая аристократия оказалась еще в лучших условиях, чем прежде» («Das Kapital», III, 2, 259) («Капитал», т. III, ч. 2, стр. 259.⁷⁴ *Ред.*)

торговли разорение мелких фермеров, нищету рабочих в промышленности и в земледелии. Наши народники, отличающиеся также неподражаемым искусством «цитировать», вот тут-то и останавливают обыкновенно свои «выписки», заявляя с полным удовлетворением, что они вполне «согласны». Но такие приемы показывают лишь, что они не понимают, во-первых, громадных различий в постановке вопроса, на которые мы указали выше; что они просматривают, во-вторых, то обстоятельство, что коренное отличие новой теории от романтизма *тут только и начинается*: романтик поворачивает от конкретных вопросов действительного развития к мечтаниям, реалист же берет установленные факты за критерий для определенного решения конкретного вопроса.

Указав на предстоящее улучшение положения рабочих, оратор продолжал:

«Экономисты возражают нам на это:

Ну, хорошо, мы согласны, что конкуренция между работниками, которая, наверное, не уменьшится при господстве свободной торговли, очень скоро приведет заработную плату в соответствие с более низкой ценой товаров. Но, с другой стороны, понижение цены товаров поведет к большему потреблению; большее потребление потребует усиленного производства, которое повлечет за собою усиление спроса на рабочую силу; результатом этого усиления спроса на рабочую силу будет повышение заработных плат.

Вся эта аргументация сводится к следующему: *свободная торговля увеличивает производительные силы*. Если промышленность возрастает, если богатство, производительные силы, одним словом, производительный капитал повышает спрос на труд, то цена труда, а, след., и заработная плата повышаются. *Возрастание капитала является обстоятельством, наиболее благоприятным для рабочего*. С этим необходимо согласиться*. Если капитал останется неподвижным, то промышленность не останется неподвижной, а станет падать, и работник в этом случае окажется первой жертвой ее падения. Работник погибнет раньше капиталиста. Ну, а в том случае, когда капитал возрастает, то-есть, как уже сказано, в *лучшем* для

* Курсив наш.

работника случае, какова будет его судьба? Он точно так же погибнет...» И оратор подробно объяснил, пользуясь данными английских экономистов, как концентрация капитала усиливает разделение труда, удешевляющее рабочую силу, благодаря замене искусного труда простым, как машины вытесняют рабочих, как крупный капитал разоряет мелких промышленников и мелких рантье и ведет к усилению кризисов, увеличивающих еще более число безработных. Вывод из его анализа был тот, что свобода торговли означает не что иное, как свободу развития капитала.

Итак, оратор сумел найти критерий для разрешения вопроса, приводящего на первый взгляд к той же безвыходной дилемме, перед которой остановился Сисмонди: и свободная торговля, и задержка ее одинаково ведут к разорению рабочих. *Критерий этот — развитие производительных сил.* Постановка вопроса на историческую почву сразу проявила себя: вместо сравнения капитализма с каким-то абстрактным обществом, каковым оно должно быть (т. е. в сущности с утопией), автор сравнил его с *предшествовавшими стадиями общественного хозяйства*, сравнил разные стадии капитализма в их последовательной смене и *констатировал факт развития производительных сил общества, благодаря развитию капитализма.* Отнесшись к аргументации фритредеров с научной критикой, он сумел избежать обычной ошибки романтиков, которые, отрицая за ней всякое значение, «выплескивают из ванны вместе с водой и ребенка», сумел выделить ее здоровое зерно, т. е. не подлежащий сомнению факт гигантского технического прогресса. Наши народники с свойственным им остроумием заключили бы, конечно, что этот автор, становящийся так открыто *на сторону крупного капитала против мелкого производителя*, — «заполюет власти денег», тем более, что он говорил перед лицом континентальной Европы, что он распространял выводы из английской жизни и на свою родину, в которой крупная машинная индустрия делала в то время свои первые, еще робкие шаги. А между тем именно на этом примере (как и на массе подобных примеров из западно-европейской истории) они могли бы изучить то явление, которого они никак не могут (может быть, не хотят?) понять, именно, что признание прогрессивности крупного капитала против

мелкого производства очень и очень далеко еще от «апологии».

Достаточно вспомнить вышеизложенную главу из Сисмонди и данную речь, чтобы убедиться в превосходстве последней и в теоретическом отношении, и в отношении враждебности к какой бы то ни было «апологии». Оратор охарактеризовал противоречия, сопровождающие развитие крупного капитала, гораздо точнее, полнее, прямее, откровеннее, чем это делали когда-либо романтики. Но он нигде не опустился ни до одной сентиментальной фразы, оплакивающей это развитие. Он нигде не проронил ни словечка о какой бы то ни было возможности «свернуть с пути». Он понимал, что подобной фразой люди прикрывают лишь то обстоятельство, что они сами «сворачивают» в сторону от вопроса, который ставит перед ними жизнь, т. е. данная экономическая действительность, данное экономическое развитие, данные, вырастающие на его почве, интересы.

Вышеуказанный, вполне научный, критерий дал ему возможность разрешить этот вопрос, оставаясь последовательным реалистом.

«Не думайте, однако, господа, — говорил оратор, — что, критикуя свободную торговлю, мы намерены защищать покровительственную систему». И оратор указал на одинаковое основание свободной торговли и протекционизма в современном строе общественного хозяйства, указал вкратце на тот процесс «ломки» старой хозяйственной жизни и старых полупатриархальных отношений в западно-европейских государствах, который совершал капитализм в Англии и на континенте, указал на тот общественный факт, что, при известных условиях, свободная торговля *ускоряет* эту «ломку»*. «И вот, господа, — заключил оратор, — только в этом смысле и подаю я свой голос за свободу торговли»⁷⁶.

* На это прогрессивное значение отмены хлебных законов указывал ясно и автор «Die Lage» еще до этой отмены (I. с., p. 179)⁷⁶, подчеркивая особенно влияние ее на самосознание производителей.

НОВЫЙ ФАБРИЧНЫЙ ЗАКОН ⁷⁷

*Написано в ссылке летом 1897 г.
Приложение написано осенью 1897 г.*

*Напечатано отдельной брошюрой
в Женеве, 1899 г.*

Печатается по изданию 1899 г.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

НОВЫЙ
Фабричный Законъ

ИЗДАНИЕ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛЪДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ.

ЖЕНЕВА
Типография „Союза Русскихъ Социалъдемократовъ“
1899

Обложка брошюры В. И. Ленина
«Новый фабричный законъ». — 1899 г.

I

ЧЕМ ВЫЗВАНО ИЗДАНИЕ
НОВОГО ФАБРИЧНОГО ЗАКОНА?

Второго июня 1897 года издан новый фабричный закон о сокращении рабочего дня на фабриках и заводах и об установлении праздничного отдыха. Петербургские рабочие давно уже ждали этого закона, который правительство обещало еще в 1896 году, напуганное массовой стачкой рабочих весной 1896 г. Вслед за этой массовой стачкой рабочих на бумагопрядильных и бумаготкацких фабриках последовали другие стачки, и везде рабочие требовали сокращения рабочего дня. Правительство отвечало на стачки дикими преследованиями, хватало и высылало без суда массы рабочих; правительство пыталось с перепугу повлиять на рабочих глупенькими фразами о христианской любви фабрикантов к рабочим (циркуляр министра Витте фабр. инспекторам, изданный в 1895/96 г.). Но на эти фразы рабочие отвечали только смехом, и никакие преследования не могли остановить движения, охватившего десятки и сотни тысяч рабочих. Правительство поняло тогда, что необходимо уступить и исполнить хоть часть требований рабочих. Кроме зверской травли стачечников и лживо-ханжеских фраз, петербургские рабочие получили в ответ обещание правительства издать закон о сокращении рабочего дня. Это обещание было заявлено рабочим с небывалой торжественностью в особых объявлениях, расклеенных на фабриках от министра финансов. Рабочие с нетерпением ждали исполнения обещания, ждали закона к 19 апреля 1897 г., готовы были уже думать, что и это правительственное обещание, подобно массе правительственных заявлений, было грубой ложью. Но на этот раз правительство сдержало

обещание: закон издан; но *каков* этот закон, — мы увидим ниже. Теперь же нам надо рассмотреть те обстоятельства, которые заставили правительство исполнить обещание.

Вопросом о сокращении рабочего дня наше правительство занялось не с 1896 г., а гораздо раньше. Вопрос возбужден был 15 лет тому назад: еще в 1883 г. петербургские фабриканты ходатайствовали об издании подобного закона. Такие же ходатайства повторялись несколько раз и другими фабрикантами (именно польскими), но все эти ходатайства клались под сукно, подобно массе других проектов об улучшении положения рабочих. С такими проектами русское правительство не торопится; они лежат под сукном десятки лет. Вот, когда дело идет о том, чтобы сделать подачку в несколько миллионов рублей гг. русским благонамеренным землевладельцам, «ходатайствовавшим» о милостыньке из народных денег, или о том, чтобы назначить субсидию или премию «угнетенным» гг. фабрикантам, — вот тогда русское правительство торопится, и колеса чиновнических и министерских канцелярий вертятся очень быстро, как бы «подмазанные» каким-то особым «маслом». Относительно же рабочих не только проекты законов лежат под сукном годы и десятилетия (напр., проект об ответственности предпринимателей вот уже, кажется, второе десятилетие все еще «изготавливается»), но даже изданные уже законы не применяются, ибо чиновники императорского правительства совестятся беспокоить гг. фабрикантов (напр., закон 1886 г. об устройстве больниц фабрикантами до сих пор в громадном большинстве случаев не применяется). Отчего же, спрашивается, на этот раз давно поднятый вопрос сразу получил движение? сразу был разрешен и проведен не в очередь чрез министерство и Государственный совет? сразу получил вид законопроекта и сделался законом? Очевидно, была какая-то сила, которая толкала чиновников, которая встряхнула их, поборола их упорное нежелание «привязываться» с новыми требованиями к отечественным фабрикантам. Этой силой были петербургские рабочие и те громадные стачки, которые устроены были ими в 1895—1896 гг. и которые сопровождались, благодаря помощи рабочим со стороны социал-демократов (в виде «Союза борьбы»), предъявлением определенных требований к правительству и распростра-

нением среди рабочих социалистических прокламаций и листов. Правительство поняло, что никакая полицейская травля не сломит рабочих масс, сознавших свои интересы, объединившихся для борьбы и руководимых партией социал-демократов, защищающих рабочее дело. Правительство вынуждено было пойти на уступки. Новый фабричный закон точно так же *вынужден* рабочими у правительства, точно так же *отвоёван* рабочими у их злейшего врага, как и изданный 11 лет тому назад закон 3 июня 1886 г. о правилах внутреннего распорядка, о штрафах, о расценке и т. д. Тогда борьба рабочих проявилась всего сильнее в Московской и Владимирской губерниях. Проявилась она тоже массой стачек, рабочие тоже предъявляли тогда прямые и точные требования к правительству, и во время знаменитой Морозовской стачки из толпы рабочих были переданы инспектору условия, составленные самими рабочими. В этих условиях говорится, напр., о том, что рабочие требуют сокращения штрафов. Изданный вскоре после этого закон 3 июня 1886 г. прямо *отвечал* на эти требования рабочих и содержал в себе правила о штрафах*.

Так и теперь. Рабочие требовали в 1896 году сокращения рабочего дня, поддерживали свое требование громадными стачками. Правительство *отвечает* теперь на требование изданием закона о сокращении рабочего дня. Тогда, в 1886 году, правительство уступило рабочим под давлением рабочих восстаний и старалось свести уступки к наименьшим размерам, старалось оставить лазейки фабрикантам, задержать введение новых правил, отжилить у рабочих, что только можно из их требований. Теперь, в 1897 году, правительство уступает точно так же только давлению рабочих восстаний и точно так же стремится всеми силами уменьшить уступки рабочим, стремится *выторговать*, отжилить часик-другой, увеличивая даже тот рабочий день, который предложен фабрикантами, стремится оттягать в пользу фабрикантов несколько больше праздников, не вводя их в число дней обязательного отдыха, стремится затянуть введение новых порядков, откладывая главные правила до будущих распоряжений министров. Законы 3 июня 1886 г. и 2 июня 1897 года, эти главные фабричные законы в России, оба

* См. об этом брошюру «О штрафах» (настоящий том, стр. 15. Ред.).

являются таким образом вынужденной уступкой, отвоеванной русскими рабочими у полицейского правительства. Оба они показывают, как относится русское правительство к самым законным требованиям рабочих.

II

ЧТО СЛЕДУЕТ СЧИТАТЬ РАБОЧИМ ВРЕМЕНЕМ?

Рассмотрим подробно закон 2 июня 1897 г.*. Как мы уже сказали, новый закон, во-1-х, ограничивает рабочий день для всех рабочих; во-2-х, устанавливает обязательный воскресный и праздничный отдых. Прежде чем постановлять правила о количестве рабочего времени, закон должен определить, что собственно следует понимать под рабочим временем. Новый закон постановляет после этого такое правило: «Рабочим временем или числом рабочих часов в сутки для каждого рабочего считается то время, в течение которого, согласно договору найма, рабочий обязан находиться в помещении заведения и в распоряжении заведывающего оным для исполнения работы». Итак, все то время, когда рабочий по расписанию или по требованию управляющего находится в фабрике, должно считаться рабочим временем.

Занят ли рабочий в это время своей настоящей или обыкновенной работой, или управляющий заставляет его работать что-либо другое, или даже заставляет его просто *ждать*, — это безразлично: все время, проведенное рабочим на фабрике, должно считаться рабочим временем. Например, на некоторых фабриках после звонка в субботу рабочие чистят машины; по закону, чистка машин должна тоже считаться *частью рабочего времени*. Следовательно, если фабрикант ничего не платит рабочему за чистку машин, то это значит, что фабрикант *даром пользуется рабочим временем нанятого рабочего*. Если фабрикант, нанявши рабочего по сдельной плате, заставляет его ждать или отвлекает его от работы каким-нибудь сторонним делом без особой платы за это дело (всякий рабочий знает, что это случается нередко), то это значит, что фабрикант *даром пользуется рабочим временем нанятого работника*. Рабочим следует запомнить это определение рабочего времени в новом законе и, опираясь

* Вводится он в действие с ноября 1898 г.

на него, давать отпор всякой попытке дарового употребления хозяином рабочей силы. Понятно, что такое определение рабочего времени должно вытекать само собой из договора найма: иному рабочему покажется, что это так ясно, что тут и говорить не о чем. Но правительство, прислуживаясь к капиталистам, нарочно затемняет многое такое, что для каждого рабочего само собой ясно. Так и тут правительство постаралось дать маленькую лазейку господам фабрикантам. В законе сказано, что рабочим временем считается то время, в течение которого рабочий *по договору найма обязан* находиться на фабрике. А как быть в таком случае, когда в договоре найма ничего не сказано об обязанностях рабочего находиться столько-то часов в день на фабрике? Бывает ведь нередко, напр., на механических заводах, что договор рабочих с хозяином состоит только в том, что рабочие берутся за такую-то плату производить такую-то вещь (какую-нибудь принадлежность машины, известное число винтов или гаек и т. п.), а о времени, которое рабочий должен употребить на работу, *не говорится ничего*. Применим ли в таком случае новый закон о числе рабочих часов в сутки? По здравому смыслу, конечно, применим, ведь рабочий работает на фабрике, — как же не считать это рабочим временем. Но «здравый смысл» у гг. капиталистов и поддерживающего их правительства совсем особый. По букве выписанной нами статьи, к таким случаям легко могут не применить закон о сокращении рабочего времени. Сошлется фабрикант на то, что в договоре он не *обязывал* рабочего находиться на фабрике — и баста. А так как не всякий фабрикант такой искусный кляузник, чтобы заметить эту уловку, то чиновники министерства финансов поспешили заранее указать всероссийскому купечеству на эту полезную для них дырочку в новом законе. Министерство финансов давно уже издает особую газетку: «Вестник Финансов, Промышленности и Торговли», — одну из тех официальных газет, которые, сверх объявления распоряжений правительства, стараются восхвалять успехи русских капиталистов и превозносить заботы правительства о кошельке банкиров, фабрикантов, купцов и землевладельцев под флагом забот о народе. Вскоре после выхода нового закона эта газетка поместила статью о новом законе (№ 26 «Вестника Финансов» за 1897 г.),

подробно разъясняющую его значение и доказывающую, что роль именно правительства заботиться о здоровье рабочих. Вот в этой-то статье чиновники и постарались указать фабрикантам на возможность лазейки в обход нового закона. В этой статье прямо разъясняется, что новый закон нельзя будет применить к тем случаям, когда в договоре не сказано ничего о рабочем времени, ибо при подряде рабочего на определенную работу *«он является уже не нанимаемым рабочим, а лицом, принимающим заказ»*. Фабриканту, значит, не очень трудно избавиться от неприятного закона: стоит только назвать рабочего не рабочим, а «лицом, принимающим заказ»! Вместо того, чтобы сказать, что рабочим временем считается время, в течение которого *рабочий находится на фабрике* в распоряжении хозяина, закон, следовательно, *намеренно* выразился менее точно, сказав о том времени, в течение которого *рабочий по договору обязан* находиться на фабрике. Казалось бы, что это все равно, но на самом деле и тут не побрезговали пустить в ход умышленную неясность в ущерб рабочим!

III

НА СКОЛЬКО СОКРАЩАЕТ РАБОЧЕЕ ВРЕМЯ НОВЫЙ ЗАКОН?

Рабочее время, при дневной работе, ограничено законом 2-го июня 1897 г. $11\frac{1}{2}$ ч. в сутки. По субботам же и в кануны праздников — 10-ю часами в сутки. Сокращение рабочего дня, по новому закону, следовательно, самое ничтожное. Есть не мало рабочих, и в Петербурге их, вероятно, даже большинство — для которых такой закон не приносит *никакого сокращения* рабочего времени и скорее даже грозит удлинением его. На С.-Петербургских заводах обычное рабочее время 10— $10\frac{1}{2}$ часов. Установление законом такого непомерно длинного рабочего дня ясно показывает, что этот закон был ответом на требования петербургских рабочих на бумагопрядильных и бумаготкацких фабриках. *Для этих* рабочих новый закон, может быть, дает сокращение рабочего дня, ибо они работали большей частью 12—14 часов в день. (Мы ниже объясним, почему мы говорим «может быть».) 10-тичасовой рабочий день назначен по закону для ремесленников и установлен для заводов, находящихся

в ведении военного министерства. Правительство решило, однако, что фабричных рабочих можно еще заставить работать больше! Даже петербургские фабриканты ходатайствовали перед правительством о сокращении рабочего дня до 11 часов! Правительство решило накинуть еще полчаса в угоду московским фабрикантам, которые заставляют рабочих работать в две смены круглые сутки и которых рабочие еще недостаточно проучили, как видно. Русское правительство, хвастливо заявляющее о своей заботливости к рабочим, оказалось на деле прижимистым, как мелкий торгаш. Оно оказалось более прижимистым, чем сами фабриканты, выбивающие с рабочих лишние тысячи из каждого лишнего получасика работы. На этом примере рабочие ясно могут видеть, как правительство не только защищает интересы фабрикантов, но притом интересы худших фабрикантов; как правительство является гораздо более злым врагом рабочих, чем класс капиталистов. Петербургские рабочие добились бы *более короткого рабочего дня* и для себя и для всех русских рабочих, если бы не помешало правительство. Объединенные рабочие принудили фабрикантов к уступкам; петербургские фабриканты готовы были удовлетворить рабочие требования; правительство запрещает фабрикантам уступать, чтобы не подать примера рабочим. Затем большинство фабрикантов в Петербурге убеждается в необходимости уступить рабочим и обращается к правительству с ходатайством о сокращении рабочего дня до 11 часов. Правительство защищает, однако, интересы не одних петербургских, но всероссийских фабрикантов, и так как на святой Руси есть фабриканты гораздо более прижимистые, чем петербургские, то поэтому правительство, желая быть «справедливым», не может позволить, чтобы петербургские фабриканты *слишком мало* грабили своих рабочих: петербургские фабриканты не должны очень забегать вперед перед остальными русскими фабрикантами; и правительство накидывает полчаса к тому рабочему дню, за который ходатайствовали капиталисты. Очевидно, что из такого поведения правительства для рабочих вытекает три урока:

Первый урок: передовые русские рабочие должны изо всех сил стараться втянуть в движение более отсталых работников. Не втягивая в борьбу за рабочее дело всей массы русских рабочих, передовые, столичные рабочие

немногого добьются, даже если принудят к уступкам *своих* фабрикантов, ибо правительство отличается такой высокой степенью «справедливости», что не позволяет лучшим фабрикантам делать существенные уступки рабочим. Второй урок: русское правительство гораздо более злой враг русских рабочих, чем русские фабриканты, ибо правительство не только защищает интересы фабрикантов, не только прибегает для этой защиты к зверской травле рабочих, к арестам, высылкам, к нападениям с войском на безоружных рабочих, но, сверх того, оно защищает интересы *самых приближенных* фабрикантов, восставая против стремления лучших фабрикантов уступить рабочим. Третий урок: для того, чтобы завоевать себе *человеческие* условия работы и добиться 8-мичасового рабочего дня, к которому стремятся теперь рабочие всего мира, русские рабочие должны полагаться только на силу своего объединения и неуклонно отвоевывать у правительства уступку за уступкой. Правительство словно торгуется с рабочими, пробуя, нельзя ли набавить еще полчаса — рабочие покажут ему, что они умеют стоять на своих требованиях. Правительство точно испытывает терпение рабочих: нельзя ли, дескать, отделаться уступочкой подешевле — рабочие покажут ему, что у них хватит терпения на самую упорную борьбу, ибо это для них — борьба за свою жизнь, борьба против полного принижения и угнетения рабочего народа.

IV

ЧТО СЧИТАЕТ ЗАКОН «НОЧНЫМ ВРЕМЕНЕМ» ДЛЯ РАБОЧИХ?

«Ночным временем считается: при работе одной сменной — время между 9 час. вечера и 5 час. утра, а при работе двумя и более сменами — время между 10 часами вечера и 4 часами утра». Так гласит новый закон. «Ночь» для черного народа, который должен всю жизнь работать для других, и «ночь» для чистых господ, которые могут жить чужим трудом — это по «закону» совсем различные вещи. И в С.-Петербурге, и в Москве в 4 час. утра большую часть года еще совсем темно, совсем ночь. Но русский закон постановляет, что рабочий должен сообразоваться всю жизнь с интересами капитала, рабочий

должен верить, что в пятом часу *обязательно* начинается день, хотя бы до восхода солнца оставалось еще несколько часов. А ведь если рабочий живет не на фабрике, то ему придется вставать в *три* часа, а, может быть, и раньше, чтобы поспеть к четырем на фабрику! Для петербургских чиновников «день» начинается с 12 часов дня, даже с 1 часу, но ведь чиновники — это совсем особые люди... Кончается «день» для рабочих только в 10 часов вечера и, выходя с фабрики на совершенно темную улицу, рабочий не должен смущаться этой темнотой: он должен помнить и верить, что только-только кончился «день», ибо так постановляет закон. Почему бы уж не постановить в законе, что «день» для рабочего начинается тогда, когда фабричный свисток зовет его на фабрику, и кончается тогда, когда тот же свисток зовет другую смену — ведь это было бы откровеннее и справедливее! В Швейцарии уже есть закон о том, что следует считать ночным временем для рабочего, но где же швейцарцам додуматься до всех хитростей русских полицейских чиновников: у этих страшных швейцарцев для рабочего человека «ночь» оказывается такая же, как и для остальных людей, именно с 8 часов вечера до 5 (или до 6) час. утра. Единственное ограничение «ночной работы» в новом законе состоит в том, что рабочие, занятые хотя бы отчасти ночью, не должны работать более 10 часов в сутки. И только. Запрещения ночных работ в законе нет. Закон и в этом отношении остался позади *ходатайств* петербургских фабрикантов, которые 14 лет тому назад (1883 г.) ходатайствовали о запрещении ночной работы взрослым рабочим. Петербургские рабочие и в этом отношении добились бы, следовательно, большего от фабрикантов, *если бы не помешало правительство*, которое вступилось за интересы наиболее отсталых русских фабрикантов. Правительство не послушалось петербургских фабрикантов, ибо не желало обидеть московских фабрикантов, которые большею частью заставляют рабочих работать по ночам. Свое прислужничанье интересам *худших* фабрикантов правительство постаралось, как водится, прикрыть лживыми фразами и уверениями. «Вестник Финансов», издаваемый министерством финансов, в объяснительной статье по поводу нового закона, указал, что в других государствах (напр., Франции) ночная работа воспрещена. Но в нашем законе нельзя было, по его

словам, этого сделать. «Ограничение суточной работы заведения не всегда возможно: есть целый ряд производств, требующих, по своим свойствам, непрерывности».

Очевидно, что это совсем пустая отговорка. Ведь речь идет не о тех особых производствах, которые требуют непрерывности, а о всех производствах вообще. Непрерывность и по теперешнему закону невозможна при 2-х сменах, без сверхурочной работы, так как дневная работа определена в $11\frac{1}{2}$ часов, а ночная в 10 часов, вместе $21\frac{1}{2}$ ч. Поэтому насчет производств, требующих непрерывности, все равно в новом законе предусмотрены исключения (т. е. особые министерские правила, о которых мы скажем ниже). Значит, ровно никакой «невозможности» запретить ночные работы не было. Мы уже сказали, что правительство хочет выставить себя заботящимся о здоровье рабочих; вот как говорит министерство финансов о ночной работе: «Ночные работы, бесспорно, более утомительны, вредны для здоровья и вообще менее естественны, нежели работы при дневном свете; вред этой работы тем больше, чем она продолжительнее и постояннее. Казалось бы, что, ввиду вредности ночных работ, лучше всего запретить их и взрослым рабочим (как это воспрещается женщинам и подросткам обоего пола в некоторых производствах, а малолетним безусловно), но для этого нет никаких оснований даже с точки зрения общего благосостояния рабочего; умеренный ночной труд безвреднее для него, нежели слишком продолжительная, но одинаково оплачиваемая дневная работа». Вот как хорошо умеют отводить глаза народу чиновники русского правительства! Даже защита интересов худших из фабрикантов выставляется заботой о «благосостоянии рабочего». И как бесстыдно то оправдание, которое придумано министерством: «умеренный ночной труд», извольте видеть, «безвреднее, чем слишком продолжительная, но оплачиваемая одинаково, дневная работа». Министерство хочет сказать, что рабочего вынуждает идти на ночную работу низкая заработная плата, такая низкая плата, при которой *рабочему* нельзя обойтись без непомерно длинной работы. И вот министерство, уверенное, что это всегда так останется, что рабочему не добиться лучшей платы, цинично объявляет: если рабочему приходится работать безобразно долго, чтобы прокормить семью, то не все ли

ему равно уж, днем работать лишние часы или ночью? Конечно, если останутся прежние нищенские заработки у большинства русских рабочих, то нужда заставит их работать лишние часы, но какое же нахальство нужно, чтобы объяснять разрешение ночной работы забитым положением рабочего! «Оплачиваться труд будет одинаково» — вот в чем суть для прислужников капитала, — «а при теперешней оплате труда рабочему не обойтись без лишних часов». И подобные чиновники, сочиняющие кулацкие доводы для прижимистых фабрикантов, смеют еще говорить о «точке зрения общего благосостояния рабочего». Не напрасно ли только они надеются на то, что рабочий всегда будет таким забитым? всегда станет соглашаться на «одинаковую оплату», именно прежнюю нищенскую оплату его труда? Низкая плата и длинный рабочий день всегда идут рядом и одно без другого невозможно. Если плата низка, то рабочему необходимо придется работать лишние часы, работать и по ночам, чтобы выработать себе на прокормление. Если рабочее время непомерно длинно, то плата всегда будет низка, потому что при длинном рабочем времени рабочий вырабатывает в каждый час изделий меньше и гораздо хуже, чем при коротком рабочем дне; — потому что рабочий, задавленный непомерной работой, всегда будет оставаться забитым и бессильным против гнета капитала. Поэтому, если министерство русских фабрикантов предполагает сохранение в неизменности теперешней безобразно низкой заработной платы русских рабочих и в то же время толкует о «благосостоянии рабочих», — то это яснее ясного показывает лицемерие и ложь его фраз.

V

КАК ДОКАЗЫВАЕТ МИНИСТЕРСТВО ФИНАНСОВ,
ЧТО ОГРАНИЧИТЬ СВЕРХУРОЧНЫЕ РАБОТЫ
БЫЛО БЫ «НЕСПРАВЕДЛИВО»
ПО ОТНОШЕНИЮ К РАБОЧЕМУ?

Мы назвали новый закон законом о сокращении рабочего дня. Мы говорили выше, что новый закон ограничил рабочий день 11-ю с половиною часами (10 часов при ночной работе). Но все это на деле обстоит не так, а гораздо хуже. Закон постановляет все ограничения только

относительно обычной, нормальной, урочной работы, не касаясь работы *сверхурочной*. На деле поэтому фабрикант *нисколько не стеснен* в своем «праве» заставлять рабочих работать бесконечно долгое время, хотя бы по 24 часа в сутки. Вот как говорит закон о сверхурочных работах: «Сверхурочною считается работа, производимая рабочим в промышленном заведении в такое время, когда по правилам внутреннего распорядка ему не полагается работы. Сверхурочная работа допускается не иначе, как по особому соглашению заведующего промышленным заведением с рабочим. В договор найма могут быть включены условия только о таких сверхурочных работах, которые оказываются необходимыми по техническим условиям производства». Это — чрезвычайно важная статья в новом законе, и вся она направлена целиком против рабочих и дает полный простор произволу фабриканта. До сих пор сверхурочные работы велись по обычаю; закон о них не говорил. Теперь правительство *узаконило* эти сверхурочные работы. Добавление закона, что для этих работ требуется «особое соглашение» рабочего с хозяином, есть пустая и совершенно бессмысленная фраза. Все работы производятся рабочими «по соглашению» с хозяевами; рабочие ведь не крепостные (хотя очень многие из русских чиновников и желали бы всеми силами превратить их в крепостных); они работают по найму, т. е. по соглашению. Не к чему было и говорить, что для сверхурочных работ требуется соглашение. Правительство вставило в закон эту пустую фразу, чтобы сделать вид, будто оно хочет ограничить сверхурочные работы. На самом же деле тут нет ровно никакого ограничения их; как прежде хозяин говорил рабочему: «хочешь — работай сверх срока; не хочешь — получай расчет!», так и теперь будет говорить. Только до сих пор это делалось по обычаю, а теперь будет делаться на основании *закона*. Прежде фабрикант, рассчитывая рабочего за несогласие на сверхурочные работы, не мог опереться на закон, а теперь закон прямо подсказывает ему, как он может теснить рабочих. Вместо ограничения сверхурочных работ, эта статья закона легко может привести к еще большему употреблению их. Закон дает даже право хозяину включать в договор требование сверхурочных работ, когда эти работы «необходимы по техническим условиям производства». Оговорка эта нисколько

не стеснит фабриканта. Как разобрать, какие работы «необходимы по техническим условиям производства», какие — не необходимы? Кто будет это разбирать? Как можно опровергнуть заявление хозяина, который говорит, что работа, на которую он поставил рабочего сверх урока, «необходима по техническим условиям производства»? Никто этого разбирать не будет, проверить заявление хозяина некому. Закон только *укрепил* произвол хозяев, подсказав им *особо надежный* способ притеснять рабочих.

Теперь, стоит только хозяину внести в условия договора правило, что рабочий не вправе отказываться от сверхурочной работы, «необходимой по техническим условиям производства», и дело фабриканта в шляпе! Попробует рабочий не пойти на сверхурочную работу, — его прогонят. А там (подумает фабрикант) пусть находится рабочий, который станет доказывать, что эта работа не была «необходима по техническим условиям производства»! Смешно и представить себе возможность подобной жалобы со стороны рабочего. Нечего и говорить, что никогда таких жалоб не будет и никогда бы они ни к чему не повели. Таким образом, правительство вполне узаконило произвол фабрикантов по отношению к сверхурочной работе. До какой степени торопится министерство финансов прислужить фабрикантам и научить их пользоваться пошире сверхурочными работами, прикрываясь новыми законами, — это особенно видно из следующего рассуждения «Вестника Финансов»: «Сверхурочные работы необходимы также при срочных заказах, которых вовсе не может предвидеть фабрикант или заводчик* в производствах, приуроченных к определенным, кратким периодам времени, если для владельца заведения невозможно или затруднительно увеличить число рабочих».

Видите, как успешно «толкуют» закон ретивые лакеи фабрикантов, сидящие в министерстве финансов! В законе говорится только о сверхурочных работах, необходимых по техническим условиям, а министерство финансов

* Старая песенка! Каждый год русские фабрики — особенно центрального района — получают перед нижегородской ярмаркой срочные заказы, и каждый год они торжественно уверяют всех дураков, которые им верят или притворяются верующими, что они не могли предвидеть этого!..

спешит признать «необходимыми» сверхурочные работы и по условиям «непредвиденных» (?!) заказов и даже при «затруднительности» для фабриканта увеличить число рабочих! Это уж просто какое-то издевательство над рабочими! Ведь всякий ловкий фабрикант *всегда* может сказать, что ему «затруднительно». Увеличить число рабочих — значит, нанять новых, — значит, уменьшить число толпящихся у ворот безработных, — значит, уменьшить соперничество между рабочими, сделать рабочих более требовательными, согласиться, пожалуй, на более высокую плату. Само собой разумеется, что нет ни одного фабриканта, который бы не нашел это для себя «затруднительным». Подобный произвол фабриканта в назначении сверхурочной работы уничтожает всякое значение закона о сокращении рабочего дня. Никакого сокращения для целой массы рабочих не произойдет, ибо они попрежнему будут работать по 15—18 часов и более, оставаясь на фабрике и по ночам для сверхурочной работы. Нелепость закона о сокращении рабочего дня без запрещения (или, по крайней мере, ограничения) сверхурочных работ до того очевидна, что во всех предварительных проектах закона было предположено ограничить сверхурочные работы. С.-петербургские фабриканты (сами фабриканты!) еще в 1883 г. ходатайствовали о том, чтобы ограничить сверхурочные работы *одним часом* в день. Когда правительство, напуганное петербургскими стачками 1895—1896 гг., назначило немедленно комиссию для составления закона о сокращении рабочего дня, то эта комиссия предложила тоже ограничить сверхурочные работы, именно 120-ью часами сверхурочной работы в году*. Откинув все предположения о каком бы то ни было ограничении сверхурочной работы, правительство прямо взяло на себя этим поступком защиту интересов худших фабрикантов, прямо узаконило полное подчинение рабочих и с полной ясностью выразило свое намерение оставить все по-старому, отделавшись ничего не говорящими фразами. Министерство финансов, распинаясь за интересы фабрикантов, дошло до того, что принялось доказывать, будто бы ограничить сверхурочные работы было бы

* Даже само министерство финансов, объясняя новый закон, не могло не признать, что «допущение сверхурочной работы является как бы неуместным» («Вестник Финансов»).

«несправедливо по отношению к самому рабочему». Вот эти рассуждения, над которыми полезно подумать каждому рабочему. «Лишение рабочего права работать на фабрике свыше определенного числа часов в сутки было бы трудно осуществимо на практике» (почему? потому что фабричные инспекторы прескверно исполняют свои обязанности, боясь пуще огня обидеть гг. фабрикантов? потому что при бесправии и безгласности русского рабочего все реформы в его пользу трудно осуществимы? Министерство финансов, само того не ведая, сказало правду: действительно, покуда русские рабочие, как и весь русский народ, остаются бесправными перед полицейским правительством, покуда они не имеют политических прав, — никакие реформы не будут действительны)... «и являлось бы несправедливым по отношению к рабочему: нельзя преследовать человека за то, что он изыскивает средства к существованию, напрягает свои силы иногда даже свыше того предела, за которым его труд может оказаться вредным для здоровья». Вот как гуманно и человеколюбиво русское правительство! Кланяйся и благодари, русский рабочий! Правительство так милостиво, что «не лишает» тебя «права» работать хоть по 18, хоть по 24 ч. в сутки, правительство так справедливо, что не хочет тебя преследовать за то, что фабрикант заставляет тебя надрываться над работой! Во всех других странах *преследуют* за работу на фабрике сверх указанного срока не рабочего, а фабриканта... наши чиновники позабыли об этом. Да и как могут русские чиновники решиться *преследовать* гг. фабрикантов! Помилуйте, как это возможно! Мы сейчас увидим, что даже за нарушения всего этого нового закона гг. фабрикантов не будут преследовать. Во всех других странах рабочие имеют право для «изыскания средств к существованию» устраивать союзы, кассы, открыто сопротивляться фабриканту, предлагать ему свои условия, устраивать стачки. У нас этого не полагается. Но зато у нас рабочим даровано «право» работать «свыше» какого угодно числа часов в сутки. Отчего же не добавили эти гуманные чиновники, что справедливое правительство «не лишает» также русских рабочих «права» попасть в тюрьму без суда или быть избитым любым полицейским башибузуком за всякую попытку отстоять себя от гнета капиталистов.

VI

КАКИЕ ПРАВА ДАЕТ НОВЫЙ ЗАКОН
МИНИСТРАМ?

Мы показали выше, что по самым существенным пунктам новый закон не установил никаких общеобязательных, точных и неизменных правил: правительство предпочло предоставить побольше прав администрации (именно министрам), чтобы они могли вводить всякие постановления и льготы для фабрикантов, могли тормозить применение нового закона и т. д. Права, которые дает новый закон министрам, чрезвычайно широки и велики. Министрам (именно министру финансов или министру путей сообщения и т. п. по соглашению с министром внутренних дел) «предоставлено» издавать подробные правила о применении нового закона. На полное усмотрение министров предоставлена целая масса вопросов, касающихся всех статей нового закона во *всех* и *всяческих* отношениях. Права министров так велики, что они в сущности являются полными распорядителями нового закона; хотя — издают такие правила, чтобы закон действительно применялся; хотя — делают так, что закон никакого почти применения не получит. В самом деле, посмотрите, какие именно правила могут издавать министры «в развитие настоящего узаконения» (так выражается закон; мы уже видели, как остроумно умеет «развивать» закон министерство финансов — так разовьет, что рабочим же приходится, по его мнению, благодарить правительство за то, что оно не преследует их за чрезмерную работу и не «лишает их права» работать хоть по 24 часа в сутки). Мы перечислили бы все разряды этих правил, если бы это было возможно, но дело в том, что кроме указанных в законе вопросов, подлежащих разрешению в министерских правилах, закон дает им право издавать и *другие правила*, без всякого ограничения. Министрам предоставлено издавать правила о продолжительности работы. Значит, закон о продолжительности работы одно дело, а там еще будут министерские правила о том же. Министры могут издавать правила о порядке смен, а могут, конечно, и не издавать, чтобы не стеснять фабрикантов. Министрам предоставлено изда-

вать правила о числе комплектов (т. е. о числе смен, о том, сколько смен может быть в сутки), о перерывах и т. п. Это закон добавляет: и т. п. (*и тому подобные*), т. е. что хотите, то и издавайте. Не захотят министры — не будет никаких правил о перерывах, и фабриканты будут так же, как теперь, притеснять рабочих, не давая им возможности сходить домой пообедать или матерям — накормить детей. Министрам предоставлено издавать правила о сверхурочных работах, именно: об их производстве, об их распределении и об их учете. Министры, следовательно, имеют тут полный простор. Министры могут прямо *изменять* требования закона, т. е. и усиливать их и *уменьшать* (закон нарочно оговорил именно право министров уменьшать требования нового закона относительно фабрикантов) в трех случаях: во-1-х, «когда сие будет признано необходимым по свойству производства (непрерывность и проч.)». Это «и прочее» опять добавляет закон, давая министрам право ссылаться на какие угодно «свойства производства». Во-2-х, «по свойству работ (уход за паровыми котлами, приводами, ремонт текущий и экстренный и т. п.)». Опять-таки «и тому подобные»! В-3-х, «и в других особо важных, исключительных случаях». Затем министры могут определять, какие производства особенно вредны для здоровья рабочих (а могут и не определять: закон их не обязывает это сделать, а только предоставляет им право..., хотя это право они и раньше имели, но не желали им пользоваться!), и издавать для этих производств особые правила. Рабочие видят теперь, почему мы сказали, что нельзя перечислить те вопросы, разрешить которые предоставлено министрам: в законе везде наставлено здесь: «и т. п.» да «и пр.». Русские законы можно вообще разделить на два разряда: одни законы, которыми предоставлены какие-нибудь права рабочим и простому народу вообще, другие законы, которые запрещают что-либо и позволяют чиновникам запрещать. В первых законах все, самые мелкие права рабочих *перечислены с полной точностью* (даже, напр., право рабочих не являться на работу по уважительным причинам) и *ни малейших* отступлений не полагается под страхом самых свирепых кар. В таких законах никогда уже вы не встретите ни одного «и т. п.» или «и пр.». В законах второго рода *всегда*

даются только общие запрещения *без всякого точного перечисления*, так что администрация может запретить *все, что ей угодно*; в этих законах всегда есть маленькие, но очень важные добавления: «и т. п.», «и пр.». Такие словечки наглядно показывают всевластие русских чиновников, полное бесправие народа перед ними; бессмысленность и дикость той поганой канцелярщины и волокиты, которая пронизывает насквозь все учреждения императорского русского правительства. Любой закон, от которого может быть хоть крупица пользы, всегда опутывается до такой степени этой канцелярщиной, что применение закона бесконечно затягивается; и мало того: применение закона оставляется на полное усмотрение чиновников, которые, как всякий знает, готовы от души «услужить» всякой набитой мошине и напакостить, как только возможно, простому народу. Ведь все эти правила «в развитие настоящего узаконения» министрам только предоставлено издавать, т. е. они могут издать, а могут и не издавать. Закон их ни к чему не обязывает. Закон не назначает срока: могут издать теперь же, а могут и через десять лет. Понятно, что тот перечень *некоторых* правил, которые указаны в законе, теряет при этом всякий смысл и всякое значение: это — пустые слова, только прикрывающие желание правительства обессилить закон в его практическом применении. Громадные права предоставляются нашим министрам почти всяким законом, касающимся рабочего быта. И мы вполне понимаем, почему правительство так делает: оно хочет как можно больше прислужиться гг. фабрикантам. На чиновника, применяющего закон, фабриканту ведь гораздо легче повлиять, чем на самое издание закона. Всякий знает, как легко попадают наши тузы-капиталисты в гостинные гг. министров для приятных бесед друг с другом, как приятельски угощаются они на своих обедах; как любезно подносят продажным чиновникам императорского правительства подачки в десятки и сотни тысяч рублей (делается это и прямо, в виде взяток, и косвенно, в виде предоставления акций «учредителям» обществ или в виде предоставления почетных и доходных мест в этих обществах). Таким образом, чем больше прав предоставит новый закон чиновникам относительно применения этого закона, тем выгоднее и для *чиновников*, и для *фабрикантов*: для чиновников

выгода в том, что можно еще хапнуть; для фабрикантов в том, что можно легче добиться льгот и поблажек. Напомним рабочим для примера два случая, показывающих, к чему приводят на деле эти министерские правила, издаваемые «в развитие закона». Закон 3 июня 1886 г. постановлял, что штрафы — это деньги рабочих, которые должны расходоваться на их нужды. Министр «развил» этот закон так, что в С.-Петербурге, напр., он не применялся целых 10 лет, а когда стал применяться, то все дело отдали в руки фабриканта, от которого рабочий должен просить свои деньги как подачку. Другой пример. Тот же закон (3 июня 1886 г.) постановляет, что расплата должна производиться не реже двух раз в месяц, а министр «развил» этот закон так, что фабриканты имеют право полтора месяца задерживать плату новопоступившему рабочему. Всякий рабочий прекрасно понимает после этого, для чего и на этот раз предоставлено министрам право «развивать» закон. Фабриканты тоже это прекрасно понимают и уже пустили в ход свои средства. Мы видели выше, что министрам «предоставлено» издавать правила о сверхурочных работах. Фабриканты уже начали давить на правительство, чтобы оно *не ограничивало* сверхурочной работы. Газета «Московские Ведомости», которая так ретиво защищает всегда интересы худших фабрикантов, так настойчиво подуськивает правительство на самые зверские и жестокие поступки и которая пользуется таким громадным влиянием «в высших сферах» (т. е. в среде высших чиновников, министров и т. п.), — эта газета открыла уже целый поход, настаивая на том, что не следует ограничивать сверхурочной работы. У фабрикантов есть тысячи способов давить на правительство: у них есть свои общества и учреждения, фабриканты заседают во многих правительственных комиссиях и коллегиях (напр., фабричном присутствии и т. п.), фабриканты имеют лично доступ к министрам, фабриканты могут сколько угодно печатать о своих желаниях и требованиях, а печать имеет громадное значение в настоящее время. У рабочих же нет *никаких* законных средств давить на правительство. Рабочим остается только одно: соединяться вместе, распространять сознание своих интересов, как одного класса, среди всех рабочих и давать соединенными силами отпор правительству и фабрикантам.

Всякий рабочий видит теперь, что применение нового закона целиком зависит от того, кто сильнее будет давить на правительство: фабриканты или рабочие. Только борьбой, сознательной и стойкой борьбой добились рабочие *издания* этого закона. Только борьбой могут они добиться того, чтобы этот закон действительно применялся и применялся в интересах рабочих. Без упорной борьбы, без стойкого отпора объединенных рабочих каждому притязанию фабрикантов, новый закон остается пустой бумажкой, одной из тех нарядных и лживых вывесок, которыми наше правительство старается подкрасить прогнившее насквозь здание полицейского произвола, бесправия и угнетения рабочих.

VII

КАК НАШЕ «ХРИСТИАНСКОЕ» ПРАВИТЕЛЬСТВО УРЕЗЫВАЕТ ПРАЗДНИКИ ДЛЯ РАБОЧИХ

Кроме правила о рабочем времени новый закон содержит также правило об обязательном воскресном и праздничном отдыхе фабричных и заводских рабочих. Пресмыкающиеся писаки, которых так много среди русских газетчиков и журналистов, поспешили уже восхвалить за это правило превыше небес наше правительство и его гуманность. Мы увидим сейчас, что на деле этот гуманный закон стремится *урезать* праздники для рабочих. Но сначала рассмотрим общие правила о воскресном и праздничном отдыхе. Заметим прежде всего, что об установлении воскресного и праздничного отдыха законом ходатайствовали петербургские фабриканты 14 лет тому назад (в 1883 г.). Значит, русское правительство и тут только тормозило и тянуло дело, *сопротивляясь* реформе, доколе было возможно. По закону, в расписание праздников, в которые не полагается работы, обязательно включаются все воскресенья и затем еще 14 праздников, о которых мы еще будем говорить подробно ниже. Работу в праздник закон запрещает не безусловно, но допущение ее ограничено следующими условиями: во-1-х, «взаимное соглашение» фабриканта и рабочих; во-2-х, работа в праздничный день допускается «взамен буднего»; в-3-х, о состоявшемся соглашении насчет замены

праздника буднем необходимо сообщить немедленно фабричной инспекции. Таким образом, работа в праздники ни в каком случае не должна, по закону, уменьшить число дней отдыха, ибо фабрикант обязан заменить рабочий праздник нерабочим буднем. Рабочим следует всегда иметь это в виду, а также то, что закон требует для такой замены взаимного соглашения фабриканта и рабочих. Значит, рабочие всегда могут на вполне законном основании *отказаться* от такой замены, и фабрикант их принуждать *не вправе*. На деле, конечно, фабрикант и тут будет принуждать рабочих посредством такого приема: они станут спрашивать рабочих поодиночке об их согласии, и каждый рабочий побоится отказаться, опасаясь, как бы несогласного не рассчитали; такой прием фабриканта будет, конечно, незаконен, ибо закон требует *соглашения рабочих*, т. е. всех рабочих вместе. Но каким же образом могут все рабочие одного завода (их иногда несколько сот, даже тысяч, разбросанных по многим местам) заявить о своем общем согласии? Закон этого не указал и этим опять-таки дал в руки фабриканта средство прижать рабочих. Чтобы не допустить такой прижимки, у рабочих есть одно средство: требовать в каждом таком случае выбора депутатов от рабочих для передачи хозяину *общего* решения всех рабочих. Такое требование рабочие могут основывать на законе, ибо закон говорит о соглашении всех *рабочих*, а все рабочие не могут же говорить сразу с хозяином. Учреждение выборных депутатов от рабочих будет для них, вообще, очень полезно и пригодится для всяких других сношений с фабрикантом и с конторой, так как отдельному рабочему очень трудно и часто даже вовсе невозможно заявлять требования, претензии и т. п. Далее, про рабочих «инославных исповеданий» закон говорит, что для них «разрешается» не вносить в список праздников те дни, которые не чтутся их церковью. Но ведь зато есть другие праздники, которые чтутся католиками и которых нет у православных. Закон об этом умолчал, попытавшись, следовательно, несколько прижать неправославных рабочих. Еще сильнее прижимка рабочих не-христиан: для них, по закону, «допускается» вносить в праздники другие дни недели вместо воскресенья. Только «допускается»! Наше христианское правительство так дико травит лиц,

не принадлежащих к господствующей религии, что возможна, пожалуй, и здесь попытка притеснить не-христиан посредством неясности закона. Закон же выразился тут очень темно. Надо понимать его так, что один день в неделе обязательно должен быть днем отдыха и допускается лишь замена воскресенья другим днем. Но и «господствующая» религия дает поблажку только «господам», а для рабочего человека она тоже не упустит случая придумать всякую каверзу. Посмотрим-ка, *какие праздники* требует закон вносить обязательно в расписание. Хорошо ведь это говорить об установлении воскресного и праздничного отдыха; на деле и до сих пор рабочие не работали обыкновенно, в большинстве случаев, ни в воскресенье, ни в праздники. Закон может ведь так установить праздничный отдых, что число *обязательных* праздников окажется гораздо ниже *обычных* праздников. *Именно так и сделало в новом законе наше христианское правительство.* Обязательных праздников новый закон установил 66 в году, 52 воскресенья, 8 праздников в числах (1 и 6 января, 25 марта, 6 и 15 августа, 8 сентября, 25 и 26 декабря) и 6 праздников передвижных (пятница и суббота страстной недели, понедельник и вторник пасхи, вознесение и сошествие святого духа). А сколько было до сих пор на наших фабриках *обычных* праздничных дней в году? Точные сведения об этом имеются в нашем распоряжении по Московской и Смоленской губерниям, да и то только для некоторых фабрик. Но так как различия между отдельными фабриками и даже между обеими губерниями очень не велики, то эти сведения вполне пригодны для суждения о настоящем значении нового закона. По Московской губернии сведения собраны были о 47 крупных фабриках, имеющих вместе свыше 20 тысяч рабочих. Оказалось, что для ручных фабрик обычное число праздников в году 97, а для механических 98. Самое меньшее число праздников в году оказалось 78: эти 78 дней празднуются во всех *без исключения* исследованных фабриках. По Смоленской губернии сведения есть о 15 фабриках, имеющих около 5—6 тысяч рабочих. Среднее число праздников в году — 86, т. е. почти столько же, сколько и в Московской губернии; самое меньшее число праздников найдено было на одной фабрике с 75 праздниками. Этому *обычному* на русских фабриках

числу праздничных дней в году соответствовало и число праздников, установленных в заводах, подчиненных военному ведомству; именно, там установлено 88 праздников в году. Почти столько же дней признается по нашим законам неприсутственными (87 дней в году). Следовательно, *обычное* число праздников в году было до сих пор у рабочих такое же, как и у остальных граждан. Наше «христианское правительство», заботясь о здоровье рабочих, выкинуло из этих обычных праздников четвертую часть, целых 22 дня, оставив только 66 обязательных праздников. Перечислим эти откинутые правительством в новом законе обычные праздники. Из праздников в числах откинута: 2 февраля — Сретение; 9 мая — Николин день; 29 июня — Петров день; 8 июля — Казанской; 20 июля — Ильин день; 29 августа — Ивана крестителя; 14 сентября — Воздвижение; 1 октября — Покров (даже этот праздник правительство сочло излишним и необязательным. Можно быть уверенным, что из фабрикантов не найдется ни одного, который бы решился заставить рабочих работать в этот день. Правительство и здесь опять-таки защищает интересы и прижимки худших фабрикантов); 21 ноября — Введение во храм; 6 декабря — Николин день. Итого откинута 10 праздников в числах*. Далее из передвижных праздников откинута суббота масленой недели и среда последней недели, т. е. два праздника. Всего, значит, откинута 12 праздников из *самого меньшего* числа праздников, которые давались до сих пор на отдых рабочим по господствовавшему обычаю. Правительство так любит называть себя «христианским» правительством; обращаясь к рабочим, министры и другие чиновники услащают свою речь фразами о «христианской любви» и «христианских чувствах» фабрикантов к рабочим, правительства к рабочим и т. д. Но как только вместо фраз начинается дело, так все эти лицемерные и ханжеские слова летят к чорту, и правительство превращается в торгаша, стремящегося где только можно оттягать что-нибудь у рабочих. Давным-давно сами фабриканты,

* Мы перечислили только те праздники, которые праздновались до сих пор на *всех* фабриках. Есть и еще много праздников, общих для *большинства* фабрик, напр., запусы, пятница масленой недели, четверг, пятница и суббота пасхальной недели и мног. друг.

именно лучшие из них, ходатайствовали об установлении законом воскресного и праздничного отдыха. Правительство, после 15-тилетней проволочки, издает наконец такой закон, устанавливает *обязательность* воскресного и праздничного отдыха, но за эту уступку рабочим не упускает случая еще прижать их, выкидывая из числа обязательных праздников четвертую часть обычных праздников. Правительство поступает, следовательно, как настоящий ростовщик: делая одну уступку, оно старается наверстать ее на какой-нибудь другой прижимке. После такого закона очень легко может быть, что на некоторых фабриках хозяева попробуют *уменьшить* число дней отдыха для рабочих, попробуют заставить рабочих работать в те праздники, которые до сих пор праздновались, но не включены законом в число обязательных. Чтобы не допустить ухудшить свое положение, рабочие и в этом отношении должны быть всегда готовы дать отпор всякой попытке уменьшения числа праздников. Закон указывает только обязательные праздники; но рабочие имеют право требовать, кроме них, и других праздников. Необходимо только добиваться, чтобы все праздники были внесены в правила внутреннего распорядка, и не доверять словесным обещаниям. Рабочие только тогда могут быть уверены, что их не заставят работать в праздник, когда этот праздник внесен в правила внутреннего распорядка. Точно так же, как насчет праздников, — новый закон и насчет полупраздников попытался оставить дело попрежнему и даже отчасти ухудшить его. Полупраздник установлен в законе только один — именно канун Рождества: в этот день работы должны быть окончены не позже полудня. Так было и до сих пор на большинстве фабрик, а если на какой-нибудь фабрике и не освобождали рабочих в полдень в сочельник, то давали им по большей части полупраздник в канун какого-нибудь другого большого праздника. Вообще один полупраздник в год был и до сих пор установлен на большинстве фабрик. Затем в субботы и в канун праздников рабочий день ограничен новым законом 10-ью часами, т. е. на $1\frac{1}{2}$ часа меньше обычного рабочего дня. В этом отношении закон тоже не внес улучшения в положение рабочих, и возможно даже, что ухудшил его: до сих пор, *почти на всех фабриках*, работы по субботам оканчивались раньше обыкновенно

венного. Один исследователь, собравший много сведений по этому вопросу и вообще близко ознакомившийся с фабричным бытом, утверждал: в среднем выводе можно безошибочно принять, что по субботам работа заканчивается за 2 часа до урочного времени. Значит, закон и тут не упустил случая, превращая *обычный* отдых в *обязательный*, оттягать за эту уступку у рабочих еще хоть полчаса. Полчасика в каждую неделю, это составит в год (положим 46 рабочих недель) — 23 часа, т. е. два дня лишней работы на хозяина... Не дурной подарок нашим бедным неимущим фабрикантам! Можно быть уверенным, что эти рыцари денежного мешка не постесняются принять и такой подарок и приложат все усилия, чтобы вознаградить себя таким образом за «жертвы», наложенные на них новым законом (как они любят выражаться), и в этом отношении, следовательно, рабочим приходится рассчитывать только на себя, на силу своего объединения. Без упорной борьбы рабочему классу и в этом отношении не дожидаться, несмотря на новый закон, улучшения своего положения.

VIII

ЧЕМ ОБЕСПЕЧЕНО ИСПОЛНЕНИЕ НОВОГО ЗАКОНА?

Чем обеспечивается вообще исполнение законов? Во-1-х, надзором за исполнением закона. Во-2-х, наказанием за неисполнение закона. Посмотрим же, как обстоит дело по отношению к новому фабричному закону. Надзор за исполнением законов поручен фабричным инспекторам. До сих пор правила о надзоре за фабричными заведениями, изданные в 1886 г., распространялись далеко не на всю Россию, а только на некоторые губернии, именно на самые промышленные. Расширение области надзора за фабричными заведениями шло постоянно вслед за расширением рабочего движения и стачек рабочих. Теперь, одновременно с законом о сокращении рабочего дня, издан (того же 2/VI 1897 г.) закон о распространении надзора за фабричными заведениями на всю Россию и все Царство Польское. Это распространение на всю Россию правил о надзоре и учреждение фабричных инспекторов,

конечно, есть шаг вперед. Рабочие воспользуются этим, чтобы ознакомить большее число своих товарищей с их положением, с законами о рабочих, с тем, как относится правительство и его чиновники к рабочим и т. д. Подчинение всех русских фабрично-заводских рабочих одинаковым правилам с передовыми рабочими (губерний Петербургской, Московской, Владимирской и т. п. губ.) поможет, конечно, и рабочему движению охватить быстрее всех русских рабочих. Что касается до того, насколько *действителен* надзор за исполнением закона посредством фабричных инспекторов, то мы не будем подробно рассматривать этого. Для этого надо бы написать особую книжку (настолько широк этот предмет), и, может быть, нам удастся в другой раз поговорить с рабочими о фабричной инспекции. Заметим только вкратце, что фабричных инспекторов назначается в России так мало, что они очень редко появляются на фабриках. Фабричные инспекторы вполне подчинены министерству финансов, которое превращает их в прислужников фабрикантов, заставляет их доносить полиции о стачках и волнениях, заставляет их преследовать рабочих за уход с фабрики, даже тогда, когда их не преследует фабрикант, одним словом, превращает фабричных инспекторов в каких-то полицейских слугителей, в каких-то фабричных урядников. Фабрикант имеет тысячи способов влиять на фабричных инспекторов и заставлять их делать по-своему. У рабочих же нет никаких средств повлиять на фабричную инспекцию, да и не может быть у рабочих таких средств, покуда рабочие не пользуются правами свободно собираться, устраивать союзы, печатать о своих делах, издавать свои рабочие газеты. При отсутствии этих прав никакой надзор чиновников за фабрикантами не может быть и никогда не будет серьезным и действительным. Но одного надзора недостаточно для того, чтобы закон исполнялся. Для этого еще необходимо установить строгие наказания за неисполнение закона. Иначе какой же толк будет от того, что фабричный инспектор укажет фабриканту неправильность его действий? Фабрикант не обратит внимания на это и будет делать попрежнему. Поэтому при издании нового закона определяют всегда, каким наказаниям подвергается тот, кто его не исполняет. *Но в новом законе 2 июня 1897 года о сокращении рабочего времени и о празд-*

ничном отдыхе никакого наказания за неисполнение его не установлено. Рабочие могут видеть отсюда, как различно относится правительство к фабрикантам и рабочим. Когда издадут закон, напр., о том, что рабочие не вправе уходить с фабрики до срока, то сейчас же назначают и наказание за уход и даже такое свирепое наказание, как арест. За стачку, напр., рабочим грозит закон арестом или даже тюрьмой, а фабриканту за неисполнение правил, вызвавшее стачку, только штрафом. Так и теперь. Требование закона, чтобы фабрикант давал рабочим воскресный и праздничный отдых и не занимал их более 11 с половиною часов в сутки, не ограждено никакими наказаниями за неисполнение его. Чем же ответит фабрикант, нарушивший этот закон? Самое большее, что его притянут к мировому, который не может назначить штрафа более 50 р., или фабричное присутствие само наложит наказание тоже в виде штрафа. Но разве штраф в 50 руб. испугает фабриканта? Ведь он не 50 руб. прибыли получит, заставив всех рабочих проработать ему ночь или праздник! Фабриканту прямо выгоднее будет нарушать закон и платить штраф. Отсутствие в законе особого наказания за неисполнение его фабрикантом есть вопиющая несправедливость, прямо указывающая на то, что наше правительство хочет как можно дольше оставить закон без применения, что правительство не желает строго требовать от фабрикантов подчинения закону. И в других странах бывало в давно прошедшие времена так, что правительство издавало фабричные законы, не назначая за неисполнение их наказания. Такие законы на деле и не исполнялись вовсе, оставаясь пустой бумажкой. Поэтому в других странах давно уже бросили этот нелепый обычай писать законы, не обеспечивая их исполнения. Теперь русское правительство повторяет эту старую уловку, надеясь, что рабочие не заметят ее. Но эта надежда неосновательная. Как только рабочим станет известен новый закон, они сами станут строго следить за его исполнением, не допуская ни малейших отступлений от него, отказываясь от работы, покуда не исполнены требования закона. Этот надзор самих рабочих будет подействительнее надзора каких-нибудь фабричных урядников. Без такого надзора закон исполняться не будет.

IX

УЛУЧШИТ ЛИ НОВЫЙ ЗАКОН
ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧИХ?

На первый взгляд может даже показаться странным, что мы спрашиваем об этом. Закон сокращает рабочее время и устанавливает обязательность воскресного и праздничного отдыха, — как же это не улучшение положения рабочих? Но мы уже подробно показали выше, как неточны и неопределенны правила нового закона, как часто закон, вводя правило, улучшающее положение рабочих, обессиливает это правило тем, что оставляет в силе произвол хозяина или ограничивает число обязательных праздников гораздо меньшим числом, чем число обычных праздников.

Попробуем подсчитать, сократится ли рабочее время от введения нового закона, если число дней отдыха будет не больше установленного законом, т. е. если отдых будет даваться рабочим только в обязательные, законом установленные праздники, а в остальные обычные праздники фабрикантам удастся принудить рабочих к работе. Удастся ли это им или нет, — это, конечно, вопрос. Это зависит от сопротивления рабочих. Но что фабриканты будут стараться вознаградить себя за сокращение рабочего дня уменьшением праздников, — это несомненно. Что закон всеми силами помогает этому благородному стремлению капиталистов притеснять рабочих, это тоже несомненно. Вот и посмотрим, что вышло бы в этом случае. Чтобы сравнить рабочее время при старых порядках и при новых (т. е. по закону 2 июня 1897 г.), надо взять *число рабочих часов в год*: только при таком расчете можно учесть и все праздничные дни и сокращения работы в кануны праздников. Сколько же рабочих часов в год бывает обыкновенно у русского фабрично-заводского рабочего теперь, т. е. перед введением в действие закона 2 июня 1897 г.? Само собою разумеется, что вполне точных сведений об этом нет, потому что нельзя подсчитать числа часов работы у каждого рабочего. Надо пользоваться данными, забранными по *нескольким* фабрикам: предполагается, что на остальных фабриках число часов приблизительно таково же, как и на исследованных.

Возьмем данные, собранные по Московской губернии. Число рабочих дней в году было подсчитано с точностью по 45 крупным фабрикам. Оказалось, что на всех этих 45 фабриках вместе рабочих дней в году 12 010, т. е. в среднем на одну фабрику 267 рабочих дней в году*. Число рабочих часов в неделю составляет в среднем (по данным о нескольких стах фабриках) — 74, т. е. $12\frac{1}{3}$ часов в день. В год, значит, всего было $267 \times 12\frac{1}{3} = 3293$ рабочих часа, или для круглого счета 3 300 рабочих часов. По городу Одессе мы подсчитали данные по 54 крупным фабрикам, о которых нам известно и число рабочих дней в году и число часов. Оказалось, что среднее число рабочих часов в год на всех этих фабриках равняется 3 139 часам, т. е. значительно меньше, чем в Московской губернии. В Одессе короче рабочий день: самый обычный — $10\frac{1}{2}$ часов, а в среднем для этих 54 фабрик — 10,7 часов. Поэтому число рабочих часов в году оказывается меньше, несмотря на меньшее число праздничных дней. Посмотрим, сколько рабочих часов выйдет по новому закону. Прежде всего определим число рабочих дней в году. Для этого из 365 надо вычесть, во-1-х, 66 праздников; во-2-х, $\frac{1}{2}$ дня сочельника; в-3-х, надо вычесть то свободное время, которое рабочий получает от окончания работы перед праздником на $1\frac{1}{2}$ часа раньше. Предпраздничных дней будет 60 (а не 66, потому что около 6 праздничных дней сложены с другими праздничными днями). Значит, от сокращения праздничной работы получится $60 \times 1\frac{1}{2} = 90$ рабочих часов или 8 рабочих дней. Итого надо вычесть из 365 — $74\frac{1}{2}$ праздничных дня ($66 + \frac{1}{2} + 8 = 74\frac{1}{2}$). Получим $290\frac{1}{2}$ рабочих дней, или — $290\frac{1}{2} \times 11\frac{1}{2} = 3340$ рабочих часов. Выходит, стало быть, что если число праздников будет уменьшено до числа обязательных по закону праздников, то положение рабочих от введения нового закона не только не улучшится, а скорее даже ухудшится: в общем и целом их рабочее время в году останется прежним или даже увеличится! Конечно, это расчет только приблизительный: с полной точностью рассчитать этого нельзя. Но этот

* Если рабочих дней в году 267, значит нерабочих, праздничных дней 98. Выше мы говорили, что число праздников равно 89, но это мы брали, во-1-х, одни механические фабрики, а во-2-х, не среднее число праздников во всех фабриках, а то число праздников, которое чаще всего встречается.

расчет основан на вполне пригодных данных и показывает нам ясно, какую хитрую уловку пустило в ход правительство для прижимки рабочих, сократив число обязательных праздников сравнительно с числом обычных праздников. Этот расчет показывает ясно, что если рабочие не будут крепко стоять друг за друга и давать сообща отпор фабрикантам, то их положение может ухудшиться от введения нового закона! И заметьте притом, что ведь весь этот расчет касается только *дневной* работы, именно *урочной* работы. А сверхурочная работа? Насчет нее ведь закон никаких ограничений не постановил, и неизвестно, введут ли какие-нибудь ограничения гг. министры в тех правилах, которые им «предоставлено» издать. Это отсутствие ограничений сверхурочной работы и есть главная причина, которая заставляет сомневаться в том, улучшит ли новый закон положение рабочих? Если заработная плата при сокращении нормального (урочного) рабочего дня останется у большинства русских рабочих так же безобразно низка, как и теперь, *тогда рабочему из нужды придется согласиться на сверхурочную работу, и положение его не улучшится.* Для рабочего надо то, чтобы он работал не более 8 часов в сутки, имея время для отдыха, для своего развития, для пользования своими правами, как человека, как семьянина, как гражданина. Для рабочего надо то, чтобы он получал не нищенскую плату, а достаточную для того, чтобы жить по-человечески, чтобы рабочий пользовался сам теми усовершенствованиями, которые вводятся в работы, а не отдавал всю прибыль своим эксплуататорам. Если же придется работать за ту же плату столько же часов, сколько и прежде, то не все ли равно рабочему, как будет называться его чрезмерная работа, урочной или сверхурочной? Закон о сокращении рабочего дня останется тогда *мертвым*, окажется *пустой бумажкой*. Фабрикантов тогда новый закон нисколько не затронет, ничего не заставит их уступить рабочему народу. И чиновники министерства финансов, подслуживаясь капиталистам, *намекают уже видимо на это:* в той же статье «Вестника Финансов» они успокоительно говорят гг. фабрикантам следующее: «Новый закон, ограничивая свободу договора найма на обычные работы, не устраняет возможности для фабриканта вести работы в заведении

в любое время дня и ночи, и даже, в случаях нужды» (да! да! наши бедные, угнетенные фабриканты ведь так часто испытывают «нужду» в даровом труде русских рабочих!) ...«и в праздничные дни, входя для этого в особые соглашения (на сверхурочные работы) с рабочими».

Видите, как распинаются эти лакеи денежного мешка! Вы, дескать, не извольте очень беспокоиться, гг. фабриканты: вы можете «вести работы в любое время дня и ночи», только тогда надо будет назвать работу, которая раньше считалась урочной, — *сверхурочной*. *Измените только название работ, и больше ничего!*

Удивительнее всего в этом заявлении нахальство чиновников; они наперед уверены, что никакого ограничения сверхурочной работы не будет (если сверхурочные работы будут ограничены, тогда фабрикант не может вести работ в любое время дня и ночи!). Они наперед уверены, что до рабочих не дойдут их циничные и откровенные советы фабрикантам не церемониться! На этот счет и чиновники министерства финансов, кажется, отличились! Рабочим будет очень поучительно узнать, *как* беседуют чиновники с фабрикантами и *что* они им советуют. Узнав это, рабочие поймут, что под кровом нового закона против них выступают старые враги с прежними стремлениями закабалить рабочего на самом *«законном основании»*.

Х

КАКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИМЕЕТ НОВЫЙ ЗАКОН?

Мы познакомились теперь во всех подробностях с новым законом. Остается рассмотреть еще, *какое значение* для рабочих и для рабочего движения в России имеет этот закон.

Значение нового фабричного закона состоит в том, что он, с одной стороны, является вынужденной уступкой правительства, что он *отвоеван* у полицейского правительства соединенными и сознательными рабочими. Издание этого закона показывает *успех* рабочего движения в России, показывает, какую громадную силу заключает в себе сознательное и стойкое требование рабочих масс. Никакие преследования, ни массовые аресты и высылки, ни грандиозные политические процессы, ни затравливания

рабочих — ничто не помогло. Правительство пустило в ход все свои средства и силы. Оно обрушилось на петербургских рабочих всей тяжестью той громадной власти, которую оно имеет. Оно преследовало и травило рабочих без всякого суда с невиданной жестокостью, стараясь во что бы то ни стало *выбить* из рабочих дух протеста, борьбы, стараясь *подавить* начинающееся социалистическое движение рабочих против фабрикантов и против правительства. Ничто не помогло, и правительству пришлось убедиться, что никакие преследования отдельных рабочих не искоренят *рабочего движения* и что приходится идти на уступки. Неограниченное правительство, которое считается всемогущим и независимым от народа, должно было уступить требованиям нескольких десятков тысяч петербургских рабочих. Мы видели, как незначительны, как двусмысленны эти уступки. Но ведь это только первый шаг. Рабочее движение давно уже вышло за пределы С.-Петербурга; оно развивается все шире, охватывая все глубже массы промышленных рабочих *во всей стране*, и когда все эти массы, руководимые одной партией социалистов, предъявят сообща свои требования, — тогда уже правительство не отделается такой ничтожной уступкой!

С другой стороны, значение нового закона состоит в том, что он необходимо и неизбежно *дает новый толчок* русскому рабочему движению. Мы видели, как закон постарался везде оставить лазейки фабрикантам, постарался оставить в неопределенности самые важные вопросы. Борьба между фабрикантами и рабочими из-за применения этого закона возникнет повсюду; эта борьба охватит гораздо более широкий район, ибо закон распространяется на всю Россию. И рабочие сумеют вести эту борьбу сознательно и твердо, сумеют настаивать на своих требованиях, сумеют обходить те ловушки, которые расставляют им наши полицейские законы против стачек. Введение новых фабричных порядков, изменение в громадном большинстве фабрик по всей России обычного, урочного дня принесет громадную пользу: оно встряхнет самые отсталые слои рабочих; оно пробудит везде самый живой интерес к вопросам и правилам фабричного быта; оно послужит прекрасным, удобным, *законным* поводом для рабочих предъявлять свои *требования*, отстаивать

свое понимание закона, отстаивать старые обычаи, когда они выгоднее для рабочих (напр., отстаивать обычные праздники, отстаивать окончание работ по субботам не за 1½ часа, а за 2 и более), добиваться более выгодных условий при новых соглашениях о сверхурочных работах, добиваться более высокой платы, чтобы сокращение рабочего дня принесло действительную пользу рабочим без всякого ущерба для них.

ПРИЛОЖЕНИЕ

I

Книжка о новом фабричном законе (закон 2-го июня 1897 г.) была уже написана, когда были опубликованы в начале октября *правила о применении* этого закона, утвержденные министерством финансов по соглашению с министерством внутренних дел 20 сентября 1897 года. О том, какое громадное значение должны иметь для всего закона эти правила, мы уже говорили раньше. На этот раз министерство поторопилось издать правила до введения нового закона, потому что в правилах (как сейчас увидим) указаны те случаи, когда дозволяется отступить от требований нового закона, т. е. дозволяется фабрикантам «вести работы» сверх определенного в законе времени. Не будь эти правила настоятельно необходимы для фабрикантов, — рабочим, конечно, долго еще пришлось бы ждать их издания. Вскоре после «правил» опубликована также «инструкция чинам фабричной инспекции» по применению закона 2 июня 1897 г. под видом того, чтобы *разъяснить* только фабричным инспекторам способ применения закона; эта инструкция узаконяет полный произвол чиновников и направлена целиком *против рабочих*, позволяя фабрикантам всячески обходить закон. Императорское правительство очень любит писать хорошие слова в законах, а затем позволять обходить эти законы, заменяя их *инструкциями*. При подробном разборе правил мы увидим, что именно такова новая инструкция. Также отметим, что «инструкция» эта в значительной части *слово в слово списана* с той статьи «Вестника Финансов», на которую мы не раз указывали в книжке о новом законе. Напр., мы указали там, как «Вестник Финансов»

подсказал одну кляузу фабрикантам: именно, «Вестник Финансов» разъяснил, что новый закон не применим к тем случаям, когда в договоре рабочего с фабрикантом не сказано ничего о рабочем времени, так как рабочий, дескать, является в этом случае «не нанимаемым рабочим, а лицом, принимающим заказ». Это кляузное разъяснение повторяет буквально «инструкция». Правила состоят из 22 статей, из которых, однако, многие просто повторяют целиком статьи закона 2 июня 1897 г. Заметим, что правила эти относятся только к фабрикантам, «состоящим в ведении министерства финансов»; ни к горным заводам, ни к железнодорожным мастерским, ни к казенным заводам они не относятся. Правила эти надо строго отличать от самого закона: правила изданы только *в развитие* закона, и министры, издавшие их, могут дополнить их, изменить, издать новые. Правила говорят о следующих пяти вопросах: 1) о перерывах; 2) о воскресном и праздничном отдыхе; 3) об отступлениях от нового закона; 4) о сменах, и 5) о сверхурочной работе. Рассмотрим подробно правила по каждому вопросу, а в связи с ними укажем, как советует министерство финансов в своей инструкции применять эти правила.

II

О перерывах постановлены такие правила: во-1-х, что перерывы не входят в число рабочих часов, что рабочий свободен на время перерыва; перерывы должны быть указаны в правилах внутреннего распорядка; во-2-х, что перерыв должен быть обязательно установлен только в том случае, когда рабочее время более 10 ч. в сутки и что перерыв должен быть не менее одного часа. Это правило нисколько не улучшает положения рабочих. Скорее напротив. Часовой перерыв крайне мал: на большинстве фабрик установлен $1\frac{1}{2}$ час. перерыв на обед и иногда еще полчаса перерыва на завтрак. Министры постарались взять самый меньший срок! В час рабочему сплошь да рядом не успеть даже сходить домой пообедать.

Разумеется, рабочие не дозvoлят установить такого короткого перерыва и будут требовать большего. Другая оговорка насчет обязательности перерыва тоже грозит

притеснить рабочих: перерыв *обязателен* по правилам министров только тогда, когда рабочий день более 10-ти часов! Значит, когда рабочий день 10 часов, то фабрикант вправе не давать перерыва рабочим! Опять-таки придется уже самим рабочим позаботиться о том, чтобы фабриканты не могли и не смели пользоваться подобным правом. Рабочие могут не соглашаться на такие правила (когда они вводятся в правила внутреннего распорядка) и требовать перерыва чаще. Министрам показалось мало даже этих прижимок. В «примечании» к этому правилу сказано еще, что «в случаях значительных препятствий *допускаются* отступления от этого требования», т. е. *допускается*, чтобы гг. фабриканты вовсе не давали рабочим перерыва! Министры-то это допускают, но рабочие вряд ли *допустят*. Кроме того, министры *допускают* отступления еще тогда, когда требование перерыва будет признано обременительным для рабочих. О, заботливые гг. министры! О том, что рабочим «обременительно» будет перерывать работы, наши министры подумали, а о том, что рабочим «обременительно» в час успеть пообедать, или что еще более «обременительно» работать *по 10 часов* без перерыва, — об этом гг. министры не заикнулись! Третье правило насчет перерыва требует, чтобы рабочему была предоставлена возможность принятия пищи не реже, как через каждые 6 часов. Но *перерывов* через каждые 6 часов правила не требуют; какой же смысл такого правила? Как же может рабочий принимать пищу без перерыва? Гг. министры на этот счет не затруднились. Если нет перерыва (говорится в правилах), то рабочему «должна быть предоставлена возможность принятия пищи в течение рабочего времени, причем в правилах внутреннего распорядка должно быть обозначено место приема пищи». Все это правило — такая глупость, что можно только развести руками! Одно из двух: *или* это «место приема пищи» будет обозначено *не там, где рабочий работает*; тогда неизбежен перерыв. Или это место будет обозначено там же, *где рабочий работает*; тогда какой смысл в необходимости обозначения места? Перерывать работу рабочий не вправе, — как же может он, *не перерывая* работы, принимать пищу? Гг. министры смотрят на рабочего, как на машину: машину можно ведь на ходу покормить маслом, так отчего же (думают наши «заботливые» при-

хвостии капитала, министры) нельзя и рабочему напихать в себя пищу во время работы? Рабочим остается одна надежда, что такое глупое правило только в русских чиновничьих канцеляриях и могли выдумать, а на деле оно применяться не будет. Рабочие будут требовать, чтобы «местом для принятия пищи» *обозначено было не то место, где они работают*: рабочие будут требовать *перерыва* через каждые 6 часов. Вот и все правила о перерывах. Министры развили закон так, что он может только ухудшить положение рабочих, если рабочие сами себя не отстоят и не настоят сообща на своих, а не на министерских правилах.

III

О воскресных и праздничных отдыхах постановлено только одно небольшое правило, именно, что в воскресные и праздничные дни рабочие должны быть свободны от работы в продолжение не менее 24-х часов сряду. Это — *самое меньшее*, что можно было постановить «в развитие» закона о воскресном и праздничном отдыхе. Меньше нельзя было назначить. А о том, чтобы назначить рабочим побольше (напр., 36 часов, как принято в некоторых других странах), министры и не подумали. Насчет нехристиан ничего в правилах не сказано.

IV

Насчет отступлений от закона постановлено много правил, очень много и очень подробных. Напомним рабочим, что закон предоставил министрам допускать в правилах отступления от закона, *увеличивая* требования закона (т. е. требуя от фабрикантов большего для рабочих) и *уменьшая* требования закона (т. е. требуя от фабрикантов *меньшего* для рабочих). Посмотрим, как поступили министры. Первое правило. Отступления от закона допускаются тогда, когда «рабочие заняты работами *непрерывными*, т. е. такими, которые не могут быть прерываемы в произвольное время без порчи приборов, материалов или изделий». В этих случаях можно гг. фабрикантам «вести работы» и свыше определенного в законе времени. Правило требует только в этом случае, во-1-х, чтобы число рабочих часов в течение двух последовательных

суток не превосходило для рабочего 24-х часов (а при ломке смен — тридцати часов). Почему сказано: 24 часа в двое суток, а не 12 часов в сутки, — мы увидим в параграфе о сменах. Во-2-х, правило требует, чтобы при непрерывной работе каждый рабочий был освобожден от работы в месяц на четверо суток, если рабочий день его больше 8-ми часов. Значит, для рабочих в *непрерывных* производствах число дней отдыха *сильно уменьшено*: 4 в месяц, в год 48, тогда как *даже* закон (при всем урезывании праздников) оставил 66 обязательных праздников в году. Какое разумное основание имели министры для того, чтобы уменьшить это число праздников? Ровно никакого; *непрерывность* все равно нарушается и при 4-х праздниках в месяц, т. е. фабриканты все равно должны нанимать других рабочих на время праздников (если производство *действительно* непрерывно, т. е. его нельзя *остановить*). Значит, гг. министры урезали еще рабочие праздники *ради того только*, чтобы поменьше «стеснить» фабрикантов, чтобы уменьшить случаи найма *других* рабочих! Мало того, «инструкция» разрешает даже фабричным инспекторам утверждать и такие правила внутреннего распорядка, в которых назначается *еще меньший отдых рабочим!* Фабричный инспектор должен только донести об этом департаменту торговли и промышленности. Это самый наглядный пример, показывающий, почему наше правительство любит ничего не говорящие законы и подробные правила и инструкции: чтобы переделать неприятное правило, достаточно попросить об этом в департаменте... безгрешных доходов!! Точно так же фабричный инспектор может (согласно инструкции!) разрешить отнесение к непрерывным и таких работ, которые не указаны в списке, приложенном к инструкции: достаточно донести департаменту... Примечание к этому правилу говорит, что непрерывные работы должны быть *особо обозначены* в правилах внутреннего распорядка. «Отступления от этого закона допускаются лишь постольку, поскольку это действительно необходимо» (так говорит правило министров). А кому следить за тем, *действительно ли* необходимо или нет? Кроме рабочих некому: они должны не позволять вносить в правила внутреннего распорядка оговорки насчет непрерывных работ без *действительной* надобности. Второе правило.

Отступления от закона допускаются тогда, когда рабочие заняты работами вспомогательными при различных производствах (текущий ремонт, уход за котлами, двигателями и приводами, отопление, освещение, водоснабжение, сторожевая и пожарная служба и т. п.). Отступления эти тоже должны быть *особо обозначены* в правилах внутреннего распорядка. Насчет дней отдыха для этих рабочих *правила не говорят ни слова*. Рабочим опять-таки остается самым понаблюдать за тем, чтобы иметь отдых, т. е. не соглашаться на такие правила внутреннего распорядка, в которых не назначены дни отдыха для таких рабочих. Третье правило. Отступления от правил о рабочем дне и о воскресном и праздничном отдыхе и от правил внутреннего распорядка допускаются еще в двух случаях: во-1-х, в случаях внезапной порчи механизмов, орудий и т. п., вызвавшей прекращение работ всей фабрики или отдела ее. Необходимый *ремонт* в этих случаях допускается производить вне правил. Во-2-х, вне правил разрешается производить «временные работы в каком-либо отделе заведения в тех случаях, когда, вследствие пожара, поломки и т. п. непредвиденных обстоятельств, работы того или иного отдела заведения были на некоторое время сокращены или совсем приостановлены и когда то необходимо для полного хода других отделов заведения». (В этом случае фабрикант должен в тот же день известить фабричного инспектора, который и *разрешает* такие работы.) Это последнее правило показывает громадную «заботливость» министров о том, чтобы фабриканты не израсходовали лишнего рубля. В одном отделе фабрики был пожар. Работа остановилась. Сделав исправления, фабрикант хочет наверстать потерянное время. *Поэтому* министр разрешает ему выжимать из рабочих сколько угодно лишнего труда, заставляя их работать хоть по 18 часов в сутки. Да при чем же тут рабочие? Когда фабрикант получает лишнюю прибыль, разве он делится с рабочими? разве он сокращает тогда рабочий день? С какой же стати рабочим *удлинять* рабочий день, когда фабрикант терпит убыток? Ведь это значит: прибыль себе беру, а убыток на рабочих валю. Если нужно наверстать потерянное, почему же не нанять других рабочих? Удивительно, как «заботливы» русские министры о кармане гг. фабрикантов! Четвертое

правило. Отступления от нового закона могут быть и «в других особо важных, исключительных случаях». (Какие это еще случаи? Да столько уже перечислено особо важных, исключительных случаев, что, кажется, других не осталось?) Такие отступления на каждый случай отдельно разрешают министры финансов и внутренних дел. Значит, попросит фабрикант, — разрешат министры — и ладно. Рабочих и не спрашивают: статочное ли это дело, чтобы «господа» стали спрашивать мнение черного народа! Подлый народ должен работать на капиталистов, а не рассуждать о том, «исключительный» ли случай заставил фабриканта попрошайничать или самая обыкновенная страсть к наживе. Таковы правила министров об отступлениях от нового закона. Как видим, все эти правила говорят о том, как и когда можно не исполнять закона, можно уменьшить то, что требует закон от фабрикантов для рабочих. О том, чтобы увеличить требования закона от фабрикантов в пользу рабочих, министры не говорят *ни единого словечка*. Пусть вспомнят рабочие, что было сказано в книжке о новом фабричном законе по вопросу о том, для чего закон предоставляет такие большие права министрам!

V

Насчет смен постановлено только одно небольшое правило, которое позволяет при 18-тичасовой работе в две смены *увеличивать* число рабочих часов в сутки до 12-ти, с тем, чтобы в среднем, по расчету за две недели, рабочее время для каждого рабочего не превосходило 9 часов в сутки. Это правило опять-таки, след., позволяет *увеличивать* рабочий день. Сколько уже правил об *увеличении* рабочего дня, об уменьшении не было ни одного — и не будет! По этому правилу, можно заставить рабочих работать целую неделю по 12 часов в сутки, и «инструкция» опять-таки добавляет, что фабричные инспекторы могут разрешать и другие отступления от закона, донося директору... Затем к сменам же относится вышеприведенное правило, определяющее рабочее время непрерывной работы в *24 часа в двое суток*. Инструкция поясняет, почему сказано 24 часа в двое суток, а не 12 часов в сутки. Это сказано для того, чтобы оставить неизменным при-

нятый на некоторых фабриках безобразный порядок непрерывной работы 2-х смен через 8 часов: при таких сменах рабочий работает один день 16 часов, другой день 8 часов, не имея никогда ни правильного отдыха, ни правильного сна. Безобразнее этих смен трудно себе что-либо представить; но министры не только не сделали ничего для ограничения этих безобразий, но даже имели наглость сказать в «инструкции», что подобные смены при многих условиях удобнее для рабочих!! Вот как заботятся министры об *удобстве рабочих!*

VI

О сверхурочных работах в правилах даны, на первый взгляд, наиболее точные определения. Ограничения сверхурочной работы — самое главное не только в министерских правилах, но и во всем новом законе. Мы уже говорили выше о полной неопределенности самого закона по этому вопросу, о первоначальном намерении министерства финансов оставить сверхурочные работы без всяких добавочных правил. Теперь оказалось, что министры все-таки ограничили сверхурочные работы, ограничили именно так, как предполагала это сделать комиссия, составлявшая новый закон, т. е. 120-ью часами в год. Но зато министр финансов в «инструкции» повторил в назидание фабричным инспекторам все те уловки и кляузы *против рабочих*, которые мы привели в книге о новом законе из «Вестника Финансов»: «инструкция», повторяем, списана с «Вестника Финансов».

Первое правило относится к тому положению нового закона, по которому фабрикант может вносить в договор с рабочим условие о сверхурочных работах, необходимых по техническим условиям производства. Мы уже говорили о неопределенности этого. А между тем эта статья закона имеет громадную важность: если условие о сверхурочных работах внесено в правила внутреннего распорядка, то сверхурочные работы *обязательны* для рабочего, и *весь закон при этом остается без применения*. Теперь в министерских правилах это выражение поясняется так: «необходимыми по техническим условиям производства» можно считать только такие работы, которые вызываются *исключительно случайными и притом*

зависящими от свойств самого производства отклонениями от нормального его хода». Значит, напр., такие отклонения, которые вызываются усиленными заказами, сюда не относятся (так как они от свойств производства не зависят). Отклонения, вызванные пожаром, поломкой и т. п., тоже сюда не относятся, так как они тоже не зависят от свойств самого производства. *По здравому смыслу* надо бы понимать правило именно так. Но тут на помощь фабрикантам приходит «инструкция». «Инструкция» так блестяще развивает те случаи, когда сверхурочные работы можно делать обязательными для рабочих, внося их в условия найма, т. е. в правила внутреннего распорядка, — что к этим случаям можно отнести *буквально что угодно*. В самом деле, пусть вспомнят рабочие, как *развивала* закон статья в «Вестнике Финансов», и теперь сличат с ней «инструкцию». Сначала «инструкция» говорит о работах, «необходимых по техническим условиям производства», — затем она незаметно подставляет другое выражение: «работы безусловно необходимые» (вот как! а кто судит о необходимости?), — а еще дальше инструкция приводит и примерчики «безусловной необходимости»: оказывается, что сюда подходят и те случаи, когда фабриканту «невозможно или ватруднительно (старый знакомый!) увеличить число рабочих», когда работа идет очень спешно и срочно (напр., при сезонных работах); когда требуется выпускать газету из типографии ежедневно; когда работы нельзя было предвидеть заранее и т. д. Одним словом, чего хочешь, того просишь. Бесстыдные прихвостни капиталистов, заседающие в министерстве финансов, так *развили* закон, что фабрикант *вправе* вносить в правила внутреннего распорядка требование *каких угодно сверхурочных работ*. А раз такое требование внесено в правила внутреннего распорядка, то весь новый закон идет к черту, и все остается по-старому. Рабочие должны не допускать внесения этих требований в правила внутреннего распорядка, иначе их положение не только не улучшится, но даже ухудшится. Рабочие могут видеть на этом примере, как фабриканты и чиновники сговариваются о том, как им опять закабалить рабочих на законном основании. «Инструкция» ясно показывает этот сговор, это прислужничество министерства финансов интересам капиталистов.

Второе правило о сверхурочных работах постановляет, что число сверхурочных работ на каждого рабочего не должно превышать 120 часов в год, причем в это число *не включаются*, во-1-х, те сверхурочные работы, которые условлены в договоре, как обязательные для рабочего «по техническим условиям производства», а мы сейчас видели, что под это выражение министры разрешили подводить *какие угодно* случаи, не имеющие ничего общего с «техническими условиями производства»; во-2-х, не включаются те сверхурочные работы, которые происходят по случаю пожара или поломки и проч., или по случаю бывшей в каком-нибудь отделении остановки для навестания потерянного.

Взятые вместе, все эти правила о сверхурочной работе удивительно напоминают известную басню о том, как лев делил «поровну» добычу между своими товарищами по охоте: первую часть он берет себе по праву; вторую часть за то, что он царь зверей; третью — за то, что он всех сильнее; а к четвертой — кто лапу протянет, тот с места жив не встанет. Вот совершенно так и у нас будут теперь рассуждать фабриканты по поводу сверхурочных работ. Во-1-х, они «по праву» будут выжимать из рабочих сверхурочную работу, «необходимую по техническим условиям производства», т. е. какую угодно работу, лишь бы занести ее в правила внутреннего распорядка. Во-2-х, они будут выжимать из рабочих работу в «особых случаях», т. е. когда они хотят свалить на рабочих свои убытки. В-3-х, они будут выжимать с них еще 120 часов в год на том основании, что они богаты, а рабочие — нищие. В-4-х, в «исключительных случаях» они получат особые льготы у министров. Ну, а затем, что после всего этого останется из 24 часов в сутки, — тем рабочие могут «свободно» пользоваться, памятуя крепко, что справедливое правительство отнюдь не «лишает их права» работать и по 24 часа в сутки... Чтобы это выжимание из рабочих сверхурочной работы шло *по закону*, — для этого постановлено, чтобы фабриканты завели особые *книжки* обо всех этих видах сверхурочной работы. В одну книгу будут записывать то, что они дерут с рабочих «по праву»; в другую книгу то, что дерут в «особых случаях»; в третью — то, что дерут по «особому соглашению» (не более 120 часов в год); в четвертую — то, что дерут в «исключительных

случаях». Вместо улучшения положения рабочих получится одна волокита и канцелярская переписка (как это и всегда бывает в результате всех реформ неограниченного русского правительства). Фабричные урядники будут приезжать на фабрики и «надзирать»... за этими книгами (в которых сам чорт ногу сломит), а в свободное от этого полезного занятия время будут доносить директору торговли и мануфактур о новых подачках фабрикантам, а департаменту полиции о стачках рабочих. И ловкие же люди, эти торгаши, в компании с башибузуками, которые составляют наше правительство! За сходную цену они теперь наймут еще заграничного представителя, который будет свистать на всех перекрестках перед «Европой», что вот, дескать, какие есть у нас заботливые о рабочих законы.

VII

Бросим, в заключение, общий взгляд на министерские правила. Вспомним, какие правила предоставил новый закон гг. министрам? Правила трех разрядов: 1) правила в разъяснение закона; 2) правила, увеличивающие или уменьшающие требования нового закона от фабрикантов; 3) правила об особо вредных для рабочих производствах. Как же воспользовались министры предоставленным им законом правом?

По первому разряду они ограничились самым необходимым, самым меньшим, без чего нельзя было уж обойтись. Сверхурочную работу они допустили в очень большом и растяжимом объеме, — 120 часов в год, введя при этом посредством инструкций такую уйму исключений, что они уничтожают всякое значение правил. Перерывы для рабочих они постарались урезать, смены со всеми их безобразиями оставили по-старому, если не ухудшили.

По второму разряду правил министры *сделали все*, чтобы уменьшить требования нового закона от фабрикантов, т. е. *все сделали для фабрикантов и ровно ничего не сделали для рабочих*: в правилах нет ни одного увеличения требований нового закона от фабрикантов в пользу рабочих.

По третьему разряду правил (т. е. в пользу рабочих, вынужденных работать в самых вредных производствах)

министры не сделали ровно ничего, не обмолвились об этом ни единым словом. Только в инструкции помянуто, что фабричные инспекторы могут доносить в департамент об особо вредных производствах! «Доносить»-то фабричные инспекторы и раньше могли о чем угодно. Только по какой-то непонятной причине фабричные урядники до сих пор «доносили» о рабочих стачках, о способах травли, а не о защите рабочих в особенно вредных производствах.

Рабочие сами могут видеть отсюда, чего им ждать от чиновников полицейского правительства. Для того, чтобы добиться 8-ми часового рабочего дня и полного запрещения сверхурочных работ, русским рабочим предстоит еще много упорной борьбы.

ПО ПОВОДУ ОДНОЙ ГАЗЕТНОЙ ЗАМЕТКИ

В № 239 «Русских Ведомостей»⁷⁸ (от 30 августа) помещена статейка г. Н. Левитского: «О некоторых вопросах, касающихся народной жизни». «Живя в деревне и имея постоянное общение с народом», автор «давно натолкнулся» на некоторые вопросы народной жизни, разрешение которых путем соответственных «мероприятий» представляет собой «неотложную необходимость», «настоятельную потребность». Автор выражает уверенность, что его «краткие заметки» о предмете такой важности «найдут себе отклик в среде лиц, интересующихся народными нуждами», и выражает желание вызвать обмен мыслей по поводу предложенных им вопросов.

«Высокий слог», которым писана статейка г-на Н. Левитского, и обилие высоких слов заставляют уже наперед ожидать, что речь идет о каких-нибудь действительно важных, неотложных, насущных вопросах современной жизни. На самом же деле, предложения автора дают лишь еще один, и чрезвычайно рельефный, пример того поистине маниловского прожектерства, к которому приучили русскую публику публицисты народничества. Вот почему мы и сочли небесполезным подать свой голос о поднятых г-ном Н. Левитским вопросах.

«Вопросов» исчислено г-ном Н. Левитским пять (по пунктам), причем на каждый «вопрос» автор дает не только «ответ», но и указывает с полной определенностью соответствующее «мероприятие». Первый вопрос — «дешевый и доступный» кредит, устранение произвола ростовщиков, «кулаков и всякого рода мироедов и хищников». Мероприятие — «выработка более упрощенного типа

деревенских крестьянских касс», и автор проектирует выдачу сберегательных книжек из касс госуд. банка не на отдельных лиц, а на специально устроенные товарищества, делающие чрез посредство одного казначея взносы и получающие ссуды.

Итак, вот к какому выводу привело автора давнее «общение с народом» по столь избитому вопросу о кредите: «выработка» нового типа касс! Автор полагает, очевидно, что у нас слишком мало бумаги и чернил изводится на выработку бесконечных «типов», «образцов», «уставов», «образцовых уставов», «нормальных уставов» и т. д. и т. д. «Живя в деревне», наш практик не заметил никаких более важных вопросов, вызываемых желанием заменить «кулака» «дешевым и доступным кредитом». Мы не станем, конечно, говорить здесь о значении кредита: мы берем за данное цель автора и рассматриваем с чисто практической стороны те средства, о которых с такой помпой говорит автор. Кредит есть учреждение развитого товарного обращения. Спрашивается, возможно ли такое учреждение в нашем крестьянстве, которое поставлено бесчисленными остатками сословных законов и запрещений в условия, *исключающие* правильное, свободное, широкое и развитое товарное обращение? Не смешно ли, говоря о насущных и неотлагательных народных нуждах, сводить вопрос о кредите к выработке нового типа «уставов», умалчивая совершенно о необходимости *отмены* целой массы «уставов», препятствующих правильному товарному обращению в крестьянстве, препятствующих свободному обороту имущества, движимых и недвижимых, свободному переходу крестьян с места на место и от одного занятия к другому, свободному доступу в крестьянские общества лиц из других классов и сословий? Борьба с «кулаками, ростовщиками, мироедами, хищниками» посредством усовершенствования «уставов» кредитных касс, что может быть комичнее этого? Ростовщичество в худших видах сильнее всего держится в нашей деревне именно благодаря ее сословной замкнутости, благодаря наличности тысячи пут, связывающих развитие товарного обращения, — и вот наш практический автор не упоминает ни словом об этих путях и насущным вопросом деревенского кредита объявляет выработку *новых* уставов.

По всей вероятности, развитые капиталистические страны, в которых деревня давно поставлена в условия, соответствующие торговому обороту, и в которых кредит получил широкое развитие, по всей вероятности, эти страны достигли такого успеха благодаря обильным «уставам», составленным благожелательными чиновниками!

Второй вопрос — «беспомощность положения крестьянской семьи в случае смерти главы ее», а также «настоятельная необходимость» «сбергать и охранять всеми возможными мерами и способами крестьянское рабочее земледельческое население». Как видите, чем дальше, тем «вопросы» г. Н. Левитского становятся шире, величественнее! Если первый вопрос касался самого дюжинного буржуазного учреждения, пользау которого мы могли бы признать лишь с весьма большими оговорками, то здесь перед нами ставят уже вопрос такой гигантской важности, что «в принципе» мы вполне признаем его насущность и не можем отказать автору в нашей симпатии за то, что он *ставит* подобный вопрос. Но гигантскому вопросу соответствует у народника и «мероприятие» гигантской... как бы это помягче выразиться?.. неумности. Слушайте: «...является неотложная необходимость организации и введения обязательного (sic!*) *массового, удешевленного до возможного минимума, взаимного страхования жизни всего крестьянского населения*** (обществами, товариществами, артелями и т. д.). При этом необходимо выяснить роль и участие в этом деле а) частных страховых обществ, б) земства и в) государства».

Ведь этакие наши мужики недогадливые! Не думают о том, что вот умрет хозяин, — придется семье идти по миру; не уродится хлеб, — придется умирать с голоду, а иногда и уродится, да все-таки не миновать идти по миру, возвращаясь с неудачных поисков за «заработками»! Не соображают эти глупые мужики, что существует на свете «страхование жизни», которым уже давно многие хорошие господа пользуются и от которого другие хорошие господа (владельцы акций страховых обществ) деньги наживают. Не соображает голодный «Сысойка», что стоит ему с таким же голодным «Митяем» устроить общество

* — так! Ред.

** Курсив автора.

для взаимного страхования жизни (с минимальным, самым минимальным взносом!) — и их семьи будут обеспечены на случай смерти хозяев! К счастью, за этих недогадливых мужиков думает наша просвещенная народническая интеллигенция, один из представителей которой, «живя в деревне и имея постоянное общение с народом», «давно натолкнулся» на этот грандиозный, до умопомрачения грандиозный «проект»!

Вопрос третий. «В связи с этим вопросом необходимо выдвинуть и обсудить вопрос об образовании *общеймперского капитала по страхованию жизни крестьянского населения**, подобно тому, как существуют *общеймперские капиталы продовольственный и пожарный*». Само собою разумеется, что для страхования надо обсудить вопрос о капитале. Но нам кажется, что высокопочтенный автор допустил здесь один существенный пробел. Разве не «необходимо выдвинуть и обсудить» также вопрос о том, к какому министерству и к какому департаменту относится проектируемое учреждение? С одной стороны, без сомнения, им должно заведывать министерство внутренних дел по хозяйственному департаменту. С другой стороны, ближайше заинтересован и земский отдел м-ва вн. дел. С третьей стороны, заведывать страхованием должно также м-во финансов. Не целесообразнее ли ввиду этого проектировать учреждение особого «главного управления государственным обязательным взаимным страхованием жизни всего крестьянского населения», ну, например, наподобие *главного управления государственного коннозаводства*?

Вопрос четвертый. «Ввиду, далее, огромной распространенности в России всякого рода артелей, а также ввиду несомненной пользы и значения их для народного хозяйства, назрела настоятельная потребность 4) в организации отдельного специального *Общества для содействия земледельческим и другим артелям*». Что всякого рода артели приносят пользу тем классам населения, которые их устраивают, это несомненно. Несомненно также, что и для всего народного хозяйства объединение представителей разных классов принесет великую пользу. Автор напрасно только чересчур увлекается, говоря об «огромной распространенности в России всякого рода

* Курсив автора.

артелей». Всякий знает, что, по сравнению с любой из западно-европейских стран, в России *невероятно мало, феноменально мало* «всякого рода артелей»... «Всякий знает»... кроме мечтающего Манилова. Знает это, напр., и редакция «Русских Ведомостей», поместившая *перед* статьей г. Н. Левитского очень интересную и содержательную статью «Синдикаты во Франции», и г. Н. Левитский мог бы узнать из этой статьи, как бесконечно широко развиты в капиталистической Франции (по сравнению с некапиталистической Россией) «артели *всякого рода*». Я подчеркиваю «всякого рода», ибо из этой же статьи легко видеть, напр., что во Франции синдикаты бывают четырех родов: 1) синдикаты рабочих (2163 синдиката с 419172 участниками); 2) синдикаты хозяев (1622 с 130752 участниками); 3) сельскохозяйственные синдикаты (1188 с 398048 членами) и 4) смешанные синдикаты (173 с 31126 членами). Прикиньте-ка сумму, г. Левитский! Вы получите почти миллион лиц (979 тыс.), объединенных «артелями всякого рода», и скажите теперь, положе руку на сердце, неужели вам не стыдно соскользнувшей у вас фразы об «огромной распространенности в России всякого рода (sic!!!) артелей»? Неужели вы не замечаете, какое комичное, грустно-комичное впечатление производит ваша статья, помещенная рядом с голыми цифрами о «синдикатах во Франции»? Эти бедные французы, которых, видно, язва капитализма лишила «огромной распространенности артелей всякого рода», вероятно, гомерически расхохотались бы над предложением устроить «отдельное специальное общество»... для содействия устройству всяких обществ! Но этот смех, само собою разумеется, был бы только проявлением известного французского легкомыслия, неспособного понять российскую основательность. Эти легкомысленные французы не только устраивают «всякого рода артели», не устроив предварительно «общества для содействия артелям», но даже — *horribile dictum!** — не вырабатывают предварительно «образцовых», «нормальных» уставов и «упрощенных типов» различных обществ!

Пятый вопрос... (назрела настоятельная необходимость) «в издании при этом обществе (или отдельно) *специального*

* — страшно сказать! *Ред.*

органа... посвященного исключительно изучению кооперативного дела в России и за границей»... Да, да, г. Левитский! Когда испорченный желудок мешает человеку как следует есть, тогда ему ничего не остается, кроме чтения о том, как другие люди едят. Но только больному до такой степени человеку, пожалуй, ведь, и доктора не позволили бы читать о чужих обедах: подобное чтение может пробудить неумеренные аппетиты, не соответствующие диете... Доктора были бы в этом случае вполне последовательны.

Мы изложили небольшую заметку г. Н. Левитского с достаточной подробностью. Читатель спросит, пожалуй, стоило ли останавливаться так долго на беглой газетной заметке, стоило ли посвящать ей такой длинный комментарий? Что за важность, что человеку (полному, вообще говоря, самых благих пожеланий) случилось взболтнуть вздор о каком-то обязательном взаимном страховании жизни всего крестьянского населения? Нам случалось слышать совершенно такие же мнения по аналогичным поводам. Мнения эти более чем неосновательны. Уж не случайность ли это, в самом деле, что наших «передовых публицистов» нет-нет да и стошнит таким феноменально-диким «проектом» в духе «крепостного социализма», что остается только руками развести? Не случайность ли это, что даже такие органы, как «Русское Богатство» и «Русские Ведомости», — органы, которые отнюдь не принадлежат к ультра-народническим, которые всегда протестуют против крайностей народничества и против выводов из народничества à la* г. В. В., органы, которые не прочь даже прикрыть лохмотья своего народничества нарядом нового ярлыка вроде какой-нибудь «этико-социологической школы», что даже такие органы периодически с превеликой регулярностью преподносят российской публике то какую-нибудь «просветительную утопию» г-на С. Южакова⁷⁹, проект обязательного среднего образования в земледельческих гимназиях с отработками неимущих крестьян за свое образование, то вот этакий проект г-на Н. Левитского об обязательном взаимном страховании жизни всего крестьянского населения**.

* — вроде. Ред.

** Сравнивая этих двух прогностеров народнической публицистики, нельзя не отдать предпочтения г-ну Н. Левитскому, проект которого немножко умнее, чем проект г-на С. Южакова.

Было бы слишком наивно объяснять это явление случайностью. Манилов сидит в каждом народнике. Пренебрежение к реальным условиям действительности и действительной экономической эволюции, нежелание разбирать реальные интересы отдельных классов русского общества в их взаимоотношении, привычка *сверху* судить и рядить о «нуждах» и «судьбах» отечества, чванство теми жалкими остатками средневековых союзов, которые имеются в русских общинах и артелях, в связи с пренебрежительным отношением к несравненно более развитым союзам, свойственным более развитому капитализму, — все эти черты вы найдете в той или другой степени в *каждом* из народников. Поэтому-то и бывает так поучительно наблюдать, когда какой-нибудь не очень умный, но очень наивный писатель с неустрашимостью, достойной лучшей участи, доводит эти черты до полного логического развития и воплощает в яркой картине какого-нибудь «проекта». Такие проекты выходят всегда яркими, до того яркими, что достаточно *показать* их читателю, чтобы *доказать* тот вред, который приносит нашей общественной мысли и нашему общественному развитию современное мелкобуржуазное народничество. В таких проектах всегда много комичного; при поверхностном чтении вы не выносите даже бóльшую часть никакого другого впечатления, кроме желания посмеяться. Но попробуйте разобраться в них — и вы скажете: «все это было бы смешно, когда бы не было так грустно!»

Написано в ссылке в сентябре
1897 г.

Напечатано в журнале
«Новое Слово», кн. I, 1897 г.
Подпись: К. Т — н

Печатается по тексту журнала
«Новое Слово»

ЗАДАЧИ РУССКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ⁸⁰

Написано в ссылке в конце 1897 г.

*Впервые напечатано отдельной
брошюрой в Женеве, 1898 г.*

*Печатается по тексту издания
1902 г., сверенному с копией
рукописи, изданными 1898,
1905 гг. и текстом сборника:
Вл. Ильин — «За 12 лет», 1907 г.*

ПРОЛЕТАРИИ ВСѢХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЯ!

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЪДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ.

Н. ЛЕНИНЪ.

**ЗАДАЧИ
РУССКИХЪ**

СОЦІАЛЪДЕМОКРАТОВЪ

Издание 2-е.

СЪ ПРЕДИСЛОВІЯМИ

АВТОРА

И

П. Б. АКСЕЛЬРОДА.

Издание Загран. Лиги Русск. Революціонной Соціалъдемократіи.

ЖЕНЕВА

Типографія Лиги, Route Caroline, 27.

1902 г.

Вторая половина 90-х годов характеризуется замечательным оживлением в постановке и разрешении русских революционных вопросов. Появление новой революционной партии народоуправцев, растущее влияние и успехи социал-демократов, внутренняя эволюция народоуправчества, — все это вызвало оживленное обсуждение программных вопросов как в кружках социалистов — интеллигентов и рабочих, — так и в нелегальной литературе. Стоит указать в последней области на «Насущный вопрос» и «Манифест» (1894) партии «Народного права»⁸¹, на «Летучий Листок «Группы народоуправцев»»⁸², на заграничный «Работник», издаваемый «Союзом русских социал-демократов»⁸³, на усиливающуюся деятельность по изданию революционных брошюр, главным образом для рабочих, в России, на агитационную деятельность социал-демократического «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» в С.-Петербурге в связи с знаменательными петербургскими стачками 1896 г. и т. д.

В настоящее время (конец 1897 г.) наиболее животрепещущим вопросом является, с нашей точки зрения, вопрос о *практической* деятельности социал-демократов. Мы подчеркиваем *практическую* сторону социал-демократизма, ибо теоретическая сторона его пережила уже, повидимому, наиболее острый период упорного непонимания противников, усиленных стремлений подавить новое направление при самом его появлении, с одной стороны, и горячей защиты оснований социал-демократизма, с другой. Теперь теоретические воззрения социал-демократов представляются *в главных и основных своих чертах*

достаточно выясненными. Нельзя сказать того же о *практической* стороне социал-демократизма, о его политической *программе*, о его приемах деятельности, его тактике. Именно в этой области господствует, кажется нам, больше всего недоразумений и взаимного непонимания, препятствующего полному сближению с социал-демократизмом тех революционеров, которые в теории отрешились вполне от народофильства, а на практике — либо приходят самой силой вещей к пропаганде и агитации среди рабочих, даже более: к постановке своей деятельности среди рабочих на почву *классовой борьбы*; — либо стремятся выделить *демократические* задачи в основу всей программы и всей революционной деятельности. Если мы не ошибаемся, последняя характеристика подходит к тем двум революционным группам, которые действуют в настоящее время в России наряду с социал-демократами, именно: к народолюбцам и народоправцам.

Поэтому нам кажется особенно своевременной попытка разъяснить *практические* задачи социал-демократов и изложить те основания, по которым мы считаем их программу наиболее рациональной из трех наличных программ, а возражения против нее основанными в значительной степени на недоразумении.

Практическая деятельность социал-демократов ставит себе, как известно, задачей руководить классовой борьбой пролетариата и организовать эту борьбу в ее обоих проявлениях: социалистическом (борьба против класса капиталистов, стремящаяся к разрушению классового строя и организации социалистического общества)⁸⁴ и демократическом (борьба против абсолютизма, стремящаяся к завоеванию в России политической свободы и демократизации политического и общественного строя России). Мы сказали: *как известно*. И действительно, с самого своего появления, в качестве особого социально-революционного направления, русские социал-демократы всегда с полной определенностью указывали на такую задачу своей деятельности, всегда подчеркивали двойное проявление и содержание классовой борьбы пролетариата, всегда настаивали на неразрывной связи своих социалистических и демократических задач, — связи, наглядно выраженной в названии, принятом ими. Тем не менее, и до сих пор вы встречаете зачастую социалистов,

которые имеют самые превратные представления о социал-демократах, обвиняя их в игнорировании политической борьбы и т. п. Остановимся же несколько на характеристике обеих сторон практической деятельности русской социал-демократии.

Начнем с социалистической деятельности. С тех пор, как социал-демократический «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» в СПб проявил свою деятельность среди петербургских рабочих, характер социал-демократической деятельности в этом отношении, казалось бы, должен быть вполне ясен. Социалистическая работа русских социал-демократов состоит в *пропаганде* учений научного социализма, в распространении среди рабочих правильного понятия о современном общественно-экономическом строе, его основаниях и его развитии, о различных *классах* русского общества, об их взаимоотношении, о борьбе этих классов между собой, о роли рабочего класса в этой борьбе, его отношении к падающим и развивающимся классам, к прошлому и будущему капитализма, об исторической задаче международной социал-демократии и русского рабочего класса. В неразрывной связи с пропагандой стоит *агитация* среди рабочих, выдвигаясь естественно на первый план при современных политических условиях России и при уровне развития рабочих масс. Агитация среди рабочих состоит в том, что социал-демократы принимают участие во всех стихийных проявлениях борьбы рабочего класса, во всех столкновениях рабочих с капиталистами из-за рабочего дня, рабочей платы, условий труда и проч. и проч. Наша задача — слить свою деятельность с практическими, бытовыми вопросами рабочей жизни, помогать рабочим разбираться в этих вопросах, обращать внимание рабочих на важнейшие злоупотребления, помогать им формулировать точнее и практичнее свои требования к хозяевам, развивать в рабочих сознание своей солидарности, сознание общих интересов и общего дела всех русских рабочих, как единого рабочего класса, составляющего часть всемирной армии пролетариата. Организация кружков среди рабочих, устройство правильных и конспиративных сношений между ними и центральной группой социал-демократов, издание и распространение рабочей литературы, организация корреспонденций из всех центров

рабочего движения, издание агитационных листков и прокламаций и распространение их, подготовка контингента опытных агитаторов, — таковы, в общих чертах, проявления социалистической деятельности русской социал-демократии.

Наша работа прежде всего и больше всего направлена на фабрично-заводских, городских рабочих. Русская социал-демократия не должна раздроблять свои силы, она должна сосредоточиться на деятельности среди промышленного пролетариата, наиболее восприимчивого для социал-демократических идей, наиболее развитого интеллектуально и политически, наиболее важного по своей численности и по концентрированности в крупных политических центрах страны. Создание прочной революционной организации среди фабрично-заводских, городских рабочих является поэтому первой и насущной задачей социал-демократии, задачей, отвлекаться от которой в настоящее время было бы в высшей степени неразумно. Но, признавая необходимость сосредоточить свои силы на фабрично-заводских рабочих, осуждая раздробление сил, мы вовсе не хотим сказать, чтобы русская социал-демократия игнорировала остальные слои русского пролетариата и рабочего класса. Ничего подобного. Русский фабричный рабочий по самым условиям своей жизни вынужден сплошь да рядом становиться в самые тесные отношения к кустарям — этому промышленному пролетариату, разлитому вне фабрики в городах и деревнях и поставленному в гораздо худшие условия. Русский фабричный рабочий приходит в непосредственное соприкосновение и с сельским населением (нередко фабричный рабочий имеет семью в деревне) и, след., не может не сближаться и с сельским пролетариатом, с многомиллионной массой профессиональных батраков и поденщиков, а также с тем разоренным крестьянством, которое, держась за мизерные клочки земли, занято обработками и всякими случайными «заработками», т. е. той же работой по найму. Русские социал-демократы считают несвоевременным *направлять* свои силы в среду кустарей и сельских рабочих, но они вовсе не намерены оставлять без внимания эту среду и будут стараться просвещать передовых рабочих и по вопросам быта кустарей и сельских рабочих, чтобы эти рабочие, приходя в соприкосно-

вение с более отсталыми слоями пролетариата, заносили и в них идеи классовой борьбы, социализма и политических задач русской демократии вообще и русского пролетариата в частности. Непрактично посылать агитаторов к кустарям и сельским рабочим, куда остается такая масса работы среди фабрично-заводских, городских рабочих, но в массе случаев социалист-рабочий, помимо своей воли, соприкасается с этой средой и он должен уметь пользоваться этими случаями и понимать общие задачи социал-демократии в России. Поэтому глубоко заблуждаются те, кто обвиняет русскую социал-демократию в узости, в стремлении игнорировать массу трудящегося населения из-за одних фабрично-заводских рабочих. Напротив, агитация среди передовых слоев пролетариата есть вернейший и единственный путь к пробуждению (по мере расширения движения) и всего русского пролетариата. Распространение социализма и идеи классовой борьбы среди городских рабочих неминуемо разольет эти идеи и по более мелким, более раздробленным каналам: необходимо для этого, чтобы указанные идеи пустили более глубокие корни в более подготовленной среде и насытили этот авангард русского рабочего движения и русской революции. Направляя все свои силы на деятельность среди фабрично-заводских рабочих, русская социал-демократия готова поддерживать тех русских революционеров, которые приходят на практике к постановке социалистической работы на почву классовой борьбы пролетариата, не скрывая при этом нисколько, что никакие практические союзы с другими фракциями революционеров не могут и не должны вести к компромиссам или уступкам в теории, в программе, в знамени. Убежденные в том, что революционной теорией, служащей знаменем для революционного движения, может быть в настоящее время только учение научного социализма и классовой борьбы, русские социал-демократы будут всеми силами распространять его, охранять от лжетолкований, восставать против всяких попыток связать еще молодое рабочее движение в России с менее определенными доктринами. Теоретические соображения доказывают, а практическая деятельность социал-демократов показывает, что все социалисты в России должны стать социал-демократами.

Переходим к *демократическим* задачам и к демократической работе социал-демократов. Повторяем еще раз, что эта работа *неразрывно* связывается с социалистической. *Пропагандируя* среди рабочих, социал-демократы *не могут* обходить вопросы политические и сочли бы всякую попытку обойти их или даже отодвинуть их глубокой ошибкой и отступлением от основных положений всемирного социал-демократизма. Наряду с пропагандой научного социализма, русские социал-демократы ставят своей задачей пропаганду в рабочих массах и *демократических идей*, они стараются распространять понятие об абсолютизме во всех проявлениях его деятельности, о его классовом содержании, о необходимости свержения его, о невозможности успешной борьбы за рабочее дело без достижения политической свободы и демократизации политического и общественного строя России. *Агитируя* среди рабочих на почве ближайших *экономических* требований, социал-демократы неразрывно связывают с этим и агитацию на почве ближайших политических нужд, бедствий и требований рабочего класса, — агитацию против полицейского гнета, проявляющегося в каждой стачке, в каждом столкновении рабочих с капиталистами, — агитацию против стеснения прав рабочих, как русских граждан вообще и как наиболее угнетенного и наиболее бесправного класса в частности, — агитацию против каждого выдающегося представителя и лакея абсолютизма, приходящего в ближайшее соприкосновение с рабочими и наглядно показывающего рабочему классу его политическое рабство. Если нет такого вопроса рабочей жизни в области экономической, который не подлежал бы утилизации его для экономической агитации, то точно так же нет и такого вопроса в области политической, который бы не служил предметом политической агитации. Эти два рода агитации неразрывно связаны в деятельности социал-демократов, как две стороны одной медали. И экономическая и политическая агитация равно необходимы для развития классового самосознания пролетариата, и экономическая и политическая агитация равно необходимы как руководство классовой борьбой русских рабочих, ибо всякая классовая борьба есть борьба политическая. И та и другая агитация, пробуждая сознание рабочих, организуя, дисциплинируя их, воспитывая их

для солидарной деятельности и для борьбы за социал-демократические идеалы, даст возможность рабочим пробовать свои силы на ближайших вопросах, ближайших нуждах, даст возможность им добиваться частичных уступок у своего врага, улучшая свое экономическое положение, заставляя капиталистов считаться с силой организованных рабочих, заставляя правительство расширять права рабочих, прислушиваться к их требованиям, держа правительство в постоянном страхе перед враждебно настроенными рабочими массами, руководимыми прочной социал-демократической организацией.

Мы указали на нераздельную близость *социалистической и демократической* пропаганды и агитации, на полную параллельность революционной работы в той и другой сфере. Но есть и крупная разница между обоими видами деятельности и борьбы. Эта разница состоит в том, что в борьбе экономической пролетариат стоит совершенно одиноко, имея против себя и землевладельцев-дворян, и буржуазию, пользуясь разве (и то далеко не всегда) помощью тех элементов мелкой буржуазии, которые тяготеют к пролетариату. Между тем, в демократической, *политической* борьбе русский рабочий класс стоит не одиноко; наряду с ним становятся все политически оппозиционные элементы, слои населения и классы, поскольку они враждебны абсолютизму и ведут против него борьбу в тех или иных формах. Рядом с пролетариатом стоят здесь и оппозиционно настроенные элементы буржуазии или образованных классов или мелкой буржуазии или преследуемых абсолютизмом народностей, или религий и сект и т. д. и т. д. Является естественно вопрос, в какие отношения должен стать рабочий класс к этим элементам? И затем, не должен ли он соединиться с ними для общей борьбы против абсолютизма? Ведь социал-демократы все признают, что политическая революция в России должна предшествовать социалистической революции; не следует ли, соединившись со всеми политически оппозиционными элементами для борьбы против абсолютизма, отодвинуть пока социализм, не обязательно ли это для усиления борьбы против абсолютизма?

Разберемся в обоих вопросах.

Что касается до отношения рабочего класса, как борца против абсолютизма, ко всем остальным политически

оппозиционным общественным классам и группам, то оно вполне точно определено основными принципами социал-демократизма, изложенными в знаменитом «Коммунистическом манифесте». Социал-демократы поддерживают прогрессивные общественные классы против реакционных, буржуазию против представителей привилегированного и сословного землевладения и против чиновничества, крупную буржуазию против реакционных вождельей мелкой буржуазии. Эта поддержка не предполагает и не требует никакого компромисса с не социал-демократическими программами и принципами, это — поддержка союзника против *данного* врага, причем социал-демократы оказывают эту поддержку, чтобы ускорить падение общего врага, но они ничего не ждут *для себя* от этих временных союзников и ничего не уступают им. Социал-демократы поддерживают всякое революционное движение против современного общественного строя, всякую угнетенную народность, преследуемую религию, приниженное сословие и т. п. в их борьбе за равноправность.

Поддержка всех политически оппозиционных элементов выразится в пропаганде социал-демократов тем, что, доказывая враждебность рабочему делу абсолютизма, социал-демократы будут указывать и на враждебность абсолютизма тем или другим общественным группам, будут указывать на солидарность рабочего класса с этими группами *в тех или других вопросах, в тех или других задачах* и т. п. В агитации эта поддержка выразится тем, что социал-демократы будут пользоваться каждым проявлением полицейского гнета абсолютизма и указывать рабочим, как падает этот гнет на всех русских граждан *вообще*, на представителей особо угнетенных сословий, народностей, религий, сект и т. д. в частности и как отражается этот гнет на *рабочем классе* в особенности. Наконец, на практике эта поддержка выражается тем, что русские социал-демократы готовы заключать союзы с революционерами других направлений ради достижения тех или других частных целей, и эта готовность не раз была доказана на деле.

Тут мы подходим и ко второму вопросу. Указывая на солидарность с рабочими тех или других оппозиционных групп, социал-демократы всегда будут выделять рабочих,

всегда будут разъяснять временный и условный характер этой солидарности, всегда будут подчеркивать классовую обособленность пролетариата, который завтра может оказаться против своих сегодняшних союзников. Нам скажут: «такое указание *ослабит* всех борцов за политическую свободу в настоящее время». Такое указание *усилит* всех борцов за политическую свободу, — ответим мы. Сильны только те борцы, которые опираются на *сознанные* реальные интересы известных классов, и всякое затушевывание этих классовых интересов, играющих уже доминирующую роль в современном обществе, только ослабит борцов. Это во-1-х. А во-2-х, в борьбе против абсолютизма рабочий класс должен выделять себя, ибо *только* он является до конца последовательным и безусловным врагом абсолютизма, *только* между ним и абсолютизмом невозможны компромиссы, *только* в рабочем классе демократизм может найти сторонника без оговорок, без нерешительности, без оглядки назад. Во всех других классах, группах, слоях населения вражда к абсолютизму *не безусловна*, демократизм их всегда оглядывается назад. Буржуазия не может не сознавать задержку промышленного и общественного развития, абсолютизмом, но она боится полной демократизации политического и общественного строя и всегда может вступить в союз с абсолютизмом против пролетариата. Мелкая буржуазия двулична по самой своей природе, и тяготеет, с одной стороны, к пролетариату и к демократизму, она, с другой стороны, тяготеет к реакционным классам, пытается задержать историю, способна поддаться на эксперименты и заигрывания абсолютизма (хотя бы в форме «народной политики» Александра III-го), способна заключить союз с правящими классами против пролетариата *ради* укрепления своего положения, как *мелких собственников*. Образованные люди, вообще «интеллигенция» не может не восставать против дикого полицейского гнета абсолютизма, травящего мысль и знание, но материальные интересы этой интеллигенции привязывают ее к абсолютизму, к буржуазии, заставляют ее быть непоследовательной, заключать компромиссы, продавать свой оппозиционный и революционный пыл за казенное жалованье или за участие в прибылях или дивидендах. Что касается до демократических элементов

в угнетенных народностях и в преследуемых вероучениях, то всякий знает и видит, что классовые противоречия внутри этих категорий населения гораздо глубже и сильнее, чем солидарность всех классов подобной категории против абсолютизма и за демократические учреждения. Только один пролетариат может быть — и, по своему классовому положению, не может не быть — последовательным до конца демократом, решительным врагом абсолютизма, неспособным ни на какие уступки, компромиссы. Только один пролетариат может быть *передовым борцом* за политическую свободу и за демократические учреждения, ибо, во-1-х, на пролетариате политический гнет отражается всего сильнее, не находя никаких коррективов в положении этого класса, не имеющего ни доступа к верховной власти, ни даже доступа к чиновникам, ни влияния на общественное мнение. А во-2-х, только пролетариат способен *до конца* довести демократизацию политического и общественного строя, ибо такая демократизация отдала бы этот строй в руки рабочих. Вот почему *слияние* демократической деятельности рабочего класса с демократизмом остальных классов и групп *ослабило* бы силу демократического движения, *ослабило* бы политическую борьбу, сделало бы ее менее решительной, менее последовательной, более способной на компромиссы. Наоборот, *выделение* рабочего класса, как передового борца за демократические учреждения, *усилит* демократическое движение, *усилит* борьбу за политическую свободу, ибо рабочий класс будет *подталкивать* все остальные демократические и политически оппозиционные элементы, будет толкать либералов к политическим радикалам, будет толкать радикалов на бесповоротный разрыв со всем политическим и социальным строем современного общества. Мы сказали выше, что все *социалисты* в России должны стать *социал-демократами*. Мы добавляем теперь: все истинные и последовательные *демократы* в России должны стать *социал-демократами*.

Поясним нашу мысль примером. Возьмем учреждение чиновничества, бюрократии, как особого слоя лиц, специализировавшегося на управлении и поставленного в привилегированное положение перед народом. Начиная от абсолютистской, полуазиатской России до культурной,

свободной и цивилизованной Англии, мы везде видим это учреждение, составляющее необходимый орган буржуазного общества. Отсталости России и ее абсолютизму соответствует *полное бесправие* народа перед чиновничеством, *полная* бесконтрольность привилегированной бюрократии. В Англии есть могучий контроль народа над управлением, но и там этот контроль *далеко не полон*, и там бюрократия сохраняет не мало привилегий, является нередко господином, а не слугой народа. И в Англии мы видим, что сильные общественные группы поддерживают привилегированное положение бюрократии, препятствуют полной демократизации этого учреждения. Отчего это? Оттого, что *полная* демократизация его лежит в интересах одного лишь пролетариата: самые передовые слои буржуазии защищают некоторые прерогативы чиновничества, восстают против выборности всех чиновников, против совершенной отмены ценза, против непосредственной ответственности чиновников перед народом и т. п., ибо эти слои чувствуют, что подобной окончательной демократизацией воспользуется пролетариат *против* буржуазии. Так и в России. Против всевластного, безответственного, подкупного, дикого, невежественного и тунеядствующего русского чиновничества восстановлены весьма многочисленные и самые разнообразные слои русского народа. Но кроме пролетариата *ни один* из этих слоев не допустил бы полной демократизации чиновничества, потому что у всех других слоев (буржуазии, мелкой буржуазии, «интеллигенции» вообще) есть нити, связывающие его с чиновничеством, потому что все эти слои — *родня* русскому чиновничеству. Кто не знает, как легко совершается на святой Руси превращение интеллигента-радикала, интеллигента-социалиста в чиновника императорского правительства, — чиновника, утешающегося тем, что он приносит «пользу» в пределах канцелярской рутины, — чиновника, оправдывающего этой «пользой» свой политический индифферентизм, свое лакейство перед правительством кнута и нагайки? Только *пролетариат* безусловно враждебен абсолютизму и русскому чиновничеству, только у *пролетариата* нет никаких *нитей*, связывающих его с этими органами дворянско-буржуазного общества, только пролетариат способен на непримиримую вражду и решительную борьбу с ними.

Доказывая, что пролетариат, руководимый в его классовой борьбе социал-демократией, является передовым борцом русской демократии, мы встречаем тут крайне распространенное и крайне странное мнение, будто русская социал-демократия отодвигает назад политические задачи и политическую борьбу. Как видим, это мнение — диаметрально противоположно истине. Чем же объяснить такое поразительное непонимание принципов социал-демократии, излагавшихся много раз и изложенных уже в первых русских социал-демократических изданиях, — в заграничных брошюрах и книгах группы «Освобождение труда»⁸⁵? Нам кажется, что объяснение этого изумительного факта заключается в следующих трех обстоятельствах:

Во-первых, в общем непонимании принципов социал-демократизма представителями старых революционных теорий, привыкшими к построению программ и планов деятельности на основании абстрактных идей, а не на основании учета действующих в стране реальных классов, поставленных историей в такое-то взаимоотношение. Именно отсутствие этого реалистического обсуждения тех *интересов*, которые поддерживают русскую демократию, и могло лишь вызвать мнение, будто русская социал-демократия оставляет в тени демократические задачи русских революционеров.

Во-вторых, в непонимании того, что соединение экономических и политических вопросов, социалистической и демократической деятельности в одно целое, во единую *классовую борьбу пролетариата* не ослабляет, а усиливает демократическое движение и политическую борьбу, приближая ее к реальным интересам народных масс, вытаскивая политические вопросы из «тесных кабинетов интеллигенции» на улицу, в среду рабочих и трудящихся классов, разменивая абстрактные идеи политического гнета на те реальные проявления его, от которых страдает всего больше пролетариат и на почве которых ведет свою агитацию социал-демократия. Русскому радикалу нередко кажется, что социал-демократ, который вместо того, чтобы прямо и непосредственно звать передовых рабочих на политическую борьбу, вместо этого указывает на задачу развития рабочего движения, организации классовой борьбы пролетариата, — что социал-демократ таким

образом *отстывает* от своего демократизма, отодвигает назад политическую борьбу. Но если здесь и есть *отступление*; то разве такое, о котором говорит французская поговорка: «il faut reculer pour mieux sauter!» (нужно отступить, чтобы сильнее прыгнуть).

В-третьих, недоразумение вызвано тем, что самое понятие «политическая борьба» имеет различное значение для народовольца и народоуправца, с одной стороны, и для социал-демократа — с другой. Социал-демократы иначе понимают политическую борьбу, они понимают ее *гораздо шире*, чем представители старых революционных теорий. Наглядную иллюстрацию к этому положению, которое может показаться парадоксом, дает нам «Летучий Листок «Группы народовольцев»» № 4 от 9-го декабря 1895 г. Приветствуя от всей души это издание, свидетельствующее о глубокой и плодотворной работе мысли, которая идет в среде современных народовольцев, мы не можем не отметить статьи П. Л. Лаврова «О программных вопросах» (стр. 19—22), которая рельефно показывает иное понимание политической борьбы народовольцами старого толка*. «...Здесь, — пишет П. Л. Лавров, говоря об отношении программы народовольческой к программе социал-демократической, — существенно одно и только одно: возможна ли организация сильной рабочей партии при абсолютизме и помимо организации революционной партии, направленной против абсолютизма?» (стр. 21, столб. 2); то же самое несколько выше (столб. 1-ый): «...организовать русскую рабочую партию при господстве абсолютизма, не организуя в то же время революционной партии против этого абсолютизма». Нам совершенно непонятны эти различия, для П. Л. Лаврова столь кардинально существенные. Как это? «Рабочая партия *помимо* революционной партии, направленной против абсолютизма»? Да разве сама рабочая партия не есть революционная партия? Разве она не направлена против

* Статья П. Л. Лаврова, напечатанная в № 4, есть лишь «выдержка» из обширного письма П. Л. Лаврова, предназначенного для «Материалов». Мы слышали, что нынешним летом (1897) вышли за границу и это письмо П. Л. Лаврова в полном виде и ответ Плеханова, но мы не могли видеть ни того, ни другого. Точно так же неизвестно нам, вышел ли № 5-ый «Летучего Листка «Группы народовольцев»», в котором редакция общала редакционную статью по поводу письма П. Л. Лаврова. См. № 4, стр. 22, столбец 1-ый, примечание.

абсолютизма? Разъяснение этой странности дает следующее место статьи П. Л. Лаврова: «Организацию русской рабочей партии приходится создавать при условиях существования абсолютизма со всеми его прелестями. Если социал-демократам удалось бы сделать это, не организовав в то же время политического *заговора** против абсолютизма со всеми условиями подобного *заговора**, то, конечно, их политическая программа была бы надлежащей программой русских социалистов, так как освобождение рабочих силами самих рабочих совершалось бы. Но оно весьма сомнительно, если не невозможно» (стр. 21, ст. 1). Вот в чем суть-то! Для народовольца понятие политической борьбы тождественно с понятием политического *заговора*! Надо сознаться, что в этих словах П. Л. Лаврову удалось действительно с полной рельефностью указать основное различие в тактике политической борьбы у народовольцев и у социал-демократов. Традиции бланкизма⁸⁶, заговорщичества страшно сильны у народвольтцев, до того сильны, что они не могут себе представить политической борьбы иначе, как в форме политического заговора. Социал-демократы же в подобной узости воззрений не повинны; в заговоры они не верят; думают, что время заговоров давно миновало, что сводить политическую борьбу к заговору значит непомерно суживать ее, с одной стороны, а с другой — выбирать самые неудачные приемы борьбы. Всякий понимает, что слова П. Л. Лаврова, будто «деятельность Запада служит для русских социал-демократов безусловным образцом» (стр. 21, ст. 1), являются не больше, как полемической выходкой, а что на самом деле никогда русские социал-демократы не забывали о наших политических условиях, никогда не мечтали о возможности создать в России открыто рабочую партию, никогда не отделяли задачи борьбы за социализм от задачи борьбы за политическую свободу. Но они думали всегда и продолжают думать, что эту борьбу должны вести не заговорщики, а революционная партия, опирающаяся на рабочее движение. Они думают, что борьба против абсолютизма должна состоять не в устройстве заговоров, а в воспитании, дисциплинировании и организации пролетариата, в политической агитации среди рабочих, клей-

* Курсив наш.

мящей всякое проявление абсолютизма, прибывающей к позорному столбу всех рыцарей полицейского правительства и вынуждающей у этого правительства уступки. Разве не такова именно деятельность С.-Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»? Разве эта организация не представляет из себя именно зачатка революционной партии, которая опирается на рабочее движение, руководит классовой борьбой пролетариата, борьбой против капитала и против абсолютного правительства, не устраивая никаких заговоров и почерпая свои силы именно из *соединения* социалистической и демократической борьбы в одну нераздельную классовую борьбу петербургского пролетариата? Разве деятельность «Союза», при всей ее краткости, не доказала уже, что руководимый социал-демократией пролетариат представляет из себя крупную политическую силу, с которой вынуждено уже считаться правительство, которой оно спешит делать уступки? Закон 2-го июня 1897 г. и торопливостью его проведения, и своим содержанием наглядно показывает свое значение, как вынужденной уступки пролетариату, как отвоеванной позиции у врага русского народа. Эта уступка весьма миниатюрна, позиция очень незначительна, но ведь и та организация рабочего класса, которой удалось вынудить эту уступку, тоже не отличается ни широтой, ни прочностью, ни давностью, ни богатством опыта или средств: «Союз борьбы» основался, как известно, лишь в 1895/96 году, и его обращения к рабочим ограничивались лишь гектографированными и литографированными листками. Возможно ли отрицать, что подобная организация, объединяющая по крайней мере крупнейшие центры рабочего движения в России (округа С.-Петербургский, Московско-Владимирский, южный и важнейшие города, как Одесса, Киев, Саратов и т. д.), располагающая революционным органом и пользующаяся таким же авторитетом в среде русских рабочих, каким пользуется «Союз борьбы» среди с.-петербургских рабочих, — что подобная организация была бы крупнейшим политическим фактором в современной России, — фактором, с которым правительство не могло бы не считаться во всей своей и внутренней и внешней политике? Руководя классовой борьбой пролетариата, развивая организацию и дисциплину среди рабочих, помогая им бороться за свои ближайшие

экономические нужды и отвоевывать у капитала одну позицию за другой, политически воспитывая рабочих и систематически, неуклонно преследуя абсолютизм, травя каждого царского башибузука, дающего почувствовать пролетариату тяжелую лапу полицейского правительства, — подобная организация была бы, в одно и то же время, и приспособленной к нашим условиям организацией рабочей партии и могучей революционной партией, направленной против абсолютизма. Рассуждать же наперед о том, к какому средству прибегнет эта организация для нанесения решительного удара абсолютизму, предпочтет ли она, например, восстание или массовую политическую стачку или другой прием атаки, — рассуждать об этом наперед и решать этот вопрос в настоящее время было бы пустым доктринерством. Это было бы похоже на то, как если бы генералы устроили военный совет раньше, чем они собрали войско, мобилизовали его, повели в поход на неприятеля. А когда армия пролетариата будет неуклонно и под руководством крепкой социал-демократической организации бороться за свое экономическое и политическое освобождение, — тогда эта армия сама укажет генералам приемы и средства действия. Тогда и только тогда можно будет решить вопрос о нанесении окончательного удара абсолютизму, ибо решение вопроса зависит именно от состояния рабочего движения, от широты его, от выработанных движением приемов борьбы, от свойств руководящей движением революционной организации, от отношения к пролетариату и к абсолютизму других общественных элементов, от условий внешней и внутренней политики, — одним словом, от тысячи условий, предугадывать которые наперед и невозможно, и бесполезно.

Поэтому в высшей степени несправедливо также и следующее суждение П. Л. Лаврова:

«Если же им (социал-демократам) придется, так или иначе, группировать не только рабочие силы для борьбы с капиталом, но сплачивать революционных личностей и группы для борьбы с абсолютизмом, то русские социал-демократы *фактически* (курсив автора) примут программу своих противников, народовольцев, как бы они себя ни называли. Разница во взглядах на общину, на судьбы капитализма в России, на экономический материализм

суть частности, весьма маловажные для действительного дела и способствующие или мешающие решению частных задач, частных приемов приготовления основных пунктов, но — не более» (стр. 21, ст. 1).

Странно даже оспаривать это последнее положение, будто разница во взглядах на основные вопросы русской жизни и развития русского общества, на основные вопросы понимания истории могут касаться лишь «частностей»! Давно уже сказано, что без революционной теории не может быть и революционного движения, и *в настоящее время* вряд ли есть надобность доказывать подобную истину. Теория классовой борьбы, материалистическое понимание русской истории и материалистическая оценка современного экономического и политического положения России, признание необходимости сводить революционную борьбу к определенным интересам определенного класса, анализируя его отношения к другим классам — называть эти крупнейшие революционные вопросы «частностями», — до такой степени колоссально неверно и неожиданно со стороны ветерана революционной *теории*, что мы почти готовы считать это место просто *lapsus*'ом*. Что же касается до первой половины выписанной тирады, то ее несправедливость еще поразительнее. Заявлять печатно, что русские социал-демократы только группируют рабочие силы для борьбы с капиталом (т. е. для одной экономической борьбы!), не сплачивая революционных личностей и групп для борьбы с абсолютизмом — это значит либо не знать, либо не хотеть знать общеизвестных фактов о деятельности русских социал-демократов. Или, может быть, П. Л. Лавров не считает практически работающих в России социал-демократов «революционными личностями» и «революционными группами»? Или (это, пожалуй, вернее) под «борьбой» с абсолютизмом он понимает только заговоры против абсолютизма? (Ср. стр. 21, столб. 2: «...дело идет об... организации революционного заговора»; курсив наш.) Может быть, по мнению П. Л. Лаврова, тот, кто не устраивает политических заговоров, не ведет и политической борьбы? Повторяем еще раз: такое воззрение вполне соответствует старинным

* — обмолвкой. Ред.

традициям старинного народолюбия, но оно совершенно не соответствует ни современным представлениям о политической борьбе, ни современной действительности.

Нам остается еще сказать несколько слов о народоправцах. П. Л. Лавров вполне прав, по нашему мнению, говоря, что социал-демократы «рекомендуют народоправцев, как более откровенных, и готовы их поддерживать, впрочем, не сливаясь с ними» (стр. 19, ст. 2); надо бы только добавить: как более откровенных *демократов* и *поскольку* народоправцы выступают, как последовательные демократы. К сожалению, это условие — скорее желательное будущее, чем действительное настоящее. Народоправцы выразили желание освободить демократические задачи от народничества и вообще от связи с устарелыми формами «русского социализма», но они оказались сами далеко не освободившимися от старых предрассудков и далеко непоследовательными, когда назвали свою партию исключительно политических преобразований — партией «социально (??!)-революционной» (см. «Манифест» их, датированный 19 февраля 1894 года) и заявили в своем «манифесте», что «в понятие народного права входит организация народного производства» (мы вынуждены цитировать на память), вводя таким образом под сурдинкой те же предрассудки народничества. Поэтому, пожалуй, П. Л. Лавров был не совсем не прав, назвав их «маскарадными политиками» (стр. 20, ст. 2). Но, может быть, более справедливо смотреть на народоправство, как на переходное учение, которому нельзя не поставить в заслугу того, что оно устыдилось самобытности народнических доктрин и открыто вступило в полемику с теми отвратительнейшими реакционерами народничества, которые перед лицом полицейски-классового абсолютизма позволяют себе говорить о желательности экономических, а не политических преобразований (см. «Насущный вопрос», издание партии «Народного права»). Если в партии народоправцев нет действительно никого, кроме бывших социалистов, прячущих свое социалистическое знамя в видах тактических, надевающих только маску политиков не-социалистов (как предполагает П. Л. Лавров, стр. 20, ст. 2), — тогда, конечно, эта партия не имеет никакой будущности. Но если в этой партии есть и не маскарадные, а настоящие политики не-социа-

листы, демократы не-социалисты, — тогда эта партия может принести не малую пользу, стараясь сблизиться с политически оппозиционными элементами нашей буржуазии, стараясь пробудить политическое самосознание класса нашей мелкой буржуазии, мелких торговцев, мелких ремесленников и т. д., — этого класса, который везде в Западной Европе сыграл свою роль в демократическом движении, который у нас в России сделал особенно быстрые успехи в культурном и других отношениях за пореформенную эпоху и который не может не чувствовать гнета полицейского правительства с его циничной поддержкой крупных заводчиков, финансовых и промышленных тузов-монополистов. Для этого необходимо только, чтобы народоправцы поставили своей задачей именно сближение с различными слоями населения, а не ограничивались все той же «интеллигенцией», бессилие которой при оторванности от реальных интересов масс признает и «Насущный вопрос». Для этого необходимо, чтобы народоправцы оставили всякие претензии на слияние разнородных общественных элементов и отстранение социализма перед политическими задачами, чтобы они оставили ложный стыд, препятствующий сближению с буржуазными слоями народа, т. е. чтобы они не только говорили о программе политиков не-социалистов, но и поступали соответственно с этой программой, пробуждая и развивая классовое самосознание тех общественных групп и классов, для которых социализм вовсе не нужен, но которые чем дальше, тем сильнее чувствуют гнет абсолютизма и необходимость политической свободы.

Русская социал-демократия еще очень молода. Она только-только выходит из того зародышевого состояния, когда преобладающее место занимали вопросы теоретические. Она только начинает развивать свою практическую деятельность. На место критики социал-демократических теорий и программ революционеры других фракций должны, в силу необходимости, выступать с критикой *практической деятельности* русских социал-демократов. И надо признать, что эта последняя критика отличается самым резким образом от критики теоретической, отличается до того, что оказалось возможным

сочинить комический слух, будто С.-Петербургский «Союз борьбы» есть организация не социал-демократическая. Самая возможность подобного слуха показывает уже неправильность ходячих обвинений социал-демократов в игнорировании политической борьбы. Самая возможность такого слуха свидетельствует уже о том, что многие революционеры, которых не могла убедить *теория* социал-демократов, начинают убеждаться их *практикой*.

Перед русской социал-демократией еще громадное, едва начатое поле работы. Пробуждение русского рабочего класса, его стихийное стремление к знанию, к объединению, к социализму, к борьбе против своих эксплуататоров и угнетателей проявляется с каждым днем все ярче и шире. Гигантские успехи, которые делает русский капитализм в последнее время, ручаются за то, что рабочее движение будет безостановочно расти вширь и вглубь. В настоящее время мы переживаем, видимо, тот период капиталистического цикла, когда промышленность «процветает», торговля идет бойко, фабрики работают во-всю и, как грибы после дождя, появляются бесчисленные новые заводы, новые предприятия, акционерные общества, железнодорожные сооружения и т. д. и т. д. Не надо быть пророком, чтобы предсказать неизбежность краха (более или менее крутого), который должен последовать за этим «процветанием» промышленности. Такой крах разорит массу мелких хозяйчиков, бросит массы рабочих в ряды безработных и поставит, таким образом, перед всеми рабочими массами в острой форме те вопросы социализма и демократизма, которые давно уже встали перед каждым сознательным, каждым думающим рабочим. Русские социал-демократы должны позаботиться о том, чтобы этот крах встал русский пролетариат более сознательным, более объединенным, понимающим задачи русского рабочего класса, способным дать отпор классу капиталистов, пожинаящих ныне гигантские барыши и стремящихся всегда сваливать убытки на рабочих, — способным вступить во главе русской демократии в решительную борьбу против полицейского абсолютизма, связывающего по рукам и по ногам русских рабочих и весь русский народ.

Итак, за работу же, товарищи! Не будем терять дорогого времени! Русским социал-демократам предстоит масса

дела по удовлетворению запросов пробуждающегося пролетариата, по организации рабочего движения, по укреплению революционных групп и их взаимной связи, по снабжению рабочих пропагандистской и агитационной литературой, по объединению разбросанных по всем концам России рабочих кружков и социал-демократических групп в единую *социал-демократическую рабочую партию!*

К ПЕТЕРБУРГСКИМ РАБОЧИМ И СОЦИАЛИСТАМ ОТ «СОЮЗА БОРЬБЫ»

Тяжелое время переживают петербургские революционеры. Правительство точно собрало все свои силы, чтобы раздавить недавно зародившееся и проявившее себя с такой силой рабочее движение. Аресты приняли необычайные размеры, тюрьмы переполнены. Хватают интеллигентов, мужчин и женщин, хватают и массами высылают рабочих. Едва ли не каждый день приносит известия о новых и новых жертвах полицейского правительства, в бешенстве набросившегося на своих врагов. Правительство задалось задачей не дать окрепнуть и встать на ноги новому течению русского революционного движения. Прокуроры и жандармы хвастают уже, что им удалось разгромить «Союз борьбы».

Эта похвальба — ложь. «Союз борьбы» цел, несмотря на все преследования. С полным удовлетворением мы констатируем, что массовые аресты служат свою службу, являясь могучим орудием агитации среди рабочих и среди интеллигентов-социалистов, что на место погибших революционеров выдвигаются новые, готовые с свежими силами встать в ряды борцов за русский пролетариат и весь русский народ. Без жертв не может быть борьбы, и на зверскую травлю царских башибузуков мы отвечаем спокойно: революционеры погибли — да здравствует революция!

Усиление преследований в состоянии было до сих пор вызвать лишь временное ослабление отдельных функций «Союза борьбы», временный недостаток в агентах и агитаторах. Именно такой недостаток ощущается теперь и заставляет нас обратиться с воззванием ко всем сознательным рабочим и ко всем интеллигентам, желающим отдать свои силы на службу революционному делу. «Союзу

борьбы» нужны агенты. Пусть все кружки и все отдельные лица, желающие работать в какой бы то ни было, хотя бы самой узкой сфере революционной деятельности, заявят об этом тем, кто имеет сношения с «Союзом борьбы». (В случае, если бы какая-нибудь группа не могла найти таких лиц, — что очень маловероятно, — она может обратиться через заграничный «Союз русских социал-демократов».) Работники нужны для всякого рода работы, и чем строже специализируются революционеры на отдельных функциях революционной деятельности, чем строже обдумают они конспиративные приемы и прикрытия своего дела, чем самоотверженнее замкнутся в маленькой, невидной, частичной работе, — тем надежнее будет все дело, тем труднее будет открыть революционеров жандармам и шпионам. Правительство опутало уже заранее сеть своих агентов не только настоящие, но и возможные, вероятные очаги антиправительственных элементов. Правительство неуклонно развивает и вширь и вглубь деятельность своих слуг, травящих революционеров, изобретает новые приемы, ставит новых провокаторов, старается давить на арестованных посредством запугиваний, предъявления ложных показаний, поддельных подписей, подбрасывания фальшивых записок и т. п. средствами. Без усиления и развития революционной дисциплины, организации и конспирации невозможна борьба с правительством. А конспирация прежде всего требует специализации отдельных кружков и лиц на отдельных функциях работы и предоставления объединяющей роли самому незначительному по числу членов центральному ядру «Союза борьбы». Отдельные функции революционной работы бесконечно разнообразны: нужны агитаторы легальные, умеющие говорить среди рабочих так, чтобы их *нельзя было* привлечь к суду за это, умеющие говорить только *a*, предоставляя другим сказать *b* и *c*. Нужны распространители литературы, листов. Нужны организаторы рабочих кружков и групп. Нужны корреспонденты со всех фабрик и заводов, доставляющие сведения о всех происшествиях. Нужны люди, следящие за шпионами и провокаторами. Нужны устроители конспиративных квартир. Нужны люди для передачи литературы, для передачи поручений, для сношений всякого рода. Нужны сборщики денег. Нужны агенты в среде интеллигенции и чиновничества,

соприкасающиеся с рабочими, с фабрично-заводским бытом, с администрацией (с полицией, фабричной инспекцией и т. д.). Нужны люди для сношений с различными городами России и других стран. Нужны люди для устройства разных способов механического воспроизведения всякой литературы. Нужны люди для хранения литературы и других вещей и т. д. и т. д. Чем подробнее, мельче будет то дело, которое возьмет на себя отдельное лицо или отдельная группа, — тем больше шансов, что ему удастся обдуманно поставить это дело и наиболее гарантировать его от краха, обсудить все конспиративные частности, применив всевозможные способы обмануть бдительность жандармов и ввести их в заблуждение, тем надежнее успех дела, тем труднее для полиции и жандармов проследить революционера и связь его с организацией, тем легче будет для революционной партии заменять погибших агентов и членов другими без ущерба для всего дела. Мы знаем, что такая специализация — очень трудная вещь, трудная потому, что она требует наиболее выдержки и наиболее самоотвержения от человека, требует отдачи всех сил на невидную работу, однообразную, лишенную сношений с товарищами, подчиняющую всю жизнь революционера сухой и строгой регламентации. Но только при этих условиях удавалось корифеям революционной практики в России приводить в исполнение самые грандиозные предприятия, затрачивая годы на всестороннюю подготовку дела, и мы глубоко уверены, что у социал-демократов окажется не меньше самоотвержения, чем у революционеров предыдущих поколений. Мы знаем также, что по предлагаемой нами системе многим лицам, рвущимся приложить свои силы к революционной работе, будет очень тяжел тот подготовительный период, пока «Союз борьбы» соберет надлежащие сведения о предлагающем свои услуги лице или группе и испытает его способность на отдельных поручениях. Но без такого предварительного искуса невозможна революционная деятельность в современной России.

Предлагая такую систему деятельности своим новым товарищам, мы высказываем положения, к которым привел нас продолжительный опыт, глубоко убежденные, что успешность революционной работы наиболее гарантирована при этой системе.

Владиміръ Ильинъ.

ЭКОНОМИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ И СТАТЬИ.

Къ характеристикѣ экономическаго романтизма. — Пермская кустарная перепись. — Перлы народническаго прожектерства. — Отъ какого наследства мы отказываемся? — Къ вопросу о нашей фабрично-заводской статистикѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія А. Лейфера. Вол. Морская, 66.
1899.

Обложка сборника статей В. Ильина (В. И. Ленина)
«Экономическіе этюды и статьи»

**КУСТАРНАЯ ПЕРЕПИСЬ 1894/95 ГОДА
В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ
И
ОБЩИЕ ВОПРОСЫ
«КУСТАРНОЙ» ПРОМЫШЛЕННОСТИ⁸⁷**

Написано в ссылке в 1897 г.

*Впервые напечатано в 1898 г.
в сборнике: Владимир Ильин —
«Экономические этюды и статьи»*

*Печатается по тексту сборника
«Экономические этюды и статьи»,
сверенному с текстом сборника:
Вл. Ильин — «Аграрный вопрос»,
1908 г.*

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

(I. Общие данные. — II. «Кустарь» и наемный труд. —
III. «Общинно-трудовая преємственность»)

Пермские ученые общества предприняли, при участии земства, обширный труд к выставке 1896 года в Нижнем-Новгороде, носящий общее заглавие: «Обзор Пермского края». Материалов собрано более чем на 200 листов; все издание должно составить восемь томов. К выставке его, как водится, не успели закончить, и пока издан только первый том, содержащий очерк кустарной промышленности губернии*. «Очерк» представляет выдающийся интерес по новизне, богатству и полноте положенного в его основание материала. Материал собран был специальной *кустарной переписью*, произведенной на земские средства в 1894/95 году, причем перепись была подворная, опрашивался каждый домохозяин в отдельности. Сведения собирались земскими начальниками. Программа подворного исследования была очень обширная, обнимая и личный состав семей кустарей-хозяев, и наемный труд, употребляемый кустарями, и сельское хозяйство, и сведения о заготовке сырья, о технике производства, о распределении работ по месяцам года, о сбыте продуктов, о времени возникновения заведений, о задолженности кустарей. Насколько нам известно, столь богатые сведения опубликовываются в нашей литературе едва ли не впервые. Но кому много дано, с того много и спросится. Богатство материала дает нам право предъявлять к исследователям требование обстоятельной разработки этого материала, а этим требованиям «Очерк» удовлетворяет

* «Обзор Пермского края. Очерк состояния кустарной промышленности в Пермской губернии». Издано на средства Перм. губ. земства. Пермь, 1896. Стр. II + 365 + 232 страницы таблиц, 16 диаграмм и карта Пермской губернии. Ц. 1 р. 50 коп.

далеко не вполне. И в табличных данных, и в способе группировки и обработки их есть много пробелов, восполнять которые приходилось отчасти автору посредством выборки из книги и подсчета соответственных данных.

Мы намерены познакомить читателей с материалом, собранным переписью, с приемами его обработки, с выводами, которые следуют из данных относительно *экономической действительности* наших «кустарных промыслов». Мы подчеркиваем слова: «экономической действительности», ибо мы ставим вопрос только о том, что есть в действительности, и почему эта действительность именно такова, а не иная. Что же касается до распространения выводов из данных о Пермской губернии на все «наши кустарные промыслы» вообще, то читатель убедится из нижеследующего в законности такого распространения, ибо в Пермской губернии виды «кустарничества» чрезвычайно разнообразны и охватывают *всевозможные* виды его, о каких только сообщалось когда-либо в литературе кустарных промыслов.

Усиленно просим только читателя — как можно строже различать две стороны дальнейшего изложения: изучение и обработку фактических данных, с одной стороны, и оценку народнических воззрений авторов «Очерка», с другой.

I

ОБЩИЕ ДАННЫЕ

Кустарная перепись 1894/95 года охватила во всех уездах губернии 8991 семью кустарей (не считая семей наемных рабочих), т. е. около 72% всего числа пермских кустарей, как полагают исследователи, насчитывая по другим данным еще 3484 семьи. Основное подразделение кустарей по типам их, принятое в «Очерке», состоит в различении двух *групп* кустарей (в таблицах группы означены римскими цифрами I и II), именно имеющих земледельческое хозяйство (I) и не имеющих его (II); затем трех *подгрупп* каждой группы (арабские цифры: 1, 2, 3), именно: 1) кустари, работающие на вольную продажу; 2) кустари, работающие на заказчиков-потребителей, и 3) кустари, работающие на заказчиков-скупщиков. В двух последних подгруппах сырье преимущественно дается кустарю заказчиком. Остановимся несколько на этой группировке. Деление кустарей на земледельцев и неземледельцев,

разумеется, вполне основательно и необходимо. Обилие безземельных кустарей в Пермской губернии, сосредоточенных часто в заводских селениях, заставило авторов произвести эту группировку систематически и ввести ее в таблицы. Мы узнаем таким образом, что $\frac{1}{3}$ всего числа кустарей (в 8991 заведении 19970 семейных и наемных рабочих), именно 6638 человек принадлежат к неимеющим земледельческого хозяйства*. Уже отсюда видна, след., неточность обычных предположений и утверждений о связи кустарной промышленности с земледелием, как общем явлении, — связи, возводимой иногда даже в особенность России. Если исключить из числа «кустарей» неправильно причисляемых к ним сельских (и городских) ремесленников, то из остальных 5566-ти семей — безземельных 2268, т. е. более $\frac{2}{5}$ всего числа работающих на рынок промышленников. К сожалению, и эта основная группировка не выдержана в «Очерке» последовательно. Во-1-х, она приведена лишь относительно кустарей-хозяев, относительно же наемных рабочих нет таких данных. Этот пробел — результат того, что кустарная перепись вообще обошла наемных рабочих и их семьи, регистрируя только заведения, только хозяев. В «Очерке» очень неточно употребляется вместо этих слов выражение: «занимающиеся кустарными промыслами семейства», ибо семейства, отпускающие наемных рабочих к кустарям, разумеется, не менее «занимаются кустарными промыслами», чем семейства, нанимающие рабочих. Отсутствие подворных данных о семьях наемных рабочих (число их равно $\frac{1}{4}$ всего числа рабочих) — важный пробел переписи. Пробел этот весьма характерен для народников, становящихся сразу на точку зрения мелкого производителя и оставляющих в тени наемный труд. Ниже мы встретим еще не раз пробелы в сведениях о наемных рабочих, а пока ограничимся замечанием, что хотя отсутствие данных о семьях наемных рабочих и составляет обычное явление в литературе кустарных промыслов, но есть и исключения. В трудах московской земской статистики встречаются иногда данные, систематически собранные о семьях наемников; еще больше таких данных в известном исследовании гг. Харизоменова и Пругавина: «Промыслы Владимирской губернии», где есть и подворные

* На деле больше чем треть промышленников безземельных, ибо в перепись вошел лишь один город. Об этом ниже.

переписи, регистрирующие семьи наемных рабочих наравне с семьями хозяев. Во-2-х, включив в число кустарей массу безземельных промышленников, исследователи, естественно, подорвали основание обычного, совершенно неправильного, приема — исключать из числа «кустарей» *городских* промышленников. И мы видим, действительно, что в кустарную перепись 1894/95 года вошел один город Кунгур (с. 33 таблиц), но *только один*. Никаких пояснений в «Очерке» нет, и остается неизвестным, почему в перепись вошел только один и именно этот город, случайно или по каким-либо основаниям. Получается немалая путаница, сильно портящая общие данные. В общем и целом, кустарная перепись повторяет, след., обычную народническую ошибку выделения деревни («кустаря») и города, хотя известный промышленный район сплошь да рядом обнимает город и окрестные селения. Давно бы пора отбросить это выделение, основанное на предрассудке и на преувеличении отживших свое время сословных перегородок.

Мы упоминали уже не раз о ремесленниках, сельских и городских, то выделяя их из кустарей, то включая в число их. Дело в том, что эти колебания свойственны всей литературе «кустарных» промыслов, доказывая негодность такого термина, как «кустарь», для научных исследований. Общепринятым считается мнение, что к кустарям следует относить только работающих на рынок, только товаропроизводителей, но на деле нелегко найти такое исследование кустарных промыслов, где бы в число кустарей не попадали и ремесленники, т. е. работающие на заказчиков-потребителей (2-ая подгруппа, по «Очерку»). И в «Трудах комиссии по исследованию кустарной промышленности» и в «Промыслах Московской губернии» вы встретите ремесленников в числе «кустарей». Мы считаем бесполезным спорить о смысле слова «кустарь», ибо, как увидим ниже, *нет той формы промышленности* (кроме разве машинной индустрии), которая бы не включалась под этот традиционный термин, абсолютно негодный для научных исследований. Несомненно, что надо строго отличать товаропроизводителей, работающих на рынок (1-ая подгруппа), от ремесленников, работающих на потребителей (2-ая подгруппа), ибо эти формы промышленности представляют совершенно разнородные типы по своему общественно-хозяйственному значению. Очень

неудачны попытки «Очерка» сгладить эти различия (ср. стр. 13, 177); гораздо правильнее было замечено в другом земско-статистическом издании о пермских кустарях, что «у ремесленников очень мало точек соприкосновения с областью кустарной промышленности, — менее, чем у этой последней с промышленностью фабричной»*. И фабричная промышленность и 1-ая подгруппа «кустарей» относится к *товарному производству*, которого нет во 2-й подгруппе. Так же строго надо отличать 3-ю подгруппу, кустарей, работающих на скупщиков (и фабрикантов), которые *существенно* различаются от «кустарей» двух первых подгрупп. Нельзя не пожелать, чтобы все исследователи так называемой «кустарной» промышленности строго выдерживали это деление и употребляли точные политико-экономические термины вместо подкладывания произвольного смысла под термины разговорные.

Приведем данные о распределении «кустарей» по группам и подгруппам:

	Группа I				Группа II				Итого
	Подгруппы			Всего	Подгруппы			Всего	
	1	2	3		1	2	3		
Число заведений	2285	2821	1013	6119	935	604	1333	2872	8991
	37,3	46,1	16,6	100	32,6	21,0	46,4	100	—
Число рабочих	4201	4146	1957	10304	1648	881	2233	4762	15066
	1753	681	594	3028	750	282	844	1876	4904
	5954	4827	2551	13332	2398	1163	3077	6638	19970
Число заведений с наемными рабочими	700	490	251	1441	353	148	482	983	2424

Прежде чем делать выводы из этих данных, напомним, что город Кунгур вошел во II-ую группу, содержащую, таким образом, смешанные данные о сельских и городских промышленниках. Мы видим из таблицы, что земледельцы (I группа), преобладая значительно в числе *сельских* промышленников и ремесленников, являются более отсталыми в развитии форм промышленности, чем неземледельцы (II группа). У земледельцев гораздо больше

* «Кустарная промышленность Пермской губернии на Сибирско-Уральской научно-промышленной выставке в гор. Екатеринбурге в 1887 г.» Е. Краснопорова. 3 выпуска. Пермь, 1888—1889. Вып. I, стр. 8. Мы будем цитировать это полезное издание, означая кратко: «Куст. пром.», выпуск и страница.

развито примитивное ремесло сравнительно с производством на рынок. Большое развитие капитализма среди неземледельцев выражается большим процентом наемных рабочих, заведений с наемными рабочими и кустарей, работающих на скупщиков. Можно заключить, след., что связь с земледелием задерживает более отсталые формы промышленности и, наоборот, что развитие капитализма в промышленности ведет к разрыву с земледелием. К сожалению, точных сведений по этому предмету мы не имеем и должны довольствоваться такими наводящими указаниями. Напр., мы не узнаем из «Очерка», как распределяется вообще сельское население Пермской губернии между земледельцами и безземельными, и потому не можем сравнить, в каком из этих разрядов сильнее развиты промыслы. Остался в пренебрежении также крайне интересный вопрос о районах промышленности (данные об этом были у исследователей самые точные, о каждом селении отдельно), о концентрации промышленников в неземледельческих, заводских, вообще торгово-промышленных селениях, о центрах каждой отрасли промышленности, о распространении промыслов из этих центров на окрестные селения. Если добавить к этому, что подворные данные о времени возникновения заведений (о них ниже, § III) давали возможность определить характер развития промыслов, т. е. распространяются ли они от центров к окрестным селениям или наоборот, распространяются ли сильнее среди земледельцев или среди неземледельцев и т. д., то нельзя будет не пожалеть о недостаточной разработке данных. Все, что мы можем получить по этому вопросу, это — сведения о размещении промыслов по уездам. Для ознакомления читателя с этими сведениями воспользуемся разделением уездов на группы, предложенным в «Очерке» (с. 31): 1) «уезды с наибольшим процентом кустарей, работающих на рынок, и, вместе с тем, с относительно высоким уровнем развития кустарной промышленности» — 5 уездов; 2) «уезды с относительно слабой степенью развития кустарных промыслов, но с преобладающим числом кустарей, работающих на рынок» — 5 уездов и 3) «уезды также с невысоким уровнем развития кустарной промышленности, но в которых частенько преобладают кустари, работающие по заказу потребителей» — 2 уезда. Сводя важнейшие данные по этим группам уездов, получаем следующую таблицу:

Группы уездов	Число кустарей работающих:									Процент кустарей		Число лиц об. п. в семьях кустарей					
	На вольную продажу			На скупщиков			На потребителей			Всего			Работающих на рынок	Зависимых (см. прим.)	Имеющих свое землед. хозяйство	Не имеющих запашки	Всего
	Семейных	Наемных	Всего	Семейных	Наемных	Всего	Семейных	Наемных	Всего	Семейных	Наемных	Всего					
1) Наибольшее развитие кустарной промышленности 5 уездов	4 160	1 702	5 862	3 930	1 397	5 327	2 501	623	3 124	10 591	3 722	14 313	78,2	53,4	21 320	15 483	36 803
	—	—	—	27,4	—	—	—	—	21,8	—	26,0	100	—	—	57,9	42,1	100
2) Более слабое развитие кустарной промышленности 5 уездов	1 436	904	2 340	259	158	417	1 077	252	1 329	2 772	1 314	4 086	67,5	38,4	7 335	3 740	11 075
	—	—	—	6,3	—	—	—	—	32,5	—	32,1	100	—	—	66,2	33,8	100
3) Преобладание ремесла 2 уезда	340	59	399	56	—	56	1 499	88	1 587	1 895	147	2 042	22,3	9,9	5 998	364	6 362
	—	—	—	2,7	—	—	—	—	77,7	—	7,2	100	—	—	94,3	5,7	100
<i>Итого</i>	5 936	2 665	8 601	4 245	1 555	5 800	5 077	963	6 040	15 258	5 183	20 441	70,5	46,1	34 653	19 587	54 240
	—	—	—	20,8	—	—	—	—	29,5	—	25,3	100	—	—	63,9	36,1	100

1) В 1-й группе уезды Шадринский, Кунгурский, Красноуфимский, Екатеринбургский и Осинский; во 2-й — Верхотурский, Пермский, Ирбитский, Оханский и Чердынский; в 3-й — Соликамский и Камышловский.

2) «Зависимыми» кустарями мы называем: а) наемных рабочих и б) семей, работающих на скупщиков.

3) Число кустарей здесь не то, что было приведено выше, ибо поуездные цифры в «Очерке» (с. 30—31) отличаются от итогов таблицы, помещенной в приложении.

Эта таблица дает нам следующие интересные выводы: чем более развита сельская промышленность в группе уездов, тем 1) меньше процент сельских ремесленников, т. е. тем более ремесло оттесняется товарным производством; 2) тем больший процент кустарей принадлежит к неземледельческому населению; 3) тем сильнее развиваются капиталистические отношения, тем больше процент зависимых кустарей. В третьей группе уездов преобладают сельские ремесленники (77,7% всех кустарей); рядом с этим здесь преобладают земледельцы (только 5,7% неземледельцев) и капитализм развит ничтожно: всего 7,2% наемных рабочих и 2,7% кустарей-семьян, работающих на скупщиков, т. е. всего 9,9% зависимых кустарей. Во второй группе уездов преобладает, наоборот, товарное производство, которое уже оттесняет ремесло: только 32,5% ремесленников. Процент кустарей-земледельцев понижается с 94,3% до 66,2%; процент наемных рабочих возрастает более чем в четыре раза: с 7,2% до 32,1%; повышается, хотя не так значительно, и процент семьян, работающих на скупщиков, так что общий процент зависимых кустарей составляет 38,4% — почти $\frac{2}{5}$ всего числа. Наконец, в первой группе уездов ремесло еще более оттесняется товарным производством, занимая лишь $\frac{1}{5}$ всего числа «кустарей» (21,8%), и рядом с этим число неземледельцев-промышленников повышается до 42,1%; процент наемных рабочих несколько понижается (с 32,1% до 26%), но зато в громадных размерах возрастает процент зависимых от скупщиков семьян, именно с 6,3% до 27,4%, так что всего зависимых кустарей оказывается более половины — 53,4%. Район наибольшего (абсолютно и относительно) числа «кустарей» оказывается районом наибольшего развития капитализма: рост товарного производства оттесняет на задний план ремесло, ведет к развитию капитализма и к переходу промысла в руки неземледельцев, т. е. к отделению промышленности от земледелия (или, быть может, к концентрации промыслов в неземледельческом населении). У читателя может возникнуть сомнение, правильно ли считать более развитым капитализм в первой группе уездов, где меньше наемных рабочих, чем во второй, но больше работающих на скупщиков. Работа на дому, — могут возразить, — есть низшая форма капитализма. Мы увидим, однако, ниже, что из этих скупщиков многие состоят фабрикантами,

владеют крупными капиталистическими заведениями. Работа на дому является здесь *придатком фабрики*, означая большую концентрацию производства и капитала (на некоторых скупщиков работает 200—500, до тысячи и более человек), большее разделение труда и будучи, след., более высокой по степени развития формой капитализма. Эта форма относится к мелкой мастерской хозяйчика с наемными рабочими, как капиталистическая мануфактура относится к капиталистической простой кооперации.

Приведенные данные достаточно опровергают попытки составителей «Очерка» противопоставить принципиально «кустарную форму производства» — «капиталистической», — рассуждение, повторяющее традиционные предубеждения всех российских народников с гг. В. В. и Н.—оном во главе. «Основное различие» между этими двумя формами пермские народники полагают в том, что в первой «труду принадлежат орудия и материалы производства и вместе с тем все результаты труда в виде продуктов производства» (с. 3). Мы теперь уже можем совершенно определенно констатировать, что это — *фальшь*. Даже если мы включим в число кустарей и ремесленников, все-таки *большая часть «кустарей» не подходит под эти условия*: не подходят, во-1-х, наемные рабочие, а их 25,3%; не подходят, во-2-х, семьяне, работающие на скупщиков, ибо ни материалы производства, ни результаты труда им не принадлежат и они получают лишь задельную плату; таких 20,8%; не подходят, в-3-х, семьяне 1-ой и 2-ой подгруппы, держащие наемных рабочих, ибо им принадлежат «результаты» не одного только своего труда. Таких, вероятно, около 10% (из 6 645 заведений 1-ой и 2-ой подгруппы 1 691, т. е. 25,4% держит наемных рабочих; в 1 691 заведении, вероятно, не менее 2 000 семьян). Итого вот уже 25,3% + 20,8% + 10% = 56,1% «кустарей», т. е. более половины не подходит под эти условия. Другими словами, даже в такой глухой и отсталой в хозяйственном отношении губернии, как Пермская, *уже теперь преобладает «кустарь»*, либо нанимающийся внаймы, либо нанимающий других, либо эксплуатирующий, либо эксплуатируемый. Но гораздо правильнее для такого расчета исключить ремесло и взять одно товарное производство. Ремесло — настолько архаическая форма промышленности, что даже среди отечественных

народников, не раз изрекавших, что отсталость есть счастье России (à la* гг. В. В., Южаков и К^о), не находилось человека, который бы открыто и прямо решился защищать ее и выставлять «залогом» своих идеалов. В Пермской губернии ремесло еще очень развито, сравнительно с центральной Россией: достаточно сослаться на такой промысел, как синильный (или красильный). Это — исключительно ремесленное окрашивание домашних тканей крестьян, которые в менее захолустных местах России давно уже уступили место фабричным ситцам. Но и в Пермской губернии ремесло оттеснено уже далеко на второй план: даже в сельской промышленности только 29,5%, т. е. менее трети, принадлежат к ремесленникам. Исключая же ремесленников, мы получаем 14 401 работающих на рынок; из них 29,3% наемных рабочих, да 29,5% семьян, работающих на скупщиков, т. е. 58,8% зависимых «кустарей», да процентов 7—8 хозяйчиков с наемными рабочими, т. е. всего около 66%, *две трети «кустарей», имеющих два основных сходства*, а не различий с капитализмом, именно: во-1-х, они все товаропроизводители, а капитализм есть лишь развитое до конца товарное хозяйство; во-2-х, из них *большая часть* стоит в свойственных капитализму отношениях купли-продажи рабочей силы. Составители «Очерка» усиливаются уверить читателя, что наемный труд в «кустарном» производстве имеет особое значение и объясняется, будто бы, «уважительными» причинами; мы рассмотрим в своем месте (§ VII) эти уверения и приводимые ими примеры. Здесь же достаточно констатировать, что там, где господствует товарное производство, и наемный труд употребляется не случайно, а систематически, налицо есть все признаки капитализма. Можно говорить о его неразвитости, зачаточности, об особых формах его, но полагать «основное различие» между тем, что на деле обнаруживает *основное сходство*, значит извращать действительность.

Отметим кстати еще одно извращение. На стр. 5-ой в «Очерке» говорится, что «произведения кустаря... приготавливаются из материалов, приобретаемых главным образом на месте же». Как раз по этому пункту имеются в «Очерке» данные для проверки, именно сопоставление того, как распределяются по уездам губернии кустари, обрабатывающие животные продукты, сравнительно

* — црде. Ред.

с продуктами скотоводства и земледелия; кустари, обрабатывающие растительные продукты, сравнительно с распределением леса; кустари, обрабатывающие металлы, сравнительно с распределением чугуна и железа, добываемого в губернии. Оказывается из этого сопоставления, что по обработке животных продуктов в трех уездах сосредоточено 68,9% кустарей этого рода, между тем как голов скота в этих же уездах только 25,1%, а десятин посева только 29,5%, т. е. оказывается как раз обратное, и в «Очерке» тут же констатируется, что «высокая степень развития производств, основанных на переработке животных продуктов, обеспечивается главным образом ввозным сырьем, напр., в Кунгурском и Екатеринбургском уездах — сырыми кожами, обрабатываемыми местными кожевенными заводами и кустарными кожевнями, откуда собственно и получается материал для чеботарного производства, — главнейшего из кустарных промыслов этих уездов» (24—25). Кустарничество основано здесь, след., не только на крупных оборотах местных капиталистов по торговле кожами, но и на приобретении от заводчиков полуфабриката, т. е. кустарничество явилось результатом, придатком развитого товарного обращения и капиталистических кожевенных заведений. «В Шадринском уезде ввозным сырьем является шерсть, дающая материал для главного промысла уезда — пимокатного». Далее, по обработке растительных продуктов 61,3% кустарей сосредоточено в 4-х уездах. Между тем в этих же 4-х уездах всего 20,7% общего в губернии количества десятин леса. Наоборот, в 2-х уездах, в которых сосредоточено 51,7% леса, находится всего 2,6% кустарей, обрабатывающих растительные продукты (с. 25), т. е. и здесь оказывается как раз обратное, и здесь «Очерк» констатирует, что сырье — ввозное (с. 26)*. Мы наблюдаем, след., весьма интересный факт, что развитию кустарных промыслов предшествует (являясь условием этого развития) пустившее уже глубокие корни *товарное обращение*. Это обстоятельство весьма важно, ибо оно, во-1-х, указывает, как давно уже сложилось товарное хозяйство, в котором кустарничество является лишь одним из членов, и как

* Эти два рода кустарей, т. е. обрабатывающие животные продукты и растительные материалы, составляют 33% + 28% = 61% всего числа кустарей. Обработкой металлов занято 25% кустарей (с. 20).

нелепо поэтому изображать нашу кустарную промышленность в виде какой-то *tabula rasa**, которая будто бы «может» пойти еще разными путями. Исследователи сообщают, напр., что пермская «кустарная промышленность попрежнему отражает на себе влияние тех путей сообщения, которые определяли торгово-промышленную физиономию края не только в дожелезнодорожную, но даже и в дореформенную эпоху» (с. 39). Действительно, город Кунгур был узлом путей сообщения в Доуральи: через него идет сибирский тракт, связывающий Кунгур с Екатеринбургом, а ветвями и с Шадринском; через Кунгур же идет другой коммерческий тракт — гороблагодатский, соединяющий Кунгур с Осой. Наконец, бирский тракт соединяет Кунгур с Красноуфимском. «Таким образом, мы видим, что кустарная промышленность губернии концентрировалась в районах, определяемых узлами путей сообщения: в Доуральи — в уездах Кунгурском, Красноуфимском и Осинском; а в Зауральи — в уездах Екатеринбургском и Шадринском» (с. 39). Напомним читателю, что именно эти 5 уездов составляют первую по развитию кустарной промышленности группу уездов и что в них сосредоточено 70% всего числа кустарей. Во-2-х, это обстоятельство указывает нам, что та «организация обмена» в кустарной промышленности, о которой так легкомысленно болтают кустарные радетели мужичка, в действительности *уже создана* и создана никем иным, как всероссийским купечеством. Ниже мы увидим еще не мало подтверждений этому. Только по третьему разряду кустарей (обрабатывающие металлы) оказывается соответствие в распределении добычи сырья и его обработки кустарями: в 4-х уездах, в которых добывают 70,6% чугуна и железа, сосредоточено 70% кустарей этого разряда. Но здесь сырье является уже само продуктом крупной горнозаводской промышленности, имеющей, как увидим, «свои взгляды» на «кустаря».

II

«КУСТАРЬ» И НАЕМНЫЙ ТРУД

Перейдем к изложению данных о наемном труде в кустарных промыслах Пермской губернии. Не повторяя приведенных выше абсолютных цифр, ограничимся

* — чистое место. *Ред.*

указанием на наиболее интересные процентные отношения:

	Группа I				Группа II				Итого	
	Подгруппы			Всего	Подгруппы			Всего		
	1	2	3		1	2	3			
Проценты заведений.	С наемными рабочими	30,6	17,4	24,1	23,6	37,8	24,4	36,1	34,2	26,9
	Только с наемными рабочими	1,3	1,2	0,7	1,1	1,6	1,4	0,3	1,0	1,1
	С 6 и более наемными рабочими	2,0	0,1	1,4	1,1	1,3	0,8	0,4	0,8	0,9
Наемных рабочих	29,4	14,1	23,2	22,7	31,2	29,3	27,4	28,3	24,5	
Число рабочих в средн. на 1 заведение.	Семейных	1,8	1,5	1,9	1,6	1,7	1,4	1,6	1,6	1,6
	Наемных	0,75	0,23	0,57	0,48	0,78	0,43	0,63	0,63	0,52
	Всего	2,6	1,7	2,5	2,1	2,5	1,8	2,2	2,2	2,1
Процент заведений, имеющих 3 и более семейных рабочих	20,3	7,8	20,9	15,1	18,5	8,6	14,3	14,6	14,9	

Мы видим, след., что процент наемных рабочих больше у неземледельцев, чем у земледельцев, и что различие это главным образом зависит от 2-ой подгруппы: у ремесленников-земледельцев процент наемных рабочих — 14,1%, а у неземледельцев — 29,3%, т. е. более чем в два раза больше. По остальным двум подгруппам процент наемных рабочих немногим выше во II-ой группе сравнительно с I-й. Было уже замечено, что это явление есть результат большей неразвитости капитализма в земледельческом населении. Пермские народники, как и все другие народники, объявляют это, разумеется, преимуществом земледельцев. Не вступая здесь в спор по общему вопросу, можно ли неразвитость и отсталость данных общественно-хозяйственных отношений считать преимуществом, мы заметим лишь, что из данных, приводимых ниже, будет видно, что это преимущество земледельцев состоит в получении низкого заработка.

Интересно отметить, что разница *между группами* по употреблению наемного труда оказывается меньше, чем разница *между подгруппами одной группы*. Другими словами, экономический строй промышленности (ремесленники — товаропроизводители — рабочие скупщиков) сильнее влияет на степень употребления наемного труда, чем связь с земледелием или отсутствие этой связи. Напр., мелкий товаропроизводитель-земледелец более походит на мелкого товаропроизводителя-неземледельца, чем на земледельца-ремесленника. Процент наемных рабочих в 1-ой подгруппе равен для I-ой группы — 29,4%, а для II-ой — 31,2%, тогда как во 2-ой подгруппе I-ой группы только 14,1%. Точно так же работающий на скупщика земледелец более походит на неземледельца, работающего на скупщика (23,2% наемных рабочих и 27,4%), чем на земледельца-ремесленника. Это указывает нам на то, как общее господство в стране товарно-капиталистических отношений нивелирует земледельца и неземледельца, участвующих в промышленности. Данные о доходах кустарей укажут эту нивелировку еще рельефнее. 2-ая подгруппа является, как уже замечено, исключением; но если вместо данных о проценте наемных рабочих взять данные о числе наемных рабочих, приходящемся в среднем на 1 заведение, то мы увидим, что ремесленники-земледельцы ближе стоят к ремесленникам-неземледельцам (0,23 и 0,43 наемных рабочих на 1 заведение), чем к земледельцам других подгрупп. Средний состав одного заведения у ремесленников в обеих группах почти одинаков (1,7 и 1,8 человек на заведение), тогда как по подгруппам каждой группы этот состав колеблется очень сильно (I: 2,6 и 1,7; II: 2,5 и 1,8).

Данные о среднем составе заведения в каждой подгруппе указывают также на тот интересный факт, что у ремесленников обеих групп этот состав наименьший: 1,7 и 1,8 рабочих на мастерскую. Среди ремесленников, значит, преобладает наиболее разрозненное производство, наибольшая обособленность единичных производителей, наименьшее применение кооперации в производстве. На первом месте в этом отношении стоят в обеих группах первые подгруппы, т. е. хозяйчики, работающие на вольную продажу. Состав мастерской здесь наибольший (2,6 и 2,5 чел.); многосемейных кустарей здесь

всего больше (именно с 3-мя и более семейными рабочими 20,3% и 18,5%; маленькое исключение 3-я подгруппа I-й группы с 20,9%); рядом с этим употребление наемного труда всего больше (0,75 и 0,78 наемников на мастерскую); крупных заведений всего больше (2,0% и 1,3% заведений с 6 и более наемн. рабочих). След., кооперация в производстве применяется здесь в наиболее обширных размерах, и достигается это наибольшим употреблением наемного труда при наибольшем семейном составе (1,8 и 1,7 семейных рабочих на заведение; небольшое исключение 3-я подгруппа I-й группы с 1,9 чел.).

Это последнее обстоятельство подводит нас к весьма важному вопросу о взаимоотношении семейного и наемного труда у «кустарей», заставляя усомниться в правильности господствующих народнических доктрин, будто наемный труд в кустарном производстве только «восполняет» семейный. Пермские народники поддерживают это мнение, рассуждая на стр. 55-й, что «отождествление интересов кустарничества и кулачества» опровергается тем, что самые зажиточные кустари (I-я группа) имеют наибольший семейный состав, тогда как, «если бы кустарь тяготел только к наживе, единственному импульсу кулачества, а не к упрочению и развитию своего производства, пользуясь всеми силами своей семьи, то мы вправе были бы ожидать в этой подгруппе заведений наименьшего процента, определяющего число семей, отдавших свой труд производству» (?!). Странное заключение! Как же можно делать выводы о роли «личного трудового участия» (с. 55), не касаясь данных о наемном труде? Если бы зажиточность многосемейных кустарей не выражала кулаческих тенденций, тогда мы видели бы у них *наименьший* процент наемных рабочих, *наименьший* процент заведений с наемными рабочими, *наименьший* процент заведений с крупным числом рабочих (более пяти), *наименьшее* число рабочих, приходящееся в среднем на одно заведение. На самом деле самые зажиточные кустари (1 подгруппа) занимают *во всех этих отношениях* первое место, а не последнее, и это при наибольшем составе семей и семейных рабочих, при наибольшем проценте кустарей, с 3-мя и более семейными рабочими! Ясно, что факты говорят как раз обратное тому, что хочет навязать им

народник: кустарь стремится именно к наживе путем качества; он пользуется большой зажиточностью (одним из условий которой является многосемейность) для *большого* употребления наемного труда. Будучи поставлен лучше других кустарей по числу семейных рабочих, он пользуется этим для вытеснения остальных, прибегая к *наибольшему* найму рабочих. «Семейная кооперация», о которой так слейно любят говорить гг. В. В. и другие народники (ср. «Куст. пром.», I, стр. 14), является залогом развития капиталистической кооперации. Это покажется, конечно, парадоксом для читателя, привыкшего к народническим предрассудкам, но это — факт. Чтобы иметь точные данные по этому вопросу, надо бы знать не только распределение заведений по числу семейных и по числу наемных рабочих (что дано в «Очерке»), но также *комбинацию* семейного и наемного труда. Подворные сведения давали полную возможность произвести такую комбинацию, подсчитать число заведений с 1, 2 и т. д. наемными рабочими в каждом разряде заведений по числу семейных рабочих. К сожалению, этого не сделано. Чтобы восполнить хотя несколько этот пробел, обратимся к вышеуказанному сочинению: «Куст. пром. и т. д.». Здесь приведены именно комбинационные таблицы заведений по числу семейных и наемных рабочих. Таблицы даны по 5 промыслам, обнимая всего 749 заведений с 1 945 рабочими (назв. соч., I, стр. 59, 78, 160; III, с. 87 и 109). Чтобы проанализировать эти данные по интересующему нас вопросу о взаимоотношении семейного и наемного труда, мы должны разбить все заведения на группы по общему числу рабочих (ибо именно общее число рабочих показывает величину мастерской и степень применения кооперации в производстве) и определить роль семейного и наемного труда в каждой группе. Берем 4 группы: 1) заведения с 1 рабочим; 2) с 2—4 раб.; 3) с 5—9 раб.; 4) с 10 и более рабочими. Такое деление, по общему числу рабочих, тем более необходимо, что заведения, напр., с 1 рабочим и с 10 представляют из себя, очевидно, совершенно различные экономические типы; соединять их вместе и выводить «средние» было бы совершенно слепым приемом, как это мы увидим ниже на данных «Очерка». Указанная группировка дает такие данные:

Группы заведений по общему числу рабочих	Число заведений	Число рабочих			Число заведен. с наемн. рабоч.	% их	На 1 заведение приходится рабочих		
		Семейных	Наемных	Всего			Семейных	Наемных	Всего
Заведения с 1 рабоч.	345	343	2	345	2	0,5	0,995	0,005	1,00
» » 2—4 »	319	559	251	810	143	44,8	1,76	0,78	2,54
» » 5—9 »	59	111	249	360	53	89,8	1,88	4,22	6,10
» с 10 и бол. »	26	56	374	430	26	100	2,15	14,38	16,53
<i>Всего</i>	749	1 069	876	1 945	224	29,9	1,43	1,16	2,59

Таким образом, эти детальные данные вполне подтверждают высказанное выше, парадоксальное с первого взгляда, положение: чем больше размер заведения по общему числу рабочих, тем больше семейных рабочих приходится на 1 заведение, тем шире, след., «семейная кооперация», но вместе с тем расширяется и капиталистическая кооперация и расширяется несравненно быстрее. Более зажиточные кустари, несмотря на обладание большим числом семейных рабочих, нанимают еще помногу наемных рабочих: «семейная кооперация» является залогом и основанием *капиталистической кооперации*.

Посмотрим на данные переписи 1894/95 года о семейном и наемном труде. По числу семейных рабочих заведения распределяются так:

Заведений с 0 семейных рабочих	97	1,1
» » 1 » »	4 787	53,2
» » 2 » »	2 770	30,8
» » 3 » »	898	10,0
» » 4 » »	279	3,1
» » 5 и больше »	160	1,8

Всего 8 991 100

Надо отметить здесь преобладание одиночек: их более половины. Если бы мы допустили даже, что все заведения, соединяющие семейный и наемный труд, имеют не более одного семейного рабочего, то и тогда оказалось бы, что

полных одиночек $2\frac{1}{2}$ тысячи. Это — представители самых разрозненных производителей, представители наибольшего разобщения мелких мастерских, — разобщения, свойственного вообще хваленому «народному производству». Посмотрим на противоположный полюс, на самые крупные мастерские:

		в %	Число наемных рабочих*	На 1 заведе- ние наемных рабочих	
Заведения с 0 наемн. рабочих	6 567	73,1	—	—	
» » 1 » »	1 537	17,2	1 537	1	
» » 2 » »	457	5,1	914	2	
» » 3 » »	213	2,3	639	3	
» » 4 » »	88	0,9	352	4	
» » 5 » »	44	0,5	220	5	
» » 6—9 » »	41	0,4	290	7,1	
» » 10 и более »	44}85	0,5}0,9	952}1 242	21,7}14,6	
<i>Всего</i>		8 991	100	4 904	0,5

Таким образом, «мелкие» заведения кустарей достигают иногда внушительных размеров: в 85 наиболее крупных заведениях сосредоточена почти четвертая часть всего числа наемных рабочих; в среднем одно такое заведение имеет по 14,6 частных рабочих. Это уже фабриканты, владельцы капиталистических заведений**. Кооперация на капиталистических началах находит себе здесь солидное применение: при 15-ти рабочих на заведение возможно и разделение труда в более или менее значительном размере, достигается большая экономия в помещении и инструментах при более богатом и разнообразном количестве их. Заготовка сырья и сбыт продукта необходимо совершается здесь в крупных размерах, что в значительной степени удешевляет сырые материалы, расходы на доставку, облегчает сбыт, дает возможность правильных коммерческих сношений. Ниже, приводя сведения о доходах, мы увидим подтверждение этого переписью 1894/95 года. Здесь же достаточно указать на эти общеизвестные теоретические положения. Понятно отсюда, что и техническая и экономическая физиономия таких

* Вычислено по данным «Очерка» (стр. 54 и общее число наемн. рабоч.).

** Из ваших «Фабрик и заводов» (так называемых в официальной статистике) громадное большинство имеет менее 15 рабочих, именно 15 тыс. из 21 тыс. См. «Указатель фабрик и заводов за 1890 г.».

заведений радикально отличается от мастерских одиночек, и нельзя не надивиться тому, что пермские статистики решились тем не менее *соединять* их вместе и выводить общие «средние». Уже а priori* можно сказать, что такие средние будут совершенно фиктивны, и что разработка подворных данных необходимо должна была, помимо разделения кустарей на группы и подгруппы, привести разделение их на категории по числу рабочих в заведении (и семейных и наемных вместе). Без такого разделения немыслимо получить точные данные ни о доходах, ни об условиях закупки сырья и сбыта продуктов, ни о технике производства, ни о положении наемных рабочих сравнительно с одиночками, ни о соотношении крупных и мелких мастерских, — а это всё важнейшие вопросы по изучению экономики «кустарничества». Пермские исследователи пытаются, разумеется, ослабить значение капиталистических мастерских. Если есть заведения с 5 и более семейными рабочими, — рассуждают они, — значит, конкуренция «капиталистической» и «кустарной формы производства» (sic!**) может иметь значение лишь тогда, когда в заведении более пяти наемных рабочих, а таких заведений всего 1%. Рассуждение чисто искусственное: во-1-х, заведения с 5 сем. и с 5 наемн. рабочими — пустая абстракция, обязанная своим существованием недостаточной разработке данных, ибо наемный труд комбинируется с семейным. Заведение с 3 сем. рабочими, нанимая еще 3-х рабочих, будет иметь более 5 рабочих и стоять совсем в особых условиях конкуренции сравнительно с одиночками. Во-2-х, если статистики действительно желали исследовать вопрос о «конкуренции» отдельных заведений, различающихся по употреблению наемного труда, то отчего бы им не обратиться к данным подворной переписи? отчего бы не сгруппировать заведения по числу рабочих и привести цифры доходности? не уместнее ли было бы со стороны статистиков, имеющих в руках богатейший материал, фактическое изучение вопроса, чем преподнесение читателю всякой отсебятины и торопливость перейти от фактов к «сражению» врагов народничества?

* — запятое. Ред.

** — так! Ред.

...«С точки зрения сторонников капитализма этот процент, быть может, будет признан достаточным для предсказаний о неминуемом вырождении кустарной формы в капиталистическую, но в действительности он никакого в данном отношении угрожающего симптома не представляет, в особенности ввиду следующих обстоятельств» (с. 56)...

Не правда ли, как это мило! Вместо того, чтобы потрудиться выбрать из имеющегося под руками материала точные данные о капиталистических заведениях, авторы сложили эти заведения вместе с одиночками и пускаются возражать каким-то «предсказателям!» — Не знаем, что стали бы «предсказывать» какие-то неприятные для пермских статистиков «сторонники капитализма», а мы, с своей стороны, скажем лишь, что все эти фразы только прикрывают попытку отвернуться от фактов. А факты говорят, что никакой особой «кустарной формы производства» нет (это вымысел «кустарных» экономистов), что из мелких товаропроизводителей вырастают крупные капиталистические заведения (в таблицах мы встретили кустаря с 65 наемными рабочими! стр. 169), что обязанностью исследователей было так группировать данные, чтобы мы могли исследовать этот процесс, сравнить различные заведения по мере приближения их к капиталистическим. Пермские статистики не только сами этого не сделали, но и нас лишили возможности это сделать, ибо в таблицах все заведения данной подгруппы сложены вместе, и выделить фабриканта от одиночки нельзя. Свой пробел составители прикрывают пустяковинными сентенциями. Крупных заведений, извольте видеть, всего 1%, и за исключением их выводы, сделанные на основании 99%, не изменятся (с. 56). — Но ведь этот один процент, эта одна сотая не равна другим сотым! Одно крупное заведение покрывает более 15-ти заведений тех одиночек, которые дают более 30-ти «сотых» (от всего числа заведений)! Это расчет по числу рабочих. А если бы взять данные о валовом производстве или о чистой доходности, то оказалось бы, что одно крупное заведение покрывает не 15, а, может быть, 30 заведений*.* В этой «одной сотой»

* Ниже будут приведены данные о распределении заведений по чистой доходности. По этим данным, в 2 376 заведениях с минимальным доходом (до 50 руб.) чистый доход = 77 900 руб., а в 80 заведениях с максимальным доходом = 83 150 руб. На 1 «заведение» это дает 32 р. и 1 039 р.

заведений сосредоточена *четверть* всех наемных рабочих, что дает в среднем на 1 заведение 14,6 рабочих. Чтобы иллюстрировать несколько для читателя эту последнюю цифру, возьмем цифры «Свода данных о фабрично-заводской промышленности в России» (издание департамента торговли и мануфактур) по Пермской губернии. Так как цифры сильно колеблются по годам, то берем среднее за 7 лет (1885—1891). Получаем цифру «фабрик и заводов» (в смысле нашей официальной статистики) в Пермской губернии 885 с производством на сумму 22 645 тыс. р. и с 13 006 рабочими, что дает в «среднем» на 1 фабрику именно 14,6 рабочих.

В подтверждение своего мнения, что крупные заведения не имеют важного значения, составители «Очерка» ссылаются на то, что из числа наемных рабочих у кустарей очень немного годовых рабочих (8%), большинство же заделщики (37%), сроковые (30%) и поденные (25%, стр. 51). Заделщики «обыкновенно работают у себя на дому, своими собственными инструментами, на своих харчах», а поденщики приглашаются «временно», подобно сельскохозяйственным рабочим. При таких условиях, «относительно большое число наемных рабочих не служит еще для нас несомненным признаком капиталистического типа этих заведений» (56)... «Ни заделщик, ни поденщик вообще, по нашему убеждению, не создают кадров рабочего класса, подобного западно-европейскому пролетариату; такими кадрами могут быть только постоянные годовые рабочие».

Мы не можем не похвалить пермских народников за то, что они интересуются вопросом об отношении русских наемных рабочих к «западно-европейскому пролетариату». Вопрос интересный, что и говорить! Но мы все-таки предпочли бы слышать от статистиков утверждения, основанные на фактах, а не на «убеждении». Не всегда ведь заявление своего «убеждения» может убедить других... Не лучше ли было бы, вместо того, чтобы рассказывать читателю об «убеждении» гг. NN и MM, сообщить побольше фактов? А то вот фактов о положении наемных рабочих, об условиях труда, о рабочем дне в заведениях разной величины, о семьях наемных рабочих и т. д. сообщено в «Очерке» до невероятия мало. Если бы рассуждения об отличии русских рабочих от

западно-европейского пролетариата служили только для прикрытия этого пробела, то нам пришлось бы взять назад свою похвалу...

Все, что мы знаем из «Очерка» о наемных рабочих, это — деление их на 4 категории: годовые, срочные, заделщики и поденщики. Для ознакомления с этими категориями приходится обратиться к данным, разбросанным по книге. По 29 промыслам (из 43) указано число рабочих каждой категории и заработок их. В этих 29 промыслах 4 795 наемных рабочих с заработком в 233 784 рубля. Во всех же 43 промыслах 4 904 наемных рабочих с заработком в 238 992 руб. Значит, наша сводка обнимает 98% наемных рабочих и их заработка. Вот, en regard*, цифры «Очерка** и нашей сводки:

	Число наемных рабочих по «Очерку»		Цифры сводки				
	Число наемных рабочих по «Очерку»	%	Число наемных рабочих	%	Зарубокон их: всего руб.	на 1-го рабочего	% ***
Годовые	379	8	351	7,4	26 978	76,8	100
Срочные	1 496	30	1 432	29,8	40 958	28,6	37
Задельные	1 812	37	1 577	32,9	92 357	58,5	76,1
Поденные	1 217	25	1 435	29,9	73 491	51,2	66,7
<i>Всего</i>	4 904	100	4 795	100	233 784	48,7	

Оказывается, что в сводке «Очерка» есть либо ошибки, либо опечатки. Но это — мимоходом. Главный интерес — данные о заработке. Заработок заделщиков, про которых в «Очерке» говорится, что «задельный труд в сущности есть ближайшая стадия на пути к хозяйской самостоятельности» (с. 51 — тоже, вероятно, «по нашему убеждению?»), — оказывается *значительно ниже* заработка годового рабочего. Если утверждение статистиков, что годовой рабочий обыкновенно живет на хозяйских расходах, а заделщик на своих, основано не только на их «убеждении», но и на фактах, то эта разница будет еще больше. Станным же образом пермские кустари-хозяева обеспечивают своим рабочим «путь к самостоятель-

* — для сличения. Ред.

** Стр. 50. В «Очерке» не сведены данные о величине заработка.

*** Заработок годового рабочего принят за 100.

ности!»! Это обеспечение состоит в *понижении заработной платы*... Колебания рабочего периода, как увидим, не так велики, чтобы объяснить эту разницу. Далее, весьма интересно отметить, что заработок поденщика составляет 66,7% заработка годового рабочего. След., каждый поденщик занят, в среднем, около 8 месяцев в году. Очевидно, что тут гораздо правильнее было бы говорить о «временном» отвлечении от промышленности (если поденщики действительно сами отвлекаются от промышленности, а не хозяин оставляет их без работы), чем о «господствующем временном элементе наемного труда» (с. 52).

III

«ОБЩИННО-ТРУДОВАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ»

Большой интерес представляют собранные кустарною переписью почти о всех исследованных заведениях сведения о времени возникновения их. Вот общие данные об этом:

Число заведений, основанных до 1845 года	640
в 1845—1855 гг.	251
» 1855—1865 »	533
» 1865—1875 »	1 339
» 1875—1885 »	2 652
» 1885—1895 »	3 469
	Всего 8 884

Мы видим, след., что пореформенная эпоха вызвала особое развитие кустарной промышленности. Условия, благоприятствующие этому развитию, действовали и действуют, видимо, чем дальше, тем сильнее, ибо в каждое последующее десятилетие открывается все больше и больше заведений. Это явление наглядно свидетельствует о той силе, с которой идет в крестьянстве развитие товарного производства, отделение земледелия от промышленности, рост торговли и промышленности вообще. Мы говорим: «отделение земледелия от промышленности», ибо это отделение начинается раньше, чем отделение земледельцев от промышленников: всякое предприятие, производящее продукты на рынок, вызывает обмен между земледельцами и промышленниками. Следовательно,

появление такого предприятия означает прекращение домашней выделки продукта земледельцами и покупку его на рынке, а эта покупка требует продажи крестьянином сельскохозяйственных продуктов. Рост числа торгово-промышленных предприятий знаменует таким образом растущее общественное разделение труда, это общее основание товарного хозяйства и капитализма*.

В народнической литературе высказывалось мнение, что быстрое развитие после реформы *мелкого производства* в промышленности означает явление не капиталистического характера. Рассуждали так, что рост мелкого производства доказывает его силу и жизненность по сравнению с крупным (г. В. В.). Рассуждение это совершенно неправильно. Рост мелкого производства в крестьянстве означает появление новых производств, выделение новых отраслей обработки сырья в самостоятельные сферы промышленности, прогресс в общественном разделении труда, начальный процесс капитализма, тогда как поглощение мелких заведений крупными означает уже дальнейший шаг капитализма, ведущий к победе высших форм его. Распространение мелких заведений в крестьянстве расширяет товарное хозяйство, подготавливает почву для капитализма (создавая мелких хозяйчиков и наемных рабочих), а поглощение мелких заведений мануфактурой и фабрикой есть утилизация крупным капиталом этой подготовленной почвы. Совмещение в одной стране в одно время двух этих, повидимому, противоречивых, процессов на самом деле не включает в себе никакого противоречия: вполне естественно, что капитализм в более развитой области страны или в более развитой области промышленности прогрессирует тем, что стягивает мелких кустарей на механическую фабрику, тогда как в захолустных местностях или в отсталых отраслях промышленности процесс развития капитализма только начинается, проявляясь в возникновении новых производств и промыслов. Капиталистическая мануфактура «овладевает национальным производством лишь очень постепенно, основываясь всегда на городском ремесле и сельских домашних побочных промыслах, как на широком базисе

* Поэтому, если бы нападки г-на Н. — она на «отделение промышленности от земледелия» не были платоническими вояджаниями романтина, то он должен бы был оплакивать и появление каждого кустарного заведения.

(Hintergrund). Уничтожая эти побочные промыслы в одной их форме, в известных отраслях промышленности, на известных пунктах, она вызывает их снова к жизни на других» («Das Kapital», I², S. 779*).

В «Очерке» данные о времени возникновения заведений разработаны тоже недостаточно: даны лишь поузездные сведения, а по группам и подгруппам сведений о времени возникновения заведений не сообщено; нет также и других группировок (по размеру заведений, по месту нахождения заведений в центре промысла или в окрестных селениях и т. п.). Не разработав данных переписи даже по принятым ими самими группам и подгруппам, пермские народники и здесь сочли нужным преподнести читателю сентенции, поражающие своей ультра-народнической елейностью и... вздорностью. Пермские статистики сделали открытие, что в «кустарной форме производства» существует особая «форма преемственности» заведений, именно «общинно-трудовая», тогда как в капиталистической промышленности господствует «наследственно-имущественная преемственность», что «общинно-трудовая преемственность органически превращает наемного рабочего в самостоятельного хозяина» (sic!), выражаясь в том, что когда умирает хозяин заведения, не оставляя среди наследников семейных рабочих, то промысел переходит в другую семью, «быть может, наемному рабочему в том же заведении», а также в том, что «общинное землевладение и хозяину кустарно-промышленного предприятия и его наемному рабочему одинаково гарантирует трудовую промышленную самостоятельность» (стр. 7, 68 и др.).

Мы не сомневаемся, что это сочиненное пермскими народниками «общинно-трудовое начало преемственности кустарных промыслов» займет надлежащее место в будущей истории литературы рядом с такой же сладенькой теорией гг. В. В., Н. —она и пр. о «народном производстве». Обе теории — одного пошиба, обе подкрашивают и извращают действительность посредством маниловских фраз. Всякий знает, что и у кустарей заведения, материалы, орудия и проч. составляют находящееся в частной собственности *имущество*, переходящее по *наследству*, а вовсе не по какому-то общинному праву,

* — «Капитал», т. I, изд. 2-е, стр. 779. ⁸⁸ Ред.

что община нисколько не гарантирует самостоятельности не только в промышленности, но даже в земледелии, что внутри общины идет такая же хозяйственная борьба и эксплуатация, как и вне ее. В особую теорию «общинно-трудового начала» превращен тот простой факт, что мелкий хозяйчик, при небольшом капитальце, должен трудиться и сам, что наемный рабочий *может* сделаться хозяином (конечно, если будет бережлив и воздержан), чему и бывают примеры, сообщаемые в «Очерке» на стр. 69... Все теоретики мещанства всегда утешались тем, что в мелком производстве рабочий *может* стать хозяином, и все они никогда не шли в своих идеалах дальше того, чтобы превратить рабочих в хозяйчиков. В «Очерке» делается даже попытка указать «статистические данные, констатирующие начало общинно-трудовой преемственности» (45). Данные относятся к кожевенному промыслу. Из 129 заведений 90 (т. е. 70%) основаны после 1870 года, между тем в 1869 г. кустарных кожевен считалось 161 (по «списку населенных мест»), а в 1895 — 153. Значит, промысел переходил из одних семей в другие, в чем и усматривается «принцип общинно-трудовой преемственности». Само собою разумеется, что смешно и спорить против этого желания видеть особый «принцип» в том, что мелкие заведения легко открываются и закрываются, легко переходят из рук в руки и т. д. Добавим только в частности о кожевенном промысле, что, во-1-х, данные о времени возникновения заведений в нем показывают, что он развивался во времени значительно *медленнее*, чем остальные промыслы; во-2-х, совершенно ненадежно сравнение 1869-го и 1895-го годов, так как понятие «кустарной кожевни» постоянно путают с понятием «кожевенный завод». В 1860-х годах громадное большинство «дубильных заводов» (по статистике фабрик и заводов) имели в Пермской губернии сумму производства менее 1 000 р. (см. «Ежегодник министерства финансов». Вып. I, СПб 1869. Таблицы и примечания), тогда как в 1890-х годах, с одной стороны, заведения с производством менее 1 000 р. исключались из числа фабрик и заводов; с другой стороны, в число «кустарных кожевен» попало много заведений с производством более 1 000 р., попали заводы с производством в 5—10 тыс. руб. и более (стр. 70 «Очерка». Стр. 149, 150 таблиц). При такой

абсолютной неопределенности различия между кустарной и заводской кожевной какое значение может иметь сравнение данных 1869-го и 1895-го года? В-3-х, если бы даже верно было, что число кожевен уменьшилось, разве это не могло бы значить, что позакрывалось много мелких заведений, взамен которых пооткрывались постепенно более крупные? Неужели подобная «смена» тоже подтвердила бы «принцип общинно-трудовой пресмственности»?

И в довершение курьеза, все эти сладенькие фразы об «общинно-трудовом принципе», о «гарантии общинной трудовой самостоятельности» и т. д. говорятся как раз о том кожевном промысле, в котором земледельцы-кустари представляют из себя чистейший тип мелких буржуа (см. ниже) и который гигантски концентрирован в *трех* крупных заведениях (заводах), попавших в число кустарей наряду с одиночками-кустарами и ремесленниками. Вот данные об этой концентрации:

Всего в промысле 148 заведений. Рабочих 267 семейных + 172 наемных = 439. Сумма производства = 151 022 р. Чистый доход = 26 207 р., в том числе — 3 заведения, в коих рабочих 0 семейных + 65 наемных = 65. Сумма производства = 44 275 р. Чистый доход = 3 391 р. (стр. 70 текста и стр. 149 и 150 таблиц).

То-есть *три* заведения из 148 («только 2,1%», как успокоительно говорится в «Очерке», стр. 76) концентрируют *почти треть* всего производства «кустарного кожевного промысла», давая своим хозяевам тысячные доходы без всякого участия их в производстве. Мы увидим ниже много примеров таких курьезов и по другим промыслам. Но в описании этого промысла авторы «Очерка», в виде исключения, остановились на указанных трех заведениях. Об одном из них сообщается, что хозяин (земледелец!) «занят, очевидно, только торговыми операциями, имея свои кожевенные лавки в селе Белоярском и г. Екатеринбурге» (с. 76—77). Примерчик того, как капитал, вложенный в производство, соединяется с капиталом, вложенным в торговлю. К сведению авторов «Очерка», изображающих «кулачество» и торговые операции как нечто наносное, оторванное от производства! В другом заведении семья состоит из 5 человек мужчин, но ни один из них не работает: «отец занят торговыми операциями по своему производству, а сыновья (в возрасте от 18 до

53 лет), все грамотные, пошли, очевидно, по другим колеям, более привлекательным, чем переключивание кож из чана в чан и переполаскивание их» (стр. 77). Авторы великодушно соглашаются, что эти заведения «характер имеют капиталистический», «но на вопрос о том, в какой степени будущность этих предприятий обеспечена на началах наследственно-имущественной передачи, решительный ответ может дать только само будущее» (76). О, глубокомыслие! «На вопрос о будущем может дать ответ только будущее». Святая истина! Но неужели это — достаточное основание для того, чтобы извращать настоящее?

СТАТЬЯ ВТОРАЯ

(IV. Земледелие «кустарей». — V. Крупные и мелкие заведения. — Доходы кустарей)

IV

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ «КУСТАРЕЙ»

Подворная перепись кустарей-хозяев и хозяйчиков собрала интересные данные о земледелии их. Вот эти данные, сведенные в «Очерке» по подгруппам:

Подгруппы:	Приходится на 1 двор			Процент дворов	
	десятины посева	лошадей*	коров*	бевло-шадн.	бесно-рольных
1. Товаропроизводители	7,1	2,1	2,2	7,4	5
2. Ремесленники	6,2	1,9	2,1	9,0	6
3. Работающие на скупщик.	4,5	1,4	1,3	61,0	13
<i>Всего</i>	6,3	1,8	2,0	9,5	6

Итак, чем зажиточнее кустари, как промышленники, тем состоятельнее они, как земледельцы. Чем ниже они стоят по роли в производстве, тем ниже они, как земледельцы. Данные кустарной переписи вполне подтверждают, следовательно, высказанное уже в литературе мнение, что разложение кустарей в промышленности идет рука об руку с разложением тех же крестьян, как земледельцев (*А. Волгин. Обоснование народничества и т. д. Стр. 211 и сл.*). Так как наемные рабочие у кустарей стоят еще ниже (или не выше), чем работающие на скупщиков кустари, то мы вправе заключить, что среди них еще больше разоренных земледельцев. Подворная перепись, как уже было замечено, не коснулась наемных рабочих. Во всяком случае и приведенные данные наглядно показывают, как забавно утверждение «Очерка», будто «общинное землевладение одинаково гарантирует трудовую промышленную самостоятельность и хозяину кустарно-промышленного заведения, и его наемному рабочему».

* В «Очерке» в этих цифрах, видимо, опечатка (см. стр. 58), исправленная нами.

Отсутствие детальных данных о земледелии одиночек, мелких и крупных хозяев сказывается на разбираемых данных особенно резко. Чтобы пополнить хотя отчасти этот пробел, мы должны обратиться к данным по отдельным промыслам; иногда попадаются сведения о числе земледельческих рабочих у хозяев*, но общей сводки этих сведений в «Очерке» нет.

Вот кожевники-земледельцы — 131 хозяйство. У них 124 земледельческих наемных работника; 16,9 дес. посева на двор и 4,6 лошадей; коров по 4,1 (стр. 71). Наемные рабочие (73 годовых и 51 срочный) получают 2492 руб. заработной платы, т. е. по 20,1 руб. на одного, тогда как средняя плата рабочему в кожевном промысле составляет 52 руб. И здесь, след., наблюдается общее всем капиталистическим странам явление более низкого положения рабочих в земледелии, чем в промышленности. «Кустари»-кожевники, очевидно, чистейший тип крестьянской буржуазии, и пресловутое, столь расхваленное народниками, «соединение промысла с земледелием» состоит в том, что важиточные хозяева торгово-промышленных заведений переносят *капитал* из торговли и промышленности в земледелие, платя своим батракам невероятно низкие платы**.

Вот кустари-маслобойщики. Земледельцев из них 173. На одно хозяйство приходится 10,1 дес. посева, 3,5 лошади и 3,3 коровы. Безлошадных и бескоровных дворов нет. Земледельческих рабочих 98 (годовых и срочных) с платою 3438 руб., т. е. по 35,1 руб. на одного. «Выбой или жмыхи, получаемые при маслобойном производстве как отбросы, служат лучшим кормом для скота, благодаря чему является возможность вести унавоживание полей в более широких размерах. Таким образом, от промысла для хозяйства получается тройная выгода: доход непосредственно от промысла, доход от скота и лучшие урожаи в полях» (164). «Земледелие ведется у них (маслобойщиков) в широких размерах, причем многие не довольствуются

* Известно, что у крестьян нередко в промышленные рабочие принуждаются исполнять земледельческие работы. Ср. «Куст. пром. и т. д.», III, стр. 7.

** Срочной рабочий в земледелии получает всегда больше половины годового платы. Положим, что здесь срочные рабочие получают лишь половину платы годового рабочего. Тогда плата годового рабочего будет $(2492 : (73 + \frac{51}{2})) = 25,5$ руб. По данным департамента земледелия, средняя за 10 лет (1881—1891) зараб. плата сельскому годовому рабочему на хозяйских харчах составляет в Пермской губернии 50 руб.

душевыми наделами, но арендуют еще землю у малосильных хозяйств» (168). Данные о распространении по уездам посевов льна и конопли показывают «некоторую связь между величиной посевов льна и конопли и распространением маслособойного промысла по уездам губернии» (170).

Торгово-промышленные предприятия являются здесь, след., так наз. техническими сельскохозяйственными производствами, развитием которых всегда характеризуется прогресс торгового и капиталистического земледелия.

Вот мельники-хозяева. Большинство из них — земледельцы: 385 из 421. На один двор приходится 11,0 дес. посева, 3,0 лошади и 3,5 коровы. Земледельческих наемных рабочих 307 человек с платою 6 211 руб. Подобно маслособойному, «мукомольное производство является для хозяев мельниц орудием рыночного сбыта продуктов их собственного хозяйства в форме наиболее для них выгодной» (178).

Кажется, этих примеров вполне достаточно, чтобы показать, как целено понимать под «кустарем-земледельцем» нечто однородное, само себе равное. Все приведенные земледельцы — представители мелкого буржуазного земледелия, и соединять такие типы с остальным крестьянством, в том числе и с разоренными хозяйствами, значит затушевывать самые характерные черты действительности.

В заключении описания маслособойного промысла составители пытаются возражать против «капиталистической доктрины», объявляющей расслоение крестьян эволюцией капитализма. Такое положение основывается, будто бы, на «совершенно произвольном утверждении, что указываемое расслоение есть факт позднейшего времени и представляет собой очевидный признак быстрого роста в крестьянской среде капиталистического режима *de facto**, несмотря на существование общинного землевладения *de jure***» (176). Составители возражают, что община никогда не исключала и не исключает имущественных расслоений, но она «не закрепляет их, не создает классов»; «эти переходящие расслоения с течением времени не обострялись, а, напротив, постепенно сглаживались» (177). Разумеется, подобное утверждение, в доказательство которого приводятся артели (о них ниже, § VII), семейные разделы (*sic!*) и земельные переделы (1), может

* — фактически. *Ред.*

** — юридически. *Ред.*

вызвать только улыбку. Называть «произвольным» положение о росте и увеличении крестьянской дифференциации, значит игнорировать общеизвестные факты массового обезлошадения крестьян и забрасывания земли наряду с фактами «технического прогресса в крестьянском хозяйстве» (ср. «Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве» г-на В. В.), развитие сдачи и заклада наделов наряду с ростом аренды, увеличение числа торгово-промышленных предприятий наряду с увеличением числа отхожих промышленников, этих бродячих наемных рабочих и т. д. и т. д.

Подворная перепись кустарей должна была дать богатый материал по крайне интересному вопросу об отношении доходов и заработков кустарей-земледельцев к доходам кустарей-неземледельцев. Все данные этого рода в таблицах есть, но сводки в «Очерке» не дано, и нам пришлось самим предпринять эту сводку по данным книги. Такая сводка основывалась, во-1-х, на сводках «Очерка» по отдельным промыслам. Нам оставалось лишь складывать данные о разных промыслах. Но эта сводка дана в табличной форме не по всем промыслам. Иногда приходилось убеждаться, что в нее вкрались ошибки или опечатки, — естественный результат отсутствия проверочных итогов. Во-2-х, сводка основывалась на выборке числовых данных из описаний некоторых промыслов. В-3-х, при отсутствии и того и другого источника, приходилось обращаться прямо к таблицам (напр., по последнему промыслу: «добыча ископаемых»). Понятно само собой, что подобная разнохарактерность материала в нашей сводке не могла не вести к ошибкам и неточностям. Мы полагаем, однако, что хотя общие итоги нашей сводки и не могли сойтись с итогами таблицы, тем не менее выводы из сводки вполне могут служить цели, ибо средние величины и отношения (которые мы только и пользуемся для выводов) изменились бы при всяком исправлении крайне незначительно. Напр., по итогам таблиц в «Очерке» размер валового дохода на 1 рабочего равен 134,8 руб., а по нашей сводке — 133,3 руб. Чистый доход на 1 семейного рабочего 69,0 руб. и 68,0 руб. Заработок 1 наемного рабочего 48,7 руб. и 48,6 руб.

Вот результаты этой сводки, определяющие величину валового дохода, чистого дохода и заработка наемных рабочих по группам и подгруппам (см. таблицу на следующей странице).

Группы	Подгруппы	Число заведений	Число рабочих			Валовой доход в руб.		Чистый доход ховьякт. в руб.		Заработная плата в руб.		Чистый доход и заработная плата вместе	Число задолжен. ховьякт
			Семейных	Наемных	Всего	Всего	На 1 ра-ботного	Всего	На 1 се-мейного раб.	Всего	На 1 наем-ного раб.		
I	1	2 239	4 122	1 726	5 848	758 493	129,7	204 004	49,5	74 558	43,2	278 562	225
•	2	2 841	4 249	712	4 961	383 441	77,3	186 719	43,9	34 937	49,0	221 656	93
•	3	1 016	1 878	586	2 464	236 301	95,9	91 916	48,9	20 535	35,0	112 451	304
<i>Итого по I группе</i>		6 096	10 249	3 024	13 273	1 378 235	103,8	482 639	47,1	130 030	43,0	612 669	622
II	1	959	1 672	738	2 410	605 509	251,2	220 713	132,0	45 949	62,2	266 662	176
•	2	595	876	272	1 148	178 916	155,8	90 203	102,9	18 404	67,6	108 607	51
•	3	1 320	2 231	852	3 083	492 347	159,7	229 108	102,7	43 289	50,8	272 397	262
<i>Итого по II группе</i>		2 874	4 779	1 862	6 641	1 276 772	192,2	540 024	113,0	107 642	57,8	647 666	489
<i>Всего</i>		8 970	15 028	4 886	19 914	2 655 007	133,3	1 022 663	68,0	237 672	49,6	1 260 335	1 111

Вот главные результаты этой таблицы:

1) Неземледельческое промышленное население принимает несравненно большее участие в промысле (по сравнению с своей численностью), чем земледельческое. По числу рабочих, неземледельцев вдвое меньше, чем земледельцев. По валовому же производству, они составляют почти половину, давая 1 276 772 руб. из 2 655 007, т. е. 48,1%. По доходу же от производства, т. е. по размеру чистого дохода хозяев плюс заработная плата наемных рабочих, неземледельцы даже преобладают над земледельцами, давая 647 666 руб. из 1 260 335, т. е. 51,4%. Оказывается, следовательно, что, будучи в меньшинстве по числу, неземледельцы-промышленники не уступают земледельцам по величине производства. Факт этот весьма важен для оценки традиционного народнического учения о земледелии, как «главном устое» так наз. кустарной промышленности.

Из этого факта естественно следуют и другие выводы:

2) Валовое производство неземледельцев (валовой доход), по расчету на 1 рабочего, значительно выше, чем земледельцев: 192,2 руб. против 103,8, т. е. без малого вдвое больше. Как увидим ниже, рабочий период неземледельцев длиннее, чем земледельцев, но эта разница далеко не так велика, так что большая производительность труда у неземледельцев не может подлежать сомнению. Меньше всего эта разница в 3-й подгруппе, у кустарей, работающих на скупщиков, что вполне естественно.

3) Чистый доход хозяев и хозяйчиков у неземледельцев более чем вдвое выше, чем у земледельцев: 113,0 руб. против 47,1 руб. (почти в $2\frac{1}{2}$ раза). Различие это проходит по всем подгруппам, но всего выше оно в 1-й подгруппе, у кустарей, работающих на вольную продажу. Само собою разумеется, что эта разница тем менее может быть объяснена различием рабочих периодов. Не может подлежать сомнению, что эта разница зависит от того, что *связь с землей понижает доход промышленников*; рынок усчитывает доход кустарей от земледелия, и земледельцы вынуждены довольствоваться нашим заработком. Сюда присоединяются, вероятно, и большие потери на сбыте у земледельцев, и большие расходы на закупку материалов, и большая зависимость от торговцев. Факт во всяком случае тот, что *связь с землей понижает заработок*

кустаря. Нам нечего распространяться о громадном значении этого факта, выясняющего истинное значение «власти земли» в современном обществе. Стоит вспомнить, какое громадное значение имеет низкий размер заработка в удержании кабальных и примитивных способов производства, в задержке употребления машин, в понижении жизненного уровня рабочих*.

4) Заработная плата наемных рабочих тоже везде выше у неземледельцев, чем у земледельцев, но разница эта далеко не так велика, как в доходе хозяев. Вообще по всем трем подгруппам наемный рабочий у хозяина-земледельца зарабатывает 43,0 руб., а у неземледельца — 57,8 р., т. е. на $\frac{1}{3}$ больше. Эта разница *может* в значительной степени (*но и то не вполне*) зависеть от различий работ периода. Об отношении же этой разницы к связи с землей мы не можем судить, ибо не имеем данных о наемных рабочих земледельцах и неземледельцах. Кроме влияния рабочего периода сказывается, конечно, и тут влияние разного уровня потребностей.

5) Разница между величиной дохода хозяев и заработной платой наемным рабочим несравненно больше у неземледельцев, чем у земледельцев: по всем трем подгруппам у неземледельцев доход хозяина почти вдвое выше заработка наемника (113 руб. против 57,8), тогда как у земледельцев доход хозяина выше на незначительную сумму — 4,1 рубля (47,1 и 43,0)! Если эти цифры поразительны, то еще более приходится сказать это о ремесленниках-земледельцах (1, 2), у которых доход хозяев *ниже* заработной платы наемных рабочих! Однако, это явление станет вполне понятным, когда мы приведем ниже данные о громадных различиях величины дохода в крупных и мелких заведениях. Повышая производительность труда, крупные заведения дают возможность платить наемную

* Заметим по поводу этого последнего (по важности первого) пункта, что в «Очерке», к сожалению, нет данных об уровне жизни земледельцев и неземледельцев. Но другие исследователи отметили и для Пермской губ. обычное явление несравненно более высокого уровня жизни у промышленников-неземледельцев сравнительно с «серыми» земледельцами. Ср. «Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России», изд. министерства земледелия и государственных имуществ, т. III, статья Егунова. Автор указывает на совершенно «городской» уровень жизни в некоторых безземельных селах, на стремление кустаря-неземледельца одеваться и жить «по-людски» (европейская одежда по крахмальной сорочке включительно; самовар; большое потребление чая, сахара, белого хлеба, говядины и т. д.). Автор опирается на бюджеты ведомо-статистических изданий.

плату, превосходящую доход бедноты, — одиночек кустарей, «самостоятельность» которых оказывается, при подчинении их рынку, совершенно фиктивной. Эта громадная разница между доходами крупных и мелких заведений сказывается в обеих группах, но у земледельцев гораздо сильнее (вследствие большего принижения мелких кустарей). Ничтожная разница между доходом хозяйчика и заработком наемника показывает наглядно, что доход *мелкого* кустаря-земледельца, не держащего наемников, *не выше, а зачастую и ниже* заработной платы наемному рабочему. В самом деле, величина чистого дохода хозяина (47,1 руб. на 1 семейного рабочего) есть *средняя* величина для всех заведений, крупных и мелких, для фабрикантов и одиночек. Понятно, что у крупных хозяев разница между чистыми доходами хозяина и заработком наемника составляет не 4 рубля, а в 10—100 раз больше, а это означает, что доход мелкого кустаря, одиночки, значительно ниже 47-ми рублей, т. е. этот доход *не выше, а часто и ниже* заработной платы наемному рабочему. Данные кустарной переписи о распределении заведений по чистой доходности (см. ниже, § V) вполне подтверждают этот, повидному, парадоксальный вывод. Но эти данные касаются всех заведений вообще, без различия земледельцев и неземледельцев, и вот почему для нас особенно важен данный результат вышеприведенной таблицы: мы узнали, что самые низкие заработки принадлежат именно земледельцам, что «связь с землей» громадно понижает заработки.

Говоря о различии доходов у земледельцев и неземледельцев, мы уже упомянули, что нельзя объяснить его различием рабочих периодов. Посмотрим же на данные кустарной переписи по этому вопросу. В программу переписи, как мы узнали из «введения», вошло исследование «напряженности производства в течение года, на основании числа семей и наемных рабочих, занятых производством по месяцам» (с. 14). Так как перепись была подворная, т. е. каждое заведение исследовалось отдельно (к сожалению, к «Очерку» не приложена форма подворного бланка), то надо предположить, что о каждом заведении собирались данные о числе рабочих по месяцам или о продолжительности рабочих месяцев в году в каждом заведении. Эти данные сведены в «Очерке» в одну таблицу

(с. 57, 58), в которой для каждой подгруппы обеих групп указано число рабочих (семьян и наемных вместе), *занятых в каждый месяц года.*

Попытка кустарной переписи 1894/95 года определить с такой точностью число рабочих месяцев у кустарей чрезвычайно поучительна и интересна. Действительно, без таких сведений данные о доходах и заработках были бы не полны, и статистические выкладки были бы лишь приближительны. Но, к сожалению, данные о рабочем периоде обработаны весьма недостаточно: кроме этой общей таблицы даны лишь сведения для некоторых промыслов о числе рабочих по месяцам, иногда с разделением по группам, иногда без такого разделения; разделения же по подгруппам нет ни по одному промыслу. Выделение крупных заведений было бы по этому вопросу особенно важно, ибо мы вправе предположить, — и а priori, и по данным других исследователей кустарной промышленности, — что рабочие периоды у крупных и мелких кустарей не одинаковы. Кроме того, самая таблица на стр. 57 составлена, видимо, не без ошибок или опечаток (напр., в месяцах: февраль, август, ноябрь; столбец 2-ой и 3-ий во II-ой группе, видимо, перепутаны, ибо число рабочих в 3-й подгруппе больше, чем во второй). Даже по исправлении этих неточностей (исправлении, иногда приближительном), эта таблица возбуждает не мало сомнений, которые делают пользование ею рискованным. В самом деле, рассматривая данные этой таблицы по подгруппам, мы видим, что в подгруппе 3-й (гр. I) maximum занятых рабочих приходится на декабрь, составляя 2911 рабочих. Между тем, всего в 3-й подгруппе «Очерк» считает 2551 рабочего. То же в 3-й подгруппе II-й группы: maximum — 3221, а действительное число рабочих — 3077. Наоборот, по подгруппам *maxima* занятых в один из месяцев рабочих меньше действительного числа рабочих. Как объяснить это явление? Тем ли, что по данному вопросу собраны сведения не о всех заведениях? Это очень вероятно, но в «Очерке» ни слова об этом. По 2-й подгруппе II-й группы не только maximum рабочих (февраль) больше действительного числа рабочих (1882 против 1163), но и *среднее число* рабочих, занятых в один месяц (т. е. частное, полученное от деления суммы рабочих, занятых в 12 месяцев, на 12), *больше* действительного

числа рабочих (1 265 против 1 163)! Спрашивается, какое же число рабочих регистраторы считали действительным: среднее ли за год, среднее ли за какой-нибудь период (напр., за зиму), или наличное число в один определенный месяц года? Рассмотрение данных о помесечном числе рабочих в отдельных промыслах не помогает разрешить все эти недоумения. По большинству из тех 23-х промыслов, о которых даны эти сведения, максимум занятых в один из месяцев года рабочих *ниже* действительного числа рабочих. По 2-м промыслам этот максимум *выше* действительного числа рабочих: по медноиздельному (239 против 233) и кузнечному (II-я группа — 1 811 против 1 269). По двум промыслам максимум равен действительному числу рабочих (веревочный и маслобойный, II-ые группы).

При таких условиях пользоваться данными о помесечном распределении рабочих для сравнения их с суммами заработка, с действительным числом рабочих и т. п. оказывается невозможным. Остается только брать эти данные безотносительно к другим, сравнивать максимум и минимум занятых по месяцам рабочих. Так и делается в «Очерке», но при этом сравниваются отдельные месяцы. Мы находим более правильным сравнивать зиму и лето: тогда мы можем проследить, насколько земледелие отвлекает рабочих от промысла. Мы брали среднее число рабочих, занятых зимой (октябрь — март), за норму и, прилагая эту норму к числу рабочих, занятых летом, получали число летних рабочих месяцев. Сумма зимних и летних месяцев давала число рабочих месяцев в году. Поясним примером. В 1-й подгруппе I-й группы в шесть зимних месяцев занято 18 060 рабочих; значит, в один зимний месяц занято в среднем $(18\,060 : 6 =)$ 3 010 рабочих. Летом занято 12 345 рабочих, т. е. рабочий период летом составляет $(12\,345 : 3\,010)$ 4,1 месяца. След., рабочий период в 1-й подгруппе I-й группы составляет 10,1 месяцев в году.

Такой прием обработки данных казался нам и самым правильным и самым удобным. Самым правильным — потому что он основан на сравнении зимних и летних месяцев, след., на точном определении того, насколько отвлекает рабочих от промысла земледелие. Что зимние месяцы взяты правильно, это подтверждается тем, что именно с октября и именно по март по обеим группам число рабочих выше среднего в году. Именно с сентября

по октябрь число рабочих всего сильнее повышается, именно с марта по апрель оно всего сильнее падает. Впрочем, выбор других месяцев изменил бы выводы весьма незначительно. Самым удобным мы считаем взятый прием потому, что он выражает рабочий период точным числом, позволяя сравнивать в этом отношении группы и подгруппы.

Вот полученные по этому способу данные:

	Группа I			Всего	Группа II			По объем группам	
	Подгруппы				Подгруппы				
	1	2	3		1	2	3		
Рабочий период в месяцах	10,1	9,6	10,5	10,0	10,0	10,4	10,9	10,5	10,2

Эти данные приводят к выводу, что разница в рабочем периоде у земледельцев и неземледельцев *крайне мала*: у неземледельцев рабочий период всего на 5% длиннее. Ничтожность этой разницы вызывает сомнение в правильности цифр. Мы предприняли некоторые вычисления и сводки разбросанного в книге материала для проверки их и пришли к следующим выводам:

Из 43-х промыслов по 23-м даны в «Очерке» сведения о помесечном распределении рабочих, причем по 12 (13)* промыслам эти сведения проведены по группам, а по 10 не проведены. Оказывается, что по трем промыслам (смоло-дегтярному, синильному и кирпичному) число рабочих летом больше, чем зимой: в шесть зимних месяцев занято всего 1953 человека по всем этим трем промыслам, а в 6 летних — 4918 человек. Число земледельцев в этих промыслах громадно преобладает над неземледельцами, составляя 85,9% всего числа рабочих. Понятно, что соединение в общих итогах по группам этих летних, так сказать, промыслов с остальными было совершенно неправильно, ибо это значило соединять разнородные вещи и искусственно повышать число летних рабочих во всех промыслах. Чтобы исправить происходящую от этого ошибку, есть два средства. Первое — вычесть данные по этим трем промыслам из итогов «Очерка» по I-й и II-й группам**. Получаем рабочий период для I-й группы

* Роговой промысел имеет лишь одну I-ю группу.

** Распределение рабочих этих трех промыслов между I и II группой делается приблизительно, взяв за норму 85,9% для I.

9,6 месяцев, для II-й — 10,4 месяца. Здесь разница между обеими группами больше, но все-таки она очень невелика: 8,3%. Второе средство исправить ошибку состоит в сводке данных по тем 12-ти промыслам, для которых даны в «Очерке» сведения о помесичном распределении рабочих в I-й и во II-й группе отдельно. Такая сводка охватит 70% всего числа кустарей, причем сравнение между I-й и II-й группой будет правильное. Оказалось, что по этим 12-ти промыслам рабочий период для I-й группы равен лишь 8,9 месяцам, а для II-й — 10,7 месяцам, а по обеим группам вместе 9,7 месяцев. Здесь рабочий период у неземледельцев на 20,2% длиннее, чем у земледельцев. Земледельцы прекращают работы летом на 3,1 месяца, а неземледельцы только на 1,3 месяца. Если мы возьмем максимальное отношение рабочих периодов во II-й и I-й группе за норму, то и тогда окажется, что не только различий в валовом производстве рабочих I-й и II-й группы или в чистой доходности их заведений, но даже различий в заработной плате наемных рабочих у земледельцев и неземледельцев *нельзя объяснить различием рабочих периодов*. След., сделанный выше вывод, что связь с землей понижает заработки кустарей, остается в полной силе.

Поэтому следует признать ошибкой мнение составителей «Очерка», желающих объяснить различие в заработке земледельцев и неземледельцев различием рабочих периодов. Ошибка их произошла оттого, что они не пытались выразить различий рабочих периодов точными цифрами, и потому впали в заблуждение. Напр., на стр. 106-й в «Очерке» говорится, что различие заработков скорняков-земледельцев и скорняков-неземледельцев «определяется главным образом количеством рабочих дней, которые посвящаются промыслу». Между тем доходы неземледельцев превышают доходы земледельцев по этому промыслу в 2—4 раза (на одного семейного рабочего в 1-й подгруппе 65 и 280 руб.; во 2-й — 27 и 62 руб.), а рабочий период у неземледельцев длиннее всего на 28,7% (8,5 месяцев против 6,6).

Факт понижения заработка вследствие связи с землей не мог ускользнуть и от составителей «Очерка», которые однако выразили его обычной народнической формулой о «преимуществе» кустарной формы перед капиталисти-

ческой: «соединяя земледелие с промыслом, кустарь... может продавать свои изделия дешевле фабричных» (с. 4), может, другими словами, довольствоваться меньшим заработком. Только в чем же тут «преимущество» связи с землей, если рынок настолько уже властвует над всем производством страны, что усчитывает эту связь, понижая заработок кустаря-земледельца? если капитал умеет пользоваться этой «связью» для большего давления кустаря-земледельца, менее способного к самозащите, к выбору другого хозяина, другого покупателя, другого занятия? Понижение заработной платы (и промышленного заработка вообще) при наличности у рабочего (и мелкого промышленника) клочка земли есть явление, общее всем капиталистическим странам, явление, прекрасно известное всем предпринимателям, давным-давно оценившим громадные «преимущества» привязанных к земле рабочих. Только на гнилом Западе вещи прямо и называют их именем, а у нас понижение заработка, понижение жизненного уровня трудящихся, задержку введения машин, укрепление всяческой кабалы называют «преимуществом» «народного производства», «соединяющего земледелие с промыслом»...

В заключение обзора данных кустарной переписи 1894/95 года о рабочем периоде нельзя опять-таки не выразить сожаления по поводу необработанности полученных данных и не пожелать, чтобы эта неудача не смутила других исследователей этого интересного вопроса. Прием исследования — определение помесячного распределения рабочих сил — нельзя не признать выбранным весьма удачно. Выше мы привели данные о рабочем периоде по группам и подгруппам. Данные по группам мы могли еще несколько проверить. Данные по подгруппам совершенно не проверяемы, ибо в книге нет еще абсолютно никаких сведений о различии в рабочем периоде по разным подгруппам. Поэтому, излагая эти данные, оговоримся, что нельзя ручаться за полную надежность их, и если мы делаем дальнейшие выводы, то лишь для того, чтобы поставить вопрос и обратить на него внимание исследователей. Важнейший вывод тот, что наименьшая разница в рабочих периодах I-й и II-й группы оказывается в 1-й подгруппе (всего на 1%: 10,1 и 10,0 месяцев), т. е. *всего меньше отвлекаются от земледелия самые*

зажиточные кустари и самые крупные и *состоятельные земледельцы*. Всего больше различие у ремесленников (2-я подгруппа: 9,5 и 10,4 месяца), т. е. у наименее затронутых товарным хозяйством промышленников и *средних земледельцев*. Выходит, как будто, что у зажиточных земледельцев малое отвлечение от земледелия зависит либо от большего состава их семей, либо от большей эксплуатации наемного труда, в промысле, либо от найма ими земледельческих работников, и что наибольшее отвлечение от земледелия ремесленников стоит в связи с наименьшим разложением их как земледельцев, с наибольшим сохранением патриархальных отношений и непосредственной работы на потребителей-земледельцев, которые сокращают свои заказы летом*.

— «Связь с земледелием», по данным переписи, отражается чрезвычайно рельефно на *грамотности* кустарей; — грамотность наемных рабочих, к *сожалению*, не исследована. Оказывается, что неземледельческое население** *значительно грамотнее* земледельческого, причем это отношение наблюдается без исключения по всем подгруппам и для мужчин, и для женщин. Вот *in extenso**** данные переписи по этому вопросу в процентных отношениях (стр. 62):

		Группа I (земледельцы)				Группа II (неземледельцы)				По обеим группам
		Подгруппы			Итого	Подгруппы			Итого	
		1	2	3		1	2	3		
«Процентное отношение грамотных к наличному числу лиц».	муж. п.	32	33	20	31	41	45	33	39	33
	жен. п.	9	6	4	7	17	22	14	17	9
«Процент грамотных из числа тех, которые принимают личное трудовое участие в производстве».	муж. п.	39	37	26	36	44	57	51	49	46
	жен. п.	13	17	4	10	53	21	23	30	19
Процент семей с грамотными		49	43	34	44	55	63	50	55	47

* Есть исключение: синильный промысел — исключительно ремесленный, и в нем преобладает летняя работа над зимней.

** Напомним, что город (и то уездный) вошел сюда лишь один по исключению: из числа 4 762 семейных рабочих II-й группы горожан только 1412, т. е. 29,6%.

*** — в полном объеме. Ред.

Интересно отметить, что в неземледельческом населении грамотность гораздо быстрее распространяется среди женщин, чем среди мужчин. Процент грамотных мужчин во II-ой группе в $1\frac{1}{2}$ —2 раза больше, чем в I-ой, а процент грамотных женщин в $2\frac{1}{2}$ — $5\frac{3}{4}$ раза.

Резюмируя те выводы, которые дала кустарная перепись 1894/95 года о «земледелии в связи с промыслом», мы можем констатировать, что связь с земледелием:

1) задерживает наиболее отсталые формы промышленности и тормозит экономическое развитие;

2) понижает заработки и доходы кустарей, так что *наиболее* обеспеченные подгруппы земледельцев-хозяев получают, в общем и среднем, меньше, чем *наихудше* поставленные подгруппы *наемных рабочих* у неземледельцев, не говоря уже о неземледельцах-хозяевах. Даже сравнительно с наемными рабочими в I-ой группе хозяев этой же группы получают весьма низкие доходы, лишь очень немногим превышающие заработки наемных рабочих, а иногда даже спускающиеся ниже их;

3) задерживает культурное развитие населения, имеющего более низкий уровень потребностей и далеко отстающего в грамотности от неземледельцев.

Эти выводы пригодятся нам ниже, при оценке народнической программы промышленной политики.

4) Среди кустарей-земледельцев констатируется разложение, параллельное разложению промышленников. При этом высшие (по обеспеченности) категории земледельцев представляют из себя чистый тип крестьянской буржуазии, основывающей свое хозяйство на найме сельских батраков и поденщиков.

5) Рабочий период у земледельцев короче, чем у неземледельцев, но разница эта очень невелика (5%—20%).

v

КРУПНЫЕ И МЕЛКИЕ ЗАВЕДЕНИЯ. — ДОХОДЫ КУСТАРЕЙ

На данных кустарной переписи 1894/95 года о *доходах* кустарей необходимо остановиться поподробнее. Попытка собрать подворные данные о доходах слишком поучительна, и ограничиться общими «средними» по подгруппам

(приведенными выше) было бы совершенно неправильным приемом. Мы уже говорили не раз о фиктивности «средних», выводимых из сложения вместе одиночек-кустарей и хозяев крупных заведений и деления суммы на число слагаемых. Постараемся же собрать имеющиеся в «Очерке» данные по этому вопросу, чтобы наглядно показать и доказать эту фиктивность, доказать необходимость при научных исследованиях и при обработке данных подворных переписей группировать кустарей на разряды по числу рабочих (и семейных, и наемных) в мастерской и приводить все данные переписи по этим разрядам.

Составители «Очерка» не могли не заметить бросающегося в глаза факта большей доходности крупных заведений и постарались ослабить его значение. Вместо точных данных переписи о крупных заведениях (выделить эти данные было бы не трудно), они опять ограничились общими рассуждениями, соображениями, доводами против неприятных для народничества выводов. Посмотрим на эти доводы.

«Если в подобных (крупных) заведениях мы встречаем непропорционально больший, сравнительно с мелкими, доход семьи, то не должны упускать из виду, что значительная часть этого дохода есть, главным образом, воспроизведение стоимости, во-1-х, некоторой части основного капитала, перешедшей в продукты, во-2-х, труда и издержек торгово-транзитного характера, непричастных производству, и, во-3-х, стоимости пищевого довольствия тех наемных рабочих, которые содержатся на хозяйских харчах. Этими фактами (хороши факты!) ограничивается возможность некоторых иллюзий относительно преувеличенного представления о выгодах в кустарном производстве наемного труда или, что то же, капиталистического элемента» (с. 15). Что «ограничить» возможность иллюзий весьма желательно для исследования, в этом, конечно, никто не усомнится, но для этого нужно «иллюзиям» противопоставить именно факты, собранные подворной переписью, а не свои соображения, которые иногда целиком относятся к «иллюзиям». В самом деле не иллюзия ли рассуждение авторов о торгово-транзитных расходах? Кто же не знает, что для крупного промышленника эти расходы на единицу продукта неизмеримо

ниже, чем для мелкого*, что первый закупает материал дешевле, продает продукт дороже, умея (и будучи в состоянии) выбирать время и место? Кустарная перепись дает тоже указания на эти общеизвестные факты: ср., напр., стр. 204 и 263, и нельзя не пожалеть, что в «Очерке» нет фактов о расходах на закупку сырья и сбыт продукта у промышленников крупных и мелких, у кустарей и скупщиков. Далее, что касается до снашиваемой части основного капитала, то авторам опять пришлось впасть в иллюзию, воюя против иллюзии. Известно из теории, что крупные расходы на основной капитал понижают снашиваемую и переходящую на продукт часть стоимости по расчету на единицу продукта. «Сравнительный анализ цен ручных или мануфактурных товаров и тех же товаров, произведенных машинами, дает в общем тот результат, что в машинном продукте часть стоимости, переходящая от орудий труда, относительно возрастает, но абсолютно уменьшается. То-есть ее абсолютная величина уменьшается, но ее величина в отношении ко всей стоимости продукта, напр., фунта пряжи, увеличивается» («Das Kapital», I², S. 406**). Перепись считала и расходы производства, в число которых входит (с. 14, п. 7-й) «ремонт инструментов и приспособлений». Где основания думать, что пробелы в регистрации этого пункта чаще встречаются у крупных, чем у мелких хозяев? Не скорее ли наоборот? Что касается до содержания наемных рабочих, то фактов по этому вопросу в «Очерке» нет никаких: мы не знаем, сколько именно рабочих получают хозяйское содержание, как часты пробелы переписи по этому пункту, как часто хозяева-земледельцы содержат наемников продуктами своего хозяйства, как часто хозяева заносили содержание рабочих в расходы производства. Точно так же нет никаких фактов о неодинаковой продолжительности рабочих периодов в крупных и мелких заведениях. Мы нисколько не отрицаем, что рабочий период в крупных заведениях по всей вероятности длиннее, чем в мелких, но, во-1-х, различия в доходности несравненно больше различий рабочего периода; во-2-х же,

* Само собой разумеется, что сравнивать можно только кустарей одной подгруппы, а не товаропроизводителя с ремесленником или с работающим на скупщика.

** — «Капитал», т. I, изд. 2-е, стр. 406.⁸⁹ Ред.

остается констатировать, что против точных фактов подворной переписи (которые приводятся ниже) пермские статистики не сумели привести ни одного веского, основанного на точных данных, возражения в защиту народнических «иллюзий».

Данные о крупных и мелких заведениях мы получали таким образом: просматривались таблицы, приложенные к «Очерку», отмечались крупные заведения (когда их можно выделить, т. е. когда они не слиты с массой заведений в общий итог) и сравнивались с общими итогами «Очерка» о всех заведениях той же группы и подгруппы. Вопрос так важен, что, мы надеемся, читатели не посетуют на нас за обилие табличек, приводимых ниже: в табличках данные выступают рельефнее и компактнее.

Пимокатный промысел:

Группа I Подгруппа I	Число заведений			Число рабочих		Валовой доход		Зараб. плата наем. рабоч.		Чистый доход		Ссылки на стр. «Очерка»
	Семейных	Наемных	Всего	Всего	На I рабочего	Всего	На I наемного рабочего	Всего	На I семейного рабочего			
											Рублей	
Всего	58	99	95	194	22 769	117,3	4 338	45,6	7 410	75,0	Стр. 112 тенста	
Крупные заведения	10	14	65	79	13 291	168,0	3 481	53,5	3 107	222,0	Стр. 214, 215 и 154 табл.	
Остальные заведения без этих крупных	48	85	30	115	9 478	82,4	857	28,5	4 303	41,2		

Итак, «средний» доход на одного семейного рабочего в 75 р. получился из сложения доходов в 222 р. и в 41 р. Оказывается, что за вычетом 10-ти крупных заведений* с 14-ю семейными рабочими, остальные заведения дают чистый доход, уступающий заработной плате наемному

* Это однако далеко еще не самые крупные заведения. Из распределения заведений по числу наемных рабочих (с. 113) можно подсчитать, что в 3-х заведениях — 163 наемных рабочих, т. е. в среднем по 54 наемных работника на заведение. И это «кустаря», которых складывают с одиночками (одиночек в промысле не менее 460) и выводят общие «средние»!

рабочему (41,2 р. против 45,6), а в крупных заведениях заработная плата еще повышается. Производительность труда в крупных заведениях более чем вдвое выше (168,0 и 82,4), заработная плата наемному рабочему почти вдвое (53 и 28), чистый доход впятеро (222 и 41). Ясно, что ни различиями рабочего периода, ни другими какими-либо соображениями нельзя устранить того факта, что крупные заведения имеют высшую производительность труда* и высшую доходность, а мелкие кустари — получают меньше наемных рабочих при всей своей «самостоятельности» (1-ая подгруппа: самостоятельно работают на рынок) и связь с землей (I группа).

В столярном промысле в 1-й подгруппе I-й группы «чистый доход» семей равен «в среднем» 37,4 руб. на 1 семейного работника, тогда как средний заработок одного наемного рабочего в этой же подгруппе равен 56,9 р. (с. 131). Выделить крупные заведения по таблицам нельзя, но вряд ли можно сомневаться, что эта «средняя» величина дохода на 1 семейного рабочего есть результат сложения высокодоходных заведений с наемными рабочими (которым платят же за что-нибудь по 56 рублей) и крохотных мастерских мелких «самостоятельных» кустарей, получающих много меньше наемного рабочего.

Далее, рогожный промысел:

Группа I Подгруппа 1	Число заведений			Валовой доход		Заработная плата		Чистый доход		Ссылки на стр. «Очерка»	
	Семейных	Наемных	Всего	Всего	На 1 рабочего	Всего	На 1 наемного рабочего	Всего	На 1 семейного рабочего		
Всего	99	206	252	458	30 681	84,4	6 664	26,4	10 244	49,7	Стр. 151 текста
Крупные заведения	11	11	95	106	18 170	171,4	2 520	26,5	3 597	327,0	Стр. 95, 97 и 136 таблиц
Остальные	88	195	157	352	20 511	58,2	4 144	26,4	6 647	34,0	

* «В одном из заведений» отмечено введение шерстобитной машины (с. 119).

Итак, 11 заведений из 99 концентрируют почти половину всего производства. Производительность труда в них выше более, чем вдвое; заработная плата наемным рабочим также; чистый доход более чем вшестеро выше «среднего» и почти вдесятеро выше дохода остальных, т. е. более мелких кустарей. Доходы этих последних уже немногим выше заработка наемников (34 и 26).

Веревочно-канатный промысел*:

Группа I Подгруппа I	Число заведений			Число рабочих		Валовой доход		Заработная плата		Чистый доход		Ссылки на стр. «Очерка»
	Семейных	Наемных	Всего	Всего	На 1 рабочего	Всего	На 1 наемного рабочего	Всего	На 1 семейного рабочего			
Всего	58	179	106	285	81 672	286	6 946	65,6	16 127	90,1	Стр. 158 текста*	
Крупные заведения	4	5	56	61	48 912	800	4 695	83,8	5 599	1119,0	Стр. 40 и 188 таблиц	
Остальные	54	174	50	224	32 760	146	2 251	45,0	10 528	60,5		

Итак, общие «средние» и здесь показывают высшие доходы у семейных рабочих против наемных (90 против 65,6). Но из 58 заведений 4 концентрируют *больше половины* всего производства. В этих заведениях (капиталистических мануфактурах чистого типа)** производительность труда почти втрое выше среднего (800 и 286) и более чем впятеро выше, чем у остальных, т. е. более мелких заведений (800 и 146). Заработная плата наемным рабочим на фабриках значительно выше, чем у мелких хозяйчиков (84 и 45). Чистый доход фабрикантов составляет выше 1 000 руб. на семью против 90 р. «в среднем» и 60,5 р. у мелких кустарей. Мелкие кустари получают

* В таблице на стр. 158, видимо, опечатка или ошибка, ибо в Ирбитском уезде чистый доход больше показанных в итоге 9 827 рублей. Пришлось переделать эту таблицу по данным приложенных к «Очерку» таблиц.

** Ср. «Куст. пром.», с. 46—47, а также описание производства в «Очерке», стр. 162 и сл. Прехарактерно, что «эти предприниматели были когда-то действительными кустарями, почему они всегда... любили и любят называть себя кустарями».

таким образом доход, уступающий заработной плате наемникам (60,5 и 65,6).

Смоло-дегтярный промысел:

Группа I Подгруппа 1	Число заведений			Число рабочих		Валовой доход		Заработная плата		Чистый доход		Ссылки на стр. «Очерка»
	Семейных	Наемных	Всего	Всего	На 1 рабочего	Всего	На 1 наемного рабочего	Всего	На 1 семейного рабочего			
Всего	167	319	80	399	22 076	55,3	2 150	26,8	10 979	34,4	Стр. 189 текста	
Крупные заведения	9	10	16	26	4 440	170,7	654	40,8	2 697	269,7	Стр. 100, 101, 137, 160, 161 и 220 таблиц	
Остальные	158	309	64	373	17 636	47,3	1 496	23,2	8 282	26,8		

Итак, и в этом производстве, вообще очень мелком, с очень небольшим числом наемных рабочих (20%), в земледельческой группе, у самостоятельных кустарей наблюдается то же чисто капиталистическое явление превосходства крупных (сравнительно) заведений. А смоло-дегтярное производство типичный крестьянский, «народный» промысел! В крупных заведениях производительность труда более чем втрое выше, заработная плата наемных рабочих раза в полтора выше, чистый доход раз в восемь выше «среднего» и вдесятеро выше заработка остальных кустарей-семьян, которые зарабатывают не больше среднего наемного рабочего и меньше наемного рабочего в более крупных заведениях. Отметим, что смоло-дегтярное производство ведется главным образом летом, так что различия в рабочем периоде не могут быть значительны*.

* Из «Очерка» видно, что в смоло-дегтярном производстве употребляются и первобытные ямные способы гоения смолы и более совершенные — казанное в даже с цилиндрическими котлами (с. 195). Подворная перепись дала материал о распределении тех и других, но материал этот не утилизирован, ибо не выделены крупные заведения.

Пекарный промысел:

Группа I Подгруппа 1	Число заведений	Число рабочих			Валовой доход		Заработная плата		Чистый доход		Ссылки на стр. «Очерка»
		Семейных	Наемных	Всего	Всего	На 1 рабочего	Всего	На 1 наемного рабочего	Всего	На 1 семейного рабочего	
Всего	27	63	55	118	44 619	378,1	2 497	45,4	7 484	118,8	Стр. 215 текста
Крупные заведения	4	7	42	49	25 740	525	2 050	48,8	4 859	694	Стр. 68 и 229 таблиц
Остальные	23	56	13	69	18 879	273	447	34,4	2 625	46,8	

То-есть опять-таки средние для всей подгруппы цифры оказываются совершенно фиктивными. Крупные заведения (мелких капиталистов) концентрируют большую половину всего производства, дают чистую доходность вшестеро выше среднего и в 14 раз больше, чем у мелких хозяйчиков, и выплачивают наемным рабочим *заработную плату, превышающую доход мелких кустарей*. Мы не говорим о производительности труда, в 3—4 крупных заведениях производят более ценный продукт — патоку.

Гончарное производство. Опять типичный мелкий крестьянский промысел, с ничтожным числом наемных рабочих (13%), с весьма мелкими заведениями (менее 2 рабочих на заведение), с преобладающим числом земледельцев. И здесь видим мы то же самое:

Группа I Подгруппа 1	Число заведений	Число рабочих			Валовой доход		Заработная плата		Чистый доход		Ссылки на стр. «Очерка»
		Семейных	Наемных	Всего	Всего	На 1 рабочего	Всего	На 1 наемного рабочего	Всего	На 1 семейного рабочего	
Всего	97	163	31	194	12 414	63,9	1 830	59	6 657	41	Стр. 291 текста
Крупные заведения	7	9	17	26	4 187	161,0	1 400	80,2	1 372	152	Стр. 168 и 206 таблиц
Остальные	90	154	14	168	8 227	48,9	430	30,0	5 285	34,3	

Здесь, след., сразу оказывается, что по «средним» цифрам заработок наемного рабочего *выше* дохода семейного рабочего. Выделение крупных заведений разъясняет это противоречие, которое мы констатировали уже выше на массовых данных. В крупных заведениях несравненно выше и производительность труда, и заработная плата, и доход хозяев, мелкие же кустари получают меньше наемных рабочих *и более чем вдвое меньше против наемных рабочих в наилучшие поставленных мастерских.*

Кирпичное производство:

Группа I Подгруппа I	Число заведений	Число рабочих			Валовой доход		Заработная плата		Чистый доход		Ссылки на стр. «Очерка»
		Семейных	Наемных	Всего	Всего	На 1 рабочего	Всего	На 1 наемного рабочего	Всего	На 1 семейного рабочего	
Всего	229	558	218	776	17 606	22,6	4 560	20,9	10 126	18,1	Стр. 299 текста
Крупные заведения	8	9	45	54	3 130	57,9	1 415	31,4	1 298	144	Стр. 46, 120, 169 и 183 таблиц
Остальные	221	549	173	722	14 476	20,0	3 145	18,2	8 828	16,0	

Итак, и здесь «средний» доход одного семейного рабочего оказывается ниже заработной платы наемника. И здесь объяснение этого явления заключается в соединении крупных заведений, отличающихся несравненно большей производительностью труда, высшей платой наемным рабочим и очень высокой (сравнительно) доходностью, — с мелкими заведениями, хозяйчики которых получают доход почти вдвое меньший против заработной платы наемных рабочих в крупных мастерских.

Мы могли бы привести данные еще и по другим промыслам*, но думаем, что и этих более чем достаточно.

* Ср. экипажный промысел, с. 308 текста и с. 11 и 12 таблиц; судучный промысел, с. 335; портянный промысел, с. 344 и др.

Сведем теперь те выводы, которые следуют из рассмотренных данных:

1) Соединение крупных и мелких заведений вместе дает совершенно фиктивные «средние» цифры, не дающие никакого понятия о действительности, затушевывающие кардинальные различия, изображающие однородным нечто совершенно разнородное, разносоставное.

2) Данные по целому ряду промыслов свидетельствуют о том, что крупные (по общему числу рабочих) заведения отличаются от средних и мелких:

а) несравненно более высокой производительностью труда;

б) более высокой платой наемным рабочим;

в) несравненно более высокой чистой доходностью.

3) Все без исключения выделенные нами крупные заведения употребляют в несравненно больших размерах наемный труд (сравнительно с средними заведениями данного промысла), который значительно превосходит по своей роли семейный. Производительность их достигает десятка тысяч рублей, а число наемных рабочих — десяти и свыше человек на заведение. Эти крупные заведения представляют из себя таким образом капиталистические мастерские. Данные кустарной переписи доказывают, след., в пресловутом «кустарном» производстве *наличность чисто капиталистических законов и отношений*; доказывают полное превосходство капиталистических мастерских, основанных на кооперации наемных рабочих, над одиночками и вообще мелкими кустарями, — превосходство и по производительности труда и по оплате труда даже наемных рабочих.

4) По целому ряду промыслов заработок мелких *самостоятельных* кустарей оказывается не выше, а зачастую даже ниже заработка наемных рабочих в том же промысле. Эта разница должна еще усилиться, если к заработку наемников прибавить получаемое некоторыми из них содержание.

Этот последний вывод мы выделяем от первых трех в том отношении, что те выводы выражают явления всеобщие и обязательные по законам товарного производства, тогда как здесь мы не можем видеть общеобязательного явления. Мы формулируем, след., так: при более низкой производительности труда мелких заведений

и при беззащитном положении их хозяйчиков (особенно земледельцев) на рынке, вполне возможно такое явление, что заработок самостоятельного кустаря оказывается ниже заработной платы наемника, и данные говорят, что это явление очень часто имеет место в действительности.

Доказательное значение приведенных выкладок не может подлежать сомнению, ибо мы взяли целый ряд промыслов, выбрали их не случайно, а приводили все, по которым только таблицы позволяли выделить крупные заведения, брали не отдельные заведения, а все заведения данного рода, сравнивая с ними всегда по несколько крупных заведений из различных уездов. Но желательно было бы дать описываемым явлениям более общее и более точное выражение. К счастью, в «Очерке» есть данные, позволяющие осуществить *отчасти* такое желание. Это — данные о *распределении заведений по чистой доходности их*. По отдельным промыслам в «Очерке» указано, сколько заведений имеют чистый доход до 50 р., до 100 р., до 200 р. и т. п. Вот эти-то данные мы и свели вместе. Оказалось, что имеются они по 28 промыслам*, охватывая 8364 заведения, т. е. 93,2% всего числа (8991). Всего в этих 28-ми промыслах 8377 заведений (13 заведений не распределены по доходности) с 14135 семейными + + 4625 наемными рабочими, всего с 18760 рабочими, что составляет 93,9% всего числа рабочих. Понятно, что по этим данным о 93% кустарей мы имеем полное право заключать обо всех, ибо нет никаких оснований предполагать несходство остальных семи процентов с этими 93-мя. Прежде, чем приводить данные нашей сводки, необходимо заметить следующее:

1) Составители «Очерка», приводя эту группировку, не всегда строго выдерживали одинаковость и однородность наименований каждой группы. Напр., говорят: «до 100 р.», «менее 100 р.», иногда даже «по 100 р.». Не всегда указывают начальный и конечный предел разряда, т. е. иногда начинают группировать с разряда «до 100 р.», иногда с разряда «до 50 р.», «до 10 р.» и т. п.; иногда заканчивают группировку разрядом «1000 р. и более»,

* По промыслам кружевному, слесарному и гармонному тоже есть эти сведения, но мы опустили эти промыслы, ибо по ним нет данных о распределении заведений по числу семейных рабочих.

иногда приводят разряды «2000—3000 р.» и т. п. Все эти неточности никакого серьезного значения иметь не могут. Мы свели все разряды, приводимые в «Очерке» (их 15: до 10 р., до 20 р., до 50 р., до 100 р., до 200 р., до 300 р., до 400 р., до 500 р., до 600 р., до 700 р., до 800 р., до 900 р., до 1000 р., 1000 р. и более, 2000—3000 р.), и все маленькие неточности и недоумения разрешали подведением под один из этих разрядов.

2) В «Очерке» дано только число заведений, имеющих доходы таких-то и таких-то разрядов, но не указана величина дохода, приходящаяся на долю всех заведений каждого разряда. А между тем для нас именно последние данные и необходимы. Мы приняли поэтому, что величина дохода в заведениях данного разряда определится с достаточной точностью умножением числа заведений в разряде на среднюю величину дохода, т. е. арифметическую среднюю из maximum'a и minimum'a в разряде (напр., 150 р. в разряде 100—200 р. и т. д.). Только для двух низших разрядов (до 10 р. и до 20 р.) приняли вместо средних максимальные величины дохода (10 р. и 20 р.). Проверка показала, что подобный прием (вообще допустимый в статистических вычислениях) дает весьма близкие к действительности цифры. Именно, весь чистый доход кустарных семей в этих 28 промыслах составляет, по данным «Очерка», 951 653 р., а по нашим приблизительным данным, основанным на разрядах по доходности, получилось 955 150 р., т. е. больше на 3497 р. = 0,36%. Разница или ошибка, след., меньше четырех копеек на 10 рублей.

3) Из нашей сводки мы узнаем среднюю величину дохода на семью (в каждом разряде), а не на одного семейного рабочего. Для определения последней величины пришлось опять-таки сделать примерный расчет. Зная распределение семей по числу семейных рабочих (и отдельно — по числу наемных рабочих), мы предположили, что, чем меньше величина дохода на семью, тем меньше семейный состав (т. е. число семейных рабочих на 1 заведение) и тем меньше заведений с наемными рабочими. Наоборот, чем выше доход на 1 семью, тем больше заведений с наемными рабочими, тем больше семейный состав, т. е. число семейных рабочих на 1 заведение. Очевидно, что это предположение — самое благоприятное с точки

зрения того, кто пожелал бы опровергать наши выводы. Другими словами: если бы было сделано какое угодно другое предположение, то наши выводы от этого только усилились бы.

Приводим теперь сводку данных о распределении кустарей по доходности заведений.

Разряды	Число заведений	Средний доход одного заведения (Примерно)		Разряды	Число заведений	Средний доход одного заведения (Примерно)		Разряды	Число заведений	Средний доход одного заведения (Примерно)	
		Доход всех заведений	Доход всех заведений			Доход всех заведений	Доход всех заведений			Доход всех заведений	Доход всех заведений
До 10 р.	127	10	1 270	До 300 р.	602	250	160 050	До 800 р.	22	750	16 500
• 20 •	139	20	2 780	• 400 •	208	350	72 800	• 900 •	20	850	17 000
• 50 •	2 110	85	73 850	• 500 •	112	450	50 400	• 1 000 •	17	950	16 150
• 100 •	3 494	75	202 050	• 600 •	40	550	22 000	1 000 р. и более	18	1 500	28 500
• 200 •	1 114	150	212 100	• 700 •	38	650	24 700	2 000—3 000 р.	2	2 500	5 000
Всего заведений.....									8 384	—	955 150

Эти данные слишком дробны, так что надо свести их в более простые и ясные рубрики. Возьмем пять категорий кустарей по доходности: а) бедных с доходом до 50 р. на семью; б) малосостоятельных — с доходом 50—100 р. на семью; в) средних — с доходом 100—300 р. на семью; г) зажиточных — с доходом 300—500 р. на семью и д) богатых — с доходом более 500 р. на семью.

По данным о доходности заведений к этим категориям присоединим примерное распределение заведений по числу семейных и наемных рабочих*. Получаем такую таблицу:

* 8 377 заведений в 28 промыслах так распределяются по числу семейных и наемных рабочих: с 0 сем. рабочих — 95 заведений; с 1 раб. — 4 362 заведений; с 2 раб. — 2 632; с 3 — 870; с 4 — 275; с 5 и более — 143. Заведений с наемными рабочими — 2 228, в том числе с 1 наемн. раб. — 1 359; с 2 — 447; с 3 — 201; с 4 — 96; с 5 и более — 125. Всего наемных рабочих 4 625 с заработком в 212 096 руб. (на одного — 45,85 руб.).

(кроме денежной платы, 45 р. 85 к., часть наемных рабочих получает содержание от хозяев). *Итак, семь десятых всего числа кустарей стоят, по своим заработкам, на уровне наемных рабочих у кустарей, отчасти даже ниже их.* Как ни поразителен этот вывод, но он вполне соответствует вышеприведенным данным о превосходстве крупных заведений над мелкими. До какой степени низок уровень дохода этих кустарей, можно судить по тому, что средняя заработная плата земледельческого годового работника в Пермской губернии составляет 50 руб. на хозяйских харчах*. След., семь десятых «самостоятельных» кустарей стоят, по жизненному уровню, не выше земледельческих батраков!

Народники скажут, конечно, что это лишь подсобный заработок при земледелии, но, во-1-х, не установлено ли давным-давно, что лишь меньшинству крестьян земледелие может дать необходимое на содержание семьи, за вычетом платсжей, да арендных денег, да расходов по хозяйству? А ведь мы сравниваем заработок кустаря с платой батраку на хозяйских харчах. Во-2-х, в семь десятых всего числа кустарей должны были войти и неземледельцы. В-3-х, если бы и оказалось, что земледелие оплачивает содержание кустарей-земледельцев этих категорий, то все-таки остается вне сомнения факт чрезвычайного понижения заработков благодаря связи с землей.

Еще сравнение: в Красноуфимском уезде средний заработок одного наемного рабочего у кустаря равен 33,2 руб. (стр. 149 таблиц), а средний заработок одного лица, имеющего работу у себя на заводе, т. е. горнозаводского рабочего из заводских крестьян, земская статистика определила в 78,7 руб. (по «Материалам для статистики Пермской губернии. Красноуфимский уезд. Заводский район». Пермь, 1894 г.), т. е. в два с лишком раза больше. А заработки горнозаводских мастеровых, имеющих работу у себя на заводе, как известно, всегда ниже заработка «вольных» рабочих на фабриках и заводах. Можно судить поэтому, каким понижением потребностей, понижением жизненного уровня до нищенского состояния покупается пресловутая «самостоятельность» русского кустаря «на началах органической связи промысла с земледелием»!

* Стоимость харчей 45 р. в год. Данные — средние за 10 лет (1881—1891), по сведениям департамента земледелия. (См. С. А. Короленко, «Вольнонаемный труд» и т. д.)

в) К «средним» кустарям отнесены нами семьи, владеющие доходами от 100 до 300 р., в среднем около 180 руб. на семью. Таких около четверти всего числа кустарей (24,1%). И их доход абсолютно очень и очень невелик: считая по $2\frac{1}{2}$ семейных работника на заведение, это составит около 72 руб. на одного семейного работника — сумма очень недостаточная, которой не позавидует ни один фабрично-заводский рабочий. Но по сравнению с массой кустарей эта сумма представляется довольно значительной! Оказывается, что и этот столь скудный «достаток» приобретается лишь на чужой счет: в этой категории кустарей большинство уже держат наемных рабочих (примерно около 85% хозяев имеют наемников, и в среднем на каждое из 2016 заведений придется более одного наемного работника). Чтобы выбиться из массы задавленных бедностью кустарей, приходится, след., на почве данных товарно-капиталистических отношений, отвоевывать себе «достаток» у других, вступать в экономическую борьбу, отеснять еще более назад массу мелких промышленников, превращаться в мелкого буржуа. Либо нищета и понижение до *plus ultra** жизненного уровня, — либо (для меньшинства) созидание своего (абсолютно крайне скудного) благополучия на чужой счет, — вот какова дилемма, которую ставит перед мелким промышленником товарное производство. Так говорят факты.

г) К категории важиточных кустарей относятся лишь 3,8% семей с средним доходом около 385 рублей и ок. 100 р. на одного семейного работника (считая, что сюда относятся хозяева с 4 и 5 семейными работниками на заведение). Этот доход, превышающий раза в два денежный доход наемного рабочего, основан уже на значительном употреблении наемного труда: все заведения этой категории держат наемных рабочих, в среднем около 3-х человек на заведение.

д) Богатых кустарей, с средним доходом на семью в 820 р., всего 1,9%. Сюда приходится отнести частью заведения с 5 семейными рабочими, частью заведения вовсе без семейных рабочих, т. е. основанные исключительно на наемном труде. По расчету на одного семейного работника это дает ок. 350 р. дохода. Получаемый

* — до крайнего предела. Ред.

этими «кустарями» высокий доход зависит от большего числа наемных рабочих, которых приходится в среднем на 1 заведение около 10 человек*. Это уже мелкие фабриканты, владельцы капиталистических мастерских, включение которых в число «кустарей» наряду с одиночками-промышленниками, с сельскими ремесленниками и даже с работающими у себя дома на фабрикантов (иногда, как увидим ниже, на этих же самых богатых кустарей!) — показывает только, как уже замечено, полную неопределенность и расплывчатость термина «кустарь».

В заключение изложения данных кустарной переписи о доходах кустарей необходимо заметить еще следующее. Могут сказать, что концентрация доходов оказывается в кустарных промыслах не очень значительной: 5,7% заведений имеют 26,5% дохода, 29,8% заведений имеют 64,4% дохода. Мы ответим на это, во-1-х, что и такая концентрация доказывает полную непригодность и ненаучность отульных суждений о «кустарях» и «средних» цифр о нем. Во-2-х, нельзя упускать из виду, что в эти данные *не вошли скупщики*, отчего распределение доходов представлено крайне неточно. Мы видели, что 2346 семей и 5628 рабочих работают на скупщиков (3-я подгруппа), след., главные доходы получают здесь скупщики. Выделение их из числа промышленников есть совершенно искусственный и ничем не оправдываемый прием. Как изображение экономических отношений в крупной фабрично-заводской промышленности было бы неправильно без указания на размер доходов фабрикантов, так изображение экономики «кустарной» промышленности неправильно без указания на доходы скупщиков, — доходы, получаемые от того же самого производства, которым заняты и кустари; доходы, составляющие часть стоимости тех продуктов, которые изготовляются кустарями. Мы вправе, след., и обязаны заключить, что действительное распределение доходов в кустарной промышленности несравненно более неравномерно, чем вышепоказанное, ибо в последнем отсутствуют категории самых крупных промышленников.

* Из 2228 заведений с наемными рабочими в этих 28 промыслах 46 заведений имеют по 10 и более наемных рабочих, всего 887 наемных рабочих, т. е. в среднем по 19,2 наемных рабочих на заведение.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ

(VI. Что такое скупщик? — VII. «Отрадные явления» в кустарной промышленности. — VIII. Народническая программа промышленной политики)

VI

ЧТО ТАКОЕ СКУПЩИК?

Мы назвали выше скупщиков самыми крупными промышленниками. С обычной народнической точки зрения это — ересь. Скупщика у нас привыкли изображать, как нечто вне производства стоящее, нечто наносное, чуждое самой промышленности, зависящее «только» от обмена.

Здесь не место подробно останавливаться на теоретических неверностях этого взгляда, основанного на непонимании общей и основной подкладки, базиса, фона современной промышленности (и кустарной в том числе), именно *товарного хозяйства*, в котором торговый капитал есть необходимая составная часть, а не случайная и сторонняя вставка. Здесь мы должны держаться фактов и данных кустарной переписи, и наша задача теперь будет состоять в том, чтобы рассмотреть и проанализировать эти данные о скупщиках. Благоприятным условием для этого рассмотрения является выделение кустарей, работающих на скупщиков, в особую подгруппу (З-ью). Но гораздо больше по этому вопросу есть пробелов и неисследованных пунктов, что делает рассмотрение его довольно затруднительным. Нет данных о числе скупщиков, о крупных и мелких скупщиках, о связи их с зажиточными кустарями (связь по происхождению; связи торговых операций скупщика с производством в своей мастерской и т. п.), о *хозяйстве* скупщиков. Народнические предрасеудки, выделяющие скупщика, как нечто внешнее, помешали большинству исследователей кустарной промышленности поставить вопрос о хозяйстве скупщиков, а между тем очевидно, что для экономиста это — первый

и главный вопрос. Необходимо подробно и тщательно изучить, как *хозяйничает* скупщик, как складывается его капитал, как оперирует этот капитал в сфере закупки сырья, сбыта продукта, каковы условия (общественно-хозяйственные) деятельности капитала в этих сферах, как велики расходы скупщика на организацию закупки и сбыта, как применяются эти расходы в зависимости от размеров торгового капитала и от размеров закупки и сбыта, какие условия вызывают иногда частичную обработку сырья в мастерских скупщика и отдачу затем рабочим на дом для дальнейшей обработки (причем окончательная отделка иногда делается опять скупщиком) или продажу сырья мелким промышленникам с тем, чтобы купить у них потом изделия на рынке. Необходимо сравнить стоимость производства продукта у мелкого кустаря, у крупного промышленника в мастерской, объединяющей несколько наемных рабочих, и у скупщика, раздающего материал на выделку по домам. Необходимо взять за единицу исследования каждое *предприятие*, т. е. каждого отдельного скупщика, определить размер его оборотов, число работающих на него в мастерской или в мастерских и на дому; число рабочих, занятых им в заготовке сырья, хранении его и продукта и в сбыте. Необходимо сравнить технику производства (количество и качество инструментов и приспособлений, *разделение труда* и т. д.) у мелкого хозяйчика, у хозяина мастерской с наемными рабочими и у скупщика. Только такое *экономическое исследование* может дать точный научный ответ на вопрос о том, что такое скупщик, на вопрос о значении его в хозяйстве, о значении его в историческом развитии форм промышленности товарного производства. Отсутствие таких данных в итогах подворной переписи, подробно исследовавшей все эти вопросы относительно каждого кустаря, нельзя не признать крупным пробелом. Даже если бы регистрация и исследование хозяйства каждого скупщика оказались (по разным причинам) невозможными, — большое количество намеченных сведений можно бы извлечь из подворных данных о кустарях, работающих на скупщиков. Вместо этого мы находим в «Очерке» только избитые народнические фразы о том, что «кулак» «чужд по существу самому производству» (стр. 7), причем к кулакам отнесены и скупщики и сборные мастерские, с одной

стороны, и ростовщики, с другой; что «наемным трудом владеет не техническая его концентрация, наподобие фабрики (?), а денежная зависимость кустарей... один из видов кулачества» (309—310), что «источник эксплуатации труда... заключается не в функции производства, а в функции мены» (101), что в кустарных промыслах встречается часто не «капитализация производства», а «капитализация менового процесса» (265). Мы, конечно, не думаем обвинять исследователей «Очерка» в самостоятельности: они просто заимствовали целиком те сентенции, которые в таком обилии разбросаны, напр., по сочинениям «нашего известного» г. В. В.

Чтобы оценить настоящее значение таких фраз, стоит вспомнить, хотя бы, что в одной из главных отраслей нашей промышленности, именно в текстильной промышленности, «скупщик» был непосредственным предшественником, отцом крупного фабриканта, ведущего крупное машинное производство. Раздача пряжи на дом кустарям для обработки — таков был вчерашний день всех наших текстильных производств; это была, след., работа на «скупщика», на «кулака», который, не имея своей мастерской («был чужд производства»), «только» раздавал пряжу, да принимал готовые изделия. Наши добрые народники и не пытались исследовать происхождение этих скупщиков, их преемственную связь с владельцами небольших мастерских, их роль как организаторов закупки сырья и сбыта продукта, роль их капитала, концентрирующего средства производства, собирающего воедино массы раздробленных мелких кустарей, вводящего разделение труда и подготовляющего элементы тоже крупного, но уже машинного производства. Добрые народники ограничивались нытьем и сетованием об этом «печальном», «искусственном» и пр. и пр. явлении, утешались тем, что это «капитализация» не производства, а «только» менового процесса, разговаривали сладенькие разговоры об «иных путях для отечества», — а в это время «искусственные» и «беспочвенные» «кулаки» шли-себе да шли своим старым путем, продолжали концентрировать капитал, «собирать» средства производства и производителей, расширять размер закупки сырья, углублять разделения производства на отдельные операции (снование, тканье, окраска, отделка и т. п.) и преобразовывать раздробленную, техни-

чески отсталую, основанную на ручном труде и кабале капиталистическую мануфактуру в капиталистическую машинную индустрию.

Совершенно такой же процесс происходит теперь в массе наших так называемых «кустарных» промыслов, и народники так же точно отворачиваются от исследования действительности в ее развитии, так же точно заменяют вопрос о происхождении данных отношений и эволюции их вопросом о том, что могло бы быть (если бы не было того, что есть), так же точно утешают себя тем, что это пока «только» скупщики, так же точно идеализируют и подкрашивают самые худшие виды капитализма, худшие и в смысле технической отсталости, и экономического несовершенства, и социального и культурного положения трудящихся масс.

Обратимся к данным Пермской кустарной переписи. Вышеуказанные пробелы в этих данных постараемся восполнять, по мере надобности, материалом вышецитированной книги «Куст. промышленность Пермской губернии и т. д.». Выделим прежде всего те промыслы, которые дают главную массу кустарей, работающих на скупщиков (3-я подгруппа). При этом нам придется обратиться к нашей собственной сводке, результаты которой (как замечено выше) не сходятся с цифрами «Очерка».

Промыслы:	Число семей, работ. на скупщин.		
	I группа	II группа	Итого
Чеботарный	31	605	636
Пимокатный	607	12	619
Кузнечный	70	412	482
Рогожный	132	10	142
Меб.-столярный	38	49	87
Экипажный	32	28	60
Портняжный	4	42	46
<i>Всего по 7 промыслам.....</i>	<i>914</i>	<i>1 158</i>	<i>2 072</i>
<i>А всего кустарей 3-й под- группы.....</i>	<i>1 016</i>	<i>1 320</i>	<i>2 336</i>

Итак, около $\frac{9}{10}$ кустарей, работающих на скупщиков, сосредоточены в перечисленных семи промыслах. К этим промыслам мы прежде всего и обратимся.

Начнем с чеботарного промысла. Громадное большинство работающих на скупщиков чеботарей сосредоточено

в Кунгурском уезде, который является центром кожевенного производства в Пермской губернии. Масса кустарей работает на кожевенных заводчиков: на стр. 87 «Очерка» указано 8 скупщиков, на которых работает 445 заведений*. Все эти скупщики — «исконные» кожевенные заводчики, имена которых можно найти и в «Указателе фабрик и заводов» за 1890 и за 1879 год и в примечаниях к «Ежегоднику м-ва финансов». Вып. I за 1869 год⁹⁰. Кожевенные заводчики кроят кожи и отдают их в красном виде на шитье «кустарям». Вытяжка передков выполняется особо, по заказу заводчиков, несколькими семействами. Вообще с заводским кожевенным производством связан целый ряд «кустарных» промыслов, т. е. целый ряд операций производится на дому. Таковы 1) отделка кож; 2) шитье обуви; 3) клейка кожаной стружки в пласты для подборов; 4) мытье шурупов для сапогов; 5) приготовление шпильки для сапогов; 6) приготовление колодок для сапогов; 7) приготовление золы для кожевенных заводов; 8) приготовление «дуба» (ивовой коры) для них же. Отбросы кожевенного производства обрабатывают промыслы войлокотный и клееваренный («Куст. пром.», III, с. 3—4 и др.). Помимо детального разделения труда (т. е. разделения производства одной вещи на несколько операций, исполняемых разными лицами) в этом производстве развилось и потоварное разделение труда: каждая семья (иногда даже каждая улица кустарного села) производит один род обуви. Как курьез, отметим, что в книге «Куст. пром. и т. д.» «Кунгурское кожевенное производство» объявляется «типичным выразителем идеи органической связи фабричной и кустарной промышленности к обоюдной выгоде» (sic!)... фабрика вступает в правильный (sic!) союз с кустарной промышленностью, имея целью в своих интересах (именно!) не подавление..., а развитие ее сил (III, с. 3). Напр., заводчик Фоминский получил на Екатеринбургской выставке 1887 года золотую медаль не только за отличную выделку кож, но и «за большое производство, доставляющее заработок окрестному населению» (ibid.**, с. 4, курсив автора). Именно, из 1450 его рабочих 1300 работают на дому; у другого заводчика, Сартакова, 100 чел.

* В том числе на 2 скупщиков (Пономарева и Фоминского) — 217 заведений. Всего в Кунгурском уезде 470 заведений чеботарей работает на скупщиков.

** — ibidem — там же. Ред.

из 120 работают на дому и т. д. Пермские заводчики, след., весьма успешно состязаются с народнической интеллигенцией в деле насаждения и развития кустарных промыслов...

Совершенно аналогична организация чеботарного промысла в Красноуфимском уезде («Куст. пром.», I, 148—149): кожевенные заводчики тоже перешивают кожи в сапоги, частью в своих швальнях, частью раздавая на дома; один из крупных владельцев кожевенно-чеботарных заведений имеет до 200 постоянных рабочих.

Теперь мы можем с достаточной ясностью представить себе экономическую организацию чеботарного и многих других, связанных с ним, «кустарных» промыслов. Это — не что иное, как *отделения* крупных капиталистических мастерских («фабрик» по терминологии нашей официальной статистики), не что иное, как *частичные операции* крупных капиталистических операций по обработке кож. Предприниматели организовали в широких размерах закупку материала, устроили заводы для выработки кож и завели целую систему дальнейшей переработки их, — систему, основанную на разделении труда (как условия технического) и работе по найму (как условия экономического): они производят одни операции в своих мастерских (кройку обуви), другие операции производятся у себя на дому «кустарями», работающими на них; предприниматели определяют размер производства, размеры задельной платы, виды изготавливаемых товаров и количество изделий каждого вида. Они же организовали и оптовый сбыт продукта. Очевидно, что по научной терминологии это — одна *капиталистическая мануфактура*, отчасти переходящая уже в высшую форму, в *фабрику* (именно поскольку к производству применяются машины и системы машин: крупные кожевенные заводы имеют паровые двигатели). Выделение некоторых частей этой мануфактуры в особую «кустарную» форму производства есть очевидная нелепость, ватушевывающая основной факт господства наемного труда и подчинения *всего* кожевенно-чеботарного дела крупному капиталу. Вместо комичных рассуждений о желательности для этого промысла «кооперативной организации обмена» (с. 93 «Очерка») не мешало бы пообстоятельнее изучать действительную организацию производства, изучать те условия, которые заставляют

заводчиков предпочесть раздачу работы на дома. Заводчики находят это, несомненно, более выгодным для себя, и выгода эта будет понятна для нас, если мы вспомним низкие заработки кустарей вообще, особенно кустарей-земледельцев и кустарей 3 подгруппы. Раздавая материал на дома, предприниматели удешевляют таким образом заработную плату, сберегают расходы на помещение, отчасти на орудия, на надзор, освобождаются от не всегда приятных требований к фабрикантам (они не фабриканты, а торговцы!), приобретают рабочих более разрозненных, раздробленных, менее способных к самозащите, приобретают бесплатных погонщиков для этих рабочих — своего рода «заглодов» или «мастерков» (термины нашей текстильной промышленности при системе раздачи пряжи на дома) в лице тех работающих на них кустарей, которые *от себя нанимают еще наемных рабочих* (в 636 семьях чеботарей, работающих на скупщиков, сочтено 278 наемных рабочих). Мы видели уже по общей таблице, что эти наемные рабочие (в 3 подгруппе) получают самые низкие заработки. Это и неудивительно, ибо они подвергаются двойной эксплуатации: эксплуатации своего нанимателя, который выжимает себе «пользицу» из рабочего, и эксплуатации кожевника-заводчика, раздающего материал хозяйчикам. Известно, что эти мелкие мастерки, хорошо знающие местные условия и личные особенности рабочих, особенно неистощимы в изобретении разных прижимок, в практиковании кабального найма, truck-system⁹¹ и т. д. Известна чрезмерная продолжительность рабочего дня в подобных мастерских и «кустарных избах», и нельзя не пожалеть, что кустарная перепись 1894/95 года не дала почти вовсе материалов по этим важнейшим вопросам для освещения нашей самобытной sweating-system* с массой посредников, усиливающих давление на рабочих, с самой бесконтрольной и беззастенчивой эксплуатацией.

Об организации пимокатного промысла (второй по абсолютному количеству семей, работающих на скупщиков) «Очерк» не дает, к сожалению, почти никаких сведений. Мы видели, что в этом промысле есть кустари с десятками наемных рабочих, но раздают ли они работу на дома,

* — системы выжимания пота. Ред.

производят ли часть операций вне своей мастерской* — осталось неразъясненным. Отметим только констатируемый исследователями факт, что гигиенические условия пимокатного промысла крайне неудовлетворительны («Очерк», с. 119, «Куст. пром.», III, 16) — невыносимая жара, масса пыли, удушливая атмосфера. И это в жилых избах кустарей! Естественным результатом является то, что кустари выдерживают не более 15 лет работы и кончают чахоткой. И. И. Моллесон, исследовавший санитарные условия работы, говорит: «Рабочие от 13 до 30 лет составляют главный контингент пимокатов. И почти все они резко выделяются бледностью, матовым цветом кожи и своим вялым, как бы истощенным болезнью видом» (III, с. 145, курсив автора). Практический вывод исследователя таков: «Необходимо поставить в обязанность хозяевам строить мастерскую (пимокатню) значительно больших размеров, так, чтобы на каждого рабочего приходился заранее определенная постоянная объем воздуха»; «мастерская должна быть назначена исключительно для работы. Ночевки рабочих в ней должны быть безусловно запрещены» (ibid.). Итак, санитарные врачи требуют для этих кустарей устройства фабрик, запрещения работы на дому. Нельзя не пожелать осуществления этой меры, которая двинула бы вперед технический прогресс, устранив массу посредников, расчистила дорогу для регулирования рабочего дня и условий труда, одним словом, устранила бы наиболее вопиющие злоупотребления в нашей «народной» промышленности.

В рогожном промысле в числе скупщиков фигурирует осинский купец Бутаков, который, по сведениям за 1879 год, имел в гор. Осе рогожную фабрику с 180 рабочими**. Неужели этот фабрикант должен быть признан «чуждым самому производству» за то, что он нашел более выгодным раздавать работу на дома? Интересно бы также знать, чем отличаются скупщики, изгнанные из числа кустарей, от тех «кустарей», которые, не имея семейных рабочих, «закупают мочало и передают его на выделку

* Такова организация валяльного промысла в Арвасском и Семновском уездах Нижегородской губернии. См. «Труды комиссии по исследованию кустарных промыслов» и «Материалы» Нижегородской всеобщей статистики.

** «Указатель фабрик и заводов» за 1879 год. Рогожники, работающие на скупщиков, сосредоточены всего более в Осинском уезде.

задельщикам, которые и перерабатывают его в рогожи и кули на своих станках» («Очерк», 152)? — наглядный пример той путаницы, в которую завели исследователей народнические предрассудки. Гигиенические условия в этом промысле тоже ниже всякой критики — теснота, грязь, пыль, сырость, вонь, продолжительный рабочий день (12—15 часов в сутки) — все это делает из центров промысла настоящие «источники голодного тифа»*, который и возникал здесь нередко.

Об организации работы на скупщиков в кузнечном промысле мы опять-таки ничего не узнаем из «Очерка» и должны обратиться к книге «Куст. пром. и т. д.», дающей весьма интересное описание Нижне-Тагильского кузнечного промысла. Производство подносов и др. изделий разделено между несколькими заведениями: *клепальные* мастерские куют железо, *лудильные* лудят его, *красильные* — окрашивают. Некоторые кустари-хозяева имеют заведения всех этих видов, будучи, след., чистого типа мануфактуристами. Другие — производят в своей мастерской одну из операций, раздавая затем изделия в полуду и окраску кустарям на дом. Здесь, след., с особенной рельефностью выступает однородность экономической организации промысла при раздаче работы на дома и при принадлежности хозяину нескольких детальных мастерских. Кустари-скупщики, раздающие работу на дома, принадлежат к самым крупным хозяевам (их 25 человек), организовавшим наиболее выгодно закупку сырья и сбыт продукта в широких размерах: эти 25 кустарей (и только они) ездят на ярмарку или имеют свои лавки. Кроме них скупщиками являются уже крупные «фабриканты-торговцы», экспонировавшие свои изделия на Екатеринбургской выставке в фабрично-заводском отделе: их автор книги относит к «фабрично-кустарной (sic) промышленности» («Куст. пром.», I, с. 98—99). В общем и целом мы получим таким образом чрезвычайно типичную картину капиталистической мануфактуры, самыми разнообразными и причудливыми способами переплетающуюся с мелкими заведениями. Чтобы показать наглядно, как мало помогает разобраться в этих сложных отношениях деление промышленников на «кустарей» и «фабрикантов»,

* «Очерк», с. 157.

на производителей и «скупщиков», воспользуемся приводимыми в названной книге цифрами и изобразим экономические отношения промысла в виде таблицы:

Самостоятельное производство на рынок				Работа на скупщиков				
Заведений	Рабочих			Сумма производства в тыс. руб.	Заведений	Рабочих		
	Семейных	Наемных	Всего			Семейных	Наемных	Всего
А. «Фабрично-кустарная промышленность»								
?	?	?	?	60 + 7	а) 29	51	39	90
(«Фабриканты-торговцы»)								
Б. «Кустарная промышленность»								
25	(кустари-скупщики)			95 + 30	68	104	118	222
16	88	161	249	8				
				163 + 37				
				200 тыс. р. = сумма производства всего Н.-Тагильского промысла				

а) кустари, зависимые в сбыте.

б) кустари, зависимые и в сбыте и в производстве.

И теперь нам будут говорить, что скупщики так же, как и ростовщики, «чужды самому производству», что господство их означает лишь «капитализацию менового процесса», а не «капитализацию производства»!

Весьма типичным примером капиталистической мануфактуры является также сундучный промысел («Очерк», с. 334—339, «Куст. пром.», I, с. 31—40). Организация его такова: несколько крупных хозяев, имеющих мастерские с наемными рабочими, закупают материалы, изготовляют *отчасти* изделия у себя, но главным образом раздают материал мелким детальным мастерским, а в своих мастерских собирают части сундука и, по окончательной отделке, отправляют товар на рынок. Разделение труда — это типическое условие и техническое основание мануфактуры — применяется в производстве в широких размерах: изготовление целого сундука делится на 10—12 операций, исполняемых каждая в отдельности детальщиками-кустарями. Организация промысла — объединение детальных рабочих (Theilarbeiter, как они называются

в «Капитале») под командой *капитала*. Почему капитал предпочитает раздачу на дома работе наемных рабочих в мастерской, на это ясный ответ дают данные кустарной переписи 1894/95 года о заведениях Невьянского завода Екатеринбургского уезда (один из центров промысла), где мы встречаем *рядом* и сборные мастерские, и детальщиков-кустарей. Сравнение между теми и другими, след., вполне возможно. Приводим сравнительные данные в табличке (стр. 173 таблиц):

Судучники Невьянского завода	Группы	Подгруппы	Число заведений			Число рабочих		Валовой доход		Заработная плата		Чистый доход	
			Семейных	Наемных	Всего	Всего	На 1 рабочего	Всего	На 1 наемн. рабочего	Всего	На 1 семейн. рабочего		
«Скупщики»	II	1	2	1	13	14	5 850	418	1 300	100	1 617	808,5*	
«Кустари»	II	3	8	11	8	19	1 315	70,3	351	44	984	89,4	

Рассмотрим эту табличку, оговорившись сначала, что, если бы мы взяли вместо одного Невьянского завода данные о всей 1-й и 3-й подгруппе (стр. 335 «Очерка»), то выводы получились бы те же самые. Величина валового дохода в обеих подгруппах, очевидно, несравнима, ибо один и тот же материал проходит через руки разных детальщиков и через сборные мастерские. Но характерны данные о доходе и заработной плате. Оказывается, что заработная плата наемным рабочим в сборных мастерских выше дохода зависимых кустарей (100 р. и 89 р.), несмотря на то, что последние эксплуатируют тоже наемных рабочих. Заработная же плата этих последних *более чем вдвое ниже* заработка рабочих в сборных мастерских. Ну, как же не предпочитать нашим предпринимателям «кустарную» промышленность перед фабричной, когда первая дает им такие существенные «преимущества»! Совершенно аналогична организация работы на скупщика в экипажном промысле («Очерк», с. 308 и сл., «Куст. пром.», I, с. 42 и сл.); те же сборные мастерские, хозяева

* На 1 заведение.

которых являются «скупщиками» (и раздатчиками, давальцами работы) по отношению к детальщикам-кустарям, то же превышение заработной платы наемнику в мастерской над доходом зависимого кустаря (не говоря уже о его наемном рабочем). Это превышение констатируется и для земледельцев (I группа) и для неземледельцев (II группа). В мебельно-столярном промысле скупщиками являются мебельные магазины гор. Перми («Очерк», 133, «Куст. пром.», II, 11), которые снабжают кустарей, при заказах, образцами, чем, между прочим, они «постепенно подняли технику производства».

В портняжном промысле магазины готового платья в Перми и Екатеринбурге раздают кустарям материал на выделку. Известно, что совершенно однородная организация портняжного и конфекционного промысла существует и в других капиталистических странах Западной Европы и Америки. Отличие «капиталистического» Запада от России с ее «народным производством» состоит в том, что на Западе называют такие порядки Schwitz-system* и изыскивают меры борьбы с этой худшей системой эксплуатации, напр., германские портные добиваются от своих хозяев устройства фабрик (т. е. «искусственно насаждают капитализм», как заключил бы российский народник), тогда как у нас эту «систему вышибания пота» благодушно называют «кустарной промышленностью» и обсуждают преимущества ее перед капитализмом.

Мы рассмотрели теперь все промыслы, дающие громадное большинство кустарей, работающих на скупщиков. Какие же результаты этого обзора? Мы убедились в полнейшей несостоятельности народнического положения, будто скупщики и даже сборные мастерские — те же ростовщики, чуждые производству элементы и т. п. Несмотря на указанную выше недостаточность данных «Очерка», несмотря на отсутствие в программе переписи вопросов о хозяйстве скупщиков, нам удалось по большинству промыслов констатировать самую неразрывную связь скупщиков с производством, — даже прямое участие их в производстве, «участие» как хозяев мастерских

* — системой выжимания пота. *Ред.*

с наемными рабочими. Нет ничего нелепее мнения, будто работа на скупщиков есть лишь результат какого-то алоупотребления, какой-то случайности, какой-то «капитализации менового процесса», а не производства. Напротив, работа на скупщика есть именно *особая форма производства*, особая организация экономических отношений в производстве, — организация, которая непосредственно выросла из мелкого товарного производства («мелкого народного производства», как принято говорить в нашей прекраснородушной литературе) и посейчас связана с ним тысячью нитей, ибо наиболее зажиточные хозяйчики, наиболее передовые «кустари» и кладут начало этой системе, расширяя свои обороты посредством раздачи работы на дома. Непосредственно примыкая к капиталистической мастерской с наемными рабочими, составляя зачастую лишь продолжение ее или одно из ее отделений, работа на скупщика является просто *придатком фабрики*, понимая это последнее выражение не в научном, а в разговорном значении его. По научной же классификации форм промышленности, в их последовательном развитии, работа на скупщика принадлежит большей частью к *капиталистической мануфактуре*, ибо она: 1) основана на ручном производстве и на широком базисе мелких заведений; 2) вводит между этими заведениями разделение труда, развивая его и внутри мастерской; 3) ставит во главе производства торговца, как это и всегда бывает в мануфактуре, предполагающей производство в широких размерах, оптовую закупку сырья и сбыт продукта; 4) низводит трудящихся на положение наемных рабочих, занятых в мастерской хозяина или у себя на дому. Именно этими признаками, как известно, характеризуется научное понятие мануфактуры, как особой ступени развития капитализма в промышленности (смотри «Das Kapital», I, Kapitel XII*). Эта форма промышленности означает уже, как известно, глубокое господство капитализма, будучи непосредственной предшественницей последней и высшей формы его, т. е. крупной машинной индустрии. Работа на скупщика есть, следовательно, отсталая форма капитализма, и в современном обществе эта отсталость ведет в ней к особому ухудшению положения трудящихся,

* — «Капитал», т. I, глава XII. *Ред.*

эксплуатируемых целым рядом посредников (sweating-system), раздробленных, вынужденных довольствоваться самой низкой заработной платой, работать при условиях крайне антигигиенической обстановки и чрезмерно длинного рабочего дня, — а главное, при условиях, крайне затрудняющих возможность общественного контроля за производством.

Мы закончили теперь обзор данных кустарной переписи 1894/95 года. Этот обзор вполне подтвердил вышесделанное замечание о полной бессодержательности понятия: «кустарничество». Мы видели, что под это понятие подводились самые разнообразные формы промышленности, мы вправе даже сказать: *почти все формы промышленности, какие только знает наука*. В самом деле, сюда вошли и патриархальные ремесленники, работающие по заказу потребителей из их (потребителей) материала, получающие вознаграждение иногда натурой, иногда деньгами. Сюда вошли, далее, представители совсем иной формы промышленности — мелкие товаропроизводители, работающие своей семьей. Сюда вошли владельцы капиталистических мастерских с наемными рабочими и эти наемные рабочие, число которых достигает нескольких десятков на заведение. Сюда вошли предприниматели-мануфактуристы с крупным капиталом, господствующие над целой системой детальных мастерских. Сюда вошли и работающие на капиталистов домашние рабочие. По всем этим подразделениям «кустарями» одинаково считались и земледельцы и неаземледельцы, и крестьяне и горожане. Такая путаница — вовсе не особенность данного исследования о пермских кустарях. Ничуть не бывало. Она повторяется *везде и всегда*, когда и где говорят и пишут о «кустарной» промышленности. Всякий, кто знаком, напр., с «Трудами комиссии по исследованию кустарной промышленности», знает, что там в число кустарей попали точно так же все эти разряды. И вот излюбленный прием нашей народнической экономии состоит в том, чтобы свалить в кучу все это бесконечное разнообразие форм промышленности, назвать эту кучу «кустарной», «народной» промышленностью, и — *risum teneatis, amici!** — *противопоставить*

* — удержите смех, друзья! Ред.

эту бессмыслицу «капитализму» — «фабрично-заводской промышленности». «Обоснование» этого восхитительного приема, свидетельствующего о замечательной глубине мысли и познаниях его инициатора, принадлежит, если мы не ошибаемся, г-ну В. В., который на первых же страницах своих «Очерков кустарной промышленности» берет официальные числа «фабрично-заводских» рабочих Московской, Владимирской и др. губерний и сравнивает с ними числа «кустарей», причем оказывается, конечно, что «народная промышленность» гораздо сильнее развита на святой Руси, чем «капитализм», а о том факте, многократно установленном исследователями*, что громадное большинство этих «кустарей» *работает на тех же самых фабрикантов*, наш «авторитетный» экономист благоразумно умалчивал. Строго следуя народническим предрассудкам, составители «Очерка» повторяют тот же самый прием. Хотя сумма годового производства «кустарной» промышленности составляет в Пермской губернии лишь 5 млн. руб.**, а «фабрично-заводской» — 30 млн. руб., но «число рабочих рук, занятых фабрично-заводской промышленностью, определяется в 19 тыс. чел., а кустарную — в 26 тыс. человек» (с. 364). Классификация, как видите, простая до умильности:

а) фабрично-заводские рабочие.....	19 000
б) кустари.....	26 000
	Всего..... 45 000

Понятно, что такая классификация открывает настежь двери для рассуждений о «возможности иного пути для отечества»!

Но зачем же nibудь имеем мы перед собой данные подворной кустарной переписи, исследовавшей формы промышленности. Попытаемся дать классификацию, *соответствующую* данным переписи (над которыми народническая

* См. хотя бы статью г. Харизоменова «Значение кустарной промышленности» в «Юридическом Вестнике»⁹² за 1883 г., №№ 11 и 12, дающую сводку статистического материала, имевшегося тогда.

** Мы не говорим уже о курьезном определении этой цифры. Напр., крупнейшую сумму дает мукомольный промысел (1,2 млн. руб.), ибо сюда зачисляли стоимость всего хлеба, перемалываемого мельницами! В таблицах, и в описании «Очерка», ввнт был лишь валовой доход 143 тыс. руб. (см. с. 358 и прим.). Чеботарный промысел дает 930 тыс. руб., из которых иврядная часть составляет оборот нунгурских заводчиков. И т. д., и т. д.

классификация является просто насмешкой) и соответствующую различным формам промышленности. Те процентные отношения, которые дала перепись о 20 тыс. рабочих, мы приложим и к увеличенному авторами на основании других источников числу — 26 тыс.

А. Товарное производство.

Число рабочих.

I. Капиталистически употребляемые рабочие.

(1) «Фабрично-заводские» рабочие (в среднем, по данным, за 7 лет, 1885—1891, приходится по 14,6 рабочих на одно заведение).....

19 000

42,2%

(2) Наемные рабочие у «кустарей» (25% всего числа).

(Из них четверть в заведениях, имеющих, в среднем, по 14,6 рабочих на 1 заведение).....

6 500

14,4%

30 700

68,2%

(3) Работающие дома на скупщиков, т. е. кустари-семьяне 3-ей подгруппы 20%.

(Из них многие работают на тех же самых фабрикантов, на которых работают рабочие пунктов 1 и 2).....

5 200

11,6%

II. Мелкие товаропроизводители, т. е. кустари-семьяне 1-ой подгруппы 30%.

(Из них около $\frac{1}{3}$ держат наемных рабочих).....

7 800

17,4%

Б. Ремесло.

Сельские (отчасти городские) ремесленники, т. е. кустари-семьяне 2-ой подгруппы 25%.

(Из них небольшая часть тоже держит наемных рабочих).....

6 500

14,4%

Всего 45 000

100%

Мы прекрасно понимаем, что и в этой классификации есть ошибки: в ней нет фабрикантов и заводчиков, но есть кустари с десятками наемных рабочих; в нее вошли случайно одни мануфактуристы, не выделенные, однако, особо, и не вошли другие, изгнанные в качестве «скупщиков»; в нее попали городские ремесленники из одного города и не попали из 11 городов и т. п. Но во всяком случае эта классификация основана на *данных* кустарной переписи о *формах промышленности*, и указанные ошибки суть ошибки этих данных, а не ошибки классификации *. Во всяком случае эта классификация дает точное представление о действительности, разъясняет действительные общественно-экономические отношения между различными участниками промышленности, а, следовательно, и их положение, и их интересы, — а в таком разъяснении и состоит высшая задача всякого научно-экономического исследования.

VII

«ОТРАДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ» В КУСТАРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Нас могли бы обвинить в односторонности, в выставлении одних темных сторон кустарной промышленности, если бы мы обошли молчанием приводимые в «Очерке» факты, которые должны выставить «светлую сторону» и «отрадные явления» кустарной промышленности.

Нам говорят, напр., что наемный труд в кустарном производстве имеет некоторое особое значение, ибо наемный рабочий здесь отличается «бытовой близостью» к хозяину, и сам «может» сделаться хозяином. К «отрадным явлениям» здесь отнесено, след., доброе пожелание превратить всех рабочих в хозяйчиков! ** Впрочем, нет, не всех, а только некоторых, ибо «тенденция эксплуатировать чужой труд свойственна, без сомнения, всем людям вообще, в том числе и кустарю» («Очерк», с. 6). Эта фраза просто неподражаема по той наивности, с которой «все

* Возврат, может быть, что наемные рабочие у кустарей-ремесленников (20% всего числа наемных рабочих у кустарей) должны быть отнесены не к товарному производству, а к ремеслу. Но рабочая сила здесь сама является товаром, и купля-продажа ее есть существенный признак капитализма.

** О том, как отражается «бытовая близость» на системе и правильности расплаты, способах найма, на кабале рабочего, на truck-system, — нам не сообщают ничего.

люди», без дальних околичностей, отождествлены с мелкими буржуа! Неудивительно, что тот, кто смотрит на весь мир через очки мелкого буржуа, открывает такие замечательные истины. На стр. 268-ой «предприятием по трудовой обстановке (sic!) в строгом значении слова кустарным» объявляется мелкая фабричка с 8 наемными рабочими, с производством в 10 тыс. р. На стр. 272—274 рассказывается, как другой мелкий фабрикантик (с 7 наемными рабочими и 5 учениками; производство на 7 тыс. р.) устроил доменную печь на арендованной у общества крестьян земле и попросил в кустарном банке ссуду в 5 000 р. на устройство вагранки, объясняя, что «все его предприятие имеет чисто местный интерес, так как добыча руд будет производиться в наделах общества местными же крестьянами». Банк отклонил просьбу по формальным основаниям. И «Очерк» рисует нам по этому поводу увлекательную картину превращения этого предприятия в кооперативное, общественное: хозяину это, «без сомнения, будет по душе, как радетелю интересов не только производства, но и окружающих его однообщественников». Предприятие «захватывает массу трудовых интересов сочленов общества, которые будут добывать и свозить на завод руду, лесные материалы». «Домохозяйства будут носить на завод руды, уголь и пр. наподобие того, как домохозяйки несут на общественную сыроварню молоко. Конечно, здесь предполагается организация более сложная, чем на общественных сыроварнях, в особенности при условии пользования местными же мастерами и черноработными в ведении самого дела, т. е. выплавки чугуна из руд». О, идиллия! Черноработные («сочлены общества») будут «носить на завод» руду, дрова и пр. наподобие того, как крестьянки несут молоко на сыроварню!! Мы не станем отрицать, что кустарный банк может (если не помешает его бюрократическая организация) сослужить такую же службу, как и другие банки, развивая товарное хозяйство и капитализм, но было бы очень грустно, если бы он продолжал, наряду с этим, развивать фарисейство и маниловское празднословие предпринимателей, ходатайствующих о ссуде.

До сих пор мы видели, как предприятия с большим числом наемных рабочих объявлялись «кустарными» на том основании, что хозяева сами трудятся. Но это условие

было бы для мелких буржуа несколько стеснительно, и вот «Очерк» старается расширить его: оказывается, что и предприятие, которое «ведется исключительно наемным трудом», может быть кустарным, если «успех» предприятия зиждется на «личном участии» хозяина (с. 295), или даже если хозяева «вынуждены ограничить свое участие разнообразными хлопотами по ведению промысла» (с. 301). Не правда ли, как успешно «прогрессируют» пермские народники? «Личный труд» — «личное участие» — «разнообразные хлопоты». Mein Liebchen, was willst du noch mehr? * Наемный труд в кирпичном промысле приносит, оказывается, «особенные выгоды» (302) наемным рабочим, находящим «подсобный заработок» в кирпичных заводах; между тем хозяева этих заводов часто испытывают «нужность в деньгах на наем рабочих». «Очерк» заключает, что таким хозяевам следует разрешать кредит из кустарного банка, «относя такие предприятия, по примеч. к п. 3 ст. 7 уст. куст. банка, к случаям особо уважительным» (с. 302). Это сказано не очень грамотно, но зато очень внушительно и многозначительно! «В заключение мы находим достаточные основания высказать, — читаем в конце описания кирпичного промысла, — что в кирпичном промысле среди крестьян интересы хозяев и наемных рабочих до такой степени обобщаются, что хотя формально артелей в этом промысле и не зарегистрировано, но фактически в нем существует крепкая товарищеская связь между хозяевами и их наемными рабочими» (305). Отсылаем читателя к выше данной статистической картинке этих «товарищеских связей». Курьезно также, — как образчик путаницы в народнических экономических понятиях, — что «Очерк» в одно и то же время защищает и подкрашивает наемный труд, утверждая, что кулаком является отнюдь не хозяин с наемными рабочими, а обладатель денежного капитала, который «эксплуатирует труд в лице хозяина-кустаря и его наемных рабочих» (1), и наряду с этим пускается самым неразумным и неумеренным образом защищать кулачество: «кулачество тем не менее, в каких бы мрачных красках его ни малевали, есть необходимое пока колесо в механизме обмена кустарного производства... Кулачество по отношению к успехам кустарной

* — Милая моя, чего же ты еще хочешь? Ред.

промышленности, без сомнения, следует признать благом, сравнительно с тем положением, когда без кулака, без всяких денежных средств, кустарь вынужден оставаться без работы» (с. 8)*. Доколе же это пока? Если бы было сказано, что торговый и ростовщический капитал есть необходимый момент в развитии капитализма, необходимое колесо в механизме *малоразвитого* капиталистического общества (как наше), тогда это было бы верно. При таком толковании слово «пока» надо понимать так: *пока* бесчисленные стеснения свободы промышленности и свободы конкуренции (особенно в крестьянстве) поддерживают у нас самые отсталые и самые худшие формы капитализма. Боимся только, что это толкование не понравится пермским, да и другим народникам!

Перейдем к артелям, этим ближайшим и важнейшим выразителям тех якобы общинных принципов, которые народники хотят непременно видеть в кустарных промыслах. Интересно посмотреть на данные *подворной* переписи кустарей в целой губернии, переписи, прямо ставившей в программу регистрацию и изучение артелей (стр. 14, п. 2). Мы можем, след., не только познакомиться с разными типами артелей, но и узнать, как широко они распространены.

Маслобойный промысел. «Бытовая артель в строгом значении этого слова»: в с. Покровском и в дер. Гаврятах двумя маслобойнями владеют пятеро братьев, которые разделились между собой, но маслобойнями пользуются по очереди. Эти факты представляют «глубокий интерес», потому что «ими освещаются контрактные условия общинно-трудовой преемственности кустарных промыслов». Очевидно, что подобные бытовые «артели представляют значительный прецедент в вопросе о распространении в среде кустарничества на кооперативных началах производств заводского типа» (с. 175—176). Итак, артель в строгом

* Те же мысли находим в книге «Куст. пром.», I, 39 и сл., где полемика идет против газеты «Деловой Корреспондент»⁹³, писавшей, что кулаков (хозяев сборных мастерских в случайном промысле) не надо бы пускать в кустарный отдел. «Вся наша кустарная промышленность, — читаем в ответ на это, — находится в узах частных капиталов, а поэтому если бы в кустарный отдел допущались только те кустари, которые сами торгуют своими изделиями, то наш кустарный отдел был бы пуст, хоть шаром покати». Не правда ли, прехарактерное признание? Мы показали выше, на основании данных переписи, эти «узы частных капиталов», держащих в своих руках кустарные промыслы.

значении слова, как прецедент кооперации, как выражение общинности, состоит в *общей собственности неразделенных наследников!* Очевидно, настоящим палладиумом «общинности» и «кооперации» является, если так, римское гражданское право и наш X том с институтами *condominium*'а, общей собственности наследников и не-наследников!

«В мукомольном производстве... всего ярче выразилась в своеобразных бытовых формах артельная предприимчивость крестьян». Много мельниц находится в общем пользовании товариществ или даже целых селений. Способы пользования мельницами: самый распространенный — по очереди; затем деление чистого дохода на паи пропорционально затрате каждого совладельца; в «подобных случаях хозяева-товарищи редко принимают личное трудовое участие в производстве, которое и ведется обыкновенно наемным трудом» (с. 181; то же самое об артельных смолокурнях — стр. 197). Удивительная своеобразность и артельность в самом деле — общая собственность хозяичиков, которые сообща нанимают рабочих! Тот факт, что кустари *по очереди* пользуются мельницами, смолокурнями, кузницами, свидетельствует, наоборот, о поразительной раздробленности производителей, которых даже общая собственность не в силах побудить к кооперации.

«Один из видов артельной организации» — «артельные кузницы» (239). Кузнецы-хозяева для экономии в топливе собираются в одну кузницу, нанимая одного поддувальщика (экономия в рабочих!) и арендуя у хозяина кузницы как помещение, так и молоток за особую плату. — Итак, отдача вещи, принадлежащей одному лицу на праве частной собственности, другому лицу в аренду за плату есть «артельная организация!» Положительно римское право надо назвать кодексом «артельной организации!».. «В артельной организации... мы находим новое указание на отсутствие классовой кристаллизации в производстве среди кустарей, — указание на то же слияние расслоений в земледельческой и кустарной среде, какое мы видели и в артельных мельницах» (239). И смеют еще какие-то злые люди говорить после этого о разложении крестьянства!

До сих пор, следовательно, ни одного случая *соединения* кустарей для закупки сырья, сбыта продукта, не говоря

уже о соединении в самом производстве! Есть однако и такие соединения. Подворная перепись кустарей Пермской губернии зарегистрировала их *целых четыре*, причем все устроились при содействии кустарного банка: три в экипажном промысле и одна в производстве земледельческих машин. Одна из артелей имеет наемных рабочих (2 ученика и 2 наемных «подсобных» работника), в другой двое товарищей пользуются кузницей и мастерской, принадлежащей третьему товарищу, за особую плату. Сообща закупают сырье и сбывают продукт, работают же по отдельным мастерским (кроме отмеченного случая найма за плату кузницы и мастерской). Все эти четыре артели объединили 21 семейного работника. Пермский кустарный банк действует уже несколько лет. Допустим, что он будет теперь «объединять» (для найма соседской кузницы) *в один год* не по 20-ти семейных рабочих, а по 50-ти. Тогда все 15 000 семейных рабочих кустарей будут «объединены» «артельной организацией» ровно через 300 лет. А покончив с этим делом, начнут уже «объединять» и наемных рабочих у кустарей... И пермские народники торжествуют: «Столь важные экономические концепции, созданные самостоятельною работой мысли кустарной среды, служат прочным залогом экономического прогресса производства в этой среде на началах независимости труда от капитала, так как в данных фактах сказывается не стихийное только стремление кустарей к трудовой самостоятельности, но и в полной мере сознательное» (с. 333). Помилосердствуйте, господа! Конечно, нельзя себе и представить народничества без маниловских фраз, но ведь надо же знать и меру! *Ни одна* из артелей, как мы видели, не выражает «начала независимости труда от капитала»: все — артели хозяев и хозяйчиков, многие — с наемными рабочими. Кооперации в этих артелях нет, даже общая заготовка сырья и продажа продукта встречается до смешного редко, объединяя поразительно ничтожное число хозяев. Можно с уверенностью сказать, что не найдется ни одной капиталистической страны, в которой бы регистрация почти 9-ти тысяч мелких заведений с 20-ю тысячами рабочих обнаружила *такую поразительную раздробленность и одичалость* производителей, среди которых нашлось лишь несколько десятков случаев *общей собственности* и *менее десятка* случаев объединения

3—5 хозяйчиков для закупки сырья и сбыта продукта! Эта раздробленность служила бы *вернейшим залогом беспросветного экономического и культурного застоя*, если бы мы не видели, к счастью, как капитализм с каждым днем подрезывает под корень патриархальное ремесло с его местной ограниченностью самодовлеющих хозяйчиков, с каждым днем разрушает мелкие местные рынки (которыми держится мелкое производство), заменяя их национальным и всемирным рынком, *заставляя* производителей не одной какой-нибудь деревни Гаврята, а производителей целой страны и даже разных стран вступать в союзы между собой, выводя эти союзы за пределы одних только хозяев и хозяйчиков, ставя перед этими союзами вопросы более широкие, чем вопрос о более дешевой закупке лесного материала и железа, или вопрос о более выгодной продаже гвоздей и телег.

VIII

НАРОДНИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Так как практические предположения и мероприятия стоят всегда в связи с тем, что находят «отрадного» и обнадеживающего в действительности, то понятно уже а priori, какие пожелания насчет кустарной промышленности имеются в «Очерке», который свел все «отрадные явления» к подкрашиванию наемного труда в мелком хозяйстве и к превознесению весьма малочисленных и односторонних соединений мелких хозяев. Повторяя собой обычные народнические рецепты, эти пожелания поражают своей противоречивостью, с одной стороны, и безмерным преувеличением дюжинных «мероприятий», превращенных посредством фраз в решение великих вопросов, — с другой. В самом начале «Очерка», во введении, еще до изложения данных переписи, мы встречаем велеречивые рассуждения о «задаче кустарного кредита» — «устранить (sic!) безденежье», о «кооперативной организации обмена между производством и потреблением» (с. 8), о «распространении артельных организаций», устройстве кустарных складов, технических консультаций, технических школ и т. п. (с. 9). Эти рассуждения повторяются много раз в книге. «Нужно реорганизовать

экономику промысла так, чтобы у кустаря завелись деньги; проще сказать, освободить кустаря от кулака» (119). «Задача нашего времени» совершить «кустарную эмансипацию путем кредита» и т. д. (267). «Необходимо рационализировать меновые процессы», заботиться «о проведении в недра крестьянского земледельческого хозяйства рациональных основ кредита, обмена и производства» (362), необходима «экономическая организация труда» (sic! с. 363), «рациональное устройство экономики народного хозяйства» и т. д. и т. п. Как видите, это — знакомая народническая панацея, приклеенная к данным переписи. И как бы для окончательного подтверждения своего народнического правоверия, составители не преминули осудить денежное хозяйство вообще, поучая читателя, что ремесло «составляет важную услугу народному хозяйству, обеспечивая ему возможность избежать превращения натурального хозяйства в денежное». «Насущные интересы народного хозяйства требуют того, чтобы производимое им сырье перерабатывалось на месте, по возможности без денежного вмешательства в меновые процессы» (с. 360).

Народническая программа изложена здесь со всей полнотой и откровенностью, которые не оставляют желать ничего лучшего! Мы сказали: «народническая программа», ибо нас интересует не то, что отличает составителей «Очерка» от других народников, а, напротив, именно то, что у них общего. Нас интересует практическая народническая программа относительно кустарных промыслов вообще. Легко видеть, что в «Очерке» выпукло выставлены как раз основные черты этой программы: 1) осуждение денежного хозяйства и симпатии к натуральному хозяйству и примитивному ремеслу; 2) различные мероприятия для поддержки мелкого крестьянского производства, вроде кредита, развития техники и т. д.; 3) насаждение всякого рода соединений и союзов между хозяевами и хозяйчиками — товариществ сырьевых, складочных, ссудосберегательных, кредитных, потребительных, производительных; 4) «организация труда» — ходячая фраза во всех и всяческих народнических благопожеланиях. Посмотрим же на эту программу.

Что касается прежде всего до осуждения денежного хозяйства, то по отношению к промышленности оно носит

уже вполне платонический характер. Ремесло даже в Пермской губернии оттеснено уже далеко на задний план товарным производством и находится в положении столь жалком, что в том же самом «Очерке» мы читаем о желательности «освободить кустаря от зависимости», именно устранить зависимость ремесленника от заказчика-потребителя «изысканием средств к расширению самого района сбыта за пределы спроса для местного потребления» (с. 33). Другими словами: осуждение денежного хозяйства в теории и стремление превратить ремесло в товарное хозяйство — на практике! И это противоречие вовсе не составляет исключительного достоинства «Очерка», а свойственно всем народническим прожектам: как ни упираются они против товарного (денежного) хозяйства, но действительность, изгнанная в дверь, влетает в окно, и мероприятия, за которые они высказываются, развивают именно товарное хозяйство. Пример — кредит. В своих планах и пожеланиях народники не устраняют самого товарного хозяйства. «Очерк», например, ни слова не говорит о том, что предлагаемые реформы должны быть основаны не на почве товарного хозяйства. Напротив, он желает лишь рациональных основ *обмена*, кооперативной организации *обмена*. Товарное хозяйство остается, оно должно быть лишь реформировано по *рациональным* основаниям. Утопия далеко не новая, имевшая в старой экономической литературе крупнейших выразителей. Теоретическая несостоятельность ее обнаружена уже давно, так что останавливаться на этом вопросе не приходится. Не лучше ли было бы вместо того, чтобы говорить нелепые фразы о необходимости «рационализировать» экономику, — «рационализировать» сначала свои представления о *действительной* экономике, о действительных общественно-экономических отношениях в той крайне разнородной, разносоставной массе «кустарей», судьбы которой так бюрократически-легкомысленно хотят решать сверху наши народники? Не показывает ли нам действительность сплошь да рядом, как практические мероприятия народников, сочиненные по рецептам «чистых» якобы идей об «организации труда» и т. п., приводят на деле лишь к помощи и содействию «хозяйственному мужичку», мелкому фабрикантику или скупщику, вообще всем представителям мелкой бур-

жуазии? Это вовсе не случайность, не результат несовершенства или неудачности отдельных мероприятий. Напротив, на общей основе товарного хозяйства кредитом, складами, банками, техническими советами и т. д. неизбежно и необходимо пользуются прежде всего и больше всего мелкие буржуа.

Но если так, — возразят нам, — если народники в своих практических мероприятиях, бессознательно и против своей воли, служат развитию мелкой буржуазии, а, след., и капитализма вообще, то зачем же нападать на их программы людям, принципиально признающим развитие капитализма прогрессивным процессом? Резонно ли из-за ошибочности, или — скажем мягче — спорности идеологических облачений, нападать на практически полезные программы, ибо никто ведь не станет отрицать «пользы» технического образования, кредита, союзов и соединений между производителями?

Это возражения не вымышленные. То в той, то в другой форме, то по тому, то по другому поводу они постоянно слышатся в ответ на полемику против народничества. Мы не будем здесь говорить о том, что такие возражения, будь они даже справедливы, нисколько не опровергают того, что одно уже это облачение мелкобуржуазных проектов в возвышеннейшие социальные панацеи приносит глубокий общественный вред. Мы намерены поставить вопрос на практическую почву ближайших и насущных нужд современности и с этой, *умышленно* суженной, точки зрения оценить народническую программу.

Несмотря на то, что многие народнические мероприятия приносят практическую пользу, служа развитию капитализма, тем не менее в общем и целом эти мероприятия оказываются: 1) в высшей степени непоследовательными, 2) доктринерски-безжизненными и 3) мелочными по сравнению с действительными задачами, которые ставит перед нашей промышленностью развивающийся капитализм. Поясним это. Мы указали, во-1-х, на непоследовательность народников, как *практических* людей. Наряду с указанными выше мероприятиями, которые обыкновенно характеризуются, как либеральная экономическая политика, которые всегда выставлялись на знамени вожаков буржуазии на Западе, народники ухитряются сохранять намерение *задержать* данное экономическое развитие, *помешать*

прогрессу капитализма, *поддержат* мелкое производство, изнемогающее в борьбе с крупным. Они защищают законы и учреждения, стесняющие свободу мобилизации земли, свободу передвижения, удерживающие сословную замкнутость крестьянства и т. п. Есть ли, спрашивается, какие-либо разумные основания *задерживать* развитие капитализма и крупной промышленности? Мы видели, из данных переписи, что пресловутая «самостоятельность» кустарей несколько не гарантирует от подчинения торговому капиталу, от эксплуатации в ее худшей форме, что *на деле* положение громадной массы этих «самостоятельных» кустарей зачастую *более жалкое*, чем положение наемных рабочих у кустарей, что заработки их поразительно ничтожны, условия труда (по санитарной обстановке и длине рабочего дня) крайне неудовлетворительны, производство раздроблено, технически первобытно и неразвито. Есть ли, спрашивается, какие-либо разумные основания удерживать полицейские законы, укрепляющие «связь с землей», *запрещающие* разрывать эту связь, умиляющую народников? * Данные «кустарной переписи» 1894/95 года в Пермской губернии ясно свидетельствуют о полной бессмысленности искусственных прикреплений к земле крестьян. Это прикрепление только понижает их заработки, которые при «связи с землей» оказываются более чем вдвое ниже, чем у неземледельцев, понижает жизненный уровень, усиливает разрозненность и раздробленность производителей, разбросанных по деревням, усиливает их беспомощность перед каждым скупщиком и мастерком. Прикрепление к земле задерживает в то же время развитие земледелия, не будучи однако в состоянии помешать появлению класса мелкой сельской буржуазии. Народники избегают ставить вопрос таким образом: задерживать или не задерживать развитие капитализма? Они предпочитают рассуждать о «возможности иных путей для отечества». Но ведь раз речь идет о ближайших практических мероприятиях, то уже этим самым

* «Очерк» тоже говорит с большим пафосом о пользе общины и о вреде «свободы мобилизации» землевладения, которая повела бы, дескать, к появлению «пролетариата» (с. 6). Это противоположение общине — свободы мобилизации прекрасно оттеняет именно самую реакционную и вредную черту «общины». — Интересно бы знать, нашелся ли бы хоть в одной капиталистической стране такой «пролетарий», который бы не был отнесен к *паулерам* при зарплате 33 и 50 руб. в год?

всякий деятель становится на почву *данного пути**. Делайте себе все, что угодно, для того, чтобы «стащить» отечество на иной путь! Такая деятельность никакой критики (кроме критики смеха) не вызовет. Но не защищайте того, что искусственно *задерживает* данное развитие, не заглушайте фразами «об ином пути» вопроса об устранении препятствий с данного пути.

Другое обстоятельство, которое необходимо иметь в виду при оценке практической народнической программы, состоит в следующем. Мы видели уже, что народники стараются как можно отвлеченнее формулировать свои пожелания, выставить их абстрактными, отвлеченными требованиями «чистой» науки, «чистой» справедливости, а не реальными нуждами реальных классов, имеющих определенные интересы. Кредит — эту насущную потребность каждого хозяина и хозяйчика в капиталистическом обществе — народник выставляет каким-то элементом в системе организации труда; союзы и соединения хозяев изображаются зачаточным выражением идеи кооперации вообще, идеи «кустарной эмансипации» и т. д., тогда как всякий знает, что все такие союзы преследуют на самом деле цели, ничего общего не имеющие с такими высокими материями, а просто связанные с размером дохода этих хозяйчиков, с укреплением их положения, увеличением их прибыли. Это превращение дюжинных буржуазных и мелкобуржуазных пожеланий в какие-то социальные панацеи лишь *обессиливает* эти пожелания, отнимает от них их жизненный нерв, гарантию их насущности и осуществимости. Насущные вопросы каждого хозяина, скупщика, торговца (кредит, союзы, техническая помощь) народник усиливается ставить как общие вопросы, возвышающиеся над отдельными интересами. Народник воображает, что он этим усиливает их значение, возвышает их, — а на самом деле он превращает этим живое дело, *заинтересовывающее* такие-то и такие-то группы населения, в филистерское пожелание, кабинетное умствование, бюрократическое «рассуждение о пользах». С этим непосредственно связывается и третье обстоятельство. Не понимая того, что такие практические

* А что этот данный путь состоит в развитии капитализма, этого, насколько мы знаем, не отрицали и сами народники, ни г. П. — он, ни г. В. В., ни г. Южаков и т. д., и т. д.

мероприятия, как кредит и артель, технические пособия и т. п., выражают потребности развивающегося капитализма, народник не умеет выразить общих и основных потребностей такого развития, заменяя мелкими, случайно выхваченными, половинчатыми мероприятиями, которые, отдельно взятые, неспособны оказать никакого серьезного действия и осуждены неизбежно на неуспех. Если бы народник открыто и последовательно встал на точку зрения выразителя потребностей общественного развития по капиталистическому пути, то он сумел бы заметить *общие условия, общие требования* такого развития, он увидел бы, что все его маленькие прожекты и мероприятия при наличности этих общих условий (главное из них в интересующем нас случае — свобода промышленности) осуществились бы сами собой, т. е. деятельностью самих заинтересованных лиц, тогда как игнорирование этих общих условий и выставление одних практических мероприятий совершенно частного свойства не может не вести к толчению воды. Остановимся, для примера, на этом вопросе о свободе промышленности. С одной стороны, это настолько общий и основной вопрос из вопросов промышленной политики, что разбор его особенно уместен. С другой стороны, бытовые особенности Пермского края дают интересные подтверждения кардинальной важности этого вопроса.

Как известно, главным явлением экономической жизни края является горнозаводская промышленность, которая сообщила ему совершенно особый отпечаток. С положением и интересами уральской горнопромышленности связаны и история колонизации, и настоящее положение края. «Крестьяне вообще были населены на Урале с целью работать заводовладельцам», — читаем мы в письме обывателя Н.-Сергинского завода, Бабушкина, в «Трудах комиссии по иссл. куст. пр.»*. И эти бесхитростные слова очень верно выражают громадную роль заводовладельцев в жизни края, их значение, как помещиков и заводчиков вместе, их привычку к безраздельному и неограниченному господству, к положению монополистов, основывающих свою промышленность на своем владельческом праве, а не на капитале и конкуренции. Монопольные начала

* Вып. XVI, стр. 594—595. Цитировано в книге «Куст. пром.», I, 140.

горнозаводской промышленности Урала выразились в законе известной статьей 394-й т. VII свода законов (устав горный), — статьей, о которой так много говорилось и говорится в литературе об Урале. Закон этот, изданный в 1806 году, требует, во-1-х, разрешения горного начальства на открытие горными городами всяких фабрик, а, во-2-х, запрещает открытие в заводских округах «всех тех мануфактур и фабрик, которых все производство главнейше основывается на огненном действии, требующем угля и дров». Уральские горнозаводчики в 1861-м году особенно настаивали на том, чтобы такой закон внести в условия освобождения крестьян, и статья 11-я полож. о горнозав. мастеров. повторяет однородное запрещение*. Отчет правления кустарно-промышленного банка за 1895 год говорит между прочим: «Чаще всего однако же поступают жалобы на запрещение чинами горного ведомства и владельцами посессионных заводов *открывать* огнедействующие заведения в черте подведомственных им районов и на всякого рода стеснения в производстве промыслов по обработке металлов» («Очерк», с. 223). Таким образом, Урал и по сию пору сохраняет незабываемые традиции «доброе старое время», и отношение к мелкой крестьянской промышленности стоит здесь в полной гармонии с той «организацией труда», которая обеспечивала заводы прикрепленным к месту заводским рабочим населением. С полной рельефностью охарактеризованы эти традиции в следующем сообщении «Пермских Губернских Ведомостей», № 183 за 1896 год, которое приводится в «Очерке» и справедливо называется «многозначительным». Вот оно: «М-во земледелия и гос. им. предложило уральским горнопромышленникам обсудить вопрос о возможности принятия горными заводами мер к развитию кустарных промыслов на Урале. Горнопромышленники уведомили мин-во, что развитие на Урале кустарной промышленности

* См. «Куст. пром.», I, 18—19. — «Очерк», 222, 223, 244. — «Отчеты и исследования по куст. пром.» изд. м-ва гос. имущ. и земл., статья Егунова в III т. Помещая статью Егунова, мин-во оговаривается в примечании, что взгляды автора «существенно расходятся с воззрениями и данными горного ведомства». — В Красноуфимском уезде, напр., было закрыто, на основании приведенных законов, до 400 кузниц. — Ср. «Труды ком. по исслед. куст. пром.», вып. XVI, ст. В. Д. Белова: «Кустарная промышленность Урала в связи с горнозаводским делом». Автор рассказывает, что кустари, боясь суровых законов, прячут свои машины. Один кустар устроил печь, для отливки явделей, на колесах, чтобы легче спрятать ее! (стр. 18 цит. ст.).

послужит во вред крупной промышленности, так как даже теперь, при слабом развитии кустарных промыслов на Урале, население его не может давать заводам необходимого числа рабочих*; когда же население найдет заработок дома, заводы рискуют остаться совсем без работы» («Очерк», с. 244). Это сообщение вызвало у составителей «Очерка» следующее восклицание: «Конечно, первое, необходимое условие всякого рода промышленности, *крупной, средней и мелкой*, есть свобода промышленности... Во имя свободы промышленности *все ее отрасли* должны быть юридически равноправными... Металлоиздельные кустарные промыслы на Урале должны быть освобождены от всяких *исключительных* уз, созданных заводской регламентацией с целью ограничения *естественного* их развития» (ibid. Курсив наш). Читая эту прочувствованную и глубоко справедливую тираду в защиту «свободы промышленности», мы вспомнили известную басню о метафизике, который медлил вылезать из ямы, вопрошая, что такое веревка, брошенная ему, — «вервие простое!» Вот и пермские народники по отношению к свободе промышленности, свободе развития капитализма, свободе конкуренции вопрошают пренебрежительно, что такое свобода промышленности — простое буржуазное требование! Они возносятся гораздо выше в своих пожеланиях; они хотят не свободы конкуренции (какое низменное, узкое, буржуазное пожелание!), а «организации труда»... Но стоит только этим мавиловским мечтаниям столкнуться «лицом к лицу» с неподкрашенной и прозаической действительностью, — и от этой действительности пахнёт сразу такой «организацией труда», что народник забывает про «вред» и «опасность» капитализма, про «возможность иных путей для отечества» и взывает о «свободе промышленности».

Повторяем, мы считаем это пожелание глубоко справедливым и думаем, что такая точка зрения (разделяемая не одним «Очерком», а едва ли не всеми авторами, писавшими по этому вопросу) делает честь народникам. Но... — Что прикажете делать! Никак нельзя похвалить

* Заметим в пояснение читателю, что статистика нашей горнозаводской промышленности много раз уже констатировала тот факт, что на Урале число занятых рабочих в пропорции к получаемому продукту неизмеримо выше, чем в южном или польском горном районе. Низкая заработная плата — результат прикрепления рабочих к земле — держит Урал на несравненно более низком уровне техники по сравнению с югом и Польшей.

народников без того, чтобы не поставить сейчас же большее «но», — но мы имеем сделать по этому поводу два существенных замечания.

Первое. Можно быть уверенным, что громадное большинство народников с негодованием отвергнет правильность нашего отождествления «свободы промышленности» со «свободой капитализма». Они скажут, что устранение монополий и остатков крепостного права есть «просто» требование равноправности, интерес «всего» народного хозяйства вообще и крестьянского в особенности, а вовсе не капитализма. Знаем мы, что народники это скажут. Но это будет неверно. С тех пор, когда на «свободу промышленности» смотрели так идеалистически-абстрактно, видя в ней основное и естественное (ср. подчеркнутое слово в «Очерке») «право человека», прошло уже более ста лет. Требование «свободы промышленности» и осуществления этого требования обошли с тех пор несколько стран, и везде это требование являлось выражением несоответствия растущего капитализма с остатками монополий и регламентаций, везде оно служило лозунгом передовой буржуазии, везде оно вело лишь к полному торжеству капитализма. Теория разъяснила с тех пор вполне всю наивность иллюзии, будто «свобода промышленности» есть требование «чистого разума», требование отвлеченной «равноправности», и показала, что вопрос о свободе промышленности есть вопрос капиталистический. Осуществление «свободы промышленности» отнюдь не является «юридическим» только преобразованием; это — глубокая экономическая реформа. Требование «свободы промышленности» означает всегда несоответствие между юридическими нормами (отражающими производственные отношения, отжившие уже свой век) и *новыми производственными отношениями*; которые развились вопреки старым нормам, выросли из них и требуют их отмены. Если уральские порядки вызывают теперь всеобщий клич о «свободе промышленности», то это значит, что те регламентации, монополии и привилегии, которые унаследованы были в пользу помещиков-заводовладельцев, стесняют *данные хозяйственные отношения*, *данные* экономические силы. Каковы же эти отношения и эти силы? Это — *отношения товарного хозяйства*. Эти силы — силы руководящего товарным хозяйством *капитала*. Вспомните хоть

вышедитированное «признание» пермского народника: «вся наша кустарная промышленность находится в узах частных капиталов». Да и без этого признания данные кустарной переписи говорят достаточно красноречиво сами за себя.

Второе замечание. Мы приветствуем защиту народниками свободы промышленности. Но мы ставим это приветствие в зависимость от *последовательного проведения* такой защиты. Разве «свобода промышленности» состоит только в устранении уральских запрещений открывать огнедействующие заведения? Разве отсутствие у крестьянина права выйти из общины, права заняться любым промыслом или делом не представляет собой гораздо более существенного ограничения «свободы промышленности»? Разве отсутствие свободы передвижения, непризнание законами права каждого гражданина выбирать для жительства любую городскую или сельскую общину в государстве не ограничивает свободу промышленности? Разве сословная замкнутость крестьянской общины, невозможность проникнуть в нее лицам торгово-промышленного класса не ограничивает свободу промышленности? и т. д. и т. д. Мы назвали гораздо более важные, более общие, более распространенные стеснения свободы промышленности, проявляющие свое влияние на всей России и более всего на всей крестьянской массе. Если «крупная, средняя и мелкая» промышленность должны быть равноправны, то разве не должна последняя получить те же права по отчуждению земель, какими пользуются первые? Если уральские горные законы суть «исключительные узы, стесняющие естественное развитие», то разве круговая порука, неотчуждаемость наделов, особые сословные законы и правила о переселениях, перечислениях, промыслах и занятиях не составляют «исключительных уз»? Разве они не «стесняют естественного развития»?

Вот в том-то и дело, что народничество и по данному вопросу обнаружило ту же половинчатость и двуличность, которые так характерны для всякой идеологии Kleinbürgerства*. С одной стороны, народники не отрицают, что в нашей жизни есть масса остатков такой «организации труда», происхождение которой относится ко временам

* — мелкобуржуазности. Ред.

удельщины и которая находится в самом вопиющем противоречии с современным экономическим строем, со всем хозяйственным и культурным развитием страны. С другой стороны, они не могут не видеть, что этот экономический строй и это развитие грозят погубить мелкого производителя и, утраченные за участь этого палладиума своих «идеалов», народники стараются задержать историю, остановить развитие, упрашивают и умоляют «запретить», «не дозволять» и прикрывают этот жалкий реакционный лепет фразами об «организации труда», — фразами, которые не могут не звучать горькой насмешкой.

Для читателя ясно уже, конечно, теперь, какое главное и основное возражение сделаем мы против *практической* народнической программы в вопросах современной промышленности. Поскольку народнические мероприятия входят как часть или совпадают с преобразованием, которое со времен Адама Смита называется *свободой промышленности* (в широком значении слова), постольку они прогрессивны. Но, во-1-х, в них нет тогда ничего «народнического», ничего поддерживающего специально мелкое производство и «особые пути» отечества. Во-2-х, эта положительная часть народнической программы обессиливается и извращается подстановкой частных и мелочных проектов и мероприятий на место общего и основного вопроса о свободе промышленности. Поскольку же народнические пожелания идут против свободы промышленности, стараясь задержать современное развитие, постольку они реакционны и бессмысленны, и осуществление их, кроме вреда, ничего принести не может. Возьмем примеры. Кредит. Кредит есть учреждение наиболее развитого товарного обращения, наиболее развитого гражданского оборота. Осуществление «свободы промышленности» ведет неизбежно к созданию кредитных учреждений, как коммерческого дела, к устранению сословной замкнутости крестьян, к сближению их с классами, наиболее пользующимися кредитом, к самостоятельному образованию заинтересованными лицами кредитных обществ и т. п. Наоборот, какое значение могут иметь кредитные мероприятия, преподносимые «мужичкам» земцами и прочей «интеллигенцией», покуда законы и учреждения ставят крестьянство в положение, *исключающее* правильное

и развитое товарное обращение, — в положение, при котором вместо имущественной ответственности (основа кредита) гораздо легче, осуществимее, доступнее и употребительнее... *отработки!* Кредитные мероприятия останутся при таких условиях всегда наносными, чуждыми растениями, посаженными извне на совершенно неподходящую почву, окажутся мертворожденным детищем, которое могли породить только мечтательные интеллигенты-Маниловы и благожелательные чиновники, и над которым смеются и будут смеяться настоящие *торговцы денежным капиталом*. Чтобы не быть голословным, приведем мнение Егунова (цит. статья), которого никто не заподозрит в... «материализме». О кустарных складах он говорит: «даже при самой благоприятной местной обстановке неподвижный склад, да еще единственный на целый уезд, никогда не заменит, да и не может заменить вечно подвижного и лично заинтересованного торговца». О пермском кустарном банке мы читаем: чтобы получить ссуду, кустарь должен подать заявление или в банк, или агенту его и назвать поручителей. Агент приезжает, проверяет заявление кустаря, собирает подробные сведения о производстве и т. п. «и весь этот ворох бумаг за счет кустаря отправляет в правление банка». Разрешив ссуду, банк присылает (через агента или через волостное правление) долговое обязательство. Когда должник подпишет его (с засвидетельствованием подписи волостным начальством) и отошлет в банк, — тогда только посылают ему деньги. Если ссуду берет артель, то требуется копия товарищеского договора. Агенты должны наблюдать, чтобы ссуды расходовались именно на то, на что они выданы, чтобы дела клиентов не расстраивались и т. д. «Очевидно, что банковского кредита никоим образом нельзя признать *доступным* для кустарей; с уверенностью можно сказать, что гораздо охотнее предпочтет кустарь поискать кредита у местного богача, нежели подвергаться всем описанным мытарствам, оплачивать почтовые, нотариальные и волостные расходы, ждать целые месяцы со дня возникшей потребности в ссуде до дня ее получения и на весь срок этой ссуды оставаться в поднадзорном положении» (стр. 170 цит. ст.). Насколько нелепо народническое мнение о каком-то антикапиталистическом кредите, настолько же несуразны, неуклюжи и малопроизводи-

тельные подобные покушения (с негодными средствами) сделать силами «интеллигентов» и чиновников то, что составляет везде и повсюду настоящее дело торговцев. — Техническое образование. Кажется, об этом можно уже и не говорить... Напомним разве заслуживающий «вечного поминовения» проект нашего известного прогрессивного писателя г. Южакова насадить в России земледельческие гимназии с тем, чтобы преимущественно крестьяне и крестьянки *отрабатывали* стоимость своего учения, служа, напр., поварами и прачками*... Артели. Но кто же не знает, что основные препятствия к их распространению заключаются в традициях той же самой «организации труда», которая отразилась и в уральских горных законах? Кто не знает, что проведение свободы промышленности в полном объеме повело везде и повсюду к невиданному расцвету и развитию всяких союзов и соединений? Чрезвычайно комично бывает видеть, когда народник пытается выставить своего противника врагом артельности, союзности и т. п. вообще. Вот уж поистине с большой головы да на здоровую! Дело только в том, что за поисками идеи союзности и средств ее осуществления надо смотреть не назад, не в прошлое, не на патриархальное ремесло и мелкое производство, порождающие крайнюю обособленность, раздробленность и одичалость производителей, — а вперед, в будущее, в сторону развития крупного промышленного капитализма.

Мы прекрасно знаем, с каким величественным пренебрежением отнесется народник к этой, противопоставляемой его собственной, программе промышленной политики. «Свобода промышленности!» Какое старое, узкое, манчестерское**, буржуазное пожелание⁹¹! Народник уверен, что для него это *überwundener Standpunkt****, что он сумел подняться выше тех преходящих и односторонних интересов, которые лежат в основе такого пожелания, что

* См. следующую статью.

** Найдутся, пожалуй, люди, которые подумают, что «свобода промышленности» исключает такие меры, как фабричные законы и т. п. Под «свободой промышленности» разумеется устранение оставшихся от старинных препятствий к развитию капитализма. Фабричное же законодательство, как и другие меры современной так наз. *Socialpolitik* (социальной политики. Ред.), предполагает глубокое развитие капитализма и, в свою очередь, толкает вперед это развитие.

*** — превзойденная точка зрения. Ред.

он сумел возвыситься до более глубоких и более чистых идей об «организации труда»... А на самом деле он только *опустился* от прогрессивной буржуазной к реакционной мелкобуржуазной идеологии, беспомощно колеблющейся между стремлениями ускорить современное экономическое развитие и задержать его, между интересами хозяйчиков и интересами труда. Эти последние совпадают, по данному вопросу, с интересами крупного промышленного капитала.

Дом в селе Шушенском, в котором жил во время ссылки В. И. Ленин.
Два крайних окна слева — окна комнаты Ленина.

ПЕРЛЫ НАРОДНИЧЕСКОГО ПРОЖЕКТЕРСТВА

(С. Н. ЮЖАКОВ. ВОПРОСЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ. ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ ОПЫТЫ. — РЕФОРМА СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ. — СИСТЕМЫ И ЗАДАЧИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ. — ГИМНАЗИЧЕСКИЕ УЧЕБНИКИ. — ВОПРОС ВСЕНАРОДНОГО ОБУЧЕНИЯ. — ЖЕНЩИНА И ПРОСВЕЩЕНИЕ. СПБ 1897. СТР. VIII + 283. ЦЕНА 1 Р. 50 К.)⁹⁸

Написано в ссылке в конце 1897 г.

*Впервые напечатано в 1898 г.
в сборнике: Владимир Ильин —
«Экономические этюды и статьи»*

Печатается по тексту сборника

I

Под таким заглавием г. Южаков выпустил собрание своих статей, печатавшихся в «Русском Богатстве» в 1895—1897 годах. Автор полагает, что его статьи «охватили главнейшие из этих вопросов», т. е. из «вопросов просвещения», и «вместе составили нечто вроде обзора наиболее назревших и наболевших, но все еще мало удовлетворенных потребностей нашей умственной культуры». (Предисловие, стр. V.) На стр. 5-ой еще раз подчеркивается, что автор намерен остановиться «преимущественно на вопросах принципа». Но все эти фразы показывают только любовь г-на Южакова к широкому размаху мысли, и даже не мысли, а пера. И заглавие книги чересчур широко: на самом деле, — как видно и из списка статей в подзаголовке сочинения, — автор трактует вовсе не «вопросы просвещения», а только вопросы школы, да и то только средней и высшей школы. Из всех статей книги самая дельная статья о гимназических учебниках в наших гимназиях. Автор подробно разбирает здесь ходячие учебники русского языка, географии и истории, показывая полную их негодность. Эта статья читалась бы с еще большим интересом, если бы не утомляла тоже собственным автору многословием. Мы намерены остановить внимание читателя только на двух статьях книги, именно на статье о среднеучебной реформе и о всенародном обучении, ибо эти статьи затрагивают действительно принципиальные вопросы и представляются особенно характерными для освещения излюбленных идей «Р. Богатства». Ведь это вот господам Гриневицам и Михайловским приходится — для того, чтобы найти примеры чудовищно

глупых выводов из враждебной доктрины — копаться в навозной куче российской стихотворной макулатуры. Нам не нужно для соответствующей цели предпринимать столь невеселые раскопки: достаточно обратиться к журналу «Рус. Богатство», и в нем к одному из несомненных «столпов».

II

Параграф II статьи об «Основах среднеучебной реформы» озаглавлен г-ном Южаковым так: «Задачи средней школы. Классовые интересы и классовая школа» (см. Оглавление). Тсма, как видите, представляет захватывающий интерес, обещая разъяснить нам один из важнейших вопросов не только просвещения, но и всей общественной жизни вообще, и притом именно тот вопрос, который вызывает одно из главнейших разногласий между народниками и «учениками»⁸⁶. Посмотрим же, какие представления имеет сотрудник «Р. Богатства» о «классовых интересах и классовой школе».

Автор совершенно справедливо говорит, что формула: «школа должна готовить человека для жизни» совершенно бессодержательна, что вопрос в том, что надобно для жизни и «кому надобно» (6). «Кому надобно среднее образование — это значит: в чьих интересах, ради чьих блага и пользы дается образование воспитанникам средней школы?» (7). Прекрасная постановка вопроса, и мы бы от души приветствовали автора, если бы... если бы все эти прелюдии не оказались в дальнейшем изложении пустыми фразами: «Это могут быть интересы блага и пользы государства, нации, того или другого общественного класса, самого образуемого индивида». Начинается путаница: приходится заключить, что общество, расчлененное на классы, совместимо с неклассовым государством, с неклассовой нацией, с стоящими вне классов индивидами! Сейчас увидим, что это вовсе не обмолвка г-на Южакова, что он именно такого абсурдного мнения и держится. «Если при выработке школьной программы имеются в виду классовые интересы, то не может быть, следовательно, и речи об одном общем типе государственной средней школы. Учебные заведения в таком случае по необходимости являются сословными и притом не только

образовательными, но и воспитательными, потому что они должны дать не только образование, приспособленное к специальным интересам и задачам сословия, но и сословные навыки и сословный корпоративный дух» (7). Первый вывод из этой тирады тот, что г. Южаков не понимает различия между сословиями и классами и поэтому безбожно смешивает эти совершенно различные понятия. В других местах его статьи (см., напр., стр. 8) обнаруживается такое же непонимание, и это тем удивительнее, что г. Южаков в этой же статье подошел почти вплотную к существенному различию этих понятий. «Надо помнить, — повествует г. Южаков на стр. 11, — что часто (отнюдь не необходимо, однако) организации политическая, экономическая и духовная составляют иногда юридическую привилегию, иногда фактическую принадлежность особых групп населения. В первом случае это — сословия; во втором — классы». Тут верно указано одно из отличий класса от сословия, именно что классы отличаются один от другого не юридическими привилегиями, а фактическими условиями, что, следовательно, классы современного общества предполагают *юридическое равенство*. И другое различие между сословиями и классами г. Южаков как будто бы не игнорирует: «...Мы... отказались тогда (т. е. после отмены крепостного права)... от крепостного и сословного строя национальной жизни, в том числе и от системы сословной закрытой школы. В настоящее время внедрение капиталистического процесса дробит русскую нацию не столько на сословия, сколько на экономические классы...» (8). Тут верно указан и другой признак, отличающий сословия от классов в истории Европы и России, именно что сословия — принадлежность крепостного, а классы — капиталистического общества*. Если бы г. Южаков подумал хоть немножко над этими различиями и не отдавался с такою легкостью во власть своего бойкого пера и своего Kleinbürger'ского** сердца, то он бы не написал ни вышеприведенной тирады, ни других пустяков вроде того, что классовые программы школ должны дробить программы для

* Сословия предполагают деление общества на классы, будучи одной из форм классовых различий. Говоря о классах просто, мы разумеем всегда бессословные классы капиталистического общества.

** — мелкобуржуазного. Ред.

богатых и бедных, что на западе Европы классовые программы не имеют успеха, что классовая школа предполагает классовую замкнутость и пр. и пр. Все это яснее ясного показывает, что, несмотря на многообещающее заглавие, несмотря на велеречивые фразы, г. Южакон совершенно не понял, в чем сущность классовой школы. Сущность эта, почтеннейший г. народник, состоит в том, что образование одинаково организовано и одинаково доступно для всех *имущих*. Только в этом последнем слове и заключается сущность классовой школы в отличие от школы сословной. Поэтому чистейший вадор сказал г. Южакон в вышецитированной тираде, будто при классовых интересах школы «не может быть и речи об одном общем типе государственной средней школы». Как раз наоборот: классовая школа, — если она проведена последовательно, т. е. если она освободилась от всех и всяких остатков сословности, — необходимо предполагает один общий тип школы. Сущность классического общества (и классического образования, следовательно) состоит в полном юридическом *равенстве*, в полной равноправности всех граждан, в полной равноправности и доступности образования для имущих. Сословная школа требует от ученика принадлежности к известному сословию. Классовая школа не знает сословий, она знает только граждан. Она требует от всех и всяких учеников *только одного*: чтобы он заплатил за свое обучение. Различие программ для богатых и для бедных вовсе не нужно классической школе, ибо тех, у кого нет средств для оплаты обучения, расходов на учебные пособия, на содержание ученика в течение всего учебного периода, — тех классовая школа просто не допускает к среднему образованию. Классической замкнутости вовсе не предполагает классовая школа: напротив, в противоположность сословиям, классы оставляют всегда совершенно свободным переход отдельных личностей из одного класса в другой. Классическая школа не замыкается ни от кого, имеющего средства учиться. Что в Западной Европе «эти опасные программы полубразования и классического морально-интеллектуального отчуждения разных народных слоев не имеют успеха» (9), — это совершенное извращение действительности, ибо всякий знает, что и на Западе, и в России средняя школа, по сущности своей, — классовая и что служит она

интересам лишь очень и очень небольшой части населения. Ввиду той невероятной путаницы понятий, которую обнаруживает г. Южаков, мы считаем даже не лишним сделать для него еще следующее добавочное разъяснение: в современном обществе и та средняя школа, которая не берет никакой платы за обучение, нисколько не перестает быть классовой школой, ибо расходы на содержание ученика в течение 7—8 лет неизмеримо выше, чем плата за учение, а доступны эти расходы лишь для ничтожного меньшинства. Если г. Южаков хочет быть практическим советником современных реформаторов средней школы, если он хочет ставить вопрос на почве современной действительности (а он именно так его и ставит), — то он должен был бы говорить только о смене сословной школы школой классовой, *только* об этом, или уже вовсе промолчать об этом щекотливом вопросе «классовых интересов и классовой школы». И то сказать: невелика связь этих принципиальных вопросов с той заменой древних языков новыми, которую рекомендует г. Южаков в этой статье. Ограничься он этой рекомендацией, — мы бы не стали ему возражать и даже готовы были бы простить ему его невоздержанное красноречие. Но раз он *сам же* поставил вопрос о «классовых интересах и классовой школе», — то пусть уже и несет ответственность за все свои вадорные фразы.

Фразы г-на Южакова на данную тему далеко не ограничиваются однако вышеприведенным. Верный основным идеям «субъективного метода в социологии», г. Южаков, затронув вопрос о классах, поднимается на «широкую точку зрения» (12, стр. 15), такую широкую, с которой он может величественно игнорировать классовые различия, такую широкую, которая позволяет ему говорить не об отдельных классах (фи, какая узость!), а о всей нации вообще. Достигается эта великолепная «широта» точки зрения истасканным приемом всех моралистов и моралистиков, особенно моралистов-Kleinbürger'ов. Г. Южаков жестоко осуждает это разделение общества на классы (и отражение этого разделения на образовании), говоря с превеликим красноречием и с несравненным пафосом об «опасности» (9) этого явления; о том, что «классовая система образования во всех видах и формах, в основе своей, противоречит интересам государства, нации и

образуемых личностей»* (8); о «нецелесообразности и опасности с точки зрения и государственной, и национальной» (9) классовых программ в школе; о том, что примеры истории показывают лишь «то исключительное антинациональное развитие классового строя и классовых интересов, о котором мы говорили выше и которое уже признали опасным для национального блага и для самого государства» (11); о том, что «повсеместно классовое устройство управления так или иначе отменено» (11); о том, что это «опасное» дробление на классы вызывает «антагонизм между разными группами населения» и постепенно вытравляет «чувство национальной солидарности и общегосударственного патриотизма» (12); о том, что «широко, правильно и дальновидно понимаемые интересы нации, как целого, государства и отдельных граждан вообще не должны противоречить друг другу (по крайней мере, в современном государстве)» (15) и т. д. и т. д. Все это — одна сплошная фальшь, одни пустые фразы, затушевывающие самую суть современной действительности посредством лишенных всякого смысла «пожеланий» Kleinbürger'a, пожеланий, незаметно переходящих и в характеристику того, что есть. Чтобы найти аналогию для подобного мирозерцания, из которого вытекают такие фразы, надо обратиться к представителям той «этической» школы на Западе, которая явилась естественным и неизбежным выражением теоретической трусости и политической растерянности тамошней буржуазии.

Мы же ограничимся сопоставлением с этим великолепным красноречием и прекраснодушием, с этой замечательной прозорливостью и дальновидностью следующего маленького факта. Г. Южаков затронул вопрос о сословной и классовой школе. По первому вопросу можно найти точные статистические данные, по крайней мере, о мужских гимназиях и прогимназиях и о реальных училищах. Вот эти данные, заимствуемые нами из издания

* Одно из двух, почтеннейший г. Kleinbürger: либо вы говорите об обществе, расчлененном на классы, либо о нерасчлененном. В первом случае не может быть ни классового государства, ни классовой нации, ни принадлежащих к одному из классов личностей. В обоих случаях фраза лишена смысла и содержит лишь везикулярное пожелание Kleinbürger'a, трусливо закрывающего глаза от самых резких черт современной действительности.

министерства финансов: «Производительные силы России» (СПБ 1896. Отд. XIX. Народное образование. Стр. 31):

«Сословное распределение учащихся (в % к общему числу их) видно из следующей таблицы:

Детей	В мужских гимназиях и прогимназиях министерства нар. просвещения			В реальных училищах		
	1880	1884	1892	1880	1884	1892
Потомственных и личных дворян и чиновников	47,6	49,2	56,2	44,0	40,7	38,0
Духовного звания	5,1	5,0	3,9	2,6	1,8	0,9
Городских сословий	33,3	35,9	31,3	37,0	41,8	43,0
Сельских сословий (с инородч. и нижн. чинами)	8,0	7,9	5,9	10,4	10,9	12,7
Иностранцев	2,0	2,0	1,9	3,0	4,8	5,4
Других сословий	2,0	Вместе с предыд.		3,0	Вместе с предыд.	
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Эта табличка наглядно показывает нам, как неосторожно выразился г. Южаков, сказав, будто мы сразу и решительно (??) «отказались от сословной школы». Напротив, сословность и теперь преобладает в наших средних школах, если даже в гимназиях (не говоря уже о привилегированных дворянских заведениях и т. п.) 56% учащихся — дети дворян и чиновников. Единственный серьезный конкурент их — городские сословия, достигшие преобладания в реальных училищах. Участие же сельских сословий — особенно если принять во внимание их громадное численное преобладание над остальными сословиями — совершенно ничтожно. Эта табличка наглядно показывает, следовательно, что тот, кто хочет говорить о характере современной нашей средней школы, должен твердо усвоить себе, что речь может идти только о сословной и о классовой школе и что, поскольку «мы» отказываемся действительно от сословной школы, — это делается исключительно для классовой школы. Само собою разумеется, что мы вовсе не хотим сказать этим, чтобы вопрос о замене сословной школы классовой и об улучшении последней был вопрос неважный или безразличный для тех классов, которые не пользуются и не могут пользоваться средней школой: напротив, и для них это не безразличный вопрос, ибо сословность и в жизни, и в школе

ложится на них особенно тяжело, ибо смена сословной школы классовою есть лишь одно из звеньев в процессе общей и всесторонней европеизации России. Мы хотим только показать, как извратил дело г. Южаков и как его якобы «широкая» точка зрения на самом деле стоит неизмеримо ниже даже буржуазной точки зрения на вопрос. Кстати, о буржуазности. Вот г. А. Мануилов никак не может понять, зачем это П. Б. Струве, так определенно охарактеризовавший односторонность Шульце-Геверница, тем не менее «пропагандирует его буржуазные идеи» («Р. Богатство» № 11, стр. 93). Непонимание г-на А. Мануилова происходит всецело и исключительно от непонимания им основных воззрений не только русских, но и всех западно-европейских «учеников», не только учеников, но и учителя. Или, может быть, г. Мануилов захочет отрицать, что к числу основных воззрений «учителя» — воззрений, красной нитью проходящих чрез всю его теоретическую, литературную и практическую деятельность, — принадлежит бесповоротная вражда к тем любителям «широких точек зрения», которые затушевывают посредством сладеньких фраз классовое расчленение современного общества? что к числу основных его воззрений принадлежит решительное признание прогрессивности и предпочтительности открытых и последовательных «буржуазных идей» по сравнению с идеями тех Kleinbürger'ов, которые жаждут задержки и остановки капитализма? Если г-ну Мануилову это неясно, то пусть он подумает хоть над произведениями своего товарища по журналу, г-на Южакова. Пусть он представит себе, что по интересующему нас теперь вопросу мы видим рядом с г. Южаковым открытого и последовательного представителя «буржуазных идей», который отстаивает именно классовый характер современной школы, доказывая, что это — лучшее, что можно себе представить, и стремясь к полному вытеснению сословной школы и к расширению доступности классовой школы (в вышеуказанном значении этой доступности). Право же, подобные идеи были бы несравненно выше идей г. Южакова; внимание направлялось бы при этом на реальные нужды современной школы, именно на устранение ее сословной замкнутости, а не на расплывчатую «широкую точку зрения» Kleinbürger'a. Открытое выяснение и защита одностороннего характера современной

школы правильно бы характеризовало действительность и уже самой своей односторонностью просвещало бы сознание другой стороны*. А «широкие» разглагольствования г-на Южакова, наоборот, возвращают только общественное сознание. Наконец, практическая сторона вопроса... но ведь и г. Южаков не выходит ни чуточки за пределы классовой школы не только в этой статье, но и в своей «утопии», к которой мы и переходим.

III

Статья г-на Южакова, рассматривающая «вопрос всенародного обучения» (см. заглавие книги), называется так: «Просветительная утопия. План всенародного обязательного среднего образования». Уже из названия видно, что эта в высшей степени поучительная статья г-на Южакова обещает очень многое. Но на самом деле «утопия» г-на Южакова обещает еще несравненно больше. «Никак не меньше этого, дорогие читатели, без всякой уступки или компромисса... — так начинает автор свою статью. — Полное гимназическое образование для всего населения обоого пола, обязательное для всех и без всяких затрат со стороны государства, земства и народа, — такова моя огромная просветительная утопия!» (201). Добрый г. Южаков полагает, очевидно, что гвоздь этого вопроса заключается в «затратах»; на этой же странице он повторяет еще раз, что всенародное начальное образование требует затрат, а всенародное среднее образование по его «плану» никаких затрат не требует. Мало того, что план г-на Южакова не требует никаких затрат: он обещает гораздо большее, чем среднее образование для всего народа. Чтобы показать полный объем того, что обещает нам сотрудник «Р. Богатства», надо забежать

* Мы прекрасно чувствуем, что сотрудникам «Р. Богатства» очень и очень трудно понять аргумент такого характера. Оплть-таки, это зависит от непонимания ими не одних «учеников», но и «учителей».

Вот как доказывал, напр., один из «учителей», еще в 1845 году, пользу для английских рабочих от отмены хлебных законов. Эта отмена, — писал он, — превратит фермеров в «либералов, т. е. совнательных буржуа», а этот рост сознательности на одной стороне необходимо ведет к такому же росту сознания и другой стороны (*Fr. Engels. «The condition of the working class in England in 1844».* New York. 1886, p. 179) (Ф. Энгельс. «Положение рабочего класса в Англии в 1844 г.» Нью-Йорк. 1886, стр. 179.⁰⁷ Ред.). Отчего же это вы, гг. сотрудники «Р. Богатства», только расшаркиваетесь перед «учителями», а не изобличаете их в «пропаганде буржуазных идей?»

вперед и привести собственные торжествующие восклицания автора, когда он изложил уже весь свой план и любит им. План г-на Южакова состоит в том, что с гимназическим образованием соединяется производительный труд «гимназистов», которые сами содержат себя: «...Обработка участка земли... обеспечивает обильное, вкусное и здоровое продовольствие всего молодого поколения от рождения до окончания курса гимназии, а также продовольствие молодежи, отрабатывающей цену учения (об этом институте Южаковского Zukunftsstaat'a* подробнее ниже), и всего персонала администраторов, преподавателей и хозяев. При этом все они обеспечиваются и обувью, а также шитьем одежды. К тому же попутно получается с указанного участка около 20 тыс. рублей, именно 15 тыс. от излишков молока и ярового хлеба... и около 5 тыс. р. от продажи шкур, щетины, перьев и прочих побочных продуктов» (216). Подумайте только, читатель, содержание *всего* молодого поколения до окончания курса гимназии, т. е. до 21—25 лет (стр. 203)! Ведь это значит содержание *половины* всего населения страны**. Содержание и образование десятков миллионов населения, — да это уже настоящая «организация труда»! Очевидно, г. Южаков сильно рассердился на тех злых людей, которые утверждают, что народнические проекты «организации труда» — пустые фразы пустых говорунов, и решил совсем уничтожить этих злых людей обнародованием целого «плана» такой «организации труда», осуществляемой «без всяких затрат»... Но и это еще не все: «...По пути мы расширили задачу; мы взяли на ту же организацию содержание всего детского населения; мы озаботились обеспечить молодых людей серьезным для деревни приданым при выходе; мы нашли возможным определить на те же средства в каждую гимназию, т. е. в каждую волость, по врачу, ветеринару, ученому агроному, ученому садовнику, технологу и по шести мастеров; не менее (которые поднимут культуру и удовлетворят соответственные потребности всей местности)... И все эти задачи находят себе финансовое и экономическое

* — государства будущего. *Ред.*

** По возрастному составу населения России, по Буняковскому, на 1000 жителей приходится 485 в возрасте 0—20 лет и 576 в возрасте 0—25 лет.

разрешение при осуществлении нашего плана...»*. Как посрамлены будут теперь те злые языки, которые говорили, что знаменитое народническое «мы», это — «таинственный незнакомец», это — еврей с двумя ермолками и т. п.! Какая недостойная клевета! Отныне достаточно будет сослаться на «план» г-на Южакова, чтобы доказать всеислие этих «мы» и осуществимость «наших» проектов.

Может быть, у читателя явится сомнение по поводу этого слова: осуществимость? Может быть, читатель скажет, что, назвав свое творение утопией, г. Южаков тем самым отстранил вопрос об осуществимости? — Это было бы так, если бы г. Южаков не сделал сам в высшей степени существенных оговорок по поводу слова «утопия», если бы он не подчеркивал неоднократно во всем своем изложении осуществимости своего плана. «Я имею смелость думать, — заявляет он в самом начале статьи, — что такое всенародное среднее образование кажется утопией только с первого взгляда» (201)... Что же вам еще надо?.. «Я имею еще большую смелость утверждать, что такое образование для всего населения гораздо осуществимее всенародного начального образования, уже осуществленного однако Германией, Францией, Англией, Соедин. Штатами и весьма близкого к осуществлению и в некоторых губерниях России» (201). Г. Южаков до такой степени убежден в этой осуществимости своего плана (очевидно, после вышесказанного, что выражение «план» правильнее, чем утопия), что он не пренебрегает даже самыми мелкими «практическими удобствами» при разработке этого плана, нарочно оставляя, напр., систему двух гимназий, мужской и женской, из уважения к «предубеждению на континенте Европы против совместного обучения» обоих полов, — усиленно подчеркивая, что его план «дозволяет не нарушать установившиеся учебные планы мужских и женских гимназий, дает больше занятия, а, след., и вознаграждения преподавательскому персоналу»... «Все это имеет немаловажное значение при желании не ограничиться одним опытом, но достигнуть действительно всенародного образования» (205—206). Много было на свете утопистов, соперничавших заманчивостью, стройностью своих утопий, — но вряд ли

* Стр. 237. Оба многозначительные многоточия в этой тираде принадлежат г-ну Южакову. Мы не дерзнули бы пропустить здесь ни одной буквы.

найдется среди них хоть один, столь внимательный к «установившимся учебным планам» и к вознаграждению преподавательского персонала. Мы уверены, что потомство долго еще будет указывать на г-на Южакова, как на истинно практичного и истинно деловитого «утописта».

Очевидно, что при таких обещаниях автора его план всенародного обучения заслуживает самого внимательного разбора.

IV

Принцип, из которого исходит г. Южаков, состоит в том, что гимназия должна быть вместе с тем и земледельческим хозяйством, должна летним трудом своих учеников обеспечить собственное существование. Такова основная мысль его плана. «В том, что эта мысль правильна, сомневаться едва ли возможно» (237), — полагает г. Южаков. И мы согласны с ним, что тут есть действительно правильная мысль, которую нельзя только припутывать ни непременно к «гимназиям», ни к возможности «окупить» гимназии трудом учеников. Эта правильная мысль заключается в том, что нельзя себе представить идеала будущего общества без соединения обучения с производительным трудом молодого поколения: ни обучение и образование без производительного труда, ни производительный труд без параллельного обучения и образования не могли бы быть поставлены на ту высоту, которая требуется современным уровнем техники и состоянием научного знания. Эту мысль высказали еще старые великие утописты; ее вполне разделяют и «ученики», которые именно по этой причине, между прочими, не встают принципиально против промышленного труда женщин и подростков, считают реакционными попытки запретить совершенно этот труд и настаивают лишь на постановке его в условия вполне гигиенические. Напрасно поэтому выражается г. Южаков таким образом: «Я хотел только дать мысль» (237)... Мысль эта давно дана, и мы не решаемся допустить (пока не доказано противное), чтобы г. Южаков мог быть незнаком с нею. Сотрудник «Рус. Богатства» хотел дать и дал совершенно самостоятельный план осуществления этой мысли. Только в этом отношении его следует признать оригинальным, но зато уже тут оригинальность его доходит до... до геркулесовых столбов.

Для того, чтобы соединить всеобщий производительный труд с всеобщим обучением, необходимо, очевидно, возложить на *всех* обязанность принимать участие в производительном труде. Казалось бы, что это само собою ясно? — Оказывается, однако, что нет. Наш «народник» решает этот вопрос так, что обязанность физического труда действительно должна быть установлена как общий принцип, *но вовсе не для всех, а только для несостоятельных.*

Читатель подумает, может быть, что мы шутим? Ей-богу, нет.

«Чисто городские гимназии для состоятельных людей, готовых деньгами оплатить полную цену образования, могли бы удержать нынешний тип» (229). На стр. 231-ой «состоятельные» вообще прямо включены в число тех «категорий населения», которые не привлекаются к обязательному образованию в «земледельческих гимназиях». Обязательный производительный труд является, следовательно, у нашего народника не условием всеобщего и всестороннего человеческого развития, а просто платой за обучение в гимназии. Именно так. В самом начале своей статьи г. Южаков рассматривает вопрос о зимних рабочих, необходимых для земледельческой гимназии. Всего «логичнее» кажется ему такой способ обеспечения гимназии зимними рабочими. Ученики младших классов не работают и, следовательно, безвозмездно пользуются содержанием и учением, не платя ничего за затраты на это со стороны гимназии. «Если же это так, то не является ли его прямою обязанностью отработать эти затраты по окончании курса? Эта обязанность, тщательно соображенная и твердо установленная для всякого, *кто не может уплатить стоимость учения*, доставит гимназическому хозяйству необходимый контингент зимних рабочих и дополнительный контингент летних... Теоретически это очень просто, удобопонятно и вполне неоспоримо» (205, курсив наш). Помилуйте, что может быть «проще» этого? Есть деньги, так заплати, а нет денег, так работай! — всякий лавочник согласится, что это в высшей степени «удобопонятно». И притом, как это замечательно практично! — Только... только при чем же тут «утопия»? И зачем пачкает г. Южаков подобными планами ту великую основную мысль, которую он хотел положить в основу своей утопии?

Отработки несостоятельных учеников — основание всего плана г-на Южакова. Он допускает, правда, и другой способ приобретения зимних рабочих — наем*, но отодвигает его на второй план. Отработки же обязательны на три года (а в случае надобности и на четыре) для всех, не поступающих в военную службу, т. е. для $\frac{2}{3}$ учеников и для всех девушек. «Только эта система, — прямо заявляет г. Южаков, — дает ключ к разрешению задачи всенародного образования, и не начального даже, а среднего» (207—208). «Небольшой контингент постоянных рабочих, совсем оставшихся при гимназии и к ней приобщившихся (!?), дополняет эти рабочие силы гимназического хозяйства. Таковы возможные и отнюдь не утопические рабочие силы нашей земледельческой гимназии» (208). Ну, разумеется, и другие работы — мало ли по хозяйству? — они же сделают: «Дополнительный персонал при поварах и прачках, а равно писмоводители легко могут быть выбраны из состава трехгодичных рабочих, окончивших гимназию» (209). Гимназии нужны будут и мастера: портные, сапожники, столяры и пр. Конечно, можно будет «давать им помощников из отбывающих трехгодичную отработку» (210).

Что же будут получать за свой труд эти батраки (или земледельческие гимназисты? не знаю уж право, как и назвать их)? Они будут получать все необходимое для жизни, «обильное и вкусное пропитание». Г. Южаков точно рассчитывает все это, кладя нормы продуктов, «обыкновенно отпускаемых сельскому рабочему». Правда, он «не предполагает кормить гимназию таким способом» (210), но все-таки оставляет эти нормы, ибо ведь гимназисты соберут еще со своей земли картофеля, гороха, чечевицы, посеют себе коноплю и подсолнечника для постного масла, затем будут получать мяса в скромные дни по полуфунту и молока по 2 стакана. Не думайте, читатель, чтоб г. Южаков это лишь слегка затронул, лишь для примера перечислил. Нет, он все рассчитал

* «Гимназическое хозяйство, руководимое опытным и ученым хозяином, снабженное всеми усовершенствованиями и обладающее контингентом искусных образованных рабочих, должно быть доходным хозяйством и должно оправдать наем необходимого контингента рабочих, из которых некоторые заслуженные (sic) (так! Ред.) могли бы приобщаться к доходам. В некотором числе, вероятно, и пришлось бы это практиковать, особенно относительно безземельных, окончивших курс в этой же гимназии» (204).

подробно — и количество телят, годовалых и двухлеток, и содержание больных, и корм для птиц. Он не забыл ни помоев с кухни, ни требухи, ни шелухи от овощей (212). У него ничего не пропущено. Затем одежду и обувь можно в гимназии сделать собственными средствами. «Но бумажной материи для белья носильного, постельного и столового и для летней одежды, более плотной материи для зимнего платья и мех, хотя бы овечий, для верхнего зимнего платья нужно, конечно, купить. Конечно, весь персонал педагогов и служащих с семьями сам себя должен обеспечивать материалом, хотя и можно предоставить пользоваться мастерскими. Собственно же для учащихся и для 3-годовых рабочих этот расход, не скупясь, можно определить рублей в 50 в год или около 60 000 руб. на все заведение ежегодно» (213).

Мы положительно начинаем умиляться от практичности нашего народника. Представьте только себе: «мы», «общество», вводим такую грандиозную организацию труда, даем народу всеобщее среднее образование, и все это без всяких затрат, и с какими громадными моральными приобретениями! Какой прекрасный урок будет дан «нашим» теперешним сельским рабочим, которые при всей своей свежественности, дерзости и дикости не соглашались работать дешевле 61 рубля в год на хозяйском содержании*, — когда они увидят, как образованные батраки из гимназии будут работать за 50 рублей в год! Можно быть уверенным, что даже сама Коробочка согласится теперь с г. Южаковым, что теоретические основания его плана чрезвычайно «удобопонятны».

•

Как же будет вестись хозяйство гимназий и управление ими? Хозяйство будет, как мы уже видели, смешанное: отчасти натуральное, отчасти денежное. Г. Южаков дает, разумеется, весьма подробные указания по этому важному вопросу. На стр. 216-ой он с точностью, по статьям, рассчитывает, что каждой гимназии понадобится денег 160—170 тыс. р., так что для всех 15—20 тысяч гимназий —

* По данным департамента земледелия и сельской промышленности, средняя для Курляндской России заработная плата годовому сельскому рабочему составляла 61 р. 29 к. (за 10 лет 1881—1891), да содержание — 46 рублей.

эдак до трех миллиардов рублей. Ну, разумеется, продавать будут земледельческие продукты и за них деньги выручать. Наш автор так предусмотрителен, что принимает при этом во внимание общие условия современного товарно-капиталистического хозяйства: «Гимназии, расположенные под городом или вблизи жел.-дор. станций, на линиях, не удаленных от крупных центров, должны бы получить совершенно другой тип. Огородничество, садоводство, молочное хозяйство и ремесла здесь могут вполне заменить полеводство» (228). Торговля, значит, будет уже не шуточная. Кто будет сю заниматься — автор не сообщает. Надо полагать, что педагогические советы гимназий сделаются отчасти и коммерческими советами. — Скептики, пожалуй, пожелали бы знать, как быть в случаях банкротства гимназий и сумеют ли вообще вести они торговое дело? — Но, разумеется, это были бы неосновательные придирки: если теперь необразованные купцы ведут торговлю, то можно ли сомневаться в успехе, когда за это дело возьмутся представители нашего интеллигентного общества?

Для хозяйства гимназиям понадобится, натурально, земля. Г. Южаков пишет: «Думаю..., что если бы этой мысли суждено было получить практическое испытание, то для опыта первые такие земледельческие гимназии должны бы были получить надел от 6 до 7 тыс. дес.» (228). На 109 млн. населения — 20 000 гимназий — потребовалось бы ок. 100 млн. десятин, но ведь не надо забывать, что земледельческим трудом заняты лишь 80 млн. «Только их дети и должны быть проводимы чрез земледельческие гимназии».

А потом еще ок. 8 млн. надо выкинуть на разные категории населения*, — останется 72 млн. Для них надо только 60—72 млн. дес. «И это, конечно, много» (231),

* Вот полный список этих категорий счастливых, освобождаемых от земледельческих гимназий: «состоятельные, исправляемые, магометанские девочки, мелкие инородцы, фанатические сектанты, слепые, глухонемые, идиоты, сумасшедшие, хроничи, заразные, преступники» (231). Когда мы прочли этот список, наше сердце болезненно сжалось: господа, подумали мы, удастся ли хоть присных своих зачислить в число освобожденных! — По первой категории? — финансов, пожалуй, нехватит! Ну, еще женский пол авось удастся хитростью причислить к магометанским девочкам, а мужской-то как? Одна надежда на 3-ью категорию. Сотрудник г-на Южанова по журналу, г. Михайловский, зачислил уже, как известно, П. Б. Струве просто к инородцам, так авось уж он и нас всех соблаговолит зачислить хоть к «мелким инородцам» для освобождения наших присных от земледельческих гимназий!

но г. Южаков не смущается. У казны ведь тоже много земли, только расположенной не совсем удобно. «Так, в северном Полесье их расположено 127,6 млн. дес., и здесь, особенно усвоив систему обмена, где нужно, частных и даже крестьянских земель на казенные, с целью предоставить первые школам, вероятно, было бы не трудно даром обеспечить землю наши земледельческие гимназии. Так же хорошо обстоит дело... на юго-востоке (231). Гм... «хорошо!» отправить их, значит, в Архангельскую губернию — Правда, до сих пор она служила больше местом ссылки, и казенные леса там в громадном большинстве даже не «устроены», — но это ничего не значит. Как только отправят туда гимназистов с просвещенными преподавателями, они все эти леса вырубят, землю расчистят и насадят культуру!

А в центральной области можно устроить выкуп земли: не больше ведь миллионов 80-ти десятин. Выпустить «гарантированные облигации», а платежи по ним, само собою разумеется, разложить «на гимназии, получившие даровой надел» (232) — и дело в шляпе! Г. Южаков уверяет, что нечего пугаться «грандиозности финансовой операции. Она не представляется химерою и утопией» (232). Это будет «в сущности отлично обеспеченная ипотека». Чего уж не обеспеченная! Только еще раз при чем же тут «утопия»? И неужели г. Южаков серьезно считает наших крестьян настолько уж забитыми и неразвитыми, чтобы получить от них согласие на подобный план?? И выкупные платежи извольте платить за землю, и «платежи по займу для первоначального обзаведения»*, и содержать извольте всю гимназию, и жалованье платите всем преподавателям, а в довершение всего извольте-ка еще за все это (т. е. за то, что за плату наняли преподавателей?) отработать по три годика! Не слишком ли уж жирно будет, просвещенный г. «народник»? Подумали ли вы, перепечатавая в 1897 году свое творение, появившееся в журнале «Р. Богатство» в 1895 году, — куда заводит вас свойственная всем народникам любовь к разным финансовым операциям и выкупам? Вспомните, читатель, что было обещано всенародное образование «без всяких затрат со стороны государства, земства и народа». И наш

* Стр. 216. 10000 р. с гимназии.

гениальный финансист, действительно, ни рубля не требует ни от государства, ни от земства. А от «народа»? Или, точнее говоря, от *несостоятельных крестьян*?* На их деньги и земля покупается, и гимназии заводятся (ибо они платят проценты и погашения по употребленным на это капиталам), они же и преподавателям платят и все гимназии содержат. И еще отработки. Да за что же? — За то, — отвечает неумолимый финансист, — что в младших классах гимназисты за свое образование и содержание не платили (204). Но, во-1-х, к нерабочим возрастам отнесены только «приготовительные и два первых гимназических класса» (206), а дальше уже идут полурабочие. А, во-2-х, ведь содержат этих детей их же старшие братья, они же и преподавателям платят за обучение младших. Нет, г. Южаков, не только теперь, но и в аракчеевские времена подобный план был бы совершенно *неосуществим*, ибо это действительно «утопия» *крепостническая*.

Что касается до управления гимназиями, то г. Южаков дает об этом очень мало сведений. Преподавательский персонал он, правда, с точностью перечислил и назначил всем им жалованье «сравнительно невысокое» (ибо готовая квартира, содержание детей, «половина расхода на одежду») — вы думаете, может быть, по 50 руб. в год? Нет, несколько побольше: «директору, директрисе и главному агроному по 2 400, инспектору» и т. д. по чину глядя, спускаясь по иерархической лестнице до 200 рублей низшим служащим (214). Как видите, недурная карьера для тех представителей просвещенного общества, которые «предпочли» платную городскую школу земледельческой гимназии! Обратите внимание на эту «половину расхода на одежду», обеспеченную гг. преподавателям: по плану нашего народника, они будут пользоваться мастерскими (как мы уже видели), т. е. отдавать «гимназистам» чинить и шить себе платье. Не правда ли, как заботлив г. Южаков... о гг. преподавателях? Впрочем, он и о «гимназистах» заботится, — так, как добрый хозяин заботится о скотине: ее надо накормить, напоить, поместить и... и случить. Не угодно ли:

* Ибо состоятельные ведь исключаются. Г. Южаков сам подозревает, что «из числа и сельскохозяйственных населений некоторый процент предпочтет отдавать своих детей в платные городские средние школы» (230). Еще бы не предпочесть!

«Если... будут разрешены браки между окончившими курс и оставшимися на три года при гимназии молодыми людьми..., то такое 3-хлетнее пребывание при гимназии будет далеко менее обременительно воинской повинности» (207). «Если будут разрешены браки»!! Значит, могут и не разрешить? Но ведь для этого нужен новый закон, почтенный г. прогрессист, закон, *ограничивающий* гражданские права *крестьян*. Можно ли однако удивляться подобной «обмолвке» (?) г-на Южакова, если он во всей своей «утопии», среди подробнейшего разбора вопросов о жалованьи преподавателей, об отработках гимназистов и т. п., и не вспомнил ни разу, что не грех бы — в «утопии»-то по крайней мере — предоставить некоторые права по управлению «гимназией» и по ведению хозяйства самим «ученикам», которые ведь сами содержат все заведение и кончают ее 23—25 лет, что ведь это не только «гимназисты», но и *граждане*. Об этой мелочи совсем забыл наш народник! Зато вот вопрос об «учениках» дурного поведения он разработал тщательно. «Четвертый тип (гимназий) надо было бы создать для учащихся, удаляемых из обыкновенных гимназий за дурное поведение. Обязывая все молодое поколение пройти курс среднего образования, было бы нерационально освободить от него за дурное поведение. Для старших классов это могло бы явиться соблазном и поощрением к дурному поведению. (Ей-богу, так и напечатано, на стр. 229!!) Учреждение особых гимназий для удаленных за дурное поведение явилось бы логическим дополнением всей системы». Они назывались бы «исправительные гимназии» (230).

Не правда ли, как бесподобна эта «просветительная утопия» в русском вкусе с исправительными гимназиями для тех злодеев, которые пожалуй «соблазнились» бы перспективой «освободиться»... от просвещения!?

VI

Читатели не вабыли, быть может, один проект руководства промышленностью, справедливо охарактеризованный как возрождение меркантилизма, как проект «буржуазно-бюрократически-социалистической организации отечественной промышленности» (стр. 238). Для характеристики «плана» г-на Южакова приходится употребить

еще более сложный термин. Приходится назвать этот план *крепостнически-бюрократически-буржуазно-социалистическим* экспериментом. Довольно-таки неуклюжий 4-этажный термин, а что прикажете делать? И план-то ведь неуклюжий. Зато этот термин *точно* передает все характерные черты «утопии» г-на Южакова. Начнем разбор с 4-го этажа. «Один из основных признаков *научного* понятия социализма — планомерное регулирование общественного производства» — справедливо говорит цитированный сейчас автор*. В «утопии» есть этот признак, ибо хозяйство десятков миллионов рабочих организуется наперед по одному общему плану. Буржуазный характер утопии не подлежит сомнению: во-1-х, средняя школа по «плану» г-на Южакова *остается классовой школой*. И это после всех тех пышных фраз, которые извергал г. Южаков «против» классовой школы в своей первой статье!! Для состоятельных — одна школа, для несостоятельных — другая; есть деньги — плати за учение, а нет — так работай. Мало того: для состоятельных оставлен, как мы видели, «нынешний тип». В нынешних средних школах, напр., м-ва нар. просв., плата за учение покрывает лишь 28,7% всей суммы расходов, 40,0% — дает казна; 21,8% — пособия от лиц, учреждений и обществ; 3,1% — проценты с капитала и 6,4% — прочие источники («Производительные силы», отд. XIX, с. 35). След., г. Южаков *еще усилил против нынешнего* классовый характер средней школы: по его «плану» состоятельные люди будут оплачивать лишь 28,7% стоимости своего учения, а несостоятельные — *всю* стоимость своего учения, да еще отработки в придачу! Недурно для «народнической» утопии? Во-2-х, в плане предположен наем гимназией зимних рабочих — особенно из безземельных крестьян. Во-3-х, оставлена противоположность между городом и деревней — это основание общественного разделения труда. Раз г. Южаков вводит планомерную организацию общественного труда, раз он пишет «утопию» о соединении обучения с производительным трудом, — сохранение этой противоположности есть абсурд, показывающий, что наш автор понятия не имеет о том предмете, который берется рассматривать. Не только «учителя» теперешних

* «Новое Слово». Апрель 1897 г. Внутреннее обозрение.

учеников писали против этого абсурда, но и старые утописты, и даже наш русский великий утопист⁹⁸. Г-ну Южакову до этого дела нет! В-4-х, — и это самое глубокое основание, чтобы назвать «утопию» буржуазной, — в ней оставлено *рядом* с попыткой планомерной организации общественного производства и товарное производство. Гимназии производят продукты *на рынок*. Следовательно, общественным производством будут управлять законы рынка, которым должны будут подчиняться и «гимназии»! Г-ну Южакову до этого дела нет! И с чего вы взяли — скажет он, пожалуй, — что управлять производством будут какие-то законы рынка? Пустяки все это! Управлять производством будут не законы рынка, а распоряжения гг. директоров земледельческих гимназий. *Voilà tout**. — О чисто бюрократическом устройстве утопических гимназий г-на Южакова мы уже говорили. «Просветительная Утопия», позволительно надеяться, сослужит полезную службу для читающей русской публики, показывая ей, насколько глубоко «демократизм» современных народников. — Крепостнической чертой в «плане» г-на Южакова являются отработки несостоятельных за учение. Если бы проект подобного рода писал последовательный буржуа, то у него ни 1-го, ни 2-го этажа не было бы, и проект был бы неизмеримо выше и неизмеримо полезнее подобной народнической утопии. Отработки — хозяйственная сущность крепостного строя. В капиталистическом строе несостоятельный человек должен продать свою рабочую силу, чтобы купить средства к жизни. В крепостном строе несостоятельный должен отработать те средства к жизни, которые он получил от помещика. Отработки необходимо требуют принуждения к работе, неполноправности отработчика, того, что автор «Капитала» назвал «*ausserökonomischer Zwang*»** (III, 2, 324). Поэтому и в России, поскольку сохранились и сохраняются отработки — необходимым дополнением их является гражданская неполноправность крестьянина, прикрепление к земле, телесные наказания, право отдачи в работу. Г. Южаков этой связи между отработками и неполноправностью не понимает, но чутье «практичного» человека подсказало ему, что при отработках гимназистов не мешает ввести исправительные

* — Вот и все. *Ред.*

** — внеэкономическое принуждение. *Ред.*

гимназии для тех, кто дерзнул бы уклониться от просвещения; что великовозрастные «гимназисты»-рабочие должны остаться на положении мальчишек-учеников.

И спрашивается, зачем понадобились нашему утописту три первых этажа его творения? Оставил бы один четвертый этаж, — тогда никто не мог бы возразить ни единого слова, ибо человек сам же прямо и наперед сказал, что лишет «утопию»! Но вот тут-то его Kleinbürger'ская природа и выдала. С одной стороны, и «утопия» — хорошая вещь, а с другой стороны, и преподавательские гонорары для госпожи интеллигенции — тоже недурная вещь. С одной стороны — «без всяких затрат для народа», а с другой стороны — нет, ты, братец мой, процентики-то да погашение целиком уплати, да вот еще отработай три годика. С одной стороны — напыщенные декламации об опасности и вреде классового дробления, а с другой стороны — чисто классовая «утопия». В этих вечных колебаниях между старым и новым, в этих курьезных претензиях перепрыгнуть через собственную голову, т. е. стать выше всяких классов, и состоит сущность всякого Kleinbürger'ского мирозерцания.

* * *

Знакомы ли вы, читатель, с произведением г-на Сергея Шарапова: «Русский сельский хозяин. Несколько мыслей об устройстве хозяйства в России на новых началах» (Бесплатное приложение к журналу «Север» за 1894 г.), СПб 1894 г.? Сотрудникам «Р. Богатства» вообще и г-ну Южакову в частности мы бы очень рекомендовали познакомиться с ней. Первая глава ее озаглавлена: «Нравственные условия русского хозяйства». Автор разжевывает здесь очень близко стоящие к «народничеству» идеи о коренном отличии России от Запада, о преобладании на Западе голого коммерческого расчета, об отсутствии всяких нравственных вопросов для тамошних хозяев и рабочих. Наоборот, в России благодаря наделению крестьян землею в 1861 г. «для их существования определалась совсем иная цель, чем на Западе» (8). «У нашего крестьянина, получившего землю, явилась самостоятельная цель бытия». Ну, одним словом, было санкционировано народное производство, — как выразился гораздо

рельефнее г. Николай — он. Помещик у нас, — продолжает развивать свою мысль г. Шарапов, — заинтересован в благосостоянии крестьянина, ибо этот же крестьянин своим инвентарем обрабатывает помещичьи земли. «В его (помещика) расчеты, кроме соображений частной выгоды предприятия, входит и элемент нравственный, вернее психологический» (12. Курсив автора). И г. Шарапов с пафосом (который не уступил бы пафосу г-на Южакова) говорит о невозможности у нас капитализма. У нас возможен и нужен вместо капитализма «союз барина и мужика» (заглавие II-й главы книги г. Шарапова). «Хозяйство должно быть построено на тесной солидарности барина и мужика» (25): барин должен насаждать культуру, а мужик... ну, мужик, конечно, должен работать! И вот он, г. Сергей Шарапов, «после долгих и мучительных ошибок», осуществил наконец в своем имении «упомянутое единение барина и мужика» (26). Он ввел рациональный севооборот и пр. и пр., а с крестьянами заключил такой договор: крестьяне получают от помещика луга, выгон и пашню плюс семена на столько-то десятин и т. п. Обязуются же крестьяне сделать все работы по хозяйству помещика (вывести навоз, рассыпать фосфорит, вспахать, посеять, убрать, свезти в «мой амбар», обмолотить и пр. и пр. столько-то десятин каждого хлеба) и затем еще уплатить сначала 600 р., затем 800, 850, 1 100, наконец 1 200 рублей (т. е. прибавка ежегодно). Платеж этих денег рассрочен... применительно к взносам процентов в Дворянский банк (36 и сл.). Автор, само собою разумеется, «убежденный сторонник сельской общины» (37). Мы говорим: «разумеется», ибо при отсутствии законов о прикреплении крестьян к наделу и о сословной замкнутости крестьянской общины подобные типы хозяйства были бы невозможны. Обеспечение платежей от крестьян состоит у г-на Шарапова «в неразрешении без своего участия продажи готовых продуктов, вследствие чего является неизбежным ссыпать и складывать все это в своем амбаре» (36). Так как платежи от бедноты было бы крайне трудно получать, то г. Шарапов устроил так, что он получает их от богатых крестьян: эти богатые крестьяне сами подбирают себе группу слабосильных, становятся во главе этой артели (38) и вносят помещику деньги беспрекословно, потому что с бедняка они всегда получают при продаже

продуктов (39). «Для многих бедняков, особенно мало-семейных, очень тяжело работать мою работу. Им приходится очень и очень напрягаться, но уклониться нельзя, крестьяне не примут в стадо скота уклонившегося домохозяина. Я тоже не приму, этим меня обязывают крестьяне, и бедняк волей-неволей работает. Это, конечно, насилие своего рода, но знаете, что получается в результате? Год или два аренды — и у бедняка казенные недоимки заплачены, вещи из заклада выкуплены, являются свободные деньжонки, перестраивается хата... гляды! уж он вышел из бедности» (39). И г. Шарапов «с гордостью указывает», что «его» крестьяне (он не раз говорит «мои крестьяне») процветают, что он насаждает культуру, вводит и клевер, и фосфорит, и т. п., тогда «как крестьяне сами ничего не сделают» (35). «Все работы должны при этом производиться по моему распоряжению и указанию. Я выбираю дни посева, вывозки навоза, покоса. Все лето у нас почти восстанавливается крепостное право, кроме, конечно, зуботычин и экзекуций на конюшне» (стр. 29).

Как видите, прямодушный хозяин г. Шарапов немножко откровеннее, чем просвещенный публицист г. Южаков. А велика ли разница между типами хозяйства в имении первого и в утопии второго? И там, и здесь вся суть в отработках; и там, и здесь мы видим — *принуждение* либо давлением распоряжающихся «общинной» богатеев, либо угрозой отдать в исправительную гимназию. — Читатель возразит, что г. Шарапов хозяйничает ради выгоды, а чиновники в утопии г-на Южакова хозяйничают из рвения к общему благу? — Извините. Г. Шарапов прямо говорит, что он хозяйничает из нравственных мотивов, что он отдает половину дохода крестьянам и т. д. — и мы не имеем ни права, ни основания верить ему меньше, чем г-ну Южакову, который ведь тоже обеспечил своих утопических преподавателей вовсе не утопическим «доходным местом». А если иной помещик последует совету г-на Южакова и отдаст свою землю под земледельческую гимназию, получая с «гимназистов» проценты для платежа в Дворянский банк — («отлично обеспеченная ипотека», по словам самого г-на Южакова), — то разница совсем почти исчезнет. Остается, конечно, громадная разница в «вопросах просвещения», но скажите, бога

ради, неужели и г. Сергей Шарапов не предпочел бы нанимать образованных батраков за 50 руб., чем необразованных за 60 руб.?

И вот, если г. Мануилов и теперь не понимает, почему русские (да и не одни русские) ученики считают необходимым, в интересах труда, поддерживать последовательных буржуа и последовательные буржуазные идеи *против* тех остатков старины, которые порождают хозяйства господ Шараровых и «утопии» господ Южаковых, — тогда, признаемся, нам трудно даже объясняться с ним, ибо мы говорим, очевидно, на разных языках. Г. Мануилов рассуждает, должно быть, по знаменитому рецепту знаменитого г-на Михайловского: надо взять хорошее и оттуда и отсюда, — наподобие того, как гоголевская невеста хотела взять нос одного жениха и приставить к подбородку другого. А нам кажется, что подобное рассуждение есть лишь комичная претензия Kleinbürger'a подняться выше определенных классов, вполне сложившихся в нашей действительности и занявших вполне определенное место в процессе исторического развития, происходящем перед нашими глазами. «Утопии», естественно и неизбежно вырастающие из подобного рассуждения, уже не комичны, а вредны, особенно когда они ведут к донельзя разнузданным бюрократическим измышлениям. В России такое явление наблюдается, по вполне понятным причинам, особенно часто, но оно не ограничивается Россией. Недаром Антонио Лабриола в своей превосходной книге: «*Essais sur la conception matérialiste de l'histoire*» (Paris, Giard et Brière, 1897)* говорит, имея в виду Пруссию, что к тем вредным формам утопий, с которыми боролись полвека тому назад «учителя», присоединилась теперь еще одна: «утопия бюрократическая и фискальная, утопия кретинов» (*l'utopie bureaucratique et fiscale, l'utopie des crétins. Page 105, note.*)

VII

В заключение вернемся еще раз к вопросам просвещения, — но не к книге г-на Южакова, носящей это заглавие. Было уже замечено, что заглавие это слишком

* — «Очерки материалистического понимания истории» (Париж, изд. Жиара и Бриера, 1897). *Ред.*

широко, ибо вопросы просвещения вовсе не покрываются вопросами школы, просвещение вовсе не ограничивается школой. Если бы г. Южаков действительно ставил «вопросы просвещения» принципиально и разбирая отношения между различными классами, то он не мог бы обойти вопроса о роли капиталистического развития России в вопросе просвещения трудящихся масс. Этот вопрос затронул другой сотрудник «Рус. Богатства», г. Михайловский, в № 11 за 1897 г. По поводу слов г. Novus'a⁹⁹, что Маркс не боялся, и с полным правом не боялся, писать об «идиотизме деревенской жизни»¹⁰⁰, и видел заслугу капитализма и буржуазии в «разрушении этого идиотизма», г. Михайловский пишет:

«Я не знаю, где именно у Маркса написаны эти грубые (?) слова»... Характерное признание в незнакомстве с одним из важнейших произведений Маркса (именно «Манифестом»)! Но еще характернее дальнейшее: «...но давно известно, что если Александр Македонский был великий герой, то стульев все-таки ломать не следует. Маркс был вообще неразборчив в выражениях, и, конечно, подражать ему в этом отношении, по малой мере, не умно. Но и то я уверен (слушайте!), что приведенное выражение у Маркса простая бутада. И если поколение, вместе с г. Златовратским мучившееся над сложными вопросами деревенской жизни, приняло много напрасного горя, то горе — хотя и иное — и тому поколению, которое воспитается на презрительном отношении к «идиотизму деревенской жизни»... (стр. 139).

В высшей степени характерно для г-на Михайловского, объявлявшего не раз, что он согласен с экономической доктриной Маркса, полное непонимание этой доктрины, позволяющее ему «уверенно» заявлять, что цитированные Novus'ом слова Маркса — результат простого увлечения, простой неразборчивости в выражениях, простая бутада! Нет, г. Михайловский, вы жестоко ошибаетесь. Эти слова Маркса — не бутада, а выражение одной из самых основных и самых важных черт всего его миросозерцания, и теоретического и практического. В этих словах ясно выражено признание *прогрессивности* того процесса отвлечения населения от земледелия к промышленности, от деревень к городам, который служит одним из характернейших признаков капиталистического развития,

который наблюдается и на Западе, и в России. В статье: «К характеристике экономического романтизма» я говорил уже о том, какое важное значение имеет это воззрение Маркса, принятое всеми «учениками», как резко противоречит оно всем и всяческим романтическим теориям, начиная от старика Сисмонди и кончая г-ном Н. — оном. Там же было указано (стр. 39¹⁰¹), что это воззрение вполне определенно выражено Марксом и в «Капитале» (I Band, 2-te Aufl., S. 527—528*), а также Энгельсом в сочинении: «Положение рабочего класса в Англии». Можно добавить сюда и сочинение Маркса: «Der Achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte» (Hamb. 1885. Cf. S. 98**)***. Оба эти писателя так подробно изложили свои взгляды по данному вопросу, так часто повторяли их по самым различным поводам, что только человеку, совершенно незнакомому с их учением, могла придти в голову идея объявить слово «идиотизм» в приведенной цитате просто «грубостью» и «бутадой». Наконец, г. Михайловский мог бы вспомнить также и тот факт, что все последователи этих писателей высказывались всегда по целому ряду практических вопросов в духе этого учения, защищая, напр., полную свободу передвижения, восставая против проектов наделить рабочего кусочком земли или собственным домиком и т. п.

Далее г. Михайловский в выписанной тираде обвиняет Novus'a и его единомышленников в том, что они будто бы воспитывают современное поколение «на презрительном отношении к идиотизму деревенской жизни». *Это неправда.* «Ученики» заслуживали бы, конечно, порицания, если бы «презрительно» относились к задавленному нуждой и темнотой жителю деревни, но ни у одного из них г. Михайловский не мог бы доказать подобного

* — I том, 2-ое изд., стр. 527—528. ¹⁰² *Ред.*

** — «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (Гамбург. 1885. Ср. стр. 98)¹⁰³. *Ред.*

*** Г. Novus, конечно, не предполагал, что г. Михайловский настолько незнаком с сочинениями Маркса, а то бы он процитировал всю фразу последнего: Die Bourgeoisie hat das Land der Herrschaft der Stadt unterworfen. Sie hat enorme Städte geschaffen, sie hat die Zahl der städtischen Bevölkerung gegenüber der ländlichen in hohem Grade vermehrt und so einen bedeutenden Theil der Bevölkerung dem Idiotismus des Landlebens entrissen. (Буржуазия подчинила деревню господству города. Она создала огромные города, в высокой степени увеличила численность городского населения по сравнению с сельским и вырвала таким образом значительную часть населения из идиотизма деревенской жизни. — «Манифест коммунистической партии». *Ред.*)

отношения. Говоря об «идиотизме деревенской жизни», ученики в то же время показывают, какой выход из этого положения открывает развитие капитализма. Повторим сказанное выше в статье об экономическом романтизме: «Если преобладание города необходимо, то только привлечение населения в города может парализовать (и действительно, как доказывает история, парализует) односторонний характер этого преобладания. Если город выделяет себя необходимо в привилегированное положение, то только приток деревенского населения в города, только это смешение и слияние земледельческого и неземледельческого населения может поднять сельское население из его беспомощности. Поэтому в ответ на реакционные жалобы и сетования романтиков новейшая теория указывает на то, как именно это сближение условий жизни земледельческого и неземледельческого населения создает условия для устранения противоположности между городом и деревней»*.

Это вовсе не презрительное отношение к «идиотизму деревенской жизни», а желание найти выход из него. Из таких воззрений следует только «презрительное отношение» к тем учениям, которые предлагают «искать путей для отечества» — вместо того, чтобы искать выхода в *данном* пути и его дальнейшем ходе.

Различие между народниками и «учениками» по вопросу о значении процесса отвлечения населения от земледелия к промышленности состоит не только в принципиальном теоретическом разногласии и в различной оценке фактов русской истории и действительности, но и в разрешении *практических вопросов*, связанных с этим процессом. «Ученики», естественно, настаивают на необходимости отмены всех устаревших стеснений передвижения и переселения крестьян из деревень в города, а народники либо прямо защищают эти стеснения, либо осторожно обходят вопрос об них (что на практике сводится к такой же защите). Г. Мануилов мог бы и на этом примере уяснить себе то удивительное для него обстоятельство, что «ученики» выражают солидарность с представителями буржуазии. Последовательный буржуа всегда будет стоять за отмену указанных стеснений передвижения, а для рабочего —

* См. настоящий том, стр. 208. *Ред.*

этой отмены требует самый насущный интерес его. Следовательно, солидарность между ними вполне естественна и неизбежна. Наоборот, аграриям (крупным и мелким, до хозяйственных мужичков включительно) невыгоден этот процесс отвлечения населения к промышленности, и они усердно стараются задержать его, споспешествуемые теориями гг. народников.

Заключаем: по крупнейшему вопросу об отвлечении капитализмом населения от земледелия г. Михайловский выказал полное непонимание учений Маркса, а соответствующее разногласие русских «учеников» и народников как по теоретическим, так и по практическим пунктам он обошел ничего не говорящими фразами.

**ОТ КАКОГО НАСЛЕДСТВА
МЫ ОТКАЗЫВАЕМСЯ?¹⁰⁴**

Написано в ссылке в конце 1897 г.

*Впервые напечатано в 1898 г.
в сборнике: Владимир Ильин —
«Экономические этюды и статьи»*

Печатается по тексту сборника

В № 10 «Русского Богатства» за 1897 год г. Михайловский пишет, пересказывая отзыв г-на Минского о «диалектических материалистах»: «ему (г-ну Минскому) должно быть известно, что эти люди не желают состоять ни в какой преемственной связи с прошлым и решительно отказываются от наследства» (стр. 179), т. е. от «наследства 60—70-х годов», от которого торжественно отказывался в 1891 г. г-н В. Розанов в «Московских Ведомостях» (стр. 178).

В этом отзыве г-на Михайловского о «русских учениках» масса фальши. Правда, г. Михайловский — не единственный и не самостоятельный автор этой фальши об «отказе русских учеников от наследства», — ее повторяют уже давно чуть ли не все представители либерально-народнической прессы, воюя против «учеников». В начале своей яркой войны с «учениками» г. Михайловский, сколько помнится, еще не додумался до этой фальши, и ее раньше него придумали другие. Потом он счел нужным подхватить и ее. Чем дальше развивали свои воззрения в русской литературе «ученики», чем подробнее и обстоятельнее высказывались они по целому ряду и теоретических, и практических вопросов, — тем реже можно было встретить во враждебной прессе возражение по существу против основных пунктов нового направления, против взгляда на прогрессивность русского капитализма, на вздорность народнической идеализации мелкого производителя, на необходимость искать объяснения течениям общественной мысли и юридико-политическим учреждениям в материальных интересах различных классов русского

общества. Эти основные пункты замалчивались, о них предпочитали и предпочитают не говорить, — но зато тем больше сочинялось выдумок, долженствующих дискредитировать новое направление. К числу таких выдумок, «плохих выдумок», относится и эта ходячая фраза об «отказе русских учеников от наследства», о разрыве их с лучшими традициями лучшей, передовой части русского общества, о перерыве ими демократической нити и т. п., и т. д., и как там еще это ни выражалось. Чрезвычайная распространенность подобных фраз побуждает нас остановиться на подробном рассмотрении и опровержении их. Чтобы наше изложение не показалось голословным, — мы начнем с одной историко-литературной параллели между двумя «публицистами деревни», взятыми для характеристики «наследства». Оговариваемся, что мы ограничиваемся исключительно вопросами экономическими и публицистическими, рассматривая из всего «наследства» только эти вопросы и оставляя в стороне вопросы философские, литературные, эстетические и т. п.

I

ОДИН ИЗ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ «НАСЛЕДСТВА»

Тридцать лет тому назад, в 1867-м году, в журнале: «Отечественные Записки» начали печататься публицистические очерки Скалдина под заглавием: «В захолустьи и в столице». Очерки эти печатались в течение трех лет, 1867—1869. В 1870-м году автор собрал их вместе и издал отдельной книгой под тем же заглавием*. Ознакомление с этой книгой, почти совсем забытой в настоящее время, чрезвычайно поучительно по интересующему нас вопросу, т. е. по вопросу об отношении представителей «наследства» к народникам и к «русским ученикам». Заглавие книги неточно. Автор сам заметил это и объясняет в предисловии к своей книге, что его тема — отношение «столицы» к «деревне», т. е. публицистические очерки деревни, и что особо о столице он говорить не намерен. То-есть пожалуй и был бы намерен, да находит это неудобным:

* Скалдин. «В захолустьи и в столице», СПб 1870 (стр. 451). Мы не имели возможности достать «Отеч. Зап.» за указанные годы и пользовались только этой книгой.

ὡς δύναμαι — οὐ βούλομαι, ὡς δὲ βούλομαι — οὐ δύναμαι (так, как я мог бы, я не хочу, а так, как хотел бы, не могу) — цитирует Скалдин, в пояснение этого неудобства, выражение одного греческого писателя.

Дадим вкратце изложение взглядов Скалдина.

Начнем с крестьянской реформы, — этого исходного пункта, к которому неизбежно должен восходить и по сю пору каждый, желающий изложить свои общие воззрения по экономическим и публицистическим вопросам. В книге Скалдина крестьянской реформе уделено очень много места. Скалдин был едва ли не первым писателем, систематически, на основании обширных фактов и подробного рассмотрения всей жизни деревни, показавшим бедственное положение крестьян *после* проведения реформы, ухудшение их быта, новые формы их экономической, юридической и бытовой зависимости, — одним словом, показавшим все то, что с тех пор так обстоятельно и детально было показано и доказано многочисленными исследованиями и описаниями. Теперь все эти истины — не новость. Тогда — они были не только новы, но и возбуждали недоверие в либеральном обществе, которое боялось, не скрывается ли за этими указаниями на так наз. «недостатки реформы» осуждения ее и скрытого крепостничества. Интерес воззрений Скалдина усиливается еще тем, что автор был современником реформы (а, может быть, даже и участником ее. Мы не имеем в своем распоряжении никаких историко-литературных сведений и биографических данных о Скалдине). Его воззрения основаны, следовательно, на непосредственном наблюдении и тогдашней «столицы», и тогдашней «деревни», а не на кабинетном изучении книжного материала.

В воззрениях Скалдина на крестьянскую реформу прежде всего обращает внимание современного читателя, привыкшего к народническим слащавым рассказам на эту тему, чрезвычайная *трезвость* автора. Скалдин смотрит на реформу без всяких самообольщений, без всякой идеализации, смотрит как на сделку между двумя сторонами, помещиками и крестьянами, которые пользовались до сих пор сообща землею на известных условиях и теперь вот разделились, причем с этим разделом изменилось и юридическое положение обеих сторон. Фактором, определившим способ этого раздела и величину доли,

полученной каждою стороною, были интересы сторон. Эти интересы определяли стремления обеих сторон, а возможность для одной стороны принимать непосредственное участие в самой реформе и в практическом развитии различных вопросов ее осуществления определила, между прочим, преобладание одной стороны. Именно таково понимание реформы у Скалдина. На главном вопросе реформы, наделах и платежах, Скалдин останавливается особенно подробно, возвращаясь к ним неоднократно в своих очерках. (Книга Скалдина разделяется на 11 очерков, которые имеют самостоятельное содержание, напоминая по форме отдельные письма из деревни. Первый очерк помечен 1866-ым годом, последний — 1869-ым.) О так называемых «малоземельных» крестьянах в книге Скалдина, разумеется, нет ничего нового для современного читателя, но для конца 60-х годов его доказательства были и новы, и ценны. Мы не станем, конечно, повторять их, и отметим лишь особенность той характеристики явления, которую дает Скалдин, — особенность, выгодно отличающую его от народников. Скалдин говорит не о «малоземельи», а о «слишком значительной отрезке от крестьянских наделов» (стр. 213, то же 214 и мн. др.; ср. заглавие III-го очерка), о том, что высшие наделы, определенные положениями, оказались ниже действительных наделов (стр. 257), приводя, между прочим, чрезвычайно характерные и типичные отзвы крестьян об этой стороне реформы*. Разъяснения и доказательства этого факта у Скалдина чрезвычайно обстоятельны, сильны и даже резки для писателя вообще чрезвычайно умеренного, трезвого и по общим своим воззрениям, несомненно, буржуазного. Значит, сильно бросилось в глаза это явление, если даже такой писатель, как Скалдин, говорит об этом так энергично. О тяжести платежей Скалдин говорит тоже чрезвычайно энергично и обстоятельно, доказывая свои положения массою фактов. «Непомерные налоги — читаем в подзаголовке III-го очерка (1867) — суть главная причина их (крестьян) бедности», и Скалдин

* «Землю-то нашу он (курсив автора) так обрезал, что нам без этой отрезной земли жить нельзя; со всех сторон окружил нас своими полями, так что нам скотины выгнать некуда; вот и плати ты за надел особо, да за обрезную землю еще особо, сколько потребует». «Какое же это улучшение быта! — говорил мне один грамотный и бывалый мужик из пренных оброчных, — оброк-то на нас оставили прежний, а землю обрезали».

показывает, что налоги выше дохода крестьян от земли, приводит из «Трудов податной комиссии» данные о распределении русских налогов на взимаемые с высших и с низших классов, причем, оказывается, на последние классы падает 76% всех налогов, а на первые — 17%, тогда как в Западной Европе отношения везде несравненно благоприятнее для низших классов. В подзаголовке VII-го очерка (1868) читаем: «Чрезмерные денежные повинности составляют одну из главных причин бедности крестьян», и автор показывает, как новые условия жизни сразу потребовали от крестьянина денег, денег и денег, как в «Положении» было принято за правило вознаграждать помещиков и за крепостное право (252), как высота оброка определена была «из подлинных сведений помещиков, их управляющих и старост, т. е. из данных совершенно произвольных и не представлявших ни малейшей достоверности» (255), вследствие чего средние оброки, выведенные комиссиями, оказались выше действительных средних оброков. «К тягости оброков прибавилась для крестьян еще потеря земли, которою они пользовались века» (258). «Если бы оценка земли для выкупа сделана была не по капитализации оброка, а по ее действительной стоимости в эпоху освобождения, то выкуп мог бы совершиться весьма легко и не потребовал бы даже содействия правительства, ни выпуска кредитных бумаг» (264). «Выкуп, долженствовавший, по мысли Положения 19-го февраля, облегчить крестьян и завершить собою дело улучшения их быта, в действительности нередко обращается еще к большему их стеснению» (269). Мы приводим все эти выписки — сами по себе мало интересные и отчасти устаревшие, — чтобы показать, с какой энергией высказывался за интересы крестьян писатель, враждебно относящийся к общине и высказавшийся по целому ряду вопросов как настоящий манчестерец. Весьма поучительно отметить полное совпадение почти всех полезных и нереакционных положений народничества с положениями этого манчестерца. Само собою разумеется, что при таких взглядах Скалдина на реформу он никак не мог предаваться той сладенькой идеализации ее, которой предавались и предаются народники, говоря, что она санкционировала народное производство, что она была выше западно-европейских крестьянских реформ, что она

сделала из России как бы *tabula rasa** и т. д. Скалдин не только ничего подобного не говорил и не мог говорить, но даже прямо говорил, что у нас крестьянская реформа состоялась на условиях менее выгодных для крестьян, что она принесла меньше пользы, чем на Западе. «Вопрос будет поставлен прямо, — писал Скалдин, — если мы спросим себя: почему благие последствия освобождения не обнаруживаются у нас с такою же быстротою и прогрессивным возрастанием, как обнаружили они, напр., в Пруссии и Саксонии в первой четверти нынешнего столетия?» (221). «В Пруссии, как и во всей Германии, выкупались не наделы крестьян, давно уже признанные законом их собственностью, но крестьянские обязательные повинности помещикам» (272).

От экономической стороны реформы в оценке Скалдина перейдем к юридической. Скалдин — ярый враг круговой поруки, паспортной системы и патриархальной власти «мира» в крестьянстве (и мещанского общества) над их членами. В III-м очерке (1867) он настаивает на отмене круговой поруки, подушной подати и паспортной системы, на необходимости уравнительного поимущественного налога, на замене паспортов бесплатными и бессрочными свидетельствами. «Налогов на паспорта внутри отечества не существует ни в одном другом цивилизованном государстве» (109). Известно, что этот налог отменен лишь в 1897 году. В заглавии IV-го очерка читаем: «произвол сельских обществ и градских дум при высылке паспортов и взимании налогов с отсутствующих плательщиков»... «Круговая порука, это — тяжелое ярмо, которое должны тянуть исправные и домовитые хозяева для гуляк и лентяев» (126). Замечавшееся уже и тогда разложение крестьянства Скалдин хочет объяснить личными качествами поднимающихся и опускающихся. — Автор описывает подробно те затруднения, с которыми крестьяне, живущие в С.-Петербурге, получают паспорта и отсрочивают их, и отвергает возражение тех, которые скажут: «слава богу, что вся эта масса безземельных крестьян не приписалась к городам, не увеличила собою количества городских жителей, не имеющих недвижимой собственности» (130)... «Варварская круговая порука»... (131)... «Спра-

* — чистое место. Ред.

шивается, можно ли назвать граждански свободными людей, поставленных в подобное положение? Не те же ли это — *glebae adscripti*?»* (132). Винят крестьянскую реформу. «Но разве крестьянская реформа виновна в том, что законодательство, освободив крестьянина от крепости помещику, не придумало ничего для избавления его от крепости обществу и месту приписки... Где же признаки гражданской свободы, когда крестьянин не может располагать ни своим местопребыванием, ни родом своих занятий?» (132). Нашего крестьянина Скалдин в высшей степени верно и метко называет «оседлым пролетарием» (231)**. В заглавии очерка VIII-го (1868 г.) читаем: «прикрепление крестьян к их обществам и наделам препятствует улучшению их быта... Препятствие к развитию отхожих промыслов». «После невежества крестьян и подавленности их прогрессивно возрастающими налогами, одною из причин, задерживающих развитие крестьянского труда и, следовательно, крестьянского благосостояния, служит прикрепление крестьян к их обществам и наделам. Привязывать рабочие руки к одному месту и оковывать поземельную общину нерасторжимыми узами — это есть условие само по себе уже крайне невыгодное для развития труда, личной предприимчивости и мелкой поземельной собственности» (284). «Крестьяне, прикованные к своим наделам и обществам, лишены возможности употреблять свой труд там, где он оказывается производительнее и для них выгоднее, как бы застыли в той скученной, стадообразной, непроизводительной форме быта, в которой они вышли из рук крепостного права» (285). Автор смотрит, след., на эти вопросы крестьянского быта с чисто буржуазной точки зрения, но, несмотря на это (вернее: именно благодаря этому), он чрезвычайно правильно оценивает вред прикрепления крестьян для всего

* — Крестьяне эпохи древней Римской империи, приписанные к земельным участкам, с которых они не могли уходить, как бы эти участки ни были убыточны. *Ред.*

** Скалдин очень подробно показал правильность не только первой, но и второй части этого определения (пролетарий). Он много места в своих очерках уделил описанию зависимого положения крестьян и их нищеты, описанию тяжелого положения батраков, «описанию голода 1868 г.» (заглавие очерка V) и всяческих форм кабалы и принижения крестьянина. И в 60-х годах были, как и в 90-х, люди, замалчивавшие и отрицавшие голод. Скалдин горячо восстает против них. Разумеется, было бы лишним приводить подробные выписки по этому предмету.

общественного развития и для самих крестьян. С особенной силой (добавим от себя) вред этот сказывается на самых низших группах крестьянства, на сельском пролетариате. Очень метко говорит Скалдин: «превосходна заботливость закона о том, чтобы крестьяне не остались безземельны; но не надобно забывать, что у самих крестьян заботливость о том же предмете несравненно сильнее, чем у какого бы то ни было законодателя» (286). «Кроме прикрепления крестьян к их наделам и обществам, даже временные отлучки их для заработков сопряжены для них со множеством стеснений и расходов, вследствие круговой поруки и паспортной системы» (298). «Для множества крестьян был бы, по моему мнению, открыт выход из теперешнего затруднительного положения, если бы были приняты... меры, облегчающие крестьянам отказ от земли» (294). Здесь Скалдин выражает пожелание, резко противоречащее народническим проектам, которые все сводятся к обратному: к закреплению общины, неотчуждаемости наделов и т. п. Многочисленные факты вполне доказали с тех пор, что Скалдин был вполне прав: охранение прикрепления крестьян к земле и сословной замкнутости крестьянской общины только ухудшает положение сельского пролетариата и задерживает экономическое развитие страны, не будучи нисколько в силах защитить «оседлого пролетария» от худших видов кабалы и зависимости, от самого низкого падения заработной платы и жизненного уровня.

Из вышеприведенных выписок читатель мог уже заметить, что Скалдин — враг общины. Он восстает против общины и переделов с точки зрения личной собственности, предприимчивости и т. д. (стр. 142 и сл.). Защитникам общины Скалдин возражает, что «вековое обычное право» отжило свой век: «Во всех странах, по мере сближения сельских жителей с цивилизованною средою, обычное право их теряло свою первобытную чистоту, подвергалось порче и искажениям. У нас замечается то же самое явление: власть мира мало-помалу обращается во власть мироедов и сельских писарей и вместо того, чтобы охранять личность крестьянина, ложится на него тяжелым ярмом» (143) — замечание очень верное, которое за эти 30 лет подтвердилось бездной фактов. «Патриархальная семья, общинное владение землею, обычное

право», по мнению Скалдина, безвозвратно осуждены историей. «Те, которые желали бы навсегда удержать для нас эти почтенные памятники прожитых веков, тем самым доказывают, что они более способны увлекаться идеею, чем проникать действительность и разуметь неудержимый ход истории» (162), и Скалдин прибавляет к этому, фактически верному, замечанию — горячие манчестерские филиппики. «Общинное пользование землею, — говорит он в другом месте, — ставит каждого крестьянина в рабскую зависимость от всего общества» (222). Итак, безусловная вражда к общине с точки зрения чисто буржуазной соединяется у Скалдина с выдержанной защитой интересов крестьян. С враждою к общине Скалдин вовсе не соединяет тех глупеньких проектов насильственного уничтожения общины и насильственного введения такой же другой системы владения землей, — проектов, которые сочиняют обыкновенно современные противники общины, стоящие за грубое вмешательство в крестьянскую жизнь и высказывающиеся против общины вовсе не с точки зрения интересов крестьян. Скалдин, напротив, усиленно протестует против причисления его к сторонникам «насильственного уничтожения общинного пользования землею» (144). «Положение 19 февраля, — говорит он, — весьма мудро предоставило самим крестьянам... перейти... от общинного пользования к посемейному. Действительно, никто, кроме самих крестьян, не может решить основательно вопроса о времени такого перехода». Следовательно, Скалдин — противник общины только в том смысле, что она стесняет экономическое развитие, выход крестьян из общества, отказ от земли, т. е. в том же смысле, в каком враждебны к ней теперь «русские ученики»; с защитой своекорыстных интересов помещиков, с защитой остатков и духа крепостного права, с защитой вмешательства в жизнь крестьян, — эта вражда не имеет ничего общего. Различие это весьма важно иметь в виду, ибо современные народники, привыкшие видеть врагов общины лишь в лагере «Московских Ведомостей» и т. п., весьма охотно прикидываются непонимающими иной вражды к общине.

Общая точка зрения Скалдина на причины бедственного положения крестьян сводится к тому, что все эти причины лежат в остатках крепостного права. Описав

голод 1868 года, Скалдин замечает, что на этот голод злорадно указывали крепостники, видя причину голода в распушенности крестьян, в отмене помещичьей опеки и т. п. Скалдин горячо восстает против этих взглядов. «Причины обеднения крестьян, — говорит он, — *унаследованы от крепостного права* (212), а не результат его отмены; это — те общие причины, которые держат большинство наших крестьян на степени близкой к пролетариату», и Скалдин повторяет вышеприведенные отзывы о реформе. Нелепо нападать на семейные разделы: «Если разделы и наносят временный ущерб материальным годам крестьян, зато они спасают их личную свободу и нравственное достоинство крестьянской семьи, т. е. те высшие блага человека, без которых невозможны никакие успехи гражданственности» (217), и Скалдин справедливо указывает истинные причины похода против разделов: «многие помещики слишком преувеличивают вред, истекающий от разделов, и сваливают на них, равно как и на пьянство, все последствия тех или других причин крестьянской бедности, признать которые помещикам так нежелательно» (218). Тем, кто говорит, что теперь много пишут о крестьянской бедности, тогда как прежде не писали, значит, положение крестьян ухудшилось, — Скалдин отвечает: «Чтобы чрез сравнение нынешнего положения крестьян с прежним можно было судить о результатах освобождения из-под власти помещиков, для этого следовало бы, еще при господстве крепостного права, обрезать крестьянские наделы так, как они теперь обрезаны, обложить крестьян всеми теми повинностями, которые явились уже после освобождения, и потом посмотреть, как выносили бы крепостные крестьяне такое положение» (219). Это — в высшей степени характерная и важная черта воззрений Скалдина, что он *все* причины ухудшения положения крестьян сводит к остаткам крепостного права, оставившего в наследство отработки, оброки, обрезки земель, личную бесправность и оседлость крестьян. Того, что в самом строе новых общественно-экономических отношений, в самом строе пореформенного хозяйства могут заключаться причины крестьянского обеднения, — этого Скалдин не только не видит, но и абсолютно не допускает подобной мысли, глубоко веря, что с полной отменой всех этих остатков крепостного

права наступит всеобщее благоденствие. Его точка зрения — именно отрицательная: устраните препятствия свободному развитию крестьянства, устраните унаследованные от крепостного права путы, — и все пойдет к лучшему в сем лучшем из миров. «Со стороны государственной власти, — говорит Скалдин, — здесь (т. е. по отношению к крестьянству) может быть только один путь: постепенно и неослабно *устранять те причины*, которые довели нашего крестьянина до его настоящего притупления и бедности и не дают ему возможности подняться и стать на ноги» (224, курсив мой). Крайне характерен в этом отношении ответ Скалдина тем, кто защищает «общину» (т. е. прикрепление крестьян к обществам и наделам), указанием, что иначе «образуется сельский пролетариат». «Это возражение», — говорит Скалдин, — «само собою падает, когда мы вспомним, какие необъятные пространства земли лежат у нас впусе, не находя для себя рабочих рук. Если закон не будет стеснять у нас естественного распределения рабочих сил, то в России действительными пролетариями могут быть только люди, нищенствующие по ремеслу, или неисправимо порочные и пьянствующие» (144) — типичная точка зрения экономистов и «просветителей» XVIII века, веривших, что отмена крепостного права и всех его остатков создаст на земле царство всеобщего благополучия. — Народник, вероятно, свысока взглянул бы на Скалдина и сказал, что это просто — буржуа. — Да, конечно, Скалдин — буржуа, но он представитель прогрессивной буржуазной идеологии, на место которой у народника является мелкобуржуазная, по целому ряду пунктов реакционная. А те практические и реальные интересы крестьян, которые совпадали и совпадают с требованиями всего общественного развития, этот «буржуа» умел защищать еще лучше народника!*

Чтобы закончить характеристику воззрений Скалдина, добавим, что он — противник сословности, защитник единства суда для всех сословий, сочувствует «в теории»

* И наоборот: все те прогрессивные практические мероприятия, которые мы встречаем у народников, по своему содержанию вполне буржуазны, т. е. идут на пользу именно капиталистическому, а не другому какому развитию. Только мелкие буржуа и могли сочинить теорию, будто расширение крестьянского землевладения, уменьшение податей, переселения, кредит, подъем техники, упорядочение сбыта и т. п. мероприятия служат какому-то «народному производству».

бессословной волости, горячий сторонник народного образования, особенно общего, сторонник самоуправления и земских учреждений, сторонник широкого поземельного кредита, особенно мелкого, ибо на покупку земли сильный спрос у крестьян. «Манчестерец» сказывается и тут: Скалдин говорит, напр., что земские и городские банки — «патриархальная или первобытная форма банков», которая должна уступить место банкам частным, имеющим «все преимущества» (80). Придание земле ценности «может быть достигнуто оживлением промышленной и коммерческой деятельности в наших провинциях» (71) и т. п.

Подведем итоги. По характеру воззрений Скалдина можно назвать буржуа-просветителем. Его взгляды чрезвычайно напоминают взгляды экономистов XVIII века (разумеется, с соответственным преломлением их через призму русских условий), и общий «просветительный» характер «наследства» 60-х годов выражен им достаточно ярко. Как и просветители западно-европейские, как и большинство литературных представителей 60-х годов, Скалдин одушевлен горячей враждой к крепостному праву и *всем его* порождениям в экономической, социальной и юридической области. Это первая характерная черта «просветителя». Вторая характерная черта, общая всем русским просветителям, — горячая защита просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни и вообще всесторонней европеизации России. Наконец, третья характерная черта «просветителя» это — отстаивание интересов народных масс, главным образом крестьян (которые еще не были вполне освобождены или только освобождались в эпоху просветителей), искренняя вера в то, что отмена крепостного права и его остатков принесет с собой общее благосостояние, и искреннее желание содействовать этому. Эти три черты и составляют суть того, что у нас называют «наследством 60-х годов», и важно подчеркнуть, что *ничего народнического в этом наследстве нет*. Есть не мало в России писателей, которые по своим взглядам подходят под указанные черты и которые не имели никогда ничего общего с народничеством. При наличности в миросозерцании писателя указанных черт, его всегда и все признают «сохранившим традиции 60-х годов», совершенно независимо от того, как он относится к народничеству. Никто не вздумает, конечно,

сказать, что, напр., г. М. Стасюлевич, юбилей которого недавно праздновался, «отрекся от наследства», — на том основании, что он был противником народничества или относился безразлично к выдвинутому народничеством вопросам. Мы взяли в пример Скалдина* именно потому, что, будучи несомненным представителем «наследства», он в то же время и безусловный враг тех учреждений старины, которые взяло под свою защиту народничество.

Мы сказали выше, что Скалдин — буржуа. Доказательства этой характеристики были в достаточном количестве приведены выше, но необходимо оговориться, что у нас зачастую крайне неправильно, узко, антиисторично понимают это слово, связывая с ним (*без различия исторических эпох*) своекорыстную защиту интересов меньшинства. Нельзя забывать, что в ту пору, когда писали просветители XVIII века (которых общепризнанное мнение относит к вожакам буржуазии), когда писали наши просветители от 40-х до 60-х годов, *все* общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками. Новые общественно-экономические отношения и их противоречия тогда были еще в зародышевом состоянии. Никакого своекорыстия поэтому тогда в идеологах буржуазии не проявлялось; напротив, и на Западе и в России они совершенно искренно верили в общее благоденствие и искренно желали его, искренно не видели (отчасти не могли еще видеть) противоречий в том строе, который вырастал из крепостного. Скалдин недаром цитирует в одном месте своей книги Адама Смита: мы видели, что и воззрения его и характер его аргументации во многом повторяют тезисы этого великого идеолога передовой буржуазии.

* Нам возражат, пожалуй, что Скалдин не типичен для 60-х годов по своей вражде к общине и по своему тону. Но дело тут вовсе не в одной общине. Дело в общих всем просветителям воззрениях, которые разделяет и Скалдин. Что же касается до его тона, то он действительно, пожалуй, не типичен по своей спокойной рассудительности, умеренности, постепенности и т. д. Недаром Энгельс назвал Скалдина *liberal-konservativ* (умеренным консерватором¹⁰⁵, *Ред.*). Однако, взять представителя наследства с более типичным тоном было бы, во-1-х, неудобно по разным причинам, а, во-2-х, могло бы породить недоразумение при параллели с современным народничеством¹⁰⁶. По самому характеру нашей задачи, *тон* (в противоположность пословице) *не делает музыки*, и не типичный тон Скалдина тем резче выделяет его «музыку», т. е. содержание его взглядов. А нас только это содержание и интересует. Только по содержанию взглядов (отнюдь не по тону писателей) мы и намерены провести параллель между представителями наследства и народниками современной эпохи.

И вот, если мы сопоставим практические пожелания Скалдина, с одной стороны, с взглядами современных народников, а с другой стороны, с отношением к ним «русских учеников», то мы увидим, что «ученики» всегда будут стоять за поддержку пожеланий Скалдина, ибо эти пожелания выражают интересы прогрессивных общественных классов, насущные интересы всего общественного развития по данному, т. е. капиталистическому, пути. То же, что изменили народники в этих практических пожеланиях Скалдина, или в его постановке вопросов, — является *минусом* и отвергается «учеником». Ученики «накидываются» не на «наследство» (это — вздорная выдумка), а на романтические и мелкобуржуазные прибавки к наследству со стороны народников. К этим прибавкам мы теперь и перейдем.

II

ПРИБАВКА НАРОДНИЧЕСТВА К «НАСЛЕДСТВУ»

От Скалдина перейдем к Энгельгардту. Его письма «Из деревни» — тоже публицистические очерки деревни, так что и содержание и даже форма его книги очень похожи на книгу Скалдина. Энгельгардт гораздо талантливее Скалдина, его письма из деревни написаны несравненно живее, образнее. У него нет длинных рассуждений солидного автора «В захолустьи и в столице», но зато у него гораздо больше метких характеристик и других образов. Неудивительно, что книга Энгельгардта пользуется такой прочной симпатией читающей публики и недавно еще была переиздана вновь, тогда как книга Скалдина почти совсем забыта, хотя письма Энгельгардта начали печататься в «Отечеств. Записках» всего через два года спустя после выхода книги Скалдина. Поэтому нам нет никакой надобности знакомить читателя с содержанием книги Энгельгардта, а мы ограничимся лишь краткой характеристикой двух сторон его воззрений: во-1-х, воззрений, свойственных «наследству» вообще и в частности общих Энгельгардту и Скалдину; во-2-х, воззрений специфически народнических. Энгельгардт — *уже народник*; но в его взглядах так много еще черт, общих всем просветителям, так много того, что отброшено

или изменено современным народничеством — что затрудняешься, куда отнести его: к представителям ли «наследства» вообще без народнической окраски, или к народникам.

С первыми Энгельгардта сближает прежде всего замечательная трезвость его взглядов, простая и прямая характеристика действительности, беспощадное вскрывание всех отрицательных качеств, «устоев» вообще и крестьянства в частности, — тех самых «устоев», фальшивая идеализация и подкрашивание которых является необходимой составной частью народничества. Народничество Энгельгардта, будучи выражено чрезвычайно слабо и робко, находится поэтому в прямом и вопиющем противоречии с той картиной *действительности* деревни, которую он нарисовал с такой талантливостью, и если бы какой-нибудь экономист или публицист взял за основание своих суждений о деревне те *данные и наблюдения*, которые приведены Энгельгардтом*, то народнические выводы из такого материала были бы невозможны. Идеализация крестьянина и его общины — одна из необходимых составных частей народничества, и народники всех оттенков, начиная от г-на В. В. и кончая г-ном Михайловским, принесли обильную дань этому стремлению идеализации и подкрашивания «общины». У Энгельгардта нет и следа такого подкрашивания. В противоположность ходячим фразам об общинности нашего крестьянина, ходячим противопоставлениям этой «общинности» — индивидуализму городов, конкуренции в капиталистическом хозяйстве и т. д., Энгельгардт вскрывает поразительный *индивидуализм* мелкого земледельца с полной беспощадностью. Он подробно показывает, что наши «крестьяне в вопросах о собственности самые крайние собственники» (стр. 62, цит. по изд. 1885 г.), что они терпеть не могут «огульной работы», ненавидя ее по мотивам узко личным и эгоистическим: при огульной работе каждый «боится

* Мимходом сказать: это было бы не только чрезвычайно интересно и поучительно, но и вполне зановым приемом экономиста-исследователя. Если ученые доверяют материалу анкет — ответам и отзывам многих хозяев, сплошь и рядом пристрастных, малосведущих, не выработавших цельного воззрения, не продумавших своих взглядов, — то отчего не доверять наблюдениям, которые целые 11 лет собирал человек замечательной наблюдательности, безусловной искренности, человек, превосходно изучивший то, о чем он говорит.

переработать» (стр. 206). Эта боязнь переработать доходит до высшей степени комизма (пожалуй, даже трагикомизма), когда автор рассказывает, как живущие в одном доме и связанные общим хозяйством и родством бабы моют каждая отдельно свою дольку стола, за которым обедают, или поочередно доят коров, собирая молоко для *своего* ребенка (опасаются утайки молока) и приготовляя отдельно каждая для своего ребенка кашу (стр. 323). Энгельгардт так подробно выясняет эти черты, подтверждает их такой массой примеров, что не может быть и речи о случайности этих фактов. Одно из двух: или Энгельгардт — никуда не годный и не заслуживающий доверия наблюдатель, или рассказы об общинности и общинных качествах нашего мужика — пустая выдумка, переносимая на *хозяйство* черты, отвлеченные от формы *землевладения* (причем от этой формы землевладения отвлечены еще все ее фискально-административные стороны). Энгельгардт показывает, что тенденция мужика в его хозяйственной деятельности — кулачество: «известной дозой кулачества обладает каждый крестьянин» (стр. 491), «кулаческие идеалы царят в крестьянской среде»... «Я не раз указывал, что у крестьян крайне развит индивидуализм, эгоизм, стремление к эксплуатации»... «Каждый гордится быть шукой и стремится пожрать карася». Тенденция крестьянства — вовсе не к «общинному» строю, вовсе не к «народному производству», а к самому обыкновенному, всем капиталистическим обществам свойственному, мелкобуржуазному строю — показана Энгельгардтом превосходно. Стремления важиточного крестьянина пускаться в торговые операции (363), раздавать под работу хлеб, покупать работу мужика бедного (стр. 457, 492 и др.), т. е., говоря экономическим языком, превращение хозяйственных мужичков в сельскую буржуазию, Энгельгардт описал и доказал бесповоротно. «Если крестьяне не перейдут к артельному хозяйству, — говорит Энгельгардт, — и будут хозяйничать каждый двор в одиночку, то и при обилии земли между земледельцами-крестьянами будут и безземельные и батраки. Скажу более: полагаю, что разница в состояниях крестьян будет еще значительнее, чем теперь. Несмотря на общинное владение землей, рядом с «богачами» будет много обезземеленных фактически батраков. Что же мне или

моим детям в том, что я имею право на землю, когда у меня нет ни капитала, ни орудий для обработки? Это все равно, что слепому дать землю — ешь ее!» (стр. 370). «Артельное хозяйство» с какой-то грустной иронией одиноко стоит здесь, как доброе, невинное пожелание, не только не вытекающее из данных о крестьянстве, но даже прямо опровергаемое и исключаемое этими данными.

Другая черта, сближающая Энгельгардта с представителями наследства без всякой народнической окраски, это — его вера в то, что главная и коренная причина бедственного положения крестьянства лежит в остатках крепостного права и в свойственной ему регламентации. Устраните эти остатки и эту регламентацию — и дело наладится. Безусловно отрицательное отношение Энгельгардта к регламентации, его едкое высмеивание всяких попыток путем регламентации сверху благодетельствовать мужика — стоят в самой резкой противоположности с народническими упованиями на «разум и совесть, знания и патриотизм руководящих классов» (слова г-на Южакова в «Р. Б.—ве», 1896, № 12, стр. 106), с народническим прожектерством насчет «организации производства» и т. п. Напомним, как саркастически обрушивался Энгельгардт на правило о том, что на мельнице нельзя продавать водку, правило, имеющее в виду «пользу» мужика; с каким негодованием говорит он об обязательном постановлении нескольких земств в 1880 г. не сеять рожь раньше 15 августа, об этом — вызванном тоже соображениями о пользе мужика — грубом вмешательстве кабинетных «ученых» в хозяйство «миллионов земледельцев-хозяев» (424). Указав на такие правила и распоряжения, как запрещение курить в хвойном лесу, стрелять щук весной, рубить бережки на «май», разорять гнезда и т. п., Энгельгардт саркастически замечает: ...«забота о мужике всегда составляла и составляет главную печаль интеллигентных людей. Кто живет для себя? Все для мужика живут!.. Мужик глуп, сам собою устроиться не может. Если никто о нем не позаботится, он все леса сожжет, всех птиц перебьет, всю рыбу выловит, землю попортит и сам весь перемрет» (398). Скажите, читатель, мог ли бы этот писатель сочувствовать хотя бы излюбленным народниками законам о

неотчуждаемости наделов? Мог ли бы он сказать что-либо подобное вышевыписанной фразе одного из столпов «Рус. Богатства»? Мог ли бы он разделить точку зрения другого столпа того же журнала, г. Н. Карышева, упрекающего наши губернские земства (в 90-х годах!) в том, что они «не находят места» «для систематических крупных, серьезных трат на организацию земледельческого труда»?*

Укажем еще одну черту, сближающую Энгельгардта с Скалдиным: это — бессознательное отношение Энгельгардта к многим чисто буржуазным пожеланиям и мероприятиям. Не то чтобы Энгельгардт старался подкрашивать мелких буржуа, сочинять какие-нибудь отговорки (à la** г. В. В.) против применения к тем или другим предпринимателям этой квалификации, — совсем нет. Энгельгардт просто, будучи практиком-хозяином, увлекается всякими прогрессами, улучшениями в хозяйстве, совершенно не замечая того, что общественная форма этих улучшений дает лучшее опровержение его же собственных теорий о невозможности у нас капитализма. Напомним, напр., как увлекается он успехами, достигнутыми им в своем хозяйстве благодаря системе *сдельной платы* рабочим (за мятье льна, за молотьбу и т. п.). Энгельгардт и не подозревает как будто, что замена повременной платы штучною есть один из самых распространенных приемов развивающегося капиталистического хозяйства, которое достигает этим приемом усиления интенсификации труда и увеличения нормы сверхстоимости. Другой пример. Энгельгардт высмеивает программу «Земледельческой Газеты»¹⁰⁷: «прекращение сдачи полей кругами, устройство батрачного хозяйства, введение усовершенствованных машин, орудий, пород скота, многопольной системы, улучшение лугов и выгонов и проч. и проч.». — «Но ведь это все только общие фразы!» — восклицает Энгельгардт (128). И однако именно эту программу и осуществил Энгельгардт в своей хозяйственной практике, достигши технического прогресса в своем хозяйстве именно на основании батрачной организации его. Или еще: мы видели, как откровенно и как верно разоблачил Энгельгардт

* «Русское Богатство», 1896 г., № 5, май. Статья г-на Карышева о затратах губернских земств на экономические мероприятия. Стр. 20.

** — вроде. *Ред.*

настоящие тенденции хозяйственного мужика; но это нисколько не помешало ему утверждать, что «нужны не фабрики и не заводы, а *маленькие* (курсив Энгельгардта) деревенские винокурни, маслобойни» и пр. (стр. 336), т. е. «нужен» переход сельской буржуазии к техническим сельскохозяйственным производствам, — переход, который веде и всегда служил одним из важнейших симптомов земледельческого капитализма. Тут сказалось то, что Энгельгардт был не теоретиком, а практиком-хозяином. Одно дело — рассуждать о возможности прогресса без капитализма, другое дело — хозяйничать самому. Задавшись целью рационально поставить свое хозяйство, Энгельгардт *вынужден* был силою окружающих обстоятельств достигать этого приемами чисто капиталистическими и оставить в стороне все свои теоретические и отвлеченные сомнения насчет «батрачества». Скалдин в теории рассуждал как типичный манчестерец, совершенно не замечая ни этого характера своих рассуждений, ни соответствия их с нуждами капиталистической эволюции России. Энгельгардт на практике вынужден был действовать как типичный манчестерец, вопреки своему теоретическому протесту против капитализма и своему желанию верить в особые пути отечества.

А у Энгельгардта была эта вера, которая и заставляет нас назвать его народником. Энгельгардт уже ясно видит *действительную* тенденцию экономического развития России и начинает *отговариваться* от противоречий этого развития. Он силится доказать невозможность в России земледельческого капитализма, доказать, что «у нас нет кнехта» (стр. 556), — хотя сам же подробнейшим образом опроверг рассказы о дороговизне наших рабочих, сам же показал, за какую мизерную цену работает у него скотник Петр с семьей, которому остается кроме содержания 6 рублей в год «на покупку соли, постного масла, одежду» (стр. 10). «А и то ему завидуют, и откажи я ему, сейчас же найдется 50 охотников занять его место» (стр. 11). Указывая на успех своего хозяйства, на умелое обращение с плугом рабочих, Энгельгардт победоносно восклицает: «и кто же пахари? Невежественные, недобросовестные русские крестьяне» (стр. 225).

Опровергнув своим собственным хозяйничаньем и своим разоблачением крестьянского индивидуализма всякие иллюзии насчет «общинности», Энгельгардт однако не только «верил» в возможность перехода крестьян к артельному хозяйству, но и высказывал «убеждение», что это так и будет, что мы, русские, именно совершим это великое деяние, введем новые способы хозяйничанья. «В этом-то и заключается самобытность, оригинальность нашего хозяйства» (стр. 349). Энгельгардт-реалист превращается в Энгельгардта-романтика, возмещающего полное отсутствие «самобытности» в способах своего хозяйства и в наблюдаемых им способах хозяйства крестьян — «верю» в грядущую «самобытность»! От этой веры уже рукой подать и до ультра-народнических черт, которые — хотя и совсем единично — попадают у Энгельгардта, до узкого национализма, граничащего с шовинизмом («И Европу расколотим», «и в Европе мужик будет за нас» (стр. 387) — доказывал Энгельгардт по поводу войны одному помещику), и даже до идеализации отработков! Да, тот самый Энгельгардт, который посвятил так много превосходных страниц своей книги описанию забитого и униженного положения крестьянина, забравшего в долг денег или хлеба под работу и вынужденного работать почти задаром при самых худших условиях личной зависимости* — этот самый Энгельгардт договорился до того, что «хорошо было бы, если б доктор (речь шла о пользе и надобности врача в деревне. В. И.) имел свое хозяйство, так, чтобы мужик мог отработать за лечение» (стр. 41). Комментарии излишни.

— В общем и целом, сопоставляя охарактеризованные выше положительные черты мирозерцания Энгельгардта (т. е. общие ему с представителями «наследства» без всякой народнической окраски) и отрицательные (т. е. народнические), мы должны признать, что первые безусловно преобладают у автора «Из деревни», тогда как последние являются как бы сторонней, случайной вставкой, навеянной извне и не вяжущейся с основным тоном книги.

* Вспомните картинку, как староста (т. е. управляющий помещика) зовет крестьянина на работу, когда у мужика свой хлеб сыпется, и его заставлял идти лишь упоминание о «спускании портков» в волости.

III

ВЫИГРАЛО ЛИ «НАСЛЕДСТВО» ОТ СВЯЗИ
С НАРОДНИЧЕСТВОМ?

— Да что же разумеете вы под народничеством? — спросит, вероятно, читатель. — Определение того, какое содержание вкладывается в понятие «наследства», было дано выше, а понятию «народничество» не дано никакого определения.

— Под народничеством мы разумеем систему воззрений, заключающую в себе следующие три черты: 1) *Признание капитализма в России упадком, регрессом.* Отсюда стремления и пожелания «задержать», «остановить», «прекратить ломку» капитализмом вековых устоев и т. п. реакционные вопли. 2) *Признание самобытности русского экономического строя вообще и крестьянина с его общиной, артелью и т. п. в частности.* К русским экономическим отношениям не считают нужным применять выработанные современной наукой понятия о различных общественных классах и их конфликтах. Общинное крестьянство рассматривается как нечто высшее, лучшее сравнительно с капитализмом; является идеализация «устоев». Среди крестьянства отрицаются и затушевываются те же противоречия, которые свойственны всякому товарному и капиталистическому хозяйству, отрицается связь этих противоречий с более развитой формой их в капиталистической промышленности и в капиталистической земледелии. 3) *Игнорирование связи «интеллигенции» и юридико-политических учреждений страны с материальными интересами определенных общественных классов.* Отрицание этой связи, отсутствие материалистического объяснения этих социальных факторов заставляет видеть в них силу, способную «тащить историю по другой линии» (г. В. В.), «свернуть с пути» (г. Н. — он, г. Южаков и т. д.) и т. п.

Вот что мы разумеем под «народничеством». Читатель видит, след., что мы употребляем этот термин в широком смысле слова, как употребляют его и все «русские ученики», выступающие против целой системы воззрений, а не против отдельных представителей ее. Между этими отдельными представителями, конечно, есть различия, иногда немалые. Никто этих различий не игнорирует. Но приведенные черты миросозерцания общи всем

различнейшим представителям народничества, начиная от... ну, хоть скажем, г. Юзова и кончая г-м Михайловским. Гг. Юзовы, Сазоновы, В. В. и т. п. к указанным отрицательным чертам своих воззрений присоединяют еще другие отрицательные черты, которых, напр., нет ни в г-не Михайловском, ни в других сотрудниках теперешнего «Рус. Богатства». Отрицать эти различия народников в тесном смысле слова от народников вообще было бы, конечно, неправильно, но еще более неправильно было бы игнорировать, что *основные* социально-экономические взгляды всех и всяких народников совпадают по вышеприведенным главным пунктам. А так как «русские ученики» отвергают именно эти основные воззрения, а не только «печальные уклонения» от них в худшую сторону, то они имеют, очевидно, полное право употреблять понятие «народничество» в широком значении слова. Не только имеют право, но и не могут поступать иначе.

Обращаясь к вышеочерченным основным воззрениям народничества, мы должны прежде всего констатировать, что «наследство» *совершенно непричем в этих воззрениях*. Есть целый ряд несомненных представителей и хранителей «наследства», которые не имеют ничего общего с народничеством, вопроса о капитализме вовсе и не ставят, в самобытность России, крестьянской общины и т. п. вовсе не верят, в интеллигенции и в юридико-политических учреждениях никакого фактора, способного «свернуть с пути», не усматривают. Мы назвали выше для примера издателя-редактора «Вестника Европы»¹⁰⁸, которого в чем другом, а в нарушении традиций наследства обвинять нельзя. Наоборот, есть люди, подходящие по своим воззрениям под указанные основные принципы народничества и при этом прямо и открыто «отрекающиеся от наследства», — назовем хоть того же г-на Я. Абрамова, которого указывает и г. Михайловский, или г. Юзова. Того народничества, против которого воюют «русские ученики», даже и не было вовсе в то время, когда (выражаясь юридическим языком) «открывалось» наследство, т. е. в 60-х годах. Зародыши, зачатки народничества были, конечно, не только в 60-х годах, но и в 40-х и даже еще раньше*, — но история народничества нас вовсе теперь

* Ср. теперь книгу Туган-Барановского: «Русская фабрика» (СПБ 1898 г.).

не занимает. Нам важно только, повторяем еще раз, установить, что «наследство» 60-х годов в том смысле, как мы очертили его выше, не имеет ничего общего с народничеством, т. е. по существу воззрений между ними нет общего, они ставят разные вопросы. Есть хранители «наследства» не-народники, и есть народники, «отрекшиеся от наследства». Разумеется, есть и народники, хранящие «наследство» или претендующие на хранение его. Поэтому мы и говорим о связи наследства с народничеством. Посмотрим же, что дала эта связь.

Во-первых, народничество сделало крупный шаг вперед против наследства, поставив перед общественной мыслью на разрешение вопросы, которых хранители наследства частью еще не могли (в их время) поставить, частью же не ставили и не ставят по свойственной им узости кругозора. Постановка этих вопросов есть крупная историческая заслуга народничества, и вполне естественно и понятно, что народничество, дав (какое ни на есть) решение этим вопросам, заняло тем самым передовое место среди прогрессивных течений русской общественной мысли.

Но решение этих вопросов народничеством оказалось никуда не годным, основанным на отсталых теориях, давно уже выброшенных за борт Зап. Европой, основанным на романтической и мелкобуржуазной критике капитализма, на игнорировании крупнейших фактов русской истории и действительности. Покуда развитие капитализма в России и свойственных ему противоречий было еще очень слабо, эта примитивная критика капитализма могла держаться. Современному же развитию капитализма в России, современному состоянию наших знаний о русской экономической истории и действительности, современным требованиям от социологической теории народничество безусловно не удовлетворяет. Бывши в свое время явлением прогрессивным, как первая постановка вопроса о капитализме, народничество является теперь теорией реакционной и вредной, сбивающей с толку общественную мысль, играющей на-руку застою и всяческой азиатчине. Реакционный характер народнической критики капитализма придал народничеству в настоящее время даже такие черты, которые ставят его ниже того миросозерцания, которое ограничивается верным

хранением наследства*. Что это так, — мы постараемся показать сейчас на разборе каждой из отмеченных выше трех основных черт народнического мирозерцания.

Первая черта — признание капитализма в России упадком, регрессом. Как только вопрос о капитализме в России был поставлен, очень скоро выяснилось, что наше экономическое развитие есть капиталистическое, и народники объявили это развитие регрессом, ошибкой, отклонением с пути, предписываемого якобы всей исторической жизнью нации, от пути, освященного якобы вековыми устоями и т. п. и т. д. Вместо горячей веры просветителей в данное общественное развитие явилось недоверие к нему, вместо исторического оптимизма и бодрости духа — пессимизм и уныние, основанные на том, что, чем дальше пойдут дела так, как они идут, тем хуже, тем труднее будет решить задачи, выдвигаемые новым развитием; являются приглашения «задержать» и «остановить» это развитие, является теория, что отсталость есть счастье России и т. д. С «наследством» все эти черты народнического мирозерцания не только не имеют ничего общего, но прямо противоречат ему. Признание русского капитализма «уклонением с пути», упадком и т. п. ведет к извращению всей экономической эволюции России, к извращению той «смены», которая происходит перед нашими глазами. Увлеченный желанием задержать и прекратить ломку вековых устоев капитализмом, народник впадает в поразительную историческую бестактность, забывает о том, что *позади* этого капитализма нет ничего, кроме такой же эксплуатации в соединении с бесконечными формами кабалы и личной зависимости, отягчавшей положение трудящегося, ничего, кроме рутины и застоя в общественном производстве, а, следовательно, и во всех сферах социальной жизни. Сражаясь с своей романтической, мелкобуржуазной точки зрения против капитализма, народник выбрасывает за борт всякий исторический реализм, сопоставляя всегда *действительность* капитализма с *вымыслом* докапиталистических порядков.

* Я уже имел случай заметить выше в статье об экономическом романтизме, что наши противники проявляют поразительную блицворуность, понимая термины: *реакционный*, *мелкобуржуазный* как полемические выкладки, тогда как эти выражения имеют совершенно определенный историко-философский смысл. (См. настоящий том, стр. 196. *Ред.*)

«Наследство» 60-х годов с их горячей верой в прогрессивность данного общественного развития, с их беспощадной враждой, всецело и исключительно направленной против остатков старины, с их убеждением, что стоит только вымести дочиста эти остатки, и дела пойдут как нельзя лучше, — это «наследство» не только непричем в указанных воззрениях народничества, но прямо противоречит им.

Вторая черта народничества — вера в самобытность России, идеализация крестьянина, общины и т. п. Учение о самобытности России заставило народников хвататься за устарелые западно-европейские теории, побуждало их относиться с поразительным легкомыслием к многим приобретениям западно-европейской культуры: народники успокаивали себя тем, что если мы не имеем тех или других черт цивилизованного человечества, то зато «нам суждено» показать миру новые способы хозяйничанья и т. п. Тот анализ капитализма и всех его проявлений, который дала передовая западно-европейская мысль, не только не принимался по отношению к святой Руси, а, напротив, все усилия были направлены на то, чтобы придумать отговорки, позволяющие о русском капитализме не делать тех же выводов, какие сделаны относительно европейского. Народники расшаркивались пред авторами этого анализа и... и продолжали себе преспокойно оставаться такими же романтиками, против которых всю жизнь боролись эти авторы. Это общее всем народникам учение о самобытности России опять-таки не только не имеет ничего общего с «наследством», но даже прямо противоречит ему. «60-ые годы», напротив, стремились европеизировать Россию, верили в приобщение ее к обще-европейской культуре, заботились о перенесении учреждений этой культуры и на нашу, вовсе не самобытную, почву. Всякое учение о самобытности России находится в полном несоответствии с духом 60-х годов и их традицией. Еще более не соответствует этой традиции народническая идеализация, подкрашивание деревни. Эта фальшивая идеализация, желавшая во что бы то ни стало видеть в нашей деревне нечто особенное, вовсе непохожее на строй всякой другой деревни во всякой другой стране в период докапиталистических отношений, — находится в самом вопиющем противоречии с традициями трезвого и реалистического наследства. Чем дальше и глубже

развивался капитализм, чем сильнее проявлялись в деревне те противоречия, которые общи всякому товарно-капиталистическому обществу, тем резче и резче выступала противоположность между сладенькими рассказами народников об «общинности», «артельности» крестьянина и т. п., с одной стороны, — и фактическим расколом крестьянства на деревенскую буржуазию и сельский пролетариат, с другой; тем быстрее превращались народники, продолжавшие смотреть на вещи глазами крестьянина, из сентиментальных романтиков в идеологов мелкой буржуазии, ибо мелкий производитель в современном обществе превращается в товаропроизводителя. Фальшивая идеализация деревни и романтические мечтания насчет «общинности» вели к тому, что народники с крайним легкомыслием относились к действительным нуждам крестьянства, вытекающим из данного экономического развития. В теории можно было, сколько угодно, говорить о силе устоев, но на практике каждый народник прекрасно чувствовал, что устранение остатков старины, остатков дореформенного строя, опутывающих и по сию пору с ног до головы наше крестьянство, откроет дорогу именно капиталистическому, а не какому другому развитию. Лучше застой, чем капиталистический прогресс — такова, в сущности, точка зрения каждого народника на деревню, хотя, разумеется, далеко не всякий народник с наивной прямолинейностью г-на В. В. решится открыто и прямо высказать это. «Крестьяне, прикованные к наделам и обществам, лишённые возможности употреблять свой труд там, где он оказывается производительнее и для них выгоднее, как бы застыли в той скученной, стадообразной, непроизводительной форме быта, в которой они вышли из рук крепостного права». Так смотрел один из представителей «наследства» с своей характерной точки зрения «просветителя». — «Пускай лучше крестьяне продолжают застывать в своей рутинной, патриархальной форме быта, чем расчищать дорогу для капитализма в деревне» — так смотрит, в сущности, каждый народник. В самом деле, не найдется, вероятно, ни одного народника, который бы решился отрицать, что сословная замкнутость крестьянской общины с ее круговой порукой и с запрещением продажи земли и отказа от надела стоит в самом резком противоречии с современной экономической действитель-

ностью, с современными товарно-капиталистическими отношениями и их развитием. Отрицать это противоречие невозможно, но вся суть в том, что народники как огня боятся такой постановки вопроса, такого сопоставления юридической обстановки крестьянства с экономической действительностью, с данным экономическим развитием. Народник упорно хочет верить в несуществующее и романтически сфантазированное им развитие без капитализма, и поэтому... поэтому он готов задерживать данное развитие, идущее путем капиталистическим. К вопросам о сословной замкнутости крестьянской общины, о круговой поруке, о праве крестьян продавать землю и отказываться от надела народник относится не только с величайшей осторожностью и боязливостью за судьбу «устоев» (устоев рутинны и застоя); мало того, народник падает даже до такой степени низко, что приветствует полицейское запрещение крестьянам продавать землю. «Мужик глуп, — можно сказать такому народнику словами Энгельгардта, — сам собою устроиться не может. Если никто о нем не позаботится, он все леса сожжет, всех птиц перебьет, всю рыбу выловит, землю попортит и сам весь перемрет». Народник здесь уже прямо «отказывается от наследства», становясь реакционным. И заметьте притом, что это разрушение сословной замкнутости крестьянской общины, по мере экономического развития, становится все более и более настоятельной необходимостью для сельского пролетариата, тогда как для крестьянской буржуазии неудобства, проистекающие отсюда, вовсе не так значительны. «Хозяйственный мужичок» легко может арендовать землю на стороне, открыть заведение в другой деревне, съездить куда угодно на любое время по торговым делам. Но для «крестьянина», живущего главным образом продажей своей рабочей силы, прикрепление к наделу и к обществу означает громадное стеснение его хозяйственной деятельности, означает невозможность найти более выгодного нанимателя, означает необходимость продавать свою рабочую силу именно местным покупателям ее, дающим всегда дешевле и изыскивающим всяческие способы кабалы. — Поддавшись раз во власть романтическим мечтаньям, аадавшись целью поддержать и охранить устой вопреки экономическому развитию, народник незаметно для самого себя скатился по этой наклонной плоскости

до того, что очутился рядом с аграрием, который от всей души жаждет сохранения и укрепления «связи крестьянина с землей». Стоит вспомнить хотя бы о том, как эта сословная замкнутость крестьянской общины породила особые способы наемки рабочих: рассылку хозяевами заводов и экономий своих приказчиков по деревням, особенно недоимочным, для наиболее выгодного найма рабочих. К счастью, развитие земледельческого капитализма, разрушая «оседлость» пролетария (таково действие так наз. отхожих земледельческих промыслов), постепенно вытесняет эту кабалу вольным наймом.

Другое, пожалуй, не менее рельефное подтверждение нашего положения о вреде современных народнических теорий дает тот факт, что среди народников обычное явление — *идеализация отработков*. Мы выше привели пример того, как Энгельгардт, совершивши свое народническое грехопадение, дописался до того, что «хорошо было бы» развивать в деревне отработки! То же самое находили мы в знаменитом проекте г. Южакова о земледельческих гимназиях («Русское Богатство», 1895, № 5)*. Такой же идеализации предавался в серьезных экономических статьях сотрудник Энгельгардта по журналу, г. В. В., который утверждал, что крестьянин одержал победу над помещиком, желавшим будто бы ввести капитализм; но беда состояла в том, что крестьянин брался обработать земли помещика, получая за это от него землю «в аренду», — т. е. восстанавливал совершенно тот же самый способ хозяйства, который был и при крепостном праве. Это — самые резкие примеры реакционного отношения народников к вопросам нашего земледелия. В менее резкой форме вы встретите эту идею у каждого народника. Каждый народник говорит о вреде и опасности капитализма в нашем земледелии, ибо капитализм, изволите видеть, заменяет самостоятельного крестьянина батраком. *Действительность* капитализма («батрак») противопоставляется *вымыслу* о «самостоятельном» крестьянине: основывается этот вымысел на том, что крестьянин докапиталистической эпохи владеет средствами производства, причем скромно умалчивается о том, что за эти средства производства надо платить вдвое против их стоимости;

* См. настоящий том, стр. 58—65 и 427—457. Ред.

что эти средства производства служат для отработков; что жизненный уровень этого «самостоятельного» крестьянина так низок, что в любой капиталистической стране его отнесли бы к пауперам; что к беспросветной нищете и умственной инертности этого «самостоятельного» крестьянина прибавляется еще личная зависимость, неизбежно сопровождающая докапиталистические формы хозяйства.

Третья характерная черта народничества — игнорирование связи «интеллигенции» и юридико-политических учреждений страны с материальными интересами определенных общественных классов — находится в самой неразрывной связи с предыдущими: только это отсутствие реализма в вопросах социологических и могло породить учение об «ошибочности» русского капитализма и о возможности «свернуть с пути». Это воззрение народничества опять-таки не стоит ни в какой связи с «наследством» и традициями 60-х годов, а, напротив, *прямо противоречит этим традициям*. Из этого воззрения естественно вытекает такое отношение народников к многочисленным остаткам дореформенной регламентации в русской жизни, которое ни в каком случае не могли бы разделить представители «наследства». Для характеристики этого отношения мы позволим себе воспользоваться прекрасными замечаниями г. В. Иванова в статье «Плохая выдумка» («Новое Слово», сент. за 1897 г.). Автор говорит об известном романе г. Боборыкина «По-другому» и изобличает непонимание им спора народников с «учениками». Г. Боборыкин вкладывает в уста героя своего романа, народника, такой упрек по адресу «учеников», что они-де мечтают «о казарме с нестерпимым деспотизмом регламентации». Г. В. Иванов замечает по поводу этого:

«О нестерпимом деспотизме «регламентации» в качестве «мечты» своих противников они (народники) не только не говорили, но и *говорить, оставаясь народниками, не могут и не будут*. Суть их спора с «экономическими материалистами» в этой области заключается именно в том, что сохранившиеся у нас остатки старой регламентации могут, по мнению народников, послужить основанием для дальнейшего развития регламентации. Нестерпимость этой старой регламентации заслоняется от их глаз, с одной стороны, представлением, будто сама «крестьянская душа (единая и нераздельная) эволюционирует»

в сторону регламентации, — с другой, убеждением в существующей или имеющей наступить нравственной красоте «интеллигенции», «общества» или вообще «руководящих классов». Экономических материалистов они обвиняют в пристрастии не к «регламентации», а, наоборот, к западно-европейским порядкам, основанным на отсутствии регламентации. И экономические материалисты действительно утверждают, что остатки старой регламентации, выросшей на основе натурального хозяйства, становятся с каждым днем все «нестерпимее» в стране, перешедшей к денежному хозяйству, вызывающему бесчисленные изменения как в фактическом положении, так и в умственной и нравственной физиономии различных слоев ее населения. Они убеждены поэтому, что условия, необходимые для возникновения новой благодетельной «регламентации» экономической жизни страны, могут развиваться не из остатков регламентации, приноровленной к натуральному хозяйству и крепостному праву, а лишь в атмосфере такого же широкого и всестороннего отсутствия этой старой регламентации, какое существует в передовых странах Западной Европы и Америки. В таком положении находится вопрос о «регламентации» в споре между народниками и их противниками» (стр. 11—12, 1. с. *). Это отношение народников к «остаткам старой регламентации» представляет из себя самое, пожалуй, резкое отступление народничества от традиций «наследства». Представители этого наследства, как мы видели, отличались бесповоротным и ярким осуждением всех и всяческих остатков старой регламентации. Следовательно, с этой стороны «ученики» стоят несравненно ближе к «традициям» и «наследству» 60-х годов, чем народники.

Отсутствие социологического реализма, кроме указанной в высшей степени важной ошибки народников, ведет также у них к той особой манере мышления и рассуждения об общественных делах и вопросах, которую можно назвать узко интеллигентным самомнением или, пожалуй, бюрократическим мышлением. Народник рассуждает всегда о том, какой путь для отечества должны «мы» избрать, какие бедствия встретятся, если «мы» направим отечество на такой-то путь, какие выходы могли бы

* — loco citato — в цитированном месте. *Ред.*

«мы» себе обеспечить, если бы миновали опасностей пути, которым пошла старуха-Европа, если бы «взяли хорошее» и из Европы, и из нашей исконной общинности и т. д. и т. п. Отсюда полное недоверие и пренебрежение народника к самостоятельным тенденциям отдельных общественных классов, творящих историю сообразно с их интересами. Отсюда то поразительное легкомыслие, с которым пускается народник (забыв об окружающей его обстановке) во всевозможное социальное прожектерство, начиная от какой-нибудь «организации земледельческого труда» и кончая «обмирщением производства» стараниями нашего «общества». «Mit der Gründlichkeit der geschichtlichen Action wird also der Umfang der Masse zunehmen, deren Action sie ist»* — в этих словах выражено одно из самых глубоких и самых важных положений той историко-философской теории, которую никак не хотят и не могут понять наши народники. По мере расширения и углубления исторического творчества людей должен возрастать и размер той массы населения, которая является сознательным историческим деятелем. Народник же всегда рассуждал о населении вообще и о трудящемся населении в частности, как об объекте тех или других более или менее разумных мероприятий, как о материале, подлежащем направлению на тот или иной путь, и никогда не смотрел на различные классы населения, как на самостоятельных исторических деятелей при данном пути, никогда не ставил вопроса о тех условиях данного пути, которые могут развивать (или, наоборот, парализовать) самостоятельную и сознательную деятельность этих творцов истории.

Итак, хотя народничество сделало крупный шаг вперед против «наследства» просветителей, *поставив* вопрос о капитализме в России, но данное им *решение* этого вопроса оказалось настолько неудовлетворительным, вследствие мелкобуржуазной точки зрения и сентиментальной критики капитализма, что народничество по целому ряду важнейших вопросов общественной жизни оказалось *позади* по сравнению с «просветителями». Присоединение народничества к наследству и традициям наших

* Marx, «Die heilige Familie», 120. По Бельтову, стр. 235. («Вместе с основательностью исторического действия будет, следовательно, расти и объем массы, делом которой оно является». — Маркс, «Святое семейство»¹⁰⁰. Ред.)

просветителей оказалось в конце концов *минусом*: тех новых вопросов, которые поставило перед русской общественной мыслью пореформенное экономическое развитие России, народничество не решило, ограничившись по поводу их сентиментальными и реакционными lamentациями, а те старые вопросы, которые были поставлены еще просветителями, народничество загроздило своей романтикой и задержало их полное разрешение.

IV

«ПРОСВЕТИТЕЛИ», НАРОДНИКИ И «УЧЕНИКИ»

Мы можем теперь подвести итоги нашим параллелям. Попытаемся охарактеризовать вкратце отношения каждого из указанных в заголовке течений общественной мысли друг к другу.

Просветитель верит в данное общественное развитие, ибо не замечает свойственных ему противоречий. Народник боится данного общественного развития, ибо он заметил уже эти противоречия. «Ученик» верит в данное общественное развитие, ибо он видит залогов лучшего будущего лишь в полном развитии этих противоречий. Первое и последнее направление стремится поэтому поддержать, ускорить, облегчить развитие по данному пути, устранить все препятствия, мешающие этому развитию и задерживающие его. Народничество, наоборот, стремится задержать и остановить это развитие, боится уничтожения некоторых препятствий развитию капитализма. Первое и последнее направление характеризуется тем, что можно бы назвать историческим оптимизмом: чем дальше и чем скорее дела пойдут так, как они идут, тем лучше. Народничество, наоборот, естественно ведет к историческому пессимизму: чем дальше дела пойдут так, тем хуже. «Просветители» вовсе не ставили вопросов о характере пореформенного развития, ограничиваясь исключительно войной против остатков дореформенного строя, ограничиваясь отрицательной задачей расчистки пути для европейского развития России. Народничество поставило вопрос о капитализме в России, но решило его в смысле реакционности капитализма и потому не могло целиком воспринять наследства просветителей: народники всегда

вели войну против людей, стремившихся к европеизации России вообще, с точки зрения «единства цивилизации», вели войну не потому только, что они не могли ограничиться идеалами этих людей (такая война была бы справедлива), а потому, что они не хотели идти так далеко в развитии данной, т. е. капиталистической, цивилизации. «Ученики» решают вопрос о капитализме в России в смысле его прогрессивности и потому не только могут, но и должны целиком принять наследство просветителей, дополнив это наследство анализом противоречий капитализма с точки зрения бесхозяйных производителей. Просветители не выделяли, как предмет своего особенного внимания, ни одного класса населения, говорили не только о народе вообще, но даже и о нации вообще. Народники желали представлять интересы труда, не указывая однако определенных групп в современной системе хозяйства; на деле они становились всегда на точку зрения мелкого производителя, которого капитализм превращает в товаропроизводителя. «Ученики» не только берут за критерий интересы труда, но при этом указывают совершенно определенные экономические группы капиталистического хозяйства, именно бесхозяйных производителей. Первое и последнее направление соответствуют, по содержанию своих пожеланий, интересам тех классов, которые создаются и развиваются капитализмом; народничество по своему содержанию соответствует интересам класса мелких производителей, мелкой буржуазии, которая занимает промежуточное положение среди других классов современного общества. Поэтому противоречивое отношение народничества к «наследству» вовсе не случайность, а необходимый результат самого содержания народнических воззрений: мы видели, что одна из основных черт воззрений просветителей состояла в горячем стремлении к европеизации России, а народники никак не могут, не переставая быть народниками, разделить вполне этого стремления.

В конце концов мы получили, следовательно, тот вывод, который не раз был уже нами указан по частным поводам выше, именно, что *ученики — гораздо более последовательные, гораздо более верные хранители наследства, чем народники*. Не только они не отрекаются от наследства, а, напротив, одной из главнейших своих задач считают

опровержение тех романтических и мелкобуржуазных опасений, которые заставляют народников по весьма многим и весьма важным пунктам отказываться от европейских идеалов просветителей. Но само собою разумеется, что «ученики» хранят наследство не так, как архивариусы хранят старую бумагу. Хранить наследство — вовсе не значит еще ограничиваться наследством, и к защите общих идеалов европеизма «ученики» присоединяют анализ тех противоречий, которые заключает в себе наше капиталистическое развитие, и оценку этого развития с вышеуказанной специфической точки зрения.

V

Г. МИХАЙЛОВСКИЙ ОБ ОТКАЗЕ «УЧЕНИКОВ» ОТ НАСЛЕДСТВА

В заключение вернемся опять к г-ну Михайловскому и рассмотрению его утверждения по интересующему нас вопросу. Г. Михайловский заявляет не только то, что эти люди (ученики) «не желают состоять ни в какой преемственной связи с прошлым и решительно отказываются от наследства» (1. с., 179), но к тому же еще, что «они» (наряду с другими лицами самых различных направлений, до г. Абрамова, г. Волынского, г. Розанова включительно) «накидываются на наследство с чрезвычайною злобностью» (180). — О каком наследстве говорит г. Михайловский? — О наследстве 60—70-х годов, о том наследстве, от которого торжественно отказывались и отказываются «Московские Ведомости» (178).

Мы уже показали, что если говорить о «наследстве», которое досталось современным людям, то надо различать *два наследства*: одно наследство — просветителей вообще, людей, безусловно враждебных всему дореформенному, людей, стоящих за европейские идеалы и за интересы широкой массы населения. Другое наследство — народническое. Мы уже показали, что смешивать две эти различные вещи было бы грубой ошибкой, ибо всякий знает, что были и есть люди, хранящие «традиции 60-х годов» и не имеющие ничего общего с народничеством. Все замечания г-на Михайловского всецело и исключительно основаны на смешении этих совершенно различных

наследств. А так как г. Михайловский не может не знать этого различия, то его выходка приобретает совершенно определенный характер не только вздорной, но и клеветнической выходки. Накидывались ли «Моск. Ведомости» специально на народничество? — Вовсе нет: они не менее, если не более, накидывались на просветителей вообще, и совершенно чуждый народничеству «Вестник Европы» — не меньший враг для них, чем народническое «Русское Богатство». С теми народниками, которые отказывались от наследства с наибольшей решительностью, напр., с Юзовым, «Моск. Ведомости», конечно, в очень многом не сошлись бы, но с злобностью накидываться на него они бы вряд ли стали, и уж во всяком случае похвалили бы его за то, чем он отличается от народников, желающих хранить наследство. — Накидывался ли г. Абрамов или г. Вольтман на народничество? — Вовсе нет. Первый из них сам народник; оба они накидывались на просветителей вообще. — Накидывались ли «русские ученики» на русских просветителей? Отказывались ли они когда-нибудь от наследства, завещавшего нам безусловную вражду к дореформенному быту и его остаткам? — Не только не накидывались, а, напротив, народников изобличали в стремлении поддержать некоторые из этих остатков ради мелкобуржуазных страхов перед капитализмом. — Накидывались ли они когда-нибудь на наследство, завещавшее нам европейские идеалы вообще? — Не только не накидывались, а, напротив, народников изобличали, что они вместо общеевропейских идеалов сочиняют по многим весьма важным вопросам всякие самобытные благоглупости. — Накидывались ли они когда-либо на наследство, завещавшее нам заботу об интересах трудящихся масс населения? — Не только не накидывались, а, напротив, народников изобличали в том, что их забота об этих интересах непоследовательна (ибо они усиленно смешивают крестьянскую буржуазию и сельский пролетариат); что польза от этих забот обесценивается мечтаниями о том, что могло бы быть, вместо обращения своего внимания на то, что есть; что их заботы крайне узки, ибо они никогда не умели оценить по достоинству условия (хозяйственные и другие), облегчающие или затрудняющие для этих лиц возможность самим заботиться о себе.

Г. Михайловский может не соглашаться с правильностью этих изобличений и, будучи народником, он, разумеется, не согласится с ними, — но говорить о «злых» нападках на «наследство 60—70-х годов» людей, которые на самом деле «злбно» нападают *только на народничество*, нападают за то, что оно не сумело решить новых, выдвинутых пореформенной историей, вопросов *в духе этого наследства и без противоречий ему*, — говорить подобную вещь значит прямо извращать дело.

Г. Михайловский презабавно негодует на то, что «ученики» охотно смешивают «нас» (т. е. публицистов «Русск. Богатства») с «народниками» и другими лицами, к «Р. Б — ву» непричастными (стр. 180). Ничего, кроме смеха, эта курьезная попытка выделить себя из числа «народников», сохраняя в то же время все основные воззрения народничества, вызвать не может. Всякий знает, что все «русские ученики» употребляют слова «народник» и «народничество» в широком смысле. Что между народниками есть не мало различных оттенков, этого никто не забывал и не отрицал: ни П. Струве, ни Н. Бельтов, напр., в своих книгах не «смешивали» г-на Н. Михайловского не только с г. В. В., но даже и с г. Южаковым, т. е. не затушевывали различия в их воззрениях, не приписывали одному воззрений другого. П. Б. Струве даже прямо указывал на отличие взглядов г. Южакова от взглядов г. Михайловского. Одно дело — смешивать вместе различные воззрения; другое дело — обобщать и подводить под одну категорию писателей, которые, несмотря на различия по многим вопросам, солидарны по тем основным и главным пунктам, против которых и восстают «ученики». Для «ученика» важно вовсе не то, чтобы показать, напр., негодность воззрений, отличающих какого-нибудь г. Юзова от других народников: для него важно опровергнуть воззрения, *общие и г. Юзову и г. Михайловскому и всем народникам вообще*, т. е. их отношение к капиталистической эволюции России, их обсуждение вопросов экономических и публицистических с точки зрения мелкого производителя, их непонимание социального (или исторического) материализма. *Эти черты* составляют общее достояние целого течения общественной мысли, сыгравшего крупную историческую роль. В этом широком течении есть самые различные оттенки, есть правые и левые

фланги, есть люди, опускавшиеся до национализма и антисемитизма и т. п., и есть люди, неповинные в этом; есть люди, с пренебрежительностью относившиеся ко многим заветам «наследства», и есть люди, старавшиеся, елико возможно, охранять эти заветы (т. е. елико возможно для народника). Ни один из «русских учеников» не отрицал этих различий между оттенками, ни одного из них г. Михайловский не мог бы уличить в том, что он приписывал взгляды народника одного оттенка народнику другого оттенка. Но раз мы выступаем против основных воззрений, *общих* всем этим различным оттенкам, то с какой же стати нам говорить о частных различиях общего течения? Ведь это совершенно бессмысленное требование! Общность воззрений на русский капитализм, на крестьянскую «общину», на всеислие так называемого «общества» у писателей, далеко не во всем солидарных, отмечалась не раз нашей литературой задолго еще до появления «учеников», и не только отмечалась, но и восхвалялась как счастливая особенность России. Термин «народничество» в широком смысле употреблялся опять-таки в нашей литературе задолго до появления «учеников». Г. Михайловский не только сотрудничал много лет в одном журнале с «народником» (в узком смысле) г. В. В., но и разделял с ним указанные выше основные черты воззрений. Возражая в 80-х и в 90-х годах против отдельных выводов г-на В. В., отвергая правильность его экскурсий в область отвлеченной социологии, г. Михайловский однако и в 80-х и в 90-х годах оговаривался, что его критика вовсе не направляется против экономических трудов г-на В. В., что он солидарен с ними в основных воззрениях на русский капитализм. Поэтому, если теперь столпы «Русского Богатства», так много сделавшие для развития, укрепления и распространения народнических (в широком смысле) воззрений, думают избавиться от критики «русских учеников» простым заявлением, что они не «народники» (в узком смысле), что они совсем особая «этико-социальная школа», — то, разумеется, подобные уловки вызывают только справедливые насмешки над людьми, столь храбрыми и в то же время столь дипломатичными.

На стр. 182-й своей статьи г. Михайловский выдвигает против «учеников» еще следующий феноменальный довод. Г. Каменский ядовито нападает на народников¹¹⁰; это,

изволите видеть, «свидетельствует, что он сердится, а это ему не полагается (sic!!*)». Мы, «субъективные старики», равно как и «субъективные юноши», не противореча себе, разрешаем себе эту слабость. Но представители учения, «справедливо гордого своею неумолимою объективностью» (выражение одного из «учеников»), находятся в ином положении».

Что это такое?! Если люди требуют, чтобы взгляды на социальные явления опирались на неумолимо объективный анализ *действительности* и действительного развития, — так из этого следует, что им не полагается сердиться?! Да ведь это просто галиматья, сапоги всмятку! Не слыхали ли Вы, г. Михайловский, о том, что одним из замечательнейших образцов неумолимой объективности в исследовании общественных явлений справедливо считается знаменитый трактат о «Капитале»? Целый ряд ученых и экономистов видят главный и основной недостаток этого трактата именно в неумолимой объективности. И однако в редком научном трактате вы найдете столько «сердца», столько горячих и страстных полемических выходов против представителей отсталых взглядов, против представителей тех общественных классов, которые, по убеждению автора, тормозят общественное развитие. Писатель, с неумолимой объективностью показавший, что воззрения, скажем, Прудона являются естественным, понятным, неизбежным отражением взглядов и настроений французского *petit bourgeois***, — тем не менее с величайшей страстностью, с горячим гневом «накидывался» на этого идеолога мелкой буржуазии. Не полагает ли г. Михайловский, что Маркс тут «противоречит себе»? Если известное учение требует от каждого общественного деятеля неумолимо объективного анализа действительности и складывающихся на почве той действительности отношений между различными классами, — то каким чудом можно отсюда сделать вывод, что общественный деятель не должен симпатизировать тому или другому классу, что ему это «не полагается»? Смешно даже и говорить тут о долге, ибо ни один живой человек *не может не становиться на сторону* того или другого класса (раз

* — так II Ред.

** — мелкого буржуа. Ред.

он понял их взаимоотношения), не может не радоваться успеху данного класса, не может не огорчиться его неудачами, не может не негодовать на тех, кто враждебен этому классу, на тех, кто мешает его развитию распространением отсталых воззрений и т. д. и т. д. Пустяковинная выходка г-на Михайловского показывает только, что он до сих пор не разобрался в весьма элементарном вопросе о различии детерминизма от фатализма.

«Капитал идет!» — это несомненно, — пишет г. Михайловский, — но (sic!) вопрос в том, как его встретить» (стр. 189).

Г. Михайловский открывает Америку, указывает «вопрос», над которым «русские ученики» вовсе, очевидно, и не задумывались! Во все не по этому вопросу, должно быть, разошлись «русские ученики» с народниками! «Встретить» развивающийся в России капитализм можно только двояко: либо признать его прогрессивным явлением, либо регрессивным; либо — шагом вперед по настоящему пути, либо уклонением с истинного пути; либо оценивать его с точки зрения класса мелких производителей, разрушаемого капитализмом, либо — с точки зрения класса бесхозяйных производителей, создаваемого капитализмом. Середины тут нет*. След., если г. Михайловский отвергает правильность того отношения к капитализму, на котором настаивают «ученики», то он принимает, значит, отношение народническое, которое он много раз в прежних своих статьях выражал с полной определенностью. Никаких ни дополнений, ни изменений в своих старых взглядах на этот вопрос г. Михайловский не давал и не дает, оставаясь попрежнему народником. — Ничуть не бывало! Он — не народник, боже упаси! Он — представитель «этико-социологической школы»...

«Пусть не говорят», — продолжает г. Михайловский, — «о тех грядущих (??) благах, которые принссет (?) с собой дальнейшее развитие капиталиама».

Г. Михайловский — не народник. Он только повторяет целиком ошибки народников и неправильные приемы их

* Мы не говорим, разумеется, о той встрече, которая вовсе не считает нужным руководиться интересами труда, или для которой самое обобщение, выражаемое термином «капитализм», непонятно и неуместно. Как ни важны в русской жизни относившиеся сюда течения общественной мысли, но в споре между народниками и их противниками они совершенно не причем, и припугивать их не доводится.

рассуждений. Сколько раз уже твердили народникам, что подобная постановка вопроса «о грядущем» неправильна, что речь идет не о «грядущих», а о действительных, уже имеющих место, прогрессивных изменениях докапиталистических отношений, — изменениях, которые приносит (а не принесет) развитие капитализма в России. Перенося вопрос в область «грядущего», г. Михайловский тем самым признает в сущности за доказанные именно те положения, которые «учениками» и оспариваются. Он признает за доказанное, что, в действительности, в том, что происходит у нас перед глазами, никаких прогрессивных изменений в старых общественно-экономических отношениях развитие капитализма *не приносит*. Именно в этом-то и состоит народническое воззрение, и именно против него полемизируют «русские ученики», доказывая обратное. Нет ни одной книжки, выпущенной «русскими учениками», в которой бы не говорилось и не показывалось, что замена отработков вольнонаемным трудом в земледелии, замена так наз. «кустарной» промышленности фабричную есть действительное явление, происходящее (и притом с громадной быстротой) перед нашими глазами, а вовсе не «грядущее» только; что эта замена — во всех отношениях явление прогрессивное, что она разрушает рутинное, отличавшееся вековой неподвижностью и застоем, раздробленное, мелкое, ручное производство; что она повышает производительность общественного труда и тем самым создает возможность повышения жизненного уровня трудящегося; что она же создает условия, превращающие эту возможность в необходимость, именно: превращающие заброшенного «в захолустья» «оседлого пролетария», оседлого и в физическом, и в моральном смысле, в подвижного, превращающие азиатские формы труда с бесконечно развитой кабалой, со всяческими формами личной зависимости — в европейские; что «европейский образ мыслей и чувствования не менее необходим (заметьте: необходим. *В. И.*) для успешной утилизации машин, чем пар, уголь и техника»* и т. д. Все это говорится и доказывается, повторяем, каждым «учеником», но все это не имеет, должно быть, никакого отношения

* Слова Шульце-Геверница в «Schmollers Jahrbuch» («Ежегоднике Шмоллера». Ред.), 1896, в его статье о московско-владимирской хлопчатобумажной промышленности.

к г-ну Михайловскому «с товарищами»: все это пишется только против «народников», «непричастных» «Русскому Богатству». «Русское Богатство», ведь, это — «этико-социологическая школа», сущность которой состоит в том, чтобы под новым флагом провозить старый хлам.

Как мы уже заметили выше, задача нашей статьи — опровержение весьма распространенных в либерально-народнической прессе выдумок, будто «русские ученики» отрекаются от «наследства», порывают с лучшими традициями лучшей части русского общества и т. п. Небезынтересно будет отметить, что г. Михайловский, повторяя эти избитые фразы, сказал в сущности совершенно то же самое, что гораздо раньше и гораздо решительнее заявил «непричастный» «Р. Богатству» «народник» г. В. В. Знакомы ли вы, читатель, с теми статьями в «Неделе»¹¹¹, которые поместил этот писатель три года тому назад, в конце 1894 года, в ответ на книгу П. Б. Струве? Должен признаться, что, по моему мнению, вы ровно ничего не потеряли, если не познакомились с ними. Основная мысль этих статей состоит в том, что «русские ученики» обрывают будто бы демократическую нить, тянущуюся через все прогрессивные течения русской общественной мысли. Не то же ли самое, только в несколько иных выражениях, повторяет теперь г. Михайловский, обвиняя «учеников» в отречении от «наследства», на которое злобно накидываются «Московские Ведомости»? На самом деле, как мы видели, сочинители этой выдумки валят с больной головы на здоровую, утверждая, будто бесповоротный разрыв «учеников» с *народничеством* знаменует разрыв с лучшими традициями лучшей части русского общества. Не наоборот ли, господа? Не знаменует ли такой разрыв *очищение* этих лучших традиций *от народничества*?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Работник» — неперіодический сборник, издававшийся за границей в 1896—1899 годах «Союзом русских социал-демократов». Инициатором издания «Работника» был Ленин. 25 апреля (7 мая) 1895 года Ленин выехал за границу для установления связи с группой «Освобождение труда» и ознакомления с западно-европейским рабочим движением. В Швейцарии он договорился с Г. В. Плехановым, П. Б. Аксельродом и другими членами группы об издании и редактировании сборника. Возвратившись в сентябре 1895 года в Россию, Ленин развернул большую работу по обеспечению сборника статьями и корреспонденциями из России, а также по организации материальной поддержки этого издания. Первый номер «Работника», в котором помещена статья Ленина «Фридрих Энгельс» и для которого Ленин подготовил и переслал несколько корреспонденций, напечатан не ранее марта 1896 года.

Вышло всего 6 номеров «Работника» в трех книгах и 10 номеров «Листка «Работника»». — 1.

² Слова, данные эпитафией к статье «Фридрих Энгельс», взяты Лениным из стихотворения Н. А. Некрасова «Памяти Добролюбова». См. Н. А. Некрасов. Полное собрание стихотворений, т. II, кн. I, 1937, стр. 94—95. — 5.

³ Ф. Энгельс. «Предисловие к «Крестьянской войне в Германии»». См. К. Маркс. Избранные произведения, т. II, 1940, стр. 441. — 7.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. III, 1930, стр. 293—573. — 8.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. III, 1930, стр. 21—244. — 9.

⁶ Ленин имеет в виду журнал «Deutsch-Französische Jahrbücher» («Немецко-Французский Ежегодник»), основанный К. Марксом совместно с А. Руге в Париже. Вышел всего один (двойной) номер в 1844 году. — 10.

- ⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. II, 1931, стр. 293—320. — 10.
- ⁸ «Союз коммунистов» — первая международная организация революционного пролетариата, основанная летом 1847 года в Лондоне на конгрессе делегатов от революционных пролетарских организаций. Руководителями «Союза коммунистов» были Маркс и Энгельс, написавшие по поручению этой организации «Манифест коммунистической партии». «Союз коммунистов» просуществовал до 1852 года. Историю его см. в статье Ф. Энгельса «К истории Союза коммунистов» (К. Маркс. Избранные произведения, т. II, 1940, стр. 3—21). — 10.
- ⁹ «Новая Рейнская Газета» («Neue Rheinische Zeitung») издавалась в Кельне с 1 июня 1848 года по 19 мая 1849 года. Руководителями газеты были К. Маркс и Ф. Энгельс; главным редактором — Маркс. «Ни одна из немецких газет, — писал Энгельс, — ни раньше, ни после — не обладала подобной силой и влиянием, не умела так электризовать пролетарские массы, как «Новая Рейнская Газета»» (К. Маркс. Избранные произведения, т. II, 1940, стр. 30). Ленин в статье «Карл Маркс» называет эту газету «лучшим, непревзойденным органом революционного пролетариата». — 10.
- ¹⁰ Русский перевод книги Ф. Энгельса «Анти-Дюринг» впервые вышел в 1904 году. Ленин в «Предисловии к русскому переводу писем К. Маркса к Л. Кугельману» характеризует этот перевод «Анти-Дюринга», как крайне неудовлетворительный. В издании ИМЭЛ см. Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг», 1938, или К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XIV, 1931, стр. 1—388. — 11.
- ¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. I, 1937, стр. 3—153. — 11.
- ¹² К. Маркс. Избранные произведения, т. I, 1940, стр. 383—426. — 11.
- ¹³ «Социаль-Демократ» — литературно-политическое обозрение, издававшееся в 1890—1892 годах за границей группой «Освобождение труда»; вышло всего четыре книги. Ленин имеет в виду статью Энгельса «Внешняя политика русского царизма». См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. II, 1936, стр. 3—40. — 11.
- ¹⁴ Ф. Энгельс. «К жилищному вопросу». См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XV, 1935, стр. 1—81. — 11.
- ¹⁵ Ф. Энгельс. «Об общественных отношениях в России». См. К. Маркс. Избранные произведения, т. II, 1940, стр. 536—549. — 11.
- ¹⁶ Четвертым томом «Капитала» Ленин, в соответствии с указанием Энгельса, называет произведение Маркса «Теории при-

бавочной стоимости». В предисловии ко второму тому «Капитала» Энгельс писал: «Я оставляю за собой опубликование критической части этой рукописи («Теории прибавочной стоимости», *Ред.*) в виде IV книги «Капитала», причем из нее будут устранены многочисленные места, исчерпанные в книгах II и III» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVIII, 1939, стр. 2). Указанное произведение было опубликовано в обработке Каутского после смерти Энгельса, в 1905—1910 годах, на немецком языке. См. К. Маркс, «Теории прибавочной стоимости», томы I—III, в четырех книгах, 1936. — 11.

17 Письмо Энгельса — И.-Ф. Беккеру от 15 октября 1884 года. См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXVII, 1935, стр. 415. — 12.

18 Брошюра «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах» написана Лениным осенью 1895 года и напечатана в количестве трех тысяч экземпляров в начале декабря в петербургской нелегальной так называемой Лахтинской типографии «Группы народолюбцев».

На обложке брошюры — для отвода глаз полиции — указаны вымышленные данные: «Издание книжного магазина А. Е. Васильева», «Херсон. Типография К. Н. Субботина, Екатерин. ул. д. Калинина». «Продается во всех книжных магазинах Москвы и С.-Петербурга», «Доволено ценаурою. Херсон, 14 ноября 1895 года». Второе издание брошюры вышло в 1897 году в Женеве. — 15.

19 «Новое Время» — газета, выходившая в Петербурге с 1868 года по октябрь 1917 года; принадлежала разным издателям и неоднократно меняла свое политическое направление. Вначале умеренно-либеральная, с 1876 года она превратилась в орган реакционных дворянских и бюрократических кругов. Подкупленная царским правительством, газета вела борьбу не только против революционного, но и против либерально-буржуазного движения. С 1905 года стала одним из органов черносотенцев. — 23.

20 «Московские Ведомости» — одна из старейших русских газет; издавалась первоначально (с 1756 года) Московским университетом в виде небольшого листка; с 60-х годов XIX века по своему направлению — монархическо-националистический орган, проводивший взгляды наиболее реакционных слоев помещиков и духовенства; с 1905 года — один из главных органов черносотенцев. Выходила до Октябрьской революции 1917 года. — 23.

21 «Русское Богатство» — ежемесячный журнал, выходивший с 1876 года до середины 1918 года. С начала 90-х годов журнал стал органом либеральных народников и редактировался С. Н. Кривенко и Н. К. Михайловским. Журнал проповедывал

примирение с царским правительством и отказ от всякой революционной борьбы с ним, вел ожесточенную борьбу против марксизма и занимался травлей русских марксистов. — 53.

22 «Самарский Вестник» — газета, выходившая в Самаре (ныне Куйбышев) с 1883 по 1904 год. В 90-х годах прошлого столетия в ней помещались отдельные статьи русских марксистов. — 65.

23 Листовка «К рабочим и работницам фабрики Торнтона» написана Лениным в ноябре 1895 года. 5 ноября 1895 года под руководством петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» на фабрике вспыхнула забастовка 500 ткачей, вызванная невыносимо тяжелым положением рабочих. Ленинская листовка, выпущенная в связи с этой забастовкой, призвала всех рабочих и работниц фабрики к поддержке бастующих ткачей. В ней приведены факты из жизни торнтоновских рабочих, тщательно собранные самим Лениным. Листовка произвела огромное впечатление на рабочих фабрики. Забастовка закончилась успешно для рабочих.

Весной 1896 года листовка была перепечатана за границей в № 1—2 сборника «Работник». — 66.

24 *Ноллес* — вычески из шерсти, короткое волокно, менее пригодное для прядения, чем шерсть; получается в результате обработки шерсти на гребнечесальных машинах.

Кноп — короткое волокно, получаемое от стрижки сукна и непригодное для прядения. — 67.

25 *Шмиц* — мера длины, равная пяти аршинам (около 3,5 метра); применялась при установлении расценок для ткачей. — 67.

26 «Бибер» и «урал» — названия сортов сукна: драп бибер, драп урал. — 69.

27 «О чем думают наши министры?» — одна из статей, которые должны были войти в подготовлявшуюся петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса» газету «Рабочее Дело». Первый номер «Рабочего Дела» был составлен и отредактирован Лениным. Им написаны были и все основные статьи: передовая «К русским рабочим», «О чем думают наши министры?», «Фридрих Энгельс», «Ярославская стачка 1895 года». О содержании первого номера газеты Ленин сообщает в «Что делать?» следующее: «Вполне готовый к печати этот номер был схвачен жандармами в набег с 8-го на 9-е декабря 1895 года у одного из членов группы, Анат. Алекс. Ванеева, и «Раб. Делу» первой формации не суждено было увидеть света. Передовая статья этой газеты (которую, может быть, лет через 30 извлечет какая-нибудь «Русская Старина» из архивов департамента полиции) обрисовывала исторические задачи рабочего класса в России и во главе этих задач ставила завоевание политической свободы. Затем была статья «О чем думают наши

министры?», посвященная полицейскому разгрому Комитетов грамотности, и ряд корреспонденций не только из Петербурга, но и из других местностей России (напр., о побоище рабочих в Ярославской губ.). Рукописи этих статей до сих пор не найдены. В январе 1924 года в деле департамента полиции о «Союзе борьбы» найдена лишь копия статьи «О чем думают наши министры?». — 71.

- 28 *«Проект и объяснение программы социал-демократической партии»* написаны Лениным в Петербурге в тюрьме: «Проект программы» — в конце 1895 года, «Объяснение программы» — летом 1896 года.

В Архиве ИМЭЛ хранятся три списка «Проекта программы». Первый список, найденный в личном архиве Ленина периода 1900—1904 годов, написан неизвестной рукой химическими чернилами между строк одной из статей журнала «Научное Обозрение» № 5 за 1900 год. Этот список не имеет заголовка. Страницы списка пронумерованы карандашом ленинским почерком и вложены в конверт, на котором рукой Ленина написано: «Старый (1895) проект программы».

Второй список, также найденный в личном архиве Ленина периода 1900—1904 годов, напечатан на машинке на тонкой папиросной бумаге и имеет заголовок: «Старый (1895) проект программы социаль-демократической партии».

Третий список представляет собой гектографированную тетрадь. Этот список, в отличие от первых двух, содержит не только «Проект программы», но и «Объяснение программы», составляющие вместе одно цельное произведение. — 77.

- 29 *Выкупные платежи*. «Положением 19 февраля» 1861 года об отмене крепостного права в России царское правительство вставило крестьян платить выкуп за землю, «исстари принадлежавшую им и орошенную их собственной кровью» (Сталин). Выкупные платежи были вдвое-втрое выше действительной цены отведенных крестьянам земельных наделов. «Крестьян заставили платить помещикам выкуп за свое «освобождение» — около двух миллиардов рублей» («История ВКП(б). Краткий курс», стр. 5). — 82.

- 30 *Круговая порука* — принудительная коллективная ответственность крестьян каждой сельской общины за своевременное и полное внесение денежных платежей и выполнение всякого рода повинностей в пользу государства и помещиков (подати, выкупные платежи, рекрутские наборы и др.). Эта форма закабаления крестьян, сохранившаяся и после отмены крепостного права в России, была отменена лишь в 1906 году. — 82.

- 31 Далее после слова «откаазывают» переписчиком, очевидно, не разобрано в оригинале несколько слов. Гектографированная тетрадь содержит здесь слово «[пропуск 1*]», и затем следует отрывок фразы: «владычество безответств. чиновников,

чем всякого вмешательства общества в правит. дела, чем охотнее представляет оно возможность [пропуск II*]». — 95.

- 32 Листовка *«Царскому правительству»* написана Лениным в тюрьме осенью 1896 года и в ноябре напечатана петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса».

Листовка явилась ответом на опубликованное в № 158 «Правительственного Вестника» от 19 (31) июля 1896 года правительственное сообщение о летних стачках 1896 года в Петербурге. — 105.

- 33 *«Союз борьбы за освобождение рабочего класса»* был организован Лениным осенью 1895 года. В нем объединились все петербургские марксистские рабочие кружки. Во главе «Союза борьбы» стояла Центральная группа, руководимая Лениным.

Ленинский «Союз борьбы» руководил революционным рабочим движением, он связывал борьбу рабочих за экономические требования с политической борьбой против царизма. «Союз борьбы» впервые в России стал осуществлять *соединение социализма с рабочим движением*, переход от пропаганды марксизма среди небольшого круга передовых рабочих к политической агитации среди широких масс рабочего класса. «Союз борьбы» выпускал листовки и брошюры для рабочих, руководил забастовочным движением. «Союз борьбы» распространил свое влияние далеко за пределы Петербурга. Он «дал могучий толчок к объединению рабочих кружков в такие же союзы и в других городах и областях России» («История ВКП(б). Краткий курс», стр. 19).

В ночь с 8 на 9 (с 20 на 21) декабря 1895 года было арестовано руководящее ядро «Союза борьбы» во главе с Лениным. Находясь в тюрьме, Ленин не прекращал революционной борьбы. Он помогал «Союзу борьбы» своими советами и указаниями, пересылая на волю написанные им листовки и брошюры. В тюрьме Ленин написал и проект программы партии.

«Значение петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» заключалось в том, что он, по выражению Ленина, представлял первый серьезный *зачаток революционной партии, опирающейся на рабочее движение»* («История ВКП(б). Краткий курс», стр. 19—20). — 109.

- 34 Работа Ленина *«К характеристике экономического романтизма»* написана в сибирской ссылке весной 1897 года. Впервые напечатана в четырех номерах (7—10) журнала «Новое Слово» (апрель — июль 1897 года) за подписью «К. Т — н», затем вошла в сборник: Владимир Ильин — «Экономические этюды и статьи», изданный в октябре 1898 года (на обложке и титульном листе сборника указан 1899 год). В 1908 году она была напечатана с некоторыми исправлениями и сокращениями в сборнике «Аграрный вопрос».

При подготовке легальных изданий 1897 и 1898 годов Ленин, по цензурным соображениям, вынужден был писать: вместо

- «теория Маркса» и «теория марксизма» — «новейшая теория»; вместо «Маркс» и «Карл Маркс» — «известный немецкий экономист»; вместо «марксист» — «реалист»; вместо «Капитал» — «трактат» и т. п. В издании 1908 года значительную часть указанных выражений Ленин либо исправил в тексте, либо оговорил в подстрочных примечаниях. Во втором-третьем изданиях Сочинений ленинские исправления были приведены в подстрочных примечаниях. В настоящем издании они внесены в текст. — III.
- 35 *«Новое Слово»* — научно-литературный и политический журнал; издавался в Петербурге с 1894 года либеральными народниками, с весны 1897 года — «легальными марксистами». Наряду с нелегальной прессой Ленин использовал и легальную печать царской России. В период пребывания в сибирской ссылке Ленин поместил в «Новом Слове» две статьи: «К характеристике экономического романтизма» и «По поводу одной газетной ваметки». В журнале печатались также статьи Г. В. Плеханова и рассказы А. М. Горького. В декабре 1897 года журнал был закрыт царским правительством. — III.
- 36 В. В. (псевдоним В. П. Воронцова) и Н. — он, или Николай — он (псевдоним Н. Ф. Даниельсона), — идеологи либерального народничества 80—90-х годов XIX века. — 116.
- 37 *Сверхстоимость* — прибавочная стоимость. В своих работах 90-х годов Ленин употребляет термин «сверхстоимость» наряду с термином «прибавочная стоимость». Позднее он пользуется только термином «прибавочная стоимость». — 122.
- 38 К. Маркс. «Капитал», т. II, 1936, стр. 323, или К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVIII, 1939, стр. 399. — 133.
- 39 К. Маркс. «Капитал», т. II, 1936, стр. 303—455, или К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVIII, 1939, стр. 374—561. — 133.
- 40 В изданиях 1897 и 1898 годов Ленин здесь ссылался на книгу М. И. Туган-Барановского «Промышленные кризисы», часть II. В издании 1908 года Ленин заменил эту ссылку указанием на свою книгу «Развитие капитализма в России», первое издание которой вышло в 1899 году. — 133.
- 41 К. Маркс. «Капитал», т. II, 1936, стр. 339, или К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVIII, 1939, стр. 418. — 136.
- 42 К. Маркс. «Капитал», т. III, 1936, стр. 225, или К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XIX, ч. I, 1939, стр. 269. — 138.
- 43 К. Маркс. «Капитал», т. II, 1936, стр. 272, или К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVIII, 1939, стр. 336. — 150.

- ⁴⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. III, 1930, стр. 378. — 160.
- ⁴⁵ *Протекционизм* — система обложения высокими пошлинами ввозимых из-за границы товаров с целью ограждения капиталистической промышленности, а также помещичьего и кулацкого хозяйства данной страны от иностранной конкуренции. В условиях империализма политика протекционизма ставит своей целью обеспечить капиталистическим монополиям продажу товаров на внутреннем рынке по повышенным ценам, получение монопольной сверхприбыли за счет ограбления народных масс. — 172.
- ⁴⁶ *Фритредеры* — сторонники свободной торговли, выражавшие интересы преимущественно промышленной буржуазии. В 30—40-х годах XIX века оплотом фритредерства в Англии являлись промышленники города Манчестера, поэтому фритредеров называли также «манчестерцами». Теоретическое обоснование фритредерство получило в произведениях А. Смита и Д. Рикардо. — 177.
- ⁴⁷ «*Zur Kritik*» — начало названия книги К. Маркса «*Zur Kritik der politischen Oekonomie*» — «К критике политической экономии», которую Ленин цитирует (см. К. Маркс. «К критике политической экономии», 1938, стр. 36, или К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XII, ч. I, 1935, стр. 48). Ленин приводит отрывок из русского перевода этой книги, подготовленного П. П. Румянцевым и изданного в 1896 году; в переводе книги имеется ряд неточностей. — 179.
- ⁴⁸ В изданиях 1897 и 1898 годов Ленин, по цензурным соображениям, ссылаясь здесь не прямо на Маркса, а на Струве, цитировавшего следующее место из «Критики Готской программы» Маркса:
- «Помимо всего вышеизложенного, было вообще ошибкой видеть существо дела в так называемом *распределении* и ставить на нем главное ударение.
- Всякое распределение предметов потребления есть всегда лишь следствие распределения самих условий производства... Вульгарный социализм (а от него и некоторая часть демократии) перенял от буржуазных экономистов манеру рассматривать и трактовать распределение как нечто независимое от способа производства... Но когда истинное отношение давным-давно уже выяснено, к чему же снова возвращаться вспять?» (К. Маркс. Избранные произведения, т. II, 1940, стр. 454).
- В издании 1908 года Ленин ссылается непосредственно на «Критику Готской программы» Маркса. Это ленинское исправление внесено в текст настоящего издания Сочинений. — 183.
- ⁴⁹ К. Маркс. «Капитал», т. III, 1936, стр. 774, 777 и 779. — 183.

- 50 К. Маркс. «Капитал», т. III, 1936, стр. 741. — 185.
- 51 Г. В. Плеханов (Н. Бельтов). «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», 1938, стр. 32. — 186.
- 52 К. Маркс. «Теории прибавочной стоимости», т. II, ч. 1, 1936, стр. 203 и следующие. — 187.
- 53 «Передовым» публицистом конца XIX века Ленин иронически называет либерального народника С. Н. Южакова. — 190.
- 54 Ленин, по цензурным соображениям, заменил здесь слово «социалисты» (в немецком оригинале «Sozialisten») словом «писатели». См. К. Маркс. «Нищета философии», 1938, стр. 118—119, или К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. V, 1929, стр. 396. — 192.
- 55 К. Маркс. «Нищета философии», 1938, стр. 51—52, или К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. V, 1929, стр. 329—330. — 195.
- 56 К. Маркс. «К критике политической экономии», 1938, стр. 61, или К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XII, ч. I, 1935, стр. 80. — 198.
- 57 В первом и втором изданиях настоящей работы (в журнале «Новое Слово», 1897 год, и в сборнике «Экономические этюды и статьи», 1898 год) Ленин, по цензурным условиям, не называет имени К. Маркса и приводит эту цитату из работы Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» по книге Н. Бельтова (Г. В. Плеханова) «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю».
- В третьем издании (в сборнике «Аграрный вопрос», 1908 год) Ленин прямо ссылается на Маркса и на его книгу, приводя цитату по сборнику: К. Маркс — «Собрание исторических работ», С.-Петербург, 1906 год. Это ленинское исправление внесено в текст настоящего издания Сочинений. Цитируемое Лениным место см. К. Маркс. Избранные произведения, т. II, 1940, стр. 278—279. — 201.
- 58 «Русская Мысль» — ежемесячный журнал либерально-народнического направления, выходивший с 1880 года. После революции 1905 года журнал стал органом кадетской партии и выходил под редакцией П. Б. Струве. Закрыт в середине 1918 года. — 201.
- 59 К. Маркс и Ф. Энгельс. «Манифест коммунистической партии», См. К. Маркс. Избранные произведения, т. I, 1940, стр. 160. — 206.
- 60 К. Маркс. «Капитал», т. III, 1936, стр. 562. — 207.

- 61 К. Маркс. «Капитал», т. I, 1935, стр. 392, или К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVII, 1937, стр. 552. — 208.
- 62 Ф. Энгельс. «Положение рабочего класса в Англии». См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. III, 1930, стр. 293—589. — 208.
- 63 К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. III, 1930, стр. 314. — 215.
- 64 К. Маркс. «Капитал», т. I, 1935, стр. 390, или К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVII, 1937, стр. 550. В изданиях 1897 и 1898 годов в конце цитаты слова К. Маркса «социальной революции» («der sozialen Revolution») Ленин, по цензурным соображениям, заменил словами: «общественного преобразования». В издании 1908 года Ленин перевел эти слова так: «социального переворота». Это ленинское исправление внесено в текст настоящего издания Сочинений. — 223.
- 65 К. Маркс и Ф. Энгельс. «Манифест коммунистической партии». По цензурным соображениям Ленин слова «этот социализм» («dieser Sozialismus») перевел как «это учение», а фразу «вопиющее неравенство в распределении богатства» перевел как «вопиющие несправедливости в производстве». В отличие от второго-третьего изданий Сочинений В. И. Ленина, в настоящем издании слова «в производстве» заменены словами «в распределении богатства». Цитируемое Лениным место см. К. Маркс. Избранные произведения, т. I, 1940, стр. 159—160. — 226.
- 66 *Хлебные законы* были введены в Англии в 1815 году. Этими законами устанавливались высокие пошлины на хлеб, ввозимый из других стран, а иногда и совершенно запрещался ввоз хлеба из-за границы. Хлебные законы давали возможность крупным землевладельцам поднимать цены на хлеб на внутреннем рынке и получать громадную ренту. Вокруг хлебных законов велась напряженная и продолжительная борьба между крупными землевладельцами и буржуазией, закончившаяся отменой этих законов в 1846 году. — 230.
- 67 К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. V, 1929, стр. 445—461. — 235.
- 68 *Anti-Corn-Law-League* (Лига против хлебных законов) была основана в конце 30-х годов XIX века в Манчестере. Во главе Лиги стояли текстильные фабриканты Кобден и Брайт. Лига боролась за уничтожение высоких пошлин на ввозимый из-за границы хлеб, обеспечивавших огромные доходы крупным землевладельцам. Она добивалась снижения хлебных цен с целью снижения заработной платы рабочих и увеличения прибылей капиталистов. Лига отстаивала необходимость свободы торговли вообще и в 1846 году добилась от правительства

- отмены хлебных законов. Оценка этого движения дана Марксом в «Речи о свободе торговли» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. V, 1929, стр. 445—461). — 236.
- 69 К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. V, 1929, стр. 447. — 237.
- 70 К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. III, 1930, стр. 545. — 237.
- 71 *«Die Neue Zeit»* («Новое Время») — журнал германской социал-демократии, выходивший в Штутгарте с 1883 по 1923 год. До 1917 года редактировался К. Каутским, с 1917 года — Г. Куковым. В 1885—1895 годах в *«Die Neue Zeit»* были опубликованы некоторые статьи Ф. Энгельса. Энгельс часто давал указания редакции журнала и резко критиковал ее за отступления от марксизма. Со второй половины 90-х годов журнал стал систематически печатать статьи ревизионистов. В годы первой мировой империалистической войны журнал занимал центристскую, каутскианскую позицию, поддерживал социал-шовинизм. — 237.
- 72 Речь идет о части работы К. Маркса и Ф. Энгельса «Немецкая идеология», опубликованной К. Марксом за своей подписью в виде отдельных статей в 1847 году в ежемесячнике «Вестфальский Пароход» (*«Westphälisches Dampfboot»*) и перепечатанной в 1899 году в органе германской социал-демократии *«Die Neue Zeit»*. См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. IV, 1938, стр. 481—528. — 237.
- 73 К. Маркс. «Капитал», т. I, 1935, стр. 541—542, или К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVII, 1937, стр. 742—743. — 239.
- 74 К. Маркс. «Капитал», т. III, 1936, стр. 640. — 239.
- 75 К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. III, 1930, стр. 545—546. — 242.
- 76 По цензурным соображениям Ленин здесь видоизменил (или исключил) отдельные слова из цитируемой части «Речи о свободе торговли» Маркса. Так, слова «ускорит социальную революцию» он перевел — «ускоряет эту «ломку»»; фраза «только в этом, революционном смысле» переведена — «только в этом смысле». См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. V, 1929, стр. 461. — 242.
- 77 Брошюра *«Новый фабричный закон»* написана Лениным в сибирской ссылке летом 1897 года, а приложение к брошюре — осенью того же года, после опубликования (в начале октября) правил о применении этого закона. Рукопись брошюры попала за границу лишь осенью 1898 года. Напечатана в 1899 году в Женеве группой «Освобождение труда» в типографии «Союза русских социал-демократов». — 243.

- ⁷⁸ «*Русские Ведомости*» — газета, выходившая в Москве с 1863 года; выражала взгляды умеренно-либеральной интеллигенции, выступавшей против революции. С 1905 года являлась органом правого крыла буржуазной кадетской партии. В 1918 году была закрыта вместе с другими контрреволюционными газетами. — 292.
- ⁷⁹ Статья либерального народника С. Н. Южакова «*Просветительная утопия*» с подзаголовком «План всенародного обязательного среднего образования» была напечатана в майской книжке «Русского Богатства» за 1895 год. В статьях «*Гимназические хозяйства и исправительные гимназии*» (см. настоящий том, стр. 58) и «*Перлы народного прожорливого*» (см. настоящий том, стр. 427) Ленин вскрыл утопичность и реакционность этого «плана». — 297.
- ⁸⁰ Брошюра «*Задачи русских социал-демократов*» написана Лениным в сибирской ссылке в конце 1897 года и впервые издана в 1898 году в Женеве группой «Освобождение труда». Подлинник рукописи Ленина «Задачи русских социал-демократов» не найден. Имеется лишь копия этой рукописи, переписанная неизвестной рукой. В 1902 году брошюра вышла вторым и в 1905 году — третьим изданием. К этим двум изданиям Ленин написал предисловия. Брошюра была включена также в сборник: Вл. Ильин — «*За 12 лет*», вышедший в 1907 году. В изданиях 1902, 1905 и 1907 годов отсутствует прокламация «*К петербургским рабочим и социалистам от Союза борьбы*», имеющаяся в копии рукописи и в первом издании брошюры в виде добавления к ней. Эта прокламация, печатавшаяся в первом и втором-третьем изданиях Сочинений, включена также и в настоящее издание. В копии рукописи содержатся некоторые описки, допущенные переписчиком. Неточности допущены и в первом издании брошюры при печатании ее за границей группой «Освобождение труда». Они были исправлены Лениным в последующих изданиях. — 299.
- ⁸¹ Партия «*Народного права*» — нелегальная организация демократической интеллигенции, основанная при участии бывших народолюбцев в 1893 году; весной 1894 года она была разгромлена царским правительством. Эта организация выпустила два программных документа: «*Насущный вопрос*» и «*Манифест*». Ленинскую оценку народолюбцев как политической партии см. Сочинения, том 1, стр. 310—313, и настоящий том, стр. 320—321. Большинство народолюбцев впоследствии вошло в партию асеров. — 303.
- ⁸² «*Группа народолюбцев*» возникла в 1891 году и прекратила свое существование в 1896 году. От народолюбчества эта группа постепенно переходила к социал-демократизму. Отдельные члены группы позднее были активными деятелями РСДРП. Группа печатала в своей типографии некоторые издания петер-

бургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», например, брошюру Ленина «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах». В этой же типографии предполагалось издать пересланную в 1896 году из тюрьмы брошюру Ленина «О стачках». Однако напечатать ее не удалось вследствие разгрома типографии царским правительством (рукопись брошюры до сих пор не разыскана). — 303.

83 «Союз русских социал-демократов за границей» был основан в 1894 году в Женеве по инициативе группы «Освобождение труда». Он имел свою типографию, в которой печатал революционную литературу, издавал журнал «Работник». Вначале группа «Освобождение труда» руководила «Союзом» и редактировала его издания. В дальнейшем в «Союзе» взяли перевес оппортунистические элементы («молодые» — «экономисты»). В ноябре 1898 года на первом съезде «Союза» группа «Освобождение труда» отказалась от редактирования его изданий. Окончательный разрыв и выход группы «Освобождение труда» из «Союза» произошел в апреле 1900 года на втором съезде «Союза», когда группа «Освобождение труда» и ее единомышленники ушли со съезда и создали самостоятельную организацию «Социал-демократ». — 303.

84 В рукописи брошюры «Задачи русских социал-демократов» в этом месте было написано не «общества», а «пр — ва» («производства»). В первом издании брошюры (1898 года) это слово ошибочно расшифровано и напечатано: «правительства». Во втором издании (1902 года), выпущенном Лениным, эта явная ошибка исправлена. Слово «правительства» заменено словом «общества». С этой поправкой Ленина брошюра была напечатана в 1905 году и в сборнике «За 12 лет» в 1907 году. — 304.

85 Группа «Освобождение труда» — первая русская марксистская группа, основанная в Женеве (Швейцария) в 1883 году. Основателем ее был Г. В. Плеханов. Группа просуществовала до II съезда РСДРП (1903 год).

Группа «Освобождение труда» «проделала большую работу по распространению марксизма в России, теоретически основала социал-демократию и сделала первый шаг навстречу рабочему движению» («История ВКП(б). Краткий курс», стр. 26). Она перевела на русский язык, напечатала за границей и стала тайно распространять в России произведения основоположников марксизма: «Манифест коммунистической партии» Маркса и Энгельса, «Наемный труд и капитал» Маркса, «Развитие социализма от утопии к науке» Энгельса и другие. Г. В. Плеханов и его группа «Освобождение труда» нанесли решающий удар народничеству. Но у группы «Освобождение труда» были и серьезные ошибки, которые явились зародышем будущих меньшевистских взглядов Плеханова и других ее членов.

Оценку деятельности этой группы и ее исторической роли см. в первой главе «Истории ВКП(б). Краткий курс». — 314.

⁸⁶ *Бланкизм* — течение во французском социалистическом движении, возглавлявшееся выдающимся революционером Луи-Огюстом Бланки (1805—1881).

Бланки принимал активное участие в революционном движении во Франции, два раза был приговорен к смертной казни, в общей сложности почти половину своей жизни находился в тюремном заключении.

Классики марксизма-ленинизма, рассматривая Бланки как несомненного революционера и горячего сторонника социализма, в то же время решительно критиковали его за сектантство и заговорщические методы деятельности. «Бланкизм, — писал Ленин в 1906 году в статье «К итогам съезда», — есть теория, отрицающая классовую борьбу. Бланкизм ожидает избавления человечества от наемного рабства не путем классовой борьбы пролетариата, а путем заговора небольшого интеллигентного меньшинства». — 316.

⁸⁷ Статья «*Кустарная перепись 1894/95 года в Пермской губернии и общие вопросы «кустарной» промышленности*» написана Лениным в сибирской ссылке в 1897 году. Материалы этой статьи были использованы Лениным в книге «Развитие капитализма в России» (Сочинения, том 3).

Статья впервые напечатана в 1898 году в сборнике «Экономические этюды и статьи», ватем перепечатана в 1908 году в сборнике «Аграрный вопрос». — 329.

⁸⁸ К. Маркс. «Капитал», т. I, 1935, стр. 600—601, или К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVII, 1937, стр. 818. — 355.

⁸⁹ К. Маркс. «Капитал», т. I, 1935, стр. 296, или К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVII, 1937, стр. 429. — 375.

⁹⁰ Ленин имеет в виду «Ежегодник министерства финансов». Выпуск I, С.-Петербург, 1869, стр. 225. — 394.

⁹¹ *Truck-system* — система выплаты заработной платы рабочим товарами из фабричных лавок, принадлежащих фабрикантам. Хозяева принуждают рабочих вместо денежной заработной платы брать в этих лавках предметы потребления плохого качества и по высокой цене. Эта система, являющаяся дополнительным средством эксплуатации рабочих, в России была особенно распространена в районах кустарных промыслов. — 396.

⁹² «Юридический Вестник» — ежемесячный журнал буржуазно-либерального направления; выходил в Москве с 1867 по 1892 год. — 404.

⁹³ «Деловой Корреспондент» — газета, выходившая в 1886—1898 годах в Екатеринбурге (ныне Свердловск). — 409.

- ⁹⁴ «Манчестерцы» — сторонники «манчестерской школы» в буржуазной политической экономии, выступавшей в первой половине XIX века за свободу торговли и отмену законов, стеснявших развитие капитализма (хлебные законы и др.). Центром этого движения был крупный промышленный город Англии — Манчестер. Во главе «манчестерской школы» стояли Кобден и Брайт. — 425.
- ⁹⁵ Статья «Перлы народнического прожектерства» написана Лениным в сибирской ссылке в конце 1897 года для журнала «Новое Слово», о закрытии которого правительством в декабре 1897 года Ленин еще не знал.
В 1898 году статья была включена Лениным в сборник «Экономические этюды и статьи». — 427.
- ⁹⁶ «Ученики» — последователи Маркса и Энгельса. Этот термин применялся в 90-х годах XIX века как легальное обозначение марксистов. — 430.
- ⁹⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. III, 1930, стр. 546. — 437.
- ⁹⁸ *Русский великий утопист* — Н. Г. Чернышевский (1828—1889), выдающийся революционер-демократ, великий русский ученый и критик. В редактировавшемся им журнале «Современник» Чернышевский проводил — «через препоны и рогатки ценауры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей» (Ленин, статья «Крестьянская реформа»). В революционной прокламации «К барским крестьянам», написанной после манифеста об «освобождении» крестьян (1861 год), Чернышевский призывал крестьянски массы к восстанию против царя и помещиков. Маркс называл Чернышевского великим русским ученым и критиком, мастерски вскрывшим банкротство буржуазной политической экономии. «Чернышевский, — писал Ленин, — единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50-х годов вплоть до 88-го года остаться на уровне цельного философского материализма... Но Чернышевский не сумел, вернее: не мог, в силу отсталости русской жизни, подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса» (Ленин. «Материализм и эмпириокритицизм»). В 1862 году царское правительство арестовало Чернышевского и приговорило его к 7 годам каторжных работ и к вечному поселению в Сибири. Но эти преследования царизма не сломили Чернышевского. Он решительно боролся с самодержавием до конца своей жизни. — 449.
- ⁹⁹ *Novus* — псевдоним П. Б. Струве. — 454.
- ¹⁰⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. «Манифест коммунистической партии». См. К. Маркс. Избранные произведения, т. I, 1940, стр. 142.

- Ниже Ленин цитирует это место более подробно (см. третье примечание на стр. 455 настоящего тома). — 454.
- 101 Ленин ссылается здесь на стр. 39 журнала «Новое Слово» (книга 9, июнь 1897 года), где находится упоминаемое место его статьи «К характеристике экономического романтизма» (см. настоящий том, стр. 208). — 455.
- 102 К. Маркс. «Капитал», т. I, 1935, стр. 392, или К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVII, 1937, стр. 552. — 455.
- 103 К. Маркс. Избранные произведения, т. II, 1940, стр. 249—339. — 455.
- 104 Статья «От какого наследства мы отказываемся?» написана Лениным в сибирской ссылке в конце 1897 года. В 1898 году статья была напечатана в сборнике «Экономические этюды и статьи». — 459.
- 105 Характеристику Скалдина, как умеренного консерватора, Энгельс дал в брошюре «Soziales aus Russland» («Об общественных отношениях в России») (1875). См. К. Маркс. Избранные произведения, т. II, 1940, стр. 547. — 473.
- 106 Ленин, говоря об идейном «наследстве» 60-х годов XIX века, вынужден был, по цензурным соображениям, сослаться на Скалдина. В действительности же главным представителем указанного «наследства» Ленин считал Н. Г. Чернышевского. В письме из сибирской ссылки от 26 января 1899 года Ленин пишет: «...ведь принимать наследство от Скалдина именно я нигде не предлагаю. Что принимать наследство надо от других людей, — это бесспорно. Мне сдается, что ващитой (от возможных нападений противников) для меня будет примечание на стр. 237 (стр. 473 настоящего тома. *Ред.*), где я имел в виду именно Чернышевского и мотивировал причины неудобства взять его для параллели». — 473.
- 107 «Земледельческая Газета» издавалась с 1834 года министерством государственных имуществ и аемледелия.
Газета прекратила свое существование в 1917 году. — 478.
- 108 «Вестник Европы» — ежемесячный журнал, выходивший в Петербурге с 1866 года до лета 1918 года. Журнал проводил взгляды русской либеральной буржуазии; с 90-х годов вел систематическую борьбу против марксизма. — 482.
- 109 К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. III, 1930, стр. 105. — 491.

-
- 110 *Н. Каменский* — псевдоним Г. В. Плеханова, подписывавшего так свои статьи в «Новом Слове». Ленин имеет в виду нападки Н. К. Михайловского на статью Плеханова «О материалистическом понимании истории», помещенную в сентябрьской книжке «Нового Слова» за 1897 год. — 497.
- 111 *«Неделя»* — еженедельная либерально-народническая газета, выходившая в Петербурге с 1866 по 1901 год. Газета выступала против борьбы с самодержавием, проповедывала так называемую теорию «малых дел», т. е. призывала интеллигенцию отказаться от революционной борьбы и заняться «культурничеством». — 501.
-

ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В. И. ЛЕНИНА

(1895—1897 годы)

1895

- Февраль, 18 или 19 (март, 2 или 3).* Ленин участвует в петербургском совещании членов социал-демократических групп разных городов России. На совещании обсуждаются вопросы о переходе от пропаганды марксизма в узких кружках к массовой политической агитации и об издании популярной литературы для рабочих.
- Апрель.* Напечатана работа Ленина (под псевдонимом К. Тулин) «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» в сборнике «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития». Сборник был выдержан царской цензурой и почти весь тираж его сожжен.
- Апрель, 25 (май, 7).* Ленин уезжает за границу для установления связи с группой «Освобождение труда» и ознакомления с западно-европейским рабочим движением.
- Май.* Ленин в Швейцарии знакомится с членами группы «Освобождение труда» (Г. В. Плехановым и др.), договаривается об установлении постоянных сношений с ними и об издании за границей сборника «Работник».
- Конец мая — июнь (июль — начало июля).* Ленин живет в Париже. Знакомится с П. Лафаргом.
- Июль.* Ленин лечится в одном из санаториев в Швейцарии.

- Вторая половина июля — начало сентября (первая половина августа — середина сентября).* Ленин во время пребывания в Берлине работает в публичной библиотеке, знакомится с заграничной марксистской литературой, посещает рабочие собрания.
- Июль, 25 (август, 6).* Ленин посещает социал-демократическое собрание, происходившее в рабочем предместье Берлина (округ Niederbarnim).
- Сентябрь, 7 (19).* Ленин возвращается из-за границы. Он привозит с собой в чемодане с двойным дном нелегальную марксистскую литературу.
- Между 7 и 29 сентября (19 сентября и 11 октября).* Ленин посещает Вильно, Москву и Орехово-Зуево, устанавливает связь с членами местных социал-демократических групп, договаривается с ними о поддержке заграничного издания сборника «Работник».
- Сентябрь, 29 (октябрь, 11).* Возвращение Ленина в Петербург.
- Осень.* Ленин создает в Петербурге «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».
- Ноябрь.* Ленин посылает за границу для сборника «Работник» ряд корреспонденций о рабочем движении в России.
- Не ранее 7 (19) ноября.* Петербургский «Союз борьбы» выпускает написанную Лениным листовку «К рабочим и работникам фабрики Торнтон».
- Ноябрь, 25 (декабрь, 7).* Статья Ленина «Гимназические хозяйства и исправительные гимназии» публикуется в газете «Самарский Вестник».
- Ноябрь — начало декабря (ноябрь — середина декабря).* Ленин подготавливает издание первого номера нелегальной газеты «Рабочее Дело», органа петербургского «Союза борьбы»; пишет передовую «К русским рабочим», статью «О чем думают наши министры?» и др.; редактирует все материалы номера.
- Декабрь, 3 (15).* Начинается печатание брошюры Ленина «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах».

- Декабрь, 8 (20).* На заседании руководящей группы «Союза борьбы» во главе с Лениным обсуждается подготовленный к печати первый номер газеты «Рабочее Дело».
- Декабрь, ночь с 8 на 9 (с 20 на 21).* Арест Ленина и его соратников по петербургскому «Союзу борьбы». При обыске и аресте А. А. Ванеева полицией взяты готовые к печати материалы первого номера газеты «Рабочее Дело». После ареста Ленин отправлен в дом предварительного заключения.
- Декабрь, 21 (январь, 2 1896 г.).* Первый допрос Ленина в тюрьме.
- Конец года.* Ленин пишет проект программы социал-демократической партии.

1896

- 1896 год.* Ленин из тюрьмы устанавливает связь с оставшимися на свободе членами петербургского «Союза борьбы», помогает «Союзу» своими советами и указаниями, пересылает написанные им брошюры и листовки.
- Начало января.* Ленин в тюрьме приступает к подготовке своей работы «Развитие капитализма в России».
- Не ранее марта.* Статья Ленина «Фридрих Энгельс», написанная в 1895 г., публикуется в сборнике «Работник» № 1—2.
- Март, 30 (апрель, 11).* Второй допрос Ленина в тюрьме.
- Май, 7 (19).* Третий допрос.
- Май, 27 (июнь, 8).* Четвертый допрос.
- Лето.* Ленин пишет объяснение программы социал-демократической партии.
- Ранее 25 ноября (7 декабря).* Петербургский «Союз борьбы» выпускает написанную Лениным в тюрьме листовку «Царскому правительству».

1897

- Январь, 29 (февраль, 10).* Распоряжение царского правительства о высылке Ленина в Восточную Сибирь под гласный надзор полиции на три года.

- Февраль, 13 (25).* Ленину объявляется приговор о высылке его в Восточную Сибирь.
- Февраль, 14 (26).* Ленин выпущен из дома предварительного заключения и получает разрешение пробыть в Петербурге до вечера 17 февраля (1 марта).
- Февраль, 14—17 (февраль, 26 — март, 1).* Ленин встречается в Петербурге с другими освобожденными перед ссылкой «старыми» членами «Союза борьбы» и с «молодыми». На собрании «старых» и «молодых» членов «Союза» Ленин резко критикует намечающийся «экономизм» «молодых».
- Февраль, 17 (март, 1).* Отъезд Ленина из Петербурга в сибирскую ссылку через Москву.
- Февраль, 18—22 (март, 2—6).* По пути в ссылку Ленин останавливается в Москве у матери, задерживаясь здесь лишних два дня сверх разрешенных полицией.
- Февраль, 22 (март, 6).* Отъезд Ленина из Москвы в сибирскую ссылку.
- Март, 4 (16).* Ленин приезжает в Красноярск.
- Март, 9 — апрель, 30 (март, 21 — май, 12).* Ленин во время пребывания в Красноярске работает над вопросами экономического развития России, пользуясь книгами в личной библиотеке местного купца Г. В. Юдина.
- Апрель — июль.* Работа Ленина «К характеристике экономического романтизма» публикуется в №№ 7—10 журнала «Новое Слово».
- Апрель, 30 (май, 12).* Ленин выезжает из Красноярска через Минусинск в село Шушенское, назначенное ему для отбывания ссылки.
- Май, 6 (18).* Приезд Ленина в Минусинск.
- Май, 8 (20).* Приезд Ленина в село Шушенское Минусинского округа, Енисейской губернии.
- Лето и осень.* Ленин пишет брошюру «Новый фабричный закон» и приложение к ней.
- Сентябрь, 27—28 (октябрь, 9—10).* Поездка Ленина в Минусинск; знакомство с ссыльными народолюбцами и народоправцами.

- Сентябрь,
29—октябрь, 4
(октябрь,
11—16).* Из Минусинска Ленин приезжает в село Тесинское к ссылке социал-демократам, где находится пять дней.
- Ноябрь.* «Самовольная отлучка» Ленина из села Шушенского в Минусинск.
- Вторая половина года.* Ленин пишет брошюру «Задачи русских социал-демократов» и статьи: «Кустарная перепись 1894/95 года в Пермской губернии и общие вопросы «кустарной» промышленности», «Перлы народнического прожектерства», «От какого наследства мы отказываемся?»
- 1897 год.* Находясь в ссылке, Ленин продолжает поддерживать связь с центрами рабочего движения в России и с группой «Освобождение труда» за границей, а также ведет переписку с социал-демократами, находящимися в других местах ссылки; продолжает работу по подготовке книги «Развитие капитализма в России».
- Ленин помогает юридическими советами крестьянам села Шушенского и прилегающей округи, пользуясь среди них большим авторитетом.
-

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие	VII
<i>1895 г.</i>	
ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС.....	1—13
ОБЪЯСНЕНИЕ ЗАКОНА О ШТРАФАХ, ВЗИМАЕМЫХ С РА- БОЧИХ НА ФАБРИКАХ И ЗАВОДАХ.....	15—57
I Что такое штрафы?.....	19
II Как прежде налагались штрафы и чем были вызваны новые законы о штрафах?.....	21
III По каким поводам фабрикант может налагать штрафы?.....	26
IV Как велики могут быть штрафы?.....	33
V Каков порядок наложения штрафов?.....	36
VI Куда должны идти, по закону, штрафные деньги?.....	40
VII На всех ли рабочих распространяются законы о штрафах?.....	52
VIII Заключение	54
ГИМНАЗИЧЕСКИЕ ХОЗЯЙСТВА И ИСПРАВИТЕЛЬНЫЕ ГИМ- НАЗИИ («Русское Богатство»).....	58—65
К РАБОЧИМ И РАБОТНИЦАМ ФАБРИКИ ТОРНТОНА.....	66—70
О ЧЕМ ДУМАЮТ НАШИ МИНИСТРЫ?.....	71—76
ПРОЕКТ И ОБЪЯСНЕНИЕ ПРОГРАММЫ СОЦИАЛ-ДЕМО- КРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.....	77—104
Проект программы.....	79
Объяснение программы.....	82

1896 г.

ЦАРСКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ.....	105—109
-----------------------------	---------

1897 г.

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОМАНТИЗМА

(Сисмонди и наши отечественные сисмондисты)	111—242
---	---------

<i>Глава I</i> Экономические теории романтизма.....	116
---	-----

I Сокращается ли внутренний рынок вследствие разорения мелких производителей?	117
II Возвращения Сисмонди на национальный доход и капитал.....	122
III Выводы Сисмонди из ошибочного учения о двух частях годового производства в капиталистическом обществе.....	127
IV В чем ошибка учений Ад. Смита и Сисмонди о национальном доходе?	132
V Накопление в капиталистическом обществе	136
VI Внешний рынок, как «выход из ватруднения» по реализации сверхстоимости.....	142
VII Кризис	147
VIII Капиталистическая рента и капиталистическое перенаселение.....	155
IX Машины в капиталистическом обществе ...	165
X Протекционизм	172
XI Общее значение Сисмонди в истории политической экономии.....	179
Пост-скриптуm	186

<i>Глава II</i> Характер критики капитализма у романтиков.....	187
--	-----

I Сентиментальная критика капитализма.....	188
II Мелкобуржуазный характер романтизма	199
III Вопрос о росте индустриального населения на счет земледельческого.....	204
IV Практические пожелания романтизма.....	210
V Реакционный характер романтизма.....	217
VI Вопрос о пошлинах на хлеб в Англии в оценке романтизма и научной теории	230

НОВЫЙ ФАБРИЧНЫЙ ЗАКОН.....	243—291
----------------------------	---------

I Чем вызвано издание нового фабричного закона?	247
II Что следует считать рабочим временем?.....	250
III На сколько сокращает рабочее время новый закон?.....	252

IV	Что считает закон «ночным временем» для рабочих?	254
V	Как доказывает министерство финансов, что ограничить сверхурочные работы было бы «несправедливо» по отношению к рабочему?	257
VI	Какие права дает новый закон министрам?	262
VII	Как наше «христианское» правительство уравнивает правды для рабочих?	266
VIII	Чем обеспечено исполнение нового закона?	271
IX	Улучшит ли новый закон положение рабочих?	274
X	Какое значение имеет новый закон?	277
	<i>Приложение</i>	280
	I	280
	II	281
	III	283
	IV	283
	V	286
	VI	287
	VII	290
	ПО ПОВОДУ ОДНОЙ ГАЗЕТНОЙ ЗАМЕТКИ	292—298
	ВАДАЧИ РУССКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ	299—326
	К петербургским рабочим и социалистам от «Союза борьбы»	324
	КУСТАРНАЯ ПЕРЕПИСЬ 1894/95 ГОДА В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ И ОБЩИЕ ВОПРОСЫ «КУСТАРНОЙ» ПРОМЫШЛЕННОСТИ	329—426
	<i>Статья первая</i>	331
	I Общие данные	332
	II «Кустарь» и наемный труд	342
	III «Общинно-трудова я преемственность»	353
	<i>Статья вторая</i>	359
	IV Земледелие «кустарей»	359
	V Крупные и мелкие заведения. — Доходы кустарей	373
	<i>Статья третья</i>	390
	VI Что такое скупщик?	390
	VII «Отрадные явления» в кустарной промышленности	406
	VIII Народническая программа промышленной политики	412

ПЕРЛЫ НАРОДНИЧЕСКОГО ПРОЖЕКТЕРСТВА (С. Н. Ю ж а к о в. <i>В о п р о с ы п р о с в е щ е н и я. П у б л и ц и с т и ч е с к и е о п ы т ы. — Р е ф о р м а с р е д н е й ш к о л ы. — С и с т е м ы и з а д а ч и в ы с ш е г о о б р а з о в а н и я. — Г и м н а з и ч е с к и е у ч е б н и к и. — В о п р о с в с е н а р о д н о г о о б у ч е н и я. — Ж е н щ и н а и п р о с в е щ е н и е. С П Б 1897. С т р. V I I I + 283. Ц е н а 1 р. 50 к.)</i>		427—457
I		429
II		430
III		437
IV		440
V		443
VI		447
VII		453
ОТ КАКОГО НАСЛЕДСТВА МЫ ОТКАЗЫВАЕМСЯ?.....		459—501
I Один из представителей «наследства».....		462
II Прибавка народничества к «наследству».....		474
III Выиграло ли «наследство» от связи с народничеством?.....		481
IV «Просветители», народники и «ученики».....		492
V Г. Михайловский об отказе «учеников» от наследства.....		494
<i>Примечания</i>		503—521
<i>Даты жизни и деятельности В. И. Ленина</i>		523—529

И Л Л Ю С Т Р А Ц И И

Портрет В. И. Ленина. — 1897 г.	VIII—1
Титульный лист сборника «Работники», в котором впервые была напечатана статья-некролог В. И. Ленина «Фридрих Энгельс». — 1896 г.	3
Титульный лист брошюры В. И. Ленина «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах». — 1895 г.	17
Обложка журнала «Новое Слово», в котором впервые были напечатаны статьи В. И. Ленина «К характеристике экономического романтизма» и «По поводу одной газетной в заметки». — 1897 г.	113

Обложка брошюры В. И. Ленина «Новый фабричный закон». — 1899 г.	245
Обложка 2-го издания брошюры В. И. Ленина «Задачи русских социал-демократов». — 1902 г.	301
Обложка сборника статей В. Ильина (В. И. Ленина) «Экономические этюды и статьи»	327
Дом в селе Шушенском, в котором жил во время ссылки В. И. Ленин	426—427

*Подписано к печати 10/V 1941 г.
М 56255. Объем 34 печ. листа.
Цена 6 руб. 50 коп.*

*

*Напечатано 250 000 экз.
с матриц типографии ОГИЗ'а
«Печатный Двор»*

М 103.